

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d. 80

27

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1866

І Ю Н Ъ

КНИЖКА ВТОРАЯ

	СТР.
I. Ѳеодоръ Петровичъ. Картины изъ юрской эпохи. Н. В. Успенскаго.....	605
II. Труженники моря. Романъ Виктора Гюго. <i>Часть вторая. Жильягъ-Кудесникъ. Окончаніе первой, вто- рая и третья книги.</i>	639
III. Графъ Лестоковъ. <i>Статья пятая и послѣдняя. М. Д. Хмырова</i>	683
IV. Императрица Александра Ѳеодоровна. <i>Сочи- неніе А. Т. ГРИММА. (Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland. Leipzig. 1866).</i>	722
V. Замѣчательная попытка примѣненія русскаго алфавита къ польскому языку. А. И—ва.....	749
VI. Птицы. Нѣсколько словъ объ ихъ тѣлѣ и душѣ. (По поводу книги А. Брема: «Жизнь птицъ»). Н. СРАХОВА.....	765
<hr/>	
VII. Политическая хроника. Начало военныхъ дѣй- ствій. — Письмо императора Наполеона о политикѣ Франціи. — Принятіе румынской короны принцемъ Карломъ гогенцоллернскимъ. — Война и европейскій кризисъ.	151
VIII. Мысли Мишеля Шевалье о начавшейся войнѣ.	162
IX. Литературная лѣтопись. Русская литература.....	174
X. Новыя англійскія, французскія и нѣмецкія книги.....	199
XI. По поводу «Варшавскихъ трущобъ» В. К—го. Письмо въ редакцію. Вс. Крестовскаго.....	203

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейна, № 38).

ФЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

КАРТИНЫ ИЗЪ ЮРСКОЙ ЭПОХИ.

I.

На большой дорогѣ, уже забытой извозчиками, стоятъ кабаки, исторія котораго теряется въ отдаленной древности, такъ что старини лѣтъ 90 отроду помнятъ этотъ кабаки и въ своихъ разсказахъ о старинѣ нерѣдко упоминаютъ объ немъ, какъ о притонѣ чуть не денного разбоя. Все на томъ же мѣстѣ стоитъ онъ, какъ и прежде: та же колдобица передъ нимъ, въ которой въ осеннюю пору купались извозчики, а теперькупаются случайные проезжіе; та же ветла, когда-то зеленѣвшая, а теперь издающая своими голыми сучьями, пронизываемыми вѣтромъ, грустное завываніе.

Дорога, по причинѣ проложеннаго верстахъ въ десяти шоссе, совсѣмъ забыта. Только лѣтомъ иногда пройдутъ по ней богомольцы, или хохляцкіе гурты, обозначая свой путь сгорѣвшими кострами и ямами для котловъ; но давно уже нѣтъ длинныхъ обозовъ, съ гигантскими, клейменными кулями, съ бочками и хмѣльными извозчиками, рогожами, грунчаткой, кожами. Забыты глубокіе овраги, въ которыхъ прежде, въ дождливое время, совершалась народныя драмы, задыхались и умирали лошади при отчаянныхъ крикахъ извозчиковъ, судьба которыхъ всецѣло зависѣла отъ борьбы за существованіе въ этихъ оврагахъ, лежали опрокинутые воза, сломанныя телеги, и вдругъ наступала безконечная, осенняя ночь; заустѣли эти овраги, какъ отмѣненные эшафоты, и разгуливаютъ по нимъ теперь волки и лисы; вѣроны и коршуны молчаливо сидятъ надъ ними, ожидая появленія быстроногаго зайца. Уцѣлѣлъ только отъ прежнихъ временъ ветхій мостикъ надъ водомоной, подъ которымъ прежде въ ночную пору посиживали незнакомцы съ дубинами.

Лѣтъ пять тому назадъ, въ упомянутомъ кабакѣ жилъ сидѣлецъ Федоръ Петровичъ, мѣщанинъ высокаго роста, съ черными гла-

замѣ, дѣтъ 35. Этотъ человѣкъ совмѣщалъ въ себѣ качества, требуемыя положеніемъ сидѣльца, качества—необходимыя для того, чтобы вѣрнѣе наживать деньги. Вѣжливость, аккуратность, всегдашняя трезвость и знаніе людей, изнанку которыхъ Ѳедоръ Петровичъ имѣлъ возможность разсматривать въ своемъ кабакѣ, были основными чертами его характера. Это былъ типъ, какой только можетъ выработать наша народная жизнь съ ея коловратностями, отсутствіемъ увѣренности, что завтра покрытый соломою домъ не сгоритъ, не явится становой, какъ молнія съ небесъ, что не выдастъ и не надуесть родной братъ. Ѳедору Петровичу, какъ характеру и какъ явленію, можетъ соответствовать озимый злакъ, претерпѣвшій попраіе скотницы, пасшейся на немъ, и превратившійся въ высокую рожь. Совершенствомъ своего приспособленія къ жизни Ѳедоръ Петровичъ могъ поразить даже любого зоолога.

Ѳедоръ Петровичъ держалъ хорошую водку, ѣздилъ каждое воскресенье въ церковь, гдѣ съ необыкновеннымъ приличіемъ пѣлъ басомъ, бывалъ на каждой годовой ярмаркѣ въ сосѣднихъ городахъ, торговалъ лошадьми и считался по справедливости однимъ изъ первыхъ знатоковъ по этой части, поздравлялъ въ высокаторжественные дни богатыхъ помѣщиковъ, которые безъ закуски его не отпускали, и всегда ѣздилъ на отличной лошади, которую, однако, готовъ былъ продать кому угодно.

Такъ-какъ посѣщали кабакъ лица разныхъ сословій, то Ѳедоръ Петровичъ съ каждымъ изъ своихъ гостей обходился сообразно его званію и даже привычкамъ. Съ мужиками онъ говорилъ обыкновенно покровительственнымъ тономъ, дѣлалъ иногда краткія наставленія, а если они подвыпивши сочиняли драку, то онъ выталаживалъ ихъ безъ церемоніи въ шею. Мужику, особенно привязавшемуся къ кабаку, цаловальничиха давала крендель съ передачею его дѣтямъ. Какомунибудь старшинѣ, какъ начальнику разныхъ сходокъ, Ѳедоръ Петровичъ подавалъ руку, непременно предлагалъ папиросу и угощалъ «красенькимъ». Съ лакеями и духовными онъ обходился привѣтливо и всегда подчивалъ ихъ до отвалу, зная, что эти люди помѣшаны на угощеніи, да и пригодятся современемъ, такъ-какъ они играютъ въ деревняхъ роль журналистики и отъ нихъ зависитъ возвыситься человѣка въ общественномъ мнѣніи или опозорить. Передъ баринномъ Ѳедоръ Петровичъ не гнулся, но былъ вѣжливъ и, развязно откупоривая бутылку хересу, спрашивалъ: здорова ли барыня и какъ царяня, если такая была у помѣщика. Съ прасоломъ цаловальникъ велъ себя сухо, но всегда запросто, ибо чувствовалъ, что если самъ онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ — коса,

то прасолъ навѣрное камень, также и наоборотъ; во всякомъ случаѣ, для прасола стоялъ хорошій стаканъ водки на стойкѣ.

— Что гнѣдой-то?... спрашивалъ цаловальникъ.

— Не подходитъ статья... давалъ билетъ съ столбиками...

— Спѣхову надо всучить... она ему пойдетъ въ корень... А бурный?

— Сивогривому сблаговѣстилъ... пять красенькихъ... на ноги съѣла!

— Надо сбалабошить саранчу-то Ямовскому... тутъ баринъ изъ Питера пріѣхалъ.

— Слышу!... А Сепька-то что же?

— Ну, вонъ! очнись! Ужь онъ своихъ въ Елецъ погналъ...

Если въ кабакъ пріѣзжалъ лакей или духовное лицо, то на стойкѣ являлся графинъ съ травникомъ и крендели. Хозяйка, угощая гостя, говорила:

— Ну-те-во... пожалуйста... закусите... на дорожку... посошокъ!

— Душевный человекъ!... твердилъ потомъ пьяный гость, лежа въ своей телегѣ, стучавшей по большой дорогѣ.

Мужики, лишь только выпивали по стакану, начинали хвалить цаловальника.

— У насъ много было кабачиковъ, Федоръ Петровичъ, а что-бы какъ ты, не было и не будетъ. Вотъ тебѣ образъ!

На эти похвалы Федоръ Петровичъ не обращалъ никакого вниманія, и стоя за стойкой съ золотой цѣпочкой на жилетѣ, постукивалъ востажками на счетахъ и вполголоса говорилъ женѣ:

— Ивану-то Михалычу отпустили?

— Отпустили! отвѣчала жена, разставляя на полкѣ какой нибудь ратафій, при чемъ ярко сверкали ея продолговатыя серьги, мотаясь въ разныя стороны.

Когда мужики начинали между собой ссориться, въ это время Федоръ Петровичъ выходилъ изъ-за стойки и говорилъ:

— Вотъ что, ребята! пить пейте сколько душѣ угодно и кричите, и пѣсни пойте, а ругаться дурными словами тутъ нельзя. Здѣсь мѣсто казенное, государственное, зачѣмъ нибудь орель-то прибавается къ кабаку: вы неграмотныя, такъ подяте сюда, я вамъ прочитаю...

Федоръ Петровичъ подводилъ мужиковъ къ печатному листу, висѣвшему на стѣнѣ, и читалъ:

— Братіе! —почто убо?... и т. д.

— Федоръ Петровичъ! пріятель! —ты насъ разбари! раза мы не чувствуемъ? Мы тебѣ къ примѣру задолжали и завсегда просимъ покорно...

— Про долгъ, отвѣчалъ хозяинъ:—я вамъ ничего не говорю! Я повѣрю вамъ сколько угодно; ну, а ругаться здѣсь нельзя... Слышишь, что святые люди приказываютъ... Зачѣмъ безобразничать?... у меня жена, подумай ты это!...

— Вишь, Митрей, что онъ говоритъ-то?

— Пойдемъ, шатлый! Зачѣмъ обижать хозяина? Выпили, и слава-богу! Ѳедоръ Петровичъ! пѣсню, ты говоришь, можно? Родной!

Для барина, заѣзжавшаго въ кабакъ съ охоты, доставалась бутылка хересу.

— Чайку не прикажете ли?

— Благодарю! до дому недалеко.

— Ну, какъ охотка? удачна-ли?

— Представьте себѣ: волка выгнали... въ Зарытомъ верху... глядь: катитъ! бросилъ борзыхъ... люлю!... онъ въ лѣсъ—и поминай какъ звали! однако приблѣдй!...

— Хереску пожалуйте! такъ и ушелъ?

— Ничего нельзя было сдѣлать... я вѣдь охотился на своей гречихѣ... она, знаете-ли, только всходить... какъ люлюкнули! ужъ борзья приняли-было въ добѣръ! ушолъ, каторжный.

— А то приважите самоварчикъ?

— Нѣтъ, не надо!

— Ну, что, Петръ Петровичъ, нѣтъ ли чегонибудь новенькаго въ газетахъ? спрашивалъ цаловальникъ.

— Ничего не читаю.

Верстахъ въ четырехъ отъ кабака, на проселочной дорогѣ, стояло село Ямовка, состоявшее по крайней-мѣрѣ изъ трехсотъ мужицкихъ дворовъ. Въ этомъ селѣ установлены были цѣлыхъ четыре праздника въ году въ честь разныхъ угодниковъ, поэтому четыре раза въ годъ къ кабаку Ѳедора Петровича устремлялись многочисленныя ватаги мужиковъ съ жбанами, сулейками и ведерными бочонками, кромѣ разныхъ побочныхъ случаевъ, напр. свадебъ, крестинъ, похоронъ, вызывавшихъ подобныя же приливы доходовъ въ кабакъ. Незбѣжнымъ слѣдствиемъ такого рода отношеній, съ давнихъ временъ существовавшихъ между кабакомъ и ямовскими жителями, произошло то, что вся Ямовка запуталась въ долгахъ у Ѳедора Петровича, какъ муха въ сѣтяхъ паука, такъ что стояло только цаловальнику появиться на дворѣ должника, чтобы обратять любую скотину. Но къ чести Ѳедора Петровича надо сказать, что къ такимъ безбожнымъ мѣрамъ онъ никогда не прибѣгалъ, на что, впрочемъ, онъ, какъ опытный наугъ, имѣлъ свои резоны. У Ѳедора Петровича были такія соображенія: хотя кабакъ приносилъ и хорошій доходъ, несмотря

на то онъ былъ рѣшительно не на мѣстѣ. Находишь онъ въ самой Ямовкѣ, покупателей было бы несравненно больше, такъ какъ въ Ямовку каждое воскресенье ѣздило къ обѣднѣ нѣсколько постороннихъ деревень, да и сама Ямовка потребляла бы подвиги не въ примѣръ больше прежняго, къ чему могла располагать самая близость кабака. Кромѣ того, собирать съ мужиковъ долги было бы удобнѣе: тогда отъ цаловальника не ускользнулъ бы ни одинъ должникъ; между тѣмъ какъ теперь, пользуясь разстояніемъ, отдѣлявшимъ село отъ кабака, ямовскій мужикъ стороной отвозилъ хлѣбъ въ городъ, получалъ за него деньги и втихомолку тратилъ ихъ на свои пужды, отсрочивъ платежъ цаловальнику на неопредѣленное время. Будь кабакъ въ Ямовкѣ, этого не могло бы случиться: тогда насыпалъ ли мужикъ возъ ржи, даже просто одѣлся-ли въ полушубокъ, Федоръ Петровичъ какъ разъ съ вопросомъ: «куда собрался, Иванъ?» Словомъ, жертва была бы у самага рта. Такимъ образомъ единственной, завѣтной мечтой Федора Петровича было—перенести кабакъ въ Ямовку. Но пока сдѣлать этого было нельзя: все зависѣло отъ ямовскаго барина, который жилъ постоянно въ Москвѣ; крестьянскій сходъ могъ дать *мѣстечко* для кабака и на своей землѣ, но опять не иначе, какъ съ согласія и даже разрѣшенія барина. Такъ Федоръ Петровичъ и сидѣлъ въ полѣ, раздѣленный отъ своей возлюбленной Ямовки цѣлыми четырьмя верстами, на протяженіи которыхъ можно было ловить добычу одними щупальцами.

Въ одинъ весенній день разнеслась вѣсть, что изъ Москвы пріѣхалъ въ Ямовку въ качествѣ управляющаго какой-то богатый баринъ, другъ и пріятель самага владѣльца. Федоръ Петровичъ пріободрился. Онъ увидалъ, что отъ новаго управляющаго зависитъ вся его судьба, и сталъ думать, какъ ему начать дѣйствовать? Но прежде всего цаловальникъ счелъ за лучшее неторопиться, зная по опыту, что чѣмъ дѣло важнѣе, тѣмъ болѣе оно требуетъ хладнокровія и спокойнаго обсужденія. Федоръ Петровичъ на первомъ планѣ рѣшилъ сблизиться съ прислугой новаго барина, что и началъ приводить въ исполненіе.

Однажды лѣтнимъ вечеромъ цаловальникъ сидѣлъ съ своей женой за самоваромъ. Къ кабаку подѣхали бѣговыя дрожки. Хозяйка бросилась къ окну и заговорила:

— Кучеръ Ямовскаго барина! Феда! Феда!

— Предложи ему чаю, да достань ратафіи, сказалъ цаловальникъ, застегивая жилетъ.

Въ кабакъ вошелъ въ красной рубахѣ и плисовой поддѣвкѣ кучеръ съ бочонкомъ подъ мышкой.

— Федору Петровичу всенижайшее почтеніе!

- Все ли въ добромъ здоровьѣ? Пожалуйте-ко чайку попить.
- Можно.
- Хозяйка очутилась передъ гостемъ съ подносомъ.
- Желудочная? спросилъ кучеръ, выворачивая бѣлки глазъ на хозяина.
- Французская ратафія, попробуйте!
- Штука ничего! въ Питирбурха мы больше косили тминную, хересь, мадеру, что попало!
- Садитесь. Ну, какъ вашъ баринъ?
- Что жъ ему? Все ломаетъ, да коверкаетъ. Деньжищевъ пропасть! анжирею затѣялъ; прачешную строить, садовника изъ Питера выписалъ—деньги вольныя!
- Ну-те-во другую, поднося кучеру ратафію, связала хозяйка.
- Какъ его бишь зовутъ, барина-то?
- Захаръ Ильичъ... прозывается Абалоновъ.
- Что жъ, за водкой прѣѣхалъ?
- За водкой. Просилъ очищенной, что ни есть.
- Видно, самому?
- Да у него для всѣхъ одна!
- Я слышалъ, баринъ добрый, говорилъ цаловальникъ: — и образованный человекъ.
- Человекъ, надо сказать, такъ: по бнижней части; это первая его страсть! Теперь нарочно изъ Питирбурха выписываетъ разные журналы, газеты... безъ книгъ ни одного дня не можетъ прожить! Какъ сейчасъ всталъ, прямо: Васья! газету... И должно, эти книги, Федоръ Петровичъ, человекъ, какъ связать, одураютъ: что вотъ теперь, я полагаю, водка для нашего брата, то для господъ—книга. Потому она что-нибудь это въ разумѣ у нихъ... тамъ... поглажу я на своего барина: ровно рехнулся... увидалъ у Селезенкина помѣщика винный заводъ — «а! говорить, то-то мнѣ и нужно! Надо, говорить, себѣ сооронить!» тоже рыссытыхъ лошадей хотеть заводить. Ну, извѣстно: баринъ, надо говорить поправдѣ, душевный и простой.
- Пожалуйте водочки, подчивала хозяйка.
- Человекъ вѣжливый! разламывая врендель, продолжалъ кучеръ: — благородный, значить, потому образованный человекъ, не такъ, какъ теперь здѣшніе помѣщики—все норовятъ дѣло не дѣло облаять нашего брата; ну, а этотъ малаго-ребѣнка не обидитъ, и опять же ихняя супруга только и знаетъ, что пофранцузски жарить, вѣрно, говорю вамъ.
- Ну, что же, господа-то часто ѣздятъ къ нему?
- Нѣтъ, спервоначалу повалили-было, а тутъ что-то и осѣлись... Однако, бываютъ; да нашъ баринъ, я вамъ докладываю,

чудной: онъ теперь любить съ плотникомъ балами заняться, съ столяромъ, или съ простымъ мужикомъ. А господь онъ мало привѣчаетъ— и самъ у нихъ рѣдко бываетъ. Ѣздитъ иногда вотъ къ Селезенкину, къ Орлову, еще въ городъ когда... А барыня, та любить въ городское собраніе ѣздить, офицеры къ ней привѣчаютъ.

— Прошу покорно, подчивала хозяйка.

— Ну, что жъ, все больше чтеніемъ, вы говорите, занимается баринъ-то?

— Чтеніемъ! (кучеръ, вышивъ воды, отпнулся). Чтеніемъ... какъ есть бѣда!

— Папиросокъ не угодно ли?

— Ахъ; вотъ это чудесно!

Наконецъ кучеръ собрался ѣхать.

— Къ намъ, Федоръ Петровичъ, просимъ покорно за всякое время, съ хозяйшмой.

— А что, вашему барину не нужно будетъ рабочихъ лошадей?

— Ая есть?

— Есть..

— Волоките! Страсть нуждается... да ему что ни покажете, сейчасъ купить: какъ есть махонькій ребѣнокъ.

Кучеръ сѣлъ на дрожки, крикнулъ: «эй, поджарая!»... и скрылся въ облагѣ пыли.

Новый ямовскій управляющій, Захаръ Ильичъ, былъ отставной офицеръ, но офицеръ цивилизованный, съ московскимъ лоскомъ, московскими взглядами и обычаями, съ яркимъ стремленіемъ произвести коренную реформу въ имѣніи. Онъ былъ пріятель самому хозяину имѣнія, никогда небывавшему въ Ямовѣ, и свои пріятельскія отношенія къ нему ознаменовалъ тѣмъ, что женился на его любовницѣ, очень пышной и дорожной московской институткѣ, которую привезъ съ собою въ Ямовку. Захаръ Ильичъ, имѣя полную довѣренность отъ владѣльца, началъ распоряжаться имѣніемъ, какъ своимъ собственнымъ; деньгами снабдилъ его тотъ же владѣлецъ, навязавшій ему свою возлюбленную, отъ которой не зналъ какъ отдѣлаться. Пользуясь своими свѣжими силами, Захаръ Ильичъ началъ съ того, что сломалъ всѣ риги, конюшни, хлѣбные амбары, даже самый домъ, и принялся все строить снова. Поднялись размежевкіи съ мужиками, явились каменные стѣны и красивыя изгороди. Весь этотъ содомъ ошеломилъ окрестныхъ помѣщиковъ, которые одинъ за другимъ спѣшили познакомиться съ Захаромъ Ильичемъ, какъ съ человекомъ видимо богатымъ. Какъ образованный москвичъ, Захаръ Ильичъ считалъ своей насущной потребностью слѣдить и за те-

бушими событиями въ отечествѣ, поэтому выписывалъ въ Ямовку всѣ газеты и журналы.

Цаловальникъ Федоръ Петровичъ смекнулъ, что вблизи отъ него появилась лакомая добыча, стоявшая цѣлыхъ двухъ Ямовокъ—и крѣпко задумался.

II.

Быль погожій лѣтній вечеръ. На балконѣ вновь выстроеннаго дома, сидѣлъ за стаканомъ чаю Захаръ Ильичъ. У ступенекъ лѣстницы стоялъ мужикъ безъ шапки. Баринъ курилъ гаванскую сигару и громко толковалъ мужику:

— Не могу, другъ мой! Ты очень хорошо знаешь, что теперь эманципація, воля! другими словами—общая равноправность! ты со мной можешь поступить точно такъ же, какъ и я... Зайдетъ моя скотина къ тебѣ на огородъ, бери ее, назначай и съ меня штрафъ; въ этомъ-то и заключается гарантія неприкосновенности имущества каждаго изъ насъ, въ этомъ-то и весь прогресс!

Захаръ Ильичъ отхлебнулъ глотокъ чаю и откинулся на спинку кресель.

— Захаръ Ильичъ...

— Не могу!

— Простите!

— Въ чемъ тутъ простить? заплати штрафъ и ступай съ богомъ! Правда, я человекъ добрый, это всѣ узнали, но я не хочу дѣлать поблажки никому, потому что всякаго рода уступка ведетъ къ беспорядку: мы какъ граждане и просто какъ сосѣди непремѣнно должны стараться заставлять другъ друга исполнять свои обязанности, иначе произойдетъ столкновение, путаница... Ты видѣлъ, какія ограды я выстроилъ? Сдѣлай и ты то же самое! Я знаю, первый вашъ врагъ—это лѣнь. Прежде, во времена крѣпостнаго состоянія, вы еще могли лѣниться и дѣлать все изъ-подъ палки, зная, что въ случаѣ нужды помѣщика васъ выручатъ; но теперь настало такое время, когда выручатъ васъ болѣе некому; когда вы предоставлены самимъ только себѣ, когда нельзя болѣе жить спустя рукава! Вотъ то-то и хорошо! каждый изъ насъ неминуемо долженъ сдѣлаться гражданиномъ въ самомъ обширномъ смыслѣ слова.

— Простите, Захаръ Ильичъ!

— Не могу, другъ мой! Захаръ Ильичъ держалъ въ зубахъ сигару и смотрѣлъ въ сторону,

Вошла барыня Анна Григорьевна съ цѣлой толпой маленькихъ собачонокъ.

— Какой чудный вечеръ!... и какая скука!

— Не знаю; мнѣ нескучно, ma chère!

— Тебя вѣчно занимають разные пустяки—счастливый характеръ! а я не могу, какъ ты, цѣлый часъ толковать съ мужикомъ объ эмансипаціи...

— Но надо же рано или поздно развивать этотъ народъ, надо же внушать ему, что чужая собственность священна и потому ограждена законами и что...

— Мими! Каро! Каро! закричала Анна Григорьевна на собакъ.

— Не могу, дружокъ! обратился Захаръ Ильичъ опять къ мужику.

Мужикъ упалъ въ ноги.

— Послушай, я не терплю этого, встань! Я вижу, что въ васъ нѣтъ капле сознанія своего достоинства. Человѣкъ! позови старосту! до какого униженія вы себя доводите.

— Что дѣлать, Захаръ Ильичъ! дома нѣтъ ничего.

Пришелъ староста.

— Послушай, Ефимъ, много тамъ отравы сдѣлала вотъ его лошадь?

— Нѣтъ, нисколько... Опричъ что взошла.

— Ну, выпусти ее и отдай этому мужику. Ступай, любезный.

Староста и мужикъ удалились. Супруги молча глядѣли на раскинувшееся противъ нихъ село съ прудомъ, церковью, крестьянскими дворами и вѣтряной мельницей вдали, освѣщенной заходящимъ солнцемъ; на церковную крышу и сѣвшіе кресты слетались стада галокъ, на сѣзѣ раздавались неясные крики людей и животныхъ.

Передъ балкономъ явился цаловальникъ въ длинномъ, субонномъ сюртукѣ, съ цвѣтнымъ галстукомъ, съ фуражкой въ рукѣ.

— Здравствуйте, Захаръ Ильичъ!

— Вы чьи такіе?

— Признаться, ваши сосѣди: вотъ тутъ, на большой дорогѣ, кабакъ содержимъ.

— Такъ это вашъ кабакъ-то?

— Такъ точно-съ. Мы его, стало быть, снимаемъ ужъ лѣтъ десятокъ съ прибавкомъ.

— У васъ хорошая водка; важется, мы у васъ брали?

— У насъ. Вашъ кучеръ третьяго-дня приѣзжалъ. Водку мы держимъ всегда очищеную.

— Взойдите сюда. Что-жъ вы намъ хорошенькаго скажете?

— Мое вамъ почтеніе, отнесся цаловальникъ къ хозяйкѣ, на что послѣдняя отвѣчала легкимъ движеніемъ головы, поглаживая собачку, лежавшую у ней на колѣняхъ. Однако, черные глаза

цаловальника обратили на себя вниманіе барыни и она поправилась въ креслахъ, повидимому, намѣреваясь посидѣть подольше на балконѣ.

— Ну-съ? рассказывайте.

— Дѣльце такого рода: слышалъ я, Захаръ Ильичъ, что вы очень любите читать книги, одолжите мнѣ какую-нибудь книжечку: сидишь-сидишь въ кабагѣ, знаете—скучно! Получалъ я тутъ отъ одного дворника журналъ «Странникъ», книжка занятная; да теперь, прочитавши эту книжку, и сижу безъ дѣла. А еще съизмаленька пристрастіе-то есть къ чтенію...

— Хорошо! только напрасно вы читаете «Странникъ». А я вамъ дамъ «Русскій Вѣстникъ», «Отечественныя Записки», мало ли хорошихъ книгъ? А газетъ вы не читаете?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Вы у помѣщиковъ попросили бы.

— Здѣсь, Захаръ Ильичъ, помѣщики почти ничего не читаютъ.

Супруги съ улыбкой переглянулись, и Захаръ Ильичъ, опершись своимъ подбородкомъ на палку, проговорилъ:

— Вѣрю, вѣрю!... еще далеко отъ насъ время, когда чтеніе сдѣлается настоятельной потребностью вѣждаго.

— Захаръ! сказала барыня:— ты дай мнѣ романъ Тургенева «Наканунъ».

— Да, да... Еще я вамъ дамъ «Современникъ», а впрочемъ, вотъ что, Анна Григорьевна, не дать ли мнѣ сначала Гоголя? Мнѣ кажется, это будетъ нѣкоторымъ образомъ фундаментъ для нихъ... Опять же русскій, народный писатель, этотъ наконецъ уморъ...

Супруги даже обрадовались, что имъ предстоялъ такой удобный случай просвѣтить цаловальника. Въ нихъ зашевелилось нѣчто похожее на родительское чувство къ нему.

— Вы не читали Гоголя? спросила Федора Петровича барыня.

— Не читалъ, сударыня.

— Такъ надо дать, Захаръ. Вотъ еще, пожалуй «Подводный камень».

— Нѣтъ! къ чему же, мой другъ, «Подводный камень»? Это немного неловко... для ихъ семейнаго-то быта...

— А какъ же, по вашему, ихъ семейный бытъ долженъ оставаться въ патриархальномъ состояніи?

— Тамъ другія условія, шоп аміе!...

— Лучше скажите, тамъ больше деспотизма, нежели у насъ, сказала пофранцузски барыня.

— Я не спорю... Пожалуй, я дамъ и «Подводный камень»... Какъ васъ зовуть?

— Федоромъ.

— По отчеству?

— Былъ Петровъ.

— Такъ, Федоръ Петровичъ, это мы вамъ устроимъ... Я вамъ дамъ книгъ.

— Благодарствуйте, Захаръ Ильичъ. Вы поистинѣ отвѣдете мнѣ душу.

— Непремѣнно, непремѣнно. Садитесь. А я вотъ здѣсь занимаюсь хозяйствомъ.

— Хорошее, сударь, дѣло. Хозяйство — занятіе пріятное.

— Конечно, сначала мнѣ будетъ трудно! Придется бороться со многими закоренѣлыми обычаями здѣшняго края, но Богъ милостивъ. Я дѣйствую постепенно, не вдругъ, даже и у себя въ хозяйствѣ: сначала уничтожилъ здѣсь старыя и совершенно неудобныя помѣщенія, сломалъ ригу, конюшню, амбары — и все это строю вновь. Скоро выпишу изъ Москвы молотилку, сѣялку, вѣялку, сѣноворошилку... У меня даже есть мысль выстроить, конечно, современемъ, при этомъ прудъ, винокуренный заводъ. Да-съ, трудовъ предстоитъ много, но что дѣлать! трудъ, трудъ — и все придетъ само собою.

— Конечно, безъ труда ничего не бываетъ, скромно замѣтилъ цаловальникъ: — говорить русская пословица: что посеешь, то и пожнешь.

— Я съ вами согласенъ. Трудъ, такъ-сказать, рычагъ, залогъ всякаго успѣха! И въ нашемъ отечествѣ настало именно время всеобщаго труда, такое время, когда каждый изъ насъ по мѣрѣ силъ своихъ долженъ трудиться. Спрашивается: почему западныя державы опередили насъ во всемъ? Почему? Да потому, что тамъ каждый работаетъ, какъ пчела, тамъ нѣтъ бесполезныхъ тунеядцевъ, паразитовъ... тамъ благосостояніе каждаго опредѣляется его собственнымъ трудомъ! Человѣкъ! подай сигары!

— Къ такому имѣннику слѣдуетъ приложить руки, имѣнникъ хорошее, сказалъ Федоръ Петровичъ.

— Имѣніе... какъ васъ? кажется, Федоръ Петровичъ? Имѣніе дѣйствительно хорошее. Вѣдь двѣ съ половиной тысячи десятинъ одной пахатной земли — за надѣломъ крестьянъ! Кажется, золотое дно? Но вотъ подите же! (Хозяинъ закурилъ сигару). Надо вамъ сказать, что владѣлецъ Ямовки — мнѣ другъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ росли, вмѣстѣ воспитывались. Онъ мнѣ, однимъ словомъ, далъ полную довѣренность, даже, можно сказать, неограниченную... И только объ одномъ просилъ: пожалуйста, гово-

рить, приведи въ порядокъ это заброшенное имѣніе.— Приѣхалъ я сюда — и нашелъ все въ такомъ безпорядкѣ, въ такомъ, какъ вамъ сказать, опустошеніи и запустѣніи!... Тѣ повалилось, другое завалилось; помѣщеніе для скота варварское, рига, конюшня, даже самый домъ... ну, однимъ словомъ, я все это велѣлъ сломать, и теперь взялся за правду!... Теперь я надѣюсь все это взять въ руки! Да, вотъ мнѣ нужно обзавестись рабочими лошадками...

— Лошадей, Захаръ Ильичъ, тутъ достанете. Конечно, и на Лебедянской армарѣ можно купить, но это далеко отсюда и ярмарка придетъ нескоро. Тутъ одинъ мой знакомый торгуетъ лошадьми и дешево продаетъ.

— Мнѣ нужна рабочая лошадь, недорогая, но крѣпкая.

— Лошади прочныя у него. Я ему скажу, онъ даже отберетъ для васъ особенныхъ.

— Да, скажите ему; я вамъ буду благодаренъ. Вамъ неудобно ли, Федоръ Петровичъ, водки со мной выпить? Я въ это время пью водку.

— Покорно благодарю.

— Васья! дай намъ водки. Давеча утромъ былъ у меня священникъ.— Я тоже утромъ пью водку... ну, а теперь выпью съ вами. Одному какъ-то скучно пить.

— Безъ компаніи подлинно скучно.

Хозяевамъ, какъ видно, начиналъ нравиться Федоръ Петровичъ своею скромностію, необыкновенной вѣжливостію, и сверхъ того еще жаждою къ просвѣщенію. Подалъ закуски.

— Прошу покорно! Чтѣ касается до книгъ, то я васъ награжу ими. Скучать не будете, говорилъ хозяинъ, закусывая: — а на счетъ лошадей, въ самомъ дѣлѣ, скажите вашему знакомому, чтобы онъ пригналъ ихъ сюда показать мнѣ.

— Это останетесь, сударь, довольны! лошади плотныя, рабочія лошади, и возьметъ онъ съ васъ недорого!

— Я думаю, вамъ очень скучно въ кабакѣ? спросила барыня: — даже страшно, мнѣ бажется... живете одни... въ полѣ...

— Дѣло наше привычное, вѣдь съ малолѣтства этимъ ремесломъ занимаемся. Конечно, и бываютъ тоже разные случаи, не безъ того; говоритъ пословица: дурному человѣку въ полѣ — двѣ воли.

— Какіе же случаи?

— Да вотъ хоть, напримѣръ: осенью было дѣло... Свжу я въ кабакѣ, ужъ вѣкругъ полночи... вдругъ кто-то стучитъ въ ставню. Спрашиваю: кто? Не отливается... Жена спала это время, работникъ тоже спалъ; а я составлялъ счеты, писалъ. Слышу, опять

кто-то стучить. Вышелъ я въ сѣни, смотрю—ломаютъ дверь. Я разбудилъ работника и пошелъ съ нимъ. А онъ, известное дѣло, мужикъ-работникъ-то, струсилъ, да ушелъ опять въ кабагъ... А это были двое бѣглыхъ солдатъ. Я связалъ имъ руки и на утро представилъ ихъ въ городъ.

— Вы сладили съ ними?

— Сладилъ-съ...

Барыня во всѣ глаза посмотрѣла на Федора Петровича.

— Вы очень сильны? спросила она.

— Хвастать не хочу, а, благодаря Бога, ѣзжу по ночамъ всегда одинъ... про запасъ ничего не беру... Чего бояться? Его святая воля!

«Экой молодецъ!» подумала барыня.

— Дѣйствительно, замѣтилъ баринъ: — кто тамъ что ни говори, а Богъ первая защита!...

— А что я такъ-то думаю, Захаръ Ильичъ, началъ Федоръ Петровичъ: — вы меня извините... Что бы вамъ выстроить здѣсь, въ селѣ, торговую лавочку? Крестьянъ тутъ болѣе девятисотъ душъ, а имъ надо бываетъ купить то, другое... Городъ отсюда далече. Есть на постоянныхъ дворахъ тутъ лавки, тоже неблизко: верстъ шесть наберется. Опять, другое дѣло, касательно ежели что продать захочетъ мужичокъ, положимъ хлѣбъ ли, пеньку ли, сѣмя, что по хозяйству, примѣрно... то онъ долженъ это везть вонъ куда, а то бы онъ продалъ здѣсь, у васъ...

— Гдѣ же это выстроить?

— А вотъ у васъ, напротивъ церкви, мѣстечко-то: земелька ваша собственная, а мѣстечко куда какъ хорошо! Теперь праздничное время, народъ прямо отъ обѣдни въ лавку: взялъ, купилъ себѣ что надо, и поѣхалъ себѣ съ Богомъ! Я не къ тому, примѣрно, чтобы на счетъ обмана, какъ прочіе торговцы... а Бога боюсь! Можно все пустить дешево супротивъ другихъ, а барышокъ какой ни на есть будетъ: все вамъ очистится плохо-плохо триста рублей въ годъ, а нѣтъ—и больше; вы и мужичкамъ пользу сдѣлаете, и себя не обидите. Да тутъ прямо можно выстроить постоянный дворъ, значить, на этомъ самомъ мѣстѣ: тутъ проѣздъ всегда хорошій, даромъ, что дорога проселочная. Я, какъ здѣшній житель, полагаю, что это будетъ хорошо, впрочемъ, совѣтывать не смѣю... вы извините...

— Помилуйте, напротивъ, а вамъ очень благодаренъ. Но позвольте, точно здѣсь проѣздъ хорошій?

— Лѣтомъ нельзя сказать, чтобы очень шибко ѣздили, а и лѣтомъ тутъ ѣздить... Можетъ, чай, изволите когда слышать колокольчичи?

— Правда.

— А уж зимой здѣсь простору нѣтъ! обозъ за обозомъ, возокъ за возкомъ... отгѣнное-съ мѣстечко!... И весело будетъ жить. Даже если вы сумнѣваете, мы у васъ тогда снимемъ эту самую лавочку—отдадимъ вамъ чистыя денежки.

— Послушай, топ амиелъ обратился Захаръ Ильичъ къ женѣ:— какая у меня мысль! Представь, я думаю здѣсь выстроить гостиницу для проѣзжающихъ; устрою этакой небольшой, но чистенькій трактиръ, нумера... Наконецъ, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, у васъ въ захолустѣ нигдѣ не встрѣтишь, не говорю, порядочной гостиницы, просто — порядочной избы, а между тѣмъ по этому захолустью нерѣдко приходится проѣзжать и порядочнымъ людямъ; да и, напримѣръ, зимой порой, вдругъ кого-нибудь застигнетъ ночь, кто-нибудь, напримѣръ, заблудится... вдругъ — гостиница! Я вамъ, Федоръ Петровичъ, очень благодаренъ за мысль! Annette, какъ ты думаешь?

— Я тоже думаю, что это будетъ хорошо. Вотъ еслибы ты такими умными вещами занимался, это бы тебѣ дѣлало честь, вмѣсто того, чтобы ломать и строить какіе-то анбары, риги...

— Превосходно, превосходно! не мѣшаетъ купить небольшой органъ... пусть мужики слушаютъ... Это слегка развпваетъ...

— Да можно наши фортепьяно туда поставить... вѣдь у меня будутъ другія...

— Пожалуй, пожалуй... Только кто же будетъ на нихъ играть? Федоръ Петровичъ взялся за фуражку.

— Чтò же вы? Посидите!

— Признаться, тороплюсь: въ кабабѣ жена одна. А это вы, сударь, именно въ самый разъ тутъ выстроитесь.

— Я непременно выстрою гостиницу, конечно, и лавочку также. Ну, а чтò мнѣ будетъ стоять вся эта затѣя, какъ вы думаете, Федоръ Петровичъ?

— Да чтò она будетъ стоять? Вы полагаете одноэтажный домикъ выстроить?

— Мнѣ хотѣлось бы двухэтажный; понимаете ли, наверху будетъ чистая гостиница для порядочныхъ людей, а внизу лавочка.

— Да недорого вамъ будетъ это стоять: лѣсокъ у васъ, благодаря Бога, свой; солома, хворостикъ — тоже... работа одна, да товаръ... товаръ дешевенькій... Я полагаю, на триста съ небольшимъ управитесь...

— Только?

— Да я еще, сударь, дорого кладу... по расчету меньше обойдется; а она, эта самая матерія, въ годъ окупится.

— Я вамъ, Федоръ Петровичъ, право, очень благодаренъ.

— За что же? Не стоить... Желаю вамъ всякаго благополучія.
 — Вы насъ провѣдывайте.
 — А что же книги-то? сказала барыня.
 — Ужь книжечку позвольте... для меня это будетъ подинно
 удовольствіе, проговорилъ Федоръ Петровичъ.

Хозяинъ и хозяйка хлопотали вокругъ дѣлаго вороха книгъ.

— Гоголя положила?

— Но вотъ что: не дать ли имъ Обломова?

— Пожалуй! въ самомъ дѣлѣ Обломова! вещь капитальная; пусть они тамъ выберутъ себѣ по вкусу... Человѣкъ! завяжи книги... Что ты, другъ мой, ищешь? Авдѣева? Авдѣева я положилъ... Вотъ вамъ, Федоръ Петровичъ! Читайте себѣ, сколько душѣ угодно. Мнѣ всегда нравятся люди, въ которыхъ есть какая-нибудь любознательность: въ жизни, природѣ, наукахъ, искусствахъ — все интересно! Поэтому именно — чтеніе, чтеніе... И вы читайте себѣ! Я вамъ буду доставать книги.

— Вы прочтите Подводный камень или Обломова, сказала барыня: — послѣ скажите мнѣ ваше мнѣніе...

— Очень хорошо-съ.

— Гдѣ же ваша лошадь? спросилъ хозяинъ.

— Она тамъ у конюшни привязана.

— Вамъ сейчасъ подадутъ.

Къ балкону подѣхала высокая, сѣрая лошадь, запряженная въ купеческую тележку.

— Прощайте, Захаръ Ильичъ!

— Заѣзжайте же къ намъ.

Сѣрый жеребецъ, загнувъ шею дугой, понесся мимо каменной ограды.

— Вотъ этакая бесѣда, говорилъ Захаръ Ильичъ своей женѣ во время ужина: — съ простымъ, умнымъ человѣкомъ гораздо пріятнѣе, нежели, на примѣръ, съ какимъ-нибудь помѣщикомъ, который потерялъ всякую энергію въ жизни, облѣнился и ни о чемъ не въ состояніи думать... Въ нашемъ, такъ-называемомъ, образованномъ обществѣ, чувствуешь какую-то нравственную тягость: какія-то предвѣтныя у каждаго мысли! То ли дѣло простой русской человѣкъ! Все это просто, открыто, а между тѣмъ и умно! Говорить пословица: хоть шуба овечья, но душа человѣчья!

— Однако, какая скука! Нѣтъ! безъ гостей въ деревнѣ невозможно, сказала Анна Григорьевна.

— Послѣ завтра, ма сѣге, день моего рожденія; я думаю, вечеринку надо сдѣлать.

— Да ужь обѣдь... къ чему же вечеринку? Ну, конечно!

Анна Григорьевна сѣла за фортепьяно и въ открытых окна

попились аккорды... Барыня запѣла: «Ты не пой соловей». Захаръ Ильичъ началъ подтягивать — и вдругъ сказалъ:

— Давай, пропоемъ дуэты! Я себя чувствую сегодня очень хорошо!

— Ты, кажется, всегда чувствуешь себя хорошо. Но у тебя, Захаръ Ильичъ, совсѣмъ нѣтъ уха... вѣдь это, богъ-знаетъ, что выйдетъ.

— А «Въ полдневный жаръ»? Или, «Скажите ей»? У насъ съ тобой выходило недурно.

Супруги запѣли. Захаръ Ильичъ забралъ совсѣмъ не въ тонъ.

— Нѣтъ, я не могу! И Анна Григорьевна закрыла фортепьяно.

— Ну, я васъ прошу! къ чему эта строгость?

— Оставьте меня... право, я не люблю вашихъ нѣжностей, сказала Анна Григорьевна и отправилась въ спальню. Супругъ поплелся въ кабинетъ.

На небѣ занималась заря; на селѣ пѣли пѣтухи; по бесплодной улицѣ къ полю шли двое дворовыхъ людей съ сѣтми—ловить для господъ перепеловъ.

На большой дорогѣ у кабака стояла лошадь: кто-то неугомонно стучался въ дверь. А въ воздухѣ уже пѣли жаворонки.

— Ступай, отпрягай лошадь, говорилъ цаловальникъ работнику.

— Гдѣ это ты пронадалъ? спрашивала цаловальничиха.

— Къ вуму ѣздилъ... на счетъ лошадей барину... да еще — одно дѣльце задержало.

Работникъ отпрягалъ лошадь и спросонья клевалъ носомъ. Жаворонки пѣли громче и громче...

III.

Наступилъ день рожденія Захара Ильича. Солнце только всходило; толпы бабъ отправлялись въ поле съ серпами, кувшинчиками и люльками; на барскомъ дворѣ стучали топоры плотниковъ, сидѣвшихъ на стропилахъ; кровельщики гремѣли желѣзными листами; вокругъ сада каменщики вляли стѣну, громко распѣвая пѣсни; въ кухнѣ стучалъ поварской ножъ, горничныя бѣгали по дворнѣ съ накрахмаленными юбками въ рукахъ.

Захаръ Ильичъ уже пилъ чай въ своемъ кабинетѣ. У двери стояли поваръ, конторщикъ и староста со связкой ключей.

— Староста! Нынче опять поѣздакъ въ лѣсъ... всѣ остальные липы срубите и везите туда же къ церкви... Мнѣ хочется, чтобы гостиница была готова въ двѣ недѣли. Да найми сегодня же плотниковъ — человекъ десять.

— Пора-то теперь рабочая... дорого возьмутъ.

— Хорошо-съ! Я это знаю; ну, заплатите вдвое, только дѣлайте, какъ вамъ привязываютъ.

— Слушаю-съ.

— Поварь! сегодня обѣдъ на десять персонъ... сдѣлайте мороженое... да приготовьте шампанскаго. Чтѣ у васъ будетъ къ обѣду?

— Супъ... индѣйка, перепела... мороженое...

— Вотъ чтѣ: къ завтраку пирогъ; я приглашу причтъ... Конторщикъ! сбѣгайте къ священнику, скажите, что я сейчасъ приду въ церковь слушать молебенъ. Поварь! спросите у садовника дынь, а если не успѣли, то арбузовъ нѣтъ ли... Я, право, по этой части ничего не понимаю, это дѣло барыни.

— Онѣ почиваютъ.

— Ну! мнѣ пора одѣваться.

На пути къ церкви, Захаръ Ильичъ завернулъ въ хлѣбный магазинъ, въ которомъ стучали топоры плотниковъ.

— Ну, чтѣ, спросилъ баринъ, глядя вверхъ:—какъ ваши дѣла?

— Къ обѣду, Захаръ Ильичъ, кончимъ, надо полагать: только привяжите отпустить небольшой дубокъ—на завтра.

— Вы какъ же хотите тутъ сдѣлать?

— Въ этомъ мѣстѣ будетъ забираться досками, а тутъ мы оставимъ мѣсто для проходу; сохи упрутъ въ матицу.

— Какъ кончите, ступайте, начинайте гостиницу.

— Позвольте узнать: чтѣ же это, Захаръ Ильичъ, будетъ трактиръ?

— Трактиръ, усмѣхаясь, сказалъ баринъ.

— Тогда городъ-то, стало-быть, къ намъ приближаетъ, замѣтилъ одинъ плотникъ.

Причтъ ожидалъ барина въ церкви. Баринъ приналь благословеніе отъ священника и сказалъ:

— Батюшка! прошу отслужить молебенъ. Причтъ облачился въ ризы и запѣлъ:

«Преподобне отче Захаріе!...»

Баринъ пригласилъ духовныхъ къ себѣ въ домъ на закуску.

— Трактиръ строить хотите, Захаръ Ильичъ? спрашивали гости, идя съ баринѣмъ по селу.

— Гостиницу. Это меня надоумилъ цаловальникъ Федоръ Петровичъ: отерю здѣсь лавочку также.

— И кабачокъ, позвольте полюбопытствовать, будетъ?

— Не думаю. Мнѣ этого не хотѣлось... Скажите: кажется, Федоръ Петровичъ хорошій человекъ?

— Человекъ умный-съ! человекъ угостительный.

— Именно умный! ваша правда. А ничего про него не слышать дурного?

— Дурного ничего не слышать... хлѣбосоля!

На встрѣчу барину бѣжалъ кучеръ.

— Пожалуйте, лошадей привели!

— Какихъ лошадей?

— Вы привазывали... рабочихъ...

У конюшни стояло стадо лошадей. Мѣщанинъ, пригнавшій ихъ, стоялъ безъ шапки.

— Здравствуй, почтенный! Такъ ты пригналъ?

— Пригналъ, ваше высокоблагородіе. Вы нагазывали Федору Петровичу.

— Ну, что же? какъ ихъ выбирать?

— Да выбирать ихъ почесть нечего! лошади всѣ сносна, будьте покойны; я вамъ самыхъ лучшихъ представилъ...

— Ну-ка, покажи намъ одну хоть.

Мѣщанинъ обраталъ лошадей, и побѣжалъ съ ней въ сторону.

— Кажется, лошада ничего, сказалъ баринъ.

— Да будьте спокойны... мы этого не сдѣлаемъ, чтобы па-счесть обмана...

— Лѣнлива только, сказалъ дьяконъ.

— Лѣнлива? возразилъ мѣщанинъ: — а вы не знаете, отецъ, что въ хозяйствѣ лѣнливая и нужна? Ну-ко, горячую-то запрагите въ соху? Она вамъ ни одного зуба не оставитъ...

— Это справедливо, сказалъ дьяконъ, поначиваясь назадъ.

— То-то! а еще небойсь, хозяйствомъ тоже занимаетесь... мы вамъ не угазываемъ въ деревни...

— Ну-ко, проводи другую... А что это у ней спина-то?

— Это, ваше высокоблагородіе, потерто: она, изволите видѣть, у мужика была... а вы, чай, изволите знать этотъ народецъ; прости-господи, живодеры! Желѣзную, понимаете, сдѣлку кляли на спину-то... А какая лошадь-то!... Эй! заснула!

— Покажи намъ... вонъ, вонъ въ середкѣ-то.

— Темногнѣденкаго-то?... Ужъ и кони! Сейчасъ умереть!

— Ногами попорчена, замѣтилъ дьячокъ.

— Попорчена? Сидѣлъ бы ты на колокольнѣ, да трезвонилъ въ колокола... крикнулъ прасоль. — Эта лошадь дороже тебя!

— Ну, какъ ты думаешь, Егоръ? спросилъ баринъ своего кучера: — хороши лошади?

— Лошади справныя. Какъ цѣной-то, надо узнать.

— Мы за цѣной не погонимся! А ежели вамъ по здраву, Захаръ Шлычъ, прикажете гнать на дворъ. Объ цѣнѣ толковать нечего. Пятнадцать рублей штука!

— Это недорого! такъ заговяй лошадей на дворъ, и ступай къ конторщику. Онъ тебѣ выдастъ деньги.

Оставшись одинъ на одинъ съ кучеромъ, прасолъ сказалъ первому:

— Заверни къ Федору Петрову!...

— Сочтемся! отвѣчалъ кучерь.

Часа въ два начали сѣзжаться гости. Въ гостинной сидѣла барыня съ холостыми помѣщиками, добавывая имъ, что мужчинамъ ни въ чемъ нельзя вѣрить.

Въ кабинетѣ и залѣ толпились пожилые и семейные помѣщики.

— Ну, какъ, милый Петръ Абрамичъ, вы поживаете? шелъ разговоръ.

— А вотъ такъ мы и поживаемъ, почтеннѣйшій Егоръ Григоричъ.

— Живите, живите.

— Хочу, батюшка, сдѣлать себѣ новую терку для картофельнаго крахмала. Извольте видѣть: будетъ ремень и двѣ терки... и надъ барабаномъ будетъ сидѣть мужикъ, чтобы наблюдать, не попало бы чего-нибудь... Напримѣръ, вдругъ камень... стои! мужикъ вынулъ камень и пошла писать...

— А надъ мужикомъ устроить тоже бабью-нибудь машину?...

— Хе, хе, хе!... именно машину!

— Я хочу выписать изъ Москвы костяное удобреніе, говорилъ Захаръ Ильичъ: — за границей вездѣ удобряютъ костями... однимъ словомъ, пора взяться за дѣло русскимъ хозяевамъ!

— Нѣтъ, Захаръ Ильичъ, въ Россіи всѣ эти машины, да химическія удобрения не годятся. По моему, надо удобрять навозомъ, пахать матушкой-андреенной сохой, держать влячь, а не лошадей; потому что хорошихъ лошадей у васъ испортятъ, машину сломаютъ! намъ надо еще учиться, приравливаться къ мужику, къ его лѣпц и плутовству — особенно теперь, когда мы стали въ зависимость отъ этого народа. Съ мужикомъ нельзя дѣлать никакихъ договоровъ... Словомъ, настоящее разумное хозяйство у насъ невозможно!

— Нѣтъ, пѣтъ! я съ вами несогласенъ!... я вамъ докажу, что всему виною мы...

— Захаръ Ильичъ! позвольте вамъ замѣтить: а климатъ нашъ? вы ни на что не можете смѣло рассчитывать, ни на какой затраченный капиталъ: зима безъ снѣгу... засуха, градъ... одна надежда на милость божію.

— Позвольте, Захаръ Ильичъ, мнѣ замѣтить вамъ: какъ теперь обрабатывается земля? прежде всевидящая палва надсматривала, а теперь мужичокъ пашетъ, какъ ему вздумается...

— Опять я съ вами несогласенъ! говорилъ хозяинъ.

— Конечно, замѣтилъ одинъ помѣщикъ: — Захаръ Ильичъ дѣйствуетъ рационально... въ этомъ мы должны признаться... Въ самомъ дѣлѣ, спросить: какіе мы хозяева? развѣ такъ-то ведутъ хозяйство?...

Лакей объявилъ, что обѣдъ готовъ. Гости начали садиться за столъ.

— Нѣтъ, господа! говорилъ Захаръ Ильичъ въ концѣ обѣда: — кто что ни говори, я остаюсь при своемъ, и буду дѣйствовать, какъ началъ! меня ничто не собьетъ съ дороги! Жалуетесь на мужика? существуетъ штрафъ и вычетъ изъ жалованья — это надежнѣй всякой палки! Я никому не повѣрю, чтобы у хозяина, который самъ слѣдитъ за своими интересами, дѣло могло идти дурно. Какимъ образомъ мнѣ плохо вспашутъ землю, когда я самъ слѣжу за работой? Какъ мужикъ смѣетъ не исполнять своихъ обязанностей, когда насъ охраняетъ законъ? Что же? развѣ законъ не имѣетъ силъ? Вспомните нашего мирового посредника, которому дворяне дѣлаютъ обѣды, и говорятъ спичи... За что, какъ не за то, что онъ нашъ вѣрный оплотъ, охраняющій законами наши выгоды? Повторяю, какъ вы хотите, но я непоколебимъ и поведу новое хозяйство. Настало время проснуться каждому изъ насъ! Гдѣ мы живемъ? въ какой странѣ? Слава-богу, мы не турки, у насъ не существуетъ ни произвола, ни права сильного, мы живемъ въ благоустроенномъ государствѣ, гдѣ благія мѣры правительства чувствуются на каждомъ шагу.

Помѣщики молчали, чувствуя себя побѣжденными. Многихъ поражалъ высокій умъ хозяина.

— Вы жалуетесь на климатъ, продолжалъ хозяинъ: — позвольте спросить: развѣ не бываетъ засухъ, града и неблагоприятной зимы въ Англїи? А посмотрите, какъ тамъ идетъ хозяйство! (голосъ: правда!). И развѣ эти явленія не случайныя у насъ? Вѣдь несмотря на вражду съ нами природы, мы, русскіе, не только кормимся сами, но даже кормимъ иностранцевъ: пшеница, рожь, пенька, сало, клеверъ — развѣ не отправляются нами за границу? (знаки одобренія и голоса: правда! вѣрно!). Развѣ Россія не считается хлѣбородной страной, попреимуществу страной земледѣльческой? Вотъ вамъ и климатъ! Нѣтъ, у меня явится все! Стоить только трудиться. Но я разумѣю трудъ по призванію: люди, непризванные къ сельскому хозяйству, должны, по моему, бросить его, иначе оно кромѣ мученій ничего не будетъ обѣщать. Я, господа, встаю въ пять часовъ утра и цѣлый день на ногахъ, и кромѣ удовольствія, хорошаго расположенія — ничего не чувствую! Вотъ вамъ примѣръ (голоса: браво!).

Подали шампанское.

— За ваше здоровье! воскликнули гости

— Господа! сказать хозяинъ: — мнѣ весьма пріятно, что вы сдѣлали мнѣ честь вашимъ посѣщеніемъ.

— Со днемъ вашего рожденія!

— Благодарю, господа.

Гости выпили. Лакей налилъ еще.

— Господа! позвольте провозгласить тостъ за процвѣтаніе русскаго сельскаго хозяйства!

— Ур-р-ра!...

Хриплые голоса раздались въ залѣ.

— Господа! За почтенное петербургское вольное экономическое общество, а также за его «Труды!»

— Bravo!...

— Господа! позвольте предложить тостъ за почтеннѣйшаго и многоуважаемаго нашего собрата, Захара Ильича! Его неутомимая дѣятельность, высокое просвѣщеніе, необоримое стремленіе къ прогрессу, должны заставить каждаго изъ насъ желать, чтобы такихъ людей было побольше среди нашего благороднаго дворянства!

— Благодарю, господа! Предлагаю тостъ за освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости! Да здравствуетъ свобода, озарившая радостью не только чертоги вельможъ, но и бѣдную жизнью земледѣльца!

— Господа! крикнулъ одинъ пьяный: — ура!

— Ур-р-ра!...

Въ то время, когда въ домѣ Захара Ильича провозглашались тосты, изъ деревни Яблоновой, стоявшей недалеко отъ Ямовки, выѣзжали бѣговныя дрожки, на которыхъ сидѣли два загадочныхъ друга: яблоновскій прикащикъ и цаловальникъ Федоръ Петровичъ. Они уже напились чаю и ѣхали разгуляться на свой вмѣстный клеверъ, оттуда на пасѣбу, и кстати посмотрѣть своихъ калмыцкихъ овецъ. Толстый прикащикъ правилъ лошадей, Федоръ Петровичъ сидѣлъ назади. Друзья проѣхали заливной лугъ съ бродившими на болотахъ цаплями, висѣвшими въ воздухѣ стадами утокъ, и очутились въ полѣ.

— Статья теперь вотъ какая, говорилъ Федоръ Петровичъ: — я насчетъ Ямовскаго-то барина... урожай у нихъ у всѣхъ плохой, а у Ямовскаго барина хуже всѣхъ, а у него и за ухомъ не чешется! онъ-себѣ городитъ городушки... такъ думаю я: ежели не въ нынѣшнемъ, то въ будущемъ году онъ безпремѣнно продастъ не только лѣсъ, а пожалуй, что хочешь спустить — какъ денежки всѣ разматаетъ — и начнетъ поплясывать... а народъ этотъ го-

рячий... вотъ тутъ-то мы съ вами къ нему и подѣдемъ... словно между дѣломъ... а лѣсокъ — толковать нечего!...

— Да, теперь подходитъ самое настоящее время... Скоро и мой профитится... Я, чувствую, тоже пишу своему барину, не продасть ли онъ свою рошу?... Дескать, я буду подыскивать покупателей... А каждую почту строчить мнѣ: денегъ, говоритъ, денегъ, пожалуйста... Я ужь ему прямо отвѣчаю: откуда же я ихъ возьму?... Теперь вѣдь я не вѣрнопостной, по мнѣ хоть завтра съ мѣста долой...

— Да и лафа, Григорій Сидорычъ, подходитъ! скоро, кажись, земли пойдутъ продаваться по десяти палковыхъ за десятину...

— Время — говоритъ нечего! другого такого времени наврядъ дожидаться... уму непостижимо, что дѣлается!... Вѣдь, слышь, примѣрно, нацѣ пропастью висятъ; а все свое: балы, да белендрасы... А все что? Избаловались!...

— Наболовались — здорово!

Между тѣмъ, сытый жеребецъ несъ друзей черезъ деревни съ клаявшимися мужиками, черезъ мостики, овраги, и наконецъ, привезъ ихъ на клеверъ. Друзья сошли съ дрожезъ, и сорвали по пучку клевера.

— Слава-богу!... кажись, надежда есть...

— Ничего!... А насчетъ обвиновъ не безпокойтесь: Наумъ Васильевъ нашъ справитъ ихъ въ лучшемъ видѣ! И возьметъ отъ силъ тридцать рублей!... оиать же онъ свое дѣло знаетъ...

— Въ Москвѣ обвинный клеверокъ щеголяетъ... Ну, какъ вы думаете, Федоръ Петровичъ, я расчитываю: плохо-плохо выйдеть у насъ триста пудовъ... власть по пяти даже рублей — вотъ полторы тысячи... а солома? она, пожалуй, окуиить всю работу... Да я своихъ мужиковъ пошлю...

— Поѣдемъ, взглянемъ Ямовскій лѣсокъ-то, пока засвѣтло... на пасѣку, видно, не поспѣемъ нонче...

Друзья поѣхали межкою въ гору, и вскорѣ предъ ними выгнулъ густой ямовскій лѣсъ. Сидѣвшій на дубу противъ заходившаго солнца воронъ поднялся вверхъ и закричалъ, какъ-бы предвѣщая что-то недоброе. Цаловальникъ и прикащикъ не отнесли это предвѣщаніе къ себѣ, но оно, по ихъ мнѣнію, скорѣе относилось въ владѣльцу лѣса. Друзья объѣзжали лѣсъ кругомъ, и остановились на рубежѣ.

— Дѣло вотъ какое: кореней тысячи три съ прибавкомъ будетъ... рубль штука — тысяча рублей... да дрова .. рублей пять-сотъ дать можно... да онъ, пожалуй, возьметъ и меньше...

— Вотъ, Григорій Сидорычъ, посмотрите, хлѣбъ-то ямовскаго барина — какой!... что это такое? Колосъ отъ колоса — не слышать даже птичьего голоса!...

Приващикъ улыбался и пожималъ плечамп.

— Не правду я вамъ говорилъ?...

Друзья поѣхали домой.

— Теперь, Григорій Сидоричъ, ко мнѣ, говорилъ цаловальникъ, когда пришла большая дорога.

— Вѣдь позднеенько, кумъ!

— Вотъ еще что вздумалъ! Я къ нему ѣзди, а онъ такъ шалишь!

— Да вѣдь у васъ, право, забалуешься.

— На что баловаться? Надо выпить хорошененько, а баловаться нечего! Ну, я работника дамъ проводить... да теперь ночи лунная.

— Я не объ томъ... Завтра чѣмъ свѣтъ вставать надо!...

Приващикъ повернулъ лошадей къ кабаку.

— Кума, здорово!...

— Ахъ, куманѣкъ, голубчикъ!... Здравствуй, насилу-то ты къ намъ заѣхалъ!

Приващикъ и цаловальничиха вѣриво поцаловались. На стойкѣ явилась бѣлая скатерть, разные яства и нѣсколько бутылковъ.

— Спѣсивый, право, спѣсивый!... Богъ съ тобой!...

— Эхъ, кума!... кабы ты знала наши хлопоты!...

— Григорій Сидоричъ, Григорій Сидоричъ! посмотри-ко поди сюда, сказалъ цаловальникъ, глядя въ отворенное окно.

По большой дорогѣ катили экипажи съ помѣщикамп.

«Эго балъ былъ у ямовеваго барина», замѣтила цаловальничиха, тоже подбѣжавшая въ окну...

— Гуляють себѣ!...

Ѣхавшіе, размахивая руками, кричали:

— Ур-р-ра!...

IV.

Черезъ недѣлю лакей доложилъ Захару Ильичу, сидѣвшему въ кабинетѣ:

— Цаловальникъ пріѣхалъ.

— Проси!

— Здравствуйте, сударь!

— Прошу садитесь, почтеннѣйшій Өөдөр Пётровичъ.... Лошадей я у вашего пріятеля купилъ и цѣмъхъ двадцать штукъ; заплатилъ недорого; но вотъ бѣда: отчего-то онѣ хворають? Нѣкоторые изъ нихъ, какъ говоритъ коноваль, опоепы, а нима очень стары. Но я васъ вовсе не вию, вѣдь продали лошадей не вы...

— Захаръ Ильичъ! не только съ лошадей, а съ каждымъ челоукомъ можетъ случиться и болѣзнь и старость... всѣ подѣ

Богомъ ходимъ! Теперь время стоитъ жаркое, опять же работа, сами возьмите! надо Бога бояться! А вотъ онѣ какъ пообдер-
жата — и будутъ вамъ служить! Касательно же оной, коноваль
этого дѣла не знаетъ. Можетъ ли опитъ простая, рабочая ло-
шадь? Какъ же мужичокъ прямо изъ сохи гонить ее къ рѣчкѣ,
или извозчикъ прямо съ перегону понтъ лошадь и задасть кор-
му? Коноваль ничего не знаетъ, Захаръ Ильичъ!

— Дѣйствительно, коноваламъ довѣряться нельзя, это я знаю
по опыту; одинъ у меня уморилъ въ 200 рублей лошадь. Ну, да
кромѣ того я рассчитываю такъ: еслибы даже околѣло изъ куп-
ленныхъ лошадей штукъ пять, и тогда это не составило бы для
меня почти никакого урона, потому я дешево заплатилъ за нихъ;
чего въ самомъ дѣлѣ требовать отъ лошади, которая заплачена
15 рублей? Кромѣ того, онѣ вѣдь работаютъ! приносятъ пользу!..

— Нѣтъ, мнѣ все-таки неприятно, Захаръ Ильичъ.

— Вздоръ! Ну, что, вы видѣли, какъ гостиница-та строится?

— Какъ же-съ! дай-богъ часъ, Захаръ Ильичъ!

— Каково? Я вѣдь не люблю откладывать! это не въ моемъ
характерѣ!

— Важное, сударь, дѣло затѣяли!

— Нѣтъ, каково въ самомъ дѣлѣ? вы видѣли лѣсъ?

— Липа-съ! духъ будетъ легкій.

— А? какъ вы думаете? какую мы съ вами штуку-то удрали!
А все-таки честь открытiя принадлежитъ вамъ... вамъ... да, Фе-
доръ Петровичъ, вы мнѣ открыли глаза! Я даже нахожу, что это
событiе слѣдуетъ напечатать въ газетахъ, что настало, након-
ецъ, время, когда и въ глуши, среди степей, цивилизація про-
биваетъ себѣ путь...

— Завтракъ поданъ! доложилъ лакей.

— Федоръ Петровичъ, пойдѣте завтракать. Пожалуйста, безъ
церемонiи... Я съ простыми людьми самъ простъ. Вчера были у
меня помѣщики; вы не можете себѣ представить, что это за
люди! ни малѣйшаго стремленiя къ улучшенiю... никакого же-
ланiя человеческого. Все, что я ни затѣваю, имъ кажется ди-
кимъ... конечно, есть и между ними люди понимающiе... Но
вообще я ни чьихъ совѣтовъ не слушаю и знать ихъ не хочу!
Я самъ себѣ господинъ!

Хозяинъ и гость вошли въ столовую. За столомъ сидѣла ба-
рыня.

— Ну, что? читали вы что нибудь? спросила она цаловаль-
ница.

— Какъ же-съ! а вамъ ужъ привезъ книги.

— Такъ скоро?

— Помилуйте, я продержалъ ихъ болѣе недѣли.

— Да что жъ такое? развѣ мы вамъ дали на срокъ? Держите ихъ у себя сколько угодно!

— Вы, Федоръ Петровичъ, не стѣсняйтесь, подтвердилъ баринъ:—читайте себѣ, да читайте! мнѣ именно въ васъ нравится эта жажда любознательности... Если вспомнишь, какъ человеку много знать надо и какъ коротка человѣческая жизнь...

— Ты всегда любишь пускаться въ лиризмъ, замѣтила барыня.

— Но, мой другъ! Жизнь... это что-то высокое... какъ тебѣ сказать, это такое явленіе, такой...

— Что же вы читали? перебила барыня, обращаясь къ цаловальнику.

— Читалъ я, сударыня, какъ оно... забылъ названіе...

— Обломова?

— Кажись такъ...

— Ну, что? каковъ написано?

— Ничего-съ, любопытно...

— Вотъ вамъ русскій человекъ! сказалъ Захаръ Ильичъ, чавкая:—лучше сказать, байбакъ! это какая-то египетская мумія, а не человекъ... вотъ вамъ типъ русскаго человека!

— А мнѣ нравится Обломовъ, сказала хозяйка.

— Не правда ли, какой умный и—такъ рельефно выдающійся изъ толпы нашихъ пошлыхъ современныхъ людей, которые смотрятъ на женщину, какъ на какое-то лакомое блюдо... А «Подводный камень»?

— Эту я только началъ... сказалъ цаловальникъ, держа подъ столомъ руки.

— Вотъ вы будете читать, обратите вниманіе на то; какъ Наташа уѣзжаетъ отъ мужа...

— Но, мой другъ, положимъ, что вещь эта дѣйствительно современная... я не спорю... Соковлинъ — человекъ благородный...

— Прочтите, прочтите! продолжала барыня. Послѣ завтрака Захаръ Ильичъ предложилъ гостю отправиться посмотрѣть гостиницу. На пути они зашли въ конюшню, на скотный дворъ, посмотрѣли ригу и молотилку. Во все это время Захаръ Ильичъ доказывалъ, что скоро все имѣніе будетъ какъ игрушка. Когда хозяинъ и гость подходили къ гостиницѣ, ихъ встрѣтила толпа мужиковъ и церковный причтъ.

— Что хорошенькаго скажете, миряне?

— Къ вашей чести, Захаръ Ильичъ, зашумѣлъ народъ. Понъ выступилъ впередъ и началъ:

— Ваше высокородіе! весь причтъ и всѣ прихожане просятъ васъ быть у насъ церковнымъ старостою, такъ-какъ вы человѣкъ благородный, а церковь приходитъ въ упадокъ. Прегній староста, за ветхостью своихъ лѣтъ, отказывается отъ должности и мы, по совѣщаніи между собою, порѣшили избрать васъ. Какъ слышъ церкви, не откажитесь отъ таковой... васъ духовная мать наша будетъ поминать, дондеже стоять будетъ на краеугольномъ каменѣ, еже есть Христосъ, зане есть глава.

— Я, православные, считаю за особенную для себя честь ваше предложеніе, и какъ христіанинъ, не имѣю даже права отказаться отъ такой почтенной должности. Но я боюсь, буду ли я способенъ исполнять мои обязанности?

— А мы будемъ молить Бога.

— Ну! когда такъ, да будетъ его святая воля!

Всѣ сняли шапки и стали креститься на церковь.

— Позвольте васъ поздравить съ новой должностью.

— Благодарю, благодарю. Завтра прошу васъ ко мнѣ водки выпить. А въ церковь я сдѣлаю пожертвованіе.

Духовные, держа руки за спиной, потянулись за баринномъ смотрѣть новое зданіе. Мужики остались на улицѣ и начали толковать между собою:

— Однако, Ѳедоръ Петровъ побился къ барину-то!

— Эта голова окулки на руку не положить! Намъсь барину лошадей представилъ—всѣ до единой калеки!

— Вѣдь ихъ привелъ Васыба прасоль?

— Экой ты! да онъ ему кумъ... Ѳедору-то Петрову...

— Ты посмотри, онъ какую-нибудь штуку сдѣлаеть съ баринномъ.

— А что?

— Да я почему знаю? развѣ я былъ у него на умѣ?

— А ты посмотри, какую штуку онъ съ нами удереть: какъ заселится въ этомъ трактирѣ—что тогда дѣлать-то?

— Ужъ тогда держись! прибереть всѣхъ къ рукамъ! попытаться не дастъ! А что я думаю? Завладѣеть онъ тогда нами!...

— Чудно, братцы мои! Погляжу я: баринъ-то ровно съ дурной, али помѣшанный какой. Надъсь спрашиваетъ старосту: что, говорить, пять копенъ ржи на десятины—хорошо или нѣтъ?

— И подаетъ же Богъ счастье такимъ людямъ! какая имѣнія-то!

Захаръ Ильичъ стоялъ на потолкѣ, среди стропилъ, и говорилъ. Ѳедору Петровичу:

— Какъ же вы думаете насчетъ товару?

— Товаръ, извѣстно, долженъ быть самый простой, деревенскій: чай, сахаръ, табакъ, масло, кое-что по мелочамъ.—А все-

такъ, какъ я вамъ доблачивалъ, безъ продажъ нашей пельзы. Проѣзжающій, или свой мужикъ — во всякій слѣдъ вода требуется...

— Не хотѣлось бы мнѣ этого кабацкаго безобразія, сказалъ баринъ:—мнѣ хотѣлось совсѣмъ прекратить пьянство въ своемъ селѣ.

— Нѣтъ-съ, Захаръ Ильичъ, пьянства вы не уничтожите! Ежели тутъ нѣтъ водки, мужикъ поѣдетъ вопъ куда! онъ скорѣе безъ хлѣба просидитъ, нежели безъ водки! онъ послѣдней овцы не пожалѣетъ, какъ ему придется время—пить-то!

— Какъ, однако, испорченъ этотъ народъ!

— Объ этомъ и говорить нечего! народъ прѣвращенъ — такъ надо сказать!

— Я думаю, не мѣшаетъ купить и хорошихъ винъ... на случай...

— Это какъ вамъ будетъ угодно! для человѣка случайнаго не мѣшаетъ про запасъ имѣть и виноградныя вина...

— Даже и шампанское!... Я хочу, чтобы у меня гостиница была похожа на чтонибудь...

Захаръ Ильичъ и цаловальникъ вдвоемъ отправились домой, раскланявшись съ духовными.

— Федоръ Петровичъ! говорилъ баринъ дорогой:—у меня есть до васъ просьба: не можете ли вы закупить мнѣ товару? Я долго думалъ объ этомъ, и вижу, что въ этомъ дѣлѣ нуженъ человѣкъ торговый, опытный. Что, если я пошлю покупать какогонибудь ротозѣя старосту или мальчишку конторщика? конторщикъ опять пьяница... Но вы человѣкъ практичный и торговая-то часть, вамъ, кажется, знакома-перезнакома...

— Съ удовольствіемъ, Захаръ Ильичъ; я готовъ послужить. Конечно, хвалиться не могу, а купить съ расчетомъ, чтобы не было убытку въ продажѣ, могу-съ...

— Я вамъ буду просто обязанъ!

— Это можно. Позвольте спросить, Захаръ Ильичъ, кого же вы думаете посадить въ лавку?

— Опять, батюшка, ничего не знаю; думалъ-было старосту: онъ честный человѣкъ... но вѣдь согласитесь, куда же ему торговать? Про конторщика я вамъ говорилъ: пьяница каналья...

— Да вѣдь я же прежде вамъ говорилъ, Захаръ Ильичъ, что мы можемъ у васъ снять эту лавку! тогда бы водки-то покупать не надо: я бы свою перевезъ... А главное дѣло, денегъ вы съ меня получили бы чистенькія, безъ всякой заботы... Дѣло же мы можемъ сдѣлать на бумагѣ, по закону... Значитъ, плутовства съ нашей стороны никакого быть не можетъ... Извѣстно, вы меня мало знаете, вотъ поживете—увидите... Да если мы возьмемъ и

мошенинга, то и онъ не можетъ ничего сдѣлать суоротнигъ закона, когда обяжется контрактомъ. А я бы вамъ привелъ въ порядокъ эту гостиницу, то-есть въ лучшемъ видѣ!

— Ѳедоръ Петровичъ! Я слушаю васъ и не возражаю вамъ потому, что думалъ еще прежде то же самое, что вы теперь говорите!... Помилуйте! да съ моимъ великимъ удовольствіемъ! вы меня, по душѣ вамъ сважу, на ноги поставите! вѣдь кромя васъ совсѣмъ нѣтъ людей? Что же, я еще кучера, что-ль, посажу торговать? вѣдь это только смѣшно, но не резонно...

Пока барнишъ и цаловальнигъ дошли до дому, они успѣли условиться въ цѣнѣ и въ разныхъ подробностяхъ касательно будущаго предпріятія.

— Анна Григорьевна! говорилъ баринъ женѣ:—поздравь насъ! мы съ Ѳедоромъ Петровичемъ заключили условіе... Онъ будетъ жить съ нами въ Ямовеѣ, завѣдывать гостиницей.

— Право?

— Видишь ли, мой другъ, тутъ нуженъ человекъ опытный, торговый; а кого я посажу въ лавку изъ своихъ? Тришку?—пьяница. Ермилку?—это розниа: у него все изъ рукъ будетъ валяться... Кого же больше?

— Ну, разумѣется, сказала барыня:—Ѳедоръ Петровичъ тебѣ можетъ быть очень полезенъ, такъ-какъ вовсе ты неопытенъ въ торговомъ дѣлѣ... Я очень рада! Итакъ вы будете нашимъ сосѣдомъ? обратилась барыня къ цаловальнику.

— Если Богъ благословитъ, сударыня... надѣюсь заслужить Захару Ильичу... Я—какъ понимаю, все пойдетъ у насъ честно, благородно!

— Такъ намъ надо торопиться, сказалъ баринъ:—когда же ѣхать за товаромъ? Вы ужь, Ѳедоръ Петровичъ, не откажитесь...

— Мы сперва выправимъ свидѣтельство на право торговли, а потомъ ужь примемся за товаръ. Въ Москву ѣхать незачѣмъ: тутъ въ губерніи можно достать все... Вотъ прямо на Пятницкой улицѣ есть купецъ Сорокинъ, человекъ честный, и продаетъ все по московскимъ цѣнамъ, потому оптомъ!... а главная вещь, безобманно...

— Bravo! Человекъ, подай намъ бутылку вина. Надо съ Ѳедоромъ Петровичемъ могоаричъ выпить! Ну-съ? За ваше здоровье, почтенный Ѳедоръ Петровичъ. Дай Богъ, чтобы дѣла наши пошли, какъ слѣдуетъ!...

— За ваше здоровье, Захаръ Ильичъ! пошли Богъ успѣха!... Его святая воля!... Дѣло начинаемъ—доброе!...

При прощаніи Анна Григорьевна говорила цаловальнику:

— Что же книги-то? держите ихъ у себя, сколько хотите.

— Когда жь теперь, та сѣге, читать? теперь намъ некогда... ты видишь, Федоръ Петровичъ будетъ занятъ.

— Теперь, сударыня, некогда читать, сказалъ цаловальникъ.

V.

Прошелъ годъ и утекло много воды. Большая дорога совѣмъ заглохла, потому что, оживлявшій ее сколько нибудь, кабакъ давно былъ закрытъ; оконныя ставни не открывались ни днемъ ни ночью; соломенную крышу снесъ вѣтеръ и развѣялъ по полю; вмѣсто нея торчалъ одинъ хворостъ, сквозь который виднѣлась завалившаяся труба; на потологѣ облюбовалъ себѣ мѣсто филинъ, о чемъ заявляли носившіяся надъ кабакомъ стада галокъ и воронъ. «Куда жь дѣвался цаловальникъ?» думалъ посторонній проѣзжающій, или богомолецъ, возвращавшійся изъ далекаго Кіева: «не умеръ ли? не постигло ли его какое несчастье? не проторговался ли и теперь съ своей семьей живетъ въ городишгѣ, въ глиняной мазангѣ, занимаясь прасольствомъ, или... кто знаетъ, что можетъ случиться съ торговымъ человѣкомъ?»

— Послушай, землякъ, что жь это кабакъ-то? Или хозяйнъ померъ?

— Ты, божій человѣкъ, видно, не здѣшній? А цаловальникъ живъ. Посмотри, какъ онъ теперь поживаетъ! любому барину не уступить!

И путникъ стоятъ въ недоумѣніи, какъ-бы пораженный таимъ извѣстіемъ, потому что онъ привыкъ съ видомъ запустѣвшаго кабака или одинокаго постоялаго дворика безъ крыши связывать въ своей головѣ горькое несчастье, завершившее судорожныя попытки человѣка — завоевать себѣ кусокъ хлѣба. Но такъ было до сихъ поръ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и путникъ самъ будетъ подозрѣвать, видя разрушенные дворики, не пособила ли судьба ихъ бывшимъ владѣльцамъ—сжалившимся надъ ихъ борьбою съ жизнью, за возможность существованія? «А что жь? дай-богъ!» рѣшить про себя иной, незнакомый съ дѣломъ, путникъ: «человѣкъ всю жизнь боролся съ нуждою и много ночей не спалъ, живя въ полѣ, слушая осенніе вѣтры и упорно думая о своемъ законномъ правѣ на жизнь: помогай ему Богъ!» И, самъ изувѣченныи нуждою, онъ даже перекрестится.

Торговля въ Ямовгѣ шла именно такъ, какъ описывалъ ее Захару Ильичу цаловальникъ, когда совѣтывалъ выстроить лавочку: каждое воскресенье, по окончаніи обѣдни, въ кабагѣ и лавкѣ толпилось множество народу со всего прихода; въ лавкѣ продавались даже ситцы и нанки. Водки выходило неисчислимое

количество, брали ее всѣ деревни, ѣздившія въ Ямовку въ обѣднѣ, и самая Ямовка шла больше прежняго. Хотя во время откритія своего заведенія Захаръ Ильичъ и сказалъ мужикамъ рѣчь, что пьянство губительно и потому надо пить осторожно, но эта рѣчь лишь замерла въ воздухѣ, ибо въ тотъ же самый день, бабъ вывунуть былъ флагъ надъ кабакомъ, Ѳедоръ Петровичъ, его жена и наемный мальчикъ работали за стойбой въ три шпала, не успѣвая распечатывать полштофы.

Ѳедоръ Петровичъ не ограничивался однимъ кабакомъ и лавочкой: у него была ссыпка хлѣба, а на дворѣ стояло нѣсколько заводскихъ жеребцовъ. Ѳедоръ Петровичъ скупалъ большими партиями овецъ и биковъ, снималъ залвные луга, имѣлъ ульевъ до трехсотъ пчель и уже велъ переписку съ московскими купцами. Помѣщики и всѣ городскіе кушцы за особенное удовольствіе считали пригласить его къ себѣ въ гости. Но прежняя вѣжливость, скромность не разставались съ Ѳедоромъ Петровичемъ, даже весь образъ жизни остался прежній: та же красная рубашка на выпускъ, длинный, суконный сюртукъ, пѣніе басомъ на клиросѣ, тележка съ рѣшотчатымъ задкомъ, хотя нѣкоторые помѣщики предлагали ему купить у нихъ задешево разные шарабаны и пролетки, даже прежній самоваръ съ деревяннымъ кружкомъ вмѣсто затерянной крышки.

Захаръ Ильичъ въ важныхъ случаяхъ долгомъ считалъ посоветываться съ Ѳедоромъ Петровичемъ, и не только приглашалъ его къ себѣ на обѣды, но сколько разъ обѣдалъ у него самъ съ своей супругой. Супруга Захара Ильича, блуждая отъ нечего дѣлать по селу съ своими собаками, едва ли не каждый день посѣщала Ѳедора Петровича; онъ вводилъ ее въ отдѣльную отъ кабака комнату или наверхъ въ пустую гостиницу и предлагалъ чай, кофе, даже лимонаду. Но барыня прежде всего просила цаловальника, чтобы онъ сыгралъ на гитарѣ и спѣлъ. Ѳедоръ Петровичъ игралъ какую-нибудь грустную пѣсню, подпѣвая своимъ легкимъ басомъ, и его черные глаза блестяли.

— Мерсі, мерсі! говорила барыня:— вы чудно поете! пожалуйста, въ намъ приходите, я васъ прошу...

— Ваши гости! съ улыбкой отвѣчалъ цаловальникъ.

— Не прочитали еще книгу?

— Понемногу читаю... времени-то мало...

— Читайте... я вамъ еще дамъ... вышла недавно новая повесть... я вамъ пришлю.

Всякій разъ, уходя отъ цаловальника, барыня думала: «этотъ человекъ обладаетъ всѣмъ, что необходимо нашимъ великосвѣтскимъ мужчинамъ: любезность, умъ, омытность... главное— омы-

востъ... И ей вспоминались молодые люди, рисующіеся верхомъ на лошадяхъ съ бичами и арапниками, или отпускающіе передъ дамами пошлые каламбуры. «Они, пожалуй, и недурны», думала барыня: «но въ каждомъ ихъ словѣ, въ каждомъ жестѣ выглядываетъ пустота, стремленіе къ сплетнямъ, и самое наглое хвастовство»...

Барыня идетъ къ дому, а стоитъ такая жара и такъ кровь бушуетъ въ ситомъ и праздномъ тѣлѣ, что добравшись до балкона, барыня бросается въ кресла, закладываетъ вверхъ руки...

Однажды вечеромъ, когда Захара Ильича не было дома, барыня сѣдѣла на балконѣ. Мысли ея блуждали и къ Москвѣ, въ театрахъ, на балахъ, и въ уѣздномъ вокзалѣ, и на вечерахъ у помѣщиковъ съ пьяными кривыми и картежной игрой... Ей было скучно; кругомъ было такъ тихо, душно... Печальныя сумерки свинцомъ ложились на душу... Завтра опять то же, та же смертельная жара, скука и безлюдье, тотъ же брѣгъ мужа среди плотниковъ и снова мертвыя сумерки. На балконѣ явился Федоръ Петровичъ.

— Ахъ! это вы! какъ я рада; а мнѣ такъ скучно... мужа нѣтъ...

— А я было къ Захару Ильичу... по одному дѣльцу...

— Онъ скоро пріѣдетъ... подождите его... пойдемте пока въ садъ...

Цаловальникъ охотно согласился.

— Послушайте, Федоръ Петровичъ, говорила барыня, идя по глухой алеѣ:—любили ли вы когонибудь?..

— Какъ вамъ сказать... оно конечно... у всякаго человѣка есть сердце...

— Скажите откровенно, любили ли вы какую-нибудь женщину?..

— Анна Григорьевна! какъ любить-то нашему брату? ми-то и готовы, пожалуй, всей душой, да согласятся ли полюбить насъ— вотъ въ чемъ дѣло!...

«Этой умной человѣкѣ» подумала барыня и продолжала вслухъ:

— Я вамъ скажу... Женщина умная оцѣнить всегда достойнаго мужчину...

Цаловальникъ и барыня шли дальше.

VI.

Въ одинъ изъ ненастныхъ, осеннихъ дней, въ кабинетѣ Захара Ильича стекались одинъ за другимъ вѣстники съ печальными новостями.

— Ну, что еще там? Что скажешь, любезный? Насчет лошадей? Знаю! ты их загналъ, запалилъ? ты былъ пьянъ?

— Ни въ одномъ глазѣ, Захаръ Ильичъ!

— Я, любезный мой, обращался съ вами, какъ съ людьми, а теперь я васъ раскусилъ! Нѣтъ! Россія еще долго будетъ пребывать въ невѣжествѣ, ей далеко до равноправности! Я тебѣ довѣрилъ тройку лошадей, эта тройка потомъ очутилась въ лѣсу... Гдѣ ты былъ? Нѣтъ! я напишу жалобу мировому посреднику, пускай тебя въ волостной — поподчуютъ! Ты что?

— Прикажете цѣнами молотить?

— Ну, конечно! конечно, цѣнами, почтенная голова! потому что если я выпишу двадцать-пять машинъ, вы и тѣ переломаете... такъ что же? разумѣется, цѣнами... вашими допотопными орудіями... Понимаете? Что жъ стоите, чего ожидаете?

— Какъ быть, Захаръ Ильичъ...

— Что еще?

— Подводъ никакъ не сыщешь; никто не ѣдетъ по плохой погодѣ; говорятъ, нельзя.

— Ну, а что если эта погода продлится мѣсяцъ? Я, по вашему, цѣлый мѣсяцъ сиди безъ денегъ, а? Вотъ! прошу поворно: есть хлѣбъ, есть, слѣдовательно, капиталъ; но что же я сдѣлаю съ этимъ капиталомъ? онъ стоитъ себѣ подъ сараемъ! Вотъ это очень хорошо! Это показываетъ, что у насъ въ Россіи должно сидѣть у хлѣба, да безъ хлѣба.

— Рабочіе просятъ расчетъ, сказалъ конторщикъ.

— Какіе? за что?

— Стѣну ввали.

— Какъ, уже за стѣну? позвать подрядчика.

— Жалованье, Захаръ Ильичъ, сдѣлайте милость, говорили поваръ, садовникъ и кучеръ:—ослобоните насъ...

— Подождите же наконецъ! ну, что жъ я сдѣлаю? Урожай плохій! да вонъ и хлѣба есть, да что же мнѣ дѣлать, когда его не везутъ въ городъ! вѣдь при васъ говорилъ староста! Вы, голубчикъ, обратился баринъ къ входившему подрядчику и усердно крестившемуся на образъ:—какое спрашиваете жалованье? вы когда у меня начали класть стѣну?

— Третьяго-дня.

— Сколько вы съ меня взяли?

— Полтора ста цалковыхъ.

— Теперь позвольте васъ спросить: развѣ за три дня берутъ гдѣ нибудь сто-пятьдесятъ рублей? Такихъ цѣнъ, любезный мой, и въ Петербургѣ нѣтъ!

— Захаръ Ильичъ! Стѣну я могъ даже селастъ въ день—это

мое дѣло! и вы должны мнѣ заплатить сто-пятьдесятъ рублей, угорворъ на то былъ! Извольте расчесть: я пятьдесятъ человѣкъ рабочихъ нанималъ, имъ я долженъ заплатить!

— Во всякомъ случаѣ, денегъ у меня теперь нѣтъ!

— Захаръ Ильичъ! занылъ снова явившійся староста.

— Что вамъ нужно?

— Какъ же прикажете съ овсомъ-то? Онъ весь на рѣдахъ сопрѣлъ!

— Пусть я прѣтесть!...

— Жалко, Захаръ Ильичъ!

— Ужалѣли! нечего сказать. Вы меня, господа, очень ужалѣли! Захаръ Ильичъ поднялся. Публика держала головы внизъ.

— Можно войти? спрашивалъ Захаръ Ильичъ, стоя у спальни жены.

— Можно!

Барыня возлежала на кушеткѣ съ книгой въ рукахъ.

— Ну-съ, сударыня, поздравляю васъ съ новостями.

— Какими это?

— Не сегодня, такъ завтра мы съ вами останемся безъ куска хлѣба. Въ имѣнии идетъ богъ-знаетъ что!... да вотъ потрудитесь прочитать это письмо.

Письмо было отъ самаго владѣльца Ямовки: «Потрудитесь выслать мнѣ пять тысячъ—на дняхъ я ѣду за границу. Надѣюсь, васъ это не стѣснитъ, такъ-какъ вы управляли моимъ имѣниемъ цѣлыхъ три года и вѣроятно успѣли пожать плоды вашихъ трудовъ. Даже продайте что нибудь незаложенное и пожалуйте пришите мнѣ деньги».

— Вотъ! вотъ вамъ дружба! онъ начинаетъ требовать отъ меня отчета, это друзья!... Какъ до денегъ коснется — все къ чорту! Нѣтъ! я вотъ что думаю: ѣхать въ Москву и служить... это надежнѣе. Нѣтъ, Россія до-олго!...

— Дѣлай, какъ знаешь! мнѣ все равно...

— Конечно, служить! Завтра же ѣду! я здѣсь убитъ и здорově и состояніе...

Захаръ Ильичъ прошелъ въ свой кабинетъ и велѣлъ позвать цаловальника.

— Федоръ Петровичъ! одолжите мнѣ денегъ. Урожай у меня, вы сами знаете, все время плохое, такъ что я потерялъ убытку по крайней-мѣрѣ пять тысячъ въ послѣдніе два года. А чего мнѣ стоило обзавестись хозяйствомъ! И все это нимало не думало окупиться даже... Какъ продамъ хлѣбъ, я вамъ возвращу.

— Сколько вамъ нужно?

— Рублей четыреста.

— Рублей полтора я могу достать, попрошу у Яблоновскаго прикащика: а у меня деньги всѣ въ оборотѣ... вотъ лугъ

снялъ, впередъ далъ семьсотъ рублей — а когда ихъ вручишь? Не раньше, какъ по зимѣ... за клеверъ, рабочимъ, овецъ купилъ... всѣ распущены. Полтораста рублей я вамъ добуду.

— Не найдете ли вы человѣка, который бы у меня купилъ, напримѣръ, скотъ, или строеніе какое-нибудь, экипажи... Я вамъ не сказывалъ? я хочу уѣзжать! нѣтъ, батюшка, здѣсь жить порядочному человѣку нельзя... Здѣсь не имѣютъ ни малѣйшаго понятія ни о чемъ! Сами посудите: я плачу деньги, тружусь — и у меня нѣтъ хлѣба!

— Я вамъ совѣтывалъ, Захаръ Ильичъ, отдавать землю въ наймы, и вы безъ всякихъ хлопотъ курили бы себѣ сигару, да получали бы денежки, больше, нежели вы получаете теперь, работывая землю сами.

— Я это понялъ! ну, да теперь уже поздно! Я поступаю на службу, и кончено: по крайней-мѣрѣ я буду спокоенъ! Такъ какъ же вы думаете, Федоръ Петровичъ?

— Я думаю, Захаръ Ильичъ, врядъ-ли кто у васъ купить скотину... покупать, да вѣдь за какую цѣну? а экипажи и строенія никто не возьметъ, это подлинно вамъ говорю: вонъ теперь озимовскій баринъ, Короченскій, Юпинъ, Собакинъ — всѣ продаютъ даже землю, такъ и то нѣтъ покупателей! денегъ ни у кого нѣтъ! А вы не продадите ли свой лѣсокъ? я бы охотника нашелъ.

— Лѣсъ я могу продать! — онъ не заложенъ.

— Только дороговъко не кладите за него.

— Ахъ! кстати я вспомнилъ... Васья! позови мнѣ старосту! Послушай, любезный: объяви церковнослужителямъ и всему міру, что я не могу быть старостой церковнымъ. Миѣ не до того! А вотъ предлагаю имъ вмѣсто меня Федора Петровича... понимаешь? — Вы, Федоръ Петровичъ, согласны сколько-нибудь побыть церковнымъ старостой?

— Отчего же? Богу потрудиться не мѣшаетъ...

— Тамъ, вѣжета, церковной суммы тысяча-двѣсти рублей... Я вамъ передамъ отчетъ, Федоръ Петровичъ. Вотъ еще что: такъ-какъ я отсюда уѣду, то оставляю вамъ въ знакъ памяти всѣ мои книги...

— Благодарю покорно, Захаръ Ильичъ.

Прошло еще два года. Барскій дворъ давно опустѣлъ и заросъ крапивой. Между тѣмъ, въ газетахъ объявлено было, что Ямовское имѣніе продается съ публичнаго торгу, и что желающіе могутъ явиться на продажу. Въ числѣ желающихъ былъ и Федоръ Петровичъ.

Н. Успенскій.

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ.

РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Часть вторая.

ЖИЛЬЯТЪ-БУДЕСНИЕЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РНОЪ.

—

XIII.

Что представлялось глазамъ и воображенію.

Ослѣпительный сумракъ—таково было первое впечатлѣніе этого сказочнаго убѣжища.

Постоянное мѣрное волненіе моря сообщалось и водѣ въ этой пещерѣ. Ея зеркальная гладь, то вздувалась, то опадала, словно дышала. Казалось, что ритмическія колыбанія этой громадной зеленой діафрагмы обличали какую-то таинственную душу.

Чарующая прозрачность воды позволяла Жильяту видѣть на различныхъ глубинахъ зеленые утесы, цвѣтъ которыхъ становился по мѣрѣ того, какъ они уходили въ глубину, гуще и гуще; мѣстами чернѣли пропасти, быть можетъ, бездонныя.

По сторонамъ подводнаго портика виднѣлись двѣ арки—входы въ боковыя пещеры, доступныя, вѣроятно, лишь во время самого сильнаго отлива.

Своды этихъ боковыхъ пещеръ спускались по откосу, подѣ бо- гѣе или менѣе открытыми углами; подѣ ними тянулись узвія по- лоски земли, терявшіяся во мракѣ въ ихъ глубинѣ.

Тамъ и сямъ длинныя, почти въ сажень морскія растенія ко- лыхались въ водѣ на подобіе волосъ, развѣваемыхъ вѣтромъ. Еще дагѣе взорамъ представлялись цѣлыя лѣса водорослей.

Надѣ водою и подѣ водою, съ верку до низу, отъ самой вер- шины свода до его исчезновенія въ негримой глубинѣ, всѣ стѣны

пещеры были изукрашены тѣми чудными морскими произрастеніями, которыхъ такъ рѣдко видить человѣческой глазъ, и которыя средневѣковые испанскіе мореплаватели прозвали *praderias del mar*. Крупный оливковаго цвѣта мохъ закруглялъ всѣ выступы гранита. Со всѣхъ выдающихся частей танулись узкіе сплоенные ремешки фукусовъ, изъ которыхъ рыбаки устрояютъ себѣ барометры. Таинственное дыханіе пещеры приводило въ движеніе эти блестящія лентообразныя формы.

Среди этой растительности скрывались, и въ то же время выставлялись на показъ самыя рѣдкія драгоценности, изъ сокровищницы океана: багрянки, митры, трубароты. Блюда съ своими раковинами, похожими на микроскопическіе шалаши, покрывали собою скалы, образуя подобіе селъ, по улицамъ которыхъ бродили мелкіе морскіе рачки. Такъ-какъ гальки не пролигали въ пещеру, она сдѣлалась убѣжищемъ моллюсковъ. Моллюски, настоящіе аристократы; расплывные, разриженные, они избѣгаютъ столбовеній съ грубою чернью булыжниковъ. Пестрыя скученія этихъ раковинъ казались еще пестрѣе отъ переливовъ воды, сверкавшей то золотомъ, то перламутромъ, то лазурью.

Въ одномъ мѣстѣ, нѣсколько ниже черты прилива, видѣлось чудное, странное растеніе; оно держалось на широкой лентѣ фукуса, и служило какъ-бы каймой этимъ естественнымъ обоямъ, облежавшимъ стѣны пещеры. Это растеніе, густо вѣтвистое, переплетшееся, почти черное, представляло темныя спутанныя массы, осыпанныя безчисленными маленькими лазуревыми цвѣтками. Въ водѣ эти цвѣты словно горѣли, и можно было подумать, что видишь синіе огоньки. Надъ водою—это были цвѣты, подъ водою—сафпры. Каждая волна, разбивавшаяся о подножіе скалы, осыпала его яхонтами.

Нахлынула волна и все засверкало, заискрилось, отхлынула—и все потухло. Трогательное подобіе судьбы. Жизнь чередуется со смертью.

Однимъ изъ чудесъ пещеры была сама скала. То стѣна, то сводъ, то пилластръ, она мѣстами была совершенно обнажена, мѣстами же представляла тончайшую естественную рѣзбу. Что-то одушевленное и разумное примѣшивалось къ тупой массивности гранита. Бездна—великій художникъ. Вотъ стѣна, покрытая закругленными вышуклостями разнообразнѣйшихъ очертаній, ее можно принять за барельефъ; глядя на эти неясные образы, чудится, что Прометей подготовлялъ вчернѣ работу для Микель-Анджело. Нѣсколько ударовъ молотка генія довершили бы начатое гигантомъ. Въ другихъ мѣстахъ скала была съ насѣчкой, какъ мавританскій щитъ, или съ чернью, какъ флорен-

тійскій кубокъ. Были камни, походившіе на коринскую бронзу, и рядомъ другіе, напоминавшіе арабски съ дверей мечети, а еще далѣе можно было увидѣть руническія письмена, словно выпарапаяныя какими-то чудовищными, невозможными когтями. Ползучія растенія съ цѣпкими усиками сплетаясь разстигались на золотомъ полѣ лишайниковъ, образуя нѣжныя филиграновыя украшенія. Это была пещера-алгамбра. Дикая природа и утонченное искусство сталкивались въ этомъ величавомъ и безобразномъ твореніи случая.

Чудная плѣсень скрадывала подъ своимъ бархатомъ угловатость гранита. Съ крутизны фестономъ спускались ліаны, осыпанныя крупными цвѣтами. Ловкость и изящество, съ которыми онѣ лѣпились по стѣнамъ, невольно возбуждали мысль, что это существа одушевленные. Паріетаріи съ пучками своихъ диковинныхъ цвѣтовъ выставлялись всегда кстати и со вкусомъ. Все кокетство, доступное пещерѣ, было пушено въ ходъ. Дивное подводное освѣщеніе, въ одно и то же время полутѣнь и райское сіяніе, смягчало всѣ очертанія, сообщая имъ туманность видѣнія. Лучъ дробился въ каждой волнѣ, какъ въ призмѣ. Предметы представляли въ этомъ свѣтѣ цвѣтныя окраины, словно они были видимы чрезъ слишкомъ выпуклое сферическое стекло. Солнечный спектръ проникалъ въ глубь воды. Въ общемъ сіяніи тонули обрывки радуги. Въ другихъ мѣстахъ разливался блѣдный серебристый, какъ-бы лунный свѣтъ. Все это великолѣпіе, казалось, было расточено здѣсь для того только, чтобы исчезать въ незномъ сумрагѣ. Ничто не могло быть страннѣе, загадочнѣе этого блеска и роскоши въ подобномъ мѣстѣ. Надъ всѣмъ царило какое-то очарованіе. Фантастическая растительность и безобразное напластованіе горныхъ породъ вполне согласовались и въ результатѣ давали гармонію. Самые чудовищные предметы сливались въ счастливыхъ сочетаніяхъ. Воздушныя растенія, съ виду скользяція по поверхности камня, глубоко впивались въ его нѣдра. Нелегко было бы вырвать нѣжный цвѣтокъ изъ объятій грубаго камня. Массивные столбы вѣнчались бапителами изъ нѣжныхъ трепещущихъ гирляндъ—воображенію невольно представлялись розовыя пальчики фей, щекочущіе неуклюжія ноги бегемота. Скала поддерживала растеніе, растеніе съ чудовищной граціей душило въ своихъ объятіяхъ скалу.

Равнодѣйствующею всѣхъ этихъ таинственно сочетанныхъ безобразій, являлась какая-то могучая красота. Творенія природы, какъ и созданія генія, имѣютъ что-то безусловное, они предписываютъ удивленіе. Ихъ неожиданность поработаетъ себѣ разумъ, въ нихъ чудится какой-то умыселъ, независимый отъ чело-

вѣка, и всего болѣе поражаютъ они, когда въ страшномъ обнаруживаются прекрасное.

Этотъ невѣдомый гротъ представлялъ собою, какъ-бы сказать— и это выраженіе вполне уместно—что-то звѣздное. Все въ немъ изумляло, озадачивало. Эта пещера была залита какимъ-то апокалипсическимъ свѣтомъ. Трудно было поручиться, чтобы представившееся взорамъ существовало на дѣлѣ. Передъ глазами была дѣйствительность, но дѣйствительность фантастическая, почти невозможная. Можно было видѣть, осязать и все же нелегко было повѣрить.

Простой ли дневной свѣтъ проникаетъ сюда сквозь подводное окно? Вода ли это колеблется? Эти колонны, эти арки, не причудливы ли это облака? Точно ли это камень подъ ногами, и не разсѣтса ли онъ какъ дымъ? А эти сокровища раковинъ, такъ щедро повсюду разсѣяныя? И близко ли тутъ земля, жизнь, человѣкъ? Чтò значить это очарованіе, смѣшанное съ мракомъ? Этотъ таинственный, священный трепеть, съ которымъ сливается тихое колыханіе травъ на днѣ океана?

Въ глубинѣ арки, напоминавшей зодчество цѣлоповъ, въ темной впадинѣ, или въ пещерѣ, составлявшей родъ пещеры синіи въ святилищѣ, за прозрачной зеленой пеленой, какъ-бы завѣсой храма, видѣлся правильно высѣченный камень, полное подобіе алтаря. Вода окружала камень со всѣхъ сторонъ. Чудилось, что съ этого пьедестала только что сошла богиня. Воображеніе невольно, неотвязчиво рисовало въ этомъ таинственномъ убѣжищѣ, на этомъ алтарѣ, образъ божественной наготы, вѣчно-задумчивой и ревниво скрывающейся отъ человѣческаго взора. Трудно было представить себѣ это дивное жилище безъ видѣнія. Это видѣніе, вызванное воображеніемъ, слагалось само собою. Потокъ чистаго свѣта, разливающейся по бѣлоснѣжнымъ плечамъ, чело, купающееся въ лучахъ утренней зари, овалъ олимпійскаго лица, округлости таинственныхъ грудей, стыдливо сложенные руки, волосы, ниспадающіе золотую волной, чудныя бедра, облеченныя таинственной пеленой тумана, формы нимфы, дѣвственный взоръ, Киприда, выходящая изъ морской пѣны, Ева, выступающая изъ хаоса—таково было это видѣніе.

Нагая красота, скрывающаяся въ себѣ лучезарную звѣзду, таково, думалось, было видѣніе, только что покинувшее этотъ алтарь. Среди нѣмага поклоненія, наполнявшаго эту пещеру, мысленнымъ взорамъ представлялась какая-нибудь Амфитрида, Фетида, какая-нибудь любящая Діана, воплощенный лучъ свѣта, ласково взирающій на мракъ. Это она, уходя отсюда, оставила послѣ себя этотъ чудный свѣтъ, это лучезарное благоуханіе ея звѣзднаго тѣла.

Осмыслительнаго видѣнія уже не было, нельзя было видѣть этого образа, созданнаго для незримыхъ очей, но его можно было ощущать, его присутствіе сказывалось какимъ-то сладострастнымъ трепетомъ. Богиня удалилась, но божественность еще оставалась.

Красота этого убѣжища, казалось, создана была для такой обитательницы. И это ради нея, ради этой богини, этой жемчужины, этой царицы воздуха, этой красоты, родившейся изъ волнъ, подземелье было такъ благоговѣнно недоступно. Ничто не смѣло возмутить почтительности мрака, нарушить торжественности тишины.

Жильять былъ чутокъ къ голосу природы. Онъ былъ растроганъ и предался мечтанію.

Вдругъ, невдалекѣ подъ его ногами, въ этой очаровательно-прозрачной водѣ, подобной расплавленному самоцвѣтному камню, онъ увидѣлъ что-то непонятное. Какой-то безобразный лоскутъ двигался по водѣ. Этотъ лоскутъ имѣлъ цѣль, онъ куда-то направлялся. Эта травица походила на дурачій колпакъ. Ея зубчатая оторочка была одарена движеніемъ. Она, казалось, была покрыта какимъ-то налетомъ, непромокаемымъ для воды. Это было болѣе чѣмъ страшно, это было отвратительно. Въ немъ было что-то химерическое, это было существо, если только это не былъ призракъ. Оно направлялось къ концу пещеры, уходя въ темную глубь водъ. Этотъ безобразный силуэтъ быстро склывалъ и потонулъ во мракѣ.

КНИГА ВТОРАЯ

ТРУДЪ.

І.

Средства того, у кого нѣтъ ничего.

Пещера эта нелегко выпускала человѣка, который попалъ въ нее. Попасть въ нее было мудрено, выйти еще мудренѣе. Жильять, однако, кое-какъ выбрался, но уже болѣе туда не возвращался. Онъ добился чего ему было нужно, а для любопытства у него не было времени.

Онъ пустилъ въ ходъ бузницу. Недоставало инструментовъ—онъ ихъ сдѣлалъ.

Топливомъ ему служили обломки крушенія, двигателемъ—вода, мѣхомъ—вѣтеръ, наковальнею—камень; естественное чутье замѣняло искусство, желѣзная воля—силу.

Жильять съ жаромъ принялся за дѣло.

Погода, постоянно сухая и тихая, казалось, благосклонно взирала на его дѣло. Мартъ наступилъ незамѣтно. Дни увеличивались. Синева неба, величавое, спокойное движеніе безпредѣльнаго океана, ясность полдня, казалось, изгоняли всякую возможность дурного умысла. Море, залитое яркими лучами солнца, казалось, улыбалось. Измѣна часто предваряется лаской. Море не скупно на подобныя ласки. Не довѣряйтесь улыбкамъ этой коварной женщины.

Вѣтеръ не былъ силенъ, что, впрочемъ, было кстати для гидравлическаго поддувала — избытокъ вѣтра служилъ бы только помѣхой.

У Жильята была пила; онъ приготовилъ себѣ напилоть. Пилой онъ работалъ надъ деревомъ, напилкомъ — надъ металломъ. Къ этому онъ присоединилъ еще клещи и щипцы — эти руки кузнеца: клещи стискиваютъ, щипцы схватываютъ; одни дѣйствуютъ какъ кулаки, другіе — какъ пальцы. Инструменты — это тѣ же органы. Мало по малу, и съ трудомъ, приобрѣталъ Жильятъ этихъ вѣрныхъ союзниковъ, мало по малу созидалъ онъ свое вооруженіе. Изъ куска листоваго желѣза онъ сдѣлалъ навѣсъ для очага.

Одною изъ первыхъ его заботъ было привести блоки въ исправность. Различныя осколки, какъ мы уже говорили, были имъ собраны и распредѣлены по формѣ, по размѣрамъ и значенію, дубъ въ одну сторону, сосна въ другую, кривые куски направо, прямые налево. Это былъ запасъ подпорокъ и рычаговъ, необходимость которыхъ нетрудно было предвидѣть.

Чтобы устроить тали, нужно имѣть балки и сложные блоки, но этого мало: нужно имѣть еще канаты. Жильятъ подобралъ кое-какіе концы. Онъ вытнулъ кобалки изъ парусовъ, и сплелъ изъ нихъ мелкій троссъ. Этимъ троссомъ онъ связалъ концы канатовъ. Но эти связки могли скоро перегнить, нужно было скорѣе пустить ихъ въ дѣло. Жильятъ могъ изготовлять только бѣлыя снасти, у него не было смолы.

Починивъ снасти, онъ принялся за починку цѣпей.

Благодаря острому концу своей назовальни-бульжника, онъ могъ ковать кольца, правда, грубыя, но крѣпкія. Посредствомъ этихъ колець онъ могъ соединить собранные имъ обрывки цѣпей.

Ковать одному, безъ помощника — болѣе чѣмъ мудро. Но Жильятъ вышелъ съ торжествомъ и изъ этого затрудненія. Правда, что ему приходилось имѣть дѣло съ небольшими предметами. Онъ могъ держать ихъ клещами въ одной рукѣ и ковать другою.

Онъ разрѣзалъ на куски желѣзную балюстраду съ капитанскаго мостика и подѣлалъ себѣ изъ нихъ гвоздей, заостривъ одинъ конецъ и сплющивъ другой. Гвоздя эти были величи-

ноу около фута, и походили на тѣ, которые употребляются при понтонныхъ постройкахъ, когда приходится утверждать что-нибудь на камнѣ.

Зачѣмъ Жильяты предпринималъ этотъ громадный трудъ — увидимъ впоследствии.

Нѣсколько разъ приходилось ему отпускать топоръ и пилу.

Онъ употреблялъ въ дѣло шпиль Дуранды. Крюкъ отъ дѣли сломался—онъ выковалъ себѣ другой.

При помощи щипцовъ, клещей и долота, служившаго ему отверткой, онъ предпринялъ снять колеса. Читатель припомнить, что колеса могли сниматься — это была особенность парохода. Кожухи, служившіе имъ прежде чехлами, послужили теперь для нихъ укладки. Сколотивъ ящики изъ досокъ, удѣлѣвшихъ отъ кожуховъ, Жильяты уложилъ въ нихъ колеса, тщательно разобранныя на части, и перенумерованныя.

При этомъ, ему очень пригодился найденный кусокъ мѣла.

Онъ поставилъ оба ящика въ самомъ надежномъ мѣстѣ, на палубѣ Дуранды.

Окончивъ эти приготовительныя работы, Жильяты встрѣтился лицомъ къ лицу съ главнымъ затрудненіемъ, съ главной задачей. Задача эта была — сама машина.

Разобрать колеса было возможно. Разобрать машину нечего было и думать.

Вопервыхъ, Жильяты плохо зналъ ея механизмъ. Дѣйствуя наудачу, онъ могъ нанести ей поврежденія, которыхъ нельзя было бы исправить. Затѣмъ, еслибъ онъ даже и вздумалъ разобрать ее по частямъ, еслибъ онъ и имѣлъ эту безумную мысль, то для исполненія ея потребовались бы не такіе инструменты, которые онъ могъ изготовить, имѣя къ своимъ услугамъ пещеру — вмѣсто кузницы, вѣтеръ — вмѣсто мѣховъ, булыжники — вмѣсто наковальни. Пытаась разобрать машину, можно было ее изломать.

Наконецъ-то, представилось препятствіе, одолѣть которое было, повидимому, немислимо.

Казалось, что Жильяты очутился у подножія стѣны, называемой — невозможность.

Что тутъ было дѣлать?

II.

Какъ Шекспиръ можетъ встрѣтиться съ Эсхиломъ.

У Жильята былъ вполне созрѣвшій планъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ каменщикъ-столяръ изъ Салбриса, въ шестнадцатомъ вѣкѣ, въ темной ночи науки, задолго до Амонтона, до

Лагора, до Кулона, открывшихъ законы тренія, одинъ, безъ совѣтниковъ, безъ руководителей, съ ребѣнкомъ-сыномъ для помощи, съ грубыми инструментами вмѣсто машинъ—спустилъ часы съ колокольни Шарите-Сюр-Лоаръ, разрѣшивъ такимъ образомъ за разъ пять или шесть задачъ статки и динамки, запутанныхъ и цѣплавшихся одна за другую, какъ колеса экипажей въ уличной суматохѣ—съ тѣхъ поръ, какъ этотъ удивительный человекъ нашелъ средство спустить безъ малѣйшаго поврежденія эту громадину изъ желѣза и мѣди, «величиною съ сторожевую будку», съ ея барабанами, маятниками, гириями въ сто слишкомъ пудовъ, цѣпами и цѣпочками, боевымъ снарядомъ и выбѣгающими фигурами—съ тѣхъ поръ мѣръ не видалъ ничего подобнаго безумному предпріятію, затѣянному Жильятомъ.

Предпріятіе Жильята было, пожалуй, еще похуже, то-есть еще прекраснѣй.

Тяжесть, хрупкость, сложность, всѣ эти обстоятельства служили препятствіемъ какъ для машинъ Дуранды, такъ и для часовъ Шарите-Сюръ-Лоаръ.

Готическій каменщикъ имѣлъ помощника въ своемъ сынѣ, Жильятъ былъ одинъ.

Цѣлое населеніе собралось изъ Мёнъ-Сюръ-Лоаръ, изъ Невера, даже изъ Орлеана глазѣть на подвигъ смѣльчака — оно могло въ крайности помочь ему, и во всякомъ случаѣ, ободряло его своимъ одобрительнымъ ропотомъ. Жильятъ не видѣлъ вокругъ себя другой толпы, кромѣ волкъ, не слышалъ другого ропота, кромѣ вѣтра.

Трусость невѣжества можетъ сравниться только съ его безумной отвагой. Если оно рѣшается на что либо, то потому, что имѣетъ своего рода путеводный компасъ. Этотъ компасъ не что иное, какъ инстинктивное сознаніе истинны—сознаніе болѣе живое въ простыхъ, чѣмъ въ искусственно-развитыхъ умахъ.

Невѣжество побуждаетъ къ попыткамъ. Невѣжество открыто для мечтаній, а пытливое мечтаніе — сила. Знаніе порою парализуетъ силы, и частенько отбиваетъ охоту. Гама, будь онъ ученый, отступилъ бы передъ мысомъ Буръ. Знай Колумбъ лучше космографію, онъ не открылъ бы Америки.

Второй человекъ, вошедшій на Монбланъ, былъ ученый, Со-сюръ; первый былъ, простой пастухъ — Бальмъ.

Всѣ эти случаи, замѣтнымъ мимоходомъ, только исключенія, и нисколько не унижаютъ значенія науки — она все же остается правиломъ. Человекъ несвѣдущій можетъ открыть, ученый одинъ изобрѣтаетъ.

Вотъ стоялъ на якорѣ въ бухтѣ Человѣка, гдѣ онъ былъ без-

опасенъ отъ буѣ. Жильята позаботился, чтобы всегда имѣть свободный въ ней доступъ. Онъ измѣрилъ бимсы въ нѣсколькихъ мѣстахъ, особенно же въ мидель-шпангаутѣ. Затѣмъ онъ возвратился на Дуранду, и измѣрилъ большой поперечникъ платформы, на которой стояла машина. Этотъ поперечникъ, разумеется, безъ колесъ, оказался двумя футами короче мидель-шпангаута. Слѣдовательно, машина могла помѣститься на ботѣ.

Но какъ ее туда перетащить?

III.

Чудо Жильята является на выручку чуда Летьери.

Еслибъ какойнибудь рыбакъ, спустя нѣсколько времени, имѣлъ безуміе прогуливаться въ этихъ водахъ, онъ былъ бы вполне вознагражденъ за свою смѣлость небывалымъ зрѣлищемъ, которое представляли Дувры.

Онъ увидѣлъ бы четыре балки, отдѣленные равными промежутками и какъ-бы втиснутыя между двумя Дуврами. Балки эти лежали косвенно однимъ концомъ на маломъ Дуврѣ, а другимъ плотно упирались въ отвѣсную стѣну большого. По всему видно было, что эти концы были приведены въ ихъ настоящее положеніе сильными ударами молота, для чего работникъ долженъ былъ находиться на самой балкѣ. Длина балокъ немного превышала ширину прохода, оттого онѣ такъ плотно сидѣли въ своихъ мѣстахъ и шли наклонно. Съ большимъ Дувромъ онѣ образовали острый, а съ малымъ тупой уголъ. Наклонъ не у всѣхъ былъ одинаковъ, и это былъ важный недостатокъ. Еслибъ не этотъ недостатокъ, на нихъ можно было хоть мостъ настлать. Къ этимъ четыремъ брусьямъ были придѣланы четыре тали, снабженныя шкентелями и лопарями, но оригинальнаго и смѣлаго въ этихъ таяхъ было то, что сложный блокъ помѣщался на одномъ концѣ балки, а простой на другомъ. Этотъ промежутокъ, слѣшкомъ большой, и потому опасный, вѣроятно былъ вызванъ необходимыми условіями. Блоки были крѣпки и надежны. Съ балокъ спускались канаты, издали казавшіеся тонкими нитями, а подъ этимъ воздушнымъ сталажемъ, изъ брусень и блоковъ, неуклюжая масса Дуранды, казалась висѣла на нитяхъ.

Но она еще не висѣла. Подъ балками въ палубѣ было сдѣлано восемь отверстій, четыре съ лѣвой, четыре съ правой стороны; столько же отверстій было пробито и въ подводной части судна. Канаты спускались съ тадеи въ отверстія палубы, выхо-

дли наружу въ подводной части, проходили подъ вилемъ, снова уходили въ судно, и появлясь съ противоположной стороны палубы, подымались на верхъ и охватывали блоки на балкахъ. Далѣе они огибали небольшія талишки, и соединялись въ одинъ общій канатъ, который могъ управляться одной рукой. Заплечигъ и штаг-блокъ, чрезъ который проходилъ этотъ канатъ, довершали гриборъ и, въ случаѣ надобности, могли его затормозить. Этимъ приспособленіемъ достигалось согласное дѣйствіе всѣхъ четырехъ талей; канатъ въ опытныхъ рукахъ былъ настоящею уздой, кормиломъ, управлявшимъ ходомъ всего прибора. Искусная комбинація талишекъ напоминала своею упрощенностью отчасти современный вестонскій блокъ, отчасти древній полспастъ Витрувіа. Жильятъ изобрѣлъ его, хотя не имѣлъ понятія ни о Витрувіи, давно забытомъ, ни о Вестонѣ, еще въ то время неизвѣстномъ. Канаты были неодинаковой длины, чѣмъ отчасти исправлялся неравный наклонъ балокъ. Канаты эти были ненадежны, несмоленая пряжа могла легко поддаться; цѣпи были бы безопаснѣе, но онѣ плохо дѣйствовали бы на блокахъ.

Все это устройство, хотя полное ошибокъ, заслуживало изумленія, какъ твореніе рукъ одного человѣка.

Впрочемъ, мы не будемъ вдаваться въ дальнѣйшія подробности, которыя выяснили бы, конечно, дѣло для специалиста, но только затемнили бы его для людей несвѣдущихъ.

Труба находилась въ промежуткѣ между двухъ среднихъ балокъ.

Жильятъ, самъ того не вѣдая, сдѣлалъ подлогъ: онъ ровно чрезъ три столѣтія, повторилъ механизмъ альбрисскаго столяра—механизмъ первобытный, грубый, опасный для того, кто осмѣливался обращаться съ нимъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что даже грубыя ошибки не мѣшаютъ механизму кое-какъ работать. Онъ хоть и хромаетъ, да идетъ. Обелискъ на площади Св. Петра въ Римѣ былъ поставленъ противъ всѣхъ правилъ стативы. Одноколка царя Петра грозила каждую минуту опрокинуться, и однако она отслужила свой вѣкъ. Сколько безобразныхъ уродливостей въ водоподъемной машинѣ Марли! Все въ ней нехстаети, и, несмотря на то, она снабжала водою Лудовика XIV.

Какъ бы то ни было, Жильятъ былъ полонъ надеждъ. Онъ даже настолько рассчитывалъ на успѣхъ, что вдѣлалъ въ борта своего бота двѣ пары желѣзныхъ колець, соотвѣтствовавшихъ по положенію четыремъ вольцамъ, къ которымъ прикрѣплялись цѣпи, поддерживавшія трубу на Дурандѣ.

У Жильята очевидно созрѣлъ вполне опредѣленный и весьма

сложный планъ. Противъ него были всё случайности; онъ позаботился, чтобы на его сторонѣ были всё предосторожности.

Онъ дѣлалъ вещи, казавшіяся совершенно излишними—признакъ глубокой мысли.

Его образъ дѣйствій сбилъ бы съ толку даже опытнаго въ подобномъ дѣлѣ наблюдателя.

Напримѣръ, кто бы понималъ, съ какою цѣлью онъ употреблялъ такія страшныя усилія и рисковалъ сломать шею, вгоняя у подошвы Дувровъ восемь или десять изъ тѣхъ гвоздей, которые онъ себѣ выговалъ.

Или еще лучше, что бы могъ подумать посторонній наблюдатель, увидавъ какъ Жильятъ, вымѣривъ часть носовой стѣны, оставшейся при машинѣ, обязалъ ее кабельтовымъ, перерубилъ топоромъ доски, связывавшія ее съ машиной, и потомъ поволокъ ее при содѣйствіи прилива изъ ущелья и привязалъ къ гвоздямъ, вколоченнымъ при подножій Дувровъ. Этотъ наблюдатель, конечно, подумалъ бы что если Жильятъ хотѣлъ отдѣлаться отъ излишняго груза, то не было никакой надобности поднимать всё эти напрасныя хлопоты; стоило только дать упасть въ воду этому грузу, предоставивъ остальное приливу.

Но у Жильята вѣроятно были на то свои основанія.

Для того, чтобы закрѣпить гвозди, онъ долженъ былъ отыскивать трещины въ гранитѣ, вгонять въ нихъ клинья изъ дерева и уже въ нихъ вколачивать гвозди. То же сдѣлалъ онъ и при подошвѣ двухъ другихъ скалъ, замыкавшихъ входъ въ корридоръ между утесами съ восточной стороны. Но тамъ онъ только ограничился деревянными клиньями—это, значить, было сдѣлано только про всякій случай. Гвоздей онъ не вбилъ потому, что нужда научила его беречь матеріалъ и употреблять его только въ минуту надобности. Это, конечно, еще болѣе усложняло затрудненія.

Кончалось одно дѣло, начиналось другое. Жильятъ, не задумываясь, переходилъ отъ одного къ другому. Онъ шагалъ какъ гигантъ.

IV.

С У В Я Е.

Человѣкъ, творившій все это, обратился въ какое-то страшилище.

Въ своемъ многообразномъ трудѣ, Жильятъ расходовалъ разъ всё свои силы, а пополнялъ ихъ съ трудомъ.

Отъ лишеній съ одной стороны, и усталости съ другой, онъ очень исхудалъ. Его волосы и борода отросли. Одна только рубашка на немъ была не въ лохмотьяхъ. Ходилъ онъ босой, вѣ-

теръ похитилъ одинъ изъ его башмаковъ, море — другой. Осколки его грубой, опасной наковальни изранили ему руки. Эти слѣды труда—скорѣе царапины, чѣмъ раны, были неважны сами по себѣ, но ихъ растравляли рѣзвй воздухъ и соленая вода.

Онъ голодалъ, томился жаждой, дрожалъ отъ холода.

Его манера съ прѣсной водой опустѣла, ржаная мука вся вышла на ѣду или на работу. У него оставался только одинъ и то нецѣлый сухарь.

Онъ ломалъ его зубами, обмакивалъ въ воду и съ трудомъ жевалъ.

Мало по малу, день ото дня, силы его падали.

Роковая скала высасывала жизнь изъ его бременнаго тѣла.

Пить было вопросъ; ѣсть было вопросъ; спать было вопросъ.

Онъ ѣлъ, когда ему удавалось поймать краба или морскую моврицу; онъ пилъ, когда замѣчалъ издали, что какая нибудь морская птица опускалась на крутизну скалы. Онъ взбирался туда вслѣдъ за ней и находилъ въ разсѣлинѣ немного прѣсной воды. Онъ пилъ послѣ птицы, или вмѣстѣ съ ней; уже бакланы и чайки такъ привыкли къ нему, что не улетали при его появленіи. Жилъ даже въ минуты самаго страшнаго голода не дѣлалъ имъ никакого вреда. Онъ, какъ читатели помнятъ, питалъ какое-то суевѣрное чувство къ птицамъ. Онѣ, съ своей стороны, перестали его бояться, благодаря его всклобоченнымъ волосамъ и длинной бородѣ; онѣ не считали его болѣе за человѣка, а за какое-то животное.

Птицы и Жилъ были теперь друзьями. Бѣдныя всегда помогаютъ другъ другу. Пока у Жилъята была мука, онъ кормилъ птицъ крошками своихъ лепешекъ; теперь онѣ въ свою очередь указывали ему, гдѣ найти воду.

Онъ ѣлъ сырыхъ моллюсковъ, они въ нѣкоторой степени утоляютъ жажду; что касается до крабовъ, то не имѣя востриги, онъ жарилъ ихъ между двумя раскаленными докрасна камнями, какъ дѣлаютъ дикіе Ферройскіе острова.

Однако, равенство давало себя чувствовать: начался дождь, и дожди враждебны. Не было ливня и наводней, но былъ дождь продолжительный, мелкій, провзавшій, словно ледяными иглами, платье и тѣло Жилъята. Этотъ дождь давалъ мало питья, а мочилъ до костей.

Скупой на помощь, расточительный на бѣдствія, таковъ былъ этотъ дождь, недостойный неба. Жилъять выносилъ его на себѣ впродолженіе цѣлой недѣли, днемъ и ночью. Послать этотъ дождь, было жестоко со стороны неба.

Ночью, въ своемъ гранитномъ углубленіи, онъ не спалъ, а

лишь забывался отъ изнеможенія послѣ столькихъ трудовъ. Во время сна его кусали большіе морскіе комары. Онъ просыпался весь покрытый прыщами.

У него была лихорадка, и она его поддерживала: лихорадка служить иногда въ помощь, но она убиваетъ въ концѣ-концовъ. Инстинктивно онъ повременамъ жевалъ лишайники или сосалъ листья дикаго хрѣна, скудно растущаго въ сухихъ расщелинахъ скалы. Впрочемъ, онъ мало обращалъ вниманія на свои страданія. Онъ не имѣлъ времени отвлекаться отъ дѣла ради себя самого. Машинъ Дуранды была здорова. Этого для него было совершенно достаточно.

Каждую минуту, при малѣйшей надобности, онъ бросался въ воду, плавалъ, куда было нужно, и возвращался назадъ. Онъ входилъ въ воду и выходилъ изъ нея, какъ входитъ и выходитъ изъ одной комнаты въ другую.

Одежда его никогда не высыхала. Она была пропитана дождевой водой, которая постоянно подновлялась, и морской, которая никогда не высыхаетъ. Жильята былъ постоянно мокръ.

Жить вѣчно мокрымъ, дѣлается привычкой. Несчастные, полуобнаженные ирландцы, старики, старухи, молодыя дѣвушки и дѣти, которые проводятъ зиму на чистомъ воздухѣ подъ дождемъ и снѣгомъ, прижавшись въ углу какого нибудь дома на улицахъ Лондона, живутъ и умираютъ мокрые.

Быть мокрымъ и жадать! Жильята переносилъ эту страшную пытку. Онъ лизалъ повременамъ рукава своей куртки, чтобъ утолить жажду хоть сыростью.

Огонь, который онъ разводилъ, не согрѣвалъ его; огонь на чистомъ воздухѣ—небольшая помощь; съ одной стороны жечь, съ другой—мерзнешь.

Часто Жильята весь въ поту дрожалъ отъ холода.

Все вокругъ сопротивлялось Жильяту въ какомъ-то роковомъ безмолвіи. Онъ чувствовалъ, что онъ врагъ всему.

Предметы неодушевленные имѣютъ свой мрачный *Non possumus*.

Ихъ бездѣйствіе служитъ грознымъ предупрежденіемъ.

Громадное недоброжелательство окружало со всѣхъ сторонъ Жильята. Огонь его жегъ, вода леденила, жажда бросала въ жаръ, вѣтеръ свалъ одежду, голодь производилъ судороги въ желудкѣ. Онъ испытывалъ гнетъ страшнаго союза враждебныхъ ему силъ. Прегрѣда—спокойная, громадная, неотвѣтственная ни предъ чѣмъ, но полная грознаго внутренняго единства, окружала Жильята со всѣхъ сторонъ. Онъ чувствовалъ, какъ она тяготѣла надъ нимъ. Не было никакой возможности освободиться отъ нея.

Эта преграда была почти одушевленнымъ существомъ. Жильяты сознавалъ существованіе какого-то мрачнаго противодѣйствія, какой-то ненависти, стремившейся его умалить. Отъ него зависѣло бѣжать, но такъ-какъ онъ оставался, то ему приходилось имѣть дѣло со врагомъ невидимымъ, непостижимымъ. Не имѣя возможности его удалить, его унижали. По кто? Невѣдомая сила. Это его мучило, убивало. Съ каждымъ днемъ таинственный витьтъ придавливалъ его еще на одинъ оборотъ.

Положеніе Жильята въ этомъ страшномъ мѣстѣ походило на безчестную дуэль, въ которой одинъ изъ соперниковъ коварный злодѣй.

Союзъ невѣдомыхъ силъ его окружалъ. Онъ чувствовалъ, что онѣ всѣ рѣшились отдѣлаться отъ него. Такъ ледникъ гонить передъ собою валуны.

Почти не прикасаясь къ нему явно, этотъ таинственный союзъ обнажалъ его, окровавлялъ его, приводилъ его въ отчаяніе, однимъ словомъ, дѣлалъ его неспособнымъ къ бою, прежде чѣмъ начался еще бой. Жильяты, однако, отъ этого не менѣе работалъ, онъ трудился все такъ же неустанно; но по мѣрѣ того, какъ работа влилась, работникъ расклеивался. Можно было подумать, что жестокая природа, боясь души человѣка, стремилась уничтожить его тѣло. Жильяты крѣпился и ждалъ. Бездна начала бой съ того, что стала изнурять и ослаблять его силы. Чтѣ она сдѣлаетъ потомъ?

Двойной Дувръ, этотъ гранитный драконъ посреди открытаго моря, принялъ Жильята. Онъ пустилъ его къ себѣ и позволялъ распоряжаться на свободѣ. Это походило на гостепріимство развинутой пасти.

Пустыня, необъятное пространство, въ которомъ столько преградъ человѣку, безмолвная злоба явленій природы, повинующихся своему теченію, общій великій законъ, безжалостный, таинственный, приливы и отливы, роковой рифъ, этотъ центръ, отъ котораго теченія разбѣгаются лучами во всѣ стороны, холодъ, тучи, море, невѣдомый заговоръ неодушевленныхъ предметовъ противъ смѣлости одушевленнаго существа — все это обружало Жильята, стѣсняло его, отрѣзывало отъ всѣхъ живущихъ какъ-бы стѣной темпицы. Все было противъ него, ничего за него; онъ былъ одинокій, оставленный всѣми, забытый, изнуренный, разслабленный. Его кладовая была пуста, орудія работы поломаны и зазубрены; днемъ его мучили голодь и жажда, ночью холодъ; гнойныя раны и изорванные лохмотья покрывали его взнуренное тѣло; руки его были изрѣзаны, исколоты, ноги въ

крови; лицо поражаело своею спневатою блѣдностью, въ глазахъ блестяль лихорадочный огонь.

Чудный огонь, въ немъ сіяла воля. Глазъ челоуѣка такъ сотворенъ, что въ немъ видна его добродѣтель. Его зрачокъ ясно говоритъ, на сколько онъ челоуѣкъ. Намъ можно повѣрять по блеску лучезарнаго источника, прикрытаго рѣсницами. Мелочные люди моргаютъ глазами, великіе метаютъ молніи. Если ничего не сіяеть изъ-подъ нависшихъ рѣсницъ, значить умъ ничего не думаетъ, сердце ничего не любитъ. Кто любитъ, тотъ желаетъ; а кто желаетъ, тотъ сіяеть и свѣтитъ. Твердая воля зажигаетъ взглядъ огнемъ, чуднымъ огнемъ, происходящимъ отъ сгорания робкихъ мыслей.

Настойчивые упрямцы—величайшіе люди на свѣтѣ. Храбрость—только припадокъ горячки, неустрашимость — только не болѣе, какъ особенность характера, мужество — простая добродѣтель, но упорство въ добрѣ — вотъ величіе. Вся тайна великихъ сердецъ заключается въ этомъ одномъ словѣ: *Perseverando*. Упорная настойчивость имѣеть такое же отношеніе къ мужеству, какъ колесо къ рычагу; это постоянное возобновленіе точки опоры. Гдѣ бы ни была цѣль, на землѣ или на небѣ, по пути въ цѣль, въ этомъ заключается все. Не дать заговорить свою совѣсть, или обезоружить свою волю — вотъ путь къ страданію и торжеству. Въ области нравственныхъ фактовъ унасть часто значить подняться, и паденіе преобразуется въ вознесеніе. Людей слабыхъ преграды могутъ свращать, сильныхъ — никогда. Погибель — это для нихъ возможная случайность, но побѣда — это для нихъ достовѣрность. Вы можете сколько угодно убѣждать, напримѣръ, св. Стефана, что неблагоразумно быть побиваемому камнями. Презрѣніе къ совѣтамъ благоразумія — вотъ что рождаетъ эту великую побѣду пораженія, которую называютъ мученическимъ вѣнцомъ.

Всѣ успія Жильята казались невозможными, успѣхъ былъ невѣроятный, надо было много израсходовать, а въ замѣнъ получить очень мало; вотъ это-то и дѣлало его великимъ, высоко патетическимъ.

Для того, чтобъ устроить четыре балки надъ потонувшимъ кораблемъ, чтобъ отрѣзать и уединить въ этомъ бораблѣ ту часть, которую можно было еще спасти, чтобъ прикрѣпить къ этому обломку отъ обломка четыре тали съ ихъ цѣпами — для этого потребовалось столько приготовленій, столько трудовъ, столько неудавшихся попытокъ, столько ночей безсонницы, столько дней усталости, и въ этомъ заключалась вся тягость одиночнаго труда. Причиной — рокъ, слѣдствіемъ — необходимость. Жильять, однако,

болѣе чѣмъ подчинился этой тягости, онъ желалъ ея. Боясь конкурента, ибо конкурентъ могъ сдѣлаться соперникомъ, онъ не искалъ себѣ союзника. Страшное предпріятіе, его рискъ, его опасность, трудъ почти непреодолимый, возможное поглощеніе спасителя спасаемымъ, голодъ, холодъ, болѣзнь, обнаженность — онъ все принялъ на себя, на себя одного: такъ далеко простеръ онъ свой эгоизмъ.

Онъ какъ будто находился подъ дѣйствіемъ какого-то страшнаго воздушнаго насоса. Жизнь мало по малу исчезала въ немъ, а онъ едва это примѣчалъ.

Ослабленіе силъ не ослабляетъ силу воли. Вѣрить — это сила второстепенная, хотѣть — вотъ самая первая. Горы, сдвигаемыя, какъ говорятъ, вѣрою съ мѣста, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлаетъ воля. Все, что Жильятъ терялъ въ силѣ, онъ наверстывалъ упорствомъ. Физическій человѣкъ умался отъ разслабляющаго вліянія дикой природы; за то росъ и становился гигантомъ человѣкъ нравственный.

Жильятъ не чувствовалъ усталости, или лучше сказать не хотѣлъ этого признавать. Непризнаніе душою слабости тѣла имѣетъ громадную силу.

Жильятъ видѣлъ, какъ подвигалась его работа, и онъ ничего другаго не видѣлъ. Это былъ несчастный, самъ того не сознававшій. Цѣль, которой онъ почти уже достигъ, сводила его съ ума. Онъ переносилъ всѣ роды страданій, а думалъ только одно: впередъ! Его подвигъ бросился ему въ голову. Можно опьянѣть отъ величія собственной души. Такое опьяненіе называютъ геройствомъ.

Жильятъ былъ нѣчто въ родѣ океаническаго Юва.

Но онъ былъ Ювъ — борецъ, Ювъ, вызывающій на бой испосланных на него бары, Ювъ побѣдитель, и еслибъ подобныя слова не были слишкомъ громки для бѣднаго матроса, ловца маленькихъ раковъ, крабовъ, я бы сказалъ, что это былъ Ювъ Прометей.

V.

SUB UMVA.

Иногда, во время ночи, Жильятъ отрывалъ глаза и всматривался въ темноту.

Онъ ощущалъ тогда какое-то странное чувство умпленія.

Вглядываться въ темноту вселяетъ грусть, порождаетъ безпокойство.

Давленіе мрака существуетъ.

Безконечный сводъ изъ мрака, бездонная темнота, пзмѣрить глубину которой невозможно; какой-то свѣтъ, примѣшанный къ этой темнотѣ, свѣтъ побѣжденный и мрачный, свѣтъ рассыпающійся пылью; что это—сѣмена или пепель? Тысячи свѣточей, и никакого блеска; необъятное горѣніе, скрывающее свой таинственный источникъ, разлитіе огня въ видѣ пыли, которая представляется столбчатымъ облакомъ искръ, беспорядочное движеніе вихря и неподвижное безмолвіе могилы, задача, обѣщающая открытіе бездны; загадка, то показывающая, то скрывающая лицо свое, безконечность подъ маскою мрака—вотъ ночь. Это громадное наслоеніе давить человѣка.

Эта амальгама всѣхъ тайнъ, взятыхъ вмѣстѣ, тайнъ мировыхъ и тайнъ роковыхъ, гнететь умъ.

Давленіе мрака дѣйствуетъ противоположно на различныя души. Человѣкъ въ виду ночи признаетъ себя неполнымъ. Онъ видитъ темноту и чувствуетъ свою слабость. Когда небо черно, человѣкъ слѣпъ. Человѣкъ, лицомъ къ лицу съ ночью, преклоняется болѣе, простирается на землѣ, ползетъ къ какой-нибудь норѣ, или ищетъ крыльевъ; онъ хочетъ бѣжать отъ этого присутствія Невѣдомаго. Онъ спрашиваетъ: что это? и онъ дрожитъ, преклоняется, не вѣдаетъ; но порою жаждетъ идти туда.

Куда?

Туда.

Туда? гдѣ это? И что тамъ?

Это любопытство, очевидно, любопытство къ запрещеннымъ вещамъ; ибо съ этой стороны всѣ мосты вокругъ человѣка разрушены. Надъ безконечнымъ нѣтъ арки. Но запрещенное притягиваетъ, будь оно бездна. Куда нога не можетъ ступить, туда взглядъ можетъ достигнуть; гдѣ взглядъ останавливается, тамъ умъ можетъ идти далѣе. Нѣтъ человѣка, какъ бы слабъ онъ ни былъ, который бы не стремился разгадать перазгаданное. Человѣкъ по своей природѣ, встрѣтившись съ ночью, или цѣлпепѣтъ, пораженный ужасомъ, или предается изслѣдованію ея тайнъ. Умъ однихъ при этомъ сжимается, умъ другихъ расширяется. Зрѣлище мрачное. Тутъ замѣшано необъяснимое.

Ночь тихая—это непроглядный мракъ; бурная—это непроглядный дымъ. Безконечность и недоступна и понятна въ одно и то же время; закрытая опыту, она открыта предположенію. Безчисленные проблески свѣта дѣлаютъ еще чернѣе бездонную темноту. Свѣтащіяся точки, дрожащій свѣтъ, звѣзды—это признанные факты въ невѣдомомъ, страшиллица, вызывающія дотронуться до нихъ.—Это вѣлы творенія въ безусловномъ, это столбы, пзмѣряющіе разстоянія

тамъ, гдѣ пѣть разстояній; это какія-то невозможныя, несущест-
вующія мѣрила убыли и прибыли бездны безконечностей. Вотъ
одна микроскопическая точка блестятъ, вотъ другая, вотъ еще дру-
гая. Это едва примѣтно, но это громадпо. Этотъ свѣтъ—очагъ;
этотъ очагъ — звѣзда; эта звѣзда — солнце; это солнце — цѣлый
міръ; этотъ міръ — ничто. Всякое число—нуль передъ безконеч-
ностью.

Эти міры, которыя ничто — существуютъ. Признавая ихъ су-
ществованіе, чувствуешь различіе между быть ничѣмъ, и вовсе
не быть.

Недостижимое, прибавленное къ неостижимому — вотъ небо.

Подобныя созерцація рождаютъ великое чудо: возвышеніе души
человѣческой посредствомъ ужаса.

Священный ужасъ присущъ человѣку; звѣри не вѣдаютъ этого
чувства. Умъ находитъ въ этомъ ужасѣ и свое затмѣніе и доба-
вительство своей силы.

Мракъ одинъ; отсюда ужасъ. Онъ съ тѣмъ вмѣстѣ — явленіе
сложное, отсюда страхъ. Его единство гнететъ нашъ умъ своею
массой, и уничтожаетъ всякую мысль сопротивленія. Его слож-
ность заставляетъ оглядываться, заставляетъ бояться чакъ-бы
внезапнаго нападенія. Невольно покоряешься, и стережешь свою
безопасность. Вы находитесь передъ лицомъ *Всего*, отсюда нобор-
ность, и передъ лицомъ *Множества*, отсюда недоувѣріе. Единство
мраба содержитъ въ себѣ множественность, таинственную множе-
ственность, видимую въ матеріи, ощущаемую въ мысли. Отъ этого,
безмолвіе, усугубляющее необходимость быть всегда на сторожѣ.

Ночь (пшущій эти строки сказалъ уже это прежде)—это настоя-
щее, нормальное положеніе того вида твореній, которому мы при-
падаемъ. День — столь же малая величина во времени, какъ
въ пространствѣ — это только близость къ небесному свѣтлу.

Всемирное чудо ночи не производится безъ тренія, а треніе
подобной машины—контузій жизни. Треніе машины—это то, что
мы называемъ зло. Мы чувствуемъ въ этомъ мракѣ зло, таинствен-
ное нарушеніе божественнаго порядка, богохульство возмущивша-
гося факта противъ идеала. Зло усложняетъ какой-то тысячеголо-
вой тетралогіей необъятное цѣлое міроздавія. Зло^{вездѣ} является
для протеста. Оно ураганъ и мѣшаетъ ходу корабля; оно хаосъ
и затрудняетъ появленіе новыхъ міровъ. Добро отличается един-
ствомъ, зло—вездѣсущностью. Зло разстраиваетъ жизнь, которая
прежде всего строго логична. Оно заставляетъ птицу пожирать
муху, и комету поглощать планету. Зло—это помарба творчества.

Ночной мракъ полонъ опасностей. Кто углубляется въ него,
тотъ надаетъ и съ трудомъ выгарабывается. Нѣтъ усталости,

которую можно было бы сравнить съ изслѣдованіемъ мрака. Это— изученіе похереннаго.

Нѣтъ ни одной постоянной конечной точки, на которой могъ бы остановиться умъ. Есть точки исхода, но нѣтъ точекъ притока. Перекрещиваніе протпвоположныхъ рѣшеній, сдѣяленіе всѣхъ различныхъ видовъ сомнѣнія; безконечное развѣтвленіе явленій природы, всѣ ея законы, переходящіе одинъ въ другой; непостижимое смѣшеніе всего, такъ что минералы произрастаютъ, растенія живутъ, мысль тяготѣеть, любовь свѣтитъ, сила тяготѣнія любить; громадный развернутый фронтъ всѣхъ вопросовъ, исчезающій въ безпредѣльной глубинѣ; угаданное рука объ руку съ невѣдомымъ; единство всего мірозданія, явственно представляющееся если не взгляду, то уму, въ предѣльномъ пространствѣ; невидимое, дѣлающееся виднѣиель — вотъ мракъ. Человѣкъ тутъ преклоняется.

Онъ не знаетъ подробностей, но несетъ на себѣ, пропорціо-нально своему духу, чудовищную тяжесть дѣлага. Это страшное давленіе побуждало халдейскихъ пастуховъ заппматься астрономіею. Невольнымъ откровенія пзливается сквозь поры творенія; наука выгоняется какъ-бы потомъ и паспльно вселяется въ невѣжу. Какъ бы ни былъ уединенъ человекъ, подъ этимъ тапш-ственнымъ гропленіемъ науки, онъ дѣлается, часто безсознатель-но, естественнымъ философомъ.

Мракъ недѣлпмъ. Онъ обитаемъ. Въ немъ обитаетъ безусловное, неподвижно; но въ немъ обитаютъ и подвижныя существа. Во мракѣ движутся, это порождаетъ безпокойство. Священная формація образуется и проходитъ тутъ чрезъ различныя свои фазы. Разновидныя дѣла, силы, намѣренія здѣсь вырабатываютъ сообща чудовищъ. Тутъ скрывается жизнь ужасающая, отвратительная. Тутъ заключаются громадныя движенія свѣтилъ, семейство звѣздъ, семейство планетъ, *quid divinum* теченій, поляризацій, притяженій; тутъ миръ и борьба, великолѣпный приливъ и отливъ всемірныхъ антиптезъ, невѣсомое посреди центровъ тяготѣнія, странствующій атомъ, разбросанное сѣмя, наплывъ оплодотворенія, встрѣчи любви и борьбы, разстоянія, похожія на сонъ, кругообращенія, отъ которыхъ захватываетъ духъ, погруженіе міровъ въ неизмѣримость, чудеса, преслѣдующія другъ друга, механизмъ устроенный разъ навсегда, дыханіе сферъ, предающихся бѣгству, шумъ невѣдомыхъ колесъ. Ученый предполагаетъ, невѣдающій соглашается и дрожитъ; все это существуетъ и ускользаетъ; все это неуловимо, недостижимо; и во всемъ этомъ убѣжденъ до угнетенія, такъ что чувствуешь какую-то мрачную, дающую увѣ-

рениость. А ничего не можешь схватить. Васъ гнететь, уничтожаетъ недостижимое.

Вездѣ непостижимое, нигдѣ нѣтъ непонятнаго.

И во всему этому прибавьте еще роковой вопросъ: «Эта имманентная сила есть ли существо?»

Находишься подъ гнетомъ мрака. Смотришь, прислушиваешься.

Между тѣмъ земля идетъ, вертится; цвѣты сознають это громадное движеніе, силена распускается въ одиннадцать часовъ вечера, гемерокализъ въ пять часовъ утра. Правильность поразительная.

На другихъ глубинахъ капля воды дѣлается цѣлымъ міромъ, инфузоріи въ ней кишать, гигантская плодотворность обнаруживается въ микроскопическихъ животныхъ, едва уловимое выказываетъ свое величіе, тутъ является громадность въ противоположномъ смыслѣ; одна діатома производитъ въ часъ тринадцать мильоновъ діатомъ.

Какое соединеніе всѣхъ загадокъ природы!

Онѣ неразгаданны.

Вы принуждены вѣрять. Вѣра—вотъ результатъ. Но имѣть вѣру еще не довольно, это одно не успокоитъ. Вѣра нуждается въ формѣ. Вотъ причина религій. Ничего не можетъ быть тягостнѣе, какъ вѣра безъ опредѣленныхъ очертаній.

Что ни думалъ бы человѣкъ, чего бы онъ ни хотѣлъ, какъ бы сильно ни было въ немъ чувство сопротивленія, но смотрѣть на мракъ, значить не смотрѣть, а созерцать.

Что дѣлать съ этими явленіями природы, какъ двигаться подъ ихъ сосредоточеннымъ вліяніемъ? Разложить это давленіе невозможно. Какой мечтой пояснить эти таинственные загадки? Сколько отсюда легендъ, туманныхъ, внезапныхъ, затемняющихъ одна другую, похожихъ какъ-бы на лепетъ слова! Мракъ—безмолвіе, но это безмолвіе говорить все. И смыслъ этихъ рѣчей—Богъ. Богъ—это понятіе неуничтожимое. Оно присуще человѣку. Свѣтлогнзмы, споры, отрицанія, системы, теогоніи, все проходитъ мимо, не измѣняя, не умаляя его. Мракъ во всей своей совокупности подтверждаетъ это понятіе. Но все остальное смутно. Грозная, громадная имманентность. Необъяснимый союзъ силъ природы обнаруживаетъ себя, поддерживая весь этотъ мракъ въ равновѣсін. Вселенная виситъ, и ничего не падаетъ. Передвиженія—постоянныя, безмѣрные производятся безъ несчастій, приключеній. Человѣкъ участвуетъ въ этомъ вѣчномъ движеніи, и то количество колебаній, которыя выпадаютъ на его долю, онъ называетъ судьбой. Гдѣ начинается судьба? Гдѣ кончается природа?

какое различіе между проишествіемъ и годичной перемѣной, между горемъ и дождемъ, между добродѣтелью и звѣздой? Часъ не все ли равно, что волна? Машина продолжаетъ вертѣться; вѣчное, неуловное движеніе идетъ своимъ чередомъ, не удостоивая отвѣтомъ человѣка.

Небо, усыпанное звѣздами — это зрѣлище колесъ, противовѣсовъ, коромыселъ. Это высшая степень созерцанія, соединенная съ высшей степенью мечтанія. Это вся дѣйствительность, плюсъ вся отвлеченность. Начего не остается внѣ. Вы чувствуете, что вы въ плѣну. Нѣтъ спасенія. Вы въ рукахъ мрака. Вы видите себя въ машинѣ, вы составная, неотъемлемая частица Всего; вы чувствуете, что неизвѣстное, заключающееся въ васъ, таинственно братается съ неизвѣстнымъ внѣ васъ. Это великій предвѣстникъ смерти. Какая страшная мука, и какое высокое наслажденіе! Прийти въ соприкосновеніе съ безконечностью, и въ силу этого соединенія получить безсмертіе, вѣчную жизнь, чувствовать въ грозныхъ волнахъ всеобщаго мірового потока непоглощаемость собственнаго я! смотрѣть на свѣтла небесныя и сказать себѣ: «Я такая же душа, какъ вы!» смотрѣть на мракъ и сказать: «Я такая же бездна, какъ ты!»

Эти чудовищныя ощущенія — это ночь!

Все это, усиленное еще одиночествомъ, тяготѣло надъ Жильятомъ.

Понималъ ли онъ это? Нѣтъ.

Чувствовалъ ли онъ это? Да.

У Жильята былъ великій умъ, но смутный; великое сердце, но дикое.

VI.

Жильятъ устанавливаетъ вотъ.

Спасеніе машины, задуманное Жильятомъ, было настоящее бѣгство, мы уже разъ это замѣтили, а всякій слыхалъ, съ какимъ изумительнымъ терпѣніемъ приводится въ исполненіе планъ бѣгства. Всякій слыхалъ также, какого баснословнаго труда стоить подобныя попытки. Трудолюбіе граничить съ чудомъ, терпѣніе переходитъ въ агонію. Одинъ узникъ — возьмемъ хоть Тома, бѣжавшаго въ Сен-Мишелъ, уловчился спрятать полстѣны въ своемъ матрацѣ. Другой, въ Тюль въ 1820 году, во время прогулокъ на тюремной терассѣ, нарѣзалъ себѣ свинцу — какимъ ножомъ? никто того не знаетъ; расплавилъ этотъ свинецъ — на какомъ огнѣ? никто не можетъ отгадать; вылилъ себѣ изъ этого свинца ключъ — въ какой формѣ? — на этотъ

разъ извѣстно—въ формѣ изъ хлѣбнаго мякиша; и этимъ ключомъ отперъ замокъ, который былъ ему знакомъ только по скажинѣ. Жильяты былъ способенъ на всѣ эти непонятныя ухищренія. Онъ съумѣлъ бы взлѣзть и спуститься съ утеса Боарозэ.

Тюремщикъ Океанъ зорко слѣдилъ за нимъ.

Впрочемъ, несмотря на всѣ непріятности, которыя онъ терпѣлъ отъ дождя, онъ съумѣлъ извлечь изъ него пользу. Онъ пополпилъ свой запасъ прѣсной воды, но жажда его была неутолима; онъ почти залпомъ осушалъ свое ведро.

Въ одинъ прекрасный день, послѣдній день апрѣля или первыя мая, всѣ приготовительныя работы были готовы.

Машина лежала какъ въ рамѣ между осью канатами талей, четырьмя съ одной стороны и четырьмя съ другой. Шестнадцать отверстій на палубѣ и въ подводной части, съвозъ которыхъ проходили канаты, соединялись между собою прорѣзами. Прорѣзы эти были сдѣланы гдѣ пилой, гдѣ топоромъ, гдѣ напилькомъ, гдѣ ножницами. Часть вѣя, лежавшая подъ самой машиной, была тщательно по концамъ обрублена и должна была служить опорой для машины при подъемѣ. Вся эта громада держалась одною цѣпью, которая въ свою очередь ждала только напилька. Въ подобныя минуты поспѣшность—благоразуміе.

Минута была благопріятная—начинался отливъ.

Жильяту удалось отвинтить колесовую ось, торчащіе концы которой могли служить помѣхой при нагрузкѣ. Онъ помѣстилъ ее вертикально въ самой машинѣ.

Да и пора было кончить. Жильяты, какъ мы сказали, еще не усталъ, потому не хотѣлъ уставать. Но нельзя было сказать того же объ его инструментахъ и приборахъ. Кузница становилась мало по малу нигуда негодной. Камень-наковальня треснулъ. Поддувало разстроилось. Вода была морская и образовавшіеся изъ нея соляныя осадки препятствовали успѣшному дѣйствию прибора.

Жильяты направился къ Человѣку, осмотрѣлъ ботъ, убѣдился что все было въ исправности, въ особенности четыре кольца на бортахъ, и пошелъ на веслахъ къ Дуврамъ.

Проходъ между Дуврами могъ вмѣстить ботъ, онъ былъ довольно широкъ и достаточно глубокъ. Жильяты на первыхъ же порахъ убѣдился, что ботъ можно было подвести подъ Дуранду.

Но маневръ требовалъ большой ловкости. Нужна была чистота исполненія, отчетливость ювелира. Задача была еще тѣмъ мудренѣе, что требовалось ввести ботъ между утесовъ кормою впередъ, чтобы мачта и такелажъ остались по сю сторону машины со стороны выхода.

Эти усложненія дѣлали маневръ затруднительнымъ даже для Жильята. Здѣсь было не то, что въ залпчикѣ Человѣка: тамъ все дѣло рѣшалось однимъ движеніемъ руля, здѣсь нужно было въ одно и то же время держать руль, грести и бросать лотъ. Жильять пробился не менѣе четверти часа, но наконецъ таки поставилъ на своемъ.

Минуть пятнадцать или двадцать потребовалось на то, чтобы устать боть подъ Дурандой. Онъ сталъ на шпрингъ. При помощи двухъ якорей Жильять установилъ его неподвижно. Большой якорь онъ бросилъ со стороны опаснѣйшаго вѣтра, котораго можно было ожидать, именно съ западной стороны. Затѣмъ, при помощи рычага и шпиля, Жильять спустилъ въ боть ящички съ колесами. Они послужили баластомъ.

Покончивъ съ ящичками, Жильять привязалъ къ крюку шпиля канатъ талишекъ, предназначенныхъ для того, чтобы тормозить тали.

Для Жильята самые недостатки бота были достоинствами—онъ не имѣлъ палубы, но тѣмъ глубже помѣщался въ немъ грузъ—онъ былъ обмачтованъ только въ носовой части и пожалуй слишкомъ близко къ носу—но тѣмъ легче было его нагрузить, мачта писалою не мѣшала машинѣ; вообще онъ напоминалъ деревянный башмакъ, но нѣтъ ничего устойчивѣе и надежнѣе на водѣ, какъ деревянный башмакъ.

Вдругъ Жильять примѣтилъ, что море вздулось. Онъ тревожно глянулъ, откуда вѣтеръ.

VII.

Какъ разъ и вѣда.

Вѣтеръ не былъ крѣпокъ, но онъ дулъ съ запада. Скверное дѣло, что въ равноденствіе вѣтеръ такъ непостояненъ.

Море ведетъ себя въ Дуврахъ весьма различно, смотря по тому, откуда вѣтеръ. Волна пробѣгаетъ по корридору, или съ востока на западъ, или съ запада на востокъ. Въ первомъ случаѣ, оно кротко и ласково, во второмъ оно буйно и яростно. Это происходитъ оттого, что вѣтеръ, прилетающій съ материка, не поднимаетъ такихъ волнъ, какъ вѣтеръ, несущійся черезъ весь Атлантическій океанъ, и гонящій передъ собою его грозные валы. Даже ничтожный вѣтерокъ, если только онъ дуетъ съ запада, внушаетъ опасеніе. Онъ вгоняетъ слишкомъ большую массу воды въ тѣсныя между скаль.

Вода въ тѣсотѣ всегда страшна. Съ водою бываетъ какъ и съ толпой. Толпа—та же жидкость. Когда число могущихъ войти

менѣ числа желающихъ войти, въ толпѣ бываетъ давка, въ водѣ волненіе. Пока дуетъ западный вѣтеръ, хотя бы самый слабый, Дувры два раза въ день подвергаются яростному приступу океана. Приливъ растетъ, волна бѣжитъ за волной—скала не уступаетъ и не разступается, она скупно, словно нехотя пропускаетъ море, по разсвирѣбѣвшій валъ врывается наконецъ въ тѣсныя, и реветъ и мечется, бросаясь съ остервененіемъ на отвѣсныя стѣны скалъ. Такимъ образомъ, при малѣйшемъ западномъ вѣтрѣ, Дувры представляютъ любопытное зрѣлище: снаружи, въ морѣ, тишина, внутри, въ рифѣ—сумятица. Эта сумятица не походить на бурю. Это только мѣстное возстаніе волнъ — бунтъ, но бунтъ ужасный. Что касается сѣверныхъ и южныхъ вѣтровъ, то они имѣютъ мало вліянія на прибой въ рифѣ. Не слѣдуетъ забывать, что восточный входъ въ корридоръ замыкается скалою Человѣкъ, а страшный западный входъ находится именно между двумя Дуврами.

У этого-то входа находился теперь Жильятъ съ остатками Дуранды и ботомъ, поставленнымъ подъ вѣтеръ.

Опасность, казалось, была неминуемая. Вѣтру было, на этотъ конецъ, совершенно достаточно.

Еще нѣсколько часовъ, и приливъ возьметъ съ бою ущелье Дувровъ. Ужь до ушей Жильята долеталъ ропотъ приближавшихся валовъ. Весь Атлантическій океанъ шелъ на него. Ни бури, ни гнѣва—одна величавая волна отъ береговъ Америки и до береговъ Европы, на пространствѣ двухъ тысячъ льѣ. Еще немного, и этотъ валъ, гигантскій прибой океана, встрѣтитъ на своемъ пути узкій проходъ рифа, и смятый Дуврами, этими сторожевыми башнями ущелья, вздутый приливомъ и раздутый отпоромъ, отраженный скалою, надрываеми вѣтромъ, осилитъ наконецъ утесъ, ворвется со всѣми вихрями преодолѣннаго препятствія и всѣми безумствами задержанной волны въ тѣснину между двумя скалами, найдетъ тамъ ботъ и Дуранду, и разобьетъ ихъ.

Противъ этой случайности нужно было загородиться щитомъ. Жильятъ имѣлъ такой щитъ.

Нужно было помѣшать морю налетѣть съ размаху, отвратить натискъ прилива, но не стѣснять его, загородить ему путь, не запрещая входа, противиться и уступать, препятствовать давленію воды въ тѣснинѣ, не дозволить вторгаться, но не мѣшать проникнуть, успокоить разъяренную волну, укротить ея бѣшенство. Раздражающее препятствіе нужно было замѣнить умиротворяющимъ.

Жильятъ съ ловкостью, болѣе важною въ подобныя минуты, чѣмъ самая сила, съ ловкостью альпійской козы или обезьяны дѣв-

ственныхъ лѣсовъ Америки, то цѣпляясь за малѣйшіе выступы скалы, то бросаясь въ воду, то выходя изъ нея, ныряя въ водовороты, взбираясь на утесъ съ канатомъ въ зубахъ и молотомъ въ рукѣ, отвязалъ кабельтовъ, которымъ была привязана при основаніи малаго Дувра часть носовой стѣны Дуранды. Затѣмъ онъ сдѣлалъ изъ каната петли, родъ шалверовъ, которыми укрѣпилъ эту стѣну къ гвоздямъ, вбитымъ въ маломъ Дуврѣ, и такъ поставилъ ее напору волнъ, что она повернулась на петляхъ, и прильнула другимъ своимъ концомъ къ большому Дувру. Затѣмъ онъ привязалъ ее къ гвоздямъ на большомъ Дуврѣ тѣмъ же порядкомъ, какъ и на маломъ, и протянулъ крестъ на крестъ двѣ цѣпи, напоминавшія перевязи, перекрещивающіяся на латахъ кирасира, и такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ часъ входъ въ тѣснину былъ загороженъ, словно запертъ плотиною. Этотъ маневръ съ громадной массой досокъ и бревень, которая въ горизонтальномъ положеніи могла служить плотомъ, а въ отвѣсномъ стѣною, былъ исполненъ Жильятомъ при помощи прилива съ ловкостью, достойною гимнаста. Можно сказать, что онъ выкинулъ эту штуку такъ быстро, что море не успѣло ее примѣтить.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда Жанъ Бартъ не упустилъ бы вставить свое знаменитое словцо, съ которымъ онъ обращался къ морю всякій разъ, какъ ему удавалось улізнуть отъ бури: *что, поймажь, англичанинь!* Извѣстно, что когда Жанъ Бартъ хотѣлъ оскорбить океанъ, онъ называлъ его *англичаниномъ*.

Задѣлавъ входъ въ проливъ, Жильятъ занялся ботомъ; онъ отпустилъ канаты якорей на столько, чтобы боть могъ подняться съ приливомъ.

Вода прибывала, приливъ былъ въ половинѣ. Въ это время волны опасны, даже и въ тихую погоду. То, что Жильятъ предвидѣлъ, сбылось. Волна съ силою ударила въ его плотину, вздувалась и спокойно проходила подъ нею. Снаружи было волнение, внутри—просачиваніе. Жильятъ устроилъ морю яѣчто въ родѣ Каудинскаго ярма. Приливъ былъ побѣжденъ.

VII.

СКОРѢ ПЕРИПЕТІА, ЧѢМЪ РАЗВЯЗКА.

Настала грозная минута.

Требовалось спустить машину въ боть.

Жильятъ задумался, подперевъ локоть лѣвой руки ладонью правой, и склонивъ голову на лѣвую руку.

Затѣмъ онъ вошелъ на Дуранду; оставалось отдѣлать машину отъ острова.

Онъ обрѣзалъ кабельтови, прерѣзавшіе къ бортамъ цѣпи отъ трубы. Это онъ могъ сдѣлать карманнымъ ножомъ. Цѣпи повисли на трубѣ.

Отъ Дуранды онъ перешелъ къ стелажамъ, топалъ ногой по балкамъ, пробуя ихъ надежность, осмотрѣлъ блокп и тали, убѣдился, что бѣлна снасти не были промочены, и увѣрившись, что все было на мѣстѣ и въ исправности, спрыгнулъ на палубу и помѣстился у шпиль на той части Дуранды, которая должна была остаться на Дуврахъ. Это былъ его рабочій постъ.

Сосредоточенный, глубоко проникнутый торжественностью минуты, но не взволнованный, онъ бросилъ послѣдній взглядъ на тали, схватилъ пилу и принялся пилить цѣпь, на которой все держалось.

Взгъ пилы отчетливо выяснялся изъ аэомпаннента грозно-ропшущаго моря.

Цѣпь отъ шпиль, проведенная къ прибору, управлявшему дѣйствіемъ всѣхъ талей, была у Жильята подъ рукой.

Раздался трескъ: кольцо, расплеченное до половины, порвалось, вся громадная махина заколыхалась; Жильять только успѣлъ броситься къ талишкамъ.

Порванная цѣпь звякнула о скалу. Всѣ восемь канатовъ разомъ натянулись, машина отдѣлилась отъ остова, Дуранда раскрыла свою утробу, изъ-подъ бѣлы выставилась, лежащая на канатахъ, чугунная платформа машины.

Еслибъ Жильять не ухватился въ-время за талишеч, послѣдовало бы паденіе. Его могучая рука предотвратила бѣду, и машина начала мѣрно, плавно спускаться.

Когда братъ Жана Барта, Пьеръ Бартъ, этотъ смѣлый, находчивый пьянчуга, этотъ бѣдняга-рыбакъ, обращавшійся за панибрата съ великимъ адмираломъ Франціи, спасъ галеру Ланжеронъ, погибавшую въ заливѣ Амбетеръ; когда онъ, для того, чтобы вывести эту тяжелую, неповоротливую массу изъ бурнаго, усѣлинаго шхерами, залива, закрѣпилъ паруса связками тростника, предоставивъ вѣтру порвать ихъ и наставить паруса—онъ такъ же довѣрился разрыву этого тростника, какъ Жильять теперь разрыву цѣпи: въ томъ и другомъ случаѣ непонятная, отчаянная смѣлость увѣнчалась изумительнымъ успѣхомъ.

Талишки, устроенныя Жильятомъ, дѣйствовали на славу. Назначеніе ихъ, должно припомнить, состояло въ томъ, чтобы задерживать, тормозить, дѣйствіе четырехъ талей и сообщать имъ согласное, однообразное движеніе. Онѣ напоминали въ извѣстной степени шпрюиты у булина, съ тою только разни-

цею, что послѣдніе управляютъ парусомъ, а первыя — регулировали механизмъ.

Жильята не отводилъ руки отъ шпигля, онъ словно щупалъ пульсъ своего прибора.

Изобрѣтательность Жильята выказалась въ полномъ блескѣ.

При спускѣ машины обнаружилось замѣчательное совпаденіе естественныхъ силъ.

Между тѣмъ, какъ машина, отдѣлившись отъ остова, спускалась въ боту—ботъ подымался на встрѣчу машинѣ. Они словно искали другъ друга, стараясь огазать взаимную услугу.

Море пестрило, едва замѣтно росло въ узкомъ проходѣ между Дуврамп. Приливъ былъ нетолько укрощенъ, онъ былъ прирученъ, онъ служилъ Жильяту. Океанъ составлялъ только часть механизма.

Вода подымала ботъ плавно, бережно, словно онъ былъ фарфоровый, и она боялась его разбить.

Жильята припмалъ во вниманіе оба движенія. Не трогаясь съ мѣста, не выпуская изъ рукъ шпигля, словно грозная статуя, которой все повинуется, онъ соображалъ быстроту спуска съ быстротой поднятія.

Ни волны на водѣ, ни толчка въ механизмѣ. Это было какое-то странное сотрудничество всѣхъ силъ природы, подчиненныхъ одной руководящей волѣ. Съ одной стороны, тяжесть влекущая машину, съ другой—приливъ, несущій ботъ. Притяженіе свѣтилъ небесныхъ, явче приливъ, и притяженіе земли, иначе законъ тяготѣнія, вошли, казалось, въ соглашеніе, чтобы содѣйствовать Жильяту. Эти силы дѣйствовали неукоснительно, безостановочно, и подъ вліяніемъ такого мощнаго духа становились могущественными союзниками. Дѣло подвигалось впередъ съ каждымъ мгновеніемъ; промежутокъ, отдѣлявшій ботъ отъ машины, становился менѣе и менѣе. Это сближеніе происходило въ нѣмомъ молчаніи, словно присутствіе этого человѣка вселяло страхъ. Стихи послушно исполняли его волю.

Почти въ одно и то же время приливъ достигъ своего предѣла, и каваты перестали сматываться. Тали остановились вдругъ, но безъ толчка. Машина стала прямо, ровно, твердо, словно кто-нибудь взялъ ее рукой и поставилъ на дно бота. Чугунная платформа плотно прилегла ко дну, упираясь всѣми четырьмя углами.

Дѣло было сдѣлано.

Во взглядѣ Жильята выразилась тревога.

Единоакъ не былъ избалованъ успѣхомъ. Онъ изнемогъ подъ гнетомъ безпредѣльнаго, неизмѣримаго счастья. Ноги его под-

кашивались, онъ весь затрясся. Онъ, незнавшій до той поры безпокойства и сомнѣнія, онъ дрогнулъ передъ своимъ торжествомъ.

Онъ глядѣлъ на боть, глядѣлъ на стоявшую въ немъ машину, глядѣлъ, и не вѣрилъ глазамъ. Онъ будто не ожидалъ того, что сдѣлалъ. Чудо свершилось его руками, и онъ смотрѣлъ на него словно пораженный громомъ.

Это оцѣпененіе длилось недолго.

Онъ очнулся, какъ отъ сна, схватился за пилу, обрѣзалъ канаты, сыркнулъ въ боть, отстоявшій отъ него, благодаря приливу, не болѣе, какъ на десять футовъ, схватилъ связку мелкаго канатника, сдѣлалъ петли, пропустилъ ихъ въ четыре кольца, вдѣланные въ борта бота, и закрѣпилъ ими четыре цѣпи отъ трубы, еще за часъ предъ тѣмъ приврѣшленные къ бортамъ Дуранды.

Впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, боть не изнемогалъ подъ тяжестью машины. Онъ сидѣлъ въ водѣ не особенно глубоко. Машина Дуранды, хотя и тяжелая, была все же легче груза камней и пушек, привезенныхъ на ней когда-то изъ Герма.

Все было окончено. Оставалось только спѣшить домой.

IX.

Неудача вслѣдъ за удачей.

Не все было кончено.

Открыть проходъ, запруженный обломкомъ боковой стѣны Дуранды, и тотчасъ вывести изъ рифа боть, ничего не было проще и очевиднѣе этого. Въ морѣ важна каждая минута. Небольшой вѣтерокъ, едва замѣтная зыбь, прелестный вечеръ, общипали прекрасную ночь. Море было спокойно, но отливъ уже давалъ себя предчувствовать; минута была благоприятная для отправленія. Изъ Дувровъ Жильятъ вышелъ бы съ отливомъ, а къ Гернсею пришелъ бы съ приливомъ. Такимъ образомъ, можно было достигъ Сен-Сансона къ разсвѣту.

Но тутъ явилась неожиданная преграда. Какъ ни былъ предъусмотрителенъ Жильятъ, однако вкрался и у него недосмотръ.

Машина была свободна, но труба еще оставалась въ неволѣ.

Приливъ, пододвинувъ боть къ обломку Дуранды, висѣвшему въ воздухѣ, уменьшилъ опасность при спускѣ машины и ускорилъ ея спасеніе; но это сокращеніе промежутка оставило верхъ трубы крѣпко засѣвшимъ въ открытомъ кузовѣ Дуранды, какъ въ рамкѣ. Труба была словно замурована въ четырехъ стѣнахъ.

Услуга, оказанная волною, усложнилась этой насмѣшкой. Ка-

залось, море, вынужденное повиноваться человѣку, затаило на-кую-то скрытую мысль.

Правда, то, что надѣлалъ приливъ, отливъ долженъ былъ исправить.

Труба, вышиной въ три сажени съ небольшимъ, уходила въ Дуранду на восемь футовъ; уровень воды долженъ былъ понизиться футовъ на двѣнадцать, слѣдственно труба, опускаясь вмѣстѣ съ ботомъ, имѣла бы четыре фута простора и могла бы быть освобождена.

Но сколько времени потребовалось бы на это? Часовъ шесть.

Черезъ шесть часовъ наступитъ полночь. Какъ осмѣлиться выйти въ такую позднюю пору, какъ найти фарватеръ въ этомъ архипелагѣ рифовъ, изъ котораго трудно было выбраться и днемъ, какъ рискнуть идти посреди этихъ безконечныхъ засадъ, подводныхъ камней и скалъ?

Необходимо было дожидаться другого дня. Потеря шести часовъ влекла за собою потерю по крайней-мѣрѣ двѣнадцати.

Нельзя было даже ускорить дѣло, принявшись тотчасъ за очищеніе выхода изъ рифа. Запруда будетъ необходима въ слѣдующій приливъ.

Жизлять принужденъ былъ отдыхать.

Сидѣть, сложа руки—вотъ одно, чего онъ еще не дѣлалъ со времени прибытія въ рифъ.

Этотъ насильственный отдыхъ сердилъ и почти возмущалъ его, точно онъ былъ самъ въ этомъ виноватъ. Онъ говорилъ про себя: «Что подумала бы обо мнѣ Дерюшета, еслибъ она видѣла, какъ я ничего здѣсь не дѣлаю!»

Однако, это возстановленіе физическихъ силъ было небезполезно.

Вотъ теперь былъ въ его полномъ распоряженіи; и онъ рѣшился провести на немъ ночь.

Онъ отправился на большой Дувръ за своей бараньей шкурой, спустился внизъ, поужиналъ нѣсколькими моллюсками, выпилъ послѣднія капли прѣсной воды изъ своей почти пустой мазерки, завернулся съ наслажденіемъ въ теплую шкуру, легъ какъ сторожевая собака подлѣ машины, надвинулъ свой колпакъ на глаза и заснулъ.

Онъ спалъ отлично. Подобный сонъ всегда слѣдуетъ за оконченною работою.

. X.

Предостереженія моря.

Среди ночи, онъ вдругъ проснулся, словно внутри его щелкнула кака-то пружина.

Онъ открылъ глаза.

Дувры, надъ его головою, были освѣщены какъ-бы отраженіемъ громаднаго бѣлаго пламени, на всемъ мрачномъ фасадѣ рифа дрожалъ какой-то странный отблескъ огня.

Откуда выходилъ этотъ огонь?

Изъ воды.

Море представляло удивительное зрѣлище.

Казалось, что вода была объята пожаромъ. Какъ далеко видѣлъ глазъ, и внутри и извнѣ рифа море пылало. Это пламя не было красное, оно ни въ чемъ не походило на великое, живое пламя кратеровъ и печей. Не было въ немъ ни сверканія, ни треска, ни пурпуровыхъ переливовъ. Синеватныя полосы, извивавшіяся по волнамъ, напоминали складки савана. Тусклый, печальный свѣтъ дрожалъ подъ водой. Это не былъ пожаръ, но призракъ пожара.

Это было нѣчто въ родѣ освѣщенія темной могилы пламенемъ мечты.

Представьте себѣ освѣщенный мракъ.

Ночь, безпредѣльная ночь, смутная, необъятная, казалась топливомъ этого холоднаго огня. Это былъ какой-то свѣтъ, сдѣланный изъ слѣпоты. Мракъ былъ составнымъ элементомъ этого свѣта-призрака.

Ламаншскіе моряки знаютъ этотъ, стоящій выше описанія, фосфорическій блескъ, полный спасительныхъ предостереженій для тѣхъ, кто на морѣ. Нигдѣ это явленіе такъ не удивительно, какъ близъ Исинья.

При этомъ свѣтѣ всѣ предметы теряютъ свою дѣйствительность. Они дѣлаются какъ-бы прозрачными видѣніями. Сталы кажутся только туманными очертаніями; якорные канаты—желѣзными накалившими добѣла полосами, тевета рыбаковъ—огненной сѣтью. Одна половина весла, торчащая въ воздухѣ, кажется точно изъ слоновой кости, а другая подъ водой—серебряною. Капли воды, падая съ весла на волну, усеиваютъ ее мпріадами звѣздъ. За каждымъ судномъ, за каждой лодкой таятся свѣтящаяся комета. Матросы, мокрые и свѣтящіеся, кажутся горящими. Опускаешь руку въ воду и вынимаешь въ огненной перчаткѣ; этотъ огонь мертвый, его совсѣмъ не чувствуешь. Ваша рука—пылающій факель. Все, чтѣ живетъ въ водѣ, также горитъ, пылаетъ. Пѣна исвертиса. Рыбы извиваются словно молнія или огненные языки въ блѣдной глубинѣ.

Этотъ свѣтъ проникъ сквозь закрытыя вѣки Жильята. Благодаря этому, онъ вдругъ проснулся.

Пробужденіе было очень въ время.

Отливъ кончился, наступилъ новый приливъ. Труба машины,

освобожденная от заточенія во время сна Жильята, снова могла быть захвачена въ тиски обломкомъ Дуранды, разверзавшимъ надъ нею свою грозную пасть.

Она уже медленно возвращалась къ своему прежнему положенію.

Ей оставалось только подняться еще на футъ, чтобъ снова отутиться въ Дурандѣ.

На это времени нужно было около получаса. Жильять, если онъ хотѣлъ воспользоваться освобожденіемъ трубы, уже снова угрожаемой, долженъ былъ торопиться. Ему оставалось только полчаса.

Онъ быстро вскочилъ на ноги.

Какъ ни было дорого ему время, но онъ не могъ не остановиться на нѣсколько минутъ, чтобы задумчиво поглядѣть на фосфоричный блескъ моря.

Жильять отлично зналъ море. Онъ издавна былъ его товарищемъ, несмотря на то, что оно часто обходилось съ нимъ жестоко. Таинственное существо, называемое Океаномъ, не могло ничего задумать, чего бы Жильять не отгадалъ. Жильять, благодаря своей наблюдательности, уединенію и мечтаніямъ, сдѣлался ясновидящимъ погоды, тѣмъ, что англичане называютъ *weather wise*.

Жильять бросился къ якорю и отпустилъ канатъ; потомъ, не удерживаемый болѣе на мѣстѣ, онъ схватился за крюкъ бота, и отталкиваясь отъ утеса, отвелъ его на нѣсколько сажений отъ Дуранды, къ самому выходу изъ рифа. Менѣе чѣмъ въ десять минутъ, боть былъ выведенъ изъ-подъ обломка судна. Теперь нечего было боятся, чтобъ труба попала снова въ западню. Приливъ могъ продолжать себѣ.

Однако, ничто въ Жильятѣ не обнаруживало человѣка, собиравшагося въ путь.

Онъ снова посмотрѣлъ на фосфорическій блескъ, и поднялъ якоря, но не для того, чтобъ уйти, а напротивъ, чтобъ еще рѣпче установить боть, правда, у самаго выхода.

До сихъ поръ онъ пускалъ въ дѣло только два якоря, и еще не воспользовался маленькимъ якоремъ Дуранды, который онъ вешелъ на мели. Этотъ якорь онъ сложилъ въ углу бота, и тамъ же принасъ на случай кабельтовъ, нѣсколько блоковъ и канатъ, унизанный стопарами. Жильять бросилъ теперь этотъ третій якорь, старательно соединивъ канатъ съ кабельтовымъ, котораго одинъ конецъ проходилъ въ рымъ якоря, а другой былъ прикрѣпленъ къ боту. Такимъ образомъ онъ сталъ разомъ на три якоря, что, разумѣется, гораздо тверже, чѣмъ стоянка на двухъ. Это доказывало, что онъ чего-то боялся и принималъ возмож-

ния предосторожности. Морякъ призналъ бы въ этомъ маневрѣ нѣчто въ родѣ становленія на якорь въ дурную погоду, когда можно бо ться, чтобъ теченіе не схватило корабль подъ вѣтеръ.

Фосфорическій блескъ, за которымъ теперь такъ пристально наблюдалъ Жильятъ, угрожалъ ему, быть можетъ, бѣдой, но въ то же время и служилъ ему помощью. Безъ него онъ былъ бы плѣнникомъ сна и жертвой ночи. Блескъ этотъ его разбудилъ, и теперь освѣщалъ его работу.

Въ рифѣ царствовалъ какой-то смутный дневной свѣтъ. Но этотъ свѣтъ, какъ онъ, повидному, ни безиконлъ Жильята, оказалъ ему великую услугу, обнаруживъ опасность и давъ ему возможность дѣйствовать. Теперь боть съ машпной былъ совершенно свободенъ и готовъ къ отплытію, какъ только Жильяту вздумается поднять якорь.

Но Жильятъ, казалось, все менѣе и менѣе думалъ объ отплытіи. Укрѣпивъ боть, онъ отправился въ свой магазинъ, досталъ оттуда самую большую цѣпь и, привязавъ ее къ гвоздямъ, вбитымъ въ обѣ скалы Дувра, онъ укрѣпилъ этой цѣпью изнутри свою плотину досокъ и брусевъ, которую съ внѣшней стороны охраняла другая скрещенная цѣпь. Онъ не только не открывалъ выхода въ море, но еще крѣпче запружалъ его.

Фосфорическій блескъ продолжалъ еще свѣтитъ, но гораздо тусклѣе. Правда, день уже зарождался на востокѣ.

Вдругъ Жильятъ сталъ къ чему-то прислушиваться.

XI.

Благо тому, кто умѣетъ слушать.

Ему казалось, что онъ слышалъ въ безпредѣльной дали какіе-то слабые, смутные звуки.

Бываютъ минуты, когда въ бездонныхъ глубинахъ какъ будто что-то раздается.

Онъ прислушался еще разъ. Отдаленный грохотъ не стихалъ. Жильятъ покачалъ головой, какъ человѣкъ, который знаетъ, что его беспокоить.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже былъ на другомъ концѣ рифа, у восточнаго входа въ корридоръ, и ударяя молоткомъ изо всей силы, вколачивалъ большіе гвозди въ расщелины гранита по обѣимъ сторонамъ прохода, сосѣднаго со скалой Человѣкъ, точно такъ же, какъ онъ уже это сдѣлалъ въ проходѣ Дувровъ.

Расщелины въ этихъ скалахъ были совершенно готовы для принятія гвоздей, ибо онъ были почти всѣ забиты деревянными

шлинями. Рифъ съ этой стороны былъ очень разрушенъ, и въ немъ было множество трещинъ, такъ-что Жильять могъ тутъ вколотить гораздо болѣе гвоздей, чѣмъ въ подножія обѣихъ Дувровъ.

Неожиданно, и какъ будто по таинственному дуновенію сверху, фосфорическій блескъ исчезъ; полумракъ, съ каждой минутой просвѣтляющійся, замѣнилъ этотъ странный свѣтъ.

Вколотивъ гвозди, Жильять натаскалъ балокъ, веревокъ, дѣлѣй, и не сводя глазъ съ своей работы, не отвлекаясь отъ нея ни на секунду, онъ принялся строить поперегъ пролива Человѣкъ съ помощью балокъ, укрѣпленныхъ горизонтально и свѣрленныхъ между собою дѣлами, одну изъ тѣхъ прозрачныхъ плотинъ, которыя наука теперь признала и окрестила названіемъ *брекватеровъ*.

Тѣ, кто видѣлъ, напримѣръ, въ Ларокенѣ, на Гернсеѣ или въ Бург-д'О во Франціи, какое дѣйствіе производятъ нѣсколько колевъ, вбитыхъ въ скалу, понимаютъ всю силу подобнаго простаго устройства. Брекватеръ—это комбинація того, что во Франціи называютъ *epi*, а въ Англии *disk*. Брекватеры—это фортификаціонныя рогаги противъ бури. Нельзя бороться съ моремъ иначе, какъ воспользовавшись раздѣлимостью его силъ.

Между тѣмъ взошло солнце, совершенно ясное. Небо было безоблачно, море тихо, спокойно.

Жильять торопился со своей работой. Онъ былъ также спокоенъ, но въ его торопливости проглядывала тревога.

Громадными шагами перебѣгалъ онъ съ одной скалы на другую, отъ плотины къ магазину, отъ магазина къ плотинѣ. Онъ возвращался таща за собой то одно, то другое. Тутъ вполне выяснилась вся польза подобранныхъ на всякій случай обломковъ. Очевидно было, что Жильять предвидѣлъ то, что ему теперь грозило.

Мощная желѣзная полоса служила ему рычагомъ для поднятія балокъ.

Работа шла такъ живо, что это походило скорѣе на естественный ростъ, чѣмъ на искусственную постройку. Кто не видалъ въ дѣлѣ военныхъ понтонеровъ, тотъ не можетъ себѣ представить такой быстроты.

Восточный проходъ былъ еще уже, чѣмъ западный. Тутъ было не болѣе пяти или шести футовъ ширины. Эта узкость отверстія помогала Жильяту. Пространство, которое надо было закрыть и укрѣпить, было такъ мало, что самая запрудка была гораздо проще и общала выйдти гораздо основательнѣе. Такъ достаточно было однихъ горизонтальныхъ бревенъ; отвѣсныя же были ненужны.

Укрѣпивъ первыя балки, основу брекватера, Жильять взобрался на нихъ и сталъ прислушиваться.

Грохотъ становился внятнѣмъ.

Жильять продолжалъ свою постройку. Онъ подперъ ее подъ прямымъ угломъ двумя крѣпкими Дуранды, соединенными съ пролетомъ балокъ гарделями, продѣтыми въ ихъ трехшпигные блоки. Все это онъ стянулъ цѣпами.

Эта постройка была нѣчто въ родѣ колоссальнаго плетня, въ которомъ вмѣсто жердей были балки, а вмѣсто ивовыхъ прутьевъ цѣпы.

Она казалась столько же сплетена, сколько построена.

Жильять увеличивалъ количество привязей, и прибавлялъ гвоздей, гдѣ было нужно.

У него было много желѣза въ магазинѣ, и потому онъ могъ надѣлать гвоздей въ изобиліи.

Весь поглощенный работою, онъ грызъ свой сухарь. Его томилъ жажда, но ему нечего было пить, ибо запасъ прѣсной воды истощился. Наканунѣ за ужиномъ онъ высосалъ послѣднія капли изъ своей манерки.

Онъ нагромоздилъ еще четыре или пять досокъ; потомъ снова взлѣзъ на плотину и снова прислушивался.

Грохотъ на горизонтѣ затихъ. Все безмолствовало.

Море было тихо, прелестно; оно вполне заслуживало всѣ мадригалы, которые расточаетъ ему мѣщанство, довольное имъ, какъ то — «зеркало», «озеро», «игрушка», «барашекъ». Безпредѣльная синева неба вполне гармонировала съ безпредѣльной зеленою океана. Этотъ сафиръ и этотъ изумрудъ, могли любоваться другъ другомъ. Имъ не въ чемъ было упрекнуть другъ друга. Ни одного облачка наверху, ни брызга пѣны внизу. И посреди этого великолѣпія, торжественно всходило апрѣльское солнце. Невозможно представить себѣ лучшей погоды.

На самомъ краю горизонта чернѣлась длинная вереница птицъ. Онѣ летѣли очень быстро. Онѣ направлялись къ берегу. Было что-то напоминавшее бѣгство въ ихъ полетѣ.

Жильять принялся поднимать свой брекватеръ.

Онъ подналъ его какъ только могъ выше, то-есть на сколько позволяли ему изгибы скаль.

Около полудня ему показалось, что солнце печетъ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Полдень—критическая минута дня. Жильять, стоя на столько что оконченной твердой, хотя и рѣшетчатой плотинѣ, принялся вглядываться въ пространство.

Море было болѣе чѣмъ покойно, оно казалось стоячимъ. Не видно было на немъ ни одного паруса. Небо было безоблач-

но, только вмѣсто голубаго оно стало теперь бѣлымъ. Эта бѣлизна была какая-то странная. На горизонтѣ, къ крайнему западу, видѣлось маленькое, очень невзрачное, болѣзненное пятно. Это пятно оставалось неподвижно, но ежеминутно росло. Вода слегка вздрагивала у подошвы утесовъ.

Жилать хорошо сдѣлать, что выстроилъ свой брекватеръ.

Приближалась буря.

Бездна рѣшилась дать сраженіе.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ВОРЬБА.

I.

Крайность сходится съ крайностью, и противоположное свидѣтельствуеетъ о противоположномъ.

Ничто такъ не грозно, какъ запоздавшія равноденственныя бури.

Есть на морѣ свирѣпое явленіе, которое можно назвать прибытѣмъ океаническихъ вѣтровъ.

Во всякое время года, особенно въ эпоху новолуній и полнолуній, въ ту минуту, когда всего менѣе этого ожидаешь, вдругъ на морѣ воцаряется какое-то странное спокойствіе. Вѣчное, безконечное его движеніе какъ-бы прекращается, оно словно засыпаетъ, словно устало и даетъ себѣ отдыхъ. Всѣ морскія травы отъ рыбацкаго флачка до военныхъ вымпеловъ, повисаютъ на мачтахъ. Флаги адмиральскіе, королевскіе, императорскіе всѣ одинаково спятъ.

Вдругъ эти флаги начинаютъ понемногу шевелиться.

Въ подобную минуту, если небо облачно, надо наблюдать за образованіемъ перистыхъ облаковъ; если солнце садится—за краснотой неба; если звѣздная и лунная ночь—за кольцами вокругъ луны.

Въ подобную минуту капитанъ или начальникъ эскадры, у котораго есть предсказатель бурь, смотритъ на это стевло въ микроскопъ, и принимаетъ предосторожности противъ южнаго вѣтра, если составъ имѣетъ видъ мелкаго сахара, и противъ сѣвернаго, если онъ кристаллизуется на подобіе листьевъ папоротника. Въ подобную минуту, посовѣтовавшись съ таинственной надписью, вырѣзанной римлянами или злыми духами на удивительныхъ гладкихъ камняхъ, называемыхъ въ Бретани *мениръ*, а въ Ирландіи *кромль*—бѣдный рыбакъ, ирландскій или бретонскій, спѣшитъ съ своей лодкой къ берегу.

Однако, попрежнему тишь царить на небѣ и па морѣ. День раждается ясный и заря улыбается, что всегда вселяло священ- ный ужасъ въ умы древнихъ богослововъ и поэтовъ, которые пугались отъ одной мысли, что и солнце можетъ быть коварно. *Solem quis dicere falsum audeat?*

Мрачное предвѣденіе возможнаго застигается для человѣка роковой непрозрачностью предметовъ. Нѣтъ ничего опаснѣе и измѣнчивѣе, какъ маска бездны.

Есть пословица, что подь камнемъ кроется змѣя; гораздо луч- ше было бы сказать, что подь тишью кроется буря.

Такимъ образомъ проходятъ часы, иногда дни. Кормчіе по- глядываютъ во всѣ стороны въ телескопы. На лицахъ старыхъ матросовъ виднѣется суровость, похожая на гнѣвъ ожиданія.

Вдругъ раздаются какіе-то смутные звуки, слышится какой-то таинственный разговоръ въ воздухѣ.

Ничего не видно. Безиредѣльность остается безстрастной.

Однако звуки усиливаются, растутъ, приближаются. Говоръ дѣлается громче, крупнѣе.

Кто-то скрывается за горизонтомъ.

Кто-то страшный; это — вѣтеръ.

Вѣтеръ, то-есть толпа титановъ, о которыхъ мы говоримъ, что они *думютъ*.

Индія называла этихъ титановъ—Мару, Греція—Аввилонами. Это невидимыя хищныя птицы бездны.

Эти борен сбѣгаются.

II.

ВѢТРЫ ОУЕАНА

Откуда приходятъ они? Изъ безконечности. Для неизмѣримой величины ихъ крыльевъ необходимъ діаметръ бездны, для взмаха— безиредѣльность степеней. Атлантическій или Тихій Оуеанъ, эта громадная зіяющая синева — вотъ что имъ нужно. Она дѣлаетъ эти оуеаны мрачными. Они носятъ стаами. Капитанъ Пэдждъ видѣлъ однажды въ открытомъ морѣ семь смерчей заразъ. Дикіе, кро- вожадные, они злоумышляютъ свои ковы. Ихъ трудъ—вѣчное, эфе- мерное вздыманіе волнъ. Что они могутъ — мы не знаемъ; что они хотятъ—намъ неизвѣстно. Они сфинксы бездны. Васко ди-Гама ихъ Эдипъ. Въ этомъ вѣчно двпжущемся мракѣ безиредѣльности они являются подь маской облаговъ. Тотъ, кто видитъ ихъ синева- тныя очертанія на горизонтѣ, этой точкѣ всеобщаго исчезновенія, чувствуетъ, что передъ нимъ сила, неразлагаемая, непреобори-

мая. Можно бы подумать, что умъ человѣческій ихъ беспокоить и они шепчутся противъ него. Умъ непобѣдимъ, стихія неуловима. Какъ бороться съ недостижимой вездѣсущностью? Дуновение бездны вдругъ является обухомъ, и потомъ снова обращается въ дуновение. Вѣтры нападаютъ всесокрушающимъ натискомъ, защищаются бѣгствомъ. Нѣтъ средствъ, нѣтъ способовъ бороться съ ними. Ихъ натиски, разнообразныя, коварныя, смущаютъ, сбиваютъ съ толку. И атака и бѣгство для нихъ служатъ одинаковымъ оружіемъ. Это неуловимое, неосязаемое упорство. Какъ побороть ихъ? Корма Арго, выточенная изъ священнаго дуба Додоны, въ одно и то же время корма и кормчій, обращалась къ нимъ съ рѣчью. Но они съ яростью напали на эту корму-богиню. Христофоръ Колумбъ, видя ихъ приближеніе къ своей *Пиктль*, выходилъ на палубу и громко читалъ имъ первые стихи Евангелія отъ Іоанна. Скорюфъ встрѣчалъ ихъ бранью. *Вонъ блжжитъ сволочь!* говаривалъ онъ. Непиръ салютовалъ ихъ пушечными выстрѣлами. Они диктаторы хаоса.

Они распоряжаются хаосомъ. Чтò они дѣлаютъ изъ него? Чтò-то страшно-неумолимое. Логовище вѣтровъ ужаснѣе логовища львовъ. Сколько труповъ скрываются подъ этими безпредѣльными извычками! Вѣтры безмилосердно гонятъ впередъ громады, иррационы, невѣдомыя массы. Ихъ всѣ слышатъ, они не слушаютъ ничего. Они совершаютъ дѣла, сродныя съ преступленіями. Невзвѣстно, на кого изрыгаютъ они свою пѣну. Сколько нечестивой злобы въ кораблекрушеніи! Какое оскорбленіе небу! Они порою словно рычатъ на Бога! Они тираны невѣдомыхъ мѣсть. *Luoghi spaventosi*, произносили шопотомъ венеціанскіе матросы.

Дрожащія пространства молча переносятъ ихъ удары. То, чтò они совершаютъ на этомъ просторѣ, на этой свободѣ, немислимо, невыразимо. Это смѣшеніе конницы съ тьмою. Воздухъ стонетъ, какъ лѣсъ въ бурю. Ничего не видно, а слышишь грозныя атаки кавалеріи. Вотъ полдень, вдругъ наступаетъ ночь, это ичится *Торнадо*; вотъ полночь, вдругъ наступилъ день, это зажглось сѣверное сіяніе. Вихри перебѣгаютъ дорогу вихрямъ, въ какой-то отвратительной пляскѣ, съ какимъ-то хлопаньемъ бичей по стихіямъ. Тяжело нависшее облако вдругъ разрывается и падаетъ въ море. Другія облака, окрашенныя пурпуромъ, изрыгаютъ громъ и молнію, и потомъ, лишившись громовой силы, вдругъ чернѣютъ, какъ погасшій уголь. Дождевыя тучи разсеваются туманомъ. Тутъ пылающій горнъ, изъ котораго льется дождь; тамъ волна, изъ которой пышетъ огонь. Близна моря подъ ливнемъ освѣщаетъ неособозримыя пространства; видно, какъ разлагаются плотныя массы, въ которыхъ что-то движется. Чу-

довидный пупь сверлить тучи. Испаренія вкружатся, волны пляшутъ, опьянѣвшія наяды колыхаются съ боку на бокъ; на сколько видитъ глазъ, море движется не выходя изъ своихъ предѣловъ; все поблѣднѣло; крики отчаянія раздаются среди этого замира- нія. Въ недостижимыхъ изгибахъ темноты, колышутся громадныя снопы мрака. Повременамъ наступаютъ пароксизмы. Шумъ переходитъ въ грохотъ, волна — въ грозный валъ. Горизонтъ, это беспорядочное наслоеніе волнъ, это безконечное колебаніе, рычитъ сдержаннымъ басомъ; внезапныя взрывы раздражаются необы- чайно странно; порою кажется, будто чихаютъ гидры. То дуно- веніе вѣтровъ вась обдаетъ палящимъ жаромъ, то леденить. Тревожное колебаніе моря обнаруживаетъ страхъ, ожидающій всего. Безпокойство, томленіе, глубокой ужасъ водъ длится недолго. Ураганъ, неожиданно, несется какъ дикій звѣръ утолить свою жажду въ океанѣ; тутъ происходитъ непостижимое всасываніе, вода подымается къ невидимымъ устамъ, къ ней приставляется натяжная банка, на ней вздувается опухоль: это смерчъ, *Престеръ* древнихъ, сталактитъ наверху, сталагмитъ внизу, два крутящихся въ противоположныхъ направленіяхъ конуса, одна точка равно- вѣсія на другой, пожалуй двухъ гигантскихъ горъ: горы взды- мающейся пѣны, и горы низвергающихся облаковъ, чудовищное совокупленіе воды и мрака. Смерчъ, какъ библейскій столбъ, мраченъ днемъ и сіаетъ ночью. Передъ смерчемъ громъ умо- лкаетъ, словно испуганный.

Великая разноголосица водной равнины имѣетъ гамму; ужа- сающее *crescendo* — вихрь, шквалъ, буря, гроза, ураганъ, штормъ, смерчъ; семь струнъ лиры вѣтровъ, семь нотъ бездны. Небо, это ширь; море, это гладь; одно дыханіе, и все измѣнилось, все обратилось въ хаосъ и ярость.

Вѣтры бѣгутъ, летать, останавливаются, исчезаютъ, появляются, свистать, реветь, хохочутъ. Неистовые, страстные, бѣшеные, они тѣшатся свободой на разъяренныхъ волнахъ. Ихъ дикій ревъ своеобразно гармониченъ. Они все небо наполняютъ звуками. Они дуютъ въ облака словно въ мѣдныя инструменты, они при- кладываютъ устами къ пространству и поютъ среди безконечно- сти всѣми соединенными голосами трубъ, роговъ, тромбоновъ, гобоевъ. Это тушь Прометея. Кто слышалъ эту музыку, тотъ слышалъ Пана. Самое страшное въ вѣтрахъ то, что имъ все шутка, ими движитъ какая-то колоссальная игривость, составленная изъ тьмы. Въ океанахъ они дѣлаютъ облаву кораблямъ. Не зная отдыха, ни днемъ, ни ночью, во всякое время года, подъ тропиками и на полюсахъ, оглашая воздухъ своей наступленной тру- бою, они охотятся за своими несчастными жертвами. Они имѣютъ

свои своры. Они забавляются, они приказываютъ волнамъ, своимъ собакамъ, лаять на скалы. Они соединяютъ и разъединяютъ тучи. Они мѣсятъ какъ-бы мильонами рукъ жидкое тѣсто воды.

Вода жидка потому, что она несжимаема. Она уступаетъ силѣ; побуждаемая съ одной стороны, она переливается въ другую. И такимъ образомъ вода переходитъ въ волну. Волна—это ея свобода.

III.

Объясненіе звуковъ, слышанныхъ Жильятомъ.

Большое пришествіе вѣтровъ на землю происходитъ во времена равноденствій. Въ эти эпохи равновѣсіе между тропиками и полюсами колеблется и колоссальное атмосферическое теченіе наливается приливомъ на одно полушаріе и отливомъ на другое. Есть созвѣдія, которыя знаменуютъ эти явленія—Вѣсы и Водолей.

Это время бурь.

Море ждетъ и безмолвствуетъ.

Порою небо принимаетъ недобрый видъ. Оно кажется блѣднымъ, его какъ-бы покрываетъ громадная, грязная оболочка. Морскіе наблюдатели съ беспокойствомъ этотъ нахмуренный видъ врака.

Но они всего болѣе боятся его довольнаго, радостнаго вида. Улыбающееся небо во время равноденствія—это буря, надвѣвающая маску добродушія. При подобномъ небѣ Башня Плакальщицъ въ Амстердамѣ всегда наполнялась женщинами, съ ужасомъ наблюдавшими горизонтъ.

Когда буря, весенняя или осенняя, запаздываетъ, это значитъ, что она собирается съ силами для страшныхъ опустошеній. Опасайтесь всегда недоимовъ. Анго говорилъ: море исправный плательщикъ.

Когда ожиданіе продолжается слишкомъ долго, нетерпѣніе моря выражается лишь еще большимъ затишьемъ. Только магнитическое напряженіе обнаруживается тѣмъ, что можно назвать воспламененіемъ воды. Изъ волнъ тогда сверкаетъ свѣтъ. Воздухъ электриченъ, вода фосфорична. Матросы чувствуютъ какую-то усталость, какую-то истому. Подобная минута особенно опасна для броненосцевъ: ихъ желѣзный корпусъ можетъ произвести ложныя отклоненія компаса и погубить ихъ. Такимъ образомъ уже погибъ транс-атлантическій пароходъ *Йова*.

Для тѣхъ, кто близко знакомъ съ моремъ, видъ его въ подобные минуты очень страненъ, точно море жаждетъ и вмѣстѣ бьется цѣклона. Нѣкоторые брачныя союзы, хотя вполне есте-

ственные и предписанные природою, сопровождаются подобнымъ явленіемъ. Львица въ пору любви бѣжитъ ото льва. Море также горитъ пламенемъ страсти. Оттого оно и дрожитъ и колеблется.

Великій бракъ вскорѣ совершится.

Этотъ бракъ, какъ свадьбы древнихъ императоровъ, празднуется истребленіями. Это пиръ, сопровождаемый бѣдствіями.

Однако, оттуда, изъ открытаго пространства, изъ недостижимыхъ широтъ, съ блѣднаго горизонта пустынь, изъ глубины безграничной свободы приближаются вѣтры.

Обратите вниманіе—это событіе равноденствія.

Буря, это—заговоръ. Древняя миеология подсмотрѣла эти неопредѣленныя личности, которыя вмѣшиваются въ дѣла великой природы. Эоль сговаривается съ Бореємъ. Стихія необходимо условиться со стихіею. Онѣ раздѣляютъ между собою трудъ. Надо побудить въ дѣйствию и волны, и тучи, и таинственные воздушные токи; ночь союзникъ, надо ея воспользоваться. Надо повернуть стрѣлку компаса, погасить маяки, скрыть звѣзды. Необходимо, чтобы и море содѣйствовало. За горизонтомъ, прежде чѣмъ появится ураганамъ, происходить шушуканье.

Вотъ что слышно во мракѣ, вдали, при безмолвіи притаившагося отъ ужаса моря.

Это-то грозное шушуканье и слышалъ Жильяръ. Фосфорическій блескъ моря былъ первымъ предостереженіемъ. Этотъ шопоть—вторымъ.

Если существуетъ бѣсъ, имя которому Легионъ, то, конечно, онъ вѣтеръ.

Вѣтеръ многообразенъ, но воздухъ единъ.

Изъ этого необходимое слѣдствіе, что гроза—явленіе сложное. Этого требуетъ единство воздуха.

Вся бездна причастна бурѣ. Весь океанъ является въ шевалѣ. Онъ участвуетъ въ немъ всей суммой своихъ силъ, изъ которыхъ каждой указана своя доля. Волна—это бездна внизу, дуновение вѣтра—это бездна наверху. Имѣть дѣло со штормомъ, значить имѣть дѣло со всѣмъ океаномъ и со всѣмъ небомъ.

Месье, мужъ морской науки и глубокомысленный астрономъ, говаривалъ: *оттеръ отовсюду, идетъ всюду*. Онъ не вѣрилъ, чтобъ вѣтры могли быть несвободны, даже вѣтры закрытыхъ морей. Для него не существовало вѣтровъ Средиземнаго моря. Онъ говорилъ, что узнавалъ ихъ, когда они проходили мимо него. Онъ утверждалъ, что въ такой-то день и въ такомъ-то часу, Фовъ Констанцкаго озера, древній *Фавоній* Лукреція, пересѣлъ нарижскій горизонтъ; въ другой день онъ это же утверждалъ о

Борь Адриатическаго моря, въ третій—о коловратномъ Потусѣ, который, увѣряютъ, заточенъ въ кругѣ Цикладскихъ острововъ. Онъ точно опредѣлялъ, чѣмъ отличается дуновение каждаго изъ этихъ вѣтровъ. Онъ не полагалъ, чтобъ Отанъ, который кружить между Мальтой и Тунисомъ, и Отанъ между Корсикой и Болеарскими островами, не могли убѣжать съ своихъ водъ. Онъ не соглашался, чтобъ были вѣтры—медвѣдп, запертые въ влѣткахъ. Онъ говорилъ: «всѣ дожди приходятъ съ тропиковъ, всѣ грозы съ полюсовъ». Дѣйствительно, вѣтеръ насыщается электричествомъ на пересѣченіяхъ колуриѣ, означающихъ оконечности оси, и воды на экваторѣ. Онъ приноситъ намъ, такимъ образомъ, съ экватора жидкость, съ полюсовъ воздушные токи.

Повсемѣстность—вотъ вѣтеръ.

Это, конечно, не значить, чтобъ не существовало поясовъ вѣтровъ. Ничто не доказано такъ неопровержимо, какъ эти поясы съ постояннымъ теченіемъ воздуха, и настанетъ день, когда воздушная навигація, при помощи воздухоходовъ, которые теперь называютъ, изъ пристрастія къ греческому языку, *аэроклабами*, будетъ пользоваться ихъ главными линиями. Капализація воздуха посредствомъ вѣтра несомнѣнна: есть рѣки вѣтра, потоки вѣтра и ручьи вѣтра; только развѣтвленія вѣтра дѣлаются въ обратномъ порядкѣ развѣтвленію воды; тутъ ручьи выходятъ изъ потоковъ и потоки изъ рѣкъ, вмѣсто того, чтобы впадать въ нихъ; отъ этого вмѣсто сосредоточенія происходитъ разсѣваніе.

Это разсѣваніе производитъ солидарность вѣтровъ и единство атмосферы. Одинъ атомъ, сдвинутый съ мѣста, сдвигаетъ другой. Вѣтеръ все движетъ заразъ. Къ этимъ основнымъ причинамъ общаго сліянія прибавьте рельефъ земнаго шара, раздрающій своими горами атмосферу, скручивающій, связывающій узлами теченія вѣтровъ и порождающій по всѣмъ направленіямъ противоположныя теченія. Безпредѣльная ирадіація.

Явленіе вѣтра—это колебаніе двухъ океановъ, одного надъ другимъ; океанъ воздушный, находящійся надъ океаномъ воднымъ, опирается на этомъ непостоянствѣ и поддерживаетъ равновѣсіе на этомъ колебаніи.

Нераздѣлимое нельзя распределить по отдѣленіямъ. Нѣтъ перегородки между одной волной и другой. Даманшкіе острова чувствуютъ давленіе воды у Мыса-Доброй-Надежды. Всесвѣтное мореходство имѣетъ дѣло съ единымъ чудоващемъ. Море—одна гидра. Волны покрываютъ его словно рыбой чешуей. Океанъ—это Цето.

На это-то единство налетаетъ безчисленность.

IV.

ТУВА, ТУМА.

Для компаса есть только тридцать-два вѣтра, то-есть тридцать-два направленія, но эти направленія могутъ подраздѣляться до безконечности. Вѣтеръ, раздѣленный по направленіямъ, это несметность; вѣтеръ, раздѣленный по свойствамъ, это безконечность.

Гомеръ отступилъ бы передъ этимъ исчисленіемъ.

Теченіе полярное встрѣчается съ теченіемъ тропическимъ. Вотъ соединеніе холода съ тепломъ; равновѣсіе начинается столкновеніемъ: волны вѣтра исходятъ отсюда надутыя, уединенныя, раздробленныя на безчисленныя гнѣвныя теченія. Разсѣненіе вѣтровъ производитъ на четырехъ концахъ горизонта страшную разнузданность воздуха.

Тутъ всѣ румбы. Вѣтеръ гольфстрема, навѣвающий туманы на Новую землю; вѣтеръ Перу—страны, въ которой небо безмолвно и человѣкъ никогда не слышитъ грома; вѣтеръ Новой Шотландіи, гдѣ носится громадный Alca Impennis съ доросчатымъ клювомъ, вихри китайскихъ морей; вѣтеръ Мозамбига, сбивающій съ пути жонки; электрическій вѣтеръ Японіи; вѣтеръ Африки, обитающій между горами Столовой и Чертовыми; вѣтеръ экваторіальный, который идетъ поверхъ пасатовъ и описываетъ параболу, вершина коей всегда на западѣ; вѣтеръ плутоническій, выходящій изъ кратеровъ, это ужасное огненное дыханіе; странный вѣтеръ, свойственный вулкану Ава, который всегда подымаетъ синеватое облако на сѣверѣ; муссонъ острова Явы, противъ котораго выстроены казематы, называемые *домами урагана*; вѣтвистый вѣтеръ, который англичане называютъ *купиной* (bush); шквалы Малаккаго пролива, изслѣдованные Горсборо; мощный юго-западный вѣтеръ, называемый Памперо въ Чили, и Ребойо въ Буэнос-Айресъ, увлекающій кондора въ открытое море и спасающій его отъ ямы, гдѣ поджидаетъ его подъ только-что содранной бычачьей шкурой дикій, лежа на спинѣ натягивающій ногами тетиву своего лука; вѣтеръ химическій, который, по мнѣнію Лемери, обрауетъ въ тучахъ громовныя стрѣлки; гарматанъ вафровъ; полярная матель, которая гонитъ вѣчные льды; вѣтеръ Бенгальскаго залива, который летитъ до Нижняго-Новгорода, чтобы разрушить тамъ треугольники деревянныхъ балагановъ, гдѣ помѣщается азіятская армарка; вѣтеръ Кордильеровъ, колышущій громадныя волны и громадныя лѣса; вѣтеръ австралійскихъ Архипелаговъ, гдѣ исхатели меда разоряютъ дикія ульи,

скрытые под листьями гигантскаго *энкамптуса*; сирокко, мистраль, вѣтры засухи, вѣтры наводненія, вѣтры жаркаго пояса, тѣ, которые наносятъ на улицы Генуи пыль со степей Бразиліи; тѣ, которые повинуются ежедневному вругообращенію, тѣ, которые не повпнуются и заставляютъ восклицать Геррера: «*Malo viento torna contra el Sol!*»; тѣ, которые носятъ парами, одиѣ уничтожая то, что сдѣлалъ другой, и тѣ старыя вѣтры, которые преслѣдовали Христофора Колумба у береговъ Верага, и тѣ, которые впродолженіе сорока дней, съ 21-го октября до 28-го ноября 1520 года, держали въ неизвѣстности Магеллана, приближавшагося въ Тихому океану, и тѣ, которые разрушили великую Армаду и дули на Филиппа II. И еще другіе, но можно ли найти конецъ имъ? Вѣтры, которые гонятъ черезъ океанъ вѣтры, тучи саранчи и жабы; вѣтры, которые производятъ то, что называется «слачкомъ вѣтра» и обязанность которыхъ доканчивать кораблекрушенія; вѣтры, одними своимъ вздохомъ перемищающіе грузъ корабля и заставляющіе его продолжать путь, накрѣпившись на бокъ; вѣтры, образующіе *circum cituli*, вѣтры, образующіе *circum strati*; тяжелыя вѣтры, напитанныя дождемъ, вѣтры града, вѣтры заразы, тѣ, отъ приближенія которыхъ кипятъ сольфатары Калабріи, тѣ, отъ которыхъ свѣтятся шерсть африканской пантеры, рыскающей въ вустарникахъ желѣзнаго мыса, тѣ, которые машутъ изъ своей тучи, какъ-бы чудовищнымъ языкомъ, страшную вилообразной молніей; тѣ, которые навѣвають черныя снѣга. Вотъ какова эта армія.

Дувры въ ту минуту, когда Жильять строилъ свой бревватеръ, слышали ея отдаленный галопъ.

Мы только что сказали вѣтеръ—это всѣ вѣтры.

Вся эта орда приближалась.

Съ одной стороны этотъ легионъ, съ другой Жильять.

У.

Жильяту предстоитъ вывирать.

Таинственныя силы хорошо выбрали минуту.

Случай, если онъ существуетъ, очень искусенъ.

Пока боть укрывался въ бухтѣ Человѣка, пока машина оставалась въ обломкѣ Дуранды, Жильять былъ непобѣдимъ. Боть находился въ безопасности, машина подъ прикрытіемъ; Дувры, державшіе ее въ своихъ когтяхъ, готовили ей медленную гибель, но предохраняли ее отъ неожиданной. Во всякомъ случаѣ, тогда Жильяту оставался выходъ. Машина могла погибнуть, онъ могъ уцѣлѣть. У него былъ боть, чтобы спастись.

Но ждать до тѣхъ поръ, что боть былъ выведенъ изъ вѣрной стоянки, позволить ему войти въ дефилей Дувра, терпѣть, пока рифъ захватилъ и его въ свои объятія, дать Жильяту спасти машину, не помѣшать его удивительной работѣ, которая вела къ тому, чтобы все было уложено въ боть, согласиться на успѣхъ его дѣла—это была западня. Тутъ вполнѣ выказалась мрачная хитрость бездны.

Теперь машина, боть, Жильятъ, всѣ собрались вмѣстѣ въ тѣснинѣ между скалами; они составляли одно. Чтобы боть разбился о подводный камень, чтобы машина пошла ко дну и Жильятъ утонулъ—для этого нужно было сдѣлать одно усиліе, на одной точкѣ. Со всѣмъ можно было покончить разомъ, въ одну минуту; все можно было погубить однимъ ударомъ.

Невозможно себѣ представить болѣе критическаго положенія, чѣмъ положеніе Жильята.

Сфинксъ, подозрѣваемый мечтателями въ глубинѣ мрака, казалось, задавалъ ему эту дилемму.

Уходи или оставайся.

Уйти было безумно, оставаться—ужасно.

ГРАФЪ ЛЕСТОКЪ.

Статья пятая и последняя.

Мы переходимъ къ такъ-называемому заговору маркиза ди-Ботта—д'блу, составляющему мрачную страницу въ исторіи царствованія императрицы Елизаветы, лежащему неизгладимымъ пятномъ на личности лейб-медика Лестока.

Вотъ нѣкоторыя подробности этой жалкой придворной интриги. Лейб-медикъ императрицы былъ извѣстенъ своею подозрительностію. Эгоистически тренеща за сохраненіе власти Елизаветы, онъ зорко высматривалъ, нѣтъ ли гдѣ покушеній на эту власть, и страшно боялся брауншвейгскаго семейства, уже перезезаннаго изъ Риги въ Динамиנדъ. Неоднократные заговоры въ пользу правительницы достаточно убѣждали лейб-медика, что бояться есть чего; а сочувствіе къ самой правительницѣ, возбуждаемое участіемъ къ ея печальной судьбѣ, и значительно распространенное въ обществѣ, было небезызвѣстно Лестоку и еще болѣе питало его подозрительность. Последнею воспользовался для личныхъ видовъ своихъ нѣкто *Бергеръ*, одинъ изъ остзейцевъ, обиліе которыхъ на Руси началось со времени кровавой тираніи Вирона. Бергеръ, курляндецъ родомъ, по чьей-то протекціи достигшій при Виронѣ званія русскаго офицера, служилъ въ 1743 году нурчиномъ въ лейб-кирасирскомъ полку и, вскорѣ по заключеніи абоскаго мира, получилъ назначеніе смѣнить офицера, состоявшаго приставомъ при бывшемъ графѣ Левенвольдѣ, одномъ изъ товарищей паденія Остермана. Такъ-какъ Бергеру крайне не хотѣлось мѣнять Петербурга на Солнцямскъ, гдѣ содержался тогда Левенвольде, то хитрый курляндецъ немедленно занялся измышленіемъ средствъ вернуться во что бы то ни стало отъ непріятнаго назначенія. Но средствъ не предвидѣлось; и Бергеръ въ большой досадѣ готовился къ отъѣзду. Между тѣмъ, жена вице-адмирала Лопухина, нѣкогда первая

красавица при дворѣ, возбуждавшая ревность въ самой цесаревнѣ Елизаветѣ, узнала о назначеніи Бергера и, сохраняя вѣжныя чувства къ Левенвольде, постоянному поклоннику ея прелестей, поручила сыну своему, тогда подполковнику, познакомиться съ Бергеромъ, и, чрезъ него, изустно передать бывшему графу дружескій привѣтъ. Послѣдній состоялъ въ томъ, что «Лопухины не перестаютъ вспоминать Левенвольде, просятъ его не грустить, и надѣяться на лучшія времена». Молодой Лопухинъ въ точности исполнилъ желаніе матери, и адская мысль тотчасъ же блеснула злomu и изворотливому курляндцу. Бергеръ отправился съ нею къ богу всѣхъ нѣмцевъ на Руси, какъ называлъ Лестока фельдмаршалъ Долгорукій, и почтительно предложилъ лейб-медику соображенія свои о надеждѣ на «лучшія времена», питаемой Лопухиними.

Звѣрь, въ этомъ случаѣ, бѣжалъ на ловца; Лестокъ пригласилъ доносчика съ собою къ генерал-прокурору князю Трубецкому, потомъ къ генерал-инвизитору Ушакову. Бергеръ повторилъ вельможамъ свои «соображенія» и, вмѣсто порученія въ Солнгамскѣ, получилъ другое—наблюдать, въ самомъ Петербургѣ, подполковника Лопухина и вызнать образъ мыслей молодого человѣка. Для скорѣйшаго достиженія цѣли, лейб-медикъ присоединилъ къ Бергеру собственную свою креатуру, капитана Фалькенберга. Сынъ Лопухиной, любившій выпить, не представлялъ большихъ затрудненій исполнителямъ инструкціи лейб-медика, и, заванный разъ Бергеромъ и Фалькенбергомъ въ винный погребокъ, пьяный, высказалъ имъ, въ присутствіи адъютанта Мальтица—депутата со стороны князя Гессен-Гомбургскаго—нѣкоторыя мнѣнія о тогдашнемъ порядкѣ вещей, въ то время даже раздѣляемныя всѣми. Этого оказалось достаточнымъ. Лейб-медикъ Лестокъ съумѣлъ подмалевать донесеніе свое о происшедшемъ, и подполковникъ Лопухинъ былъ схваченъ, а все семейство его—отецъ, вице-адмиралъ, мать и фрейлина сестра—немедленно заарестовано; то же послѣдовало съ близкою знакомою Лопухинныхъ, обер-гофмаршальшею Бестужевой-Рюминой, сестрою сосланнаго графа Головкина; взята и камергерша Лиліенфельдъ съ мужемъ. Всѣ они принадлежали къ близкимъ людямъ правительницы. Страшный Ушаковъ, лейб-медикъ Лестокъ, и генерал-прокуроръ князь Трубецкой явились членами тогда же учрежденной слѣдственной комиссіи, немедленно открыли засѣданія и начали допросы «съ пристрастіемъ», т.-е. подъ пыткой и, къ ужасу Петербурга, поостыгнувшаго отъ бироновщины. Но дѣла, собственно говоря, не оказывалось. Кромѣ свѣдѣній, кто съ кѣмъ знакомъ и давно ли, гдѣ и когда бывають, и зачѣмъ—комис-

сія не приобрѣтала ровно ничего. Но Лестоукъ, изъ одного гнуснаго самолюбія, рвался доказать основательность учиненнаго имъ же самимъ донесенія, и недолго ломалъ голову. Присутствіе гофмаршалши Бестужевой-Рюминой между судимыми и пытаемыми преступниками, подавало Лестоку прекрасный поводъ настоять на опечатаніи бумагъ самого обер-гофмаршала, мужа преступницы и родного брата вице-канцлера. Лейб-медикъ питалъ несомнѣнную надежду извлечь изъ этихъ бумагъ что нибудь пригодное и для обвиненія врага своего, вице-канцлера, чужеземецъ затѣвалъ перехитрить русскую пословицу, то-есть погнавшись за однимъ зайцемъ, поймать двухъ.

Надежда лейб-медика не оправдалась, потому что въ бумагахъ обер-гофмаршала, перебранныхъ и перечитанныхъ самими судьями, не нашлось ничего предосудительнаго ни для хозяина бумагъ, ни для брата его, вице-канцлера. Лестоукъ прибѣгнулъ къ д'Алліону, и представитель Франціи въ Россіи успѣшилъ вручить изъ затрудненія пенсіонера Франціи при русскомъ дворѣ. Д'Алліонъ сообщилъ Лестоку выдержки изъ писемъ собрата своего, *Балори*, французскаго посланника въ Берлинѣ, въ которыхъ значилось, что маркизъ ди-Ботта д'Адорно, въ прошломъ году переведенный изъ Петербурга, посланникомъ же, въ Берлинѣ, высказываетъ при прусскомъ дворѣ сомнѣнія свои въ прочности новаго русскаго правительства. Лестоукъ испугался, но и обрадовался. По крайней-мѣрѣ, нашлась возможность съинтриговать противъ Австріи, интересамъ которой ревностно служилъ Бестужевъ, а также связать письма ди-Ботты съ производимымъ надъ преступниками слѣдствіемъ. Лестоукъ энергически ухватился за новую мысль. Вспомнили, что маркизъ ди-Ботта, живя въ Петербургѣ, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Головкинымъ и домою сестры его, обер-гофмаршалши, бывшей тогда еще вдовою графа Ягужинскаго; знали, что маркизъ и изъ Берлина не перестаетъ переписываться съ петербургскими друзьями — и слѣдствіе приняло опасный для подсудимыхъ оборотъ, потому что дѣло, котораго, до сихъ поръ, не оказывалось, признано государственнымъ. Лестоукъ ревностно занимался судопроизводствомъ и, при допросахъ, собственноручно бивалъ допрашиваемыхъ, въ чемъ, однакоже, былъ превзойденъ сочленомъ своимъ, вяземъ Трубецкимъ, который вообще отличался бездушіемъ. Но, несмотря на истязанія судимыхъ, неразличавшія ни званія, ни пола, наружу продолжали выплывать женскія сплетни, да мужскіе пересуды, и ничего больше. Чувствуя это, Лестоукъ скрывалъ по Петербургу изъ дома въ домъ, и до того ватолковывалъ знакомымъ объ ужасахъ, будто бы раскрываемыхъ коми-

Т. СЛXVI. — Отд. I.

сією, что трусливѣйшіе изъ знакомыхъ лейб-медика боялись даже говорить о комисіи. Наконецъ, преступникамъ, изувѣченными пытками, слѣдовало произнести рѣшительный приговоръ. Въ собраніи сановниковъ, обсуждавшихъ этотъ вопросъ, князь Гессенъ-Гомбургскій, душою преданный Лестоку, энергически заявилъ первый, что такимъ ужаснымъ преступникамъ, бабъ подсудимые, онъ, князь и фельдмаршалъ, не придумаетъ даже рода казни. Мнѣніе князя усердно поддерживали Лестовъ и Трубецкой, настаивавшій и въ комисіи 1742 года на томъ, чтобы Остермана колесовать, а Миниха четвертовать *живыми*¹. Усилія друзей не были безплодны: преступники, обвиненные въ намѣреніи низвергнуть императрицу и призвать правительницу, найдены достойными смерти, и мнѣніе суда представлено императрицѣ. Ея величество смягчила смертный приговоръ. «Вице-адмирала Лопухина съ женою и съ сыномъ, и обер-гѣфмаршалшу Бестужеву-Рюмину били внудомъ и *уръзали языки*; поручика Ивана Путату били внудомъ; обер-вриг-коммисара Александра Зыбина наказали плетью; Софію Лиліенфельдъ, жену камергера, по разрѣшеніи ея отъ бремени, велѣно наказать плетью², и всѣхъ ихъ сослали въ Сибирь, лишивъ движимаго и недвижимаго имѣнія. Прочихъ, не столько виновныхъ, какъ-то: штабс-ротмистра Лиліенфельда, адъютанта Степана Колычева, подпоручика Акинфова, дворянина Николая Ржевскаго, сослали на вѣчное житье въ деревню, а другихъ на службу рядовыми»³. Что касается маркиза ди-Ботти д'Адорно, онъ, въ угодность императрицѣ Елисаветѣ, былъ отозванъ Марією-Терезією изъ Берлина и арестованъ, съ заключеніемъ въ крѣпость Грець. Брауншвейгское семейство тогда же переведено изъ Динаминда внутрь Россіи, о чемъ давно просилъ Лестокъ, и поселено въ г. Равенбургъ (Ряз. губ.), откуда, позже, удалено въ г. Холмогоры (Арханг. губ.).

Принеся столько жертвъ личному своему спокойствію, лейб-медикъ все-таки не наслаждался имъ, потому что не достигъ главной цѣли — уронить вице-банцлера въ глазахъ императрицы. Бестужевъ не только уцѣлѣлъ, сохранивъ за собою и мѣсто и силу, но даже изъ кова, приготовленнаго ему Лестокомъ, счумѣлъ

¹ Hermann. V, 3.

² Есть извѣстіе, что наказаніе г-жи Лиліенфельдъ (рожд. княж. Одоевскія), сначала отложенное, потомъ и совсѣмъ отпущено, въ уваженіе болѣзни самаго камергера Лиліенфельда, внаваго въ помѣшательство отъ несчастія жены. См. Die Heutige Historie u. s. w. 372.

³ Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, А. Терещенко. С.-Петер. 1837 г. II, 73.

выковать вѣрное и сильное оружіе противъ самого Лестока, которое впоследствии и употребилъ въ дѣло съ чрезвычайнымъ успѣхомъ. Оружіе свое вице-канцлеръ нашелъ въ правѣ вскрыть переписку иностранныхъ министровъ въ Россіи съ своими дворами; а самое право исходатайствовано Бестужевымъ при началѣ слѣдствія, затѣяннаго Лестокомъ, и въ видахъ важности этого слѣдствія ¹. Первоначально, выгодами дарованнаго права вице-канцлеръ воспользовался собственно для себя. Онъ и Бревернъ, призвавъ на помощь нѣкоего *Гольдбаха*, юстиц-совѣтника изъ нѣмцевъ, безошибочно узнавали содержаніе шифрованныхъ посланничьихъ грамотъ и, изъ этого содержанія, извлекали матеріалы для отраженія обвиненій, направляемыхъ Лестокомъ, по поводу вообще близкихъ отношеній Бестужева съ Австрією, оказывавшеюся весьма прикосновенной къ дѣлу Лопухиныхъ. Надѣясь, конечно, и впредь на силу полученнаго права, вице-канцлеръ самъ говорилъ Пецольду, что отнынѣ «онъ намѣренъ всячески мѣшать Лестоку, но будетъ, остерегаясь интригъ лейб-медика, предупреждать его жалобами у императрицы». Лестоки же, естественно предвидя вражду съ вице-канцлеромъ, сталъ заботиться о доставленіи другу своему Румянцеву канцлерскаго мѣста, вакантнаго со дня смерти князя Черкаскаго. Это, однако, не удалось. И раздосадованный лейб-медикъ не скрывалъ уже негодованія своего на вице-канцлера, а въ одномъ торжественномъ собраніи вельможъ, прямо назвалъ вице-канцлера «измѣнникомъ», добавивъ, что «застѣнокъ и бнуть — вывели бы на чистую воду вредные замыслы Бестужева» ².

Послѣ такого заявленія вице-канцлеру, собственные замыслы лейб-медика, развивавшіеся безъ вопроса о пользѣ или вредѣ ихъ для Россіи, обратились къ любимой дѣли Лестока—пріобрѣтенію. Случай пріобрѣсти, дѣйствительно, представлялся снова, касался видовъ прускаго короля на пріисканіе невесты наследнику російскаго престола, и указывался Лестоку Брюммеромъ, съ которымъ, по отъѣздѣ Шетарди изъ Россіи, Лестоки больше чѣмъ съ кѣмъ-нибудь дѣлилъ свои досуги. Этотъ Брюммеръ, шведъ родомъ, но обер-гофмаршалъ голштинскаго двора въ Петербургѣ и наставникъ наследника всероссійскаго престола, непопользовавшійся, однакоже, уваженіемъ своего августѣйшаго питомца, ютился къ Лестоку тѣмъ охотнѣе, что не былъ терпимъ Бестужевымъ. Съ другой стороны, голштинскій обер-гофмаршалъ, страстный любитель государственныхъ дѣлъ вообще, не могъ, за немѣніемъ

¹ Hermann. V, 79.

² Тамъ же. 78.

государства, предаться имъ въ Голштиніи; но въ Россіи, подъ крыломъ Лестока, Брюммеръ впервые приобрѣталъ такую возможность, и потому радостно хвативался за перваго лейб-медика. Лестоку съ Брюммеромъ дѣйствительно многое обдумывали вмѣстѣ, и теперь вмѣстѣ же начали трудиться для прусскаго короля, посолья котораго, баронъ Мардефельдъ, неустанно передавалъ обонимъ друзьямъ порученія и благодарности своего государя. Побуждаемый послѣдними, Лестоку, согласно желаніямъ его прусскаго величества, пришель въ восхищеніе отъ портрета принцессы Софій-Августы ангальт-цербстской, нарочно привезеннаго въ Петербургъ дадею принцессы, принцемъ Августомъ голштинскимъ. При дальнѣйшемъ разсматриваніи того же портрета, лейб-медикъ не забывалъ вспоминать, при государынь, что мать изображенной красавицы—родная сестра покойнаго жениха Елизаветы, епископа любскаго, донья оплакиваемаго императрицею. То же самое повторялось лейб-медикомъ и потомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда заходила рѣчь о предполагаемой вообще женитьбѣ послѣдника, составлявшей, съ нѣкотораго времени, исключительную мысль и любимый разговоръ императрицы. Иногда въ такихъ высочайшихъ бесѣдахъ произносилось имя Ульрики, принцессы прусской, сестры Фридриха II; иногда—Маріанны, принцессы саксонской *, дочери короля Августа III; но баронъ Мардефельдъ зналъ, что королю, его государю, неуютно первое, еще болѣе неуютно второе—и лейб-медикъ или не поддерживалъ разговоръ о принцессѣ Ульрикѣ, или горячо отвергалъ принцессу Маріанну, не стѣсняясь многолѣтнимъ портретомъ отца Маріанны, который носилъ на груди. Кончилось тѣмъ, что цѣль берлинскаго двора была достигнута: принцессы ангальт-цербстскія, мать съ дочерью, въ удивленію Европы и самого Бестужева, получили приглашеніе императрицы пріѣхать въ Москву, куда, для празднованія абоскаго мира и поѣздки въ Кіевъ, готовилась отбыть изъ Петербурга сама императрица.

Такой удачный оборотъ ангальт-цербстскаго дѣла, еще разъ, повидимому, долженъ былъ удостовѣрить всѣхъ и каждаго въ неотразимомъ вліяніи сильнаго лейб-медика, который, кромѣ того, и на зло Бестужеву, тогда же склонилъ императрицу приступить къ бреславско-вѣнскому трактату, гарантировавшему за Фридрихомъ его счастливыя завоеванія у королевы богемской Маріи-Терезіи. Въ неотразимости собственнаго вліянія и близкой гибели досаднаго Бестужева, Лестоку убѣждался тѣмъ болѣе, что маркизь Штардл, возвращавшійся тогда изъ Франціи, ѣхалъ

* Extr. d. dep., 113.

уже по Россіи и, встрѣчаемый вездѣ особыми почестями, прибылъ въ декабрѣ 1743 года въ Петербургъ, съ положительнымъ намѣреніемъ низвергнуть Бестужева. Но вице-канцлеръ не унывалъ и, въ томъ же декабрѣ 1743 года, представилъ императрицѣ письменное оправданіе себя въ дѣлѣ ди-Ботты, составленное по матеріаламъ, извлеченнымъ изъ вскрытыхъ министерскихъ грамотъ.

То же самое сдѣлалъ и Бревернъ. Оба просили о защитѣ отъ враговъ. Ея величество, найдя оправданіе и просьбу министровъ уважительными, обнадежила Бестужева и Бреверна монаршею милостію въ будущемъ, изъяснилась, что не можетъ еще открыто засвидѣтельствовать таковую въ настоящемъ и рекомендовала просителямъ ни въ какомъ случаѣ не опасаться враговъ ¹. Что касается самага изложенія оправданій Бестужева и Бреверна, то послѣдній, ученикъ Остермана въ дѣлѣ изложеній, составилъ свое до того мастерски, что оно являлось прекраснымъ руководствомъ въ методѣ политическихъ отношеній Россіи съ Австріею. Но не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ, авторъ прекраснаго руководства умеръ, отравленный, какъ полагають, противниками Австріи ².

Въ январѣ 1744 года, императрица съ дворомъ и Лестокомъ выѣхала изъ Петербурга въ Москву, куда немедленно же отправился и маркизъ Шетарди, еще неакредитованный Людовикомъ XV въ званіи французскаго посла при русскомъ дворѣ, и потому состоявшій вольнымъ придворнымъ общникомъ, въ скромномъ рангѣ бригадира. Но, съ переселеніемъ въ Москву, скромный бригадиръ, начавъ распоряжаться за двухъ посланниковъ, увеличилъ французское содержаніе Лестока еще на двѣ тысячи рублей, назначилъ новые пансіоны госпожамъ Румянцевой и Шуваловой, а когда, въ февралѣ, прибыли въ Москву принцессы ангалтцербстскія, Иоганна-Елизавета съ дочерью Софіею-Шарлотой, Шетарди объявилъ себя главнымъ партизаномъ свѣтлѣйшихъ принцессъ, изъ которыхъ старшая, отдавъ первый визитъ въ Москвѣ княгинѣ Гессен-Гомбургской, была со вторымъ у лейб-медика Лестока ³. Вслѣдъ затѣмъ, Шетарди торжественно предложилъ своему другу лейб-медику, отъ имени своего короля, портретъ Людовика XV, осыпанный брилліантами, для ношенія на груди. Но лейб-медикъ, вѣрный себѣ, не менѣе торжественно отклонился отъ этой высокой чести, представляя, что подобныхъ портретовъ,

¹ Hermann. V, 79.

² Vösching. XV, 185.

³ «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1744 г. № 25.

полученныхъ отъ царственныхъ особъ, ему, лейб-медику, уже *не-идь носить* и, съ разрѣшенія самой императрицы, принялъ отъ Шетарди, вмѣсто портрета, двѣнадцать тысячъ рублей ¹.

Судя по такому началу, мнѣніе кардинала Тенсина, что «Шетарди одинъ пріобрѣтетъ въ Россіи больше лавровъ, нежели съ пятидесятитысячной арміею», могло бы казаться непреувеличеннымъ, особенно если позабыть про Бестужева, стоявшаго тоже пятидесятитысячной арміи, и незнакомаго, конечно, кардиналу Тенсину, проживавшему въ Лионѣ.

Но не деньги и портреты, рассыпаемые Шетарди, безпокоили вице-канцлера, обеспеченнаго декабрьскимъ объясненіемъ съ императрицею: Бестужеву сильно не нравился тѣсный союзъ маркиза съ принцесою-матерью ангальт-цербстскою, уже снискавшею полное расположеніе императрицы и увѣренною въ будущемъ назначеніи принцесы-дочери. Послѣднее, очевидно, предразрѣшалось особеннымъ вниманіемъ императрицы къ заболѣвшей молодой принцессѣ, которую пользовали и выпользовали придворные врачи Санхецъ и Боэргавъ, дѣйствовавшіе подъ главнымъ наблюденіемъ перваго лейб-медика Лестока 2. Свидѣтель всего этого, вице-канцлеръ лично согласилъ духовенство возстать противъ предполагаемаго назначенія молодой принцесы, несвойственнаго двоюродному родству ея съ наслѣдникомъ російскаго престола, а когда представленія духовенства не удалось, Бестужевъ сталъ побаиваться, что принцеса-мать отмститъ ему, вице-канцлеру, тѣмъ вѣрнѣе и опаснѣе, что будетъ уже *своя императрица*. Отвести такую грозу, Бестужевъ считалъ для себя необходимымъ и вознамѣрился атаковать Шетарди такимъ образомъ, чтобы тѣмъ же ударомъ уронить въ глазахъ императрицы и ангальт-цербстское семейство. Приступая къ осуществленію этого плана, Бестужевъ почти не соображался съ положеніемъ придворныхъ партій, непрерывно колебавшимся, равнодушно смотрѣлъ на князя Трубецкаго, окончательно перебѣжавшаго къ Лестоку, зналъ, что Шуваловы тянутъ туда же изъ одного противовѣсія Разумовскому, собственно дворцоваго, и преимущественно имѣлъ въ виду право, дарованное вице-канцлеру, вскрывать депеши посланниковъ. Къ тому же, пока Лестоку сопровождалъ императрицу къ Троицѣ и въ Александровскую слободу, на помощь Бестужеву подоспѣвалъ весьма кстати на-

¹ Busching. II, 487.

² Лечение принцесы, по свидѣтельству «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» того времени, состояло во «всегдашнемъ употребленіи намученныхъ лезерствъ и частыхъ пусканіяхъ крови».

дежнѣй союзникъ. То былъ лордъ *Тираасей*, новый англійскій посланникъ въ Россіи. Снабженный отъ своего правительства инструкціей вредить Шетарди, лордъ, въ пику бригадиру-маркизу, явился къ русскому двору съ невиданнымъ до того великолѣпіемъ, и съ разу расположилъ къ себѣ императрицу—именно тѣмъ, что, представляясь впервые ея величеству, сталъ на одно колѣно, поцаловалъ руку Елизаветы и сказалъ: «эта честь по истинѣ принадлежитъ прекраснѣйшей женщинѣ и величайшей государынѣ въ мірѣ»¹.

Не смущаясь, повидимому, опаснымъ присутствіемъ лорда-соперника, маркизъ-бригадиръ продолжалъ обмѣниваться безпрерывными посѣщеніями съ лейб-медикомъ, являться съ такими же визитами къ принцессѣ ангалтъ-цербстской, словомъ — интриговать попрежнему. Но надъ головою Шетарди уже собралась и собралась буря.

Юстиц-совѣтникъ Гольдбахъ, читая, по приказанію Бестужева, шифры безразсудно-неосторожнаго маркиза, дочитался въ одной депешѣ до такихъ вещей, что, испугавшись прилично въздъ, отказался, безъ формальнаго предписанія, перевести шифры въ слова. Вице-канцлеръ предписалъ съ восторгомъ—и предсталъ государынѣ, держа въ рукахъ улику на маркиза. Императрица пришла въ крайнее негодованіе и требовала мнѣнія Бестужева, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Вице-канцлеръ предложилъ арестовать Шетарди и немедленно выслать его изъ Россіи подъ стражу. Соглашаясь съ мнѣніемъ вице-канцлера, императрица, однако, замѣтила, что онъ, вице-канцлеръ, самъ подвергается опасному ищенію друга Шетарди, Лестока, весьма способнаго пустить ему, вице-канцлеру, пулю въ лобъ. Но дальновиднѣй Бестужевъ вкрадчиво представилъ, что собственная жизнь ему отнюдь недорога; но что онъ, Бестужевъ, трепещетъ за драгоценные дни ея величества, постоянно угрожаемые медицинскими услугами такого ужаснаго человѣка, какъ Іоганнъ-Германъ Лестокъ. Императрица, успокоивъ вѣроподданническія опасенія вице-канцлера тѣмъ, что отнынѣ не приметъ изъ рукъ лейб-медика ни одной капли лекарства, отложила объявленіе маркизу его преступленія и изгнаніе до того времени, когда ея величество изволитъ отбыть къ Тронцѣ². Нѣсколько дней спустя, именно 26 мая, государыня дѣйствительно отправилась пѣшкомъ на богомолье, а лейб-медикъ, непредчувствовавшій бѣды своего друга, сопутствовалъ ея величеству. 2-го іюня, находясь въ раз-

¹ Die Heutige Historie, 374.

² Hermann. V, 86.

стояніи 10 верстъ отъ монастыря, императрица отправила назадъ въ Москву камер-юнкера Сиверса, съ повелѣніемъ пригласить къ ея величеству наследника престола и обѣихъ принцевъ ангальт-цербстскихъ, оставшихся въ городѣ. 3-го іюня наследникъ и принцесы выѣхали къ императрицѣ, а 5-го іюня, когда дворъ и Лестоку находились въ с. Воздвиженскомъ¹, къ дому Шетарди, рано утромъ, явилась воинская команда. Разбуженный испуганною прислугою, маркизъ не хотѣлъ-было принимать нежданныхъ посѣтителей, сталъ извиняться, потомъ отговариваться, но посѣтители вошли. Увидѣвъ, кромѣ двухъ сенаторовъ и двадцати-четырехъ вооруженныхъ гвардейцевъ, самаго генерала Ушакова, одно имя котораго вселяло невольный ужасъ, маркизъ на минуту замѣтно смутился. Генералъ показалъ маркизу Шетарди переводный трудъ юстиц-совѣтника Гольдбаха и объявилъ, что ея величество, руководимая единственно милосердіемъ къ преступному иностранцу, ограничилась, въ настоящемъ случаѣ, повелѣніемъ отобрать у бывшего посланника бриліантовые знаки Андреевскаго ордена, оставя въ пользу бригадира одни бриліанты, и не далѣе какъ въ 24 часа выслать бригадира изъ Москвы, съ тѣмъ, чтобы онъ, нигдѣ не останавливаясь, выѣхалъ изъ Россіи. Дѣлать было нечего, потому что Шетарди, дѣйствительно, не имѣлъ официальныхъ доказательствъ на свои посольскія права, которыхъ не давало положеніе вольнаго придворнаго общника. По истеченіи высочайше предписаннаго срока, маркиза съ нѣсколькими служителями вывели изъ Москвы и при конвойномъ офицерѣ повезли до русской границы².

Въ то же самое время, у Троицы происходило объясненіе императрицы съ принцесою-матерью, по окончаніи котораго принцеса вышла отъ ея величества съ заплаканными глазами, а лейб-медикъ, и самъ разстроенный, тутъ же объявилъ принцесѣ-дочери, чтобы собиралась обратно въ Германію. Затѣмъ августѣйшіе путешественники начали возвращаться въ столицу. 9-го пріѣхалъ великій князь съ ангальт-цербстскими принцесами; 13-го пріѣхала императрица и, въ тотъ же день, вице-канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ объявленъ канцлеромъ³.

Это назначеніе, невыгодное врагамъ Бестужева, только пятью днями предупредило новую улыбку судьбы, обращенную къ Лестоку, которая, однакоже, при настоящихъ обстоятельствахъ лейб-медика, лишеннаго друга и выгоднаго мнѣнія государыни,

¹ «С.-Петербург. Вѣд.» 1744 г., № 49.

² Hermann. V, 86. Die Heutige Historie, 375.

³ См. опять обзоръ жизни савоиз. II, 74.

походила болѣе на насмѣшливую гримасу той же судьбы. «Сегоднѣ предъ полуднемъ — писали въ С.-Петербургскія Вѣдомости изъ Москвы, отъ 18-го іюня—его превосходительство тайный дѣйствительный совѣтникъ господинъ фон-Лестоукъ, и его превосходительство господинъ обер-маршалъ фон-Бриммеръ чрезъ римско-цесарскаго министра, господина барона фон-Нейгауза изъ римско-имперской канцеляріи получили сообщеніе съ такимъ объявленіемъ, что его римско-цесарское величество по собственному благоволенію всемилостивѣйше соизволилъ обоимъ высокоупомянутыхъ господъ въ разсужденіи оказанныхъ къ российскому императорскому дому ихъ заслугъ въ графское достоинство Римской имперіи съ прибавленіемъ въ титулъ *illustris et magnificus* и притомъ во всё соединенныя съ онымъ достоинствомъ преимущества, права и привилегіи возвести» *. Латинскій дипломъ на графство, неприносившій никакой существенной выгоды лейб-медикъ, болѣе всего любившему такая выгоды, былъ утвержденъ императоромъ 27 апрѣля 1744 года, и лейб-медикъ, генерал-директоръ медицинской канцеляріи въ Россіи, Іоганнъ-Германъ Лестоукъ, сталъ отнынѣ называться и писаться графомъ.

Однакоже, новый графъ и всѣ друзья Шетарда, покинутые маркизомъ, находились въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Принцеса-мать, далеко нежелавшая «сбираться обратно въ Германію», винулась къ камергеру Воронцову, хотя и врагу Лестока съ товарищи, но человѣку болѣе доступному и болѣе мягкому, чѣмъ всѣ другіе опаснѣйшіе враги, главное же—родственному императрицѣ по своей женѣ. Ея свѣтлость лично посѣтила домъ Воронцова, со слезами говорила хозяйнѣ о нерасположеніи къ ней новаго канцлера и, прося участія, предобѣщала честолюбивому камергеру званіе вице-канцлерское. Воронцовъ, тронутый горемъ принцессы и заинтересованный общающимся повышеніемъ, дезертировалъ изъ-подъ знаменъ Бестужева и сблизился съ партией, враждебной канцлеру. Плоды этого сближенія принцеса-мать вкусила очень скоро, потому что въ извѣстіяхъ изъ Москвы отъ 28-го іюня Петербургъ уже читалъ слѣдующее: «Ея высококняжеская свѣтлость принцеса ангальт-цербстская, будучи по сіе время ежедневно наставляема отъ нѣкотораго архимандрита въ православномъ исповѣданіи греческіи вѣры, сегодня предъ полуднемъ въ здѣшней придворной церкви, въ высочайшемъ присутствіи ея императорскаго величества, и его императорскаго высочества государя великаго князя, при собраніи всего духовенства, генералитета и знатнѣйшихъ придворныхъ персонъ,

* «Санктпетербургскія Вѣдомости» 1744 годъ, № 51.

приняла публично исповѣданіе православнаго греческаго закона; послѣ чего отъ преосвященнаго архіепископа новгородскаго святымъ миромъ помазана, и именована Екатерина Алексѣевна. По совершеніи сей церемоніи, ея императорское величество пожаловала свѣтлѣйшей принцессѣ графъ в складень бриллиантовой, цѣною въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Впрочемъ, невозможно описать, какое съ благочиніемъ соединенное усердіе сія достойнѣйшая принцеса при помянутомъ торжественномъ дѣйствіи оказывала, такъ что ея императорское величество сама и большая часть бывшихъ при томъ знатныхъ особъ отъ радости не могли слезъ удержать.

«Завтра, а именно въ день высокаго тезоименитства его императорскаго высочества государя великаго князя, въ соборной церкви въ Кремлѣ, совершится имѣетъ торжественное обрученіе его императорскаго высочества съ свѣтлѣйшею принцесою Екатериною Алексѣевою, причемъ высокопомянутая принцеса объявлена будетъ великою княжною всероссійскою»*. Стало-быть, о возвращеніи въ Германію, по крайней-мѣрѣ, свѣтлѣйшей принцесы Екатерины Алексѣевны, никому не могло приходить въ голову.

Совсѣмъ не было такъ радужно положеніе графа, перваго лейб-медика. Очерченный Бестужевымъ другъ Шетарди, онъ чувствовалъ, что судьба начинаетъ оборачиваться къ нему задомъ, понималъ, что значеніе его склоняется къ западу. Конечно, графъ и лейб-медикъ оставался при всѣхъ выгодахъ, до сихъ поръ благопріобрѣтенныхъ его высокографскимъ сіятельствомъ; но за то дальнѣйшія благопріобрѣтенія долженствовали значительно ограничиться, потому что европейскіе дворы, секретно пересылаясь между собою деньгами, раздѣляютъ послѣднія только между людьми весьма вліятельными, изъ числа которыхъ графъ и первый лейб-медикъ въ Россіи выбывалъ видимо. Удѣлъ Робертуса Карловича Арескина при Петрѣ предстоитъ теперь и графу Іоанну-Герману Лестоку, желавшему нѣкогда этого удѣла. Но, вопервыхъ, то было *никогда*, а вовторыхъ, Арескинъ искренно уважался всѣми, даже русскими, и никогда не привыкалъ значить. Съ другой стороны у почтеннаго Робертуса Карловича никогда не было такихъ враговъ, какимъ для графа Іоанна-Германа являлся канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ. И въ то же время, когда капли канцлера, подъ названіемъ Бестужевскихъ, исцѣляли французскаго короля въ Мецѣ, самъ канцлеръ располагался по каплѣ отравлять жизнь лейб-медика и въ Москвѣ и Петербургѣ.

Обрученіе свѣтлѣйшей принцесы Екатерины Алексѣевны съ на-

* «Санктпетербургскія Вѣдомости» 1744 года, № 55.

сѣдникомъ всероссійскаго престола ¹, сопровождавшееся объявленіемъ невѣсты россійскою великою княжною, съ титуломъ императорскаго высочества, какъ будто польстило графу Лестоку возможностью удержаться на прежней высотѣ и, пользуясь возстановленіемъ кредита принцессы-матери, возстановить собственное значеніе, подкупанное канцлеромъ. Торжество мира съ Швеціею, празднованное въ Москвѣ 15 іюля, еще болѣе располагало графа къ утѣшительнымъ надеждамъ. Дѣйствительному тайному совѣтнику и первому лейб-медвику пожаловано тогда «денегъ 15 тыс. рублей»; друзьямъ его и совершителямъ мира: Румянцову—графское достоинство, барону Любрасу—гаги въ Лифляндіи; племянникъ лейб-медика, привозившій гельсингфорскую реляцію, произведенъ «въ премьер-майоры»; другой родственникъ того же лейб-медика—адъютантъ барона Любраса, Шапузо—въ капитаны ². Все это были, конечно, заслуги государственныя или военныя, во всякомъ случаѣ, выгодно отражавшіяся и на личности лейб-медика, указателя и, такъ-сказать, учредителя самаго поприща заслугъ. Но между награжденными по случаю того же торжества былъ и переводчикъ сочиненій бригадира Шетарди, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гомдбахъ*, которому, отнынѣ назначалось «жалованья по двѣ тысячи рублей на годъ» ³. Это послѣднее призваніе заслугъ и воздаяніе по заслугамъ—совершенно иначе отражалось на личности лейб-медика, набрасывая на нее какой-то зловѣщій оттѣнокъ, который грозилъ обратиться современемъ, трудами канцлера, въ такую тѣнь, что въ ней и самая личность лейб-медика могла стереться и исчезнуть.

Императрица не выказывала, однакоже, своему лейб-медику открытой немилости и даже взяла его съ собою въ Кіевъ, куда, въ сопровожденіи немногочисленной свиты, ея величество выѣхала 27 іюля изъ Москвы, при пушечной пальбѣ, съ непремѣннымъ нагбреніемъ пройти, въ теченіе пути, 100 верстъ пѣшкомъ ⁴. Несключеніе графа Лестока изъ путевой свиты государыни объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что, кромѣ вида медицинскаго, существовалъ другой видъ—практика собственно хирургическая, которой ничто уже не мѣшало лежать на обязанности первого лейб-медика, хирурга по преимуществу. Какъ бы то ни было, графъ Лестоць отправился съ императрицею, довольный тѣмъ

¹ Совершено въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 29 іюня 1744 года.

² См. «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1744 года, прибавленія къ № 80.

³ Тамъ же.

⁴ Тамъ же, № 62.

болѣе, что до г. Козельца (Черниг. губ.) онъ ѣхалъ въ одномъ обществѣ съ новымъ другомъ своимъ, Воронцовымъ, дѣйствительно получившимъ уже вице-канцлерство, а въ г. Козельцѣ соединился и съ другими друзьями — принцесою-матерью ангалт-пербстскою и графомъ Брюммеромъ, прибывшими сюда раньше императрицы, съ дворомъ великаго князя. Въ Козельцѣ¹, на родинѣ Разумовскихъ, императрица отдыхала больше двухъ недѣль, и графъ Лестоку проводилъ это время не безъ удовольствія, потому что придворные съ утра до ночи метали другъ другу *фарангъ*², играя по весьма большой. 29 августа, императрица имѣла торжественный въѣздъ въ Кіевъ, гдѣ, въ теченіе десятидневнаго пребыванія ея величества, дано нѣсколько аудіенцій польско-саксонскому послу графу Флеммингу и отпраздновано высочайшее тезоименитство, въ самый день котораго, 5 сентября, кіевская академія поднесла ея величеству «Треугобое, на трехъ діалектахъ привѣтствіе»³.

Съ возвращеніемъ императрицы въ Москву, роль графа Лестока, какъ придворнаго, не измѣнилась. Лейб-медикъ сохранялъ всю наружную обстановку свою, и пользовался свободнымъ доступомъ въ кружокъ близкихъ людей императрицы, дѣйствительно, чувствовавшей привычку къ нестойчивой болтовнѣ и самой личности своего стариннаго балагура. Но политическое значеніе перваго лейб-медика было видимо не прежнее; и за тѣмъ, чтобы оно именно не было прежнимъ, внимательно наблюдалъ самъ канцлеръ. Приобрѣта полную довѣренность императрицы, Бестужевъ добился, наконецъ, возможности подробно и непосредственно сообщать ея величеству свои политическія мнѣнія — и предвкусывалъ заранѣе успѣхъ, потому что лейб-медикъ, совѣтникъ полупопальный, могъ дѣйствовать на императрицу только черезъ принцесу-мать и вице-канцлера Воронцова — людей, конечно, во многомъ уступающихъ Бестужеву. Къ тому же, на сторонѣ политическихъ тенденцій канцлера былъ лордъ Тиравей, пользовавшійся въ сомъ и бывший въ большомъ ходу при русскомъ дворѣ, тогда какъ баронъ Мардефельдъ, министръ короля прусскаго и согласникъ графа Лестока, едва-едва успѣлъ выскользнуть благополучно изъ неприятнаго приключенія съ бригадиромъ Шетарди. Неприязнь къ Пруссіи, именно за это приключеніе, до того овладѣвала

¹ Считаю великимъ замѣтить, что многіе писатели, говоря объ этомъ путешествіи императрицы, ошибочно называютъ Козелецъ *Козельскомъ* и, тѣмъ образомъ, сдѣлываютъ два разные города.

² Старинное названіе карточной игры банкъ.

³ Изд. 1744, Кіевъ, въ листъ.

канцлеромъ, что онъ составилъ и серьёзно предлагалъ императору планъ отнятія у Фридриха-Великаго Пруссіи, и обмѣна ея у поляковъ на Смоленскую область *. Этотъ планъ, конечно, не могъ быть приведенъ въ исполненіе тотчасъ, за недостаткомъ въ Россіи, вопервыхъ, денегъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ подалъ поводъ: Бестужеву — воспользоваться задобрывающимъ даяніемъ Фридриха и благодарственнымъ Маріи-Терезіи, а Лестоку — пожалѣть, что для него проходила пора подобныхъ же пользованій. Съ грустію смотрѣлъ теперь лейб-медикъ на раздѣлъ между канцлеромъ и вице-канцлеромъ двадцати-пять тысячъ прусскихъ эку, на богатые перстни, полученные ими обоями отъ Маріи-Терезіи, и завидовалъ счастливымъ-политикамъ—до тѣхъ поръ, пока не пріѣхали въ Москву, за союзомъ, шведскіе послы, баронъ Цедеркрейцъ и графъ Гилленборгъ, отъ которыхъ, по старой памяти, надѣялся поживиться и лейб-медикъ. Но, одновременно съ шведскими послами, явился въ Москву и графъ Урсини Розенбергъ, посоль Маріи-Терезіи, прибытіе котораго тоже, отчасти, касалось лейб-медика, только совсѣмъ инымъ образомъ. Графъ Урсини пріѣзжалъ къ императрицѣ собственно для того, чтобы ходатайствовать за предмѣстника своего, маркиза де-Ботту, все еще заключеннаго въ Грецъ—и уѣхалъ съ дозволеніемъ ея величества на освобожденіе арестанта. Успѣхъ графа Урсини, весьма знаменательно для графа Лестока, изглаживалъ самый слѣдъ возни, затѣянной лейб-медикомъ на пагубу канцлера. Если же и оставались еще воспоминанія объ этой возни, то онѣ, существуя только въ горѣ и слезахъ семействъ, изувѣченные члены которыхъ страдали въ Сибири, тѣмъ менѣе могли располагать въ пользу графа Лестока общее мнѣніе. Бестужевъ, тоже стронувшій и устроившій возню, былъ и въ этомъ отношеніи, сравнительно съ Лестокомъ, поставленъ гораздо выгоднѣе, потому что, ратуя, какъ ратовалъ и Лестоку, противъ личнаго *своею* врага, канцлеръ не прибѣгалъ ни къ пыткамъ, ни къ казнямъ, въ чемъ и надобности не оказывалось, а главное — низвергалъ въ Шетарди вліяніе, всѣмъ ненавистное, и то самое, которое поддерживалъ Лестоку.

Между тѣмъ, московская осень проходила при дворѣ шумно и весело; комедіи, балеты и маскарады смѣнялись непрерывно и къ нимъ присовокуплено еще новое развлеченіе, *метаморфозъ*. Этотъ метаморфозъ, тогда же изобрѣтенный самою императрицею, состоялъ въ переодѣваніи дамъ кавалерами и обратно, причѣмъ не пользовался сочувствіемъ ни тѣхъ, ни другихъ: кавалеры,

---

* Extr. d. dép. 115.

осмѣхотворенные дамскою придворною прическою, понимали, какъ они должны быть гадки въ юбкахъ на витовомъ усѣ, а дамы, стѣсненные панталонами, совершенно были увѣрены, что не могутъ нравиться въ кафтанахъ. Въ такомъ метаморфозѣ не проигрывала, конечно, сама императрица, высокая и стройная красавица, замѣтная во всякомъ платьѣ. Графъ лейб-медикъ, облекавшійся съ прочими въ фижмы и роброндъ, былъ, однакоже, болѣе многихъ прочихъ жалуетъ государыней и исполнялъ, по временамъ, высочайшія порученія, требовавшія тогда «тайности» и, слѣдовательно, приличныя лицу довѣренному. Такъ, однажды, въ придворномъ спектаклѣ, графъ Лестокуъ, вышедъ изъ ложи императрицы, явился въ ложѣ высокообрученной невѣсты и, отъ имени ея величества, объявилъ ея высочеству, что государыня весьма недовольна приращеніемъ долговъ высокообрученной невѣсты, чего, въ бытность свою цесаревною, императрица отнюдь себѣ не позволяла. — Время же, остававшееся совершенно свободнымъ, лейб-медикъ могъ съ пользою удѣлять, напримѣръ, чтенію диссертациа о геморрояхъ, только что присланной изъ Лейдена и посвященной его сіятельству обучавшимся тамъ Ив. Тейльсомъ, сыномъ московскаго штатд-физика ¹.

Одаривъ канцлера Венденскимъ замкомъ въ Лифляндіи, съ 63 гавами земли, а также петербургскимъ домомъ Остермана, императрица, съ первымъ же зимнимъ путемъ оставила 17 декабря Москву, обогнала дорогою великаго князя съ невѣстою, выѣхавшихъ двумя днями ранѣе, и 20 декабря прибыла съ своимъ дворомъ въ Петербургъ ². Но, три дня спустя, ея величество снова и сиѣшно отправилась по той же московской дорогѣ назадъ: въ Хотиловъ, на половинѣ пути между столицами, наслѣдникъ престола занемогъ оспою. Императрицѣ сопутствовали графъ Лестокуъ и Антоній Рибейро Санхеъ, первый и второй лейб-медики высочайшаго двора; съ августѣйшимъ больнымъ находился уже Германъ Каау Бюергаве, состоявшій при его высочествѣ. — 25 декабря императрица прибыла въ Хотилово и присутствовала здѣсь, съ небольшимъ дворомъ, болѣе мѣсяца, до самаго того времени, когда великій князь, «къ утѣшенію и неизрѣченной радости всей имперіа, опять прежнее здравіе совершенно получилъ» ³. Но болѣзнь, прибавивъ наслѣднику роста, весьма невыгодно измѣ-

¹ Диссертациа Тейльса, на степень доктора, имѣла слѣдующее заглавіе: *Ioannis de Theyls (Moscovia Russi) dissertatio inauguralis: de sanguinis evacuatione per inferiora, quam haemoroidem vocant, ut causa fistulae ani.* См. Ист. медиц. въ Рос. III, 147.

² «С.-Петербург. Вѣдом.» 1744 г., №№ 102 и 103.

³ «С.-Петербург. Вѣдом.» 1745 г. № 8.

нила наружность его высочества. 27 января 1745 года императрица и наследникъ престола были встрѣчены въ восхищенномъ Петербургѣ пушечною пальбою съ крѣпости и адмиралтейства.

Дворъ занялся приготовлениями къ свадьбѣ наследника престола, назначенной въ августъ. Обер-гофмейстеръ баронъ Минихъ, братъ сосланнаго фельдмаршала, съ марта мѣсяца трудился надъ сочиненіемъ церемоніала предстоящаго торжества. Секретарю русскаго посольства въ Парижѣ предписано собрать и выслать въ Петербургъ всѣ свѣдѣнія о церемоніяхъ, сопровождающихъ бракосочетанія французскихъ дофиновъ¹. Король Августъ III поспѣшилъ предложить къ услугамъ петербургскаго двора описаніе, съ рисунками, собственной своей свадьбы, великолѣпно обставленной его отцомъ, Августомъ II, знаменитымъ своею расточительностію². Но императрица російская изъявила желаніе, при случаѣ бракосочетанія своего наследника, превзойти великолѣпіемъ и вкусомъ всѣ европейскіе дворы³. Политика должна была отодвинуться на второй и далѣе планы; но политическіе дѣятели не хотѣли покидать свою арену. Канцлеръ Бестужевъ рвалъ и металъ на Фридриха, короля прусскаго, который, замѣчая, что мирное положеніе весьма полезно Маріи-Терезіи, тѣснѣе соединился съ Франціею и, помимо бреславскаго трактата, даже безъ объявленія войны, вошелъ въ Богемію. Вина въ этомъ набѣгѣ Францію, Бестужевъ успивалъ вражду свою къ графу Лестоуку, тѣмъ болѣе, что приписывалъ вліянію лейб-медика на вице-канцлера нежеланіе Воронцова, получившаго прусскіе эку, докучать императрицѣ просьбами о немедленномъ разрывѣ съ Прусіею, что самъ Бестужевъ дѣлалъ безпрестанно, особенно въ тотъ моментъ, когда Фридриху въ Богеміи приходилось плохо. Присутствіе лорда Гиндфорда, смѣявшаго въ Петербургѣ лорда Тиравля и жалюемаго государынею не менѣе его предѣстника, мало помогало Бестужеву, воинственный азартъ котораго не вазался съ приготовлениями къ свадьбѣ великаго князя. За то, канцлеру удалось не только отсовѣтовать императрицѣ приступленіе къ франкфуртскому союзу между Прусіею, Франціею и императоромъ Карломъ VII, о чемъ хлопотали Мардефельдъ, д'Аллионъ и баронъ Нейгаузь, друзья Лестока, но даже возбудить высочайшее намѣреніе — помочь Маріи-Терезіи вооруженною силою. Впрочемъ, когда Фридрихъ II собрался вторгнуться въ Саксонію, баронъ Мардефельдъ озабо-

¹ Die Heutige Historie, 376.

² Hermann. V, 91.

³ Die Heut. Hist., 377.

тился пообщать капцтеру сорокъ тысячъ прусскихъ эки, если Россія не приметъ участія въ пользу Августа III ¹; и участіе Россіи ограничилось одними сборами войскъ въ Лифляндію, подъ знамена Ласси.

Пока Фридрихъ II тѣшилса надъ сосѣдями и Бестужевымъ, въ Петербургѣ состоялось, 21-го августа, давно ожидаемое браковѣчаніе августѣйшей четы, и совершено съ чрезвычайнымъ великолѣніемъ въ Казанской церкви, въ присутствіи всего двора. Загѣмъ начался торжество, въ которыхъ графъ Лестоковъ принималъ весьма почетное участіе. Такъ, напримѣръ, 22-го августа, на обѣдѣ въ лѣгнемъ дворцѣ, его сіятельство былъ одною изъ одиннадцати персонъ, въ счету которыхъ, за однимъ и тѣмъ же столомъ, кушали императрица и высоконовообрачные, а 25—присутствовалъ съ дворомъ при представленіи оперы *Сципионъ* и, въ числѣ знатнѣйшихъ особъ, получалъ богато переплетенное либретто оперы, на языкахъ русскомъ, французскомъ и итальянскомъ ². Когда же, 26-го августа, происходилъ придворный маскарадъ изъ четырехъ разноцвѣтныхъ кадрили, въ каждой по семнадцати паръ, то и Бестужевъ и Лестоковъ, попавъ въ число кавалеровъ кадрили № 1, которою предводилъ самъ великій князь съ княгиней гессен-гомбургскою, явились въ одинаковыхъ розовыхъ домино, съ серебряною выкладкою. И лейб-медикъ, утѣшаемый присутствіемъ въ той же кадрили графа Брюмера, усердно отличался въ парѣ съ фрейлиною и двоюродною сестрою императрицы, графиней Марѳою Симоновною Гендриковою, а потомъ, въ числѣ сорока персонъ, ужиналъ въ высочайшемъ присутствіи у матери графа Разумовскаго ³. Но съ окончаніемъ празднествъ, продолжавшихся десять дней, кружокъ друзей Лестока, и безъ того ограниченный, порѣдѣлъ еще болѣе. Лейб-медикъ простился съ княземъ гессен-гомбургскимъ, который, принеда въ совершенное разстройство вѣренную ему русскую артиллерию ⁴, навсегда удалился изъ Россіи, а потомъ и мать новообрачной великой княгини, принцеса ангалт-цербетская, «предирѣла возвратно путь свой въ нѣмецкую землю» ⁵ Лейб-медику, лишенному такихъ надежныхъ опоръ, оставалось руководствоваться «рописаніемъ» еженедѣльныхъ занятій при дворѣ, зимомъ, которое, бывъ сообщено лейб-медику старин-

¹ Extr. d. dép 119.

² Камер-фурьерскій журналъ 1744 г.

³ Тамъ же.

⁴ См. Біографіи русскихъ генералиссимусовъ и ген.-фельдмаршаловъ, Д. Бантышъ Каменскаго. С.-П. тебургъ. 1847. I, 239.

⁵ «С.-Петербург. Вѣдомостъ» 1.43 г. № 79.

нымъ его пріателемъ, обер-гофмаршаломъ Шепелевымъ, гласило: воскресенье — куртагъ; понедѣльные — интермедіи, дамамъ быть въ кафтанахъ подколѣнныхъ; вторникъ — придворный маскарадъ; четвергъ — французская комедія ¹. И лейб-медикъ, дѣйствительно, въ точности сталъ руководствоваться полученнымъ «росписаніемъ», чѣмъ, однакоже, нисколько не примиралъ съ собою сердитаго канцлера, ясно видѣвшаго, что при всѣхъ случаяхъ, означенныхъ въ «росписаніи», лейб-медикъ оказываетъ преимущественную пріязнь Мардефельду и д'Аллиону, которыхъ канцлеръ одинаково не могъ терпѣть. На д'Аллиона же канцлеръ негодовалъ теперь тѣмъ болѣе, что, по милости Франціи, всегда поддерживавшей такъ называемаго претендента на англійскій престолъ, шотландцы не только возстали за претендента противъ дѣйствительно царствовавшего въ Англіи — и платившаго Бесугжеву — короля, но даже, въ это самое время, прислали русской императрицѣ письмо, въ которомъ, прося ея величество о помощи, весьма недовольно сравнивали настоящее положеніе своего претендента съ бывшимъ нѣкогда положеніемъ цесаревны Елизаветы и, какъ-бы въ оправданіе свое приводили, что въ жилахъ хищника Георга — царствующій въ Англіи король — течетъ *та же* брауншвейгская кровь ². Не довольствуясь тѣмъ, что государыня, разумѣется, неотвѣчавшая шотландцамъ, намѣревалась отправить въ распоряженіе англійскаго короля 12 тысячъ войска ³, канцлеръ исходатайствовалъ высочайшее разрѣшеніе объявить, отъ имени ея величества, д'Аллиону, что такъ-какъ Франція затѣваетъ въ Европѣ безпорядки, ко вреду союзниковъ Россіи, то Россія постарается всѣми силами поддержать европейское равновѣсіе ⁴. И д'Аллионъ, несмотря на всѣ свои старанія, поддерживаемыя, гдѣ можно, лейб-медикомъ, никакъ не успѣвалъ въ назначеніи Россіею чрезвычайнаго посла въ Парижъ, гдѣ со дня смерти кн. Кантемира, то-есть съ 31 марта 1744 года, до сихъ поръ не было даже и посланника.

Всѣ эти политическія недоразумѣнія съ Франціею отражались, нѣкоторымъ образомъ, и въ отношеніяхъ императрицы къ первому лейб-медику ея величества. Государыня, помня въ гр. Лестоуѣ друга и сочувственника безразсуднаго Шетарди, видѣла теперь въ томъ же графѣ противника Англіи, пользовавшейся расположеніемъ ея величества, — и благоволеніе Елизаветы къ Лестоуу, постепенно порочному канцлеромъ, постепенно охладѣва-

¹ См. Камер-фурьерскій журналъ 1745 г.

² См. *Lettre des Ecossois à l'impératrice de Russie*. Edimbourg. 1745.

³ Die *Neut. Hist.*, 379.

⁴ Тамъ же.

до. Гр. Лестоку не замѣчалъ этого. Обычная подозрительность оставила графа, когда онъ являлся въ кружокъ императрицы, гдѣ полагалъ себя совершенно обезпеченнымъ отъ какихъ бы то ни было посягательствъ и увлекался одною внѣшностію отношеній къ нему императрицы, обычно неизмѣнною. За то при дворѣ наследника престола, составлявшемъ со времени женитьбы его высочества отдѣльную особь, къ графу Лестову были расположены искренно и всегда были ему рады. Ихъ высочества чувствовали себя одолженными настоящимъ положеніемъ своимъ, отчасти, гр. Лестову, и въ то же время, какъ молодые люди, невольно привязывались въ лейб-медикѣ къ умному, бывалому говоруну-авендотисту. Это тоже не нравилось Вестужеву, очень хорошо знавшему, что при дворѣ наследника престола существуетъ сочувствіе къ прусскому королю, весьма нелюбимому канцлеромъ.

Наступившій, между тѣмъ, 1746 годъ представилъ графу Лестову какъ-бы новое ручательство въ прочности того личнаго положенія, о которомъ самъ графъ имѣлъ весьма ошибочныя понятія. Въ мартѣ, гр. Лестоку узналъ, что въ Холмогорахъ перестала, наконецъ, существовать страшившая его правительница—и, въ апрѣлѣ, лично былъ въ Александроневской лаврѣ при погребеніи, въ высочайшемъ и всего двора присутствіи, тѣла несчастной Анны Леопольдовны. Но, въ то же время, судьба разлучала Лестова съ лучшими его друзьями и самъ онъ сиротѣлъ болѣе и болѣе. Такъ, въ томъ же 1746 г., дружный съ лейб-медикомъ вице-канцлеръ Воронцовъ, уставъ не соглашаться съ канцлеромъ Вестужевымъ ¹, отпросился, для отдыха, въ двухлѣтнее заграничное путешествіе—и поѣхалъ одаривать южную Европу шафрокками изъ сибирскаго гуснаго пуха, «которому всѣ дивились» ², да бесѣдовать съ папою Бенедиктомъ XIV о возможности соединенія церквей ³. Вслѣдъ за вице-канцлеромъ, выбылъ изъ Петербурга и другой преданный другъ лейб-медика, голштинскій обер-гофмаршалъ гр. Брюммеръ, весьма неохотно разстававшійся съ государственными дѣлами вообще и, только въ силу упраздненія голштинскаго двора въ Петербургѣ, сбывшій Вестужевымъ во свояси, вмѣстѣ со всѣмъ упраздненнымъ дворомъ. Не считая принца Августа голштинскаго, оставленнаго пока въ Петербургѣ, около Лестова оставался одинъ кн. Трубецкой; но и на этого друга лейб-медикъ не могъ рассчитывать съ

¹ Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ. II, 104.

² «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1748, № 64.

³ Etudes de Théologie, de philosophie et d'histoire, par les pères Charles Daniel et Jean Gagarin. Paris, 1857. I, p. 440.

увѣренности, потому что генерал-прокуроръ былъ весьма двуличенъ и всегда могъ помириться съ канцлеромъ, въ партіи котораго онъ принадлежалъ нѣкогда, въ качествѣ русскаго.

Такое одиночество, опасности котораго все-таки не подозрѣвалъ легковѣрный графъ, неволью напоминало ему, лейб-медику и генерал-директору медицинской канцеляріи въ Россіи, удѣль Робертуса Карловича Арескина при Петрѣ I, а потому и гр. Іоаннъ-Германъ Лестокоъ увидѣлъ себя вынужденнымъ поразвлечься чѣмъ нибудь въ сферѣ своего генерал-директорства. И, надо отдать справедливость, развлеченіе генерал-директора принесло плодъ, который, во всей разносторонней дѣятельности гр. Лестока, былъ и остался единственно полезнымъ для Россіи. Любя постоянно свою спеціальность, хирургию¹, не забывая о ней ни на высотѣ чести, ни въ политическихъ возняхъ съ Бестужевымъ, гр. Лестокоъ, придумавши заняться дѣломъ, естественно долженъ былъ прежде всего поинтересоваться ходомъ и развитіемъ въ Россіи близкой ему отрасли знаній. Хирургія читалась тогда по рисункамъ и препаратамъ, и студенты, присутствуя на лекціяхъ въ анатомическомъ театрѣ, не видывали труповъ, которые, въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, отсылались въ академію наукъ, гдѣ анатомировались въ замкнутомъ кружкѣ академическихъ профессоровъ. Гр. Лестокоъ понималъ, что такой распорядокъ можно и должно измѣнить въ лучшему — и измѣнилъ. Указомъ 2 мая 1746 года, велѣно всѣ трупы, доставляемые въ академію наукъ, присылать отнынѣ исключительно въ анатомическій театръ при медико-хирургическихъ училищахъ. — «Съ сихъ поръ — говорить Рихтеръ — юные воспитанники хирургіи въ госпиталяхъ получали вождѣнный случай находить при трупораззѣтияхъ, приучаться размысливать патологическимъ и судебно-медицинскимъ образомъ, подъ руководствомъ профессоровъ, причину смерти и свойства болѣзни. Они узнали форму, по коей должны сочиняемы быть таковыя донесенія по части судебной медицины. Сіе особенно было тогда потому нуже, поелику въ сіе время не читали публичныхъ лекцій о судебной медицинѣ»². Но полезныя занятія дѣломъ ненадолго увлекли придворнаго дѣятеля. Лестокоъ завистливо слѣдилъ за чрезвычайными удачами Бестужева и вознегодовалъ на самую свѣжую — трактатъ оборонительнаго союза съ Австріею, заключенный 22 мая въ Петербургѣ, стараніями барона Претлаха, посла Маріи-Терезіи, ставшей уже императрицею римскою. Лейб-медику зналъ, по собственному опыту, что удача, подобная Бестужевской, все-

¹ Helbig.

² Ист. медиц. въ Рос. III, 307.

гда составляютъ счетъ для Претлаховъ или ихъ правительствъ. Дѣлалъ негодованіемъ съ давнимъ знакомцемъ своимъ, барономъ Мардефельдомъ, лейб-медикъ находилъ въ баронѣ чрезвычайное сочувствіе своему образу мыслей, весьма понятное потому именно, что обѣ высокія державы, договаривавшіяся 22 мая, тогда же укрѣпились сильнымъ союзомъ, на случай впаденій Фридриха во владѣнія Маріи-Терезіи, въ чемъ, какъ извѣстно, великій король всегда находилъ великое удовольствіе. Подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Мардефельдомъ, Лестоку, всегда неосторожный въ рѣчахъ и выраженіяхъ, носился съ своимъ образомъ мыслей изъ дома въ домъ и бѣсилъ Бестужева, который, къ тому же, не могъ простить Мардефельду несдержаніе слова по предмету выдачи ему, Бестужеву, обѣщанныхъ 40 тыс. прусскихъ эку¹. Эта прусская неустойка тѣмъ болѣе была ощутительна Бестужеву, что, послѣ лѣтней поѣздки императрицы въ Ревель, куда сопутствовали ея величеству и Бестужевъ и Лестоку, канцлеръ находился въ чрезвычайно стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, даже просилъ у своего друга, лорда Гиндфорда, займы безъ процентовъ; но другъ, почему-то, не далъ². Не въ духѣ отъ безденежья, канцлеръ иррационально указывалъ императрицѣ на Швецію, гдѣ русскій посланникъ, баронъ Корфъ, помимо неконченныхъ еще споровъ о Кюменегардскихъ границахъ, находился въ большомъ затрудненіи. Дѣйствительно, шведскій сеймъ, обезпозвоенный вооруженіями Россіи, происходившими въ силу разныхъ договоровъ съ европейскими державами, особенно же испуганный укрѣпленіемъ Выборга, волновался неукротимо, и, слушая французовъ, готовился къ союзу съ прусскимъ королемъ³. И шведскій, и французскій, и прусскій дворы, раздражавшіе теперь императрицу, были завѣдомо расположены къ Лестоку, въ которомъ находили постоянного доброжелателя при дворѣ императрицы. Въ настоящемъ случаѣ, доброжелатель нисколько не выигрывалъ во мнѣніи ея величества, но, попрежнему, нисколько не заботился слѣдить за своимъ проигрышемъ, и въ февралѣ 1747 года, съ обычною веселостію сопровождалъ государыню на богомолье въ Тихвинъ⁴.

Канцлеръ сильно значилъ. Извѣстіями о высочайшихъ посѣщеніяхъ его дома, его пирахъ, иллюминаціяхъ наполнялись тогдашнія вѣдомости⁵. Весною 1747 года, онъ успѣлъ удачить

¹ Extr. d. dép., 120.

² Тамъ же.

³ Die Neut. Hist. 384—385.

⁴ «С.-Петербург. Вѣдомости» 1747 г., № 10. Историко-статистическое описаніе первокласснаго Тихвинскаго богородицкаго большаго мужскаго монастыря. С.-Петербургъ. 1859. ст. 36—37.

⁵ «С.-Петербург. Вѣдомости» 1747 г., №№ 16, 17 и др.

изъ Россіи дядю великой княгини, принца Августа голштинскаго; лѣтомъ, подписалъ новую дружескую конвенцію съ Англіей. Когда же въ министерство поступила жалоба на французскаго посланника д'Аллиона, нарушившаго таможенные права, и ея величество, недовольная этимъ, лишила всѣхъ иностранныхъ министровъ, личныхъ и впредь будущихъ, разныхъ послабленій, существовавшихъ для нихъ въ самомъ тарифѣ, Бестужевъ выговорилъ изъятіе въ пользу друзей своихъ, Прейтлаха и Гиндфорда ¹. Лейб-медикъ, напротивъ, значилъ меньше и меньше, хотя и продолжалъ въ точности руководствоваться придворными «росписаніями». Вся дѣятельность графа Лестока ограничивалась тѣмъ, что онъ жилъ въ собственномъ каменномъ домѣ, на Фонтанкѣ а, пользовался, по званіямъ своимъ, честію постоянного гренадерскаго караула у дома; получалъ изъ одной Россіи до 20 тыс. руб. въ годъ ², игралъ и проигрывалъ, возился съ начинавшеюся подагрой и, вдовѣя съ ноября 1743 года ³, вздумалъ—жениться. Выборъ графа Лестока палъ на фрейлину императрицы, Марію-Аврору Менгденъ, сестру извѣстной камерфрейлины Юліаны, и близкую родственницу всѣхъ Менгденовъ, павшихъ при воцареніи Елизаветы. Въ день свадьбы графа, 11 ноября 1747 года, императрица, по обыкновенію, сама убрала къ вѣнцу невѣсту въ собственные свои брильянты и присутствовала, со всѣмъ дворомъ, на брачномъ пирѣ, въ домѣ лейб-медика.

Но, несмотря на такое торжественное выраженіе милости монархини къ первому лейб-медику ея величества, дѣла графа Лестока принимали весьма неблагоприятный для него оборотъ. Кромѣ давней открытой вражды къ Лестоку Бестужева, это происходило отъ измѣненія политическихъ отношеній Россіи къ Пруссіи, и еще болѣе отъ легкомыслія самаго Лестока, который, не уважая ни лицъ, ни обстоятельствъ, постоянно давалъ полную волю и своему сердцу и своему языку ⁴.

Способный, по натурѣ своей, къ увлеченіямъ всякаго рода, Лестокъ былъ еще способнѣе увлекаться именно тѣмъ, что приносило ему чистый денежный барышъ. Когда же послѣдняго въ виду не имѣлось, Лестокъ испробовалъ все, чтобы добыть его,

¹ Di- Neut. Hist., 391.

² Существуетъ и до сихъ поръ въ Лештуковомъ переулкѣ, которому сообщалъ названіе; выходитъ на самую Фонтанку, неподалеку отъ Чернышева моста. Кромѣ дома, гр. Лестокъ имѣлъ дачу по петергофской дорогѣ, *сторону* за Краснымъ кабачкомъ, на лѣвой сторонѣ.

³ Die Neut. Hist., 351.

⁴ Helbig.

⁵ Anecd. interess. V, p. 40.

рвался отъ неудачи, но, испытавъ ее, умѣлъ; при всемъ своемъ эгоизмѣ, оставаться почти добрымъ малымъ, юношей далеко не по лѣтамъ, болтуномъ откровеннымъ до неосторожности, шутникомъ не всегда милымъ, но всегда умнымъ и тонкимъ, способнымъ шуткою нажить себѣ смертельнаго врага, однимъ словомъ, вовсе не былъ политикомъ, особенно, въ смыслѣ Бестужева. Канцлеръ на это-то и разсчитывалъ; а обстоятельства помогли канцлеру сжить съ рукъ вертуна француза, надоѣвшаго не одному Бестужеву.

Россія близилась тогда къ разрыву съ Пруссіей, противъ которой, на помощь Австріи, двигался уже по Европѣ корпусъ князя Репнина. Императрица, руководимая личнымъ участіемъ къ Маріи-Терезіи, терпѣвшей отъ безпокойнаго сосѣда, не благоволила къ великому Фридриху. Англійскія субсидіи еще болѣе говорили за Марію-Терезію. Но главнымъ ревнителемъ пользы римской императрицы въ Россіи былъ канцлеръ Бестужевъ, и самъ и въ сынѣ своемъ, каммергеръ¹, обласканный и задаренный ея римскимъ величествомъ. Вредить, гдѣ можно и чѣмъ можно, Фридриху, значило благодѣять Маріи-Терезіи—и Бестужевъ вредилъ Фридриху всячески, не разбирая средствъ. Ссорились ли, напримеръ, при разграниченіи финляндскихъ приобрѣтеній, Бестужевъ внушалъ, что виною этого Фридрихъ, союзникъ Швеціи—и государыня сердилась на Фридриха. Возвращались ли умереть на родинѣ русскіе «великаны», дарившіеся августѣйшими предшественниками императрицы Елизаветы отцу Фридриха, страстному охотнику до великановъ², Бестужевъ тотчасъ же узнавалъ, что великаны, между прочимъ розсказнями о прусскомъ житьѣ-бытьѣ, приносятъ вѣсти о домашнихъ разговорахъ Фридриха, оскорбительныхъ для русской императрицы—и вѣсти великановъ, доложенныя Бестужевымъ государынѣ, приводили ея

¹ Гр. Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ не имѣлъ ни дарованій, ни заслугъ своего отца, ум. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, въ 1768. Въ маѣ 1748, онъ былъ посланъ въ Австрію, поздравлять Марію-Терезію съ новорожденнымъ сыномъ, и тамъ—оснаенъ подарками.

² Обычай такого даренія, непонятнаго въ наше время, заведенъ Петромъ I. Въ архивныхъ документахъ его царствованія разсѣяно немало любопытныхъ данныхъ по этому предмету. И всѣ они, по большей части, характеризуются слѣдующею выдержкою изъ письма гр. А. Г. Головкина, русскаго посланника при берлинскомъ дворѣ, къ царскому кабинет-секретарю Макарову, отъ 31-го декабря 1717 г.: «Прислано королю (прусскому) в подарокъ: в 1712 г. 86 чел., из Помераніи; да в 1714 г.—80 чел., из Санктитербурга; да в 1715 г. 100 чел., из Польши. Всего 216 чел. И из того в большихъ градацахъ 88 чел., да в пропрегменте 98 чел., а достальные розданы по разнымъ полкамъ, из которыхъ нѣкоторые в дальнихъ отсюда провинціяхъ

величество въ крайнее негодованіе на Фридриха ¹. Такимъ образомъ, мало по малу, весь дворъ, и даже общественное мнѣніе Петербурга возстали на Фридриха. Отвращеніе къ Пруссіи сдѣлалось общимъ, хотѣли всѣхъ пруссаковъ выгнать изъ Россіи или истребить ².

Ни до чего этого не было дѣла графу Лестоу, первому лейб-медику государыни. Не думая разставаться съ своими привязанностями, Лестоу продолжалъ быть своимъ челоукомъ въ кружкѣ великаго князя наслѣдника, совсѣмъ нераздѣлявшаго общей ненависти къ прусскому королю, и послуживался посредничествомъ въ перепискѣ великой княгини съ матерью, что, въ силу обстоятельствъ, строго запрещалось ея высочеству. Затѣмъ, безпечный лейб-медикъ не переставалъ учашать визиты къ преемнику друга своего, Мардефельда, прусскому посланнику графу Финкенштейну, отъ котораго бѣжали всѣ придворные, и оставался въ искреннихъ отношеніяхъ съ д'Алліономъ и шведскимъ посланникомъ Вульфстіерной, съ которыми Бестужевъ никогда не разговаривалъ ³. Кромѣ того, бывая тамъ и тутъ, Лестоу, по своему обыкновенію, болталъ, шутилъ и трунилъ надъ чѣмъ попало, причемъ, разумѣется, доставалось, иногда и очень больно, самому Бестужеву, который очень точно извѣщался о всемъ, происходившемъ гдѣ бы то ни было. Впрочемъ, лейб-медикъ и въ присутствіи самой императрицы не таялъ нерасположенія своего къ Австріи. Лестоу откровенно высказывалъ государынѣ, что война съ Фридрихомъ, къ которой тогда всѣ готовились, будетъ стоять Россіи много народа и денегъ, кромѣ того, что едва-ли можетъ назваться справедливою.

«Но развѣ ты не знаешь—сухо замѣтила однажды государыня лейб-медику—что союзъ съ Австріей заключилъ покойный государь—отецъ мой; неужели же стану я разрывать этотъ союзъ». Лейб-медикъ, однако, не унимался, и неосторожно продолжалъ: «Если вашему величеству непремѣнно угодно поддерживать австрійскій союзъ, можно пособить имперцамъ двадцати-пяти-

обрѣтающа .. Сверхъ того несколько за болѣзнями отпущены, такожде померли і розбѣжались, і тако того челоукъ съ 60 в тѣхъ полкахъ еще осталось (Дѣла Гос. Арх. Каб. П. В., отдѣлъ II., № 31, л. 643—644). Изъ дѣлъ Главной Артиллеріи видно, что такіе «великаны» отпускались на чужую сторону съ особыми «великанскими» фузеями, которыхъ, напр., въ 1718 г., Никита Денидовъ изготовилъ на своихъ тульскихъ заводахъ, по берлинскому образку, 65 штукъ (Дѣла Артиллер. Архива въ С.-Петербургѣ, кн. № 29, листы не нумерованы).

¹ Extr. d. dép., 118.

² Anecd. interess. V. 40.

³ Denkwürdigkeiten etc., 111.

сячной армію, условленной въ договорѣ; остальное, государыня, право, не заслуживаетъ высочайшаго вниманія вашего величества». ¹

Лейб-медикъ могъ бы замѣтить, что послѣ этого разговора, императрица избѣгала другого—съ нимъ же, лейб-медикомъ. Но за Лестока все и всегда замѣчалъ Бестужевъ. Около канцлера, въ это же время, явилась новая личность, Апраксинъ, генерал-аншефъ, гвардіи Семеновскаго полка подполковникъ и военной коллегіи вице-президентъ. Вѣруя въ мощь Бестужева, которому былъ душевно преданъ, Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ не сомнѣвался въ грядущемъ паденіи Лестока и, будучи человѣкомъ весьма любостыжательнымъ, не располагалъ, при всей своей напыщенности, брезгать ожидаемыми обломками роскошной обстановки лейб-медика. И Бестужевъ съ Апраксинимъ, руководимые каждый своими видами, согласились дѣйствовать заодно.

Сначала было донесено императрицѣ, что первый лейб-медикъ высочайшаго двора состоитъ на жалованьи Франціи — и представлены ясныя доказательства. Но на первый разъ доносители не попали въ цѣль.—Императрица отозвалась, что «вольнo же Франціи такъ дорого платить Лестоку, съ которымъ ея величество не удостоиваетъ даже говорить» ². Бестужевъ съ Апраксинимъ не обезкураживались — и скоро при дворѣ прошелъ слухъ, что нѣкто Эттингеръ, доказательно знавшій о полученіи лейб-медикомъ жалованья изъ Пруссіи и готовившій официальное о томъ донесеніе самой императрицѣ, умеръ внезапно, отравленный лейб-медикомъ. Этотъ слухъ остался слухомъ, хотя и не безъ впечатлѣнія, невыгоднаго Лестоку. Затѣмъ императрица незамедлила узнать о вредныхъ связяхъ лейб-медика съ прусскимъ и шведскимъ послами въ Петербургѣ, связяхъ, клонившихся къ нарушенію ахенскаго мира, только что повсемѣстно успокоившаго Европу, и такое свѣдѣніе, разумѣется, еще болѣе роняло лейб-медика въ мнѣніи императрицы. Наконецъ, ея величеству всеподданнѣйше представлено, что усердная преданность лейб-медика наследнику престола можетъ быть объяснена однимъ: намѣреніемъ лейб-медика воцарить его высочество, низвергнувъ, по примѣру 1741 года, существующее въ Россіи правительство ³. Тогда императрица повелѣла наблюдать лейб-медика.

9-го ноября 1748 года, графъ Лестока съ женою, и родственникъ лейб-медика, Шапюзо, состоявшій при графѣ чѣмъ-то въ

¹ Anecd. interess. V, 41.

² Hermann. V, 210.

³ Denkwürdigkeiten etc. 112.

родѣ секретаря и адъютанта, были на обѣдѣ у одного прусскаго купца. Тамъ же, въ числѣ гостей, присутствовали шведскіе послы Вульфстерна и Гойкенъ, сѣзнявшіеся тогда въ Петербургѣ, и прусскій посланникъ графъ Финкенштейнъ. Послѣ обѣда, въ сумерки, Шапюзо простился съ компаніей и пошелъ къ себѣ. Но отойдя нѣсколько шаговъ отъ дома, гдѣ обѣдалъ, Шапюзо увидѣлъ за собою какого-то человѣка, потасканно одѣтаго, и узналъ въ немъ ту самую личность, которою съ нѣкотораго времени не разъ уже бывалъ преслѣдуемъ по пятамъ. Шапюзо немедленно схватилъ подозрительную личность за воротъ и, подъ грозою обнаженной шпаги, принудилъ шпиона идти и войти въ домъ купца, откуда не разѣхались еще гости. Графъ Лестоукъ, которому Шапюзо тотчасъ же представилъ свою поминку, предложилъ шпиону 50 рублей, съ тѣмъ, чтобы тотъ сказалъ, кѣмъ онъ подосланъ. Пойманный отказывался отъ денегъ, утверждая, что въ немъ ошибаются. Не довѣря такому показанію, графъ послалъ за унтер-офицеромъ и однимъ изъ гренадеровъ своего домашняго караула, приказавъ имъ захватить съ собою батоги. Караульные явились, шпионъ испугался и, не дожидаясь батожнаго внушенія, повннлся, что онъ крѣпостной человѣкъ одного семеновскаго сержанта, и ходитъ за Лестокомъ и Шапюзо по приказанію своего барина.

Лестоукъ тотчасъ же поспскалъ во дворецъ, палъ къ ногамъ императрицы, напомнилъ о своихъ заслугахъ и просилъ удовлетворенія. Ея величество благосклонно выслушала своего лейб-медика и не отринула его просьбы. Но едва Лестоукъ, успокоенный пріемомъ императрицы, оставивъ дворецъ, отправился прямо оттуда къ какому-то другому купцу на вечеръ, императрицѣ успѣшили объяснить, что лейб-медикъ, не чувствуя за собою вины, не сталъ бы бояться шпионовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, представили ея величеству, что поступокъ Шапюзо, обнажавшаго шпагу, во всякомъ случаѣ, непростителенъ; а намѣреніе Лестока посѣчь шпиона—своеволие неумѣстное. И, въ тотъ же вечеръ, капитанъ Шапюзо съ четырьмя служителями графа Лестока посаженъ въ крѣпость*.

Лестоукъ звалъ, откуда идетъ гроза. Но лейб-медикъ мало огорчался и нисколько не боялся, вполне надѣясь, что самъ онъ, графъ Іоганнъ-Германъ, не можетъ попасть въ бѣду и сопряженныя съ нею неудобства относительно пользованія всѣми благопріобрѣтеніями—не можетъ потому, что императрица, онъ увѣренъ, никогда не рѣшится допустить къ себѣ, хотя бы для

---

* Hermann. V, 212—214.

кровопусканія, другое лицо, а не своего стараго и опытнаго хирурга, какимъ былъ онъ, графъ Іоганнъ Германъ ¹. Продолжая думать такимъ образомъ, Лестоку, 11 ноября, отпраздновалъ веселымъ обѣдомъ годовщину своей свадьбы и угощалъ у себя шведскаго посланника Вульфстьерну ², а вечеромъ явился во дворець, гдѣ, по обыкновенію, игралъ въ карты. Въ теченіе вечера, супруга наслѣдника престола подошла-было къ Лестоку, желая съ нимъ говорить, но Лестоку, полусхута, тихонько сказалъ великой княгинѣ: «остерегайтесь, ваше высочество, я чело-вѣкъ подозрительный». Великая княгиня, взглянувъ на Лестока, лицо котораго пылало, заключила, что графъ слишкомъ хорошо пообѣдалъ — и отошла. На другой день, 12 ноября, въ апартаментахъ императрицы была секретная конференція, гдѣ присутствовали канцлеръ Бестужевъ, австрійскій чрезвычайный посолъ графъ Бернесь и англійскій посланникъ лордъ Гиндфордъ. Трактовалось, между прочимъ, о графѣ Лестокѣ; охуждалось опасное поведеніе перваго лейб-медика — и судьба графа была рѣшена ³.

Въ воскресенье, 13 ноября, когда, въ 11 часовъ утра, графъ Лестоку былъ одинъ у себя, на Фонтанкѣ, и занимался въ кабинетѣ, а графиня поѣхала приобшаться въ кирку, графскій домъ обвужила команда въ 150 человекъ гвардейскихъ солдатъ, которою предводительствовалъ Апраксинъ. У генерал-аншефа, гвардіи подполковника и вице-президента военной коллегіи, не хватило, однако же, духа лично объявить первому лейб-медику высочайшаго двора и генерал-директору медицинской канцеляріи его несчастіе и арестъ. Апраксинъ остался въ приеменной залѣ графскаго дома, а въ кабинетъ, къ хозяину, вошелъ сержантъ, который и прочелъ графу Лестоку императорскій высочайшій указъ о немедленномъ заарестованіи лейб-медика и генерал-директора, данный Апраксину. Изъ комнаты графа арестанта, чрезвычайно пораженнаго нежданною новостію, а также извѣстнаго живостію характера и порывами слишкомъ энергическими, позаботились тотчасъ же вынести все острое ⁴. Потомъ, въ присутствіи графа, приступили къ опечатанію его бумагъ, а у дверей кабинета приставили карауль. Между тѣмъ, къ киркѣ, гдѣ привычалась графиня Лестоку, посланъ особый отрядъ, который, на обратномъ пути изъ кирки, съ примннутыми штыками копвоировалъ карету графини ⁵. Возвратившись домой, жена спѣшила къ мужу; но супругамъ не позволили видѣться, сказали

¹ Herman. 9.

² Тамъ же. 214.

³ Die Heut. Hist. 398.

⁴ Hermann. 214.

⁵ Anecd. inter. V, 48.

графинѣ, что и она арестуется. Тогда Марія-Аврора, жена вѣрная и преданная, въ негодованіи сорвала съ себя часы, брильянты, и бросила все это къ погамъ Апраксина, съ словами: «ведите меня, куда вамъ вѣлно»¹. Графиню, подъ стражею, удалили въ одну изъ комнатъ дома — и явившійся немедленно Александръ Ивановичъ Шуваловъ, страшный преемникъ ужаснаго Андрея Ивановича Ушакова, сталъ снимать съ графа первый допросъ. По отъѣздѣ Шувалова, Лестоковъ, пользуясь объявленнымъ ему высочайшимъ разрѣшеніемъ употреблять невозбранно перо, бумагу и чернила, тотчасъ же написалъ къ императрицѣ, умоляя ея величество вспомнить о его заслугахъ. Но враги Лестокова не доставили императрицѣ его письма — и арестованный графъ, два дня не получая никакого отвѣта, съ третьяго же совершенно отказался отъ пищи, въ намѣреніи уморить себя голодомъ, чтобы не переживать своего несчастія.

У себя въ домѣ графъ Лестоковъ пробылъ арестованнымъ четыре дня и допрашиванъ всего два раза. 17 ноября супруги перевезены въ крѣпость и разсажены въ казематы порознь. Графу объявлено, что онъ лишенъ чиновъ, званій, должностей, словомъ — сравненъ съ простыми смертными. Имущество его было конфисковано. Тогда же взяты въ крѣпость: конно-гвардейскій офицеръ Бергеръ съ женою, и negociантъ Коппъ, подозрѣваемый въ сообщничествѣ съ лейб-медикомъ². Затѣмъ наряжена коммисія, въ которой предсѣдательствовалъ Апраксинъ, за сѣдаль Шуваловъ и докладывалъ Бестужевъ³. Видя это, Лестоковъ упорно томилъ себя голодомъ, поддерживаясь единственно зельтерскою водою⁴.

Началось слѣдствіе. Сначала допрашивали капитана Шапюзо. Онъ откровенно показалъ, что графъ Лестоковъ получаетъ деньги изъ Пруссіи, близокъ съ прусскимъ и шведскимъ посланниками, друженъ съ Воронцовымъ, Трубецкимъ и Румянцовымъ, въ обществѣ которыхъ нерѣдко пируетъ по ночамъ, причемъ иногда выказывалъ негодованіе на видимый имъ порядокъ вещей. Шапюзо, дѣйствительно, не зналъ ничего болѣе, но судьи остались довольны его показаніями, и капитанъ былъ избавленъ отъ допроса съ пыткою⁵. Отъ Бергера съ женою узнали еще менѣе. А Коппа освободили немедленно.

¹ Voyage en Sibérie, p. Chappe. II, 375.

² Die Heut. Hist. 398.

³ Helbig.

⁴ Словарь Бантышъ-Каменскаго, см. Лестоковъ.—Hermann. V, 218.

⁵ Helbig.

⁶ Hermann. V, 214.

Взялись за самого лейб-медика. Спрошенный судьями о томъ, получалъ ли онъ деньги изъ Франціи, графъ Лестоку отвѣчалъ утвердительно; а на вопросъ, сколько именно получалъ вообще, отозвался забвеніемъ цифры и прибавилъ, что о всѣхъ полученныхъ его, графа, всегда бывало имъ же доводимо до высочайшаго свѣдѣнія¹. При обвиненіи въ излишней интимности съ Франціей, графъ Лестоку напомнилъ судьямъ, что эта интимность началась и не прекращалась съ 1741 года з. Касательно трехъ писемъ къ шведскому королю, найденныхъ въ бумагахъ Лестока, графъ показывалъ, что содержаніе ихъ извѣстно государынѣ, потому что самыя письма писаны въ свое время по приказанію ея величества. Графъ сознавался въ отсылкѣ 500 рублей собственныхъ денегъ въ пособіе извѣстной ренегаткѣ, княгинѣ Долгорукой, не отговаривался въ принятіи отъ прусскаго короля денежныхъ подарковъ, но рѣшительно отвергалъ обвиненіе въ замыслахъ, вредныхъ Россіи и, тѣмъ болѣе, подозрѣніе въ отравленіи Эттингера.

О всемъ дознанномъ отъ графа Лестока было донесено императрицѣ, съ представленіемъ мнѣнія комисіи о необходимости допросить бывшаго лейб-медика «съ пристрастіемъ»,—на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе, исходатайствованное канцлеромъ.

Лестока снова потребовали въ комисію. Онъ не ѣлъ ничего уже 11 дней² и, послѣ такой добровольной муки попадалъ въ невольную—привеленъ къ пыткѣ. Палачи схватили ненавистнаго француза, раздѣли его, и бывший первый лейб-медикъ высочайшаго двора, генерал-директоръ медицинской канцеляріи въ Россіи, умный, образованный и пожилой человекъ, придворный, избалованный жизнію, достаткомъ, почестями, этотъ *Illustris et Magnificus* — висѣлъ теперь вздернутый къ потолку, съ вывороченными назадъ руками, удушаемый дымомъ курпвагося подъ дыбю костра. Это продолжалось полчаса. Лестоку твердо выдержалъ первую пытку, не обвинялъ себя ни въ чемъ и, ослабленный 11 дневнымъ голодомъ, имѣлъ еще силу дойти безъ посторонней помощи до своего каземата³. Тамъ Лестока заставили принять нѣсколько пицци⁴. Высочайшимъ указомъ 6 декабря, лейб-медикъ Германъ Каау *Boerhaave* вступилъ во всѣ

¹ Charpe. II, 376.

² Anecd. interess. V.

³ Helbig. По другимъ—Лестоку не принималъ пицци 18 дней.

⁴ Hermann. V, 214.

⁵ Die Neut. Hist. 398.

должности и званія графа Лестока, но только съ чиномъ тайнаго совѣтника и безъ всякаго значенія, а 15 декабря императрица, отъѣзжая въ Москву, при прощаніи, пожаловала Степану Федоровичу Апраксину каменный домъ Лестока на Фонтангѣ, со всѣмъ серебромъ, фарфорами и убранствомъ ¹. Генерал-аншефъ, гвардіи подполковникъ и вице-президентъ военной коллегіи добился своего, а бывший лейб-медикъ, необычайною діетою успѣлъ весьма кстати, но нисколько того не добиваясь, искоренить у себя начинавшуюся подагру ².

Но дѣло Лестока не кончилось, а затянулось. Судъ продолжался; канцелярскія принадлежности, расходуемыя на производство, ставились въ счетъ подсудимому, и покрывались изъ тѣхъ 40 тысячъ рублей, которые были найдены у Лестока въ день его арестованія. Остальныя благопріобрѣтенія бывшаго лейб-медика, тоже конфискованныя, расхищались желающими. «Многіе дѣлились сею добычею» ³. Лестокоъ, отчаявшись въ добромъ исходѣ дѣла, махнулъ рукою на все. Марія-Аврора умоляла судей не тиранить нѣжнаго тѣла ея мужа и ужъ лучше отрубить ему голову ⁴. Но судьи думали и поступали иначе. Въ 1749 году Лестокоъ съ тѣмъ же мужествомъ выдержалъ вторую пытку, на дыбѣ, и, подъ кнутомъ, страшно ругалъ Бестужева; говорилъ, что страдаетъ единственно по его злобѣ; не признавалъ себя преступникомъ; утверждалъ, что раньше или позже невinnostъ его откроется и предсказалъ, что государыня будетъ современемъ раскаяваться въ довѣренности, которою удостоиваетъ теперь канцлера ⁵.

Въ декабрѣ 1749 года, императрица, послѣ годоваго пребыванія въ Москвѣ, возвратилась въ Петербургъ. Тогда же графинѣ Лестокоъ, все время содержавшейся въ крѣпости, но розно съ мужемъ, велѣно уговаривать графа сознаться во всемъ, за что, отъ имени государыни, обѣщать ему возвращеніе чиновъ, званій и пр. Но этотъ судейскій маневръ, учиненный, конечно, безъ вѣдома самой государыни, не удался. Лестокоъ отвѣчалъ женѣ: «я былъ въ катскихъ рукахъ и мнѣ ничего не нужно» ⁶. Однако, раны, незажившія со времени второго допроса, отбивали у изнѣженнаго

¹ «С.-Петербург. Вѣд.» 1749 г., № 101.

² Helbig.

³ Слов. Бантишъ-Кам.

⁴ Шарре. II, 876.

⁵ Hermann. V, 214.

⁶ Тамъ же.

француза охоту подвергнуться новымъ истязаніямъ. Лестокуъ сказалъ все, что хотѣли ¹—и явился виновнымъ: въ намѣреніи перепискою своею смутить доброе согласіе между союзными Россіи государствами и въ противозаконныхъ сдѣлкахъ съ чужестранцами, которые могли быть гибельны для Россіи ². Торжествующій Бестужевъ явился въ императрицѣ съ смертнымъ приговоромъ бывшему лейб-медику, и доказывалъ ей величеству, необходимость наказанія государственнаго преступника, по крайней-мѣрѣ, вкнутомъ, публично. Императрица никакъ на это не согласилась ³. Лестокуъ, лишенный правъ и имущества, розданнаго разнымъ придворнымъ лицамъ, сосланъ на житье въ Угличъ ⁴, съ разрѣшеніемъ взять съ собою свои книги и инструменты ⁵, а жена его отправлена куда-то въ другое мѣсто. Этотъ приговоръ состоялся въ 1750 г., но не былъ опубликованъ. Да и всѣ вообще обстоятельства преступленій и судъ Лестока были, въ свое время, тщательно скрываемы—только не отъ вѣнскаго и лондонскаго дворовъ, которымъ посылались экстракты засѣданій слѣдственной комисіи надъ Лестокомъ ⁶.

Итакъ, Іоганнъ-Германъ Лестокуъ, всю жизнь хлопотавшій о благопріобрѣтеніяхъ, обладавшій, наконецъ, ими съ избыткомъ, разомъ потерялъ все и, на склонѣ жизни, обратился въ прежнее ничтожество. Судьба справедливо возмещала судъ 1743 года слезы и истязаніи обвиненныхъ по доносу Бергера. Сбылись и собственныя слова Лестока, сказанныя императрицѣ въ 1741 г., исполнилось и предсказаніе самой императрицы—о пукѣ розогъ.

Въ Угличѣ Лестокуъ содержался около 3 лѣтъ, и, разлученный съ любимою женою, страдалъ много, потому что, при живости своего характера, не могъ терпѣливо выносить положенія, въ которомъ находился. Ему, напрямѣръ, дозволялось свободно ходить по комнатѣ, гдѣ онъ былъ заключенъ, но строго запрещалось приближаться къ окнамъ ⁷. Содержаніе Лестока, по 3 р. на день, производилось изъ доходовъ съ его же конфискованныхъ имущества. Но изъ опасенія, чтобы такая значительная по тому времени сумма не дала преступнику средствъ учинить какіе нибудь подвухи и проч., деньги Лестоку не выдавались на руки, а хранились у его пристава, который, будучи обязанъ

¹ Denkwürdigkeiten, 112.

² Die Heut. Hist. 398.

³ Chappe. II, 376.

⁴ Denkwürdigkeiten etc. 118. — Hermann. V, 214.

⁵ Die Heut. Hist. 398.

⁶ Тамъ же, 399.

⁷ Chappe. II, 377.

доставлять арестанту все дозволяемое закономъ, разумѣется, не доставляя и самого необходимаго ¹. Что касается графини Лестоко, она, въ мѣстѣ своего заточенія, помѣщалась тоже въ одной комнатѣ, мебель которой составляли столъ, нѣсколько стульевъ, печь и кровать безъ полога, съ одѣяломъ и соломенникомъ. Въ первый годъ ссылки, графиня только два раза имѣла возможность переимѣнить постельное бѣлье. Она безвыходно сидѣла въ своей комнатѣ, откуда не выпускалась даже для естественной нужды; четверо солдатъ постоянно присутствовали съ графинею и спали тутъ же. Лестоко удивлялся, какъ въ это время, не заѣли жену его вши: въ такой ужасной нечистотѣ, поневодѣ, томилась бывшая фрейлина высочайшаго двора. Графинѣ полагалось то же содержаніе, какъ и ея мужу; но получалось оно такъ же, какъ и ея мужемъ. Иногда графиня играла въ карты съ своими стражами, въ надеждѣ выиграть 4 или 5 копеекъ, которыми могла бы располагать по произволу; но послѣднее не всегда ей удавалось. Однажды, графиня какъ-то сгрубила своему приставу, офицеру—и получила жестокое воздаяніе: офицеръ наплевалъ ей въ лицо ².

Въ 1753 году графа Лестока перевезли изъ Углича въ Устюгъ-Великій ³, а графинѣ была дарована полная свобода ⁴. Но достойная жена не захотѣла одиноко пользоваться предлагаемымъ даромъ и просила позволенія раздѣлить судьбу мужа, чтѣ ей разрѣшено. Въ Устюгѣ, положеніе супруговъ улучшилось: они имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько комнатъ и садикъ, который обрабатывался графомъ, носившимъ воду, между тѣмъ, какъ графиня варила пиво, пекла хлѣбы и стирала бѣлье. Приставъ нерѣдко дѣлывалъ супругамъ компаніи и важивалъ къ нимъ своихъ пріятелей. Случилось разъ, что офицеръ, знакомый приставу, слѣдуя въ Сибирь съ арестантами, проходилъ Устюгъ и пожелалъ видѣть графа Лестока, о которомъ много слышалъ. Приставъ исполнилъ желаніе своего пріятеля и представилъ офицера графу. Новые знакомцы съ перваго же слова понравились другъ другу и немедленно — сыгрались. Лестоку едва-ли не впервые повезло въ картахъ, и онъ выигралъ у офицера больше ста рублей — капиталъ для изгнанниковъ. Очень довольный собою, графъ припряталъ деньги, добытыя такъ легко и такъ неожиданно. Но графиня узнала, что сумма, выигранная ея мужемъ, есть въ то же время сумма кормовая, которую офицеръ, ее проигравшій, получилъ

¹ Тамъ же, 378.

² Тамъ же, 377.

³ Hermann. V, 215.—Denwürdigkeiten etc. 114.

⁴ Слов. Баят.-Каменскаго.

на путевое довольствіе своихъ арестантовъ. Не думая долго, сострадательная женщина пришла къ мужу, упала ему въ ноги, и просила возвратити деньги неосторожному игроку. Графъ, при всей своей любви къ деньгамъ и надобности въ нихъ, не рѣшился воспользоваться своимъ приобрѣтеніемъ. Но зная, по собственному опыту, какъ доходятъ арестантамъ ихъ кормовыя, не возвратилъ денегъ офицеру, а отправилъ весь свой выигрышъ въ ближайшую деревню, для раздачи бѣднымъ ¹.

Въ Устюгѣ Лестоку съ женою прожили все остальное время царствованія императрицы Елисаветы, часто выдаясь съ Гринштейномъ, тоже испытывавшимъ непрочною всего земнаго и посланнымъ сюда же ². Государыня, однакоже, не совсѣмъ забывала своего давняго приверженца и, время отъ времени, посылывала Лестоку въ гостинець вина; говоря окружающимъ: «Лестоку это любить» ³. Нѣкоторые изъ окружающихъ императрицу тоже не теряли изъ вида давшаго любимца счастья. Воронцовъ, сдѣланный канцлеромъ на мѣсто изгнаннаго, въ свою очередь, Бестужева ⁴, нѣсколько разъ просилъ государыню о возвращеніи Лестока, въ невинности котораго былъ убѣжденъ совершенно; но государыня не изъявила на то своей воли. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, сильный и вліятельный вельможа второй половины Елизаветинскаго царствованія, благодѣтельствовалъ устюжскому изгнаннику, даже состоялъ съ нимъ въ перепискѣ и получалъ отъ него посланія, въ родѣ слѣдующаго:

«Высокородный графъ».

«Высочайшая милость и сожаленіе ея императорскаго величества приводитъ насъ до высочайшей степени радости, что мы в крайней нашей печали и бедности не совсѣмъ позабыты; мы всю по реестру получили, что ваше сіятельство переслать къ намъ изволили. Ваше сіятельство можете разсудить, какъ приятно и нужно намъ это быть можетъ, что здесь ни фунта хорошева чаю, ниже хорошева вино ні за что достать несыщемъ.

«Ваше сіятельство из природнаго вашево добросердечія насъ спросить приказали, нетли намъ в мехахъ нужды: намъ крайная в томъ нужда, потому что здесь оное не продается, хотябъ старая ношенная женская епанча; мы очень обрадуемся и съ благо-

¹ Шарре. II, 378.

² За держкія рѣчи о государынѣ; передъ отправленіемъ въ ссылку, наказанъ внутомъ. См. Russ. Günstl., Helbig, 207—208.

³ Шарре. II, 379.

⁴ Пострадалъ въ 1759 г. вмѣстѣ съ Апраксинимъ, странно распорядившимся военными дѣйствіями въ Пруссіи, которыя онъ соображалъ съ частными новостіями отъ канцлера. Бестужевъ лишенъ тогда чиновъ, орденовъ и сосланъ въ свою подмосковную, Горетово.

диреніемъ припічаемъ, что пажъ прпсиѣаетца. Еще прошу 0° 40
 ве фун. хлопчатой бумаги. Мы принуждены чап пить измед-
 вых чашек, ибо форфоронаго, какъ чайніка, какъ и чашекъ не-
 имеемъ. Можно бь мие осмелитца просить ваше сіятельство объ
 одномъ ружье, п чтобы мие позволено было стрелять, здесь мно-
 го сурковъ, однакожь непродаютца. Жена моя покорнейше бла-
 годарить за прислаиное платье, впротчемъ спокорностію пребуду
 «покорной слуга

Г. Лестокоъ».

«11-го февраля.

«Еще прошу 0° 1½ фунте рад. валеріа магно.

«Я предсиѣмъ имѣть смѣлость писать к вашему сіятельству 9
 октября, 10 ноября п 10 генваря»¹.

25-го декабря 1761 года скончалась императрица Елпсавета, п
 новый императоръ Петръ III, въ тотъ же день², отпавилъ
 курьера въ Устюгъ за Лестокомъ, которому послать 1,000 руб-
 лей на дорогу до Петербурга³. Въ февралѣ 1762 года, бывший
 лейб-медикъ п генерал-директсръ медицинской канцеляріи, явил-
 ся въ Петербургъ въ *крестьянскомъ платьѣ*⁴, п встрѣченный
 роднымъ племянникомъ, саксонскимъ полковникомъ Лестокомъ,
 занялъ въ Большой Морской домъ одного изъ преемниковъ сво-
 ихъ, славнаго Кондоиди⁵, тогда уже умершаго. Англіисій по-
 сланникъ Кейтъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, писалъ
 своему двору: «Графъ Лестокоъ, несмотря на свои 74 года от-
 роду п 14 лѣтъ ссылки, возвратился изъ изгнанія живой п про-
 ворный, какъ юноша»⁶. Многіе вельможи п всѣ иностранци
 стѣшци видѣть Лестока, по общему убѣжденію, страдавшаго
 безъ вины; изъявленіямъ дружбы не было конца; хотѣли, каза-
 лось, заставить старика-графа разомъ забыть годы изгнанія⁷.
 При представленіи графа п графини Лестокоъ императору, его ве-
 личество обомелся съ ними чрезвычайно мпостивно. Добродуш-
 ный Петръ III помнилъ преданность ему графа Лестока. Гель-
 блигъ рассказываетъ, что графиня, восхищенная приемомъ госу-
 даря, тутъ же сказала Петру: «Я нахожу въ вашемъ величествѣ
 то же добросердечіе п то же человекюлюбіе, казіа знавали всег-

¹ См. Москвитинилъ за 1845 г., № 11, стр. 85.

² Extr. d. dép. 182.

³ Helbig.

⁴ Чаппе. II, 379.

⁵ См. «С.-Петербург. Вѣдомосте 1762 г., № 67.

⁶ Extr. d. dép. 182.

⁷ Чаппе. II, 379.

да. Ваше великодушное сердце способно только прощать. Божь, государь, чтобы это не повредило вамъ» ¹.

9-го марта 1762 года, графъ Лестоку возстановленъ въ чинахъ, «какіе онъ до своего несчастія имѣлъ» ². Но должность его была уже занята *Якобомъ Монсеємъ*, котораго государь весьма жаловалъ, и содержанія Лестову не назначено никакого. За то его величество повелѣлъ возвратить графу Лестову *все*, конфискованное у графа 14 лѣтъ тому назадъ. Но исполнить это высочайшее повелѣніе въ точности—не было никакой возможности. *Все*, собственно говоря, уже не существовало; имѣлось кое-что. Поэтому, въ обладаніе Лестова возвратились: домъ на Фонтанкѣ, подаренный императрицею Апраксину, тоже паденіемъ окончившему свою карьеру; 11 тысячъ рублей изъ 40, взятыхъ у графа при его арестованіи; наконецъ, часть серебра и нѣкоторые фарфоры. Изъ счетовъ, тогда же представленныхъ Лестову, оказывалось, что на канцелярскіе расходы, по производству его дѣла, издержано болѣе 800 рублей ³; оказывалось также, что много шло на ежегодную починку графскихъ домовъ—у него былъ не одинъ—въ которыхъ, во время ссылки графа изъ Петербурга, проживали враги графа или люди, вовсе неизвѣстные его сіятельству ⁴. Лестоку вознегодовалъ, въ немъ ожилъ прежній корыстолюбецъ, алчный въ приобрѣтеніямъ, и графъ горько жаловался императору на неисполненіе высочайшаго повелѣнія. Его величество разрѣшилъ графу Лестову лично пориться въ складахъ канцеляріи конфискаціи и, въ шутокъ, дозволилъ ему же разсматривать свои вещи въ домахъ частныхъ людей. «Это, говоритъ Гельбигъ, было новою пищею для веселости Лестова, еще не совсѣмъ исчезнувшей. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, принялся за обыскъ домовъ старыхъ враговъ своихъ, неуспѣвшихъ принять надлежащія мѣры, и получилъ кое-что изъ своего серебра, картинъ и драгоценностей» ⁵.

Послѣднее обстоятельство снова возбудило противъ Лестова забытую ненависть множества русскихъ, которымъ, кромѣ того, весьма не нравилось громкое и безпрерывное хвастанье стараго болтуна дѣломъ 1741 года. Друзья останавливали Лестова, напоминали ему, что, не ровень часъ, онъ снова можетъ попасть въ ссылку; но Лестоку не внималъ ничему и болталъ безъ уста-

¹ Russ. Günstl., Helbig.

² См. выс. ук., данный въ тотъ день сенату.

³ Hermann. V, 215.

⁴ Anecd. interess. V.

⁵ Russ. Günstl.

ли. Мало того, Лестоуъ и на эту болтовню, какъ прежде на обыскъ вещей, испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія, потому что разъ, объѣдая у государя, прямо сказалъ его величеству: «Государь, мои враги, конечно, не упустятъ случая вредить мнѣ; но я увѣренъ, что ваше величество позволите болтать и спокойно умереть старнику, которому остается уже не болѣе нѣсколькихъ дней жизни» ¹. Но на самомъ дѣлѣ, оставалось уже не болѣе нѣсколькихъ дней царствованія самому Петру. И графъ Лестоуъ, оплававъ благодѣтельствовавшаго ему государя, встрѣтилъ новое, *девятое* на своихъ глазахъ русское правленіе.

Императрица Екаторина II приняла участіе въ объѣднѣвавшемъ графѣ Лестоуѣ, и пожаловала ему пожизненную пенсію въ семь тысячъ рублей съ 30 гаками въ Лифляндіи ². За тѣмъ—въ сонѣ свѣтилъ, восходившихъ около новой императрицы и неуклонно стремившихся по собственнымъ своимъ орбитамъ, ни одно особенно привѣтливо не сіяло старому авантюристу, далеко пережившему свое придворное время. Кромѣ того, французскій посланникъ баронъ Бретейль начиналъ уже относиться къ главному дѣтелю переворота 1741 года за доплатою 20 тысячъ червонцевъ, до сихъ поръ еще ниѣмъ невозвращенныхъ французскому посольству ³.

Наконецъ, у трона Екаторины сталъ, въ новомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, старшій канцлеръ Бестужевъ, съ почестями воззванный отъ своихъ горетовскихъ іереміадъ, и графъ Лестоуъ, переставъ пріѣзжать ко двору, замкнулся въ тѣсномъ кружкѣ немногихъ друзей. Съ ними, старѣя тѣломъ, слишкомъ 70-лѣтній графъ не старѣлъ духомъ, и у себя дома былъ самымъ веселымъ и любезнымъ хозяиномъ, если только не чувствовалъ припадковъ каменной болѣзни, которою началъ страдать уже послѣ ссудки. Любимымъ развлеченіемъ Лестоуа оставались удовольствія стола; любимымъ предметомъ разговоровъ сдѣлались шутки на счетъ похитителей его имѣнія, пугавшія смѣлостію друзей графа, опасавшихся мщенія старому шутнику ⁴. Но часто и съ пріятностію вспоминая о своей придворной службѣ, пылкій старикъ никогда не переставалъ негодовать на то, что, въ день своего ареста, былъ лишенъ возможности насвободъ проколоть Авраамина ⁵. Съ лѣтами, однакоже, болѣзненные припадки гра-

¹ Шарре. II, 380.

² Слов. Вант.-Каменскаго.

³ Anecd. inter. IV.

⁴ Шарре. II, 380.

⁵ Anecd. inter. V.

фа успивалъсь, разслабляли его и мало по малу превращали Лестока, вѣкогда придворнаго щеголя, въ хилаго, неопытнаго старика ¹. Въ послѣдніе годы жизни, единственнымъ обязанностямъ прежняго лейб-медика и генерал-директора медицинской канцеляріи, былъ обязанности, сопряженныя съ званіемъ члена французскаго реформатскаго общества въ Петербургѣ, которое имѣло въ графѣ постояннаго и ревностнаго покровителя и защитника ² до самаго того времени, когда каменная болѣзнь свела Лестока въ гробъ. Онъ умеръ, на рукахъ жены, 12 іюня 1767 года, громко исповѣдуя реформатскіе догматы. Тѣло графа Лестока было перевезено овдовѣвшею графинею въ Цервикау, въ Лифляндіи, и тамъ предано землѣ, въ фамильномъ склепѣ Менгендовъ ³. Дѣтей у графа Лестока, жепатаго три раза, никогда не было. Вдова его, графиня Маріи-Аврора, «прекраснѣйшая женщина и вѣрная подруга своего мужа» ⁴, не переставала пользоваться щедротами императрицы Екатерины II, владѣла, въ видѣ аренды, не только лифляндскими гаванш, пожалованными графу, но по смерти его получила, въ пожизненное пользованіе, 1,184 души въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ и жила еще въ 1811 году ⁵. Безродный въ Россіи, Лестоко имѣлъ близкихъ родныхъ за границею, и, упряя, завѣщаль имъ десять тысячъ рублей. Эти деньги были раздѣлены между потомствами родныхъ братьевъ графа Лестока, старшаго—*Іоанна-Павла*, неизвѣстно гдѣ служившаго, и младшаго—*Людвига*, подполковника прусской службы, умершаго во время семилѣтней войны. Потомство *Іоанна-Павла* Лестока составляли дѣти его: *Іоаннъ-Людвигъ*, прусскій военный и государственный совѣтникъ, приславшій стихи на коронованіе императрицы Елизаветы; *Авустъ*, саксонскій полковникъ, въ домѣ котораго получилъ воспитаніе Домбровский, извѣстный польскій генералъ, и *Христіанъ-Вернеръ-Теодоръ*, полковникъ русской службы. Потомство *Людвига* Лестока заключалось въ сынѣ *Вильгельмъ*, извѣстномъ, по воинѣ 1806 года, прусскомъ гусарскомъ генералѣ, и дочери *Аннѣ-Софіи-Гедвигѣ* ⁶. Мы не знаемъ, въ какой степени родства съ нашимъ графомъ состоялъ Лестоко, адмиралъ англійскаго флота, въ эпоху значенія однофамильца своего въ Россіи.

¹ «Безъ преувеличенія можно сказать—говоритъ Гельбигъ—что графъ Лестоко умеръ, затѣненный шмаи». См. Russ. Gdustl.

² Helbig.

³ Ист. медіц. въ Россіи. III, 139.

⁴ Helbig.

⁵ См. Дѣянія Екатерины II, императрицы и самодержици всероссійскія, соч. колл. сов. Петра Колотова. С.-Петербургъ, 1811 г., ч. I, стр. 15.

⁶ Helbig.

Такъ протелъ и окончилъ свое коловратное поприще графъ Юганнъ-Германъ Лестоуъ, извѣстнѣйшій на Руси чужеземецъ-авантюристъ. Личность графа не принадлежитъ въ числу почтенныхъ. Являясь не иначе, какъ во дворцахъ или въ ссылкахъ, и переходя непосредственно изъ однихъ въ другія, эта личность, съ перваго на нее взгляда, можетъ, конечно, или подстрекнуть праздное любопытство, способное заинтересовываться дворскою жизнью, или возбудить нѣкоторое участіе, чаще и справедливѣе удѣляемое сграждущему. Но при дальнѣйшемъ и болѣе внимательномъ наблюденіи, личность графа Лестоуа теряетъ положительно и, въ глазахъ русскаго наблюдателя, становится даже какиаъ-то уборомъ в еченамъ прошедшимъ. Дѣйствительно, въ Лестоуѣ виднись челоуѣка съ данными весьма дюжиннымъ, который, безъ заслугъ, по разомъ, вознесся на чрезвычайную высоту и, стоя на ней, ни малѣйше не оправдывалъ огромнаго значенія, дарованнаго ему случаемъ, почти волшебнымъ. «Богъ нѣмцевъ на Руси» — какъ называлъ его князь Долгорукій — Лестоуъ и для нѣмцевъ не сдѣлалъ ничего, хотя, въ теченіе трехъ лѣтъ имѣлъ на это ежедневную возможность. Безъ всякой подготовки и способности къ занятіямъ политикомъ, Лестоуъ дерзко вмѣшивался во всѣ министерскія запутанности, постоянно и безстыдно торгуя выгодами призрачной и возвеличившей его Россіи. Имѣвъ противникомъ Бестужева, мужа искушеннаго въ дѣлахъ государственныхъ, было слишкомъ лестно для Лестоуа, гораздо лестнѣе, нежели для Бестужева низложить выскочку-графа. И въ этомъ случаѣ, Елизавета, какъ русская государыня, вовсе не ошлблась, по жертвовать канцлеру своимъ лейб-медикомъ, потому что, Бестужень, не забывая себя, все-таки радѣлъ о пользахъ отечества и былъ истинно полезенъ Россіи; а Лестоуъ, радѣя о себѣ, не могъ имѣть въ виду отечества, которымъ для него Россія не была и даже не стала впоследствии. Русскій вельможа безъ малѣйшаго русскаго ордена; глава медицинскон части въ Россіи безъ всякаго докторскаго диплома¹, совѣтникъ императрицы безъ права засѣдать въ высочайшемъ совѣтѣ², графъ Лестоуъ осмелся псключительно авантюристомъ, которымъ и былъ онъ «съ головы до пяткоу». Въ этомъ качествѣ, графъ Юганнъ-Германъ Лестоуъ вѣрой и правдой служилъ своимъ личнымъ выгодамъ, пзвлекалъ ихъ отвсюду почти съ гениальностью, не задумываясь ни надъ какими средствами и хорошо еще, если, какъ говорить Гельбигъ, «вредилъ болѣе себѣ, нежели другимъ».

М. Д. Жмыровъ.

¹ Юг.-Герм. Лестоуъ не былъ признанъ докторомъ ни отъ одного изъ европейскихъ университетовъ. См. Die Heut. Hist. 397.

² Этого права Лестоуъ добивался постоянно, но никогда не получалъ его.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

Соч. А. Т. ГРИММА.

ALEXANDRA FIEDOROWNA, Kaiserin von Russland, von A. Th. Grimm.
1866. Leipzig.

Уяснить себѣ вполне и отчетливо характеръ и значеніе какой либо исторической эпохи, возможно только при болѣе близкомъ знакомствѣ съ личностями, руководившими ею, или поставленными, почему бы то ни было, на такомъ видномъ мѣстѣ, чтобы вліяніе ихъ, прямое или косвенное, распространялось несравненно далѣе непосредственно окружавшей ихъ среды. Подобное же знакомство достижимо единственно при помощи біографическихъ свѣдѣній, являющихся, правда, только вспомогательнымъ и дополнительнымъ, но не менѣе того существенно необходимымъ элементомъ исторіи, въ ея разумномъ и широкомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ не только національномъ, но и общечеловѣческомъ. Чѣмъ ближе къ намъ по времени изслѣдуемая эпоха, чѣмъ глубже врѣзалась она въ памяти современниковъ особенно характеризующими ее чертами и важною своихъ историческихъ результатовъ, тѣмъ нетерпѣливѣе бываетъ желаніе заглянуть въ закулисныя дѣйствія и отношенія лицъ, на время наполнившихъ мировую сцену болѣе чѣмъ обыкновеннымъ блескомъ и славой, въ особенности когда условія страны и времени таковы, что эти черты и результаты опредѣляются скорѣе свойствами этихъ лицъ, нежели суммою другихъ, болѣе разнородныхъ и сложныхъ вліаній. Но съ другой стороны, тѣмъ труднѣе бываетъ удовлетворить до поры до времени этому вполне естественному и законному желанію. Исторія, какъ и выдаемая природа, имѣетъ свою перспективу, нетерпящую слишкомъ большой близости къ разсматриваемому предмету, и требующую извѣстной атмосферы, ясной и прозрачной, но вмѣстѣ съ тѣмъ смягчающей, и извѣстной точки зрѣнія, для того, чтобы предметъ могъ быть охваченъ и судимъ не только въ своемъ отдѣльномъ видѣ, но и

въ связи съ великимъ обрѣжающимъ его дѣлѣмъ. Чтобы выработалась подобная историческая перспектива, чтобы выяснилась историческая точка зрѣнія, нужно много медленнаго, добросовѣстнаго труда, а главное, нужно, чтобы улеглись и смогли личные элементы, по очереди вызываемые на борьбу и броженіе въ каждую пору жизни народа; слѣдовательно, нужно очень много времени, такъ что любопытство отцовъ по большей части переходитъ къ дѣтямъ ненасыщенное и удовлетворяется только въ ихъ потомствѣ. За то, съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ встрѣчается каждое прибавленіе въ медленно навопляющемуся запасу воспоминаній и біографическихъ знаній, могущее приблизить къ желанному, полнѣйшему уразумѣнію занимающихъ насъ эпохи и личностей. Біографическая, какъ и антикварная любознательность, конечно, нерѣдко переходитъ въ манію и принимаетъ тогда ребячески-смѣшныя проявленія, но въ основѣ ея лежатъ два изъ самыхъ благородныхъ и животворныхъ стремленій, врожденныхъ человѣку: стремленіе къ истинѣ, непривращенной, неподдѣльной, неподкупной, и—потребность вездѣ отыскать *человѣка* и породниться съ нимъ, привести все къ одному — общечеловѣческому знаменателю.

Въ этомъ-то духѣ исторической любознательности, мы собираемся познакомить читателя съ содержаніемъ только что вышедшей книги Гримма, которая, посвящаясь по преимуществу описанію жизни покойной императрицы, не можетъ не пролить въ то же время значительный свѣтъ и на обширный кругъ — семейный и общественный — лицъ и дѣятелей, сгруппированныхъ вокругъ престола, почти тридцать лѣтъ ею занимаемаго. Для составленія подобнаго рода записокъ, трудно представить себѣ болѣе благопріятное положеніе, нежели то, въ какомъ столько лѣтъ находился авторъ, въ качествѣ наставника великаго князя Константина Николаевича. Это обстоятельство отразилось особенно на второй части записокъ, получившихъ живой интересъ, свойственный наблюденіямъ и воспоминаніямъ очевидца, тогда какъ первая часть, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, разработана по различнымъ, большей частью общезвѣстнымъ источникамъ. Это даетъ намъ возможность сдѣлать значительные пропуски и сокращенія, тѣмъ болѣе, что книга очевидно составлена преимущественно съ цѣлью ознакомить иностранцевъ съ русскимъ бытомъ и дворомъ временъ императора Николая, и слѣдовательно наполнена подробностями, непредставляющими ничего новаго для русскаго читателя.

I.

«Въ тяжелую, грозную годину припалъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III прусскую корону (16 ноября 1797 г.). Древнѣйшій христіанскій престолъ Европы былъ ниспровергнутъ, погибла древнѣйшая европейская республика, цѣлое славянское государство только что подверглось раздѣленію между нѣсколькими державами, лѣвый берегъ Рейна былъ уступленъ французской директоріи, вся Европа была потрясена на своихъ тысячелѣтнихъ основахъ, новыя отношенія, новыя имена возникали такъ же внезапно, съ такой же вулканической силой, какъ исчезали прежнія. Вѣнецъ побѣды, утвердившійся на челѣ великаго Фридриха только послѣ семилѣтней войны и двадцатипятилѣтняго достославнаго управленія, генераль Бонапартъ присвоилъ себѣ въ Италіи въ какихъ-нибудь полтора года, еще прежде чѣмъ ему исполнилось двадцать-восемь лѣтъ, тогда какъ Фридрихъ въ эти года еще только начиналъ свое воинское поприще. Все предъидущее, медленно развившееся и задержанное, сторопилось передъ новой порою, съ ея бурными гениями и явленіями. Обороня государства въ извѣстнѣ, свободаго развитія ихъ внутри — вотъ чего громко требовало отживавшее столѣтіе, и каждому мирному шагу молодого короля Фридриха-Вильгельма въ предѣлахъ своихъ владѣній соустествовало какое-нибудь воинственное предпріятіе за чертою ихъ. Въ то самое время, какъ онъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1798 г., поѣхалъ въ Кенигсбергъ для принятія присяги, Бонапарте отплылъ въ Египетъ, басаясь по дорогѣ Мальты; Александрія была во власти молодого завоевателя, прежде нежели король возвратился въ Берлинъ, чтобы принять и въ этомъ городѣ присягу. Темного дней августа послѣ этого мирнаго обряда, королева, 13 іюля, родила первую свою дочь, принцессу Шарлотту, будущую императрицу русскую, Александру Теодоровну».

Первые годы жизни малютки протекли для нея болѣе мирно, нежели, казалось, пророчили ей событія, сопровождавшія ея рожденіе. Мать ея, королева Луиза, столь искренно чтимая и прославляемая всею мыслящей и артистической Германіей того времени, до восьмого года маленькой принцессы, спокойно занималась первоначальнымъ образованіемъ ея, преимущественно развивая въ ней религіозныя чувства, и знакомя ее съ исторіей не только ея предковъ, но и современныхъ событій, которыя впрочемъ вскорѣ подвергли малютку такому практическому курсу историческаго преподаванія, суровые уроки котораго неизгладимыми слѣдами должны были вѣзваться въ ея молодой душѣ. Въ

сентябрь 1806 г. королева послѣдовала за королемъ, вступившимъ въ Тюрингію, на встрѣчу французскимъ войскамъ, по грохотъ іенскихъ пушекъ заставилъ ее посѣтить обратно въ Берлинъ, съ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи прусской арміи, и тамъ едва на скоро успѣла она сдѣлать нужнѣйшія приготовленія въ бѣгству въ Кенигсбергъ, и еще прежде себя отправить туда дѣтей. Недолго пробыла съ ними королева въ этомъ старинномъ, мрачномъ городѣ, какъ уже приближеніе непріятеля принудило ее, большую, измученную разлукою съ иѣжно любимымъ мужемъ, оставленнымъ ею среди тысячи опасностей и горькихъ невзгодъ, въ дальнѣйшему бѣгству въ Мемель, а вскорѣ послѣдовавшее затѣмъ взятіе Кенигсберга заставило ее помышлять уже о томъ, чтобы псвать себѣ убѣжище съ семьею въ Ригѣ. Но дѣло не дошло до исполненія этого плана. Миръ былъ заключенъ, хотя на такихъ условіяхъ, которыя, оставшая королю не болѣе половины его владѣній—не включая въ эту половину самой столицы и главнѣйшихъ крѣпостей—ограничивали его пребываніе возвращеннымъ ему Кенигсбергомъ.

«Королевскія дѣти почти уже два года вели вмѣстѣ съ родителями скитальческую жизнь, вслѣдствіе чего въ воспитаніи ихъ произошла замѣтная остановка. Въ Мемелѣ, какъ и въ Кенигсбергѣ, глубоко огорченная мать по часамъ сидѣла со старшей своей дочерью, внушая ей релігіозныя правила, такъ что послѣдняя, уже долгое время спустя, благодарно признавала, что релігіозное чувство, руководившее ею во всѣхъ превратностяхъ жизни, составляетъ лучшее наслѣдство, оставленное ей матерью. Во время заключенія печальнаго тильзитскаго мира, принцессѣ Шарлоттѣ было девять лѣтъ; необходимымъ становилось приступить съ нею въ серьезнымъ и правильнымъ занятіямъ, но кто бы этому повѣрилъ?—королевской семьѣ *недоставало къ этому средствъ*. Молодой человѣкъ, изъ французскихъ выселенцевъ, Шамбѣ, сопутствовалъ ей въ бѣгствѣ, и всѣмъ дѣтямъ послыно преподавалъ нужнѣйшіе уроки. Жизнь семьи въ сиромѣ, нездоровомъ Мемелѣ была не только буржуазно проста, но положительно бѣдна. Внѣшняго блеска не было и слѣда, и на долю всего семейства выпадали такія лишенія, какими тяготится самый ограниченный въ средствахъ гражданинъ. Въ старшей своей дочери королева какъ будто видѣла собственный свой образъ, не отпускала ее отъ себя, много съ нею читала, и, среди этихъ неслыханно стѣсненныхъ обстоятельствъ, подобно любой доброй вѣмецкой хозяйкѣ, раздѣляла съ нею не одну домашнюю заботу. Съ королевскаго стола исчезла всякая роскошь украшеній, потому что король все превратилъ въ деньги, чтобы хотя нѣсколько облег-

чить своимъ подданнымъ гнетъ, налагаемый на нихъ Наполеономъ. Малѣйшая денежная сумма теперь имѣла во дворцѣ небывалую дотолѣ цѣну. Принцессѣ Шарлоттѣ какъ-то разъ понадобилось платье: король на покупку его могъ дать ей всего пять талеровъ. Такая нужда давала себя чувствовать и въ воспитаніи дѣтей. Нелегко было рѣшиться допустить чужого въ столь скучную домашнюю жизнь. «И при всемъ томъ—разсказываетъ одинъ старецъ, какъ-то по дѣламъ проведеній дѣлій вечеръ въ Мемелѣ, въ тѣсномъ кружкѣ королевской семьи—при всемъ томъ, воспоминаніе о видѣнномъ мною тутъ, я не промѣнялъ бы на воспоминаніе о тысячѣ придворныхъ празднествъ, съ раззолоченными мундирами, униженнымъ звѣздами. За бѣдно убраннымъ столомъ, лишеннымъ, какъ и она сама, всякаго внѣшняго украшенія, сидѣтъ королева, а подлѣ нея, какъ нѣжный бутонъ близъ пышно разцвѣтшей розы—старшая принцесса, и обѣ онѣ, раздѣляя маленькія хозяйственныя обязанности, восхваляли своимъ вниманіемъ, и оставили въ душѣ моей живой образъ, котораго ни одно послѣдовавшее событіе не было въ силахъ затмить.» Около того же времени королева писала къ своему отцу: «Дѣти—наше сокровище», и далѣе, описывая отдѣльно характеръ каждаго изъ нихъ, она говоритъ о принцессѣ: «Дочь моя Шарлотта сосредоточенна, и замкнута сама въ себѣ, но, подобно отцу своему, скрываетъ за холодной повидному оболочкой, теплое, полное участія сердце. Вслѣдствіе этого, въ ея приемахъ есть что-то величавое. Если Господь ее сохранитъ, я предчувствую для нея блестящую будущность.»

Въ началѣ 1808 г., королевская семья снова переселилась въ Кенигсбергъ и зажила въ этой временной столицѣ въ большемъ достаткѣ, но съ той же простотой, какою всегда отличались король Фридрихъ-Вильгельмъ и его супруга, которые постоянно, до и послѣ своего воцаренія, по возможности отстраняли въ своихъ обоюдныхъ отношеніяхъ и обыденныхъ дѣйствіяхъ всѣ этикетныя стѣсненія и тягостный надзоръ ревностныхъ блюстителей, и особенно блюстительницъ, придворнаго церемоніала, еще прежде, нежели неожиданный переворотъ въ судьбѣ ихъ сдѣлалъ подобную скромность горькою необходимостью. «Пребываніе въ Кенигсбергѣ, чуждое всякаго суетнаго блеска, должно было согрѣвать, насыщать душу и сердце принцевъ и принцессъ несравненно болѣе, нежели способна къ тому жизнь во дворцѣ. Все королевское молодое поколѣніе пользовалось правомъ наслаждаться безъ стѣсненій счастьемъ дѣтства и порою нѣжнаго юношескаго разцвѣтанія. Принцесса Шарлотта, будучи уже императрицей всероссійскою, причисляла Кенигсбергъ къ лучшимъ

воспоминаніямъ своей жизни. Въ полнѣйшей свободѣ, она съ братьями спѣшила изъ дворца за городъ, на дачу Бузольта, гдѣ небольшой садъ доставлялъ имъ всѣ радости, на которыя дѣтство имѣетъ такое святое право, и въ которыхъ придворныя условія обыкновенно отказываютъ ему. Они играли въ мячикъ, рвали цвѣты, ловили бабочекъ, и принцесса Шарлотта бывала невыразимо счастлива, когда могла принести матери вѣнокъ изъ васильковъ, собственноручно ею сплетенный. Кромѣ того, Кенигсбергъ сблизилъ королевскихъ дѣтей со многими ихъ сверстниками изъ другихъ сословій и тѣмъ рано пріучилъ глазъ ихъ къ великому разнообразію, представляемому въ жизни человѣческими характерами. Все это вмѣстѣ сильно дѣйствовало на принцессу Шарлотту. Примѣръ старшихъ и сближеніе съ людьми образуютъ молодой умъ гораздо болѣе, нежели сухая мораль и дидактическія внушенія; а постоянное присутствіе при ней матери должно было подготовить къ жизни умъ и сердце молодой принцессы. Ея нѣжная, стройная фигура, изящность и грація, полная достоинства осанка, пріятливое выраженіе глазъ, тогда уже очаровали всѣхъ встрѣчавшихся съ нею. Нѣмецкіе офицеры, присутствовавшіе при играхъ принцевъ и принцессъ во время своего дежурства, уже стариками съ одушевленіемъ рассказывали о легкости ея непринужденныхъ движеній, милой улыбкѣ, съ которою она кланялась, хотя улыбку эту всегда какъ-бы сдерживала какая-то серьезность. Подъ материнскимъ надзоромъ, принцесса Шарлотта ознакомилась въ этомъ году съ произведеніями нѣмецкой литературы. Она внимательно прислушивалась къ бесѣдамъ королевы съ серьезными людьми, хотя и не всегда понимала, о чемъ шла рѣчь; и многоиспытанная горемъ мать, вмѣстѣ съ первыми религіозными чувствами, внушала дочери и глубокую вѣру въ Бога, дѣтски-покорное воззрѣніе на ходъ міровыхъ событій и исторій, нерушимую вѣру въ способность челоуѣчества къ развитію и въ неминуемость конечной побѣды истины и добра, хотя бы послѣ безнадежной борьбы. Такимъ образомъ, вдали отъ Берлина, протекли три года, богатые для молодой принцессы опытомъ и поученіями, рано пробудившими саму затаенную струну ея души.

Торжественнымъ, незабвеннымъ для принцессы днемъ было 23 декабря 1809 г., когда она съ семействомъ возвратилась послѣ трехлѣтняго изгнанія, въ Берлинъ, куда вѣхала, сидя съ матерью и маленькимъ братомъ, принцемъ Карломъ, въ богатой каретѣ, высланной королевѣ въ подарокъ отъ города. Но долготлѣтній рядъ невзгодъ и тревогъ губительно отозвался на чужуръ нѣжномъ и чуткомъ организмѣ королевы, и ей недолго

было дано насладиться порою споконствія, наступившей для нея съ возвращеніемъ въ столицу. Она сознавала сама быстрый упадокъ своихъ подкошенныхъ силъ, и съ особеннымъ чувствомъ тихой грусти встрѣтила день своего рожденія (10-го марта 1810 г.), сказавъ при этомъ случаѣ: «Я въ послѣдній разъ праздную этотъ день». Дѣйствительно, 19-го іюля того же года ея не стало. На горѣ короля и семьи его болѣзненно откликнулась вся Германія, считавшая усонію своей поэтической звѣздой, путеводнымъ лучомъ, свѣтившимъ лучшимъ генимъ страны, которые съ самой колибели окружали ее своими вдохновенными пѣснями: ея, почти еще ребенку, и сесграмъ ея, Жанъ-Поль Рихтеръ посвятилъ лучшее свое стихотвореніе: «Титанъ», которое впоследствии всегда оставалось однимъ изъ любимѣйшихъ чтеній ея дочери.

Въ семейномъ кругу кончина королевы оставила плчѣмъ неполопнимую пустоту, но немногимъ зміѣнила обыденную жизненную череду, развѣ только внесла въ нее еще болъшую простоту быта. Для воспитанія принцессы Шарлотты печальное событіе не имѣло тѣхъ губельныхъ послѣдствій, которыхъ можно было бы ожидать отъ внезапнаго превращенія надзора такой развитой матери, съ самаго рожденія дочери неуспинно направившей всѣ ея занятія. Дѣвица Вильдермеръ, состоявшая при принцессѣ въ качествѣ наставницы уже съ 1805 г., успѣла усвоить себѣ возрѣнія на воспитаніе королевы, особенно высокочтившей педагогическое ученіе Песталоцци и заботливо приѣнявшей его къ образованію всѣхъ своихъ дѣтей; при этомъ она руководилась еще самобитно-выработавшимся въ ней убѣжденіемъ, что однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ преподаванія для дѣтей царствующаго дома должна быть исторія—убѣжденіемъ, основаннымъ на соображеніи, что преобладавіе историческаго элемента въ воспитательной программѣ не только научаетъ познавать пути, которыми народы дошли до настоящаго, но и развиваетъ и возвышаетъ душу такъ, какъ ни одна наука послѣ религіи. Въ томъ же духѣ дѣвица Вильдермеръ добросовѣстно продолжала исполнять задачу, возложенную теперь уже на нее одну, и для этого, съ большимъ тактомъ въ выборѣ, присоединила къ себѣ еще нѣсколькихъ ученыхъ лицъ, чувствуя, что, въ извѣстную пору женскаго воспитанія, нѣкотораа примѣсь мужскаго вліанія становится необходимостью, чтобы придать болъшую устойчивость нравственному организму и болѣе опредѣленное направленіе умственному развитію. Между людьми, принявшими такимъ образомъ дѣятельное участіе въ образованіи будущей императрицы, особенно отличались молодой бого-

словъ Гарнишъ, котораго она всю жизнь помнила и уважала, и въ 1856 г. пожелала повидать еще разъ, Вольманъ и Гиртъ, ознакомившіе ее съ исторіею и искуствами.

Такъ прошли въ безмятежномъ спокойствіи послѣдніе годы воспитанія молодой принцессы. Занятія ея въ этомъ періодѣ прерывались только на часы, посвящаемые ею отцу, который съ особенной горячностью привязался къ ней въ своей великой скорби, и съ нею одною, какъ со старшей изъ своихъ дѣтей, могъ отчасти дѣлать заботы и грусть, нѣкогда облегчаемая ему любимой женою. Но жизнь не дремлетъ; она только изрѣдка притихаетъ, даетъ отдохнуть на перепутьи, и снова влечетъ въ невѣдомую даль. Настала новая пора. Европа ополчилась; Прусія заняла видное мѣсто между державами, свергнувшими грозный болосъ гигантскимъ напоромъ своихъ совокупныхъ силъ, во главѣ которыхъ стоялъ императоръ Александръ. Оба монарха видѣлись въ Бреславлѣ, и свидѣтельницей ихъ союза была принцесса Шарлотта. Ея воспримчивую душу общій энтузіазмъ охватилъ могучей волною. Она видѣла, какъ берлинская молодежь для войны бросала университетъ, какъ сыновья безоглядно разставались съ родителями, какъ невѣсты безропотно отпускали жениховъ, и сама съ трепетомъ провожала отправлявшихся на бой и опасности своими напутственными пожеланіями. Шестнадцатый день ея рожденія былъ отпразднованъ среди ликованій побѣды; когда же ей минуло семнадцать лѣтъ, она привѣтствовала старика Блюхера, возвращавшагося въ столицу послѣ вторичнаго, окончательнаго паденія Наполеона.

Но бурные мѣсяцы, такъ внезапно смѣнявшіе воинственными тревогами и потѣхами ея мирное учебное уединеніе, имѣли для принцессы не одно то значеніе, которое придавало имъ возбужденіе въ ея душѣ жгучихъ политическихъ ощущеній: они рѣшили всю ея будущую участь, какъ женщины. Еще до взятія Парижа союзными войсками, русскіе великія князья Николай и Михаилъ Павловичи остановились въ Берлинѣ проѣздомъ изъ Петербурга во Францію, гдѣ они были прикомандированы къ дѣйствующей арміи. Въ первый разъ вышли они на европейскій просторъ, и полной грудью наслаждались новизною смѣнявшихся впечатлѣній. Пребываніе великихъ князей въ Берлинѣ было самое кратковременное, но не менѣе того, рѣшительное для будущности великаго князя Николая и старшей прусской принцессы. Уже по прибытіи своемъ въ армію, великій князь отерлся императору Александру и королю Фридриху-Вильгельму въ чувствахъ своихъ къ принцессѣ Шарлоттѣ,

которая со своей стороны рискнула на подобные же признаніе въ письмѣ къ брату своему, Вильгельму. Оба монарха рѣшили не противиться такому обоюдному влеченію, но это дѣло естественно должно было уступить первенства болѣе неотлагательнымъ и всепоглощающимъ въ тотъ моментъ интересамъ европейской войны и политики. Притомъ императоръ, хотя всемогущій въ то время, не рѣшился бы скрѣпить подобнаго семейнаго договора на свою отвѣтственность, не получивъ на то предварительное согласіе вдовствующей царицы Маріи Феодоровны. Итакъ, цѣлый годъ не было официальнаго слуха о готовившемся бракѣ, и только на слѣдующій годъ, послѣ того, какъ разыгрался послѣдній сто-дневный эпизодъ великой наполеоновской драмы, въ прусской столицѣ стало замѣтно необыкновенное, оживленное движеніе, предвѣщавшее какое-нибудь чрезвычайное торжество. Первый прибылъ великій князь Николай 22-го октября, въ день крайне памятный и знаменательный для гогенцоллернскаго дома: въ этотъ день праздновалась четырехсотая годовщина владчества этой династіи надъ бранденбургскимъ курфюршествомъ. Два дня спустя, прибылъ и императоръ Александръ, а вслѣдъ за нимъ сестры его: великая княгиня Елизаветина, вдовствующая герцогиня ольденбургская, и великая княгиня Марія веймарская. Наконецъ 4-го ноября, въ Берлинъ вступилъ русскій гренадерскій «полкъ короля прусскаго», и въ тотъ же день, во дворцѣ, слѣдовалъ большой обѣдъ, на которомъ за королевскій столъ, кромѣ членовъ королевскаго и императорскаго семействъ, сѣли только фельдмаршалъ Барклай-де-Толли и старецъ Влюхеръ. Прочіе приглашенные въ большомъ числѣ находились въ смежной залѣ. Вдругъ съ мѣсто своихъ поднимаются оба монарха и пьютъ за здоровье нареченныхъ жениха и невѣсты, великаго князя Николая Павловича и принцессы Шарлотты, и залу наполняетъ остальное общество съ поздравленіями и пожеланіями.

Впрочемъ, крайняя молодость принцессы и самого великаго князя, еще недостигнувшаго двадцатилѣтняго возраста, а также необходимость приготовить невѣсту къ принятію православнаго вѣроисповѣданія и вступленію въ новую, дотогѣ незнакомую ей сферу, заставили отложить самую свадьбу на значительное время. Еще цѣлыхъ два года принцесса провела въ своей семьѣ, среди серьезныхъ занятій, посвященныхъ изученію исторіи и нравовъ, а главное языка и вѣроисповѣданія страны, избранной ею своимъ вторымъ отечествомъ. Послѣдній предметъ преподавалъ ей священникъ Музовскій, нарочито за этимъ прибывшій въ Берлинъ изъ Петербурга. Великій князь часто въ эту пору посѣщалъ прусскую столицу на болѣе или менѣе продолжительное

время. Наконецъ, отъѣздъ принцессы былъ назначенъ на 12 іюня 1817 года. Разлука съ нею была очень тяжела для короля, любимицей котораго она была съ самой смерти матери. Въ числѣ приближенныхъ лицъ, образовавшихъ непосредственную свиту принцессы, находилась ея наставница, дѣвица Вильдерметъ, состоявшій при ней секретаремъ, французъ Шамбô, тотъ самый, который оказалъ такую преданность королевскому семейству во время его бѣдственнаго изгнанія.

Въ Мемелѣ великій князь встрѣтилъ невѣсту, и самъ уже сопровождалъ ее по долгому пути, еще отдѣлявшему ее отъ сѣверной столицѣ. Въ Митавѣ и Ригѣ ей была представлена почти вся мѣстная курляндская и лифляндская аристократія.

«Несмотря на блескъ и радужный пріемъ, вездѣ встрѣчавшіе молодую путешественницу, благодаря стараніямъ ея царственного жениха, принцеса вполне сознавала всю тяжесть трудной задачи, принятой ею на себя, и скромная неувѣренность въ собственныхъ силахъ, не разъ во время долгой, утомительной дороги, заставляла ее проливать тайныя слезы. Вдовствующая императрица, хотя и не принимала никакого участія въ дѣлахъ правленія, но, какъ глава царскаго дома, пользовалась верховнымъ вліаніемъ на всю царскую семью, и приговоръ августѣйшей старушки долженъ былъ рѣшить все будущее положеніе молодой принцессы. Съ нею одною изъ всѣхъ членовъ царскаго семейства, послѣдняя никогда еще лично не встрѣчалась. Подходила цѣль путешествія, и появленіе императора Александра на одной изъ послѣднихъ станцій живо напомнило принцессѣ о близости сѣверной столицы. Наконецъ, на восемнадцатый день, путешественники прибыли въ Гатчину, и оттуда, мимо царско-сельскаго парка, проѣхали въ Павловскъ, любимую резиденцію вдовствующей императрицы. Императоръ Александръ встрѣтилъ принцессу съ тою любезностью, которой славился во всей Европѣ; вдовствующая же императрица обняла ее съ теплою, искреннею нѣжностью, и съ первой же минуты приобрѣла на всю жизнь любовь невѣстки. Императоръ Александръ представлялъ матери принца Вильгельма, сопровождавшаго соотру въ Россію, со словами: «Рекомендую вамъ моего новаго брата»; императрица же, обнимая принца, возразила: «Значитъ, я буду еще однимъ сыномъ богаче». Марія Феодоровна въ то время было пятьдесятъ-восемь лѣтъ, но наружностью она еще была свѣжа и стройна, и производила на постороннихъ глубокое впечатлѣніе. Молодая принцесса была такъ потрясена и внутренно-взволнована, что изъ всей свиты, выстроенной передъ нею, не замѣтила ни-

кого, даже императрицы Елисаветы, пока послѣдняя сама къ ей не подошла со словами: «А для меня развѣ не найдется у васъ ласковаго взгляда?» Впечатлѣніе, произведенное на невѣсту радушіемъ пріема, оказаннаго ей царской фамиліею, дополнялось прелестью Павловска. Здѣсь ей былъ представленъ весь будущій придворный ея штатъ, составленный изъ представителей лучшихъ фамилій, но имена и фізіономіи были слишкомъ для нея чужды, чтобы въ перваго раза остаться у нея въ памяти, и она только тогда начала приходить въ себя и собираться мыслями, когда увидѣла себя одною въ своей комнатѣ. Тутъ, къ ея удивленію, безъ доклада вошла къ ней почтенная, престарѣлая дама, и самымъ дружественнымъ тономъ сказала ей: «Вы очень загорѣли, я сейчасъ же распоряджусь, чтобы вамъ принесли воды». То была княгиня Ливень, которая одна, какъ старшая дама двора, и бывшая воспитательница великихъ княгинь, могла позволить себѣ такой фамильярный тонъ, относительно принцессы. Эта умная женщина пользовалась при дворѣ величайшимъ уваженіемъ, почти на ряду съ обѣими императрицами, и хотя ея первое, незкетное появленіе спачала почти озадачило принцессу, но при болѣе близкомъ знакомствѣ, послѣдняя не могла отказать ей въ искреннемъ и глубокомъ почтеніи. Къ семейному обѣденному столу, принцесса сошла въ дорожномъ костюмѣ, такъ-какъ парадные ея туалеты еще были въ дорогѣ, и робко предстала передъ всѣмъ дворомъ, который присутствовалъ въ полномъ сборѣ, и любопытно разбиралъ каждое слово, каждое движеніе молодой невѣсты, также какъ и выраженіе ея лица, осанку и самую походку. Во всей ея личности было нѣчто столь новое и непривычное для русскихъ понатій, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь милое, что ее прозвали «голубкою». Вечеръ былъ проведенъ исключительно въ семейномъ кругу. На другое утро послѣдовалъ торжественный вѣздъ принцессы въ Петербургъ, не менѣе утомительный для нея, нежели совершенный уже путь. Еще рано утромъ, путешественники проѣхали три нѣмецкія мили, остававшіяся до заставы, и остановились въ придорожной дачѣ позавтракать; затѣмъ, въ полномъ парадѣ, въ открытій раззолоченный ловдѣ, сѣли обѣ императрицы вмѣстѣ съ невѣстою, такъ чтобы столичная публіка могла ихъ видѣть и привѣтствовать. Всѣ гвардейскіе полки были разставлены вдоль дороги, отъ заставы до самаго Зимняго дворца, по крайней-мѣрѣ на цѣлую милю; многіе изъ нихъ были уже извѣстны принцессѣ съ 1813 года, когда она присутствовала при одномъ изъ ихъ смотровъ. Поѣздъ проѣхалъ по Невскому проспекту къ Зимнему дворцу, и остановился у главной парадной лѣстницы, которая

открывается только при особенно-торжественных случаях. Принцессу прямо провели въ дворцовую церковь, гдѣ она въ первый разъ по православному приложилась къ кресту, а изъ церкви на балконъ, выходящій на плацъ; посреди котораго впоследствии была воздвигнута александровская колонна. На самомъ плацу были выстроены гвардейскіе полки, которые, также какъ и вся публика, встрѣтили дочь Пруссіи потрясающимъ «ура! Ослабленная и оглушенная такимъ блескомъ и возгласами, принцесса только къ вечеру, наконецъ, удалась въ назначенные для нея, съ царской роскошью убранные покои. Она чувствовала, что перенеслась въ такую сферу, гдѣ всѣ жизненные отношенія предстанутъ ей въ гигантскихъ размѣрахъ. Немного дней оставалось ей для отдыха, въ которомъ она, послѣ девятнадцатидневнаго путешествія по утомительнымъ дорогамъ и знойной жарѣ, въ высшей степени нуждалась».

II.

Не болѣе пяти дней предоставлялось принцессѣ на отдыхъ и восстановление силъ до начала предстоявшаго ей ряда утомительныхъ придворныхъ и церковныхъ обрядовъ. Но и этимъ краткимъ промежуткомъ она не могла воспользоваться для полного отдохновенія, а должна была посвятить его занятіямъ, требовавшимъ усиленнаго умственнаго напряженія. Вдали отъ двора и отъ самаго царскаго семейнаго круга, она болѣшую часть этихъ дней проводила въ своихъ покояхъ, съ одною изъ приближенныхъ дамъ своей свиты и священникомъ Музовскимъ, чтобы подъ руководствомъ его еще разъ пройти и обнять во всѣхъ его частяхъ ученіе православной церкви, поступленіе въ которую и должно было быть ея первымъ торжественнымъ публичнымъ актомъ въ новомъ отечествѣ. Это послѣднее приготовленіе было для нея тѣмъ необходимѣе, что русскій языкъ, преподаваемый ей въ Берлинѣ только отчасти тѣмъ же Музовскимъ, былъ для нея еще затруднителенъ и непривыченъ; славянскій же языкъ, на которомъ она при всемъ дворѣ должна была произнести исповѣданіе православія—почти совершенно чуждъ. Дѣйствительно, когда она 24-го іюня предстала передъ дворомъ, чтобы торжественно принять новое вѣроисповѣданіе, въ произнесенныхъ ею во всеуслышаніе славянскихъ словахъ замѣтны были легкая запинка и нѣсколько чужестранное произношеніе. Во все время обряда близь принцессы, одѣтой въ простое бѣлое платье, и имѣвшей единственнымъ украшеніемъ золотой крестъ на груди, стояла монахиня

въ черномъ облаченіи, еще усиливавшая эффектомъ такого разительнаго контраста то странное впечатлѣніе, которое подобный, чуждый протестантскому церковному церемоніалу обрядъ долженъ былъ производить на иностранныхъ зрителей. Послѣ принятія ею св. причастія, русскій дворъ и прусская свита привѣтствовали уже не принцессу Шарлотту, а великую княгиню Александру Теодоровну. На другой же день, 25 іюня, послѣдовало обрученіе молодой четы, совпавшее съ рожденіемъ великаго князя Николая Павловича, которому въ этотъ день исполнилось 21 годъ. На этомъ празднествѣ невѣста въ первый разъ явилась въ русскомъ національномъ костюмѣ — сарафанѣ и кокошникѣ.

Немногіе дни, остававшіяся до самой свадьбы, были проведены семейнымъ образомъ и отчасти посвящены поѣздкамъ по городу и ближайшимъ окрестностямъ. Наканунѣ дня, назначеннаго для свадебнаго торжества, невѣсту привели въ изумленіе и восторгъ безчисленные подарки, которыми она была осыпана членами дарской семьи: брильянты, жемчугъ, драгоценные каменья до той поры оставались для старшей дочери прусскаго королевскаго дома почти столь же невѣдомою роскошью, какъ и для дочери простаго горожанина, и возбудили въ ней дѣтски-простодушную радость. Но воспоминаніе о простотѣ, отличавшей ея дѣтство и первую юность, было для нея такъ живо, что, когда она на слѣдующее утро стояла уже готовая къ брачному обряду, въ велико-княжеской коронѣ, подбитой горностаемъ порфирѣ и множествѣ драгоценностей, давившихъ ее своею тяжестью и ослѣплявшихъ своимъ блескомъ, она не могла удержаться, чтобы къ своему царственному головному убору не прибавить собственноручно бѣлую розу изъ букета, поднесеннаго ей ея вѣрной наставницей и другомъ, дѣвницею Вильдерметъ.

Послѣ брачнаго обряда, совершеннаго съ великой торжественностью въ присутствіи дипломатическаго корпуса, государственнаго совѣта, сановниковъ и всего двора, и по окончаніи параднаго обѣда, происходившаго при стеченіи безчисленныхъ зрителей, допущенныхъ на хоры залы, молодые отерли балъ величественнымъ польскимъ, въ которомъ участвовали и прочіе члены царской фамиліи; но пробывъ не болѣе часа въ бальной залѣ, удалились въ свои покои, чтобы приготовить въ переѣзду въ назначенный для нихъ анничковскій дворецъ. Около десяти часовъ вечера, при матовомъ полусвѣтѣ сѣверной лѣтней ночи, тронулся блестятельный поѣздъ. Императоръ Александръ съ императрицею Елисаветою еще прежде уѣхали впередъ, чтобы встрѣтить новобрачныхъ на порогѣ ихъ новаго жилища. Въ ту минуту, какъ сами молодые сходили по главной па-

радной лѣстницѣ за императрицей Маріей Ѳеодоровной, чтобы сѣсть въ золотую, запряженную осьмерною карету, сквозь толпу протѣснулся къ великой княгинѣ запыленный, засиѣвшійся курьеръ, и вручилъ ей письмо, въ которомъ отецъ съ любовью благословлялъ ее на новую жизнь. Обрадованная этимъ неожиданнымъ подаркомъ, молодая великая княгиня, счастливая и веселая, хотя и усталая, пробѣжала среди тысячъ народа, обступавшихъ эвважъ съ оглушительными, безпрерывными «ура!» и вѣхала въ принадлежавшій ей отнынѣ дворецъ, гдѣ въ первый разъ съ утра, ей наконецъ можно было сбросить съ себя тяготившія ее украшенія, и промѣнить ихъ на воздушный нарядъ изъ розоваго газа и брюссельскихъ кружевъ. Этотъ утомительный день пріятно закончился семейнымъ ужиномъ, въ которому изъ постороннихъ были приглашены, великимъ княземъ, только воспитатель его, графъ Ламбсдорфъ, и, великой княгиней—дѣвица Вильдерметъ и прусскія дамы ея свиты.

За обязательными придворными празднествами и этикетнымъ обмѣномъ визитовъ, наполнившими слѣдующіе четыре-пять дней, настало для молодой четы нѣсколько недѣль спокойнаго отдыха среди петербургскихъ окрестностей. Всѣ члены царской фамиліи разъѣхались по различнымъ загороднымъ дворцамъ, и новобрачные по очереди посѣтили Царское Село, гдѣ императоръ Александръ, изъ всѣхъ пышныхъ екатерининскихъ покоевъ, довольствовался двумя скромными комнатами, Гатчину и Павловскъ, проводя болѣе или менѣе продолжительное время въ каждой изъ этихъ резиденцій. Въ особенности же имъ полюбился Павловскъ, гдѣ вдовствующая императрица приняла сына и невѣстку съ такой синсходительной вѣжностью, какою не всегда отличались ея отношенія къ дѣтямъ. Небольшой дворецъ, окружавшій ее въ эти немногія недѣли, жертвуемая ею на лѣтнее отдохновеніе, состоялъ исключительно изъ самыхъ приближенныхъ лицъ: тутъ были только адъютанты великаго князя, Адлербергъ и баронъ Фридрихсъ, женатый на бывшей подругѣ дѣтства великой княгини, графинѣ Гуровской—которую, до самой ея смерти, Александра Ѳеодоровна называла не иначе, какъ «другъ Цецилія», фрейлины великой княгини, графиня Шувалова и дѣвица Ушакова, гофмаршалъ графъ Нарышкинъ и прусская свита. Тѣсный, почти исключительно семейный кружокъ скоро еще оживился пріѣздомъ изъ Берлина князя Радзивила, присланнаго королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ къ дочери съ поздравленіями. Этотъ вельможа, женатый на прусской принцессѣ, сестрѣ принца Лудвига-Фердинанда, славился какъ образованнѣйшее лицо своего времени и меденать искусствъ, и занималъ без-

спорно первое мѣсто въ интеллектуальномъ и артистическомъ берлинскомъ обществѣ той эпохи.

Это прибавленіе къ семейному кругу вмѣстѣ съ живымъ нравомъ молодой великой княгини, успѣвшей уже освоиться съ новою обстановкою, а также и развязная веселость брата ея, принца Вильгельма, благопріятствуемая просторомъ и сравнительнымъ привольемъ дачной жизни, дали рѣшительный перевѣсъ заграничной непринужденности надъ нѣскольکو чопорными и узкими формами тогдашняго русскаго двора. Въ поѣздахъ и прогулкахъ, сбросивъ всякія этикетныя стѣсненія, участвовали, противъ своего обыкновенія, самъ императоръ Александръ и даже постоянно грустная императрица Елисавета, которая на эти часы какъ будто развлекалась отъ неотступно туманившей ее затаенной сердечной думы. Самъ же императоръ искренно подружился со своей молодою невѣсткою, въ отношеніи къ которой онъ неизмѣнно выказывалъ рыцарскую внимательность, придававшую такую прелесть близкимъ сношеніямъ съ нею.

Такъ прошелъ остатокъ короткаго сѣвернаго лѣта, къ которому рѣдко можно причислить даже августъ, съ его темными ночами и пронзительно сырими вечерами. Царская фамилія переселилась въ столицу, гдѣ загородныя прогулки замѣнились интимными семейными вечерами, получившими особенную прелесть отъ игры на виолончели князя Радзивила, страстнаго любителя музыки и замѣчательнаго исполнителя на этомъ инструментѣ. Вечера эти разнообразились и живыми картинами, шарадами, танцами, но были прерваны обстоятельствомъ, причинившимъ сперва испугъ, а потомъ радостную тревогу, и заставившимъ безотлагательно окончить приготовленія къ давно предполагаемой поѣздкѣ царской фамиліи въ Москву на зимнее пребываніе: однажды молодая великая княгиня вдругъ упала въ обморокъ во время богослуженія, и великій князь долженъ былъ на рукахъ снести ее, безчувственную, въ сосѣдніе покои. Это было первымъ, рѣшительнымъ признакомъ ея новаго состоянія, въ уваженіе котораго послѣдовавшій вскорѣ затѣмъ перевѣздъ въ Москву былъ совершенъ медленно и бережно, и длился цѣлмхъ двѣнадцать дней.

Долго стояла великая княгиня у окна своей кремлевской спальни, на утро послѣ пріѣзда, пригнаннаго къ темнымъ часамъ поздняго осенняго вечера, во избѣжаніе официальныхъ овацій и встрѣчъ, и не могла оторваться отъ развернувшейся передъ нею панорамы, роскошной и своеобразной самой по себѣ, тѣмъ болѣе же для ея чужестраннаго взора, непривычнаго къ полуазиатскому характеру, который придаютъ нѣкоторымъ русскимъ городамъ,

какъ, напримѣръ, Москвѣ или Кіеву, безчисленныя монастырскія ограды, церковныя колокольни и золоченые куполы и густая зелень привольно раскинувшихся между жилими садовъ. Къ тому же, въ ту пору, видъ громадной столицы, съ такой быстротою возродившейся изъ груды пепелищъ и развалинъ, долженъ былъ произвести особенно захватывающее душу впечатлѣніе. Самъ Николай Павловичъ всюду сопутствовалъ молодой супругѣ, какъ въ поклоненія многочисленнымъ святынямъ, такъ и въ поѣздахъ по Москвѣ, столь же незнакомой ему въ ея обновленномъ видѣ, какъ и самой великой княгинѣ. Но состояніе здоровья послѣдней скоро сдѣлало необходимой для нея самую тихую, уединенную жизнь, которою и наслаждалась она вплоть до святой, нетрѣвожимая даже обычными рождественскими и масляничными празднествами: въ угоду ей они на этотъ разъ были отиѣнены. Дни свои она проводила по большей части за чтеніемъ, пользуясь порою тихаго досуга, чтобы довершить свое знакомство съ отечественной нѣмецкой литературою, и въ особенности, съ произведеніями ея любимца, Жанъ-Поля. Впрочемъ, еще серьезнѣе посвятила она себя изученію русскаго языка подъ руководствомъ Жуковскаго, который занималъ ее болѣе живыми бесѣдами, нежели правильнымъ грамматическимъ преподаваніемъ языка, причемъ между ученицею и учителемъ установились короткія дружественныя отношенія и какое-то тайное душевное взаимодѣйствіе. «Въ личности Жуковскаго было нѣчто дѣтски-простосердечное, дѣвственно-робкое, въ обращеніи съ людьми онъ былъ не только неразвязенъ, но положительно застѣнчивъ; впрочемъ, это послѣднее свойство уступало его искренности и душевной глубинѣ тамъ, гдѣ онъ встрѣчался съ существами сродными ему. Онъ первый изъ окружающихъ понималъ высокоженственную натуру великой княгини, и во всю послѣдующую его жизнь она осталась для него идеаломъ женщины». По вечерамъ образовался избранный кружокъ въ собственномъ кабинетѣ Александры Теодоровны, въ которомъ не умѣщалось болѣе двѣнадцати человекъ. На этихъ интимныхъ собраніяхъ императоръ Александръ и обѣ императрицы не появлялись почти никогда, что еще болѣе способствовало образованію того свободнаго, изящно непринужденнаго тона, которымъ впоследствии такъ рѣзко отличался Зимній дворецъ отъ всѣхъ почти европейскихъ дворцовъ и въ особенности отъ этикетной натянутости дворцовъ предъидущихъ русскыхъ царствованій. Въ числѣ немногихъ новыхъ лицъ, постепенно допущенныхъ въ этотъ тѣсный кружокъ, была графиня Анна Алексѣевна Орлова, та самая, которая, будучи богатѣйшей невѣстой въ Россіи и притомъ привезенная десяти лѣтъ ко двору Екатерины, роздала всѣ свои

несметныя богатства по монастырямъ, и упорно отказалась отъ замужества. Но гораздо ближе къ великой княгинѣ, нежели пожилая, строго набожная графиня, по годамъ своимъ и веселому, живому нраву, стала молодая княгиня Трубецкая, разговоръ которой отличался рѣдкой занимательностью.

Тишина домашняго быта великокняжеской четы въ эти мирные полгода нарушилась только отъѣздомъ въ Берлинъ принца Вильгельма и прусской свиты, сопровождавшей принцессу на новую родину; это было вскорѣ послѣ Рождества, отпразднованнаго самымъ тѣсно-семейнымъ образомъ. Въ первый разъ въ этомъ году засвѣтилась на Русь, по желанію великой княгини, горячо привязанной ко всѣмъ воспоминаніямъ своего богатаго любовью и семейными радостями дѣтства, германская рождественская елка, такъ быстро распространившаяся по всей странѣ, и приобретающая такую популярность между всѣмъ молодымъ поколѣніемъ ея. За отъѣздомъ принца послѣдовала еще одна перемена въ непосредственно окружающемъ великую княгиню порядкѣ, сопряженная съ довольно непріятными обстоятельствами. Оказалось, что гофмаршалъ графъ Нарышкинъ, въ силу занимаемой имъ должности, присвоивалъ себѣ неумѣстную власть, и даже сталъ нѣсколько загадоченъ въ своемъ поведеніи относительно молодой четы, позволяя себѣ обращаться къ каждому изъ супруговъ съ двусмысленными полусловами и замѣчаніями о другомъ, съ очевидной цѣлью подкопаться подъ ихъ обоюдное довѣріе, если только не положительно разсорить ихъ. Отстраненіе его сдѣлалось необходимымъ для сохраненія домашняго мира и согласія, но удаленіе такого важнаго, притомъ далеко не сносливаго члена великокняжескаго штата не могло не сопровождаться значительными неурядицами, и молодая великая княгиня сначала подверглась со стороны друзей уволеннаго гофмаршала укоризнѣ за мнимую измѣнчивость и раздражительность въ отношеніи къ окружающимъ ее; но это обвиненіе само собою пало передъ неизмѣнной кротостью и снисхожденіемъ, оказанными ею въ теченіе сорока лѣтъ всѣмъ лицамъ, состоявшимъ при ней въ какой бы то ни было должности. Нарышкина замѣнилъ графъ Моденъ, долгіе годы сохранившій довѣріе и расположеніе обоихъ супруговъ.

Еще мирнѣе и уединеннѣе протекали для великой княгини великопостныя недѣли, во время которыхъ великій князь проводилъ всѣ вечера наединѣ съ нею и читалъ ей вслухъ романы Вальтера-Скотта. Такъ настала Свѣтлый Христовъ праздникъ, и вдругъ 17-го апрѣля, среди народныхъ увеселеній, въ обѣихъ столицахъ, знаменующихъ святую недѣлю, раздались колокольный

звонъ и пушечная пальба, возвѣщавшія, что великая княгиня подарилa царскому дому новаго члена. Это событіе получало тѣмъ большее значеніе, что уже ровно двадцать лѣтъ, съ рожденія великаго князя Михаила Павловича, императорская семья не увеличивалась ни однимъ новымъ приращеніемъ. Но никто въ то время не предчувствовалъ, что младенцу, рожденному среди воскреснувшей изъ пламени Москвы, въ недѣлю праздника Воскресенія Господня, предназначено воскресить народъ свой изъ вѣдоваго гнета крѣпостнаго состоянія къ свободѣ!...

III.

Послѣ событія 17-го апрѣля, молодая великая княгиня уже не чувствовала себя чуждою странѣ и царской фамиліи: какъ мать русскаго великаго князя, Александра Θεодоровна была уже нераздѣльно связана съ исторіей царствующаго дома Романовыхъ. 29-го апрѣля послѣдовало крещеніе великаго князя Александра. Москва пробудилась изъ зимнаго оцѣпененія, и праздника непрерывнымъ радомъ смѣнялись одно другимъ между тѣмъ какъ молодая мать, въ необходимой для ея здоровья тишинѣ, наслаждалась новымъ для нея счастьемъ, и готовилась къ другой, великой радости, въ скоромъ времени ее ожидавшей — приѣзду отца своего, короля Фридриха-Вильгельма, который, вмѣстѣ съ старшимъ своимъ сыномъ, собирался въ Москву, повидать любимую дочь и перваго своего внука. По дорогѣ король, вездѣ встрѣчаемый главнѣйшими мѣстными вельможами, посѣтилъ всѣ мѣста, прославленные сраженіями, ознаменовавшими несчастную кампанію Наполеона, и за три мили отъ Москвы былъ встрѣченъ самимъ императоромъ Александромъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, а въ Кунцовѣ, вечеромъ 3-го іюня, имѣлъ радость обнять дочь и зятя, послѣдившихъ къ нему на встрѣчу. Но на другое утро великая княгиня уже уѣхала обратно въ городъ, чтобы присутствовать при торжественномъ въѣздѣ въ городъ отца и брата. «Король, императоръ и братья его въѣхали въ городъ верхами черезъ дорогомилловскую заставу, при звонѣ тысячи колоколовъ и пушечной пальбѣ. По сторонамъ дорогъ отъ заставы къ Кремлю, войска были выстроены шпалерами, а народъ взобрался на бровли, деревья и башни, оглашая воздухъ обычнымъ «ура!» Великая княгиня часто впоследствии говорила, что одною изъ самыхъ дивныхъ минутъ ея жизни была та, въ которую она, молодая мать, встрѣтила въ Кремлѣ отца и брата,

когда она увидѣла себя окруженную всѣмъ, что можно назвать въ жизни счастьемъ: отцомъ и братомъ, мужемъ и сыномъ, и братьями мужа. Первые три дня были посвящены исключительно семейнымъ радостямъ; великая княгиня рассказывала отцу и брату о постоянномъ, безмятежномъ счастьи, принесенномъ ей истекшимъ годомъ, и отецъ съ душевнымъ участіемъ заслушивался ея.

Слѣдующіе затѣмъ немногіе дни пребыванія короля въ Москвѣ были проведены въ посѣщеніи достопримѣчательностей самой столицы и нѣкоторыхъ загородныхъ аристократическихъ резиденцій, въ особенности Архангельскаго, дворца князя Юсупова, и Останкина, дворца графа Шереметева, гдѣ ожидали посѣтителей царственный приемъ и все разнообразіе дачныхъ увеселеній. Къ половинѣ іюня царская и королевская фамиліи разбились на нѣсколько группъ, которыя поочередно покинули Москву и переселились на лѣтнее пребываніе въ Царское Село и другіе дворцы, окружающіе Петербургъ, послѣ того какъ король, желая оставить своимъ единовѣрцамъ память о своемъ посѣщеніи, присутствовалъ вмѣстѣ съ императорскимъ дворомъ при закладкѣ лютеранской церкви, которая должна была воздвигнуться на мѣстѣ прежней, построенной при Иванѣ Грозномъ и погибшей въ пожарѣ 1812 г.

Малевѣи великій князь Александръ былъ впередъ отправленъ въ Петербургъ, и когда молодая мать его, участвуя въ торжественномъ вѣздѣ короля въ столицу, сопровождаемомъ почти тѣмъ же блескомъ и церемоналомъ, какъ и собственный ея вѣздъ въ прошедшемъ году, проѣхала мимо аничковскаго дворца, и увидела своего двухмѣсячнаго сына у окна на рукахъ кормилицы, она забыла все, кромѣ неодолимо заговорившаго въ ней материнскаго чувства, и глаза ея наполнились радостными слезами. Это замѣтилъ императоръ Александръ, подавая ей руку, когда поѣздъ остановился у базанскаго собора, и дружески сказалъ: «Твѣя слеза сладка для матери и пріятна Господу Богу».

Гостепріимство, оказанное царской фамиліей пріѣзжимъ, не ограничивалось пышными празднествами и радушіемъ, съ которыми императоръ и великіе князья выказывали среди ними на парадахъ и смотрахъ великолѣпіе и дисциплину русскихъ войскъ, или знакомили ихъ съ достопримѣчательностями столицы и окрестностей; императрица Марія Ѳеодоровна не менѣе обязательно сопутствовала имъ при посѣщеніи различныхъ учебныхъ заведеній, и въ особенности любимаго ею смолянаго монастыря, которому она столько лѣтъ посвящала свои нѣжнѣйшія и безустанныя заботы и знакомила гостей со всѣми мельчайшими подробностями порядковъ, установленныхъ ею въ эгихъ вызванныхъ къ не-

вой, благодѣтельной жизни учрежденіяхъ. Но пребываніе короля, столь радостно и блистательно начавшееся, подъ конецъ опечалилось неожиданной болѣзью великаго князя Николая, который внезапно слегъ отъ сильнѣйшей кори. Затихли празднества; шумъ и веселье, оглашавшіе дворецъ, надолго замѣнились тревожной тишиною, такъ-какъ Александра Теодоровна, никому неуступавшая ухода за больнымъ, не избѣгла заразы, и едва успѣла черезъ силу проводить увѣзжавшихъ отца и брата, какъ сама занемогла. Благополучный ходъ болѣзни, впрочемъ, отстранялъ всякія опасенія, и самымъ непріятнымъ послѣдствіемъ ея была необходимость провести въ душномъ городѣ лучшую пору безъ того уже краткаго лѣта. Не болѣе нѣсколькихъ дней могли выдворапливающие насладиться отдохновеніемъ въ Павловскѣ, и собравъ силы къ новой, непривычной роли, въ которую предстояло имъ вступить съ начала осени, по случаю отъѣзда за границу вдовствующей императрицы вмѣстѣ съ самимъ императоромъ, съ цѣлью посѣтить трехъ великихъ княгинь: Екатерину Павловну, сочетающуюся вторымъ бракомъ съ наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ, вскорѣ затѣмъ вступившимъ на престолъ; Анну Павловну, принцессу оранскую — впоследствии королеву нидерландскую, и Марію Павловну, наслѣдную великую герцогиню саксен-веймарскую.

Въ отсутствіи императора и его матери молодой великокняжеской четѣ предстояло принять на себя болѣе самостоятельную, видную роль, нежели какую ей до тѣхъ поръ приходилось исполнять, и раскрыть залы аничковскаго дворца многочисленному и блестящему обществу, которое обыкновенно толпилось въ пріемные дни и парадные званые вечера въ залахъ зимняго дворца. Тутъ въ первый разъ Александра Теодоровна сблизилась съ болѣе обширнымъ числомъ лицъ, нежели какое составляло ея собственный избранный кружокъ, и если и нельзя было ввести въ столь многочисленныя и болѣе или менѣе этикетныя собранія того интимнаго тона, которымъ отличались маленькія вечернія собранія въ ея кабинетѣ, то самое ея появленіе и пріемы, неутратившіе обаянія молодости отъ пріобрѣтенія большей увѣренности, царственнаго достоинства, и навыка къ придворнымъ условіямъ и формамъ, сами собою ослабили натажку, обыкновенно тяготѣвшую на царскихъ собраніяхъ, и внесли въ нихъ обновляющій элементъ оживленности и непринужденности. Только съ зимы 1818 г. молодая великая княгиня перестала быть чужестранкою въ государствѣ, во главѣ котораго ей суждено было стоять цѣлые четверть вѣка. Къ этой зи-

иѣ относятся нѣсколько новыхъ знакомствъ, которыми великая княгиня обогатила свой личный кружокъ, и въ послѣдствіи не переставала имъ дорожить. Въ числѣ лицъ, отличенныхъ ею особеннымъ благоволеніемъ, были Рибопьерръ — позднѣе сдѣлавшійся графомъ, и графъ Кочубей, задушевный другъ императора Александра, къ которому послѣдній относился въ своихъ письмахъ съ истинно братскимъ довѣріемъ и откровенностью. Самъ императоръ передъ отъѣздомъ познакомилъ невѣстку съ графомъ и графиней, еще только недавно недавно возвратившимися изъ Константинополя, гдѣ Кочубей уже двадцати-пяти лѣтъ занималъ мѣсто посланника. Домъ ихъ, замѣчательный роскошью убранства и широкимъ гостепріимствомъ, былъ одинъ изъ первыхъ домовъ, которые молодая великая княгиня стала посѣщать частнымъ образомъ, а не только по торжественнымъ приглашеніямъ на парадные балы и вечера: мало того, что, зная страсть ея къ цвѣтамъ, хозяева къ ея пріѣзду превращали залы свои въ душистые роши, но нерѣдко освѣщали весь путь отъ самаго зимняго дворца, обозначая его насаженными по сторонамъ елкамъ и факелами. Одно изъ новозведеній, которыми великая княгиня примѣромъ своимъ обогатила общественныя увеселенія этой зимы, было частое посѣщеніе различныхъ театровъ: каждую недѣлю, и даже два раза въ недѣлю появлялась она въ одномъ изъ нихъ, за просто безъ торжественныхъ встрѣчъ и проводовъ, вошедшими въ обыкновеніе въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда дворъ присутствовалъ на какомъ-нибудь представленіи.

Такимъ образомъ зимній сезонъ 1818 г., полной царией котораго была молодая великая княгиня, удался сверхъ обыкновенія, и отличался не только блескомъ и великолѣпіемъ, но и неподдѣльнымъ *entrain*, до тѣхъ поръ, пока вскорѣ послѣ возвращенія изъ чужихъ краевъ императора и императрицы Маріи Θεодоровны, неожиданная вѣсть о почти что скоростижной кончинѣ королевы виртембергской, Еватерны Павловны, не положила конецъ всѣмъ увеселеніямъ и не погрузила въ трауръ всю царскую фамилію, а за нею и дворъ. Снова настала для Александры Θεодоровны пора тихаго уединенія, наполняемаго, какъ и въ прошедшемъ году, преимущественно литературными занятіями, рѣдко прерываемыми даже присутвіемъ великаго князя, который до того былъ поглощенъ однообразными, но непрерывными заботами по части своей службы, какъ бригаднаго командира и шефа инженернаго корпуса, что едва вечера его оставались свободными для препровожденія въ семьѣ, и великой княгинѣ не разъ приходилось садиться за обѣденный столъ одной съ которой набудъ изъ своихъ приближенныхъ дамъ. Даже всю пер-

вую половину лѣта она должна была бы провести въ совершенной почти разлукѣ съ мужемъ, еслибы не рѣшилась сопровождать его въ красносельскій лагерь, гдѣ она была вознаграждена за маленькія перенесенныя ею неудобства нѣсколькими недѣлями полнѣйшей свободы, вдали отъ всякаго этикетнаго стѣсненія, какое болѣе или менѣе давало себя чувствовать даже въ Павловскѣ, гдѣ все же она и великій князь считались *гостями* Маріи Теодоровны. Въ іюлѣ однакоже молодая чета переселилась въ эту любимую резиденцію вдовствующей императрицы, такъ какъ великая княгиня начинала чувствовать большую слабость и сильное расстройство передъ приближающимся вторымъ своимъ разрѣшеніемъ, и до самаго рожденія великой княгини Маріи (6 августа) она по цѣлымъ днямъ не выходила изъ такъ-называемой «розовой бесѣдки», гдѣ для нея была поставлена кушетка такимъ образомъ, чтобы она могла постоянно пользоваться свѣжимъ воздухомъ и пріятнымъ видомъ.

Послѣдовавшая затѣмъ зима не походила на прошлогоднюю. Великая княгиня, своимъ болѣзненнымъ состояніемъ, была вынуждена отказаться отъ всѣхъ приглашеній безразлично, и ограничить свои вечерніе выѣзды посѣщеніемъ театровъ, и то рѣдко достигала до конца представленія. Къ счастью, великій князь въ этомъ году пользовался нѣсколько болѣе досугомъ, дозволявшимъ ему посвящать болѣе противъ прежняго часть своего времени домашней жизни. Начались попрежнему чтенія, и другія легкія занятія: Александра Теодоровна много занималась музыкою, а Николай Павловичъ — рисованіемъ и живописью: онъ обладалъ значительной бойкостью кисти въ изображеніи военныхъ сценъ, причемъ руководствовалъ имъ художникъ Зауервейдъ — человекъ еще болѣе замѣчательный пряминой и даже рѣзкостью своего самостоятельнаго характера, нежели своимъ талантомъ. Впрочемъ, и талантомъ онъ обладалъ весьма недюжиннымъ, но, къ сожалѣнію, замкнулъ его въ тѣсную рамку, самой неблагоприятной изъ отраслей искусства — военной живописи. Великій князь сошелся съ нимъ еще во время путешествія своего въ Англію, и уже не разставался съ художникомъ, который во всю жизнь ни на минуту не измѣнилъ независимаго тона своего обращенія и рѣчи въ отношеніи къ великому князю и впослѣдствіи — государю.

Весна и загородная жизнь на этотъ разъ не поддѣрили силъ великой княгини, утомленной неудовлетворительнымъ ходомъ новой своей беременности. Напротивъ, здоровье ея съ каждымъ днемъ болѣе расстроивалось, и въ іюнѣ она заболѣла такъ серьезно, что когда разрѣшилась мертвымъ ребенкомъ, почти не оста-

валося надежды спасти ее. Тѣмъ болѣе велика была радость всей царской семьи и окружающихъ, когда грозящее несчастіе миновалося, оставивъ впрочемъ за собою значительное истощеніе силъ, лучшимъ средствомъ для восстановленія которыхъ врачи признали перемѣну воздуха и обстановки, вслѣдствіе чего, великая княгиня, въ сопровожденіи самого супруга, выѣхала въ началѣ осени въ Берлинъ, предполагая провести зиму въ кругу своей семьи, разлученной съ нею уже болѣе двухъ лѣтъ.

IV.

Возвратясь въ Берлинъ въ 1820 г., великая княгиня нашла свой родной городъ уже не тѣмъ, чѣмъ оставила его три года передъ тѣмъ. Пять лѣтъ, прожитыхъ страню въ безмятежномъ мирѣ, сказались на столицѣ не только матеріальнымъ процвѣтаніемъ, но и громадными шагами, сдѣланными на пути умственнаго развитія, по которому Прусія, казалось, спѣшила поровняться съ остальной Европой, едва ослабѣвъ гнетъ обстоятельствъ, принудившихъ ее, съ самаго вступленія ея въ разрядъ великихъ европейскихкихъ державъ, вдатся почти исключительно въ военную дисциплину, въ ущербъ прочимъ отраслямъ государственнаго быта. Молодому поколѣнію уже не приходилось бросать занятія на влечь патріотическаго ополченія; оно спокойно могло собираться въ университетскія аудиторіи на голосъ Гумбольдта, творца берлинской «Hochschule», и его ученыхъ собратій, которые, отличаясь знаніемъ свѣта, въ то же время придали общежитію столицы новое значеніе и привлекательность, совершенно чуждыя нѣсколько тяжелому и далеко не интеллектуальному тону, до тѣхъ поръ преобладавшему въ обществѣ, или вѣрнѣе, въ разрозненныхъ, строго обособленныхъ кружкахъ, составлявшихъ его. Общественной жизни въ возвышенномъ, эстетическомъ значеніи этого слова, было положено блестящее начало съ той минуты, какъ для любителей непринужденной умной бесѣды и артистическаго препровожденія времени открылись такіе дома, какъ домъ помянутаго уже мецената, князя Радзивила, дома герцога Карла мекленбургскаго, государственнаго канцлера, князя Гарденберга и англійскаго посланника Розе.

Король, между тѣмъ, не измѣнялъ исконной простотѣ своего образа жизни, хотя съ участіемъ слѣдилъ за движеніемъ общества и радушно содѣйствовалъ ему. Пріѣздъ Александры Θεодоровны, еще больной и слабой, тоже немного оживилъ придворный порядокъ, такъ-какъ первымъ условіемъ для ея выздоровленія

было полнѣйшее спокойствіе и отсутствіе всякаго возбужденія, хотя бы пріятнаго. Болѣе двухъ мѣсяцевъ провела она въ необходимой ей тишинѣ, и даже отчасти въ уединеніи, такъ-какъ вскорѣ послѣ ея пріѣзда, король долженъ былъ поспѣшить въ Троппау на конгрессъ, а за нимъ и великій князь. Зато, когда оба они передъ рождествомъ возвратились въ Берлинъ, и застали большую уже значительно возстановившуюся силами, семейныя и придворныя празднества стали смѣнять другъ друга быстрымъ чередомъ въ честь выздоравливающей гостьи.

«Берлинскій дворъ въ то время блисталъ не роскошью, а рядомъ замѣчательныхъ умомъ лицъ — мужчинъ и женщинъ, окружавшихъ короля; впрочемъ, если представлялся случай достойнымъ образомъ принять высокаго гостя, Фридрихъ-Вильгельмъ III умѣлъ соединять великолѣпіе съ величайшей простотой; онъ всегда приводилъ посѣтителя въ изумленіе какой-нибудь неожиданностью, и вдовствующая императрица Марія Феодоровна была совершенно права, говоря о немъ: «Онъ дѣлаетъ всегда болѣе, нежели можно думать или ожидать». На этотъ разъ онъ рѣшился, для увеселенія дочери, устроить что-нибудь выходящее изъ ряда избитыхъ забавъ. Если берлинскій дворъ не могъ равняться съ русскимъ по богатству подарковъ, за то по части искусствъ въ Берлинѣ была бѣльшая многосторонность и изобрѣтательность, нежели въ Петербургѣ, которыя, при помощи замѣчательныхъ лицъ, составлявшихъ дворъ, послужили къ устройству праздника совершенно новаго рода, пышнаго по роскоши, обворожительнаго живостью изображеній и полнаго поэтическаго смысла. Берлинскій театръ былъ, безспорно, первымъ въ Германіи, опера точно также, и великая артистка Гэндель-Шютцъ только-что около этого времени ввела на драматической сценѣ новый родъ пластическихъ представленій, или живыхъ изображеній картинъ и поэмъ, и эти представленія не только были приняты публикою съ самымъ неограниченнымъ одобреніемъ, но и въ частныхъ кружкахъ сдѣлались предметомъ ревностныхъ подражаній. По совѣту герцога Карла мекленбургскаго, рѣшено было устроить именно такое пластическое представленіе рядомъ живыхъ картинъ, и выбрать предметомъ его знаменитую Мурову поэмю «Ладла-Рукъ». Дѣйствующихъ лицъ имѣлся полный комплектъ: всѣ принцы, весь дворъ могли участвовать въ празднествѣ, которое совокупными усиліями должны были оживить искусства и наука. Графу Брюлю, интенданту королевскихъ театровъ, было поручено завѣдываніе всѣмъ устройствомъ, декоративная часть и составленіе группъ были ввѣрены Шанкелю, пояснительныя романы положены на

музыку композиторомъ Сионтини, и мастерски исполнены пѣвцами Мильдеръ, Шульцъ, Зейдлеръ и Бадеръ. Содержаніе поэмы тонко примѣнялось къ присутствующимъ высокимъ посьгителямъ — великокняжеской чегѣ. Вотъ оно въ немногихъ словахъ. Бухарскій князь, Абдаллахъ, ѣдетъ въ Дельги, къ влстителю Индіи, Аурунгзебу. Бухарець проситъ руки Лалла-Рувъ, дочери индійскаго султана, для сына своего, Алиприса. Султанъ соглашается; женихъ и невѣста должны свидѣться въ первый разъ въ Кашмирѣ, и тогда уже долженъ совершиться бракъ. Они отправляются въ путь каждый со своей стороны, другъ другу на встрѣчу. Невѣсту сопровождаетъ бухарская свита, въ числѣ которой находится молодой поэтъ. Юноша разнообразитъ долгій путь разказами, которые въ то же время представляются наглядно рядомъ живыхъ картинъ, и нѣкоторымъ образомъ изображаютъ отдѣльныя дѣйствія одной большой драмы. Во время представленія, пѣніе изъ-за вулисъ поясняетъ каждую картину. Первый разсказъ повѣствуетъ о «Хорасанскомъ пророкѣ, подъ покрываломъ», второй о «Шери и раѣ», третій — о «гебрахъ или огнепоклонникахъ», четвертый, наконецъ, о «праздникѣ розъ въ Кашмирѣ». Каждая картина въ то же время служитъ знакомъ того, что принцесса окончила часть пути. Послѣ послѣдняго разсказа, Лалла-Рувъ прѣзжаетъ на берегъ озера, черезъ которое перевозитъ ее челнъ. По ту сторону возвышается дворець; съ высокихъ ступеней сходить къ ней на встрѣчу Алиприсъ, нареченный ея женихъ — и она узнаетъ въ немъ поэта и ибъца, оживившаго ея путешествіе прелестями своей богатой фантазіи. Въ двѣ недѣли удалось кончить всѣ приготовленія къ празднеству, добыть все нужное для великолѣпныхъ восточныхъ нарядовъ, основательно изучить костюмы, перевести романы на нѣмецкій языкъ; въ этотъ же короткій срокъ Сионтини успѣлъ положить ихъ на музыку, а пѣвицы выучить; и всѣ сто-двадцать-три роли были розданы и разучены. Все общество распалось на два стана: индійскій и бухарскій. Женщины всѣ безъ исключенія носили волосы раздѣленными пробормомъ и ниспадающими по плечамъ безъ малѣйшаго украшенія; самая же голова была убрана нитями жемчуга и тоненькими золотыми филиграновыми цѣпочками; платья у всѣхъ были изъ тончайшей кисеи, тѣсно прилегали къ тѣлу, и обхватывались поясомъ, завязаннымъ подъ самой грудью и спускающимся до ногъ двумя длинными, широкими концами; обнаженныя руки у всѣхъ роскошно украшались золотомъ и жемчугомъ. Царица празднества въ то же время была и царицею блестящаго пластическаго представленія. Великой княгинѣ въ то время было двадцать-три года; она находилась въ полномъ развитіи ея рѣдкой красоты. Ростъ ея и вся фигура были величественны. Въ день, назначенный для праздничнаго представленія, она явилась съ короной на головѣ; раздѣленные посерединѣ волосы, безъ всякихъ украшеній падали по сторонамъ лица, и локонами ложились по плечамъ ея. Лицъ изъ золотой парчи

плотно облегалъ станъ ея, перехваченный широкимъ поясомъ, концы котораго виспадали по бѣлой одеждѣ; на всемъ нарядѣ ея наперерывъ сіяли жемчугъ и драгоценныя каменья, даже восточныя туфли ея были усѣяны изумрудомъ. Розовое газовое покрывало, протканное серебряными нитями, облегало прозрачнымъ туманомъ ея фигуру. Великій князь Николай, исполнявшій роль Алирпса, на столько же выдавался между мужчинами своей могучей красотой, на сколько великая княгиня выдавалась между женщинами своей граціей. Онъ самъ составилъ себѣ костюмъ, заключавшійся въ голубомъ, плотно прилегающемъ кафтанѣ, нѣсколько напоминавшемъ черкесскій нарядъ, въ широкомъ поясѣ съ длинными концами, желтыхъ восточныхъ туфель и зеленой чалмѣ, похожей на татарскую шапку.

«Остальныя главныя индійскія и бухарскія роли были розданы принцамъ и принцессамъ королевскаго дома. Ауренгзеба игралъ принцъ Вильгельмъ, братъ короля Фридриха-Вильгельма III; сестеръ этого султана представляли герцогиня кумберландская, принцессы Вильгельмина и Александрина, сыновей султана — наслѣдный принцъ и принцъ Вильгельмъ (нынѣшній король), младшихъ дѣтей — принцы Альбрехтъ и Адальбертъ и князья Сольмъ и Радзивиль; Абдаллаха, отца Алирпса, изображалъ герцогъ Кумберландскій, супругу Абдаллаха — принцесса Луиза Радзивиль.

«Торжество было отпраздновано въ королевскомъ дворцѣ 27 января 1821 г.; для этого былъ избранъ рядъ комнатъ, выходящихъ окнами въ садъ. Въ самой обширной изъ залъ было устроено сценическое возвышеніе для представленія. За кулисами были размѣщены пѣвицы, которыя сопровождали каждую живую картину пояснительнымъ романсомъ; между сценою и помѣщеніемъ для зрителей, было оставлено еще пустое пространство для танцевъ, наполнявшихъ апарты. На спокойномъ обыкновенно лицѣ короля никогда не видали такого душевнаго волненія, какъ въ этотъ памятный вечеръ: къ радости, съ которою онъ глядѣлъ на любимую дочь, сіяющую счастьемъ, незамѣтно примѣшивалось, при видѣ ея прекрасныхъ чертъ, воспоминаніе о королевѣ, тоже нѣкогда украшавшей его жизнь, но невыдержавшей многократныхъ, тяжелыхъ ударовъ судьбы.

«Король не ограничилъ право насладиться столь рѣдкимъ празднествомъ однимъ дворомъ и немногими привилегированными лицами, но пожелалъ порадовать имъ и болѣе обширную часть образованной берлинской публики: съ этой цѣлью представленіе было повторено 11 февраля при трехъ тысячахъ слыхкомъ приглашенныхъ зрителей...»

Затѣмъ послѣдовало нѣсколько недѣль, проведенныхъ въ Потсдамѣ и Sans-Souci. Затѣмъ — поѣздка въ Эмсъ, отъ цѣлительныхъ водъ котораго ожидалось окончательное укрѣпленіе здоровья великой княгини, возстановленнаго восьмимѣсячнымъ отряднымъ пребываніемъ въ родительскомъ домѣ. «Съ дѣтства уже ее не покидало желаніе увидать родной Рейнъ съ его горами и почтен-

ными городами, пережившими болѣе тысячелѣтія германской исторіи. Увидать хотя разъ въ жизни могучаго старца, «*Vater Rhein*», всегда было и есть завѣтной мечтой каждаго нѣмца, точно такъ же какъ мечта русскаго — увидать московскій Кремль, итальянца — соборъ Св. Петра, мусульманина — гробницу пророка. Но какъ рѣдко въ то время осуществлялась эта мечта! Чистой германской натурѣ хорошо въ горахъ и лѣсахъ, тогда какъ славянской натурѣ, привыкшей къ необозримой ширинѣ равнинъ, въ горной мѣстности какъ-то тѣсно. Между тѣмъ въ началѣ этого столѣтія миліоны нѣмцевъ должны были отказаться себѣ въ счастіи посѣтить самое живописное поприще отечественной исторіи, потому что путешествія затруднялись даже для зажиточныхъ лицъ дурными дорогами, таможенными и паспортными придирками, словомъ — неудобствами всякаго рода. Ученый, чиновникъ рѣдко въ то время переступали за границу своей провинціи: университетъ, въ которомъ они учились, такъ и оставался дальнѣйшей цѣлью ихъ поѣздокъ. Чаше всего берега Рейна посѣщали ремесленники, во время странствованій, предпринимаемыхъ по окончаніи ученія, но болѣе трехъ четвертей прочихъ нѣмцевъ умирали, не увидавъ рейнской долины. Такимъ образомъ поѣздка въ Эмсъ осуществила одно изъ самыхъ горячихъ желаній великой княгини, и въ позднѣйшее время оставалась однимъ изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній ея молодости. Она въ это время уже вела дневникъ, въ который вносила впечатлѣнія, производимыя на нее новыми предметами, но тщательно скрывала его отъ другихъ. Въ Эмсѣ здоровье ея вполнѣ возстановилось, и присутствіе при ней великаго князя, близость отца, который въ то же время посѣтилъ лучшія рейнскія мѣстности, превратили пребываніе ея на водахъ въ земной рай. То король наѣзжалъ къ ней въ Эмсъ, то она къ нему въ Кобленцъ; въ другой разъ передъ нею вдругъ неожиданно явился великій князь въ такую минуту, когда она считала его уѣхавшимъ куда нибудь далеко на смотръ или парадъ; то интимнымъ кружкомъ проводился день въ лѣсу, въ старомъ замкѣ или на берегу Рейна: великая княгиня умѣла пользоваться жизнью. Къ половинѣ августа великокняжеская чета возвратилась въ Берлинъ, и проведя тамъ еще двѣ счастливыя недѣли въ семейномъ кружкѣ, послѣ десятилѣтняго слишкомъ отсутствія, возвратилась въ Петербургъ черезъ Варшаву.

(До слѣдующей книжки).

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ ПОПЫТКА ПРИМѢНЕНІЯ РУС- СКАГО АЛФАВИТА КЪ ПОЛЬСКОМУ ЯЗЫКУ.

Элементаръ для дзеци вѣйскихъ. (Букварь для сельскихъ дѣтей).
С.-Петербургъ. Типографія Ивана Бочкарева. 1865 г. 8 д. стр. 120.

Небольшая, весьма тщательно и чистенько изданная книжечка, заглавіе которой мы только-что выписали, составляетъ весьма интересное явленіе въ ряду того множества книгъ, которыя выпущены изъ типографій Петербурга въ послѣдніе два года. Мы очень жалѣемъ, что книжечка эта не попалась намъ ранѣе, жалѣемъ именно потому, что на нее очень стоитъ обратить вниманіе нашихъ читателей: интересъ ея не въ содержаніи... впрочемъ, нѣтъ, виновать, и по составу своему книжечка заслуживаетъ вниманія: это букварь, нѣчто въ родѣ нашихъ народныхъ букварей, но только «нѣчто», потому что по содержанію своему «Элементаръ» во многомъ превосходитъ многіе изъ нашихъ букварей; въ составленіи «Элементаръ» видна рука толковаго и дѣльнаго человѣка, знающаго потребность народа, вполне свѣдущаго съ тѣми условіями, какиѣ должна удовлетворять книжка для обученія грамотѣ и для первоначальнаго чтенія «сельскихъ дѣтей». Но въ содержанію «Элементаръ» мы еще возвратимся; въ настоящую же минуту остановимся, такъ-сказать, на внѣшней сторонѣ изданія, то-есть на буквахъ, конми онъ напечатанъ. Книга польская, напечатана же — какъ уже замѣтили изъ заглавія, русскими буквами. — Кому пришла эта счастливая и прекрасная мысль приложить нашъ алфавитъ къ выраженію польскихъ звуковъ, и притомъ приложить въ такой толковой и совершенно необходимой при первоначальномъ обученіи дѣтей книжечкѣ, каковъ «Элементаръ», изъ самой книги этого не видно; на обложкѣ значится типографія Бочкарева, но есть ли въ то же время г. Бочкаревъ и составитель разсматриваемой нами книги — этого мы не знаемъ.

Ну, да и не въ томъ дѣло. Кому бы ни пришла мысль польскій букварь напечатать русскими буквами, во всякомъ случаѣ мысль, повторяю, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная и исполнѣ заслуживаетъ, чтобъ на нее было обращено вниманіе.

Впрочемъ, и то надо сказать, что мысль, замѣнить нашу азбукою, прямою преемницею кириллицы, латино-польскій алфавитъ, занимала нѣсколькихъ лицъ задолго до того, какъ неизвѣстный издатель «Элементарѣа» выпустилъ его на свѣтъ божій. Объ этомъ предметѣ думалъ еще А. С. Шишковъ, родоначальникъ такъ-называемыхъ славянофиловъ; но приложилъ ли онъ свою мысль къ дѣлу, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно. Затѣмъ, та же мысль занимала, между прочимъ, покойнаго министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова. Въ 40-хъ годахъ, графъ Уваровъ до того ею увлекся, что поручилъ цѣлой комисіи изъ нѣсколькихъ ученыхъ, хорошо знакомыхъ съ славянскими нарѣчіями вообще, и съ польскимъ языкомъ въ особенности, обсудить вопросъ: «удобно ли и возможно ли замѣнить употребляемую нынѣ въ польскомъ языкѣ латинскую азбуку русскими буквами?» Члены комисіи толковали, спорили, вдавались въ разныя филологическія препирательства, составили нѣсколько журналовъ своихъ засѣданій — но, какъ часто это и бываетъ, не пришли въ сущности ни къ чему опредѣленному. Вопросъ такъ и остался нерѣшеннымъ; но такъ-какъ самъ по себѣ, и прежде всего съ научной стороны, онъ имѣетъ большой интересъ, то, разумѣется, дѣло не могло остаться безъ того, чтобы не нашелся кто-нибудь, кто бы попытался приложить русскій алфавитъ къ выраженію польскихъ звуковъ. Попытка эта и была сдѣлана лѣтъ пятнадцать тому назадъ П. Дубровскимъ. Онъ напечаталъ русскими буквами «Образцы польскаго языка, въ прозѣ и стихахъ для русскихъ». Эта небольшая брошюра (въ 60 стр.) заключаетъ въ себѣ пословицы и поговорки, затѣмъ отрывки въ прозѣ изъ сочиненій польскихъ писателей Ржевускаго, Войницкаго, Крашевскаго, Ходзько и стихотворенія польскихъ же поэтовъ Кохановскаго, Князьнина, Крашевскаго, Вѣлевскаго, Мальчевскаго и другихъ. Въ концѣ брошюры приложенъ довольно длинный списокъ польскихъ словъ, несходныхъ съ русскими, и ихъ объясненія. Въ предисловіи къ своему изданію, Дубровскій указываетъ, между прочимъ, на то, какъ можно замѣнить, по его мнѣнію, латино-польскія буквы — буквами русскими. Такимъ образомъ, слѣдующія польскія буквы и сочетанія нѣкоторыхъ, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ польскихъ буквъ, по мнѣнію Дубровскаго, удобно могутъ быть замѣнены прямо-соотвѣтствующими имъ знаками русской азбуки:

a, b, c, cz, d, dz, e, f, g, ch, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, sz,
 a, b, c; ч, д, dz, e, ф, г, х, и, i, й, в, л, м, н, o, п, р, с, ш,
 szcz, t, u, w, y, z, ź.

щ, т, у, в, м, з, ж.

Затѣмъ, слѣдующія сочетанія гласныхъ буквѣ ia, ie, io, in Дубровскій находитъ вполне возможнымъ замѣнить слѣдующими буквами нашего алфавита: я, ѣ, ё, ю.

Только нижеслѣдующія буквы польской азбуки не вполне выражаются русскими, а потому, г. Дубровскій останавливается на нихъ подробнѣе:

ą — есть *a* носовое, произносится оно передъ губными буквами какъ *ом*, передъ прочими какъ *он*, въ концѣ же словъ произносится какъ *о*, почему г. Дубровскій и предлагаетъ замѣнять нераздѣльный польскій звукъ *ą* — то *ом*, то *он*, то *о*, смотря по произношенію.

ę — называется *e* носовое, произносится передъ губными буквами, какъ *ем*, передъ прочими какъ *ен*, въ концѣ же словъ произносится какъ *e*, вслѣдствіе чего означенный звукъ и выражается у г. Дубровскаго то *ем*, то *ен*, то *e*, смотря по произношенію.

Латинское *h* — удобно замѣняется *i* со знакомъ придыханія; знакъ этотъ впрочемъ и не новъ, онъ встрѣчается еще въ Сравнительныхъ словаряхъ, собранныхъ императрицею Екатериною II, и изданныхъ Палласомъ въ 1787—89 годахъ.

ó произносится какъ русское *y*; этою буквою оно и замѣняется у г. Дубровскаго.

Слитный звукъ *rz* составляетъ въ польскомъ языкѣ одну изъ наиболѣе крупныхъ особенностей: звукъ этотъ слышится то какъ *ж*, то почти какъ *ш*, причѣмъ всегда слышится звукъ *р*. Г. Дубровскій ничего не нашелъ болѣе удобнаго, какъ замѣнять *rz* — то буквами *рж*, то — *рш*, смотря по произношенію.

Наконецъ для отличія свойственнаго польскому языку твердаго произношенія буквы *ł* (русское *ль*), Дубровскій предлагаетъ употреблять бугву *э*, напр. *былэмъ* (я былъ), *лэмбоки* (глубокій).

Руководствуясь всѣми этими соотвѣтствіями звуковъ польскаго языка звуками русскаго, г. Дубровскій и печатаетъ различные образцы польской словесности русскими буквами. Вотъ, напр., нѣсколько строкъ изъ приводимаго имъ польскаго перевода стихотворенія А. Пушкина: «Воспоминаніе».

Пршипомнѣнѣ.

(Зъ Александра Пушкина)

Кѣды для смѣртельномуу учихю для гвары
 И ноцъ, впулъ пршейржисто шате

Роздіагаюць надъ глухой столицы обшары,
 Спуска сень — трудувъ заплаге;
 Въ тень часъ миѣ, самотнему, розмысливъ години
 Въ цини лениво се влеко,
 Въ тень часъ миѣ укониена сердечней годзини
 Безцямному сроей пѣво; и проч. ¹

т.-е.

Когда для смертнаго умолкаетъ шумный день
 И на вѣтви стогны града
 Полупрозрачная налжетъ ноца тѣнь
 И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
 Въ то время для меня влчатся въ тишинѣ
 Часы томительнаго бѣдня:
 Въ бездѣйствіи почномъ живѣи горить во мнѣ
 Змиа сердечной угрызены; и проч. ²

Попытка Дубровскаго осталась явленіемъ совершенно одиноч-нымъ, она не вызвала подражателей и затѣмъ самое изданіе его погибло: оно почти все сгорѣло въ одномъ изъ книжныхъ селадовъ послѣ напечатанія.

Изданіе Дубровскаго предназначалось для *русскихъ* и предлагалось въ видѣ *опыта*, — но вотъ въ настоящее время выходитъ «Элементаръ», — книга, прямо назначенная для поляковъ. «Элементаръ» не предпослано никакихъ филологическихъ разсужденій, не выдвигается нивавѣкъ спорныхъ вопросовъ, книга прямо является какъ положительное доказательство совершенной, неоспоримой возможности съ полнымъ удобствомъ употреблять въ языкѣ польскомъ, столь родственномъ нашему отечественному языку, русскую азбуку. Въ самомъ дѣлѣ: составитель «Элемента́ра», какъ видно, глубоко вдумался въ свойства польскаго языка и, по истинѣ, съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовался русскими бueвами для выраженія польскихъ звуковъ. При этомъ, однако, составитель «Элемента́ра» пишетъ во многихъ отношеніяхъ вовсе не такъ, какъ предлагалъ писать г. Дубровскій: ясно, что *опытъ* Дубровскаго не былъ имъ даже принятъ во вниманіе, да едва-ли составитель разсматриваемаго намп букваря и зналъ о существованіи опыта Дубровскаго ³.

Это обстоятельство, впрочемъ, послужило въ пользу «Элемента́ру», такъ-какъ опытъ Дубровскаго относительно употребленія

¹ Образцы польскаго языка въ прозѣ и стихахъ изд. Дубровскимъ стр. 47.

² Сочиненія А. Пушкина. 1838 г. т. IV стр. 219.

³ Только въ 1866 году, т.-е. годъ спустя по выходѣ «Элемента́ра», вышло второе изданіе брошюры г. Дубровскаго; первое же, какъ мы замѣтили, почти все сгорѣло за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ.

русскихъ буквъ въ польскомъ языкѣ имѣеть весьма серьёзные неудобства: доволѣ дѣло идетъ о замѣнѣ польскихъ, совершенно однородныхъ, буквъ русскими—дотолѣ предложенія г. Дубровскаго оказываются хорошими; но гдѣ являются на сцену польскіе звуки, неизмѣющіе для выраженія своего прямо и вполне соотвѣтствующихъ имъ буквъ въ русской азбукѣ, тамъ г. Дубровскій является совершенно несостоятельнымъ; для выраженія, наприм., какого нибудь одного слитнаго звука польскаго, онъ предлагаетъ по двѣ и даже по три русскія буквы, что, какъ извѣстно, вовсе не соотвѣтствуетъ свойству кириллицы, выражаемой русскою азбукю; напр., *rz* — по Дубровскому надо замѣнить буквами *рж* или *ри*; — а замѣняется у него тремя способами *он*, *ом*, *о*; *е*—*ен*, *ем*, *е*; наконецъ г. Дубровскій вводитъ въ польскій языкъ букву *ъ*, съ которой мы не знаемъ, какъ справиться и у себя-то дома... Неизвѣстный составитель «ЭлементаѲа» обошелъ всѣ эти, столь существенныя неудобства, замѣнивъ польско-латинскія буквы литерами русскаго алфавита слѣдующимъ образомъ:

а, б, с, d, e, f, g, j, h, ch, i, k, l, m, n, o, p, r,
 а, б, ц, д, е, ф, г, я, ъ, х, и, і, к, л, м, н, о, п, р,
 з, t, ò, u, w, y, z, ź, ie, io, iu, ia, id, rz, cz, sz, szcz,
 с, т, ò, у, в, ы, з, ж, е, ё, ю, я, ѳ, ѵ, ч, ш, щ,
 а, іа, е, іе.
 а, Ѳ, ѳ, е.

Такимъ образомъ 31 польская буква легко нашли себѣ полное выраженіе въ русской азбукѣ; затѣмъ, для выраженія звуковъ *h*, *ò*, *id* и *rz* оказалось нужнымъ взять русскія же буквы, но придать имъ особые значки; наконецъ для выраженія четырехъ носовыхъ звуковъ *а*, *е*, *іо*, и *іе* составитель «ЭлементаѲа» призналъ удобнымъ взять также соотвѣтственныя русскія буквы *а*, *э*, *я*, и *е*, придѣлавъ къ нимъ тѣ значки, какіе находятся въ польско-латинскомъ алфавитѣ: *а*, *Ѳ*, *ѳ*, *е*.

И пведемъ составившуюся такимъ образомъ *польско-русскую* азбуку для наглядности въ порядкѣ русскаго алфавита, т.-е. такъ, какъ она напечатана въ «ЭлементаѲѣ».

А, Б, В, Г, Д, Е Ё, Ж, З, И, І, К, Л, М, Н, О, Ô,
 а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, ò,
 П, Р, Ъ, С, Т, У, Ф, Х, ъ, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э,
 р, г, rz, а, т, u, f, ch, h, с, cz, sz, szcz, — у, — е,
 Ю, ѳ, Я, А, Ѳ, ѳ, Е, Е, ѳ, ѳ
 iu, ió, ia, а, іа, е, іе, j.

Въ такомъ видѣ русская азбука, какъ намъ кажется, въ польскомъ языкѣ совершенно можетъ замѣнить латино-польскій алфавитъ; въ самомъ дѣлѣ, русско-польская азбука выражаетъ всѣ звуки польскаго языка, и притомъ выражаетъ съ такою легкостью, что употребленіе ея при самомъ маленькомъ навыкѣ для человѣка, знающаго уже писать попольски, представляется вполне удобнымъ, для начинающихъ же только учиться читать и писать попольски, азбука «Элементаръ» оказывается несравненно доступнѣе, нежели алфавитъ, нынѣ употребляемый поляками. Одного взгляда на польско-русскую азбуку достаточно, чтобъ убѣдиться въ этомъ: вмѣсто соединенныхъ по двѣ, даже по четыре буквы, нынѣ употребляемаго поляками алфавита, мы видимъ вполне соотвѣтствующія этимъ же звукамъ буквы нашего алфавита, но *по одной* буквѣ противъ сочетанія двухъ и четырехъ прежнихъ буквъ; вмѣсто *ie, io, rz, ch, 'sz, szcz* — мы видимъ *e, ě, ř, x, c, u, u...* Не удобнѣе ли же и чтеніе книгъ и письмо при употребленіи такого рода буквъ и притомъ буквъ, одна отъ другой отличной по начертанію? Составитель «Вукваря для сельскихъ дѣтей», какъ мы видѣли, не ограничился русской азбукой, и для выраженія тѣхъ польскихъ звуковъ, какіе не могутъ быть выражены буквами русскаго алфавита, придавъ нѣкоторымъ изъ нашихъ литеръ особые знаки. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что это сдѣлано ради того же удобства пользоваться русскою азбукою, а что всего важнѣе — для *точности выраженія* тѣхъ польскихъ звуковъ, которые не имѣютъ соотвѣтственныхъ себѣ знаковъ въ русской азбукѣ.

Объяснимся. Въ объясненіи же нашемъ, руководствуясь замѣтками одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ филологовъ, начнемъ хоть съ шепеляваго польскаго *rz*. Для выраженія этого звука, въ польско-русской азбукѣ разсматриваемаго нами букваря встрѣчаемъ *ř*; знакъ этотъ не есть совершенная новинка: въ патристическихъ стремленіяхъ своихъ примѣнить русскую азбуку къ своимъ нарѣчіямъ, чехи и лужицане вводятъ уже въ свою азбуку именно этотъ знакъ, вмѣсто употреблявшагося у нихъ до сихъ поръ *rz*. Притомъ простой знакъ *ř* весьма удобенъ для замѣны знака *rz*, далеко невыражающаго тотъ именно звукъ, каковой онъ долженъ бы выражать. Дѣло въ томъ, что польское *rz* не выражаетъ двухъ отдѣльныхъ звуковъ, а звукъ слитный, и хотя въ немъ слышатся двѣ составныя части *r + z* или *r + u*, однако онъ такъ же тѣсно сливаются, какъ въ русской буквѣ *ч* сливаются ея составныя части *ч + ш* или въ буквѣ *ц* ея составныя части *т + с* и т. п. Общій же характеръ кирилловскаго алфавита, сохране-

мнѣ русскою азбукою, требуетъ, чтобы подобный слитный звукъ выражался однимъ знакомъ, точно такъ же какъ и, ч, щ.

Составитель букваря, какъ видно, это очень хорошо понялъ, и вмѣсто составной буквы *rz* ввелъ въ свою книгу одинъ условный знакъ, притомъ для знака сего онъ взялъ именно букву *p* по очень понятной причинѣ, что польское *rz* вездѣ развилось отъ кореннаго славянскаго *p* и вездѣ соотвѣтствуетъ чистому русскому *p*. Вотъ вамъ и примѣры: *rzqd* — рядъ, *porzqdek* — ворадокъ, *potrzeba* — потреба и т. д. Притомъ, при употребленіи буквы *rz*, собственно звукъ *p* остается неизмѣннымъ, въ то время, какъ второй шипящій элементъ означенной буквы принимаетъ самые многообразные отгѣнки, смотря по сочетаніямъ, въ которыхъ онъ находится: иногда тутъ слышенъ звукъ *ж* (какъ напримѣръ въ словѣ *rzqd*, которое наши публицисты, незнакомые съ духомъ польскаго языка, стали писать жондъ), иногда что-то среднее между *ж* и *ш* (напримѣръ *krzywoda*); иногда наконецъ, этотъ второй, шипящій элементъ почти исчезаетъ и слышится одно мягкое *p* (напримѣръ въ словѣ *źródło*, которое произносится почти какъ *зрюдо*). Всѣ эти отгѣнки показываютъ, что польское *rz* есть условный знакъ, котораго нельзя уловить какими-нибудь комбинаціями нашихъ буквъ, ни *pж*, ни *pш*, ни чѣмъ-либо подобнымъ, и что для выраженія его требуется тоже условный знакъ, который и представляется въ начертаніи *ř*. Что же касается до сочетанія *pж*, то оно независимо отъ этого, является совершенно необходимымъ для русско-польскаго алфавита во всѣхъ тѣхъ словахъ, гдѣ *p* и *ж* соединяются, не сливаясь въ одинъ звукъ, и гдѣ поляки теперь пишутъ *řš* (а не *rs*), напримѣръ *drześć*—дрожать, *ŗжиско*—ржаное поле, *ŗжечь*—ржать и т. д.

Другая трудность должна была представиться составителю букваря при передачѣ польскихъ носовыхъ звуковъ: *ą, ę, ia, ie*.—Эти носовые звуки, какъ извѣстно, родственны намъ: у общаго прародителя языковъ русскаго и польскаго, въ языкѣ славянскомъ, были особые носовые звуки и они имѣли условные знаки, это такъ называемые юсы. Вотъ они: *ъ, ѣ, ѡ, ѣ*.—Что юсы совершенная родня нынѣшнимъ польскимъ *ą, ia, ę, ie*—это очевидно: произношеніе тѣхъ и другихъ совершенно одинаково: *ъ* произносилось какъ *он* или *ом*, причемъ *ъ* или *м* именно носовыя; *ѣ* какъ *йон* или *йом*, *ѡ*—какъ *эм* или *эм*, а *ѣ* какъ *йэм* или *ям*. Когда же при юсахъ должна слышаться носовая *ъ*, когда *м*, это уже опредѣляется мѣстомъ ихъ въ словѣ. Мы не станемъ, однако, пускаться въ опредѣленія всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда юсы требуютъ той или другой согласной буквы, это бы

насъ слишкомъ далеко увлекло, но вотъ нѣсколько славянскихъ словъ съ теми и соответственными симъ словамъ польскія: голябъ—голомбъ, польское *golaб'*; забъ—зомбъ, *zab*; вѣстпнѣ—вѣстопнѣти, польское *wstapic*; девать—девать, *dzjewjęc*; ѡзымь—ѡвзымь, *jczyk*; рѣка—ронкон, *reke* и т. д. Юсы есть принадлежность древнеславянскаго языка и въ новомъ періодѣ этого языка они, подѣ влияніемъ языка русскаго, утратились, уступивъ свое мѣсто гласнымъ *у, ю* и *я*. Но въ польскомъ языкѣ юсовыя звуки вполне сохранились и составителю польско-русской азбуки для изображенія польскихъ *o, e, ia, ie*, оставалось воскресить болѣе пятисотъ лѣтъ состоящія не у дѣлъ древнеславянскія юсы! Издатель букваря не сдѣлалъ однако этого, да и прекрасно: мирно почивающіе юсы до того неуловимы, а для письма такъ неудобны, что, по истинѣ, не заслуживаютъ возрожденія. Авторъ Элемента^ра поступилъ гораздо толковѣе и проще: онъ взялъ начертанія двухъ носовыхъ буквъ *o, e* изъ польскаго же языка, а для остальныхъ двухъ, *ia* и *ie*, ради общаго же свойства нашей кириллицы, взялъ по одному знаку, но придалъ имъ для выраженія ихъ носоваго произношенія значки: *ѡ* и *ѣ*.

Выше мы замѣтили, что составитель разбираемаго нами букваря обошелъ букву *ь*. По нашему мнѣнію, онъ и въ этомъ случаѣ поступилъ весьма основательно: дѣло въ томъ, что у поляковъ относительно употребленія буквы *ь* нѣтъ той основы преданія, которымъ мы руководствуемся въ отношеніи къ этой буквѣ и которое поддерживается у насъ языкомъ церковно-славянскимъ. Поэтому-то, еслибы составитель букваря, примѣняя русскую азбуку къ польскому языку, оставилъ въ ней букву *ь* и вздумалъ бы навязывать ее полякамъ на основаніи этимологическихъ законовъ, то это составило бы для учащихся трудность почти непреодолимую; употреблять же букву *ь* какъ условный знакъ для выраженія мягкаго звука *e* потому уже не представляется удобнымъ, что отъ этого произошло бы слишкомъ большое различіе между польскимъ и русскимъ начертаніемъ однихъ и тѣхъ же словъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ, по свойствамъ польскаго языка, пришлось бы писать *ь* болѣею частію тамъ, гдѣ мы пишемъ *e* и наоборотъ, тамъ *e*, гдѣ мы пишемъ *ь*, напр. попольски нужно бы было писать: *тѣ, тѣльки, пѣдыны, житѣ, дѣтѣ, цѣтлѣ*, вмѣсто русскаго *те, великій, единый, житье, день, теплый*, и т. д.; и наоборотъ: *цена, цель, «рѣка», видзѣтѣ* вмѣсто русскаго *цена, цель, рѣка, видѣніе* и т. д. Въ виду такого свойства польскаго языка, разумѣется, было гораздо удобнѣе не включать въ новую русско-польскую азбуку буквы *ь*, какъ утратившей для поляковъ этимологическое свое значеніе, и затѣмъ сохранить за буквою

е характеръ мягкаго звука, свойственный ей въ русскомъ языкѣ, а для твердаго е употребить тотъ же знакъ э, который существуетъ у насъ.

Но довольно. Мы не пишемъ здѣсь какое-нибудь филологическое изслѣдованіе, мы набрасываемъ замѣтки, на какія навело насъ чтеніе столь замѣчательной книги, каковою, по справедливости, долженъ быть названъ «Элементаръ для дзеци вейскихъ». Польско-русская азбука, рекомендуемая новымъ букваремъ, въ немъ же и примѣнена къ дѣлу: русскими буквами напечатаны польскіе слоги въ надлежащей постепенности, сначала двубуквенные, далѣе трехбуквенные, потомъ цѣлыя слова односложныя, двухъ, трехъ и многосложныя. Слова выбраны не такъ, какъ сплошь да рядомъ набираются для нашихъ народныхъ букварей, что бы де ни означало слово, понятно или непонятно оно будетъ учащемуся — все-де валяй въ кучу, только бы пмѣло требуемое число слоговъ; нѣтъ, здѣсь каждое слово взято изъ окружающей селянина жизни. За словами слѣдуютъ, кромѣ общихъ молитвъ: Отче нашъ, Богородице, Символь Вѣры, десять заповѣдей, молитва утренняя, молитва предъ ученіемъ, молитвы употребляемыя только католиками, таковы: «литанія до Найсвѣтшей Маріи Панны на упрошене щесливѣй смерци» (стр. 24); «Антыфона» (стр. 27—28) и прекрасныя, дышащія глубокимъ религіознымъ чувствомъ извѣстныя пѣсни утреннія и вечерняя—славнаго поэта польскаго Карпинскаго (стр. 29—30). * Приводимъ послѣднія для приглядки къ тому, какъ употребляетъ составитель буквара польско-русскую азбуку.

Песнь поранна.

Кедь раннэ встанэ зофе,
Тобе земля, тобе море,
Тобе слева живѣлъ вшельки:
Бадзь похваленъ, Боже вельки.
А человекъ, кторы бэвъ мйри
Обсыпаны твои дары,
Цось го створилъ и одалилъ —
А чемужь бы це не хвалилъ?
Ледве очи претрѣць здолашь,
Внятъ до мэго пана возамъ,
До мэго Бога на небе,
И шукамъ го коло себе.
Велю снамъ смерци попадлѣ,
Цо се вчорай снаць поглядлѣ;
Мы се еще обудзлѣи,
Бысьми це, Боже, хвалили. Амѣнь.

* Поэтъ Карпинскій жилъ въ царствованіе короля Станислава-Августа, т. е. въ концѣ XVIII-го вѣка.

Цель вчераш.

Вшистке наше дзэнне справы
 Пріймь литосне, Боже правы,
 А гдѣ будземъ засынали,
 Нехъ цѣ навѣтъ сѣдъ нашъ хвали.
 Твое очи обрѣцонѣ
 Дзень и ноцъ патрѣ въ тѣ стронѣ,
 Гдѣе недодржностъ человека,
 Твоего ратунку чека.
 Одрарацая поднѣ прѣгоды,
 Одъ вшелякей броне насъ шкнды;
 Мей насъ вечне въ твоей печи
 Стрѣжу и сѣдѣ чловеци.

Вслѣдъ за молитвами помѣщено: «крѣтки збѣоръ катэхизму вѣдлугъ кощѣла светѣго Римско-католицкего», то-есть краткое начертаніе катэхизиса по ученію святой римско-католической церкви. Начертаніе это дѣйствительно довольно коротко, но изложено чрезвычайно просто, ясно и вразумительно; право, относительно ясности изложенія намъ невольно приходитъ на мысль, что не грѣхъ бы, если бы ее переняли хоть изъ этого же «ЭлементаѢа» издатели нашей извѣстной книжечки для народныхъ училищъ: «Начатки христіанскаго ученія»—книжечки, которая имѣла до 112 изданій и изложена языкомъ до вѣльза тяжелымъ, полнымъ книжныхъ, вовсе непонятныхъ сельскимъ дѣтямъ словъ и оборотовъ...

Но чтѣ особенно у мѣста и чтѣ особенно хорошо изложено въ «ЭлементаѢа» такъ это: «правды господарске, прѣезъ старыхъ господарѣ на пытана и одповедзи уложонѣ» (стр. 58 — 88) ¹ и «правды домовѣ и господарске для невясть и дзевчатъ вейскихъ» (стр. 89 — 118) ². Букварь заканчивается табличкою умноженія. «Правды» занимаютъ большую часть книги и, признаюсь, приятно поражаютъ своею толковостію. — Это какъ-бы дѣйствительно говорить веселый, добродушный и опытный поселянинъ, почти каждый совѣтъ приправляя веселою прибауточкой и стихкомъ. Самая мысль подкрѣплять такого рода назиданія стихками, не книжными, не такими, на которыхъ такъ и видна кропотливая работа, а прямо какъ-бы срывающимися съ языка, чрезвычайно хороша и заслуживаетъ подражанія — Всякій знаетъ, какъ твердо и надолго запоминаетъ ребѣнокъ бойкій стихокъ, а поэтому нѣчто и не усумнится въ той легкости и томъ удовольствіи, съ ка-

¹ «Совѣты о хозяйствѣ, старыми хозяевами въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ изложенные».

² «Совѣты сельскимъ женщинамъ и дѣвкамъ о домашнемъ устройствѣ и хозяйствѣ».

кой будутъ читать «сельскія дѣти» «Правды господарске». — Для знакомства съ ними выпишемъ нѣсколько небольшихъ отрывковъ:

Правды господарске, пѣезъ старыхъ господарѣи на
пытаня и одповедзи уложонѣ.

Жебы млодзи такъ робили,
Якъ то стара урадили.

1.

П. Цо то есть господарство вейске?

О. Есть то обрѣдзане се около роли и добытку, ажебы праца
шла Богу на хвалѣ, а члѣку на пожитѣкъ.

2.

П. Чи праца около роли есть заслуга пѣедъ Богомъ?

О. Есть заслуга, бо есть ведлугъ пѣриказаня боскего. Въ писме
свѣтѣмъ мѣви Богъ до человека: «въ поце облича твѣго бѣдзешъ
хлебъ поживалъ».

Зъ Божей то воли
Члѣкъ патри роли.

3.

П. Цо повиненъ чиниць добры господарѣи и слуга?

О. Богу ческъ отдаваць, людзѣмъ уччивосць, роли працѣ одъ
рана до змрону.

Прѣжняцтва и Боскей образи
Унигаць якъ бы зарази.

4.

П. Чи добры господарѣи тилько для себе самѣго працуе?

О. Никтъ на свѣце для самѣго тилько себе не працуе; але
овшемъ зъ ваджѣй працы, чи въ рѣмесле, чи въ чемъ иннѣмъ,
муси быць пѣеце пожитѣкъ и для другихъ. То само и господарѣи,
не тилько для себе працуе, але и для вшиткихъ, ктѣри земли не
маѣ, а есць потрѣбуѣ.

Бѣска хлеба
Вшиткимъ трѣба;
Вѣць кто въ роли хлеба спори,
Ласка Бога себе множи.

5.

П. Кто есть злымъ господаѣремъ?

О. Тѣмъ цо косцѣль омія, карчимъ ма за домъ, домъ за лѣжко, лѣжко за працѣ, працѣ за допустъ Божи, а рѣцѣ завше въ занадѣру.

Цо въ свѣта, въ недзеле,
Не быва въ косцеле;
Цо при працы хуха,
При едзѣню дмуха;
Охотны до шкоды
Якъ рыба до воды;
Кому карчма сватъ,
Каждый хультай братъ.

6.

П. Кто есть злымъ слуга?

О. Цо въ працы недбалы,

Въ мѣвеню вухвалы,
Цо кламе и крѣци,
На пудзѣ сѣ нѣци,
При робоце лази,
Нибы муха въ мазы;
Быдлѣтно небоже
Выглодзи, знеможе;
Цо рокъ службѣ зменя,
И есть безъ сумени и т. д.

37 (стр. 73).

П. Цо господаѣръ добры опрѣчъ ябожа и земняковъ повиненъ на грунце засеваць?

О. Коничинѣ, выкѣ, травы и вшистка цо на сяно пѣдатнѣ; боць зѣ сломы подсѣлка добра, але паша худа, а зѣ коничини и инныхъ травъ паша найпѣднейша; а при добрѣй пашы то и вѣкша коѣрисць зѣ добытву и тлусты гнѣй.

Кто сее травы пастѣвнѣ,
То сѣ добре ма пашѣвнѣ;
Южъ тамъ и лепши добытѣтъ
И зѣ роля вѣкши пожитѣтъ и проч.

Впишемъ еще нѣсколько строкъ:

60 (стр. 83).

П. Чемъ тѣмъ ма себе зарадзиць господаѣръ, жебы сѣ не поѣребоваль оглѣдаць на запомоги и полички?

О. Ощедносѣд и рахункемъ. Жебы добре выраховаль вшистку

цо ма и вшистка цо му потрѣба: жебы спрѣдавалъ то тылько, цо одъ потрѣбы домовѣй збыва; жебы добре грошъ обѣрѣалъ нимъ го выда, а о запасе завше памѣталъ.

Зарнко до зарнеа —
Збере се мирна;
А до гроша грошъ,
То се нашка трѣсъ. и т. п.

т.-в.

Чтобы молодые такъ дѣлали
Какъ старики установили.

1.

В. Въ чемъ состоитъ сельское хозяйство?

О. Въ обработкѣ земель, въ уходѣ за скотинной, чтобы трудъ шелъ во хвалу Бога, а человѣку на пользу.

2.

В. Обработка земли есть ли заслуга передъ Богомъ?

О. Да, это заслуга, такъ-какъ трудъ этотъ производится по волѣ Божией. Господь во святомъ писаніи сказалъ человѣку: въ потѣ лица своего будешь добывать себѣ хлѣбъ.

По Божьей-то волѣ
Человѣкъ обрабатываетъ землю.

3.

В. Въ чемъ состоятъ обязанности поселяннина?

О. Почитать Господа Бога, быть ласковымъ къ людямъ и съ утра до вечера трудиться.

Какъ заразы убѣгать праздности.

4.

В. Добрый поселяннинъ для себя ли только работаетъ?

О. На свѣтѣ никто не работаетъ только для себя, но каждый трудъ, ремесленный или какой иной, приноситъ пользу и всѣмъ другимъ людямъ. Такъ и поселяннинъ работаетъ не только для себя, но и для всѣхъ тѣхъ, кто земли не имѣетъ, а ѣсть хочетъ.

Кусокъ хлѣба
Всѣмъ нуженъ;
Кто трудомъ добываетъ хлѣбъ
Тотъ умножаетъ къ себѣ милость Господню.

5.

В. Кто дурной поселанинъ?

О. Кто обходитъ церковь, для кого кабакъ замѣняетъ домъ, кому свой домъ служить только постелью, кто спанье считаетъ трудомъ, а настоящий трудъ за Божье наказанье, кто руки держитъ за всегда за пазухой:

Кто въ праздникъ и въ воскресенье
 Не бываетъ въ церкви;
 Кто при работѣ дуетъ на рука,
 А при вѣдѣ медлитъ;
 Кто охочь до всякой скверности,
 Какъ рыба до воды.
 Кому кабакъ — свать,
 Каждый гуляка братъ!

§ 6.

В. Кто дурной работникъ?

О. Нестарательный въ работѣ,

Дерзкій на слова —
 Кто лжетъ да путаетъ
 Кто алченъ до чужаго.
 При работѣ копаются
 Какъ муха въ смоль;
 Бѣдную скотину
 Выголодить, изнурить;
 Кто безпрестанно мѣняетъ службу,
 Кто не имѣетъ совѣсти!

§ 37 (стр. 73).

В. Кромѣ хлѣба и картофеля хорошій хозяинъ чѣмъ долженъ еще сѣять на своей землѣ?

О. Дятлину, ледвецъ и всякія травы, какія годятся въ сѣно. Солома годится только на подстилку, но она худой кормъ. Дятлина и тому подобныя травы превосходный кормъ, а при хорошемъ кормѣ со скота болѣе прибыли, да и навозъ жирнѣе.

Кто сѣетъ травы кормовія
 Тотъ навѣрно живетъ хорошо
 У него и скотина получше
 Да и земля даетъ болѣе доходу.

§ 60 (стр. 83).

В. Какъ долженъ жить хорошій поселанинъ, чтобъ не имѣть нужды ни въ пособіяхъ, ни въ займахъ?

О. Онъ долженъ быть бережливымъ и вести всему счетъ: пусть хорошенько ведетъ тому счетъ, чѣмъ имѣетъ и чѣмъ ему еще нуж-

но. Продавать только лишнее въ домашнемъ хозяйствѣ, раско-
довать каждый грошъ съ оглядкой и всегда помнить про запасъ.

Зернышко къ зернышку —
То и будетъ мѣрка;
Грошъ ко грошу —
То и будетъ колонъ кушакъ.
и проч.

Выписанныхъ отрывковъ, притомъ выписанныхъ безъ особаго выбора, а какіе попались подъ руку, кажется, совершенно доста-
точно для подтвержденія всей справедливости нашего отзыва:
букварь положительно хорошъ, всё его «правды» просты, толко-
вы, хорошо укладываются въ головѣ и чужды того приторнаго
сентиментальничанья, съ какимъ зачастую обращаются къ наро-
ду наши отечественные навидатели и непрощенные совѣтчики!

Но еслибы «Элементаръ» былъ не болѣе какъ хорошій букварь,
мы, признаюсь, не взолись бы о немъ толковать и притомъ толко-
вать такъ много; для насъ онъ прежде всего тѣмъ интересенъ,
что въ немъ впервые такъ удачно и такъ хорошо примѣнена
русская азбука къ польскому языку!

Этотъ первый, вполне удачный опытъ наводитъ насъ на нѣко-
торныя размышленія: неужели онъ пропадетъ даромъ? неужели
этой книгѣ суждено, если не сгорѣтъ въ какомънибудь складѣ,
то утонуть въ Летѣ забвенія? Намъ не хочется этому вѣрить,
да и трудно, такъ-какъ, слава-богу, есть уже факты, которые
говорятъ противъ такого предположенія: мы, напримѣръ, слыша-
ли, что «Элементаръ» расходится въ Варшавѣ довольно быстро,
въ первые же дни по его полученія разошлось до 300 экземп.
Раскупая эту книгу, нѣкоторые, болѣе разсудительные поляки,
прямо говорятъ, что въ виду опасности, грозящей польскому эле-
менту со стороны нѣмцевъ, для него было бы спасеніемъ воз-
можно большее объединеніе съ элементомъ русскимъ; а вслѣд-
ствіе такой мысли — какъ мы слышали, является между самими
поляками уже готовность печатать польскія книги русскими бук-
вами и притомъ книги учебныя...

Но какія могутъ быть послѣдствія всего этого, какая можетъ
быть польза отъ того, еслибы русскій алфавитъ получилъ, такъ-
сказать, право гражданственности у единоплеменныхъ братьевъ на-
шихъ поляковъ — или, говоря проще, еслибы поляки стали бы
мало-по-малу и печатать книги и писать на своемъ языкѣ не ла-
тинскими, а русскими буквами? Послѣдствія будутъ важныя, поль-
за громадная: усвоеніе русскаго алфавита поляками будетъ од-
нимъ изъ лучшихъ средствъ для сближенія обоихъ народовъ. Въ
самомъ дѣлѣ, произведенія русской мысли до сихъ поръ почти

совершенно неизвѣстны нашимъ сосѣдямъ; съ другой стороны мы гораздо лучше знакомы, не говорю уже съ французской словесностью, но даже съ литературою за-атлантической части свѣта, нежели съ историческими и литературными трудами, издаваемыми на польскомъ языкѣ. Находясь во взаимномъ невѣдѣніи относительно словесности другъ друга, русскіе мало знаютъ, такимъ образомъ, поляковъ, поляки остаются при своихъ средневѣковыхъ понятіяхъ о русскіяхъ. Литература есть зеркало общественнаго развитія, а ни мы не заглядываемъ въ польское, ни поляки не считаютъ для себя удобнымъ хоть изрѣдка посматривать въ русское зеркало. Чтò тому помѣхой? Множество обстоятельствъ и изъ нихъ весьма и весьма не послѣднее то, что у поляковъ и у насъ различная азбука. Мы никакъ не думаемъ, чтобъ введеніе русской азбуки въ Польшѣ сразу познакомило бы поляковъ и съ русскимъ языкомъ; нѣтъ, въ языкахъ польскомъ и русскомъ, при всемъ ихъ значительномъ сходствѣ, есть и значительная разница, многія слова совершенно отличны и непонятны, поэтому маленкій трудъ, конечно, нуженъ будетъ для усвоенія себѣ привычки читать полякамъ русскія книги, русскимъ же польскія, но трудъ этотъ чрезвычайно облегчится для тѣхъ и другихъ замѣной чуждаго, крайне неудобнаго для выраженія славянскихъ звуковъ латинскаго алфавита русскою азбукою! *

2-го апрѣля 1866 г.

---

* Статя наша была уже набрана, когда въ львовской газетѣ «Слово» мы прочитали, что присланные изъ Россіи экземпляры «Элементара» были раскуплены во Львовѣ парасхвять. Книжная лавка ставропигиальнаго монастыря заботится о новой присылкѣ этого учебника. Фактъ этотъ въ виду тѣхъ попытокъ, какія дѣлали нѣмцы и австрійскіе поляки ввести среди русскихъ галичанъ латинскую азбуку, не лишень своего значенія.

ПТИЦЫ. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИХЪ ТѢЛѢ И ДУШѢ.

По поводу книги А. Брема: Жизнь птицъ. Спб. 1865 г.

Говорятъ, можно *понимать* природу и находить въ этомъ пониманіи большое наслажденіе, даже почерпать изъ него новыя силы. Преимущественно передъ другими, такая слава шла означенитомъ Гёте—человѣкъ, отличавшемся между бѣдными смертными своею необыкновенно-счастливою жизнію, такою ясностію и спокойствіемъ духа, что его сравнивали съ олимпійскими богами. Каждый изъ насъ знаетъ про него прекрасные стихи:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Въ чемъ же дѣло? Въ чемъ заключается это пониманіе? Какимъ образомъ можно дышать одною жизнію съ природою, то-есть постигать эту жизнь такъ ясно, чтобы можно было ей сочувствовать, подобно тому, какъ мы сочувствуемъ жизни людей?

Первая мысль, которая можетъ здѣсь явиться, будетъ та, не есть ли это пониманіе просто *познаніе* природы и не состоитъ ли средство достигнуть его просто въ *изученіи* природы, то-есть въ знакомствѣ съ тѣми изслѣдованіями, какія содержатся въ естественныхъ наукахъ? Очевидно, нѣтъ. То пониманіе, которое приписывается Гёте, представляетъ средство скорѣе съ чувствомъ, чѣмъ съ знаніемъ. Когда мы говоримъ объ изученіи и желаемъ похвалить его, то называемъ его *строгимъ*, *холоднымъ*; когда же дѣло идетъ о пониманіи, то наилучшимъ считается *живое*, *теплое* пониманіе. Чтобы понимать природу, нужно не столько знать, сколько *любить* ее, и эта любовь къ природѣ можетъ быть весьма сильна у

человѣка несвѣдущаго въ естественныхъ наукахъ, и можетъ вовсе отсутствовать у ученаго изслѣдователя природы.

Пониманіе вообще можно отличать отъ познанія тѣмъ, что оно обнимаетъ свой предметъ вполне, въ цѣлости, тогда какъ познаніе овладѣваетъ имъ по частямъ или только съ извѣстной стороны. Познаніе движется медленно и постепенно, тогда какъ пониманіе стремится прямо захватить глубину предмета и прозирать въ его сущность, хотя бы неполнымъ и не вполне яснымъ образомъ. Однакоже, одно другому не противорѣчатъ; изслѣдуя предметы по частямъ, медленно, шагъ за шагомъ, натуралисты идутъ къ той же цѣли, которой какъ-бы непосредственно достигаетъ человѣкъ, одаренный живымъ чувствомъ природы. Мало по малу, отдѣльными чертами въ наукѣ раскрывается та сущность и глубина, которая со всею полнотою живетъ и дѣйствуетъ и передъ непосвященными глазами. Слѣдовательно натуралистъ не только не долженъ быть неспособенъ въ гётевскому пониманію природы, а напротивъ можетъ развить его въ себѣ сильнѣе, чѣмъ непосвященный. Опираясь на то, что знаетъ, онъ тѣмъ живѣе можетъ чувствовать то, что еще не улеглось ни въ какія формы знанія.

Эстетическое отношеніе къ природѣ—вотъ какъ слѣдуетъ называть попытки такого рода пониманія ея явленій; какъ художественныя произведенія говорятъ намъ не отвлеченными понятіями, а образами, звуками, красками, такъ и природа въ этомъ случаѣ истолковывается нами не изъ началъ науки, а изъ ея формъ, красокъ и звуковъ. Гдѣ есть различіе, тамъ встрѣчается и противорѣчіе. Эстетическое отношеніе къ природѣ часто можетъ быть заглушаемо научнымъ отношеніемъ, и наоборотъ. Ученый анатомъ часто плохо понимаетъ красоту человѣческаго тѣла, и великіе художники иногда погрѣшаютъ противъ анатоміи. Но, очевидно, здѣсь возможно полное согласіе: ученый можетъ живо чувствовать красоты природы, и художникъ быть знатокомъ естественныхъ наукъ.

Въ послѣднее время естественныя науки приобрѣтаютъ все больше и больше вѣса; имъ посвящаетъ себя все большее и большее число умовъ, и ими весьма живо, хотя неопредѣленно и смутно, интересуется масса читающихъ, такъ-называемые, образованные люди. Говорю «неопредѣленно и смутно», хотя, можетъ быть, многимъ любителямъ популярныхъ книгъ по естественнымъ наукамъ вѣжется, что ихъ интересъ совершенно отчетливъ и ясенъ. Этотъ интересъ уже имѣетъ свою исторію. Въ началѣ онъ дѣйствительно былъ отчетливъ и ясенъ, именно былъ чистымъ интересомъ познанія. Первые популярныя книги по наукамъ о природѣ касались великаго открытія Коперника, того долго-изумлявшаго умы факта, что земля есть круглый шаръ и обращается вокругъ солнца. Копер-

никова система, ставившая землю наряду съ планетами, казалась такимъ огромнымъ переворотомъ во взглядѣ на міръ, что невольно каждый желалъ имѣть объ ней понятіе, да и ученымъ очень желалось убѣдить всѣхъ въ столь важной истинѣ.

Первая популярная книга по естественнымъ наукамъ была написана Галилеемъ на итальянскомъ языкѣ. Она вышла въ 1632 году и называется: *Разговоръ о двухъ величайшихъ системахъ, птоломеевской и коперниковской*. Это та самая книга, за которую Галилей подвергся преслѣдованію.

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени идетъ цѣлый рядъ популярныхъ трактатовъ объ астрономіи. Къ нимъ принадлежатъ знаменитые фонтенелевы *разговоры о множествѣ міровъ*, назначенные для дамъ. Послѣдняя замѣчательная попытка этого рода, безъ сомнѣнія, популярная астрономія Франсуа Араго, четыре большихъ тома.

Предметъ такъ важенъ и такъ ясенъ, что я позволю себѣ остановиться на немъ нѣсколько долѣе. Спрашивается, къ чему привели эти усилія? Усилили ли ученые распространить между образованными людьми массу астрономическихъ свѣдѣній? Очевидно, нѣтъ. Астрономія со временъ Галилея получила блистательное развитіе; она обратилась въ такъ-называемую *небесную механику*, то-есть науку, математически изслѣдующую движеніе небесныхъ тѣлъ. Это святилище остается совершенно недоступнымъ для непосвященныхъ. Тотъ, кто прочтетъ четыре тома Араго, ничего не узнаетъ о главномъ содержаніи астрономіи; въ самомъ дѣлѣ, Араго не рѣшился изложить даже открытіи Ньютона, то-есть перваго шага небесной механики. Такимъ образомъ непосвященнымъ остается знать только голый фактъ, что земля вертится около своей оси и обходитъ вокругъ солнца—фактъ, который будучи взятъ безъ своихъ основаній, долженъ всякому показаться чрезвычайно страннымъ.

Если же такъ, то легко понять, что масса образованныхъ людей немного выигрываетъ въ познаніи и пониманіи вещей оттого, что ей извѣстна система Коперника. Какъ живой примѣръ, невольно приходитъ мнѣ на мысль одинъ изъ нашихъ ученыхъ (если читатели его не узнаютъ, тѣмъ лучше), который постоянно насмѣхается надъ народнымъ предрасудкомъ, что *земля стоитъ на трехъ китахъ*. Какое невѣжество для того, кто знаетъ обращеніе земли вокругъ солнца! И вотъ каждый разъ, когда дѣло зайдетъ о народѣ, ученый непременно указываетъ эту черту его невѣжества. Онъ такъ привыкъ обрушиваться своимъ просвѣщеннымъ гнѣвомъ на этихъ баснословныхъ животныхъ, что по ихъ присутствію можно даже узнавать его статьи, когда онѣ не подписаны. Если

онъ писалъ, то навѣрное гдѣ-нибудь найдутся съ насмѣшкой упомянутые три кита.

Возьмемъ дѣло со всѣхъ сторонъ. Нужно полагать, вопервыхъ, что нашъ ученый сильно затруднился бы, еслибы его допросить, почему онъ такъ дорожитъ истиною, что земля есть шаръ и обращается вокругъ солнца. На что ему эта истина? Къ чему она у него пригодилась, или можетъ пригодиться? Въ практическомъ отношеніи для него, конечно, совершенно все равно, какъ еслибы міръ стоялъ на трехъ китахъ. Слѣдовательно истина движенія земли можетъ имѣть для него только теоретическій интересъ.

Посмотримъ, какой. Нашъ ученый знаетъ изъ астрономіи столько же, какъ и другіе образованные люди. Отсюда слѣдуетъ, что онъ вовсе не имѣетъ понятія о томъ, какимъ путемъ Коперникъ достигъ своего великаго открытія, и еще менѣе знакомъ съ тѣмъ, какъ въ настоящее время астрономы понимаютъ и опредѣляютъ форму, взаимное положеніе, разстояніе и движеніе небесныхъ тѣлъ. И такъ научнаго пониманія вопроса у него нѣтъ.

Еще меньше онъ, вѣроятно, понимаетъ тотъ научный вопросъ, который связывается съ предразсудкомъ, противоположнымъ системѣ Коперника. Предразсудокъ неподвижнаго стоянія земли имѣетъ свои основанія, анализъ которыхъ приводитъ къ весьма любопытнымъ истинамъ. Если большинство человѣчества до сихъ поръ ходитъ на землѣ, считая ее неподвижною опорою, то это все не зависитъ отъ одного его невѣжества. Та причина, которая породила древній предразсудокъ о стояніи земли, дѣйствуетъ и до сихъ поръ. Самому нашему ученому, когда онъ стоитъ и ходитъ на палубѣ парохода, кажется, что онъ находится на чемъ-то неподвижномъ, и что не пароходъ, а берега движутся. Фактъ извѣстный, но объясненіе его вовсе не такъ легко, какъ обыкновенно думаютъ. Это считается какимъ-то обманомъ чувствъ, или думаютъ, что это можно объяснить просто изъ механическаго закона относительныхъ движеній. Причина, однакоже, гораздо важнѣе. Въ насъ дѣйствуетъ при этомъ случаѣ глубокой физиологической законъ, по которому мы, напимѣръ, не могли бы управлять своими движеніями, надлежащимъ образомъ соразмѣрять ихъ, еслибы не принимали нашей опоры за нѣчто неподвижное въ пространствѣ. Для организма есть нѣкоторая необходимость *чувствовать себя такъ*, какъ будто онъ опирается на нѣчто, неизмѣющее никакого движенія. Такимъ образомъ, если народы считаютъ землю неподвижною, то въ этомъ открывается только одинъ изъ существенныхъ фактовъ нашего тѣлеснаго устройства. Физиологамъ предстоптъ важная задача объяснить, почему этотъ фактъ составляетъ непремѣнное условіе правильной дѣятельности организма.

Такия и подобныя соображенія однакоже совершенно чужды нашему ученому. Онъ не предается конечно никакимъ астрономическимъ или физиологическимъ размышленіямъ, и три кита для него собственно занимательнѣе Коперника и чудеснаго устройства человѣческаго организма. Такъ что, строго говоря, онъ человѣкъ весьма невѣжественный въ разсужденіи той истины, которую, по видимому, онъ столько гордится, т.-е. что земля ходитъ около солнца. Эта истина у него ни съ чѣмъ не связана, ни къ чему не прикрѣпляется; въ его умѣ она не имѣетъ никакихъ отношеній ко всякаго рода другимъ истинамъ. Поэтому въ его глазахъ, пожалуй, совершенно одинаково возможно какъ то представленіе, что земля вертится, такъ и то, что она стоитъ на трехъ китахъ. Ему все равно; но такъ-какъ наука не подтверждала существованія трехъ китовъ, а нашла, что земля движется, то онъ считаетъ долгомъ быть такъ-сказать на сторонѣ науки и противъ невѣжества.

Но и тутъ еще не все. Очевидно, нашего ученаго можно было бы считать правымъ только въ томъ случаѣ, еслибы кто нибудь провозглашалъ ученіе о трехъ китахъ съ такою же гордостью, увѣренностью и самодовольствіемъ, какъ онъ провозглашаетъ ученіе Коперника. Тогда это были бы два совершенно достойные другъ друга соперника. Но такого соперника нѣтъ у нашего ученаго, а онъ очевидно этого не замѣчаетъ. Онъ явно воображаетъ, что борется съ чѣмъ-то однороднымъ, хотя и противоположнымъ. По рѣчамъ его можно заключить, какъ будто кто-то возвелъ трехъ китовъ въ научную систему, и старается поставить ее на мѣсто системы Коперника. Онъ ставитъ на одну доску свое понятіе о движеніи земли съ народнымъ сказаніемъ о трехъ китахъ и желаетъ, чтобы одно было замѣнено другимъ, чтобы такъ-сказать то самое мѣсто, которое занято теперь китами, было занято круглымъ видомъ земли и ея движеніемъ.

Ошибка очень грубая. Системы трехъ китовъ не существуетъ и никто не выдаетъ этихъ китовъ за научный результатъ, за открытіе, за положительное знаніе. Народъ, которому принадлежитъ это повѣріе вообще никогда не считаетъ себя обладателемъ знанія. Онъ на столько уменъ, что по крайней-мѣрѣ сознаетъ свое невѣжество, считаетъ себя *темнымъ* народомъ. Свѣтъ, который признаетъ въ себѣ народъ, есть свѣтъ чисто-нравственный. Убѣжденія, питаемая народомъ и имѣющія перѣдбо безмѣрную силу, относятся только къ тому, *какъ слѣдуетъ жить и что слѣдуетъ дѣлать*. Притязанія же рѣшать вопросы знанія народъ не имѣетъ, невольно чувствуя свое безсиліе въ этомъ дѣлѣ. Поэтому, когда въ умѣ его возникаютъ вѣчные вопросы человѣческой мысли, онъ только *гадаетъ*, только создаетъ образы фантазій. Въ этихъ гада-

ніяхъ отражается складъ его ума и его понятія жизни; но онъ только любитъ этими образами фантазіи и задумывается надъ ними, а не приписываетъ имъ значенія положительнаго знанія. Отъ этого его нисколько не смущаетъ и то, что они несвязны, неполны, противорѣчатъ другъ другу, словомъ не имѣютъ того единства и логическаго согласія, которое всегда свойственно знанію.

Вотъ маленькій анализъ того неправильнаго дѣйствія и значенія, которое можетъ имѣть популярная истина, оторванная отъ своей нитки. Отрывочныя знанія не имѣютъ той цѣны, какую имѣютъ въ связи, въ системѣ знанія; такъ, что если кто имъ придаетъ цѣну настоящаго, глубокаго познанія, тотъ необходимо впадаетъ во всякаго рода ошибки.

То, что сказано здѣсь относительно астрономіи, можно въ существенныхъ чертахъ приложить и къ другимъ наукамъ о природѣ. Всегда для большинства образованныхъ читателей, главное содержаніе, самое святилище науки оставалось недоступнымъ и всегда тѣ свѣдѣнія, которыя становились популярными, порождали всякаго рода ошибки и предразсудки. Нѣкогда физиологія и медицина подверглись большому перевороту вслѣдствіе открытія кровеобращенія. Когда открытіе было признано, то въ крови и ея движеніи стали видѣть разгадку всевозможныхъ явленій; ей приписывали главную роль въ организмѣ. Съ тѣхъ поръ уже давно все пзмѣнилось въ наукѣ; главная роль приписывается нервамъ. Но въ народѣ остались прежнія представленія, то-есть что все зависитъ отъ того или другаго состоянія крови. Отсюда же происходитъ множество выраженій литературнаго языка, которыя когда-то понимались буквально, но которыя теперь должны быть понимаемы лишь иносказательно, напр. *горячая кровь*, *хладнокровіе*, *кровь кипитъ*, *волнуется*, *загорьлась* и пр.

Въ крови горитъ огонь желѣзы —

Такого выраженія не могъ употребить Соломонъ; и дѣйствительно оно прибавлено Пушкиннымъ. А еслибы слѣдовать современнымъ физиологическимъ понятіямъ, то слѣдовало бы говорить не о крови, а о нервахъ. *Нервы были натянуты, напряженіе нервовъ, это потрясло всѣ фибры моего мозга* — вотъ слѣды уже другой физиологіи, болѣе новой, но также волюнѣ отвергнутой, такъ какъ въ настоящее время никакого натягиванія и потрясенія нервовъ въ наукѣ не признается.

Отсюда видно, какую странную судьбу имѣютъ научныя свѣдѣнія внѣ своего настоящаго мѣста, то-есть науки. Они продолжаютъ жить въ умахъ, тогда какъ въ наукѣ уже умерли и слѣдовательно создаютъ видимость знанія, призрачное пониманіе вещей.

Итакъ популяризовать существенныя стороны естественныхъ наукъ невозможно; а то, что успѣваетъ популяризоваться, теряетъ свое значеніе, и такъ-сказать, разъ ушедши изъ-подъ власти науки, производитъ на свободѣ явленія, несогласныя съ достоинствомъ науки. Между тѣмъ мысль популяризовать науку увлекла и увлекаетъ очень многихъ, и плодомъ ея является множество популярныхъ книгъ. Оказывается, разумѣется, что приобрести изъ этихъ книгъ хорошія научныя познанія невозможно; для этого требуется серьезное ученіе, знакомство съ настоящими научными книгами.

Рядомъ съ интересомъ знанія, существуетъ однакоже, какъ мы свазали, другой интересъ къ природѣ—эстетическій. По мѣрѣ того, какъ обманывался первый интересъ, второй все больше и больше выяснялся и теперь повидимому выступаетъ на первый планъ. Въ этомъ состоитъ, кажется, единственный здоровый плодъ, принесенный межеумочной литературой популярныхъ книгъ по естественнымъ наукамъ. Если нельзя помощью легкаго чтенія стать натуралистомъ, то помощью книгъ рисующихъ одно явленіе природы за другимъ, можно оживить въ себѣ чувство природы, погрузиться въ эстетическое созерцаніе ея красоты и разнообразія. Книжки этого рода обыкновенно прибѣгаютъ еще къ помощи искусства рисованія; онѣ сопровождаются рисунками, мастерство и роскошь которыхъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Такимъ образомъ *любованье* природою, при помощи науки распространилось на мельчайшія частности, раздробилось и расширилось до чрезвычайной степени.

Русскимъ читателямъ извѣстны въ этомъ родѣ сочиненія *Альфреда Брема*, нынѣ директора зоологическаго сада въ Гамбургѣ. Этотъ ученый, сынъ извѣстнаго орнитолога Христіана-Людвига Брема, не замѣчательнъ какою-нибудь новостію и глубиною взглядовъ. Труды его по наукѣ чисто служебныя, то-есть добросовѣстное собраніе наблюденій подъ руководствомъ установившихся научныхъ взглядовъ. Онъ выступилъ на поприще популярнаго писателя книгою «Жизнь птицъ», написанною имъ въ 1861 году. Хотя эта книга не отличается классическимъ достоинствомъ выполненія, но, какъ мнѣ кажется, чрезвычайно замѣчательна по духу, ее оживляющему. Авторъ такъ *любитъ* птицъ, съ такою искренностію восхищается своими любимцами, съ такимъ участіемъ вникаетъ во всѣ мелочи ихъ жизни, что невольно внушаетъ тѣ же чувства читателю. Каждая страница дышетъ добродушнымъ и иногда даже смѣшнымъ воодушевленіемъ, чего нельзя сказать о большей части популярныхъ книгъ, обыкновенно составляемыхъ нѣскольکو механически. Въ результатѣ выходитъ, что передъ читателемъ необыкновенно живо рисуется *природа* птицы, та ступень или форма жив-

ни, которая въ ней воплотилась. Читатель дѣйствительно начинаетъ понимать жизнь птицъ, какъ-бы самъ на минуту жить этой жизнью.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ физиологическихъ и географическихъ указаній, книга неимѣетъ почти никакого научнаго содержанія: она вся посвящена тому, что издавна называется «нравами и образомъ жизни» животныхъ, то-есть предмету, который до сихъ поръ неимѣетъ никакихъ научныхъ формъ, да и едва-ли скоро ихъ приобрѣтетъ. Но показанія автора основаны на долгомъ знакомствѣ съ птицами, начавшемся съ дѣтства подъ руководствомъ его отца; ихъ собственный садъ, убѣжище всѣхъ мирно-живущихъ птицъ, былъ постояннымъ поприщемъ наблюденія; авторъ самъ съ дѣтства охотникъ, птицеловъ, любитель и приручатель птицъ; при этомъ онъ ученый археологъ и путешественникъ; поэтому въ его разсказѣ вполне сочетаются живость впечатлѣній любителя природы и строгая добросовѣстность и точность ученаго.

Цѣль книги хорошо объясняется въ предисловіи.

«Я хотѣлъ—пишетъ авторъ—сдѣлаться толмачомъ для тѣхъ людей, которые круглый годъ должны жить среди городского шума или даже почти не выходить изъ комнаты, и потому остаются чуждыми нашему общему отечеству, природѣ; я хотѣлъ тѣхъ, чья жизнь протекаетъ въ освѣщенной зеленымъ деревнѣ, въ горахъ, въ лѣсу, на морскомъ берегу, усердно просить взять меня въ спутники своихъ странствій и переходовъ по родинѣ и обмѣниваться со мной словами и мыслями; я хотѣлъ въ сердце тѣхъ, у кого въ груди еще не пробудилась любовь къ нашей общей матери, заронить по крайней-мѣрѣ хоть зерно этой любви и заранѣе наслаждаться мыслью, что это зернышко, можетъ быть, взойдетъ, дастъ цвѣтъ и принесетъ плодъ».

И далѣе на вопросъ: почему именно онъ взялся написать такую книгу? Бремя съ искреннимъ воодушевленіемъ отвѣчаетъ:

«Виною здѣсь прекрасная поговорка: *отъ избытка сердца говорить уста!* Я написалъ эту книгу изъ чистой радости и любви къ природѣ и хотѣлъ какъ можно большому числу людей сообщить эту любовь и радость».

Этой цѣли книга дѣйствительно достигаетъ въ значительной степени.

Попробуемъ же изложить или хотя отчасти указать, въ чемъ заключается *эстетическій интересъ*, который представляютъ намъ птицы и на которомъ основана пріятельность сочиненій, подобныхъ Бремоескому. Птицы—такое яркое и своеобразное явленіе природы, что онѣ особенно удобны для такого разсмотрѣнія.

Легко видѣть, что вопросъ представляетъ двѣ части: птицы эстетически интересуютъ насъ, вопервыхъ, съ внѣшней стороны, какъ существа красивыя по формѣ, цвѣту, движениямъ и т. д.; вовторыхъ, онѣ насъ привлекаютъ внутренней своей стороною, какъ существа воодушевленные; ихъ душевная дѣятельность имѣетъ также своеобразіе и красоту, и какъ ни далеко степень, на которой она стоитъ, ниже степени душевной жизни человѣка, мы, хотя смутно, но иногда весьма живо можемъ ее понимать.

I.

Птицы — красивыя животныя; взятый въ цѣломъ, это, конечно, самый красивый классъ животныхъ, такъ-какъ въ немъ почти нѣтъ несприятныхъ формъ. Въ чемъ заключается и отъ чего зависитъ эта красота?

Наука о животныхъ ничего не говоритъ о ихъ красотѣ; она разсматриваетъ всевозможные ихъ признаки и сравниваетъ ихъ во всевозможныхъ отношеніяхъ, но признака красоты не принимаетъ въ расчетъ и въ этомъ отношеніи ихъ не сравниваетъ. Между тѣмъ тѣ черты и законы, которые отерываетъ наука, во многихъ случаяхъ неволью наводятъ насъ на объясненіе красоты, непосредственно поражающей насъ въ тѣхъ или другихъ животныхъ.

Птицы, вопервыхъ, имѣютъ болѣею частію пріятные цвѣта; перья ихъ обыкновенно окрашены чисто и ярко. Тропическія же птицы представляютъ всевозможное разнообразіе красокъ, такъ что ихъ можно сравнить въ этомъ отношеніи только съ цвѣтками растений. Эта красота, какъ обазывается, зависитъ отъ общаго права, которому подчинены органическія существа въ отношеніи къ свѣту. Именно чѣмъ болѣе какія-нибудь существа подвергаются дѣйствию свѣта, тѣмъ краски ихъ ярче и разнообразнѣе. Поэтому тропическіе организмы превосходятъ своими красками растенія и животныхъ холодныхъ и полярныхъ странъ. Поэтому всѣ животныя, скрывающіяся въ землѣ, всѣ части растеній, погруженныя въ землю, или вовсе безцвѣтны или темныхъ цвѣтовъ. Поэтому даже верхнія части каждаго животнаго бывають ярче раскрашены, чѣмъ нижнія, обращенныя къ землѣ. Понятно, что птицы, какъ существа воздушныя, безпрестанно тонущія и купающіяся въ лучахъ свѣта, окрашены лучше, чѣмъ млекопитающія, гады или рыбы — животныя, держащіяся при землѣ или даже въ самой землѣ и въ водѣ.

Еще менѣе можно понимать источникъ красоты, представляемый *формою* птицъ. У всѣхъ животныхъ форма тѣла самымъ тѣснымъ образомъ связана съ образомъ ихъ движенія. Мы неволью чув-

ствуемъ эту связь при первомъ взглядѣ на каждое животное, мы тотчасъ понимаемъ такъ-сказать архитектуру его тѣла. Птица имѣетъ самый трудный и высокій родъ движенія, который исполняется ею въ совершенствѣ, и устройство ея тѣла живо говоритъ намъ объ этомъ. *Легкость* птицы видна съ перваго на нее взгляда.

Чтобы было возможно данное движеніе, математически необходимы извѣстныя условія. Механическіе законы требуютъ для даннаго движенія извѣстнаго устройства тѣла. Съ этой точки зрѣнія тѣло птицы есть разрѣшеніе трудной механической задачи; этою задачею опредѣляются и главныя черты и многія мельчайшія подробности устройства птичьяго тѣла. Я укажу здѣсь нѣкоторыя наиболѣе простыя черты.

Для того, чтобы легче и правильнѣе сообщались тяжелой массѣ всякія движенія, всего лучше если эта масса представляетъ одно твердое тѣло, а самая удобная форма этого тѣла—круглая. Твердому шару всего проще давать какія угодно движенія. Поэтому туловище птицы представляетъ негибкую шаровидную форму. Перехватовъ на немъ нѣтъ, и позвонки такъ плотно соединены между собою, что спина нисколько не гнется. Туловище содержитъ въ себѣ главный вѣсъ птицы и остальныя части въ сравненіи съ нимъ совершенно незначительны по вѣсу. Для того, чтобы было такъ, эти части по возможности облегчены и потому особенно устроены. Шея очень тонка и голова очень мала. Голова не имѣетъ зубовъ и мускуловъ, нужныхъ для жеванія; челюсти служены, заострены, покрыты роговою оболочкою и могутъ только хватать, а не жевать; верхняя челюсть, впрочемъ, представляетъ какъ-бы единственный зубъ птицы, который движется уже не особыми мускулами, а вмѣстѣ съ цѣлою головою. Перетираніе пищи совершается въ желудкѣ, который для этого окруженъ толстыми мускулами. Такимъ образомъ тяжесть этихъ мускуловъ изъ головы перенесена въ туловище.

Конечности, т.-е. крылья и ноги, точно такъ же устроены весьма легко. Ихъ части, наиболѣе покрытыя мускулами, т.-е. плечи и ладвен, укорочены и плотно прилегаютъ къ туловищу. Такимъ образомъ отъ туловища отходятъ только среднія и крайнія части конечностей, гдѣ больше тяжей, чѣмъ мускуловъ.

Сидя на землѣ, птица должна имѣть возможность дѣйствовать головою, какъ орудіемъ хватанія; поэтому шея удлинена, чтобы, напримѣръ, можно было достать клювомъ земли. Кромѣ того шея какъ-бы передана вся гибкость и подвижность, которой по необходимости лишено туловище.

Точно также, ради удобнаго движенія на землѣ, удлинены ноги. Какъ мы видимъ на человѣкѣ, для хорошаго движенія на двухъ

ногахъ нужны длинныя ноги; только на четырехъ ногахъ можн еще порядочно двигаться, даже когда онѣ коротки. Кромѣ того птица должна постоянно наклоняться, дѣйствуя головою; чтобы ей не падать при этомъ и держаться стойко, пальцы ногъ очень длинны и растопырены, такъ что центръ тяжести подпертъ при всѣхъ наклоненіяхъ туловища.

Когда птица летитъ, она нерѣдко поджимаетъ къ туловищу и ноги и шею, такъ что еще болѣе сосредоточиваетъ свое тѣло. Летаіе можно сравнить съ ходомъ лодки на веслахъ. Весла работаютъ на носу, на той части лодки, которая идетъ впередъ. Такъ точно крылья работаютъ на передней части туловища и увлекаютъ его за собою. Весла отводятся и направляютъ на воду, которая находится между ними и лодкою; такъ точно крылья распускаются и быстро напиратъ на воздухъ, который между ними и тѣломъ. Какъ у лодки, такъ и у птицы есть на задней части еще весло или руль, хвостъ, помогающій измѣнять направление полета.

Вотъ главныя черты формы птичьяго тѣла. Красота этой формы особенно ярко выступаетъ у маленькнхъ птицъ, напримѣръ у пѣвчихъ птичекъ, такъ любимыхъ человѣкомъ. Чтобы понять это, нужно замѣтить слѣдующее. Есть органы, которые по самой сущности своего отправленія, должны имѣть опредѣленный размѣръ, опредѣленную величину. Таковы головной мозгъ и глазъ. Для зрѣнія всего лучше вѣроятно такая величина глазъ, какъ у человѣка, точно такъ, какъ для полнаго развитія душевной жизни необходимо мозгъ такой величины, какъ у человѣка. Уменьшеніе размѣровъ этихъ органовъ непременно понижаетъ достоинство ихъ отправленій; напротивъ увеличеніе ихъ больше человѣческихъ размѣровъ вѣроятно нисколько не улучшило бы ихъ дѣйствій. Вотъ отчего у животныхъ высоко развитыхъ, слѣдовательно одаренныхъ хорошимъ зрѣніемъ и сильною душевною жизнью, мозгъ и глазъ подвергаются наименьшимъ колебаніямъ въ величинѣ. Особенно это поразительно относительно мозга. У огромныхъ животныхъ, напримѣръ у слона, бпта, глаза сравнительно съ тѣломъ бываютъ чрезвычайно малы, напротивъ у маленькнхъ животныхъ сравнительно очень велики. Маленькія же птицы больше всѣхъ другихъ мелкнхъ животныхъ отличаются непропорціонально большою величиною мозга и глазъ. Всѣ головнаго мозга въ сравненіи съ вѣсомъ всего тѣла у нихъ бываетъ больше, чѣмъ у человѣка; глаза же составляютъ половину всего объема головы.

Вотъ отчего форма маленькнхъ птицъ въ такой высокой степени имѣетъ одухотворенный характеръ. Головка ихъ кругла и велика, подобно головѣ человѣка; у нихъ нѣтъ морды, какъ нѣтъ ея и у человѣка; ихъ легкія заостренныя челюсти мы справедливо назы-

ваемъ по ихъ формѣ и положенію *носикомъ* — онѣ напоминаютъ носъ человѣка. Эта граціозная головка съ большими глазами сидитъ на шейкѣ такой же круглой и подвижной, какъ шея человѣка. Всего сильнѣе голова и шея такихъ птицъ напоминаютъ голову и шею женщины, потому что у женщинъ голова круглѣе, чѣмъ у мужчинъ, шея длиннѣе и плеча болѣе поваты, не такъ подняты, какъ у мужчины. Наконецъ птичка держится на двухъ ногахъ, то есть представляетъ тотъ же самый легкій и свободный способъ передвиженія, который составляетъ такую существенную черту красоты человѣческаго тѣла.

Маленькія птицы, питающіяся насѣкомыми и сѣменами растеній, составляютъ большинство въ классѣ птицъ. Въ другихъ птицахъ мы находимъ черты той же самой прелестной формы; только она увеличена и измѣнена для болѣе энергической и опредѣленной дѣятельности. Хищникъ—орелъ, плаватель—лебедь, житель болотъ—журавль, летунъ — альбатросъ и т. д. представляютъ ту же граціозную форму, которой придана въ одномъ случаѣ большая сила, въ другомъ — искусство плавать, въ третьемъ — возможность носиться надъ моремъ среди бури и т. д.

II.

Форма птицъ приспособлена къ летанію и ясно указываетъ на ихъ воздушную жизнь. Но полетъ — дѣло до такой степени трудное, что и внутренняя организація, самыя отправленія частей тѣла должны были быть измѣнены, именно *повышены* сравнительно съ обыкновеннымъ уровнемъ. Физиологія птицъ поразительна. Органы движенія — кости и мускулы у нихъ гораздо высшаго достоинства, чѣмъ у млекопитающихъ. Мускулы сильнѣе, кости легче и крѣпче; для того чтобы сочетать легкость съ крѣпостію, костямъ дана форма пустыхъ трубокъ.

Мускулы птицы должны много и сильно работать. Но дѣятельность cadaго органа неразрывно соединена съ такъ-называемою *смѣною* вещества, т. е. изъ органа выходятъ частицы какъ-бы уже отслужившія, и новыя частицы входятъ въ органъ. Такъ точно для того, чтобы постоянно топила печь, нужно постоянно подкладывать дровъ.

Оказывается, что смѣна вещества у птицъ идетъ страшно быстро. Вещество приносится двумя путями — дыханіемъ и принятіемъ пищи. И то и другое развито у птицъ больше, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ. Воздухъ у нихъ проникаетъ не только въ огромныя легкія, но во всѣ части тѣла, подъ кожу и въ кости. Пища припи-

мается въ огромномъ количествѣ и переваривается съ удивительною быстротою.

«Многія птицы — пишетъ Бремъ — ѣдятъ въ продолженіе цѣлаго дня, на примѣръ пѣвчія птицы, которыхъ ежедневная пища вдвое и втрое превосходитъ вѣсъ ихъ собственнаго тѣла. Счастье, что намъ не дано такого аппетита, а иначе мы ежедневно должны бы были принимать отъ 5 до 10 пудовъ пищи!»

Пища превращается въ кровь. Чѣмъ быстрѣе обращается кровь, тѣмъ скорѣе во всѣ органы тѣла приносятся новыя части и уносятся изъ нихъ старыя. Птицы обладаютъ самымъ быстрымъ кровообращеніемъ. Сердце у нихъ бьется гораздо чаще, чѣмъ у млекопитающихъ.

Наконецъ для быстрой смѣны вещества необходимо, чтобы въ тѣлѣ господствовала значительная температура. Теплота тѣла зависитъ отъ смѣны вещества, но въ то же время и сама составляетъ условіе, безъ котораго эта смѣна не можетъ совершаться какъ слѣдуетъ. Оказывается, что птицы — самыя теплокровныя животныя, какія только существуютъ; кровь ихъ нѣсколькими градусами теплѣе крови человѣка.

Нужно прибавить здѣсь еще одно соображеніе, показывающее, какъ чудесно устроена птица. Маленькія животныя гораздо скорѣе остываютъ, чѣмъ большія; это зависитъ отъ того, что животное, которое положимъ въ 100 разъ меньше человѣка по объему, имѣетъ наружную поверхность только въ 10 разъ меньшую, чѣмъ поверхность человѣческаго тѣла. Слѣдовательно теплота тѣла такого животнаго въ 10 разъ скорѣе разсѣивается въ воздухъ. Птицы по необходимости малыя животныя, такъ-какъ животнымъ большаго вѣса невозможно было бы летать. Несмотря на свою малость, онѣ, однако, должны имѣть высокую температуру крови. Понятно, какъ сильно у нихъ должны работать легкія, желудокъ и сердце!

Вся эта внутренняя работа отъ насъ скрыта. Но не отражается ли эта высокая дѣятельность организма въ удивительной подвижности птицы, въ ея всегдашней бодрости и легкости, въ быстротѣ и неутомности ея движеній? Птицы мало спятъ и сонъ ихъ бываетъ легкій и короткій.

«Никакое другое животное — пишетъ Бремъ, не умѣетъ такъ много жить, какъ живетъ птица; никакое другое созданіе не умѣетъ такъ отлично распорядиться своимъ временемъ, какъ она. Для нея самый долгій день все еще не довольно дологъ, самая короткая ночь все еще не довольно коротка. Ея постоянная живость не даетъ ей продремать или проспять половину ея жизни: она бодро, весело проводитъ все время, какое ей даровано. Въ сознаніи своего счастливаго бытія, она повидимому смотритъ на работу какъ на игру—

на радостную пѣсню, какъ на самое важное дѣло. Объ этомъ дѣлѣ она думаетъ прежде всего и послѣ всего; ему преимущественно должно быть посвящено самое лучшее время года и дня» (стр. 191).

III.

Душа животныхъ — предметъ въ высшей степени трудный. Въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся тѣмъ, что поставимъ какъ слѣдуетъ вопросъ и объяснимъ всю его трудность.

Съ точки зрѣнія натуралиста дѣло имѣетъ слѣдующій видъ. Душевные явленія у животныхъ должны быть такъ же разнообразны, какъ разнообразно устройство ихъ тѣла. Этого требуетъ тотъ законъ, по которому отправления соотвѣтствуютъ устройству. Душа насѣкомаго и душа позвоночнаго животнаго должны составлять явленія столь же различныя, какъ различно устройство нервной системы у того и другаго. Затѣмъ въ каждомъ отдѣлѣ животныхъ разница между душевными явленіями должна уменьшаться по мѣрѣ того, какъ увеличивается естественное сродство животныхъ. Но разница должна сохраняться даже между сосѣдними видами. Натуралисты знаютъ, что нравы и обычаи животныхъ составляютъ очень хорошіе признаки для отличія близкихъ видовъ. Собака отличается отъ волка главнымъ образомъ своимъ нравомъ, такъ-какъ другой признакъ — именно хвостъ закорючкой — находится не у всѣхъ собакъ.

Такимъ образомъ если натуралистъ вообразить себѣ въ будущемъ доведенное до конца изученіе душевныхъ явленій животныхъ, то оно представится ему въ видѣ цѣлой системы подраздѣленій. Это будетъ система душъ, точно соотвѣтствующая той системѣ тѣлъ, которую уже успѣли составить зоологи. Для этого громаднаго разнообразія явленій потребуется и громадная терминологія, такъ-какъ каждую особенность нужно будетъ обозначить особымъ словомъ.

Относительно тѣлъ животныхъ мы достигли того, что отчасти понимаемъ ихъ связь между собою. Именно оказалось, что различные классы животныхъ соотвѣтствуютъ различнымъ степенямъ въ развитіи одного и того же животнаго, стоящаго высоко въ системѣ. Полная связь была бы найдена, еслибы было доказано, что всѣ типы и классы животныхъ имѣютъ себѣ соотвѣтствіе въ степеняхъ развитія высшаго организма, т.-е. человѣка.

То же самое нужно сказать и о душахъ животныхъ. Онѣ, безъ сомнѣнія, представляютъ различныя степени развитія нѣкоторыхъ однородныхъ явленій; онѣ соотвѣтствуютъ, на примѣръ, различнымъ

періодамъ въ развитіи души человѣческой. Но точно такъ, какъ тѣла животныхъ не представляютъ тѣхъ самыхъ формъ, черезъ которыя проходитъ зародышъ человѣка, а имѣютъ формы только соотвѣтствующія, но значительно усложненныя и одаренныя для самостоятельной жизни, такъ точно и души животныхъ не суть простыя степени, проходимыя душевными явленіями человѣка до полнаго ихъ развитія, а представляютъ остановки такъ-сказать раскрытыя и усиленныя для самобытной жизни. Души животныхъ должны быть гораздо своеобразнѣе, чѣмъ простыя зародышныя явленія души человѣка.

Отсюда видно, какого рода пути слѣдуетъ держаться для изученія души животныхъ. Слѣдуетъ изучить развитіе души человѣческой отъ самого начальнаго ея пробужденія. Зная различныя формы и степени этого развитія, мы можемъ потомъ искать, какимъ душамъ животныхъ онѣ соотвѣтствуютъ. Но кромѣ того требуется еще открыть и опредѣлить ихъ особенное своеобразіе, чего можно будетъ достигнуть только непосредственнымъ наблюденіемъ дѣятельности и жизни животныхъ.

И такъ вотъ задача во всемъ ея объемѣ. Для рѣшенія ея покажѣтъ ничего еще не сдѣлано. Именно хотя сдѣлано нѣчто въ изученія формъ и степеней психическихъ явленій у человѣка, но правильныхъ приложений этого изученія къ душевной жизни животныхъ почти нѣтъ и слѣдovъ.

Обыкновенно, когда обращаются къ животнымъ, то берутъ полную, совершенно развитую и проясненную душевную жизнь человѣка, и ищутъ, нельзя ли какими нибудь явленіями этой жизни объяснить то, что наблюдается у животныхъ. Такъ поступаетъ Вундтъ, который, напримѣръ, не сомнѣвается, что даже у такихъ животныхъ, какъ пчелы, есть *понятія*, что они могутъ ихъ *передать* одна другой и т. д. Что же выходитъ изъ такихъ пріемовъ?

Получаются очень легкія объясненія. Въ душевныхъ явленіяхъ животныхъ, точно такъ же какъ въ тѣлесныхъ, замѣчается много цѣлесообразности. Эта цѣлесообразность, разумѣется, очень легко объясняется, если взять для этого тѣ средства, какими обладаетъ вполне развитая душа человѣка. Напр., порядовъ улья очень легко объяснить, если допустить, что пчелы вполне хорошо сознаютъ цѣль своихъ дѣйствій, могутъ между собою разговаривать и находятся подъ управленіемъ своей царицы.

Ошибка однако легко обнаружилась бы, еслибы при этомъ поступали послѣдовательно, т.-е. объясняли бы *все* дѣйствія даннаго животнаго въ ихъ совокупности. Тогда оказалось бы, что приписавши животнымъ въ одномъ случаѣ столько ума, мы должны бы были въ другихъ случаяхъ найти ихъ непомѣрно глупыми. Можно

напр. сказать, что *птицы любят своих дѣтей*, понимая эти слова въ человѣческомъ ихъ смыслѣ, и такимъ образомъ объяснить всѣ ихъ заботы во время вывода птенцовъ. Но тогда мы увидимъ, что птица не можетъ отличить своего птенца отъ птенца кукушки, положившей ей въ гнѣздо свое яйцо, что она кормить его еще съ бѣльшимъ усердіемъ, потому что онъ больше ѣсть, что она невозмущается и тогда, когда птенецъ кукушки повывидываетъ изъ гнѣзда одного за другимъ ея собственныхъ птенцовъ, и все-таки продолжаетъ его кормить, возвращая не свое потомство, а зловредную для ея племени кукушку — когда мы видимъ это, то хоть намъ и жаль глупенькой птички, а мы невольно должны усумниться и въ томъ, что она любитъ дѣтей, и въ томъ, что она знаетъ *своихъ* дѣтей, и въ томъ, наконецъ, что она имѣетъ *дѣтей* въ человѣческомъ смыслѣ этого слова.

Отсюда видно, что самое близкое и остроумное объясненіе явленій душевной жизни животныхъ будетъ то, которое идетъ не *сверху*, а *снизу*, то-есть не то, которое беретъ за форму высшія и вполне развитыя формы человѣческой души, а то, которое беретъ для сравненія самыя низшія изъ этихъ формъ. У человѣка многія явленія совершаются безсознательно, слѣно, истиннѣйно (слова, придуманныя для животныхъ); вотъ съ какихъ явленій слѣдуетъ начинать при объясненіи жизни животныхъ.

Если въ комнатѣ сильно водятся клопы, то иногда спасаются отъ нихъ тѣмъ, что поставивъ кровать вдали отъ стѣнъ, обмазываютъ тѣмъ нибудь ея ноги или ставятъ ихъ въ тазы съ водою. Тогда клопы взбираются на потолокъ и оттуда падаютъ на постель. Нѣтъ ничего легче, какъ объяснить этотъ фактъ, одаривъ клоповъ человѣческимъ умомъ. Тогда окажется, что они понимаютъ размѣры и относительное положеніе предметовъ комнаты; поэтому, принявъ въ соображеніе, что при паденіи по малой тяжести ихъ тѣла они никакъ не расшибутся, они прямою дорогою идутъ на потолокъ, и видя, что кровать уже прямо подъ ними, падаютъ на нее.

Но вотъ другое объясненіе, сдѣланное *снизу*. Клопы вѣроятно очень слѣной породы и видятъ только у самага своего носа. При томъ они глухи и ни о какихъ размѣрахъ не имѣютъ понятія. Но какъ животныя паразитныя, питающіяся теплою кровью большихъ животныхъ, они несомнѣнно одарены двумя способностями: чуткимъ обоняніемъ, чтобы найти добычу, и довольно большою скоростью ползанья, чтобы ускользнуть отъ опасности. Ночью они бѣгаютъ по стѣнамъ безъ всякаго толку. Заслышавъ запахъ человѣческаго тѣла и не имѣя возможности до него добраться прямо, они принимаются бѣгать во всѣхъ направленіяхъ. И вотъ клопъ очутился надъ самою кроватью; тутъ запахъ всего сильнѣе, онъ

такъ одуряетъ голодное животное, что оно падаетъ, само не сознавая, что дѣлаетъ.

Можно бы привести немало примѣровъ, указывающихъ на безмѣрно-низшій уровень жизни у многихъ животныхъ. Эти примѣры гораздо лучше поясняютъ намъ дѣло, чѣмъ легкомысленный антропоморфизмъ, приписывающій каждому животному человѣческія свойства. Случается, что жукъ ѣстъ въ то самое время, какъ его ѣдятъ; но онъ такъ увлеченъ своимъ дѣломъ, что продолжаетъ его, хотя у него уже съѣдена половина брюха. Стоитъ посмотреть на муху, если ей осторожно оторвать голову, такъ чтобы все остальное тѣло было не помято. Она летитъ такъ же быстро, какъ и съ головою. Можно принять это за невольное движеніе. Но вотъ она садится и раздумываетъ, какъ будто вдругъ попала въ совершенную темноту. Недоумѣніе однако, повидимому, проходитъ и она начинаетъ спокойно чистить лапку объ лапку; она пробуетъ даже потерять у себя за ушами, но лапки, не встрѣчая головы, соскакиваютъ...

Что происходитъ среди этого мерцанія жизни, среди глубокаго мрака, покрывающаго ея слабыя движенія — этого, конечно, никто теперь представить себѣ не можетъ. Если для изслѣдованія мелкихъ организмовъ съ тѣлесной стороны потребовались микроскопы, то микроскопическіе зачатки душевной жизни, безъ сомнѣнія, тоже требуютъ для своего изученія особыхъ искусственныхъ и трудныхъ пріемовъ.

IV.

Для того, чтобы описывать душевную жизнь животныхъ, нуженъ, какъ я сказалъ, особый языкъ; выраженія, которыми мы обозначаемъ наши собственныя душевныя явленія, большею частію совершенно не годятся, когда дѣло идетъ о животныхъ. Притомъ мы должны говорить не такимъ языкомъ о птицахъ, какъ о млекопитающихъ, не такимъ о рыбахъ, какимъ о птицахъ, не такимъ о насѣкомыхъ, какъ о рыбахъ и т. д.

Ничего этого у насъ нѣтъ. Говоря о тѣлѣ птицы, мы употребляемъ особыя слова при описаніи ея перьевъ, крыльевъ, хвоста и т. д. Но душа птицы вѣроятно имѣетъ свои крылья, имѣетъ нѣчто особенное, о чемъ мы не имѣемъ понятія и для чего у насъ нѣтъ выраженій. Поэтому, когда мы описываемъ внутреннюю жизнь животныхъ, то, что издавна называется ихъ «нравами и образомъ жизни», мы принуждены употреблять наши человѣческія понятія и выраженія. Понятно, что отъ этого необходимо должно произойти разногласіе между содержаніемъ и словами, то самое разногласіе, которое дѣлаетъ ложнымъ всякую пародію, воспѣвающую высокимъ сло-

гомъ и звучными стихами какіе нибудь маловажные или грязные предметы. Вотъ отчего рассказы о животныхъ всегда смѣшны; мы невольно чувствуемъ, что употребляемъ слишкомъ важныя и серьезныя слова для дѣйствій и явленій, въ сущности очень напынныхъ и дѣтски-несмысленныхъ.

Бремъ вовсе не понимаетъ той научной постановки дѣла, которую мы только что изложили. Онъ говорить о птицахъ человѣческимъ языкомъ, вовсе не подозревая, что въ отношеніи къ нимъ этотъ языкъ получаетъ фигуральное, переносное значеніе. Что же выходитъ? Послушать Брема—такъ птицы по крайней-мѣрѣ столько же умны, какъ человѣкъ, а въ отношеніи къ нравственности далеко превосходятъ это развращенное животное. Онъ выше всякой мѣры восхищается ихъ домашними добродѣтелями, супружеской вѣрностію, любовью къ дѣтямъ и т. п. Изрѣдка только у него прорвется рассказъ, вдругъ разрушающій эти радужныя грезы. Вотъ наприимѣръ:

«Въ *Гебезеэ*, деревнѣ, лежащей недалеко отъ Эрфурта, на строеніяхъ рыцарскаго имѣнія существуетъ уже цѣлыя столѣтія анство гнѣздо. Въ немъ въ продолженіе многихъ лѣтъ высиживала птенцовъ пара анстовъ, которую часто безпокоили пришельцы, можетъ быть даже ея собственныя дѣти, желавшія завладѣть прекраснымъ гнѣздомъ. Въ одну весну прилетѣлъ самецъ, который превзошелъ всѣхъ другихъ настойчивостію и упрямствомъ. Онъ непрерывно боролся съ самцомъ пары и продолжалъ свою войну и тогда, когда самка высиживала птенцовъ. Отецъ семейства былъ постоянно принужденъ защищать себя и свое потомство. Однажды, утомленный постоянною борьбою, сидитъ онъ на своемъ гнѣздѣ, спрятавши голову подъ крыло. Эту минуту пользуется пришлецъ; онъ взлетаетъ на большую высоту и, подобно тому какъ окунывающаяся птица нападаетъ на всплывшую рыбу, съ такою силою низвергается на бѣднаго владѣтеля гнѣзда, что пробиваетъ его клювомъ. Ко всеобщему изумленію и сожалѣнію, бѣдная жертва битвы, которая такъ храбро защищала свой домъ и свое семейство, падаетъ мертвою на землю. А что дѣлаетъ вдова? Безъ сомнѣнія, она прогнала отъ себя безбожнаго убійцу и долгое время сѣтовала о своемъ супругѣ? Ничуть не бывало: она тотчасъ приняла новаго мужа и продолжала высиживаніе, какъ-будто ничего не случилось!»

Послѣ этого всѣ толки о *супружествѣ*, *любви*, отеческихъ и материнскихъ заботахъ и пр. покажутся очень подозрительными. Дѣло говорить само за себя. Понятно, что чѣмъ возвышеннѣе мы станемъ говорить о птицахъ, тѣмъ яснѣе выступитъ иносказательный характеръ нашей рѣчи. Выйдетъ такъ, какъ будто мы смѣемъ надъ птицами; дѣйствительно Бремъ невольно впадаетъ въ такой

ироническій тонъ, какъ нельзя лучше соотвѣтствующій дѣлу. Для примѣра я приведу, впрочемъ не его слова, а интересный отрывокъ, который онъ заимствуетъ у другого писателя, Зейфертицена.

«Мой превосходный журавль очень развился впродолженіе зимы не только физически, но и духовно. Его осанка исполнена еще бѣльшаго достоинства, натура еще забавнѣе, а умъ сильнѣе. Хотя онъ уже перегоревалъ потерю своей подруги и нѣсколько привыкъ къ одиночеству, но очевидно осталась потребность привязаться къ живому существу. Такъ-какъ мнѣ не удалось вознаградить его утраты приобрѣтеніемъ молодой самки, то онъ самъ помогъ себѣ: онъ избралъ новаго товарища, съ которымъ и теперь еще живетъ въ тѣсной дружбѣ. Едва-ли вы угадаете, кто этотъ избранный изъ всѣхъ живущихъ съ нимъ домашнихъ животныхъ: это не кто иной, какъ одинъ изъ *волово* нашей деревни.

«Какъ и съ чего собственно началась эта дружба, я и самъ хорошо не знаю. Мнѣ кажется, что особенно басистый голосъ этого быка произвелъ на журавля впечатлѣніе. Словомъ, они подружились еще весною; журавль леталъ ежедневно въ стадо съ своимъ рогатымъ любимцемъ и очень часто навѣщалъ его даже въ стойлѣ. Онъ всегда обращается съ быкомъ особенно почтительно и рѣшительно признаетъ его преимущество передъ собою. Въ стойлѣ онъ почтительно на вытяжку стоитъ подлѣ него, точно ожидая его приказаній, отгоняетъ отъ него мухъ, отвѣчаетъ на его мычанье и всячески старается успокоить его, когда тотъ злится. Когда быкъ гуляетъ на дворѣ съ другимъ скотомъ, журавль формально исполняетъ должность адъютанта, ходитъ за нимъ на разстояніи двухъ шаговъ, вертится вокругъ него, отвѣшиваетъ ему поклоны и ведетъ себя такъ потѣшно, что невозможно смотрѣть безъ смѣха. Послѣ обѣда онъ летитъ за нимъ вмѣстѣ съ стадомъ въ поле, часто на полчаса разстоянія, и вечеромъ возвращается вмѣстѣ. Обыкновенно онъ идетъ тогда нѣсколько шаговъ позади или совсѣмъ подлѣ быка, потомъ вдругъ выдвигается, отбѣгаетъ шаговъ на двадцать впередъ, оборачивается и до тѣхъ поръ раскланивается своему другу, пока тотъ опять поравняется съ нимъ. Это продолжается до самаго двора при общемъ смѣхѣ крестьянъ; на дворѣ онъ, послѣ множества поклоновъ и выраженій пріязни, разстается съ своимъ дорогимъ товарищемъ.

«Этотъ быкъ, впрочемъ, единственное животное здѣшной деревни и всей стороны, съ которымъ журавль обращается такъ почтительно. Надъ всѣми другими онъ приписываетъ себѣ верховную власть и умѣетъ поддержать ее. Въ деревнѣ и въ особенности въ усадьбѣ онъ играетъ роль надсмотрщика и строго слѣдитъ за порядкомъ; въ стадѣ рогатаго скота онъ замѣняетъ пастушью собаку. Между

дворовыми птицами онъ ссоръ не терпитъ; всегда слѣдитъ за этимъ; при малѣйшей распрѣ является мирнымъ судьей и наказываетъ, когда найдетъ нужнымъ. Все ему повинуется, а между тѣмъ онъ не причиняетъ ни малѣйшаго вреда, напротивъ живетъ въ мирѣ и согласіи со всѣми животными, которыя ведутъ себя прилично. Тревога, ссоры и драки ему въ особенности ненавистны; виновниковъ онъ наказываетъ болѣе или менѣе чувствительно, соображаясь съ ихъ ростомъ: лошади, быки и коровы получаютъ сильныя удары клювомъ; съ утками и курами поступаетъ мягче, чѣмъ съ гусями и индѣйками. При этомъ онъ выказываетъ разумность, которая сдѣлала бы честь даже и человѣку. Одрѣ индюшки иногда противятся его приказаніямъ и власти, и онъ даже нерѣдко отступаетъ, когда онѣ нападутъ на него соединенными силами. Недавно онъ завидѣлъ индюка въ сильной дракѣ съ домашнимъ пѣтухомъ и поспѣшилъ положить конецъ битвѣ. Домашній пѣтухъ тотчасъ повиновался и отошелъ, но индюкъ уступилъ только послѣ долгой борьбы. По окончаніи ея журавль воротился къ остальнымъ птицамъ, оглядѣлся вокругъ, нашель пѣтуха и наказалъ также и его въ свою очередь.

«Лошадей онъ всегда стережетъ на дворѣ, въ особенности если онѣ заложены. Онъ становится прямо противъ нихъ и пристально на нихъ смотритъ. Какъ только онѣ перестанутъ стоять смирно, онъ нѣсколько растопыритъ крылья, вытянетъ шею и голову и закричатъ во все горло. Если это не помогаетъ, онъ пускаетъ въ ходъ клювъ. Недавно стояла на дворѣ одна запряженная лошадь. Журавль тотчасъ занялъ свой постъ. Лошадь не стояла смирно и не хотѣла слушаться; за это онъ такъ сильно клюнулъ ее въ носъ, что потекла кровь. Вскорѣ послѣ этого, та же самая лошадь опять приѣхала на дворъ. Журавль тотчасъ опять явился, но едва лошадь завидѣла его, какъ вспомнила прежнее и поворотила голову направо, чтобы спрятать свой носъ. Вдругъ журавль началъ ей кланяться, заходилъ вокругъ нея, всячески стараясь выразить свое благоволеніе и загладить прежній строгій поступокъ. Кромѣ своего рогатаго друга, онъ еще никому не оказывалъ до тѣхъ поръ такой чести; онъ слишкомъ гордъ, чтобы быть за панібрата со всякой челядью.

«Къ числу животныхъ, которымъ онъ въ особенности даетъ чувствовать свою власть, принадлежать преимущественно жеребята. Какъ только они появляются на дворѣ, онъ тотчасъ даетъ имъ понять своей гордой осанкой, чего они могутъ ожидать въ случаѣ дурнаго поведенія. Чтобы имѣть надъ ними постоянный надзоръ, онъ всюду за ними ходитъ. Если они разрѣзвятся и запрыгаютъ, онъ съ крикомъ бѣгаетъ за ними и наказываетъ то того, то друго-

го. Часто ему угрожает опасность быть ушибену или раздавлену ими, но онъ съ удивительнымъ искусствомъ умѣетъ вывернуться.

«Быковъ и коровъ онъ всегда держитъ въ порядкѣ на дворѣ и въ стадѣ. Онъ помогаетъ выгонять и загонять ихъ и разводитъ, когда они подерутся другъ съ другомъ. Если они его не слушаются, то онъ прибѣгаетъ къ своему рѣзкому голосу и нагоняетъ на нихъ такой страхъ, что обращаетъ въ бѣгство. Въ полѣ онъ не даетъ расходиться стаду и предохраняетъ его отъ опасностей. Однажды вечеромъ онъ совершенно одинъ пригналъ молодую скотину съ поля и загналъ въ стойло. Онъ набралъ себѣ столько дѣла, что цѣлый день занять по горло.

«На дняхъ, проводивъ стадо въ поле, журавль вернулся къ своимъ другимъ занятіямъ. Въ деревнѣ онъ встрѣтилъ молодую скотину, принадлежавшую къ стаду, но отставшую отъ него. Тотчасъ журавль вздумалъ присоединить ее къ остальнымъ. Изъ деревни онъ вывелъ всѣхъ благополучно, но потомъ такъ напугалъ своимъ крикомъ и клеваньемъ, что команда его пустилась бѣжать по направлению, противоположному стаду. Напрасно онъ бѣжалъ слѣдомъ и употреблялъ всѣ усилія воротить бѣглецовъ; погоня продолжалась около получаса и окончилась на засѣянномъ полѣ сосѣдней деревни, гдѣ маленькое стадо и его проводникъ попали въ плѣнъ. Журавль однакожъ низачто не далъ загнать себя и горестно воротился домой» (стр. 109—112).

Все это очень смѣшно. Хотя Время приводитъ этотъ рассказъ для доказательства *ума* птицъ, но рассказъ доказываетъ развѣ только, что у птицъ *забавная натура*, какъ и проговорился о своемъ журавлѣ Зейфертиценъ. Дѣло въ томъ, что чѣмъ больше хлопочетъ журавль, чѣмъ больше у него, по выраженію автора, *дѣла и занятій*, тѣмъ яснѣе оказывается, что эти хлопоты не имѣютъ никакихъ разумныхъ поводовъ, а происходятъ изъ какихъ-то прихотей и фантазій, столь же мало похожихъ на разумныя побужденія, какъ *нужная дружба* журавля къ волу похожа на чувства дружбы, питаемая людьми. Точно такъ же *гордость* этой птицы, ея *любовь къ порядку, миролюбіе, наказанія* и пр., все это очевидно должно быть понимаемо только въ переносномъ, а не въ собственномъ смыслѣ. Такъ точно мы говоримъ въ переносномъ смыслѣ—*скромная* фіалка, *гордый* дубъ.

Что же отсюда слѣдуетъ? Метафорическій языкъ не мѣшаетъ пониманію дѣла; онъ только тогда затемняетъ смыслъ, когда вмѣсто того, чтобы понимать его иносказательно, его понимаютъ буквально. И такъ въ описаніяхъ животной жизни, дѣлаемыхъ въ выраженіяхъ, взятыхъ изъ человѣческаго міра, мы все-таки мо-

жемъ отгадывать черты душевной жизни животныхъ. Чѣмъ слышнѣе иронія этихъ описаній, чѣмъ яснѣе мы чувствуемъ иносказательность ихъ языка, тѣмъ лучше мы будемъ понимать дѣло. Но это не будетъ научное пониманіе, а только *эстетическое постиженіе* предмета. Дѣйствительная любовь Брема къ птицамъ и нѣмецкій восторженный тонъ книги удивительно способствуютъ такого рода постиженію. Раза два или три авторъ не могъ воздержаться и впадаетъ въ открытую иронію; въ другихъ случаяхъ иронія выходитъ сама собою. Читателю *чудится* странная, маленькая птичья душа; иногда она очень красива, вся какъ будто изъ свѣта и воздуха, вся дрожитъ звонкими пѣснями и напряженіемъ полета.

Н. СТРАХОВЪ.

1866 г. 2 мая.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Начало военных дѣйствій.—Письмо императора Наполеона о политикѣ Франціи.—Принятіе румынской короны принцемъ Карломъ гогенцоллернскимъ.—Война и европейскій кризисъ.

Повидному, ни одна изъ европейскихъ войнъ не начиналась такою медленностію и нерѣшительностію, какъ та, въ которой приступаютъ нынѣ центральныя европейскія державы. Въ прежнюю пору нерѣдко случалось, что прежде чѣмъ исчезала еще вѣроятность на счетъ поддержанія мира, враждующія стороны успѣвали уже сойтись и помѣриться своими силами на боевомъ полѣ. Войны временъ первой французской имперіи, несмотря на то, что въ нихъ участвовали громадныя силы, начинались, а иногда даже и кончались, такъ быстро, что едва только успѣвала узнать Европа о движеніи непріятелей, какъ уже приходила вѣсть о торжествѣ одной, и о пораженіи другой стороны. Даже восточная война, итальянская кампанія 1859 года, и походъ нѣмецкихъ союзниковъ на Давію произошли слишкомъ скоро, сравнительно съ тою медленностію, которою отличаются начавшіяся нынѣ военныя дѣйствія.

Причины такого различія относительно скорости войны въ прежнее и въ настоящее время отыскать нетрудно, если остановиться на тѣхъ условіяхъ, при которыхъ могутъ происходить теперь военныя дѣйствія въ большихъ размѣрахъ. Въ прежнее время, при слабомъ развитіи газетныхъ корреспонденцій, при несуществованіи телеграфовъ и при способахъ веденія войны, можно было дѣлать военныя приготовленія тайкомъ, и притомъ не въ такихъ усиленныхъ размѣрахъ, какъ нынѣ. Теперь же военныя приготовленія не могутъ оставаться въ тайнѣ, и потому слухи о войнѣ начинаются при первоначальныхъ къ ней приготовленіяхъ, и пока осуществляются эти слухи, проходитъ немало времени. Кромѣ того, въ былую пору техника войны не вы-

звала такой подготовки, которая необходима нынѣ: прежде стоило только обратиться въ арсеналы, принять оттуда запасы старыхъ временъ, и войско было вооружено достаточно для того, чтобы выступить въ поле. Теперь дѣлается это совсѣмъ иначе: военныя приготовления тѣсно соединились не только съ финансовыми, но и съ промышленными силами каждой страны. Теперь какъ бы ни старались правительства скрыть готовящіяся вооруженія, это оказывается однако не только затруднительнымъ, но даже невозможнымъ. Коммерческій и промышленный міръ слѣдитъ нынѣ за военными приготовлениями гораздо зорче и внимательнѣе, нежели дипломатія. Необходимость огромныхъ внутреннихъ или вѣнскихъ займовъ для военныхъ издержекъ, усиленные работы на фабрикахъ и заводахъ, приготовляющихъ боевые снаряды, закупки разныхъ запасовъ для продовольствія армій, и наконецъ передвиженія войска по желѣзнымъ дорогамъ указываютъ гораздо вѣрнѣе на близость войны, нежели всѣ уклончивыя и сбивчивыя дипломатическія ноты и депешы. Излишнимъ кажется говорить, что телеграфы и журналисты весьма много содѣйствуютъ тому, что военныя приготовления не долго остаются въ тайнѣ, такъ что прежде чѣмъ начнутся военныя дѣйствія, вся Европа успѣваетъ уже узнать о томъ, что дѣлается въ томъ или другомъ государствѣ. Представительныя учрежденія также способствуютъ тому, что войны не могутъ теперь начаться въ Европѣ неожиданно, потому что вопросы о войнѣ вращаются не исключительно въ однихъ кабинетахъ, но и въ палатахъ, пренія которыхъ, при пособіи газетъ, получаютъ всеобщую гласность.

По всѣмъ этимъ причинамъ, еще задолго до начала нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій разнеслись въ Европѣ тревожные слухи о предстоящей войнѣ, и вѣроятность этой войны казалась несомнѣнною, несмотря на то, что дипломатія твердила о поддержаніи мира и старалась предотвратить войну различными способами соглашенія между враждующими сторонами, а также и предложеніемъ обще-европейскаго конгресса.

Говоря о настоящемъ положеніи политическихъ дѣлъ въ Европѣ, мы въ нашихъ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ основывались не столько на дипломатическихъ извѣстіяхъ, сколько на отголоскахъ общественнаго мнѣнія. Вслѣдствіе этого, мы позволили себѣ предполагать, что дипломатическіе переговоры о поддержаніи мира въ Европѣ будутъ безуспѣшны, что предложеніе о конгрессѣ будетъ принято Пруссіей и Италіей, только для вида, и что, поэтому, война будетъ неизбежною развязкой нынѣшнихъ столкновеній. Ожиданія наши сбылись, такъ-какъ Пруссія, несмотря на ея увѣренія въ томъ, что она становится только въ оборонительное положеніе, перешла теперь въ наступленіе. Пруссаки вошли уже въ Саксонію и Ганноверъ и заняли Дрезденъ, и вся Европа со дня на день, съ минуты на минуту, ожидаетъ извѣстій о начинающихся битвахъ. Но при этомъ условіи, война

не могла получить еще полного развитія, нужно еще участіе въ ней Италіи. Изъ полученныхъ теперь свѣдѣній стало извѣстно, что 6-го (18-го) іюня, вслѣдствіе того, что Австрія такъ-называемою союзною помощію, которую она, вмѣстѣ съ Баваріей, намѣрена оказать королю саксонскому, установила положеніе войны между Австріей и Пруссіей, объявлена война Австріи со стороны Италіи. Такимъ образомъ осуществился прусско-итальянскій союзъ и война сразу приняла тѣ размѣры, которые можно было предвидѣть еще и прежде.

Такимъ образомъ Пруссія и фактически начала первая войну, вызывая до этого Австрію на бой съ собою различными оскорбительными мѣрами, предпринятыми прусскимъ правительствомъ относительно Австріи въ приэльбскихъ герцогствахъ. Какіе бы изворотливые доводы ни представлялъ съ своей стороны берлинскій кабинетъ, руководимый во всемъ графомъ Бисмаркомъ, нельзя не признать, что съ самаго начала возникшихъ между Пруссіей и Австріей столкновеній, первая изъ нихъ дѣйствовала наступательно, разсчитывая вызвать Австрію на вооруженныя дѣйствія, и тѣмъ самымъ оправдать себя въ глазахъ Европы. Такая дипломатическая хитрость не имѣла однако ожидаемаго Пруссіей успѣха: истинныя намѣренія берлинскаго кабинета были разгаданы въ Вѣнѣ. Теперь собственно на Пруссіи лежитъ вся отвѣтственность за войну, которая угрожаетъ спокойствію и благосостоянію цѣлой Европы, такъ-какъ положительно можно сказать, что и тѣ государства, которые расположены были сохранить нейтралитетъ, будутъ вовлечены силою обстоятельствъ въ начавшуюся войну. Мы не говоримъ уже здѣсь о Фраціи, нейтралитетъ которой казался всегда сомнительнымъ и которая въ борьбѣ двухъ первенствующихъ германскихъ державъ видитъ возможность легкаго и удобнаго исполненія своихъ давнишнихъ замысловъ.

Двойная вооруженная демонстрація Пруссіи произошла вслѣдствіе ультиматума, посланнаго берлинскимъ кабинетомъ правительствамъ саксонскому и ганноверскому. Въ этомъ ультиматумѣ Пруссія объявляла Саксоніи и Ганноверу войну, если условія, предложенныя ею, не будутъ приняты. Графъ Бисмаркъ былъ твердо увѣренъ, что обѣ упомянутыя германскія державы, устрашась рѣшимости берлинскаго кабинета, не останутся на сторонѣ Австріи. Вышло однако иначе, такъ-какъ не только Саксонія и Ганноверъ, но и вурфюрстъ гессенскій, а также и герцогъ нассаускій не приняли предложенія, сдѣланнаго Пруссіей, и остались вѣрными рѣшенію, постановленному союзнымъ сеймомъ 2 (14) іюня. Рѣшеніе это состояло въ томъ, что франкфуртскій сеймъ, согласно съ мнѣніемъ Австріи, призналъ вступленіе прусскихъ войскъ въ предѣлы Голштиній дѣйствіемъ, клонящимся къ полученію Пруссіею отъ Австріи удовлетворенія насильственнымъ путемъ. Такой образомъ дѣйствіемъ одной державы Германскаго Союза противъ другой предусмотрѣнъ 9 параграфомъ союзной конституціи, по си-

лѣ которой сеймъ обязанъ прежде всего наблюдать за сохраненіемъ неприкосновенности территоріальныхъ правъ и при нарушеніи ихъ можетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ для предупрежденія или пріостановки всякаго стремленія къ тому, чтобъ получить удовлетвореніе насильственными средствами. Руководствуясь упомянутымъ параграфомъ союзной конституціи, сеймъ сдѣлалъ постановленіе о мобилизаціи федеральныхъ контингентовъ. Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія международнаго права, примѣненнаго къ Германскому Союзу, Австрія и сторонники ея, Саксонія, Ганноверъ, Гессенское курфюршество и герцогство Насаусское, дѣйствовали въ предѣлахъ законности.

Прусія однако взглянула на это съ другой точки зрѣнія и, заставивъ сама Австрію приготовиться къ войнѣ, и союзный сеймъ обратиться къ рѣшительнымъ мѣрамъ, объявила Германскій Союзъ расторгнутымъ по отношенію къ Прусіи. Такая политика очень понятна: еще съ 29 мая (10 іюня), Прусія стала предлагать германскимъ правительствомъ свой проектъ конституціонной реформы Союза, — проектъ, который требовалъ исключенія Австріи изъ Германскаго Союза, и не имѣя возможности представить въ подтвержденіе такого требованія никакихъ законныхъ доводовъ, берлинскій кабинетъ заявилъ, что Прусія выдѣляется изъ Союза. Такимъ образомъ, Прусія, неуспѣвшей достигнуть своей цѣли, не оставалось ничего болѣе, какъ исполнить свою угрозу, объявивъ, что Германскій Союзъ расторгнутъ и что, поэтому, и Австрія и Прусія получили теперь, по своимъ взаимнымъ отношеніямъ, полную свободу дѣйствій внѣ союзной конституціи, и потому могутъ перевѣдаться оружіемъ, безъ всякаго вмѣшательства германскихъ державъ, которыя остаются уже чуждыми и Австріи и Прусіи.

Впрочемъ, фактически Германскій Союзъ распался самъ собою, вслѣдствіе раздѣленія союзныхъ государствъ на австрійскую и прусскую сторону. Въ засѣданіи союзнаго сейма, происходившемъ 2-го (14-го) іюня, одинъ только Виртембергъ подалъ голосъ совершенно въ австрійскомъ смыслѣ, тогда какъ прочія государства, требуя мобилизаціи федеральныхъ контингентовъ, не признали однако доводовъ Австріи на счетъ необходимости этой мѣры, тѣмъ не менѣе однако они приняли сторону вѣнскаго кабинета. Другія государства, подавшія голосъ противъ Австріи, образовали изъ себя меньшинство, состоявшее только изъ 6 голосовъ. Прусія же не подала вовсе голоса, объявивъ предложеніе Австріи противнымъ союзному праву.

Несмотря однако на образъ дѣйствій Прусіи въ отношеніи къ Германскому Союзу, она все-таки старается явиться защитницею общихъ нѣмецкихъ интересовъ, такъ-какъ прусское правительство въ официальномъ своемъ воззваніи къ Германіи, объявляетъ, что предпринимаемая Прусіею война имѣетъ цѣлью «національное развитіе Германіи». Съ своей стороны и Австрія не хочетъ въ этомъ отношеніи отстать отъ своей соперницы, и

въ манифестѣ императора Франца-Иосифа, объявляющемъ о войнѣ съ Прусіей, сказано: «Насъ принудили взяться за оружіе, и мы не должны положить его, не обезпечивъ Германію ея внутренняго развитія и не укрѣпивъ ея положенія въ Европѣ». Такимъ образомъ оказывается, что обѣ первенствующія германскія державы принимаютъ слишкомъ близко къ сердцу интересы общаго нѣмецкаго отечества, такъ что Германіи остается только подумать о томъ, которая изъ нихъ съ большею добросовѣстностію и съ бѣльшимъ успѣхомъ можетъ исполнить принятую на себя обязанность.

Хотя разрывъ Германіи на двѣ партіи, австрійскую и прусскую, показывается довольно наглядно, какъ принимаетъ она заявленія вѣнскаго и берлинскаго кабинетовъ, тѣмъ не менѣе, однако, степень тяготѣнія германскихъ державъ къ Австріи и Прусіи обуславливается еще особыми обстоятельствами. Повидимому, въ этомъ случаѣ болѣе сильныя симпатіи нѣмецкихъ государствъ должны бы склониться на сторону Прусіи. Прусія можетъ считаться чисто-германскою державою, между тѣмъ какъ въ Австріи, въ силу этнографическаго состава Австрійской имперіи, нѣмецкій элементъ преобладаетъ только искусственно. Замѣчательная личность своего времени, императоръ Іосифъ II, не считалъ вовсе Австрію нѣмецкою державою, даже и тогда, когда владѣтели ея носили титулъ нѣмецкаго императора, и намѣревался переимѣнить этотъ титулъ на титулъ императора славянскаго. Притомъ, положеніе Австріи, по ея отношеніямъ къ Италіи, было всегда весьма шатко, такъ что скорѣе Австрія должна была, будучи членомъ Германскаго Союза, рассчитывать на поддержку со стороны послѣдняго и не могла быть сильною его защитницею, не нарушая во многихъ случаяхъ своихъ собственныхъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи положеніе Прусіи гораздо благопріятнѣе и пущенный, въ 1848 и 1849 годахъ, въ ходъ проектъ о предоставленіи нѣмецко-императорской короны гогенцоллернскому дому показываетъ, какъ въ то время смотрѣли въ Германіи на значеніе Прусіи среди германскихъ державъ. Безошибочно можно сказать, что и въ настоящую пору перевѣсъ политическихъ симпатій въ Германіи оставался бы на сторонѣ Прусіи, еслибы образъ дѣйствій графа Бисмарка не раздражалъ многія германскія державы и не возбуждалъ бы въ нихъ подвѣрженія на счетъ дальнѣйшихъ замысловъ Прусіи. Благодаря этому обстоятельству, Прусія потеряла то значеніе, которое она могла бы получить, становясь во главѣ національнаго германскаго единства.

Въ самыхъ мелочахъ очень ясно проглядываютъ присоединительныя виды и самовластные распоряженія берлинскаго кабинета противъ воли Германіи, и высказывается его раздраженіе противъ тѣхъ германскихъ державъ, которыя склоняются на сторону Австріи. Такъ, прусско-министерскій органъ «Сѣверо-Германская Всеобщая Газета», объявляя, что она уничтожаетъ существовавшій

въ ней прежде отдѣлъ «шлезвиг-голштинскія дѣла», и что она будетъ помѣщать извѣстія изъ пріальбскихъ герцогствъ подъ рубрикою «Прусія». Очевидно, что министерскій органъ хочетъ этимъ заявить, что королевское правительство считаетъ присоединеніе герцогствъ дѣломъ оконченнымъ. Та же газета не признаетъ уже существованіе Германскаго Союза, заявляя, что извѣстія, получаемыя изъ этого Союза, будутъ помѣщаемы подъ рубрикою «центральныя европейскія государства». Изъ этого видно, что берлинскій кабинетъ, вмѣсто того, чтобы заботиться объ уменьшеніи того раздраженія, которое произведено имъ въ Германіи, вслѣдствіе самовольныхъ распоряженій пруссаковъ въ герцогствахъ, и вслѣдствіе его отношеній къ нѣмецкому союзу, старается, напротивъ, усилить это раздраженіе, и высказать полное пренебреженіе къ требованіямъ своихъ противниковъ. Въ виду этого, нельзя не предполагать, что въ случаяхъ болѣе важныхъ, берлинскій кабинетъ будетъ дѣйствовать еще съ болѣею рѣшительностію для осуществленія политическихъ плановъ графа Бисмарка, дѣлъ которыхъ заключается въ приобрѣтеніи диктатуры надъ цѣлою Германіей, и которые такимъ образомъ угрожаютъ этой странѣ не покровительствомъ, но пораженіемъ со стороны Прусіи.

Изъ приведенныхъ выше заявленій, сдѣланныхъ обѣими враждующими между собою державами, то-есть Прусіей и Австріей, становится очевиднымъ, что борьба начинается теперь не только за право владѣнія пріальбскими герцогствами, но и за политическое преобладаніе въ Германіи. Прусія предприняла наступательное движеніе противъ такихъ нѣмецкихъ державъ, въ которыхъ она встрѣтила самое сильное противодѣйствіе планамъ графа Бисмарка. Притомъ, движеніе прусскихъ войскъ на Саксонію и ГанOVERь имѣетъ важное стратегическое значеніе. Пруссаки поспѣшили занять Саксонію потому, что она должна будетъ сдѣлаться главнымъ мѣстомъ военныхъ дѣйствій. Утвердившись въ Саксоніи, пруссаки будутъ имѣть возможность разобщить федеральныя контингенты, не допуская ихъ сосредоточиться въ одномъ пунктѣ для того, чтобы они могли общими силами дать отпоръ прусской арміи.

Что же касается ГанOVERскаго королевства, то занятіе его обезпечиваетъ для Прусіи господство ея въ пріальбскихъ герцогствахъ, не говоря уже о томъ, что вообще для Прусіи, стремящейся стать въ ряду морскихъ державъ, весьма важно занятіе этой мѣстности, такъ-какъ ГанOVERь, по своему географическому положенію, одинъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ державъ можетъ имѣть флотъ на Нѣмецкомъ морѣ.

Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, нельзя не придти въ тому заключенію, что въ настоящій моментъ Прусія относительно способностей ведения войны поставлена въ болѣе благопріятныя условія, нежели Австрія, тѣмъ болѣе, что этой послѣдней приходится еще отражать нападеніе со стороны Италіи. Невозможно предвидѣть буду-

щихъ превратностей военнаго счастья, однакожь мы такъ привыкли вѣрить въ живучесть и необходимость Австрія для европейскаго равновѣсія, что не хотимъ отчаяваться за судьбу ея и въ настоящемъ случаѣ. Намъ кажется, если она и уступитъ, то скорѣе Италія, чѣмъ Пруссія. Недаромъ она сосредоточила всѣ силы на сѣверѣ.

При настоящемъ, тревожномъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, общественное мнѣніе весьма сильно было заинтересовано вопросомъ о томъ, въ какое положеніе станетъ Франція относительно державъ, готовыхъ каждую минуту разрѣшить ихъ распрю силою оружія. Хотя императоръ Наполеонъ и твердилъ о нейтралитетѣ Франціи и, повидимому, сильно заботился о составленіи конгресса для предотвращенія военныхъ столкновеній, но ко всему этому питали весьма слабое довѣріе. Оксерская рѣчь императора, направленная противъ политическихъ порядковъ, установленныхъ въ Европѣ трактатами 1815 года, произвела, какъ мы уже говорили объ этомъ, сильную тревогу. Ей, впрочемъ, придали такое значеніе, какое она не могла имѣть въ дѣйствительности, потому что трактаты 1815 года давно уже потеряли въ практикѣ свою обязательную силу. Рѣчь эту нельзя было считать какою-то политической програмою императора Наполеона, тѣмъ болѣе, что онъ еще и прежде отзывался въ такомъ же смыслѣ о порядкахъ, возникшихъ въ Европѣ послѣ паденія первой французской имперіи.

Какъ бы то ни было, оксерская рѣчь служила въѣкоторое время главнымъ источникомъ догадокъ на счетъ будущей политики императора французовъ. Въ настоящее время мѣсто этой рѣчи вступило письмо императора Наполеона къ министру иностранныхъ дѣлъ, г. Друэну-де-Люи. Письмо это можетъ получить значеніе политической исповѣди императора Наполеона, впрочемъ, такой исповѣди, въ искренности которой не только можно сомнѣваться, но и которая въ одно и то же время можетъ быть истолкована какъ желаніе Франціи сохранить при настоящихъ обстоятельствахъ строгій нейтралитетъ, и какъ намѣреніе оказать самое энергическое вмѣшательство.

Въ письмѣ этомъ императоръ Наполеонъ говоритъ своему министру, что ему было поручено объявить на предполагаемомъ конгрессѣ отъ имени императора, что его величество отвергаетъ всякую мысль о расширеніи предѣловъ Франціи до тѣхъ поръ, пока европейское равновѣсіе не будетъ нарушено. Дѣйствительно, сказано въ письмѣ, мы могли помышлять о расширеніи нашихъ предѣловъ лишь въ такомъ случаѣ, еслибы вздумали измѣнить карту Европы въ исключительную пользу одной великой державы и еслибъ сосѣднія области выразили желаніе быть присоединенными въ Франціи. Затѣмъ императоръ заявляетъ, что

внѣ этихъ условій онъ считаетъ болѣе сообразнымъ съ достоинствомъ Франціи предпочесть территоріальнымъ приобрѣтеніямъ драгоцѣнное преимущество оставаться въ добромъ согласіи съ сосѣдами и уважать ихъ независимость и національность. Въ этому онъ прибавляетъ, что соглашеніе, состоявшееся между нейтральными державами, остается единственнымъ залогомъ для безопасности Европы.

Нельзя не остановиться надъ этими вступительными строками императорскаго письма и не замѣтить, что если даже при предполагаемомъ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ на конгрессѣ миролюбивымъ образомъ императоръ могъ предвидѣть передѣлки въ вартѣ Европы, то тѣмъ болѣе онъ долженъ предвидѣть ихъ, когда территоріальныя права трехъ главныхъ европейскихъ державъ, Пруссіи, Австріи и Италіи предоставлены теперь случайностямъ войны. При настоящихъ столкновеніяхъ могутъ произойти такія неожиданныя передѣлки на картѣ Европы, какія никогда не были бы допущены на конгрессѣ. Теперь болѣе чѣмъ когда нибудь предстоятъ такія событія, которыя должны заставить Францію выйти изъ нейтральнаго положенія, еслибы даже она чистосердечно желала сохранить его.

Возникшая въ Европѣ распря произошла, по мнѣнію императора Наполеона, вслѣдствіе трехъ причинъ, а именно: дурно-опредѣленныхъ географическихъ границъ Пруссіи, стремленія Германіи къ политическому преобразованію, которое соответствовало бы ея общимъ потребностямъ, и необходимости для Италіи упрочить національную ея независимость. Всѣ эти причины, какъ мы полагаемъ, имѣютъ весьма важное значеніе для Франціи, и умолчаніе о такомъ ихъ значеніи со стороны императора французовъ, необходимо должно вызвать различныя коментаріи. Такъ, подъ дурно-опредѣленными границами Пруссіи можно подразумѣвать ея прирейнскую границу; подъ стремленіями Германіи, соответствующими ея общимъ потребностямъ — образованіе такого союза, какой существовалъ во время первой имперіи подъ протекторатомъ Франціи, и наконецъ, при вопросѣ объ упроченіи италіанской національной независимости, нельзя миновать и римскій вопросъ, столь близкій императорской политикѣ. Короче, во всѣхъ причинахъ, вызвавшихъ, съ точки зрѣнія императора Наполеона, настоящія событія, весьма чувствительно затрогиваются интересы Франціи, такъ что у нея есть много поводовъ для того, чтобъ выйти изъ нейтральнаго положенія.

Желанія императора Наполеона, если только письму его можно придать полную вѣру, заключаются въ слѣдующемъ. Мы желали бы, говоритъ онъ, для второстепенныхъ государствъ Германскаго Союза болѣе тѣснаго единства, болѣе сильной организациі, болѣе важной роли, для Пруссіи большаго единства и силы на сѣверѣ, для Австріи сохраненія вліятельнаго ея положенія въ Германіи. Мы желали бы — продолжаетъ императоръ — кромѣ того, чтобъ Австрія могла за приличное вознагражденіе уступить Ита-

ли Венеціанскую область, потому что если Австрія, во имя германской національности, вела вмѣстѣ съ Пруссіей войну противъ Давіи, не соображаясь съ договоромъ 1852 года, то, какъ замѣчаетъ весьма вѣрно императоръ Наполеонъ, справедливость требуетъ, чтобы и Австрія признала тотъ же принципъ въ Италіи, довершеніемъ независимости полуострова.

Всѣ эти желанія, повидимому, весьма благонамѣренныя и вполне безкорыстныя, требуютъ однако нѣкоторыхъ поясненій. Что касается желанной будущности для Германскаго Союза, то трудно повѣрять, чтобы Франція могла желать ему болѣе тѣснаго единства и болѣе сильной организаціи и болѣе важной роли вообще, а тѣмъ болѣе, чтобы при этихъ условіяхъ сохранилось вліятельное положеніе Австріи на Германію. Желаніе Пруссіи силы на сѣверѣ имѣетъ, какъ вѣдется, особый, весьма важный смыслъ. Желаніе это скорѣе и легче всего объясняется желаніемъ самого императора, чтобы господство Пруссіи окончательно упрочилось въ приальпскихъ герцогствахъ, такъ-какъ только при этомъ условіи Пруссія можетъ получить на сѣверѣ большую силу, конечно, если только не предполагать при этомъ какиъ-нибудь особенныхъ плановъ со стороны императора на счетъ территориальныхъ усиленій Пруссіи другими способами. Между тѣмъ, съ утвержденіемъ Пруссіи въ герцогствахъ можетъ быть легко соединенъ вопросъ объ уступкѣ ею ея прирейнскихъ областей въ пользу Франціи. Наконецъ, желаніе императора на счетъ уступки Австріей Италіи Венеціанской Области съ приличнымъ вознагражденіемъ возбуждаетъ вопросъ, какой именно родъ вознагражденія предполагается въ этомъ случаѣ? Вознагражденіе можетъ быть или денежное, или территориальное. Вознагражденіе послѣдняго рода, конечно, и болѣе прилично и болѣе соответственно характеру той уступки, на которую вызывается въ настоящемъ случаѣ Австрія, но на чей счетъ должно быть сдѣлано такое вознагражденіе? Вообще можно сказать, что и письмо императора Наполеона, какъ политическая его програма, содержитъ ясныя намеки на необходимость территориальныхъ передѣлокъ въ Европѣ.

Въ виду этого, трудно повѣрять искренности сдѣланнаго въ томъ же письмѣ императора заявленія, что въ борьбѣ, которая готова вспыхнуть передъ Франціей, только два исключительные интереса: поддержаніе европейскаго равновѣсія и того дѣла, которому она способствовала въ Италіи.

Система нынѣшняго политическаго равновѣсія въ Европѣ основана на трактатахъ 1815 года; она установилась на томъ положеніи, какое, въ силу этихъ трактатовъ, заняли Франція, Англія, Австрія, Пруссія и Россія, какъ первоклассныя державы, и была обусловлена положеніемъ второстепенныхъ державъ. Между тѣмъ, равновѣсіе это нарушено: присоединеніемъ къ Франціи Ницы и Савойи, отдачею Греціи Англіею Ионическихъ Острововъ, завоеваніемъ приальпскихъ герцогствъ, отдѣленіемъ Бельгіи отъ Голландіи, учрежденіемъ новаго порядка въ Придунайскихъ кня-

жествахъ и образованіемъ Королевства Итальянскаго, занявшаго мѣсто въ ряду первоклассныхъ европейскихъ державъ. О поддержаніи же какого равновѣсія Францію говоритъ императоръ Наполеонъ въ письмѣ къ своему министру? Очень понятно, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о равновѣсіи, установленномъ трактатами 1815 года, такъ-какъ императоръ, не стѣсняясь нисколько, заявляетъ, что онъ презираетъ эти трактаты. Не можетъ быть также здѣсь рѣчи и о сохраненіи равновѣсія при нынѣшнихъ территоріальныхъ условіяхъ, такъ-какъ именно эти условія и вызываютъ настоящіе столкновенія. Поддерживать нынѣшнее равновѣсіе въ Европѣ, значитъ, поддерживать причины постоянныхъ столкновеній. Слѣдовательно, императору Наполеону остается только создать новую, свою собственную систему политическаго равновѣсія въ Европѣ, но именно эта система и должна усилить еще болѣе происшедшія уже столкновенія, и притомъ заставить Францію выдти изъ нейтральнаго положенія, и принять самое дѣятельное и самое рѣшительное участіе во всѣхъ политическихъ вопросахъ, волнующихъ нынѣ Европу.

Письмо императора Наполеона оканчивается выраженіемъ увѣренности, что ни одинъ изъ вопросовъ, касающихся Франціи, не будетъ рѣшенъ безъ ея согласія. Будемъ же—сказано въ концѣ письма—соблюдать внимательный нейтралитетъ, который дѣлается силенъ нашимъ безкорыстіемъ, такъ-какъ мы проникнуты искреннимъ желаніемъ, чтобъ европейскіе народы забыли свои раздоры и соединились между собою для успѣховъ цивилизаціи, свободы и прогресса.

Нельзя не обратить вниманія и на то еще обстоятельство, что императоръ Наполеонъ обходитъ въ письмѣ своемъ румынскій вопросъ, а между тѣмъ дѣла въ придунайскихъ княжествахъ возбуждаютъ также основательныя опасенія.

Отказъ графа Фландрскаго отъ предложенной ему румынской короны не уничтожилъ въ румынахъ надежды видѣть на румынскомъ престолѣ иностраннаго принца, а слѣдовательно и надѣяться, что виѣсть съ избраніемъ такого лица Молдавія и Валахія, освободясь отъ турецкаго вассальства, воспользуются полною политическою самостоятельностью. Такія надежды румыновъ весьма ясно высказались въ рѣчи г. Катарджи, произнесенной имъ при торжественномъ открытіи намѣстничества во имя вновь избраннаго господара. Соединеніе княжествъ—сказалъ г. Катарджи—есть могучій и краснорѣчивый фактъ, входящій нынѣ въ область международнаго права. Мысль возвести на тронъ наследственнаго князя, принадлежащаго къ владѣтельнымъ домамъ Европы, служить виѣсть съ тѣмъ выраженіемъ стремленія въ братству между румынами, къ національному единству и усиленію румын-

ской нации; мысль эта образуетъ вѣрнѣйшую ограду противъ возвращенія тѣхъ превратностей судьбы, какимъ мы подверглись въ недавнее время.

Такому взгляду румыновъ на избраніе въ господари принца Карла гогенцоллернскаго противорѣчить однако декларація, изданная собравшимися на парижскую конференцію уполномоченными державами, гарантировавшими устройство придунайскихъ княжествъ на новыхъ основаніяхъ. Въ этой деклараціи объявляется, что избраніе иностраннаго принца нарушило конвенцію 19-го августа 1858 года, такъ какъ избраніе господаря предоставлено исключительно палатѣ депутатовъ, а не временному правительству. Вслѣдствіе этого, декларація требуетъ, чтобъ избраніе господаря было произведено представителями страны, съ тѣмъ однако, что въ случаѣ, если большинство молдавскихъ или валахскихъ депутатовъ выскажется противъ соединенія княжествъ подъ властію одного общаго господаря, то результатомъ такого факта должно быть немедленное распаденіе румынскаго союза. Только по разрѣшеніи этого вопроса, декларація предоставляетъ румынамъ право приступить къ избранію господаря, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы этотъ выборъ былъ произведенъ на точномъ основаніи 13 параграфа упомянутой конвенціи, т.-е. что выборъ непременно долженъ пасть на лицо туземнаго происхожденія и, слѣдовательно, званіе господаря никакъ не можетъ быть предоставлено иностранному принцу.

Несмотря, однако, на такое положительное заявленіе конференціи, собраніе румынскихъ представителей провозгласило господаремъ принца Карла гогенцоллернскаго, и тѣмъ самымъ утвердило соединеніе княжествъ подъ властію наследственнаго государя. Въ палатѣ депутатовъ было объявлено, что она, извѣстившись о рѣшеніи, постановленномъ конференціею, поставило не принимать это рѣшеніе въ соображеніе и образовать изъ себя одно, общее для обоихъ княжествъ, національное собраніе вмѣсто двухъ—одного молдавскаго, а другаго валахскаго. При такомъ условіи, новое избраніе принца Карла обошлось безъ всякихъ затрудненій и палата, чтобъ удовлетворить требованію деклараціи, постановила предоставить отцу избраннаго ею господаря званіе и права молдаво-валахскаго уроженца. Само собою разумѣется, что эта, можно сказать, ребяческая уловка не подходитъ нисколько къ условіямъ, насчетъ избранія господаря, постановленнымъ въ конвенціи 19 августа 1858 года, такъ что въ сущности декларація парижской конференціи скорѣе вызвала насмѣшку, а не вниманіе со стороны національнаго румынскаго собранія.

Послѣ такого вторичнаго избранія, принцъ Карлъ отправился въ свои владѣнія и, разумѣется, былъ тамъ встрѣченъ изъявленіемъ шумнаго восторга. Между тѣмъ, члены конференціи единогласно протестовали противъ его избранія, какъ противъ нарушенія трактата 1856 и конвенціи 1858 годовъ. Въ то же вре-

ма, представители покровительствующих княжествамъ державъ возражали противъ заявленнаго турецкимъ правительствомъ намѣренія—принять на себя исполненіе условій парижскаго трактата, касающагося придунайскихъ княжествъ. Въ этомъ случаѣ, представители упомянутыхъ державъ находили, что исполненіе этихъ условій должно быть предоставлено не Турціи и не въ отдѣльности одной изъ державъ, подписавшихъ трактатъ 1856 года и конвенцію 1858 года, но что оно должно основываться на взаимномъ согласіи покровительствующихъ державъ и имѣть характеръ коллективной мѣры. Между тѣмъ, Турція съ своей стороны готовится къ поддержкѣ своихъ верховныхъ правъ надъ румынскимъ народомъ силою оружія, но, безъ всякаго сомнѣнія, занятіе княжествъ турками усложнитъ еще болѣе положеніе дѣлъ въ румынскихъ княжествахъ. Покровительствующія имъ державы не могутъ допустить вмѣшательства Турціи, безъ совмѣстнаго съ ихъ стороны участія, но тогда неизбежно возникаетъ вопросъ о томъ, которой изъ державъ должно будетъ поручить это дѣло, а также и о томъ, къ какимъ результатамъ должно будетъ привести военное занятіе княжествъ? Румыны въ свою очередь готовятся къ отраженію турецкаго нашествія, о чемъ и заявило правительство князя Карла иностраннымъ консуламъ, находящимся въ Бухарестѣ.

Такимъ образомъ, кромѣ войны, начавшейся уже въ центрѣ Европы, возникаютъ еще весьма серьезныя опасенія на Дунаѣ. Само собою разумѣется, что дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ придунайскихъ княжествахъ весьма много обусловится исходомъ настоящей войны. До тѣхъ же поръ вопросъ о придунайскихъ княжествахъ будетъ, по всей вѣроятности, стоять на второмъ планѣ, если только какія-либо чрезвычайныя событія не ускорятъ его развязки.

МЫСЛИ МИШЕЛЯ ШЕВАЛЬЕ О НАЧАВШЕЙСЯ ВОЙНѢ.

Извѣстный поборникъ началъ свободной торговли, Мишель Шевалье, ужасаясь послѣдствій предстоявшей и теперь объявленной уже войны, которой суждено, можетъ быть, охватить всю Европу, не захотѣлъ остаться въ толпѣ безмолвныхъ зрителей этой драмы и подалъ голосъ въ пользу мира. Обозрѣвъ причины международной распри, онъ подвергъ серьезному анализу финансовое положеніе двухъ державъ, готовыхъ ринуться другъ на друга, и заключилъ свои соображенія гипотезою о возможности обезпечить на будущее время мирную жизнь европейскихъ народовъ преобразованиемъ существующаго порядка, установленнаго вѣнскимъ конгрессомъ. Статья его «La guerre et la crise européenne» напечатана въ юньской книгѣ «Revue de deux Mondes», и такъ какъ она касается существенныхъ сторонъ чрезвычайно важнаго

вопроса, обращающаго на себя въ настоящую минуту вниманіе всего цивилизованнаго міра, то мы спѣшимъ сообщить ее въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, не сомнѣваясь, что высказанныя здѣсь мысли могутъ пояснить будущія подробности готоваго совершиться событія.

Авторъ, припомнивъ ужасъ ломбардскаго короля Дидіера, котораго, увидавъ со стѣнъ Павіи закованную въ латы армию Карла Великаго, воскликнулъ: «Желѣзо, желѣзо — Боже праведный, сколько желѣза!» обращается мысленно къ картинѣ, развивающейся въ настоящую минуту на берегахъ Минчіо. Они покрыты итальянскимъ и австрійскимъ войскомъ. Германія также вооружилась. Въ ея предѣлахъ движутся такія громадныя полчища, какихъ не видали ни Саксонія, ни даже Франція въ послѣдніе годы царствованія Наполеона I. Какъ же, при видѣ столь грознаго зрѣлища, не повторить словъ несчастнаго короля Ломбардіи: «Ferrum, ferrum! eheu ferrum!»

Мишель Шевалье, рассказавъ въ короткихъ словахъ извѣстный уже всѣмъ ходъ распри между Австріей и Пруссіей, которая поссорилась за обладаніе добычею, ими же отнятой у несчастной Даніи, говоритъ, что это пробужденіе воинственнаго духа и эти страшныя полчища, составленныя, по словамъ Times, почти изъ двухъ миліоновъ человекъ, приводятъ въ горестное недоумѣніе друзей прогресса. Они были увѣрены и хотѣли увѣрить другихъ, что мирное настроеніе цивилизованныхъ народовъ съ каждымъ днемъ становится прочнѣе, что война все болѣе и болѣе начинаетъ признаваться варварствомъ и безуміемъ. Очень многіе льстили себя надеждою, что воинственныя страсти положительно обузданы, и что признанный принципъ свободной торговли сталъ для нихъ неодолимою преградой. Люди, нисколько нелишенные способности разсуждать логично, думали, что эти торговыя связи довольно сильны для того, чтобы сдѣлать войну почти невозможною. Полагали, что народы, ставши властелинами своей собственной судьбы, начали теперь размышлять и разсчитывать, что они ясно поняли солидарность своихъ взаимныхъ интересовъ, которая доставляетъ имъ постоянныя выгоды. Какимъ же образомъ согласились бы нація вѣзаться при такихъ условіяхъ за оружіе, когда не побуждаютъ ихъ къ тому самыя уважительныя причины, какъ, наприимѣръ, защита своей независимости, чести, или территоріи?

Надобно замѣтить, что классы, наиболѣе представляющіе демократію въ европейскомъ обществѣ, сочувствуютъ преимущественно идеямъ мирнаго прогресса. До сихъ поръ патриотизмъ ихъ былъ слишкомъ пылокъ и мраченъ, несмотря на всю его возвышенность. вмѣстѣ съ развитіемъ въ средѣ ихъ цивилизаціи, они смягчили и умѣрили свои порывы. Но все же люди низшихъ классовъ менѣе средняго сословія способны сносить оскорбленія иностранной державы и воздерживаться отъ воздаянія зломъ за зло. Вообще они охотнѣе жертвуютъ и жизнью своей,

и послѣдними деньгами, когда надобно спасать отечество отъ опасности, или мстить врагамъ за обиду. Во Франціи стоило бы только топнуть ногою въ подобномъ случаѣ, и язъ земли въ тотъ же мигъ вышло бы несметное количество ремесленниковъ и крестьянъ, которые немедленно посѣщали бы къ границѣ. Но въ настоящее время мастеровой народъ и крестьяне утратили уже тамъ охоту къ нападенію на чужое государство. Они не хотятъ уже, чтобы ихъ считали мишенью, годною для пушечныхъ выстрѣловъ, и посылали на бойню для исполненія честолюбивыхъ замысловъ. Нечего ждать отъ нихъ, чтобы они сказали: «Morturi te salutant», по крайней-мѣрѣ, пока безопасность или достоинство Франціи не требуютъ отъ нихъ великихъ жертвъ. Вся Западная Европа настроена теперь на тотъ же ладъ. Ея рабочіе классы понимаютъ цѣну мира, благословляютъ его, какъ орудіе ихъ прогресса, какъ защиту дорогой для нихъ народной свободы, какъ благодѣтельнаго генія, подъ крыломъ котораго могутъ они, при помощи энергическихъ усилій, приобрести свою долю въ матеріальныхъ и нравственныхъ благахъ цивилизаціи. Небезызвѣстно имъ также, что бремя войны падаетъ на нихъ преимущественно. Хотя и не слишкомъ заботились познакомить ихъ съ исторіею, однакоже въ средѣ этихъ людей не заглохло преданіе о томъ упадкѣ народныхъ силъ и сграшной бѣдности, до которыхъ была доведена Франція войнами Лудовика XIV. Они знаютъ, что это зло, поглощая капиталы, иссушающъ источникъ труда, необходимаго для ихъ существованія, ослабляетъ начала народнаго благосостоянія, отъ котораго зависить ихъ собственное счастье, и разрушаетъ самыя основы общественныхъ улучшеній, надежда на которыя поддерживаетъ и одушевляетъ ихъ. На войну смотрять они какъ на бѣдствіе, и считаютъ долгомъ только въ томъ случаѣ не уклоняться отъ нея, когда можетъ она спасти великій и цивилизованный народъ отъ большаго сравнительно съ нею зла, отъ потери чести, или независимости.

И такъ, не разливъ народныхъ страстей влечетъ теперь Европу къ войнѣ, какой не было съ 1815 г., потому что она скоро втянетъ въ свой омутъ всѣ государства. Это уже не воинственныя причуды прежней аристократіи — она совершенно утратила свое преобладающее вліяніе на общественныя дѣла. И не заблужденіе политическихъ писателей и ораторовъ — публицисты, любимые публикою, и ораторы, которыхъ внимательно слушаетъ она, не отличаются особенной симпатіею къ войнѣ. Они рисуютъ ее очень непривлекательно. Движеніе это изшло также не изъ военнаго круга, который искалъ бы случая удовлетворить порывамъ личнаго, или сословнаго честолюбія, рассчитывая на частныя повишенія, или на первенствующую роль въ государствѣ. Теперь нѣтъ уже въ Европѣ преторіанцевъ, капризъ которыхъ былъ бы закономъ для государей. О представителяхъ промышленности и торговли и говорить нечего — это извѣстные друзья мира. Главная черта современнаго положенія — чего никакъ не должно те-

рять изъ виду — заключается въ томъ, что ни одной державѣ не сдѣлано такого вреда или оскорбленія, которые заставляли бы ее взяться за оружіе.

Правительства, слѣдуя установленному порядку, издають передъ объявленіемъ войны манифесты, въ которыхъ излагають причины, повудившія ихъ рѣшиться на эту крайнюю мѣру. Они поступаютъ весьма рационально, признавая обязанностью сообщать эти объясненія цивилизованному міру. Но какъ же оправдаютъ свое воинственное предпріятіе Италия и Прусія? О третьей державѣ, объ Австріи, говорить нечего, потому что нападеніе произойдетъ не съ ея стороны. Хотя она и не прочь отъ войны, однако все-таки не желаетъ ея. Не скажетъ ли Прусія, что она была вызвана Австріею? Но вѣдѣнней политикою Пруссій распоряжается великое и просвѣщенное правительство, которому всѣ вѣнценосцы, царствовавшіе въ Берлинѣ съ начала этого столѣтія, оставили въ наслѣдство преданія высшей честности. Однакоже, какъ скоро заговорить оно такимъ языкомъ, ему рѣшительно никто не повѣритъ. Въ лучшемъ ли положеніи находится по этому вопросу Италия? Она объявляетъ притязанія на Венецію. Но надобно углубиться въ исторію до временъ римской имперіи, чтобы найти сліяніе Венеціи съ Италіею подъ властью одного вѣнценосца. Конечно, уничтожить независимость Венеціи и вручивъ верховную власть надъ нею германской державѣ, въ 1797 г. сдѣлали ошибку. Безспорно, что Венеція своимъ благороднымъ положеніемъ въ 1848 г. приобрѣла общее сочувствіе либеральныхъ умовъ Европы и всего міра. Нельзя не желать также, чтобы Венеція освободилась отъ ига, которое столько же тягостно для нея, какъ неудобно и для Австріи. Наконецъ очень вѣроятно, что еслибы венеціанцамъ предоставлено было право распорядиться своей судьбою, то возстановленію прежней независимости они предпочли бы теперь соединеніе съ итальянскимъ королевствомъ. Но однако слѣдуетъ ли изъ всего этого, чтобы Викторъ-Эммануиль былъ правъ, утверждая, что онъ оскорбленъ и ограбленъ, потому что не хотять отдать ему Венецію? На чемъ основанъ онъ свое мнیمое право присвоивать чужюю собственность силою оружія? Еслибы такой способъ приобретенія былъ признанъ законнымъ, то Европа возвратилась бы, конечно, къ обычаямъ варварскихъ временъ.

Итальянцы говорятъ, что вооруженный миръ тягостенъ и разорителенъ для насъ. Но война разоритъ ихъ еще больше. Имѣють ли они средства вести ее? Въ мужествѣ и дисциплинѣ у нихъ не было бы, конечно, недостатка. Но для войны необходимы матеріальныя средства, а итальянцы стали очень плохими финансистами съ тѣхъ поръ, какъ соединились они въ одинъ народъ. Они не могутъ устроить своего бюджета. Дефицитъ слѣдуетъ у нихъ за дефицитомъ. Тогда-какъ самые опытные умы въ финансовомъ мірѣ говорятъ единогласно, что заемъ должно имѣть въ виду на случай войны, Италия, напротивъ, сдѣ-

дала огромные вѣшніе займы въ мирное время, преимущественно во Франціи, у небольшихъ парижскихъ капиталистовъ, которые, къ несчастію, отдали ей свои сбереженія. У итальянцевъ рѣшительно не достало духу увеличить налоги до общей цифры своихъ расходовъ, или сократить расходы и привести ихъ въ уровень съ доходами. Надобно замѣтить, что министры финансовъ Селла и Шалоя представляли на видъ своимъ соотечественникамъ дурныя слѣдствія этихъ займовъ, но добрые совѣты ихъ не обратили на себя должнаго вниманія. Итальянцы, увлекаясь воспоминаніями, хотѣли соперничать съ своими предками. Римскій сенатъ послѣ сраженія при Каннахъ продалъ съ публичнаго торга поле, на которомъ стоялъ лагерь Анибала; они же, напротивъ, думаютъ удивить міръ великолѣпнымъ примѣромъ патріотической гордости, требуя Венеціи и знаменитаго четырехольника, какъ своей собственности. По мнѣнію безпристрастныхъ и опытныхъ людей, Италия испортила свое положеніе. Съ этимъ согласны самыя искренніе друзья ея.

Гдѣ же начало этого страннаго положенія, которое постоянно влечетъ къ войнѣ Европу? Какимъ образомъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, когда свобода сдѣлалась предметомъ обожанія, когда къ числу ея поклонниковъ принадлежитъ такъ много даровитыхъ и преданныхъ ей людей, какимъ образомъ могло случиться, что европейскіе народы, какъ покорное стадо, подчиняются толчву, который бросаетъ ихъ интересы подъ ноги прохожнмъ, компрометируетъ свободу дѣйствій, оскорбляетъ чувства и возстаетъ стѣною передъ ихъ лучшими надеждами? Неужели свобода—не болѣе какъ призракъ, и прогрессъ—оптическая иллюзія?... Нѣтъ! Зрѣлище, при которомъ мы присутствуемъ въ настоящую минуту, не доказываетъ еще, чтобы благородныя стремленія цивилизаціи были основаны на ложныхъ началахъ. Свобода и прогрессъ—не пустыя слова, но могучая и плодотворная реальность. То, что происходитъ теперь, составляетъ одинъ изъ случаевъ, которые такъ свойственны дѣламъ человѣческимъ. Но случай не есть правило. Это—предостереженіе, данное людямъ, для того чтобы они помнили его и умѣли пользоваться имъ. У народовъ существуютъ только такія правительства, какихъ достойны они. Это—общая истина всѣхъ вѣковъ, особенно неопровержимая въ наше время. Надобно только хотѣть, но хотѣть той бдительной, просвѣщенной и могучей волею, которая составляетъ собственность народовъ, истинно достойныхъ свободы.

Желаю вникнуть глубже въ причины ненормальнаго и полнаго опасностей положенія современной Европы, Мишель Шевалье останавливаетъ вниманіе на трактатахъ 1815 г. и говоритъ, какъ истый бонапартистъ, что они представляютъ памятникъ гордости вѣщности, унижательный для народовъ, что на вѣнскомъ конгрессѣ дѣлили народонаселенія, какъ въ Африкѣ дѣлятъ стада послѣ удачнаго набѣга. Сверхъ того, въ эти договоры вошло много статей, продиктованныхъ ненавистью къ Франціи. Она покорила имъ,

пова была слаба; но какъ скоро возвратилась къ ней ея прежняя сила, она протестуетъ противъ обидъ и недовѣрія, стремясь сбросить съ себя все это, какъ несправедливо наложенное на нее иго. Такъ-какъ вѣнскіе трактаты не замѣнены до сихъ поръ другимъ договоромъ, то, слѣдовательно, европейское зданіе не имѣетъ прочнаго фундамента. Оно стоитъ на пескѣ. Сознывая шаткость европейскаго порядка, правительства держатъ на всякій случай огромныя арміи. Отсюда эта система вооруженнаго мира, которая преобладаетъ въ Европѣ и влечетъ ее къ большимъ расходамъ. Такъ, напримѣръ, Франція имѣетъ подъ ружьемъ 400,000 человекъ, тогда какъ при другихъ условіяхъ для нея было бы достаточно половины этой арміи. Если вооруженный миръ продлится на неопредѣленное время, то онъ можетъ произвести вредное вліяніе на самые источники благосостоянія европейскихъ государствъ. Однакоже тутъ нѣтъ еще причины летѣть восторженно на встрѣчу случайностямъ войны, когда не оскорблена честь государства и не сдѣлано вреда ему.

Мишель Шевалье, нисколько не отрицая неудобствъ вооруженнаго мира, доказываетъ однакоже, что онъ выгоднѣе войны. Полагаютъ, что такой миръ стѣсняетъ свободныя движенія европейскихъ націй, какъ ядро, привязанное къ ногамъ преступника. Пусть такъ—говоритъ онъ—но ядро это не до такой же степени неудобно для нихъ, чтобы онѣ не могли двгаться съ нимъ по пути прогресса. Вооруженный миръ таготѣетъ на бюджеты. Но если они находятся вообще въ безпорядкѣ и слишкомъ обременены расходами, то, можетъ быть, это произошло не столько отъ военныхъ учрежденій, сколько отъ желанія каждаго народа способствовать сверхъ своихъ силъ общественнымъ улучшеніямъ, которыми справедливо гордятся нашъ вѣкъ. Хотятъ имѣть всевозможныя пути сообщенія, училища, городскія и сельскія больницы, гавани, снабженныя всѣмъ, что необходимо для широкой торговли. При такихъ желаніяхъ, увлекаясь которыми государства увѣрены, что они плутъ хорошей дорогою, могутъ ли бюджеты ихъ не быть переполнены лишними расходами? Хотя вооруженный миръ и стѣсняетъ стремленіе общества къ возможно большому развитію своего благосостоянія, однакоже онъ не парализируетъ этого стремленія. Никто не станетъ отрицать, чтобы нища, одежда и жилища людей не улучшались постоянно, чтобы научныя знанія не распространялись быстро и общественныя нравы не совершенствовались постепенно. Фарбрики и заводы выростали повсюду одновременно съ училищами. Земледѣліе, справедливо называемое главной промышленностью и бывшее въ застоѣ до нашего времени, увеличило свою производительную силу. Государственные доходы возрасли почти у всѣхъ народовъ, отъ береговъ Таго и Волтурно до Эльбы, Дуная и Волги. Эго самый вѣрный признакъ общественнаго благосостоянія. Видя передъ собою такіе факты, нельзя допустить, чтобы общество рушилось, взнемогая подъ гнетомъ золь. Потому-то и отвергаютъ энерги-

чески мысль, что будто бы доведенные до крайности народы принуждены бросаться въ войну, какъ-бы съ цѣлью заставить судьбу высказаться окончательво.

Что касается матеріальныхъ невзгодъ, причиняемыхъ вооруженнымъ миромъ, то о нихъ нетрудно составить приблизительное понятіе. Волѣ всего возстають противъ чрезмѣрныхъ суммъ, асигнуемыхъ въ бюджетахъ на содержаніе войска. Предположивъ, что вооруженный миръ увеличиваетъ французскую армію на 200,000 человекъ, Мишель Шевалье прибавляетъ къ нормѣ военныхъ расходовъ своей родины въ мирное время около 100 миліоновъ франковъ. Но еслибы приняла Франція участіе въ такой войнѣ, слѣдствіемъ которой были бы территориальныя измѣненія государствъ, то французскому правительству вѣроятно пришлось бы занять полтора миллиарда франковъ, то-есть повторить то, что сдѣлало оно во время крымской войны, и платить ежегодно для погашенія новаго долга по 85 миліоновъ. Этотъ расходъ въ соединеніи со множествомъ другихъ золь, которыя международныя распри влекутъ обыкновенно за собою, доказываетъ, что предпочтеніе случайностей войны расходамъ и другимъ неприятностямъ вооруженнаго мира, было бы очень плохой операціею.

Можетъ быть, скажутъ, что система вооруженнаго мира отрываетъ слишкомъ много рукъ отъ полезныхъ занятій? Но впродолженіе войны французская армія должна бы состоять изъ 600,000 человекъ. Развѣ по окончаніи борьбы солдаты возвратились бы въ своимъ домашнимъ очагамъ, для того, чтобы снова заняться полезной работою? Нѣтъ! Война произвела бы въ ихъ рядахъ страшное опустошеніе. Усовершенствованное въ наше время огнестрѣльное оружіе уничтожаетъ батальоны и цѣлыя полки съ ужасою быстротою. Докторъ Шеню пишетъ, что во время ватерлооской битвы, въ два дня, предшествовавшіе пораженію французовъ, у англичанъ, которымъ приходилось очень плохо, было не болѣе 8,000 раненыхъ, тогда какъ при Сольферино изъ рядовъ французской и сардинской армій выбыло однихъ раненыхъ 16,000, а изъ строя австрійскихъ войскъ—21,000. Болѣзни и утомленіе наносятъ дѣйствующей арміи по крайней мѣрѣ вдвое болѣе вреда, чѣмъ огонь и желѣзо—это доказывается статистикою. Число рукъ, занимающихся обработкою полей и производствомъ мануфактурныхъ издѣлій, вездѣ уменьшается вслѣдъ за войною. Итакъ, если смотрѣть на нее съ этой точки зрѣнія, то оказывается, что она не только не устраняетъ невзгодъ, съ которыми соединенъ вооруженный миръ, но, напротивъ, еще болѣе увеличиваетъ его гибельныя слѣдствія.

Думають еще, что этотъ миръ поддерживаетъ недовѣрчивость и раздраженіе между государствами. Можетъ быть, это и правда, однакоже факты доказываютъ, что впродолженіе хотя бы и вооруженнаго мира, народы не прерываютъ дружественныхъ сношеній между собою даже въ то время, когда правительства ихъ хмурятся другъ на друга. Но какъ скоро всихнетъ война, на-

родныя антипатіи внезапно пробуждаются, овладѣваютъ лучшими людьми, становятся пламенны и непримиримы. Цивилизація теряетъ одно изъ самыхъ величавыхъ началъ своихъ — она перестаетъ содѣйствовать симпатическому сближенію расъ и народовъ.

Въ наше время война сверхъ того мрачнаго и оттапливающего характера, которымъ отличалась она и прежде, имѣетъ другой важный недостатокъ, достойный полнаго вниманія каждаго истинно-государственнаго человѣка: она соединяется съ чрезвычайными издержками, она стала дорога до невѣроятности. Прошло уже то время, когда государство, подобное Франціи, могло бороться съ европейскою коалиціею и покрывать всѣ расходы внутренней администраціи бюджетами отъ 600 миліоновъ до 1 миллиарда 200 или 300 миліоновъ, какъ было это въ періодъ первой французской имперіи. Въ крымскую войну Франція, несмотря на содѣйствіе могучаго союзника, должна была сдѣлать заемъ въ полтора миллиарда, сверхъ увеличенія своего военнаго бюджета возможно высокими налогами. Продолжавшаяся нѣсколько недѣль итальянская кампанія стоила ей около 500 миліоновъ фр., которые тоже были заняты. Междоусобная борьба Соединенныхъ Штатовъ внесла въ долговую книгу сѣверянъ 15 миллиардовъ, независимо отъ весьма значительныхъ пожертвованій частныхъ лицъ и суммъ, прибрѣтенныхъ налогами, которые достигли громадныхъ размѣровъ.

Было бы дерзко опредѣлять заранѣе, во что именно обойдется вѣющимъ державамъ угрожающее теперь Европѣ столкновеніе, но вѣроятно, каждая изъ нихъ потратитъ на него не менѣе миллиарда въ концу года. Является вопросъ: находятся ли Прусія, Австрія и Италія, готовы начать этотъ бой, въ такомъ положеніи, которое давало бы имъ надежду на прибрѣтеніе миллиарда? Отвѣтъ можетъ имѣть утвердительный характеръ только въ отношеніи въ Прусіи. Ея финансы нисколько неразстроены, она пользуется большимъ кредитомъ и могла бы, посредствомъ займа и налога, найти необходимую для нея сумму денегъ. Но что сказать объ Австріи и Италіи? Первая изъ этихъ двухъ державъ употребила большія усилія для приведенія въ порядокъ своихъ финансовъ, и ея похвальныя старанія готовы были увѣнчаться успѣхомъ, но все, въ несчастіе, рушилось. Курсъ бумажныхъ денегъ австрійской имперіи упалъ теперь очень низко. Нормальная цѣна флорина — 2 франка 59 сангимовъ. Бумажный флоринъ стоить теперь около 2 франковъ. Какъ скоро не устраняется причина, понизившихъ курсъ бумажныхъ денегъ, быстро та его паденія постепенно усиливается. Чѣмъ больше выпускаютъ бумагъ, тѣмъ болѣе теряютъ онѣ свою цѣнность, а вмѣстѣ съ ея пониженіемъ, является необходимость большаго ихъ выпуска для пополненія потери, то-есть для прибрѣтенія эквивалента, представляемаго золотой или серебряной монетою. Бумажныя деньги Соединенныхъ Штатовъ, вырожденіе междоусобной распри

американцевъ, держались долго, утративъ одну пятую, или одну четверть нарицательной цѣны своей, но потомъ довольно быстро понизились до половины ея, и еще быстрее на двѣ трети. Если бы южане были въ состояніи продолжать борьбу, то вѣроятно green-backs (зеленые задки) ходили бы на денежномъ рынкѣ въ шесть разъ дешевле номинальной цѣны своей.

Набросавъ крупными чертами картинку обшлаго разстройства въ промышленной дѣятельности и вообще въ жизни народа, на долю котораго выпадаютъ финансовыя невзгоды, Мишель Шевалье думаетъ, что Австрія никакъ не спасется отъ нихъ. Бумажный флоринъ ея въ первые же мѣсяцы войны упадетъ, по его мнѣнію, до 1 франка. Тогда для приобрѣтенія дѣйствительной цѣнности во 100 миліоновъ франковъ, она должна будетъ къ суммѣ обращающихся въ ней бумажныхъ денегъ, прибавить на 259 миліоновъ новыхъ кредитныхъ билетовъ. А что же можетъ быть невыгоднѣе такой операціи для финансовъ государства, и притомъ, на долго ли хватить 100 миліоновъ франковъ, когда идетъ дѣло о средствахъ къ поддержанію большой войны? Правительства, какъ скоро превращаются правильные источники доходовъ, прибѣгаютъ обыкновенно въ критическихъ случаяхъ къ реквизиціямъ и другимъ насильственнымъ поборамъ. Хотя формы ихъ бываютъ очень разнообразны, но въ основаніи лежить всегда одно и то же — насиліе и тиранія. Словомъ, внутреннее положеніе Австріи, въ первый же періодъ войны, сдѣлается невыносимо. Что касается взимаемыхъ съ непріятеля контрибуцій, то австрійцы не должны слишкомъ разсчитывать на нихъ, еслибы, конечно, удалось имъ одержать побѣду и перейти въ страну своихъ враговъ. Опытъ доказалъ, что этотъ способъ добывать средства къ продолженію войны больше вреденъ побѣдителю, нежели выгодець для него.

Впрочемъ, Австрія представляетъ политическое тѣло, способное бороться съ взложенными здѣсь внутренними невзгодами. Не въ первый уже разъ австрійскіе монархи и подданные ихъ подвергаются тяжкимъ испытаніямъ. Соединяющія ихъ узы обрѣли съ вѣками. Бѣдствія не разрушаютъ этой имперіи, она вынесетъ ихъ. Но Италія — гдѣ же у нея подобныя гарантіи?

Финансы этого новорожденнаго королевства находятся въ худшемъ положеніи, сравнительно съ австрійскими. Бюджетъ страдаетъ хроническимъ дефицитомъ, тогда какъ въ Австріи государственныя расходы почти покрываются доходами. Финансовыя мѣры, предложенныя теперешнимъ министромъ, будутъ приняты итальянскимъ парламентомъ. Но онѣ дадутъ новому королевству только мирный бюджетъ, а не то, что необходимо для него въ настоящую минуту, не бюджетъ для предстоящей войны. Разность между ними будетъ пополнена, конечно, посредствомъ бумажныхъ денегъ. Вопросъ этотъ рѣшенъ уже. Вилетамъ главнаго банка дарованъ принудительный курсъ — роковой даръ для страны и для самого банка! Игакъ, въ Италіи, подъ защитою закона,

исходить на сцену бумажныя деньги. Это — изва, которой не вѣдала она, и которая обратится для нея въ тяжкое испытаніе. Уже до выпуска присвоенныхъ въ собственность себѣ итальянскимъ правительствомъ банковыхъ билетовъ на сумму 250 милліоновъ, бумаги эти упали на 10 процентовъ. Что же будетъ съ ними, когда государство для покрытія военныхъ расходовъ выпуститъ ихъ 800 милліоновъ? Предвидимое въ перспективѣ пониженіе курса этихъ денегъ на 75% не представляетъ ничего удивительнаго. Что станется тогда съ торговлей и промышленностью Италіи? Какое вліаніе произведетъ на этотъ слишкомъ впечатлительный народъ общее разстройство въ кругу его экономической дѣятельности, и что подумаетъ онъ о новомъ строѣ своей политической жизни, который не перестаетъ подвергаться злой критикѣ со стороны партизановъ падшихъ правительствъ? Наконецъ, какъ же будетъ Италія продолжать начатую войну съ этими низкоцѣнными бумагами, которыми станетъ она выдавать жалованье солдатамъ и расчитываться съ подрядчиками? Отвѣчаютъ, что она можетъ располагать имѣніемъ духовенства, которое будетъ для нея тѣмъ же, чѣмъ была для французской революціи — недвижная собственность монастырей и эмигрантовъ. Нельзя не согласиться, что это дѣйствительно значительный резервный капиталъ, но только оцѣнка его въ два милліарда сдѣлана несомнѣнно вѣрно. Продажа конфискованныхъ имѣній началась во Франціи, прежде нежели Европа возстала противъ французской революціи. Когда же вспыхнула война, то она ознаменовалась такими событіями, которые внушили страхъ и уваженіе къ революціонному правительству внутри и внѣ Франціи. Сверхъ того, продававшаяся съ молотка собственность была отобрана у людей, которые бѣжали изъ отечества, и этимъ бѣгствомъ возбудили противъ себя общее негодованіе. Наконецъ, извѣстно, что, несмотря на все это, земли духовенства и эмигрантовъ были проданы въ четыре, или даже въ пять разъ дешевле того, что стоили онѣ дѣйствительно. Ничего подобнаго для надежды на такую даже невыгодную продажу монастырскихъ имѣній не имѣетъ Италія. Никто не увѣренъ еще, чтобы она, представленная самой себѣ, могла побѣдить Австрію. Духовенство, которому принадлежатъ имѣющаеся въ виду у итальянскаго правительства собственность, не покинуло своего отечества, оно сильно, дѣятельно, и его неприязненные чувства могутъ имѣть очень дурныя послѣдствія для единства Италіи. Притомъ же война, если только затянется она, быстро поглотитъ суммы, добытыя этой продажей, и тогда необходимость принудить итальянское правительство прибѣгнуть къ системѣ усиленныхъ реквизицій, которая, нанося существенный вредъ самому источнику государственныхъ доходовъ, является отрицаніемъ права собственности, постояннымъ страшлищемъ промышленности и грубымъ посягательствомъ на ту безопасность, которая необходима для развитія труда. Необходимо особенное счастье для того, чтобы недавнообразо-

вавшееся королевство могло вынести подобное испытаніе и не разлетѣться въ дребезги. Война безъ крайней нужды составляетъ ошибку вообще для всякаго государства; но она становится уже абсурдомъ и всегда почти имѣетъ неблагоприятный исходъ для того народа, который затѣваетъ ее, когда финансы его разстроены, и промышленность находится въ такомъ состояніи, что не можетъ обещать ихъ быстрого улучшенія.

Все сказанное здѣсь ведетъ къ заключенію, что изъ трехъ державъ, готовыхъ начать войну, двѣ находятся въ очень невыгодномъ положеніи относительно своихъ внутреннихъ дѣлъ, и что имъ никакъ не слѣдовало бы подвергать себя еще внѣшнимъ опасностямъ. Вооруженный миръ, несмотря на его неудобства, былъ бы лучше для нихъ. Что касается третьей державы, Пруссія, то опасности войны имѣли бы въ отношеніи къ ней другой, но тѣмъ не менѣе важный характеръ. Нельзя, конечно, предугадать, какъ широко разовьются военныя дѣйствія, и какия еще государства примутъ въ нихъ участіе, но все же впереди стоитъ много грозныхъ призраковъ. Не будутъ ли снова подняты римскій и восточный вопросы, когда огонь войны охватитъ Италію и среднюю Европу? Какое положеніе приметъ Россія, которая не можетъ быть довольна парижскимъ трактатомъ 1856 года, и желаетъ, конечно, возстановить свое господство на Черномъ морѣ? Останется ли тогда покойною Англія, обратившая въ принципъ, почти въ религіозный догматъ мысль о необходимости для европейскаго равновѣсія Турціи, въ ея настоящемъ видѣ? Наконецъ, чтó сдѣлаетъ Франція, если австрійцы, разбивъ итальянскую армію, которая первая нападетъ на нихъ, перейдутъ въ свою очередь Минчію, овладѣютъ Ломбардією и станутъ угрожать Флоренціи? Словомъ, нельзя предвидѣть, куда всыпнувшая война могла бы увлечь Европу. Въ этой-то неизвѣстности и кроется причина, заставляющая страшиться ея.

Но былъ ли бы удаленъ поводъ къ войнѣ, еслибы удалось на этотъ разъ сдержать воинственные порывы Италіи, Австріи и Пруссія? Можно думать, что въ такомъ случаѣ война была бы только отложена, потому что европейскій порядокъ, не имѣя прочныхъ основъ, подверженъ игрѣ случая. Великія державы находятся постоянно на сторожѣ, а второстепенныя государства насколько неувѣрены въ безопасности своего существованія. Для прочнаго порядка необходимы новыя основанія. Эта истина признана теперь всѣми. Но во мнѣніяхъ сходятся только относительно, такъ-сказать, отрицательной стороны этого вопроса, то-есть насчетъ того, что европейскому зданію недостаетъ твердаго фундамента, что необходимо имѣть новый вестфальскій трактатъ. Что же касается главныхъ статей желаемаго договора, то всаіиі думаетъ о нихъ по своему.

Затѣмъ Мишель Шевалье говоритъ о конференціи и конгрессѣ. Онъ не предвидѣлъ того, чтó случилось. Конференція, которой предстояло бы рѣшить только вопросы, возбуждившіе непрязнь

трехъ державъ, не состоялась; но конгрессъ, предложенный еще три года назадъ тому императоромъ французомъ, можетъ быть, состоится когда нибудь. Относительно дѣла, къ которой долженъ бы стремиться онъ, Мишель Шевалье развиваетъ мысль, высказанную Викторомъ Кузеномъ въ 1846 г. Вотъ собственныя слова французскаго философа: «Народъ есть великій индизидуумъ. Европа есть одинъ и тотъ же народъ, раздѣленный на разныя націи, а человѣчество—одна и та же нація, которая должна быть управляема закономъ хорошо устроеннаго государства, то-есть закономъ справедливости, который есть законъ свободы. Политика отлична отъ нравственности, но не противоположна ей. И что значать всѣ безчеловѣчныя правила обветшалои политики въ сравненіи съ великими законами вѣчной нравственности? Рискуя показаться тѣмъ, чѣмъ я признаю себя дѣйствительно, то-есть философомъ—скажу откровенно, что у меня есть надежда видѣть составляющееся мало-по-малу правительство для всей Европы, подобное тому, какое революція дала Франціи. Священный союзъ, образовавшійся между европейскими государями, если оставить въ сторонѣ его ретроградныя стремленія, представляетъ счастливое сѣмя, которое разовьется современемъ не только въ пользу мира, прекраснаго въ немъ самогъ, но въ пользу правосудія и европейской свободы».

Такъ-какъ взглядъ Мишеля Шевалье на задачу будущаго конгресса имѣетъ характеръ чистой ипстезы, уже нѣсколько разъ повторявшейся учеными, то мы, не вдаваясь въ подробности, ограничимся главнымъ его чертою. Внимательный наблюдатель, говоритъ онъ, замѣчаетъ въ стремленіяхъ европейскихъ народовъ два противоположныя направленія, которыя должны бы, кажется, взаимно исключать другъ друга: стремленіе къ нѣкоторой степени единства и въ то же время стремленіе къ независимости. Къ счастью, мысль о несомѣстности этихъ двухъ началъ неосновательна. Жизнь народовъ, равно какъ и отдѣльныхъ лицъ, развивается, не выходя изъ своего нормальнаго состоянія, подъ такими вліяніями, которыя повидимому совершенно противоположны другъ другу. Въ политикѣ есть власть и есть свобода, общественныя или государственныя права и личное право, прерогатива государя и политическихъ корпорацій. Въ частной жизни существуютъ право и долгъ, свободная воля и подчиненность нравственнымъ принципамъ. Невозможно провести математически пограничной черты между этими противоположностями ни въ политической сферѣ, ни въ частной жизни. Однакоже умный человѣкъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, что силы эти не сталкиваются между собою и не захватываютъ чужихъ владѣній. Стало быть, отдѣльность или независимость европейскихъ государствъ можно согласовать съ ихъ общимъ единствомъ. Но для этого необходимо взаимныя отношенія ихъ подчинить нѣкоторымъ правиламъ, нѣкоторому контролю, и создать положительное международное право, подобное христіанской нравственно-

сти, представляющей удивительное собраніе цивилизованныхъ націй, каждая изъ которыхъ имѣетъ однакоже свой собственный духъ. Образцомъ такого соединенія европейскихъ народовъ въ одну политическую семью можетъ, по мѣнью автора, служить американскій Союзъ, сложившійся изъ отдѣльныхъ провинцій, которыя, вслѣдствіе войны за независимость, превратились въ самостоятельныя, независимыя государства. Слившись въ одно цѣлое, американскіе штаты не утратили однакоже своего индивидуальнаго характера—единство не уничтожило разнообразія. Европейскій конгрессъ—думаетъ авторъ—долженъ озаботиться присканіемъ средствъ для устройства подобнаго порядка въ Европѣ и, слѣдовательно, изъ временнаго собранія превратиться въ постоянное учрежденіе. Желая дать этой мысли болѣе практической характеръ, Мишель Шивалье грозитъ даже Европѣ нашествіемъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ. Но, повторяемъ, это уже—ипотеза, хотя и вызванная современнымъ положеніемъ европейскихъ дѣлъ, однакоже далеко выходящая за черту ихъ круга.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Начало и характеръ Пугачевщины. П. Щебальскаго
Москва. 1865 года.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и вѣстѣ съ тѣмъ кровавыхъ народныхъ движеній въ Россіи, во второй половинѣ XVIII вѣка, получившее названіе пугачевского бунта, извѣстно въ главныхъ чертахъ почти каждому образованному читателю изъ «Исторіи пугачевского бунта», написанной нашимъ гениальнымъ Пушкинымъ. Между тѣмъ съ одной стороны разработка съ того времени различнаго рода историческихъ памятниконъ, открыла немало новыхъ, неизвѣстныхъ Пушкину свѣдѣній, относящихся до этой эпохи и во многомъ ее объясняющихъ; съ другой же, болѣе внимательный взглядъ историковъ на явленія чисто-народной жизни, а также совершенно иное положеніе нашей печати, въ настоящее время, дѣлають то, что трудъ Пушкина не вполне удовлетворяетъ современнаго читателя, который желаетъ имѣть свѣдѣнія не только о ходѣ событій, но и о причинахъ ихъ обусловившихъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, простой казакъ Емельянъ Пугачевъ могъ вызвать такое возмущеніе, которое не только поразило умы современниковъ, но и грозило опасностію всему государству? Должны же быть какія-нибудь причины тому, что именно одна и та же мѣстность была два раза (Стегьяка Разинъ и Пугачевъ), въ теченіе ста лѣтъ, театромъ значительныхъ волненій, запечатлѣнныхъ противупообщественнымъ и противугосудар-

ственнымъ характеромъ! По мнѣнію г. Щебальскаго, причины этого различны. Такъ, въ этомъ краѣ обитали многіе пновѣрческія и инородческія племена, въ числѣ которыхъ одни киргизы и галмыги были еще кочевниками, другіе, башкиры, переходили понемногу къ осѣдой жизни, а третьи, какъ черемисы и татары, уже хотя и осѣдые, не свыклись еще съ формами гражданской жизни. Тутъ же встрѣчалось въ большомъ размѣрѣ казачество, протестовавшее тогда еще повсюду противъ стѣсненія старинной казацкой вольницы, а также — два важнѣйшихъ центра раскола. Въ этой же мѣстности находились горные заводы съ привлеченными къ нимъ горнозаводскими крестьянами, которые томилась подъ тягостію этого вида обязательной работы, всего менѣе привычнаго крестьянну-земледѣльцу. Япцкіе казаки были болѣе чѣмъ недовольны различными мѣрами, принятыми администраціею, какъ, напримѣръ, относительно рыбнаго промысла на Уралѣ и Каспійскомъ морѣ, солянаго сбора съ отвозной рыбы, который былъ взятъ на откупъ. Распоряженіе этимъ откупомъ поручено было атаману, и вело къ злоупотребленіямъ, равно какъ и взпманіе съ казиковъ арендной платы за рыбный промыселъ на нижнемъ Уралѣ, сдѣлавшійся за то собственностію войска. Казаки требовали отчета въ деньгахъ за прежнее время и не платили новаго откупа; старшины представляли, что казаки бунтуютъ и въ казиковъ стрѣляли пзъ ружей, по приказанію присланнаго къ нимъ въ 1767 году генерала Чертова, за то, повидимому, что они стояли слишкомъ далеко, когда читали указъ военной коллегіи, какъ-бы нарочно не слушали читаемаго, и на приказаніе поблже подойти приблизились, но видимо съ неохотою. Вскорѣ послѣ этого состоялось приказаніе о формированіи московскаго легіона, въ которомъ должны были быть соединены всѣ роды оружія. Подобное соединеніе должно было казаться въ высшей степени антипатичнымъ казакамъ, дорожившимъ своею самородною тактикою и считавшимъ себя неизмѣримо выше солдатъ. Къ тому же они должны были бы лишиться бороды. Это вызвало сильное неудовольствіе, дошедшее до того, что казаки взяли за оружіе, но почувшися, понявъ, что зашли слишкомъ далеко и поспѣшили послать въ Петербургъ депутатовъ съ объясненіями. Для усмиренія ихъ отправлена была изъ Москвы на почтовыхъ рота гренадеръ подъ начальствомъ генерала Фреймана, и казаки совсѣмъ притихли, хотя и не успокоились. Вотъ въ самыхъ краткихъ словахъ причины, которыя приведены г. Щебальскимъ въ объясненіе быстрого разлитія по восточной окраинѣ нашего государства мятежа, для прекращенія котораго потребовалось немало времени и немало успій. Но признавая полное вліяніе этихъ причинъ на успѣхъ пугачевского бунта, нельзя не замѣтить, что все это частности, которыя не объясняютъ успѣхъ распространенія возстанія внѣ сферы ихъ вліянія. Гораздо основательнѣе является въ этомъ отношеніи тотъ взглядъ, который усвоенъ г. Мордовцевымъ въ его любопытной монографіи «Пугачевщина», помѣщен-

ной въ первомъ томѣ «Вѣстника Европы» за 1866 годъ. Согласно этому взгляду, Пугачевщина, со всѣми ея послѣдствіями, объясняется какъ *порожденіе всей Россіи*, неизбежный плодъ темной стороны тысячелѣтней жизни русскаго народа и результатъ ненормальнаго состоянія всего тогдашняго ея государственнаго строя. Если разныя обстоятельства и способы были, быть можетъ, вызвать Пугачевщину при Екатеринѣ II, то начало ея нужно искать глубже, а именно въ политическихъ ошибкахъ предковъ, за которыя исторія наказывала потомство, передавая какъ-бы по наслѣдству подобныя долги отцовъ на отвѣтственность дѣтей. Въ то время внутреннія смуты, волновавшія Россію во всѣхъ ея концахъ, и грозили, быть можетъ, поколебать то, что твердо держалось въ ней отъ самаго начала русской земли. Положеніе крестьянъ было столь же жалкое, какъ и тягостное. Довольно для этого припомнить существовавшій на дѣлѣ порядокъ, что *подмій народъ*, чѣмъ большія на него наложены дани, тѣмъ больше приходило въ состояніе ихъ платить. Къ тому же помѣщики могли отсылать крестьянъ за продерзость въ Иркутскую провинцію въ видахъ заселенія, отдавать ихъ не только въ рекруты на три года и снова брать въ домъ или въ вотчину, но даже и въ каторжную работу на время. Народъ ждалъ лучшаго времени; ему говорили объ измѣненіи подобнаго его положенія, о манифестахъ, льготахъ и т. д. Броженіе было общее, дававшее о себѣ знать отдѣльными демонстраціями, для превращенія которыхъ посылали войска. Но недовольныхъ было больше, чѣмъ войска въ поляхъ императрицы, царствованіе которой отъ начала до конца наполнено крестьянскими бунтами. Едва-ли не большій ропотъ слышался въ духовныхъ вотчинахъ, въ помѣстьяхъ синода, архіереевъ и монастырей. Положеніе раскольниковъ, составлявшихъ значительный процентъ въ населеніи Россіи, тѣсно связано съ положеніемъ крестьянъ, изъ которыхъ большею частью появлялись послѣдователи раскола. Такъ по восшествіи на престолъ Екатерины II предложено было раскольниковъ, бѣжавшимъ за границу, воротиться и записаться въ какое угодно званіе съ обязательствомъ платить двойной окладъ наравнѣ съ прочими старовѣрами. Но они не въ состояніи были платить двойного оброка, когда и не-раскольники жаловались на тяжесть податей; ихъ преслѣдовали, а они убѣгали въ скиты, разбѣянные по лѣсамъ, или жгли себя. Не въ лучшихъ отношеніяхъ находилось правительство къ инородцамъ, которыми заселена была вся восточная половина Россіи и сибирскія провинціи; они слишкомъ хорошо чувствовали ничтожность матеріальной зависимости отъ русскаго чиновника. Внутри Россіи чиновники дѣйствовали не лучше и собирали всякаго рода ясаки. Брали со всѣхъ и при всякомъ случаѣ, даже съ присягавшихъ! Издавались грозныя указы и манифесты, въ которыхъ повторялось, что «къ крайнему нашему огорченію и прискорбности, изъ повседневныхъ обстоятельствъ принуждены мы видѣть, что все это напрасно, что въ дальнихъ

провинціяхъ дѣла идутъ медленно, и производятся безсовѣстно, что отъ насилія и лихонмства или лучше сказать отъ самыхъ грабежей, народъ приходитъ во *всеконечное разореніе и убожество*. Грабители дѣйствительно вездѣ и выдумывали разные способы къ грабежу «подъ разными претекстами, какіе только на мысль представить можно». Даже духовенство увлеклось общимъ стремленіемъ: одинъ священникъ, вымогая у крестьянина рѣзной складень, а у другого пятьдесятъ копеекъ, болѣе недѣли не хотѣлъ хоронить умершихъ. При судахъ существовали пытки и пристрастія, то-есть допрашивали подъ пристрастіемъ плетей и батошьевъ, что дозволено было *во всѣхъ тѣлахъ*, вслѣдъ за словеснымъ увѣщаніемъ. Случившаяся моровая язва разстроила и безъ того уже поколебленный механизмъ государства. Къ осени 1762 года по Казанской губерніи, по деревнямъ и селамъ, приписаннымъ къ заводамъ графа Шувалова, разбѣжали крестьяне съ копіями какого-то высочайшаго манифеста, и возбуждали народъ къ неповиновенію. Манифестъ этотъ былъ фальшивый, но не единственный; ихъ ходило тогда много по Россіи, и всѣ они принимались народомъ съ полной вѣрой и волновали его. До какой степени затѣянное Пугачевымъ дѣло было прозведеніемъ всей суммы государственныхъ и общественныхъ условій, въ которыхъ находилась тогда Россія, видно изъ того, какъ мгновенно погрязены были всѣ низшіе слои населенія государства, при первой вѣсти о смутахъ за Волгой, тогда какъ высшія сословія повидимому ничего не подозревали, беззаботно продолжая свою веселую жизнь. Когда въ концѣ сентября 1773 года, Пугачевъ бралъ одно укрѣпленіе за другимъ на Яицкой линіи, въ Петербургѣ происходили торжества, блестящіе балы, роскошные ужины при дворѣ и въ высшемъ обществѣ по случаю бракосочетанія великаго князя Павла Петровича. А между тѣмъ Оренбургъ осажденъ; мало того, въ Москвѣ, когда высшія сословія лякують, по разнымъ захоlustьямъ и кабакамъ начинаются сходбища и чтенія пугачевскихъ манифестовъ. Пораженіе Кара, главнокомандующаго войсками, посланными противъ мятежниковъ, в Чернышева, находившагося подъ его командою, навело ужасъ въ Поволжь; одинъ комендантъ Царицына, Цыплетевъ, дѣйствовалъ разумно и энергично, онъ былъ едва-ли не единственный человекъ, отстоявшій ввѣренный ему постъ и недопустившій Пугачева взять Царицынъ. Въ Петербургѣ же и остальной Россіи читались манифесты и объявленія, въ которыхъ повелѣвалось не вѣрять самозванцу и стараться поймать его, а равно ловить всѣхъ подозрительныхъ людей съ вредными письмами. Назначено было 1,000 рублей въ награду тому, кто поймаетъ Пугачева! Вотъ какъ дешево оцѣнили сначала голову, стоившую впоследствии сотни миллионовъ. Лихорадочно писанные рапорты, ордера и промеморіи лучше всего даютъ понятіе объ общей паникѣ и общей безнадежности. Военная коллегія вздумала чинить крѣпости зимой; но исправлять было некому, рабочихъ силъ не хватало; она спрашиваетъ чрезъ

Царицынъ о томъ, что дѣлается въ Оренбургѣ и на Уралѣ, велить вести въ Тобольскъ снаряды изъ Ростова-на-Дону и Астрахани. Главныя силы наши все еще были слишкомъ далеки—онѣ были въ Турціи. При такомъ положеніи, первая дѣйствительная побѣда князя Голицына надъ Пугачевымъ подъ Татищевскою крѣпостью была очень кстати; но до прекращенія мятежа было далеко. Пугачевъ шелъ не останавливаясь, уничтожая одинъ городъ за другимъ. Онъ взялъ Казань, а послѣ и Саратовъ, который погибъ отъ того, что чиновники спорили о старшинствѣ ранговъ — кто старше: полковникъ или дѣйствительный статскій совѣтникъ? и подошелъ къ Царицыну. Услуги, которыя оказала Россіи Цыплетевъ обороною Царицына, до сихъ поръ не только не оцѣнены по достоинству, но и не замѣчены никакъ. Онъ понималъ, что народными движеніями шутить нельзя, и точно так же принималъ энергическія мѣры, въ силу которыхъ мимо Царицына ничто не могло прокрасться не бывъ замѣченнымъ. Оборона Царицына, отбитыя 21-го августа 1774 года приступы Пугачева лишили послѣдняго на нѣсколько дней энергій; тутъ подоспѣлъ, какъ извѣстно, Михельсонъ, и окончательно разбилъ его подъ Чернымъ-Яромъ. Суворову оставалось только ловить разбитаго мятежника. Въ это роковое время какъ-то всё, кромѣ Цыплетева и Михельсона, запаздывало, дѣйствовало вяло, медленно, нерѣшительно. Суворовъ изъ Москвы въ Царицынъ ѣхалъ болѣе мѣсяца, и ему не удалось не только разбить, но даже и поймать мятежника; онъ только конвоировалъ его, уже закованнаго въ цѣпи. 10-го января 1775 года совершена казнь надъ Пугачевымъ въ Москвѣ; но отъ этого кроваваго событія долго еще не могъ оправиться русскій народъ; положеніе, въ какомъ очутилась Россія, въ особенности же мѣстности, непосредственно пострадавшія отъ мятежа, представляли страшную картину.

Нельзя не пожелать, чтобы любопытное изслѣдованіе г. Мордовцева появилось отдѣльною брошюрою, подобно сочиненію г. Щербальскаго, которое читается съ удовольствіемъ.

Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ.
Сочиненіе академика Гамеля. С.-Петербургъ. 1865. Въ типографіи императорской академіи наукъ. Цѣна 70 к.

Знаменитый венеціанецъ Себастьянъ Каботъ, оторванный въ 1497 году Сѣверную Америку, впоследствии перешелъ, какъ извѣстно, въ англійскій флотъ и осуществилъ на дѣлѣ попытку, предложенную еще въ 1527 году Робертомъ Торноу въ Бристолѣ, именно проѣхать изъ Англіи въ Кетао (Cathou, т.-е. Китай) и Индію вокругъ Норвегіи чрезъ какой нибудь проливъ въ родѣ Магелланова, и этимъ путемъ вступить въ соперничество съ Португаліей и Испаніей. Лондонскіе купцы, имѣвшіе заграничную торговлю (Merchant adventures), приняли проектъ Кабота, снарядили три корабля и начальство надъ ними возложили на сэра Уилльба, Борро и Ричарда Чэнслера; Каботъ же самъ по

преклонности лѣтъ не могъ участвовать въ экспедиціи, которая встрѣчена была съ сочувствіемъ великимъ адмираломъ Клинтономъ. 11 мая 1553 года назначенные корабли вышли изъ Детфорда, и обогнувъ въ первый разъ Норд-Капъ, названный такъ Чэнслеромъ и Борро, увидѣли 14 августа землю, вѣроятно южный берегъ Новой Земли; материкъ же Россіи увидѣлъ Уилльби лишь 23 августа. Продолжая плыть вдоль лапландскихъ береговъ, Уилльби попалъ въ сувой * близъ Святого Носа, образующаго вмѣстѣ съ Косинимъ Носомъ входъ въ Бѣлое море, который, помѣшавъ ему плыть къ Бѣлому морю, заставилъ укрыться въ Нокуевской губѣ, въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Между тѣмъ наступили морозы и снѣгъ. Уилльби долженъ былъ зимовать въ губѣ, совершенно безлѣсной. Туземцевъ или рыбаковъ онъ не повстрѣчалъ. Ненаученные опытомъ, какъ защищать себя отъ холода, англичане не запаслись нужными для того вещами, потому что въ то время въ Англіи не имѣли ни малѣйшаго понятія о зимѣ въ Россіи; они заснули вѣчнымъ сномъ и найдены были въ такомъ положеніи рыбопромышленниками въ 1554 году. По приказанію Іоанна Васильевича, которому донесено было объ этомъ, все найденное на корабляхъ перевезено было въ Холмогоры и хранилось до времени за печатью. Между тѣмъ третій корабль, Эдуардъ Бонавентура, на которомъ находились Чэнслеръ и Борро, сильною бурей былъ разлученъ съ своими спутниками еще 30 мая 1553 года, доплылъ до Бѣлаго моря и присталъ къ устьямъ Двины. Принявъ характеръ посланника, Чэнслеръ отправился въ Холмогоры, а оттуда въ Москву въ саняхъ; корабль же его переведенъ на зимовье въ Уискую губу. Прибытіе англичанъ въ Россію совпадаетъ съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ событій въ нашей исторіи. Незадолго предъ тѣмъ Іоаннъ Васильевичъ покорилъ Казань; Астрахань принуждена была открытъ для Россіи ворота въ Каспійское море; и сдѣланъ былъ также шагъ къ покоренію неизмѣримой страны, по которой мы дошли до Сѣверной Америки. Чэнслеръ тщательно старался развѣдывать торговныя дѣла Россіи, нужныя для Англіи, и результаты своихъ наблюденій возложилъ въ запискѣ къ своему дядѣ, Христофору Фрастингему, съ которою Гамель однако не счелъ нужнымъ познакомить читателей, равно какъ и съ замѣтками спутника Чэнслера, Іоганна Гассе. Послѣ аудіенціи у цари, Чэнслеръ, получивъ грамоту къ королю Эдуарду II, по которой англійскіе купцы охотно допускаются въ Россію и уполномочиваются вести торговлю съ полною свободою, въ мартѣ 1554 оставилъ Москву, отплылъ изъ устья Двины въ Англію, и на пути былъ ограбленъ голландцами. Въ Лондонѣ изъ купцовъ и нѣкоторыхъ дворянъ образовалось общество, имѣвшее цѣлью открытіе неизвѣстныхъ земель на сѣверѣ, къ востоку и западу, которое утверждено 26 февраля

* Мѣстное названіе особаго рода сильнаго волненія въ этомъ мѣстѣ, происходящаго отъ морского прилива.

1555 года, особою грамотою Филиппа и Маріа. Общество это, подъ именемъ російской компаніи (the Russia Company), существуетъ и нынѣ, хотя уже и безъ прежнихъ привилегій. Въ 1555 году, Чэнслеръ снова былъ отправленъ въ Россію съ двумя торговыми уже агентами (Киллингвортомъ и Греемъ) и съ грузомъ уже сукна, которое имѣло хорошій сбытъ и извѣстно было подъ именемъ *сукна лундмизъ* (Lundisch cloth, то-есть лондонское), а также хлопчато-бумажныхъ издѣлій, сахара и т. д. Компанія хотѣла вывозить изъ Россіи воскъ, сало, ленъ, ворвань, коноплю и деготь, но въ видѣ смоляныхъ канатовъ и веревокъ. Пушной товаръ брала она съ разборомъ; директоръ писалъ: «что касается соболей и другихъ дорогихъ мѣховъ, то они будутъ во всякому по карману». Услыхавъ, что въ Россіи и Татаріи обрабатываютъ много стали и что татарская сталь лучшаго качества, компанія проситъ въ 1557 году прислать ей образчики. Здѣсь разумѣется, вѣроятно, устюжскій и тульскій укладъ; послѣдній могъ быть названъ татарскимъ, потому что обрабатывался за днѣіею засѣтъ, которою Россія ограждала себя отъ татаръ. Въ историческомъ отношеніи замѣчательно, что Англія требовала нѣкогда сталь изъ Россіи. Въ Лондонѣ дошли свѣдѣнія, что Россія богата мѣдью; требовали нѣсколько образчиковъ, но и обстоятельныхъ о ней свѣдѣній. Вообще компанія желала получить образцы произведеній нѣсколько русской природы и русской промышленности, но и фабричныхъ матеріаловъ, вывозимыхъ изъ Татаріи и Турціи. Въ Лондонъ послано изъ Москвы три монеты, для опредѣленія настоящей цѣнности ихъ. Одинъ изъ начальниковъ торговли, Грей, завѣдывалъ устройствомъ канатной фабрики въ Холмогорахъ, на которую присланы были въ 1557 году мастеровые изъ Лондона. Торговлю свою англичане вели хорошо для себя, что видно, напримѣръ, изъ того, что Гудсонъ, главный агентъ ихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, а потомъ въ Москвѣ, продавалъ нѣкоторые товары въ двадцать разъ дороже стоимости ихъ для компаніи. Чэнслеръ и Киллингвортъ старались утвердить англійскую торговлю въ Россіи на твердомъ основаніи и получить обширнѣйшія торговыя привилегіи, въ чемъ имъ рдушно содѣйствовалъ Адашевъ и особенно дьякъ Висковатый. Впрочемъ, замѣчаетъ Гамель, не имѣется положительнаго доказательства того, чтобы Іоаннъ Васильевичъ, вслѣдствіе ходатайства англичанъ въ 1556 году, подтвердилъ новымъ документомъ прежнія привилегіи англичанъ на свободную торговлю безъ таможи и пошлины и далъ многимъ личнымъ преимуществамъ. То, что выдаютъ за привилегію, должно, по его мнѣнію, считать только проектомъ оной, написаннымъ англичанами, который остался безъ царскаго утвержденія. Въ проектѣ этомъ дѣйствительно говорится: «мы даруемъ полную волю и право производить всякаго рода торговлю свободно и спокойно, безъ всякаго стѣсненія, препятствія, пошлины, стѣснительныхъ реформъ» и т. д. На возвратномъ пути своемъ въ Англію, вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ Осипомъ Непѣмъ, Чэнслеръ

утонулъ во время бури, причѣмъ погнбли свѣдѣнія, собранныя какъ нмъ, такъ и его спутниками о нашемъ отечествѣ съ іюня 1555 года до августа 1556 года. Англичане еще разъ пытались, однако, осуществить планъ Кабота, и поручили Борро предпринять путешествіе на востокъ, для открытія путей въ Китай, и достигнуть по крайней-мѣрѣ Оби; но Борро, побывавъ на Вайгачѣ и достигнувъ береговъ Новой Земли, возвратился въ Холмогоры въ 1557 г., не достигнувъ Оби. Въ то же время, присланы были изъ Англїи семь мастеровъ канатнаго и веревочнаго дѣла, для заведенія канатнаго двора и выдѣлыванія всякаго рода канатовъ и веревокъ, очень цѣнныхъ въ Англїи. Тогда же прибылъ скорнякъ Амсардъ и нѣкто Бріанъ, для того, чтобы развѣдать, есть ли въ Печорѣ или Пермїи тись (taxus boscata), годный для вывоза въ Англїю, потому что этотъ родъ дерева, какъ писали директоры компанїи, особенно нуженъ для нашего государства. Такъ-какъ тись на глубокомъ сѣверѣ не растетъ, то должно полагать, что за тись принялъ кто-нибудь пихту. Въ то же время, англичанамъ дозволено было устроить желѣзный заводъ на Вычегдѣ (въ нынѣшнемъ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи), причѣмъ отведенъ имъ значительный участокъ лѣса. Мастеровые для заводскихъ работъ и обученія русскихъ, должны были прїѣхать изъ Англїи; часть же выдѣлываемаго желѣза должно было продавать въ Россїи, а другую — позволялось вывозить. Изъ записокъ Рандольфа узнаемъ, что они построили корабль въ 30 тоннъ въ Ярославлѣ, для плаванія по Волгѣ, и что такихъ судовъ, по его словамъ, тамъ невидано. Немного позже, царь пожелалъ завербовать въ Англїи искуснаго архитектора, врача, аптекаря, мастеровъ, умѣющихъ отыскивать серебро и золото. Для этой цѣли поѣхалъ въ Англїю главный агентъ компанїи, Дженвинсонъ, тотъ самый, который, по порученію своей компанїи, ѣздилъ изъ Холмогоръ чрезъ всю Россїю въ Персію и даже въ Китай, но не достигъ его по случаю военныхъ смутъ въ этой странѣ. Ему же объявлено было, что царь желаетъ заключить дружественный союзъ съ королевою Елисаветою, и даны изустныя порученія, вѣроятно относительно сватовства царя съ королевою. Въ 1557 году 22 сентября дана была желаемая торговая привилегія, по которой дозволялось англичанамъ вести торговлю въ Казани и Астрахани, въ Нарвѣ, Дерптѣ, въ Булгарїи, Шамахѣ и т. д. Гавани на Ледовитомъ и Бѣломъ моряхъ должны быть закрыты для всѣхъ купцовъ, непринадлежащихъ къ лондонской компанїи, дома которъй въ Москвѣ, Вологдѣ и Холмогорахъ укрѣплены за нею. Польскій король Сигизмундъ употреблялъ все возможное, чтобы помѣшати сношеніямъ между Англїею и Россїею. Такъ въ письмѣ своемъ къ Елисаветѣ онъ жалуется не только на то, что Англїя снабжаетъ Россїю вещами, нужными для войны, но что всего важнѣе — снабжаетъ самыми художниками, которые не перестаютъ выдѣлывать для нея (врага его, Россїи) вещи до сихъ поръ невиданныя и неслыхан-

ныя въ сей варварской сторонѣ, и сверхъ того свѣдѣніями о всѣхъ нашихъ сокровеннѣйшихъ намѣреніяхъ. До сихъ поръ мы являлись побѣдителями Россіи, но потому только, что она дикарь въ искусствахъ и невѣжда въ политикѣ. А если эти морскія сообщенія продолжатся, что останется ей неизвѣстнѣй?... На этомъ основаніи Сигизмундъ задержалъ въ Польшѣ англичанина Алькока (Alcock), находившагося въ числѣ десяти человѣкъ, отправленныхъ въ Россію для изученія торговли. Якорнымъ мѣстомъ англійскихъ кораблей въ Россіи, былъ восточный уголь южнаго края Двинской губы въ Бѣломъ морѣ, къ востоку отъ Неноксы, называемый гаванью св. Николая. Изъ четырехъ устьевъ Двины, самое южное называлось Корельскимъ, невдалекѣ отъ котораго лежатъ островъ, которому англичане дали названіе Розовый, по причинѣ множества росшихъ здѣсь дивныхъ розъ. Здѣсь-то впервые и поселились англичане, перегружали товары съ кораблей на дощанки и насады и перевозили ихъ въ Холмогоры, а оттуда въ Вологду. Таможни не было, торговля производилась свободно; привозили и вывозили что угодно. Холмогорскіе чиновники должны были только получать списки товарамъ, но не имѣли права ихъ осматривать. Такимъ образомъ этотъ небольшой островъ является колыбелью не только нашей заграничной торговли, но и вообще русскаго мореходства. Заведенное на Бѣломъ морѣ англичанами мореплаваніе заманило, какъ извѣстно, Петра Великаго побывать тамъ въ 1693 году. Здѣсь онъ въ первый разъ увидѣлъ море, побывалъ на иностранныхъ корабляхъ и отправилъ первый русскій корабль съ товарами въ чужіе края. Здѣсь же построены Петромъ первый русскій корабль и взятъ съ бою русскими первый иностранный (шведскій) корабль въ 1701 году, и тутъ же сооружены двѣ яхты, которыя были перевезены съ береговъ Кемь сухимъ путемъ въ Онежское озеро и помогли овладѣть Невкою.

Прибывшій изъ Англій Рандольфъ, съ отвѣтомъ королевы на предложенія царя, сообщенныя ей Дженкинсономъ, выхлопоталъ новую привилегію англичанамъ, по которой имъ давалось право быть подъ вѣдомствомъ лишь опричины, безъ всякой зависимости отъ земщины, а также передѣлывать иностранные талеры въ ходячую монету. Но вскорѣ англичане подверглись немилости Грознаго. Неуспѣхъ посольства Савина съ грамотою къ Елисаветѣ породилъ неудовольствіе въ Іоаннѣ, который сказалъ, что Елисавета царствуетъ, какъ женщина, слабо, предоставляя купцамъ распоряжаться дѣлами; ни о его желаніяхъ, ни о его порученіяхъ—думаютъ только о своихъ купеческихъ дѣлахъ. Поэтому, царь приказываетъ тотчасъ же уничтожить всѣ привилегіи, когда-либо данныя англичанамъ, и объявляетъ, что отказывается отъ своихъ видовъ касательно Англій. Королева, узнавъ объ этомъ, посылаетъ въ Россію Дженкинсона и Бетса, человѣка хорошо знавшаго царя и порусски, и который оставилъ намъ описаніе свѣдѣтельствующей въ то время въ Москвѣ морской азы, страшнаго

голода, нашествія хана Девлет-Гирея и произведеннаго имъ пожара въ Москвѣ, вѣдѣствіе котораго, по словамъ англичанина, не осталось кола въ столицѣ царской, чтобы привязать лошадь. Сгорѣлъ также и домъ компаніи вмѣстѣ съ 30 лицами, искавшими въ немъ убѣжища. Дженнинсонъ вручилъ въ 1571 году грамоту своей королевы, оправдывался и напоминалъ выгоды, которыя Англія доставляетъ Россіи, и просилъ возобновить привилегіи. Царь смиловившись, хотя и намекнулъ на дурное поведеніе англичанъ въ Россіи, въ чемъ также сильно упрекали и директоры компаніи своихъ прикащиковъ еще за пять лѣтъ до того. Такъ въ 1567 году они писали своему повѣренному Роулену о вравшихся между ними безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, какъ-то пьянствѣ, развратѣ, содержаніи собакъ, медвѣдей, излишней роскоши въ платьѣ, выѣздахъ. Имъ предписано форменное платье и опредѣлена цѣна каждой одежды; шуба, назначенная на три года, поставлена въ одинъ рубль. Изъ переданной Гамелемъ въ самыхъ краткихъ словахъ переписки Іоанна Грознаго съ Елисаветою видно, что царь въ 1573 году предоставилъ компаніи полную свободу торговли, и выслалъ изъ своей земли ея соперниковъ, но тѣмъ не менѣе, въ 1574 году, жаловался на поступки нѣкоторыхъ англичанъ въ Россіи, на службу ихъ соотечественниковъ въ войскѣ шведскомъ, напоминает о неисполненіи тайныхъ порученій, данныхъ Дженнинсону, и т. д. Вскорѣ послѣ этого, Грозный умеръ. На этомъ и прерываетъ Гамель, какъ онъ говоритъ, свой обзоръ древнѣйшихъ сношеній Россіи съ Англіею въ теченіе слѣдующихъ двухъ десятилѣтій, хотя и послѣ того они представляютъ немало любопытнаго (стр. 114). Мы слѣдуемъ примѣру ученаго академика, и окончимъ нашу замѣтку, предварительнo сообщивъ читателямъ, что слѣдующая глава изслѣдованія Гамеля содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о братьяхъ Традескантахъ, изъ коихъ старшій, Джонъ, считается первымъ основателемъ въ Англіи лиція для естественной исторіи, ботаническаго сада въ Лондонѣ, и извѣстенъ своимъ путешествіемъ въ 1618 году въ Россію, которое и описано имъ подробно въ его дневникѣ. Онъ былъ замѣчательный для своего времени натуралистъ, и съ этой точки зрѣнія описалъ земли, прилежащія къ Бѣлому морю. Онъ вывезъ съ собою много вещей, 80 штукъ русской одежды, немало растений, чучель птицъ и животныхъ. Сынъ же его, Традескантъ-младшій, былъ въ Виргиніи, но изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Гамелемъ, не видно, чтобы онъ былъ въ Россіи и что-либо о ней писалъ. Зачѣмъ же упомянуть о немъ въ сочиненіи, озаглавленномъ «Англичане въ Россіи?» Зачѣмъ толковать объ Ашмолѣ, издавшемъ въ 1650 году сочиненіе англичанина Ди (предворнаго врача Михаила Федоровича), о которомъ Гамель ни слова однако не говоритъ? Къ чему въ сочиненіи подобнаго рода повѣствовать о русокомъ мореходѣ Истомѣ, обогнувшемъ Святой носъ прежде Уилльби, о первомъ русокомъ посольствѣ въ Англію, о поѣздѣ Савина туда

же и т. д., а между тѣмъ, умалчивать вовсе о многихъ *амличанахъ* и ихъ сношеніяхъ съ Россією, несмотря на то, что они представляють немало любопытнаго, по словамъ самого же Гамеля? Къ чему было ограничиваться въ большей части случаевъ однимъ лишь перечнемъ англичанъ, бывшихъ въ Россіи, и самыми краткими о нихъ извѣстіями, а не взять на себя труда поближе познакомить насъ съ свѣдѣніями, доставленными этими лицами о Россіи, или хотя бы перевести на русскій языкъ тѣ немногія выписки, которыя приводятся Гамелемъ на англійскомъ же языкѣ, не всякому изъ насъ доступномъ. Едва-ли на всѣ эти вопросы дать удовлетворительное объясненіе г. Гамель, который, повидимому, не уяснилъ себѣ вполнѣ предметъ своего сочиненія. Судя по заглавію сочиненія, автора занимають англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, а на дѣлѣ выходитъ, что онъ пишетъ *обзоръ древнѣйшихъ сношеній Россіи съ Англіей*, какъ онъ самъ заявляетъ на стр. 114. Очевидно, что эта тѣма совершенно иная, нежели та, которая выражена въ заглавіи; это и иметъ всякій читатель. Каждая изъ нихъ можетъ составить собою предметъ отдѣльнаго изслѣдованія, и мы не видимъ даже необходимости сливать ихъ. Намъ рѣшительно непонятно, что могло бы помѣшать Гамелю составить отдѣльное изслѣдованіе хотя бы объ однихъ англичанахъ, со времени перваго появленія ихъ въ Россіи, отыскать и просмотрѣть всѣ дошедшія до насъ письменныя извѣстія этихъ лицъ, относящихся до современной имъ Россіи, а также тѣ изъ русскихъ источниковъ, въ которыхъ говорится что-либо о проживавшихъ въ Россіи иностранцахъ, и на основаніи всего этого, составить рядъ картинъ, изображающихъ намъ наше отечество въ различныя эпохи, хотя бы то и съ точки зрѣнія исключительно англійскаго вупца. Что картины подобныя были бы не лишены интереса, можно предполагать уже изъ тѣхъ немногихъ выписокъ, сдѣланныхъ нами выше, которыя показываютъ, что англичане очень интересовались (изъ личныхъ выгодъ своихъ, конечно), такъ-сказать, всѣмъ экономическимъ положеніемъ Россіи, ея производительностью, потребленіемъ и т. д. Конечно, при этомъ сочиненіи Гамеля значительно увеличилось бы въ своемъ объемѣ, это правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно представило бы несравненно болѣе занимательное чтеніе, нежели лежащее предъ нами изслѣдованіе, во многомъ напоминающее сухость и безжизненность всѣмъ извѣстныхъ формулярныхъ списковъ.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи Наполеономъ III (1814 — 1852 год.). Сочиненіе А. Рохау. Переводъ и изданіе А. Пыпина и М. Антоновича. 2 тома. С.-Петербургъ. 1866 года.

Озаглавленное сочиненіе открываетъ собою рядъ тѣхъ историческихъ произведеній, которыя, имѣя своимъ предметомъ жизнь различныхъ европейскихъ государствъ въ періодъ времени отъ

вѣнскаго конгресса до нашихъ, по возможности, дней, издаются подъ руководствомъ и по плану профессора Бидерманна въ Берлинѣ. При появленіи сочиненія Рохау въ нѣмецкомъ подлинникѣ, читателямъ «Отеч. Записокъ» были представлены возможныя для того времени изъ него извлеченія (см. «От. Зап.» 1861 года № 8 и слѣд.), причѣмъ замѣчено было, что это сочиненіе написано безъ національныхъ пристрастій, безъ заблужденій, вытекающихъ изъ духа партіи, безъ всѣхъ тѣхъ недостатковъ, отъ которыхъ трудно освободиться французу, пишущему новѣйшую исторію своей страны. Трудъ Рохау отличается замѣчательнымъ богатствомъ фактовъ, при изложеніи сжато и сдержанномъ, яснымъ пониманіемъ главныхъ политическихъ вопросовъ Франціи, ея потребностей, условій и недостатковъ, и относится не только до политической исторіи страны, но знакомитъ также читателя какъ съ литературою страны, такъ и различными ученіями, относящимися до всего общественнаго устройства, которыя имѣли, какъ извѣстно, немалое вліяніе на самыя политическіе перевороты, потрясавшіе Францію въ послѣднія десятилѣтія. Кромѣ того должно замѣтить, что Рохау судилъ о Франціи не такъ, какъ бѣольшая часть его ученыхъ соотечественниковъ судить о судьбахъ различныхъ народовъ; онъ судилъ и изучалъ Францію не изъ своего кабинета; бѣольшая часть тѣхъ событій, о которыхъ рассказываетъ Рохау, совершилась непосредственно передъ его глазами. Онъ долгое время прожилъ во Франціи, видѣлъ событія на мѣстѣ и зналъ главныхъ ихъ двигателей. Обстоятельство это придаетъ особенную живость и особенную цѣну его разсказу, который начатъ описаніемъ торжественнаго вступленія въ Парижъ 31-го марта 1814 года союзныхъ войскъ подъ главнымъ начальствомъ трехъ коронованныхъ особъ и доведенъ послѣдовательно и безъ перерыва до возстановленія, на основаніи всеобщей подачи голосовъ, императорскаго достоинства во Франціи въ лицѣ Наполеона III. Происходившія въ этотъ промежутокъ времени событія во Франціи въ общихъ чертахъ слишкомъ извѣстны всякому образованному читателю, чтобы излагать ихъ здѣсь въ немногихъ словахъ; желающимъ ближе съ ними познакомиться, мы можемъ посовѣтывать обратиться непосредственно къ сочиненію Рохау, появившемуся въ удовлетворительномъ переводѣ на русскомъ языкѣ. Польза изданій подобнаго рода переводовъ не подлежитъ сомнѣнію.

Объ ассоціаціи. Настоящее положеніе рабочаго соловія, и чѣмъ оно должно быть? Сочиненіе Эдуарда Пфейффера. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею Антоновича. Изданіе Бақта. С.-Петербургъ. 1866 года. Цѣна 1 руб.

Цѣль этого сочиненія — содѣйствовать возможно большому распространенію въ Германіи рабочихъ ассоціацій — слово, которое, по нашему мнѣнію, переводчикъ могъ бы легко замѣнить чисто-русскимъ, какъ, напримѣръ, сообщество, товарищество, артель. Пфейф-

феръ, представивъ грустную картину современнаго положенія рабочаго въ Европѣ, замѣчаетъ, что самый выдающійся и опасный недостатокъ современной соціальной (общественной) германски жизни заключается въ томъ, что у работника отняты средства образовывать свои умственные способности; онъ почти совершенно лишенъ наслажденій умственной жизни. Но матеріальный прогрессъ, вещественное преуспѣваніе обыкновенно предшествуетъ умственному и моральному. Нужно сначала позаботиться о томъ, что есть, во что одѣться и гдѣ жить, прежде чѣмъ думать о наукѣ и нравственности; поэтому высшія стремленія очевидно немислами при такомъ положеніи, когда жизнь работника является вѣчною борьбою за насущный хлѣбъ. Для улучшенія такого плачевнаго общественнаго быта рабочихъ были неоднократно предложены различные мѣры и средства, которыя всѣ, по мнѣнію Пфейффера, неудовлетворительны. Если работникъ желаетъ улучшить свое общественное положеніе на твердыхъ и неизмѣнныя началахъ, то этого онъ можетъ достигнуть только помогая самъ себѣ. Задача рабочихъ трудна, но не невозможна. Они имѣютъ противъ себя превосходство капитала, и часто направлены противъ нихъ предписанія законовъ, но за то они обладаютъ численностию. Чтобы привести ее въ дѣйствіе, есть только одно средство—«кооперация», дѣйствіе общими силами. Въ то время, какъ одинъ ничего не можетъ сдѣлать для себя, не въ состояніи даже дать отпоръ, всѣ они, вмѣстѣ взятые, составляютъ величайшую силу (стр. 45). Но какъ устроить правильнымъ образомъ соединенный трудъ? Вопросъ этотъ заставляетъ Пфейффера коснуться ученій различныхъ коммунистовъ и социалистовъ, и замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ (какъ, напримѣръ, Овенъ и Сем-Симонъ), уничтожая индивидуальность, способны быстро остановить прогрессъ человѣчества, и ставя все и каждого на одинъ уровень, изгнать изъ общества великое и возвышенное (стр. 58); другіе же, какъ Луи Бланъ, чтобы облегчить участь одного класса, хотятъ свергнуть въ бѣдствіе все человѣчество; чтобы уничтожить тиранію частныхъ лицъ, они намѣрены ввести тиранію общества. Ихъ государство, заключающее въ себѣ всѣ функціи общественной жизни, обязанное управлять всѣмъ народнымъ хозяйствомъ, не допускаетъ даже умеренной свободы. Эгоизмъ, который теиерь, хотя косвенно, содѣйствуетъ общему благу, вызвалъ бы тогда совершенно противоположные результаты; всякій наперерывъ старался бы тогда потреблять какъ можно болѣе, и производить какъ можно менѣе. Но богатство заключается единственно въ трудѣ, и тамъ, гдѣ онъ уменьшается, должно непременно наступить соответствующее уменьшеніе общественнаго благосостоянія (стр. 74). Заслуга подобнаго рода писателей состоитъ въ томъ, что они обратили вниманіе общества на многогіе его недостатки, и представили выгоды, которыя имѣютъ за собою кооперация и ассоціація. Ассоціація, соединеніе людей для какой либо цѣли, принципъ не новый; ново только примѣненіе

его къ промышленному труду, въ которому онъ до самаго послѣдняго времени не прилагался. Загладить этотъ пробѣлъ — главная задача коопераціи (стр. 77). Развитие коопераціи подвигается впередъ, съ каждымъ днемъ она принимаетъ большіе размѣры. Слѣдуетъ только хорошенько ознакомиться съ нею, какъ и со всякою другою вещью, и чтобы она дѣйствовала хорошо, для этого всѣ участники коопераціи должны развить въ себѣ всѣ хорошія качества, необходимыя при всякомъ обществѣ дѣлѣ. Слѣдовательно прежде чѣмъ асоціаціи достигнуть своего цвѣтущаго состоянія, необходимо много предварительнаго труда, предварительной обработки почвы, на которой можно потомъ насадить плодоносное растеніе. Коопераціи нужны одни работники; они должны трудиться сами и для себя; для успѣха дѣла достаточно, если всѣ рабочіе поймутъ ясно свои интересы и будутъ оказывать другъ другу содѣйствіе. Главная задача всякаго правительства, которое только хочетъ оставаться нейтральнымъ въ этомъ дѣлѣ, состояла бы въ томъ, чтобы устранить всѣ законодательныя препятствія, которыя еще задерживаютъ естественное развитіе асоціацій. Впрочемъ, кромѣ удаленія препятствій къ распространенію асоціацій, правительство могло бы сдѣлать многое для ихъ развитія. Важное значеніе имѣли бы однѣ матеріальныя поддержки съ его стороны. Посредствомъ просвѣщенія массы, обнародованія результатовъ, достигнутыхъ при помощи асоціацій же, можно сдѣлать многое. Наконецъ правительство могло бы давать рабочимъ асоціаціямъ и матеріальную поддержку, не посягая въ то же время на чужія права, еслибы, напримеръ, оно въ своихъ указахъ, при равныхъ цѣнахъ, по принципу отдавало преимущество асоціаціямъ. Примѣръ Англіи можетъ убѣдить всякое правительство, что посредствомъ коопераціи въ государствѣ положены будутъ твердыя основанія, что при этомъ условіи, вмѣсто нерѣшительной, всегда недовольной и готовой на крайности массы населенія, образуется такая, которая будетъ имѣть со всѣми остальными частями населенія одинаковыя интересы, а правительство можетъ надѣяться отъ своей дѣятельности прекрасныя результаты только тогда, когда царствуетъ миръ и порядокъ, что этия самыя уничтожена будутъ возможность существованія агитаторовъ, которые раздражаютъ толпу и вызываютъ насильственные дѣйствія. Какъ скоро все это правительство увидитъ, оно прежде другихъ станетъ покровительствовать асоціаціонному движенію всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами. Возбудить подобныя стремленія въ большомъ кругу, распространять такія воззрѣнія и вообще въ рѣшительныя познанія всякаго движенія — есть стремленіе всѣхъ истинныхъ друзей рабочаго класса; а дѣйствовать ильменно и устно — есть ихъ политическая задача.

Сказавъ этия слова заканчиваетъ Профессоръ любезнѣе свое сочиненіе, въ которомъ читатель найдетъ свидѣнія о разныхъ видахъ рабочаго асоціи (потребительныя, кредитныя, проле-

водительныхъ, и т. д.), о постепенномъ развитіи ихъ въ Англіи, Франціи и Германіи, а также уставы прядильно-мануфактурнаго общества въ Манчестерѣ и общества котельщиковъ въ Парижѣ, основанныхъ на началахъ ассоціаціи. Являясь горячимъ приверженцемъ этого принципа, вліяніе котораго не только на экономическое, но также на политическое и нравственное положеніе рабочаго класса выставлено имъ чрезвычайно ясно, Пфейфферъ тѣмъ не менѣе замѣчаетъ, что ассоціація есть нѣчто столь новое, а лежащая въ основѣ ея мысль—нѣчто столь чуждое нашимъ социальнымъ отношеніямъ, господствовавшимъ во всѣ времена, что мы не должны нисколько удивляться, если нужно еще много опыта, и неизбѣжны еще многія заблужденія и ошибки, прежде чѣмъ будетъ найдено самое лучшее и самое дѣльное во всѣхъ отношеніяхъ.

Русскій переводъ интереснаго сочиненія Пфейффера хотя и удовлетворителенъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что переводчикъ не принялъ на себя труда замѣнить русскими словами нѣкоторыя изъ иностранныхъ, какъ, наиримѣръ: ассоціація, кооперація, социальный, и т. п., которыми онъ съ излишкомъ испещрялъ свой переводъ.

Государственное хозяйство. Налоги и государственные долги. Соч. Карла фон Гока, переводъ профессора Н. Бунге. Киевъ, въ университетской типографіи, 1865 года. 324 стр.

Означенное сочиненіе фон-Гока, появившееся въ 1863 году на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ Die öffentlichen Abgaben und Schulden, раздѣлено на двѣ части, изъ которыхъ первая посвящена собственно ученію о налогахъ, а вторая—ученію о государственныхъ долгахъ. Авторъ не приписываетъ налогамъ вообще исключительнаго характера вознагражденія за услуги, оказываемыя государствомъ, и полагаетъ, что они стоятъ выше понятія о платѣ за услугу; съ платежемъ ихъ, по мнѣнію фон-Гока, связывается извѣстная гражданская гордость и государственная честь. Конечно, подобное значеніе, приписываемое налогамъ, до крайности туманно и едва ли заслуживаетъ опроверженія по той простой причинѣ, что для лицъ, обязанныхъ платить налоги, рѣшительно безразлично, какое значеніе и характеръ придаютъ взимаемымъ съ нихъ подъ разными видами денгамъ. Признавъ однажды за государствомъ по необходимости право собирать съ лицъ въ государству принадлежащихъ денежныхъ средства, для осуществленія разлячныхъ дѣлей государственной жизни, лица подвергающіяся налогамъ всего болѣе заботятся о томъ, чтобы какъ можно менѣе платить, и затѣмъ интересуются не значеніемъ, а *идеальностію* налоговъ, т.-е. расходуваніемъ государственныхъ сборовъ. Они домогаются равенства предъ податнымъ закономъ и справедливаго распредѣленія налоговъ.

Разсмотрѣвъ общія условія, которымъ долженъ удовлетворять

всякій налогъ, Бунге переходитъ къ изложенію отдѣльныхъ родовъ и видовъ налоговъ, которое раздѣлено имъ на шесть отдѣловъ, и разсматриваетъ въ первомъ — таможенныя пошлины, во второмъ — подати съ потребленія, въ третьемъ — подати съ доходовъ, въ четвертомъ — пошлины съ прибрѣтаемыхъ правъ, въ пятомъ — вознагражденія за особныя услуги, и наконецъ въ шестомъ — пошлины за вещественныя услуги. Вопросу о налогахъ посвящена большая часть сочиненія Гока, которое представляетъ собою трудъ одинаково систематическій и обстоятельный. Въ изложеніи своемъ, отличающемся необычайною ясностію и простотою, фон-Гокъ невольно уклоняется отъ общеприпятой системы. Въ основаніе ея онъ взялъ не логическій остовъ съ его главными и второстепенными подраздѣленіями, но приводитъ каждую мысль къ ея главнымъ основаніямъ и развиваетъ въ ея послѣдствіяхъ; отъ нея отыскиваетъ постоянный переходъ къ другой, ближайшей съ нею, соприкосновенной мысли, пова весь кругъ изслѣдованій не представляется исчерпаннымъ и законченнымъ; короче, фон-Гокъ поставилъ себѣ, какъ онъ самъ говоритъ, задачею живое развитіе мысли и ея послѣдствій, а не логическое разложеніе понятія и его содержанія. Авторъ сдѣлалъ также краткое изложеніе историческаго развитія податей и сказалъ также нѣсколько словъ о разнообразіи и практической оцѣнкѣ налоговъ, которымъ сдѣлалъ перечень. На долю второй части сочиненія, т. е. ученія о государственныхъ долгахъ, Гокъ хотя удѣлилъ и немного мѣста, всего сто страницъ, тѣмъ не менѣе коснулся этого важнаго вопроса на столько самостоятельно, что высказанные имъ взгляды обратятъ вниманіе любознательнаго читателя. Оправдывая необходимость дѣлать долги тѣмъ, что государство, готовясь встрѣтить великія событія, должно быть сильнымъ и велебнымъ, что оно должно удовлетворять потребностямъ народа, безотлагательно требующимъ удовлетворенія, каково бы ни было отношеніе между наличными доходами и расходами, фон-Гокъ замѣчаетъ однако, что долгъ всегда поглощаетъ доходъ будущаго и что долговое обязательство не составляетъ имуществва. Говоря о формахъ займа, авторъ признаетъ самую худшую форму займа въ народно-экономическомъ смыслѣ заемъ, соединенный съ лотереєю, въ которомъ часть или вся совокупность процентовъ, слѣдующихъ вѣрителямъ или даже часть внесеннаго каждымъ капитала обращается по жребію въ пользу немногихъ лицъ, которымъ благоприятствовало счастье. Всѣ хотятъ обогатиться скоро и безъ труда, не прибрѣтая господства чадъ природою, но подчиняясь ея земной силѣ — случаю! Заемъ принудительный и виды его консолидаціи также не вызываютъ сочувствія автора. Коснувшись вопроса объ обращеніи безъ принудительнаго курса и съ принудительнымъ курсомъ при господствѣ утратившихъ цѣнность бумажныхъ денегъ, вслѣдствіе выпуска ихъ, фон-Гокъ говоритъ: цѣнность бумажныхъ денегъ, разрывъ которыхъ приостановленъ, опирается на три очень измѣнчивыя элемента: на количество бу-

важных денег, на потребность въ монетахъ и на надежды возобновленія размѣна. Мгновенное измѣненіе въ отношеніи одного изъ этихъ элементовъ, обнаруживается въ курсѣ бумажныхъ денегъ. Принудительный курсъ и неразмѣнность билетовъ лишаютъ государство, выпускающее бумажки, всякаго мѣрила для опредѣленія ихъ отношенія къ потребностямъ оборотовъ. Даже и цѣны растутъ. Попытка восстановить, упавшую денежную единицу во времена угрожающей или наступившей опасной войны, глубокихъ внутреннихъ раздоровъ или торговаго кризиса, составляетъ напрасный трудъ. Попытки восстановления курса должны начаться или окончиться размѣномъ; дѣйствительный размѣнъ составляетъ самое необходимое средство для обезпеченія размѣнности. Сочиненіе свое фон-Гокъ оканчиваетъ разсмотрѣніемъ государственнаго банкротства, какъ при существованіи бумажныхъ денегъ, такъ и безъ нихъ. Потери при банкротствахъ, не падаютъ на знатныхъ и богатыхъ, какъ обыкновенно думаютъ, или на тѣхъ, которые извлекаютъ наибольшую выгоду изъ дурнаго государственнаго хозяйства; люди эти прежде всего знакомятся съ ходомъ и положеніемъ финансовъ страны и сообразно этому принимаютъ свои мѣры; но большей части теряютъ мелкіе банкетисты, составившіеся и неспособные къ работѣ промышленники, вдовы, сироты, благотворительныя заведенія и общественныя учрежденія, и т. д. Нищета, распространяющаяся въ этихъ классахъ, не имѣетъ границъ.

Переводъ сочиненія извѣстнаго австрійскаго ученаго слѣдств. г. Бунге вполне удовлетворительно и составляетъ очень полезное приобрѣтеніе для нашей переводной литературы; крайне необходимо къ тому же сочиненіямъ, относящимся къ до исторической экономіи, такъ и до науки о государственномъ хозяйствѣ. Въ предисловіи къ своему переводу г. Бунге говоритъ, что переводъ этотъ вызванъ желаніемъ положить начало изданію сборника, посвященнаго государственному хозяйству, въ которомъ вслѣдъ за систематическимъ изложеніемъ финансовой науки предполагается помѣстить рядъ статей, заключающихъ въ себя болѣе специальную и подробную разработку отдельныхъ предметовъ. Предпріятію этому нельзя не пожелать успеха.

Арманъ Каррель. Собраніе его сочиненій. Изданіе Н. Губелена. Въ 3-хъ томахъ. Томъ первый. Исторія контр-революціи въ Англии. Писанъ 1 р. 75 к. С.-Петербургъ. 1855 г.

Появленіе въ первый разъ на русскомъ языкѣ въ полномъ переводѣ одного изъ самыхъ замѣнательныхъ произведеній Карреля, невольно вызываетъ вопросъ: кто же былъ Каррель, возростъ на который мы не постараемся дать, возможно, артакій, описать Сидъ дуина, Армани. Каррель родился въ Руанѣ въ 1800 году получилъ первоначальное образованіе въ коллежѣ роллоу, перешелъ въ докторскій отдѣлъ, былъ въ него членомъ, состоялъ въ роллоу съ 1825 г. Сидъ Сирозу, шведскій студентъ, поступилъ въ 1820

честнаго младшаго лейтенанта въ армію, въ 1821 году. Франція переживала тогда совершенно особенный періодъ своей исторіи. Незадолго передъ этимъ она имѣла извѣстную *chambre introuvable*, т.-е. палату роялистовъ, которая одобряла и терпѣла выходки противъ оппозиціонной партіи, достойныя только самыхъ кровавыхъ временъ революціи. Хартія, вынужденная у Лудовика XVIII потребностями времени и разорванная на дѣль прежде чѣмъ засохли на ней чернила, одна стояла между Франціею и мрачнымъ, удушливимъ деспотизмомъ реставраціи, соединявшей, по словамъ Милла, нѣкоторыя изъ самыхъ худшихъ золь, уничтоженныхъ революціею и Наполеономъ, съ самыми худшими изъ тѣхъ, которыя Наполеонъ и революція принесли съ собою. Лудовикъ XVIII удержалъ обширную сътъ административной тираніи, созданную конвентомъ и Наполеономъ, ту систему бюрократіи, которая не оставляетъ ни одного свободнаго дѣятеля во Франціи, за исключеніемъ одного человѣка въ Парижѣ; осмыслъ милостями исключительно тѣ классы, которые были когда-то могущественны, и въ угоду имъ не только презиралъ новую аристократію, а также народъ, но и держалъ ихъ въ постоянномъ страхѣ потерять все, что было для нихъ самаго дорогаго въ учрежденіяхъ, купленныхъ жертвою дѣлаго поколѣнія. Народная партія во Франціи находилась въ положеніи, подобномъ тому, въ которомъ та же партія находилась въ Англии во время роялистической реакціи; поспѣдовавшей за распушеніемъ послѣдняго парламента Карла II, и подобно ей—прибѣгала къ заговорамъ. Въ одномъ изъ нихъ, т.-е. Ней-Бризахъ и Бефорть участвовали и Каррель, хотя и не былъ обвиненъ произведеннымъ слѣдствіемъ, а вмѣстѣ съ подкомъ переведенъ въ Марсель. Заговоры внушили Бурбонамъ сомнѣніе въ зрѣлости арміи. Чтобы побѣдить такое нерасположеніе арміи, министръ Виллель рѣшился послать ее сражаться противъ ея собственныхъ принциповъ, т.-е. противъ войскъ конституціонныхъ въ Испаніи, съ тѣмъ чтобы возвратитъ королю ея Фердинанду неограниченную власть. Каррель вышелъ въ отставку, перебрался на рыбацкій лодкѣ въ Барселону и вступилъ въ ряды инсургентовъ испанскихъ, именно въ иностранцевъ военный легионъ, находившійся подъ командою знаменитаго итальянскаго изгнанника Павіаротти. Вскорѣ, въ 1823 году, онъ былъ взятъ въ плѣнъ французами и приговоренъ къ смерти. Каррель подалъ аппеляцію и былъ оправданъ. Теперь, въ 24 лѣтъ отроду, онъ поступаетъ секретаремъ къ знаменитому Огюстену Тьерри (зрѣніе котораго очень слабо отъ усиленныхъ трудовъ), а по его совѣту дѣлаетъ литературу своей противъ фессіонъ. Наступаетъ блестящій періодъ (до 1830 года), составляющій время самаго блестящаго проявленія французскаго національнаго гения, который продолжаетъ себѣ дорогу преимущественно въ исторію и историческія изслѣдованія. Въ подтвержденіе этого довольно примечательныя подлинныя въ это время произведенія Тьерри: Баранта, Милье, Тьерра, Гизо, Огюста Контя.

и пр. Въ эпоху, столь обильную замѣчательными произведеніями мысли, умъ Карреля, непоглощенный какою нибудь практической дѣятельностью, не могъ остаться непронзводительнымъ. Въ 1827 году онъ издалъ свою Контр-революцію въ Англіи, которая, по справедливому отзыву Милля, заслуживаетъ того, чтобы назвать ее однимъ изъ самыхъ законченныхъ произведеній этой замѣчательной эпохи. Сочиненіе представляетъ собою исторію двухъ послѣднихъ Стюартовъ, ихъ попытокъ возстановить панство и неограниченную власть, ихъ временнаго успѣха и окончательнаго испроверженія путемъ революціи 1688 года. Контр-революцію начали средніе классы, въ интересѣ своей собственности, предпочитая военный деспотизмъ Кромвелля дальнѣйшей реформѣ, обѣщавшей низшимъ классамъ общность имущества. Въ своемъ стремленіи къ порядку и спокойствію, они продолжали контр-революцію противъ арміи, которую смерть Кромвелля снова привела въ положеніе республиканской партіи, и чтобы одолѣть армію, они вновь поставили высшіе классы и королевскую власть. Реакція Стюартовъ остановилась, когда нечего было бояться разныхъ партій. Стюарты оставались напуганными, когда все вокругъ нихъ успокоивалось; парламентъ, наказавшій цареубійцъ, стѣснялъ ихъ. Они стали реформаторами въ свою очередь, и такимъ образомъ продолжали осадное положеніе, изъ котораго нація, призвавъ ихъ, думала выйти. Сопротивленія, возбужденныя тѣмъ, что они дѣлали для предупрежденія этихъ же самыхъ сопротивленій, съ каждымъ шагомъ усиливали ихъ тревоги и до тѣхъ поръ продолжали увлекать ихъ въ дѣлѣ разрушенія, пока неудовольствіе націю не обратилось снова въ гнѣвъ. Распространивъ всеобщій ужасъ, вслѣдствіе котораго никто не осмѣливался на какія либо протестаціи противъ тѣхъ, которыя могли бы возникнуть изъ свободныхъ выборовъ, они управляли безъ парламента. Чтобы приготовить къ игу будущія поколѣнія, они захватили въ свои руки народное образованіе. Чтобы лишить націю права разбирать правительственныя дѣла, имъ оставалось только искоренить въ королевствѣ религію, которая когда-то учила судить узурпаторовъ; они и напали на ту изъ ея сектъ, которая господствовала, и тѣмъ приобрѣли союзъ другихъ. Несостоятельность всѣхъ этихъ замысловъ оказалась достойною сожалѣнія. Когда явился избавитель націй—Вильгельмъ, нація не переставала обожать свои политическія вольности и религіозныя гарантіи; отъ неограниченной власти и чуждой религіи, введенныхъ съ такимъ трудомъ, не осталось ничего.

Въ сочиненіи своемъ Каррель не обнаруживаетъ ни малѣйшаго пристрастія къ какой либо партіи, но выказываетъ глубоко практической умъ, который въ каждомъ положеніи ищетъ причины, обуславливающихъ его, съ проницательностію распознаетъ ихъ, видитъ что онъ должны были произвестъ и въ чемъ состояла неправильность тогдашняго пониманія ихъ. Онъ судитъ людей, ставя себя въ положеніе ихъ и рассматривая, что они въ состояніи были сдѣлать, и не руководствуется при этомъ какимъ нибудь об-

щимъ правиломъ или воззрѣніемъ. Вездѣ и во всѣ времена, говорятъ Каррель, потребности времени создавали условія, называемыя политическими принципами, и эти принципы всегда устранялись потребностями времени. Всѣ вопросы о формахъ правленія имѣютъ свои данныя въ состояніи общества, и нигдѣ больше. Всѣ явленія времени объясняются у Карреля измѣненіями прилива и отлива общественнаго мнѣнія. Собственная практическая провидательность и опытное французское знакомство съ бурными временами, сдѣлали его способнымъ понять и разъяснить ихъ характеръ съ такою истинною и силою, которая поражаетъ всякаго при сравненіи сочиненія Карреля съ многотомными произведеніями другихъ писателей. Стюартъ Милль, написавшій статью объ Арманѣ Каррелѣ (помѣщенную въ его разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ, часть 2-я), признаетъ сочиненіе Карреля *самымъ* лучшимъ изъ числа относящихся до самаго интереснаго періода англійской исторіи—Англія время Стюартовъ.

Мы позволимъ себѣ окончить краткій біографическій очеркъ Карреля. Расстроившееся книгопродавческое дѣло заставило Карреля ограничить свою дѣятельность литературою; онъ участвовалъ преимущественно въ *Revue Française*, издававшейся Гизо, а потомъ въ *National*, основанной за нѣсколько мѣсяцевъ до іюльской революціи при участіи Тьера и Миньѣ; въ послѣдствіи онъ принялъ на себя и завѣдываніе этимъ изданіемъ и сдѣлался главнымъ политическимъ вождемъ народной партіи. Онъ никогда не отдѣлялъ себя отъ журнала, говоритъ Милль, никогда не смотрѣлъ на журналъ какъ на одно, а на себя какъ на другое. На все, что было сказано одною газетою другой, онъ смотрѣлъ какъ на связанное однимъ человѣкомъ другому, и согласно съ этимъ дѣйствовалъ. Онъ никогда не говорилъ въ своихъ статьяхъ кому нибудь, о чемъ нибудь, или о комъ нибудь, чего бы онъ не осмѣлился или не счелъ бы себя въ правѣ сказать лично и въ присутствіи этого человѣка. Онъ настаивалъ, чтобы съ нимъ поступали такимъ же образомъ. Необходимость отражать оскорбленія ввугала его въ нѣсколько дуэлей, отъ одной изъ которыхъ онъ и погибъ. Въ это время основава была Эмилемъ Жирарденомъ газета *Presse*, по поводу объявленія которой возникъ судебный искъ за диффамацию противъ автора статьи въ журналѣ *Von Sens*. По просьбѣ автора, Каррель наканунѣ дня процесса напечаталъ замѣтку, въ которой высказано было предположеніе, что сотрудникъ *Von Sens* будетъ вѣроятно оправданъ, такъ-какъ никакой диффамациі не было. Жирарденъ отвѣтилъ съ своей стороны длинною статьей, вслѣдствіе которой Каррель вызвалъ его на дуэль, былъ раненъ и умеръ 24 сентября 1836 года, мученикомъ за нравственность и достоинство общественнаго слова, хотя, говоритъ Милль, для этой цѣли гораздо полезнѣе была бы его жизнь, чѣмъ такая смерть. Онъ палъ жертвою своихъ добродѣтелей и того низкаго состоянія нашей цивилизаціи, низкаго при всемъ нашемъ хвастовствѣ, —

если на придумано еще средствъ дать защиту противъ оскорбленія человѣку, который всего болѣе дорожитъ своею честію, а между тѣмъ долженъ искать этого удовлетворенія съ мечомъ въ рукѣ, какъ во времена варварсвіа. Пока онъ жилъ, онъ поддерживалъ въ прессѣ вообще ту возвышенность тона, которая отличала ее во времена реставраціи; но при наплывѣ *политическаго и литературнаго распутства* со времени революціи 1830 г. стало трудно ее поддерживать, и все что мы знаемъ о состояніи газетныхъ разсужденій со времени смерти Карреля, возвышаетъ наше понятіе о вліяніи, какое онъ имѣлъ на прессу во Франціи.

Подобнаго рода отзывъ Милла о литературной дѣятельности Карреля заставляетъ насъ съ особеннымъ сочувствіемъ встрѣчать сдѣланное со стороны издателя, подарившаго уже публикѣ удовлетворительный переводъ образцоваго произведенія Карреля, заявленіе, что въ теченіе нынѣшняго года поступить въ продажу 2-го тома сочиненій того же автора, заключающіе въ себѣ статьи историческаго и политическаго содержанія, которыя имѣютъ живой интересъ для русскихъ читателей и особенно характеризуютъ личность автора и эпоху его дѣятельности. Мы желаемъ надѣяться, что образцовый слогъ Карреля, его манера писать и возвышенное воззрѣніе на отношенія писателя, какъ къ своимъ произведеніямъ такъ и къ подобнымъ же ему дѣятелямъ и читающей публикѣ, не останутся безъ благотворнаго вліянія на господствующій въ нашей прессѣ тонъ.

Основные начала геологіи или новѣйшія измѣненія земли и ея обитателей, сочиненіе Чарльза Лайэлла. Переводъ съ англійскаго послѣдняго (6) изданія Андрея Мина. Томъ I, Москва, изданіе книгопродавца Глазунова. 1866 года.

Появившееся въ 1830 году сочиненіе Лайэлла, подъ заглавіемъ *Principles of Geology*, разошлось уже къ лѣту 1838 года въ четырехъ изданіяхъ и прослывило имя автора между современными ему геологами во всѣхъ частяхъ свѣта. Историческій очеркъ постепеннаго развитія геологіи какъ науки, которому Лайэлла посвящаетъ первая глава своего труда, можетъ объяснить причину такого громаднаго успѣха этого сочиненія. Въ немъ идетъ рѣчь о явленіяхъ экономіи существующей природы, какъ живой такъ и мертвой, поясняющихъ геологію; пѣтъ ерѣвообратъ изслѣдованіе настоящихъ слѣдствій, которыя происходятъ отъ причинъ нынѣ дѣйствующихъ и которыя для послѣдующихъ нѣтъ могутъ служить замѣтками на настоящаго состоянія земнаго шара и его обитателей. Слѣдствія эти, которыя можно считать уже символическіи языкъ для автобіографіи земли, составляютъ проницательное замѣчаніе въ чинъ, имѣющагося состояніи земного шара и дѣятельства равно и дѣлающагося состояніи органическаго міра. Къ тому же не было ни одного общаго трактата по геологіи, и потому появленіе сочиненія Лайэлла было самое современное. Оно положило первое правильное основаніе геологіи, и такъ

индуктивной науки, и состоит не столько въ самостоятельныхъ розыскавіяхъ — далеко немаловажныхъ и нескудныхъ — сколько въ неутомимомъ трудолюбіи и вѣрномъ взглядѣ, которые авторъ выказалъ въ подборѣ и расположеніи фактовъ и въ приведеніи свѣдѣній, добытыхъ другими учеными во всѣхъ странахъ и по всѣмъ отдѣламъ естествознанія, въ прочную и согласованную научную систему. При каждомъ новомъ изданіи, авторъ дѣлая дополненія и поправки, шелъ въ уровень съ быстрыми громадными успѣхами этой науки, такъ что между многими прекрасными руководствами по части геологіи нѣтъ до сихъ поръ книги, равносильной означенному сочиненію Ляйбля въ ея позднѣйшихъ изданіяхъ, по изложенію геологіи. Выразивъ въ сочиненіи этомъ убѣжденіе, что въ существующихъ дѣйствіяхъ природы мы можемъ найти объясненіе минувшимъ явленіямъ, Ляйбль доказываетъ, что великіе результаты могутъ происходить отъ повторенія спокойныхъ и самыхъ обыкновенныхъ процессовъ, продолжающихся въ теченіе неопредѣленно долгихъ періодовъ времени; что нѣтъ ни малѣйшаго, слѣдовательно, повода вѣрить ни въ одно изъ какихъ либо внезапныхъ событій, посредствомъ которыхъ старались объяснить нѣкоторыя изъ явленій земного шара. Онъ составилъ нѣчто похожее на хронологическій перечень замѣчательныхъ геологическихъ переворотовъ, что убѣждаетъ насъ въ громадныхъ періодахъ времени, требовавшихся для выполнения оныхъ. Общепонятныя главы объ измѣненіяхъ, совершившихся и до сихъ поръ совершающихся въ органической природѣ, составляютъ также очень замѣчательную часть его сочиненія, которое читается съ большимъ интересомъ и отличается необычайно яснымъ и простымъ изложеніемъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что Ляйбль первый установилъ подраздѣленія третичныхъ осадковъ, по отношенію новѣйшихъ къ исчезнувшимъ видамъ равнинъ, которыя встрѣчаются въ ископаемомъ состояніи, на три формаціи, и назвалъ ихъ эоценовою, міоценовою и пліоценовою.

Что же касается до русскаго перевода, то онъ вполне удовлетворителенъ, за что нельзя не поблагодарить издателя и, безъ сомнѣнія, это изданіе г. А. Глазунова будетъ имѣть успѣхъ среди нашей читающей публики. Къ тому же и цѣна назначена издателемъ довольно умѣренная: пять рублей за два тома, изъ которыхъ на второй пока выдается билетъ.

О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ. Соч. Н. Лавровскаго. Харьковъ. 1865.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова. Соч. академика Н. Певарскаго. Спб. 1865.

Два небольшія книги гг. Лавровскаго и Певарскаго составляютъ весьма существенное приобрѣтеніе такъ-называемой Ломоносовской литературы. Послѣ біографическаго очерка Ломоно-

сова, набросаннаго Ламанскимъ, очень оживилось изученіе этой великой личности; недавнее празднованіе столѣтняго юбилея его кончины дало поводъ къ изданію разныхъ матеріаловъ, болѣею частью совершенно сырыхъ, для его біографіи. Такъ-какъ преобладающій характеръ документовъ, собранныхъ о Ломоносовѣ, полемическій, то первоначальною задачею безпристрастной критики является изслѣдованіе показаній обѣихъ тяжущихся сторонъ: Ломоносова и его академическихъ противниковъ. Со стороны перваго, трудъ этотъ отчасти облегченъ однимъ обстоятельствомъ: во второй половинѣ 1764 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, Ломоносовъ написалъ нѣчто въ родѣ автобіографической записки о своихъ отношеніяхъ къ академической канцеляріи, подъ заглавіемъ «Краткая исторія академической канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей и дѣлъ съ начала сего корпуса до нынѣшняго времени». Этотъ документъ заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ фактическое изложеніе всей борьбы, которую знаменитый академикъ велъ со своими противниками. Такъ-какъ, разумѣется, въ «Краткой исторіи» академическія дѣла представлены съ Ломоносовской точки зрѣнія, то на это сочиненіе можно смотрѣть какъ на сводъ и объясненіе всѣхъ доношеній, протестовъ и проч., поданныхъ Ломоносовымъ въ теченіе его службы. Отсюда понятно ея важное значеніе для историка и біографа Ломоносова, значеніе, какое ей и было придано первымъ ея издателемъ, г. Ламанскимъ (въ Читеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн., 1865 г., вн. I). Но люди, которые до отысканія этой краткой записки въ академическомъ архивѣ, не довѣряли прежде извѣстнымъ жалобамъ Ломоносова, не убѣдились ею и отнеслись скептически къ Ломоносовскимъ показаніямъ. Г. академикъ Билярскій, въ изданныхъ имъ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова», сказалъ, что *за эту записку на Ломоносова лежитъ бремя ответственности*, и что бумаги академическаго архива предлагаютъ матеріалъ для проверки «Краткой исторіи» (стр. 0104). Въ примѣчаніяхъ же къ изданнымъ документамъ, г. Билярскій далъ почувствовать, что записка Ломоносова не заслуживаетъ большаго довѣрія, ибо извращаетъ факты въ пользу автора. Такимъ образомъ явилась необходимость подвергнуть строжайшему критическому изслѣдованію показанія — съ одной стороны «Краткой исторіи» и вообще всего, что писано объ академическихъ дѣлахъ Ломоносовымъ, съ другой — показанія его противниковъ. Попыты такого изслѣдованія предприняты гг. Лавровскимъ и Цеварскимъ въ сочиненіяхъ, заглавія которыхъ выписаны выше.

Г. Лавровскій дѣлаетъ критическій обзоръ всѣхъ біографическихъ матеріаловъ, изданныхъ къ Ломоносовскому юбилею гг. Билярскимъ, Куникомъ и Ламанскимъ, и предлагаетъ свою оцѣнку на всѣ существенные факты изъ жизни Ломоносова, раскрываемые этими матеріалами: въ его трудѣ Ломоносовъ является и какъ студентъ въ Германіи, и какъ ученый членъ петербургской ака-

демин, и какъ профессоръ, и какъ совѣтникъ академической канцеляріи. Но г. Лавровскій не ограничивается одной критической работой. На основаніи ея онъ пытается нажѣтить главныя черты, изъ которыхъ складается образъ Ломоносова. Такимъ образомъ, главное достоинство труда г. Лавровскаго заключается въ томъ, что, съ одной стороны, критическая его часть нисколько не парализуетъ опредѣленности его выводовъ, а съ другой, послѣдніе вполне вытекаютъ изъ предшествовавшаго имъ критическаго анализа. Вслѣдствіе того, каждое сужденіе г. Лавровскаго, обставленное подробными доказательствами, является очень вѣскимъ и основательнымъ; и хотя во многихъ случаяхъ его мнѣнія сходятся съ прежде высказаннымъ взглядомъ г. Ламанскаго, имъ нельзя отказать въ самостоятельности, потому что они являются результатомъ такого анализа матеріаловъ, который до г. Лавровскаго нигдѣ не былъ сдѣланъ. Основная мысль, руководящая г. Лавровскимъ, въ разборѣ отношеній между Ломоносовымъ и его противниками въ академіи—полная противоположность между тѣмъ и другими. «На одной сторонѣ—говоритъ онъ—мы видимъ русскаго человѣка, единственно собственнымъ трудомъ, съ многочисленными лишеніями, по какому-то высшему наитію выбравшагося изъ простаго народа, изъ крестьянскаго быта въ сферу науки и общественной дѣятельности, одареннаго могущественнымъ дарованіемъ, глубоко и разносторонне развитаго современною ему европейскою наукою, столь же глубоко проникнутаго сознаніемъ собственнаго достоинства и своего призванія къ насажденію просвѣщенія въ Россіи, горячаго, вспыльчиваго, пожалуй, заносчиваго и властолюбиваго. Обстоятельнѣе и подробнѣе ознакомившись съ его служебною академическою дѣятельностію, мы можемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ упрекать его въ нетерпѣливости, запальчивости, придирчивости и неуживчивости, но не имѣемъ рѣшительно никакого права заподозрѣвать искренности его широкихъ патріотическихъ стремленій. Если Ломоносовъ самъ часто увязываетъ на свои достоинства и заслуги академіи и наукѣ—это нисколько не странно, потому что справедливо, и, конечно, Ломоносовъ живѣе, чѣмъ кто-либо, сознавалъ свои достоинства и свои заслуги, особенно въ виду непрерывныхъ попытокъ унижить его и подчинить себѣ. Если есть доля преувеличенія въ его доношеніяхъ о неурядкахъ въ академіи и ихъ виновникахъ, то это преувеличеніе также совершенно понятно и объясняется тѣмъ разгаромъ страстей, среди котораго эти доношенія писаны, и впечатлѣніемъ тѣмъ многочисленныхъ и нерѣдко мелочныхъ оскорбленій, на которыя, разумѣется, не скупилась его противники, вымещая свои собственные оскорбленія. Еслиже онъ утверждаетъ, что въ основаніи всѣхъ его доношеній искреннее и пламенное желаніе пользы отечеству, процвѣтанія въ немъ науки, и чтобы академія изъ сыновъ россійскихъ состояла, «чтобы гимназіи и университетъ приведены были въ вождѣльное теченіе, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы»—то мы не можемъ не вѣ-

рить искренности этихъ увѣреній, потому что они оправдываются всею службою, всею дѣятельностью его, потому что это не одни громкія слова, потому что за этими словами дѣланный рядъ капитальныхъ трудовъ по разнымъ областямъ знаній, трудовъ, значеніе которыхъ признавали и современники, не отвергнетъ и самое отдаленное потомство. Ломоносовъ имѣлъ своихъ меценатовъ и дорожилъ ими, потому что видѣлъ въ нихъ прежде всего защиту и поддержку своихъ плановъ; отношенія его въ нихъ основаны были на взаимномъ уваженіи и даже привязанности; относительно ихъ онъ держалъ себя съ величайшимъ достоинствомъ и независимостью, и никогда не доходилъ до униженія и ласкательства» (стр. 11—13). И затѣмъ приводятся фактическія доказательства изъ вновь изданныхъ матеріаловъ въ подтвержденіе этой характеристики Ломоносова. «На другой сторонѣ—продолжаетъ г. Лавровскій—во главѣ непосредственнаго академическаго управленія, мы видимъ сначала одного, потомъ двухъ нѣмцевъ—Шумахера и Тауберта, тестя и зятя, людей, неимѣвшихъ никакихъ ученыхъ заслугъ, неознаменовавшихъ себя никакимъ сколько-нибудь замѣчательнымъ трудомъ, въ наукахъ скудныхъ, по выраженію Ломоносова, пробравшихся въ академию случайно—одинъ по протекціи президента нѣмца Блюментраста, другой—по женѣ, людей ловкихъ, съ практическою сметливостью и изворотливостью, вкрадчивыхъ, умѣвшихъ разными средствами привлечь на свою сторону людей вліятельныхъ и случайныхъ, силою ихъ вліанія отражавшихъ, повидимому, неотразимые удары Ломоносова, правда, часто колебавшихся въ своей вѣрной позиціи отъ этихъ ударовъ, но успѣвшихъ удержаться въ ней одинъ до своей смерти (1761 г.), другой—и по смерти Ломоносова. Захвативши въ свои руки все управленіе академіей, не только по дѣламъ экономическимъ и административнымъ, но и учебнымъ и научнымъ, они весьма естественно желали распространить и утвердить свою власть и надъ всѣмъ академическимъ персоналомъ, и не только надъ чиновниками, но и профессорами, подчинить ихъ строгому канцелярскому порядку и дисциплинѣ, то-есть своей собственной власти» (стр. 14—15).

При существованіи личностей, столь мало сходныхъ между собою, борьба между ними является необходимою—какъ гражданскій и патристическій долгъ со стороны Ломоносова, и какъ проявленіе эгонстическаго чувства самосохраненія со стороны Шумахера и Тауберта. Въ такомъ свѣтѣ и изображаетъ эту борьбу г. Лавровскій.

Мы не можемъ въ настоящей замѣткѣ прослѣдить за содержаніемъ всей книги; упомянемъ только, что нѣкоторыя ея части—особенно удалась автору; такъ, напримѣръ, разборъ отношеній Ломоносова къ Генкелю и Миллеру. Нѣкоторыя же другіе параграфы, какъ намъ кажется, много бы выиграли, если бы не были такъ сжаты. Впрочемъ, г. Лавровскій жалуется, что для всесторонняго разъясненія личности Ломоносова обнаруженымъ мате-

ріалы еще недостаточны; это справедливо; при увеличені ихъ запаса, понадобится снова такой трудъ, какъ изслѣдованіе г. Лавровскаго; позволяемъ себѣ надѣяться, что почтеннѣйшій изслѣдователь еще вернется къ нимъ, и, однажды, такъ счастливо обнаруживъ свое дарованіе, не поскупится подарить русской литературѣ полную біографію Ломоносова.

Что касается книги г. Пекарскаго, то по самому заглавію ея видно, что она не представляетъ собою ничего цѣльнаго. Это собраніе разныхъ замѣтокъ и новыхъ данныхъ, которыя авторъ извлекъ изъ академическаго архива, и которыя всѣ группируются около личности Ломоносова. Однако, нѣкоторыя изъ этихъ дополненій очень существенны; таковы всѣ главы, заключающія въ себѣ подтвержденіе разныхъ показаній Ломоносова, казавшихся сомнительными; таковъ въ особенности рассказъ о дѣятельности Шумахера въ академіи до возвращенія Ломоносова изъ-за границы; эта статья обработана особенно тщательно, и въ ней личность совѣтника академической канцеляріи очерчена лучше, чѣмъ гдѣ либо. Послѣ такого очерка едва-ли кому придетъ охота защищать этого интригана.

Вообще, обѣ новыя книги, посвященныя Ломоносову, составляютъ очень пріятное явленіе. Въ разработкѣ его біографіи оба автора стоятъ на прекрасной дорогѣ и значительно подвигаютъ впередъ истолкованіе этого любопытнаго эпизода изъ русской исторіи XVIII вѣка. Еслибы не ихъ труды, послѣднее слово о Ломоносовѣ осталось бы пока за г. Биларскимъ, или за авторомъ статьи въ «Современникѣ» (1865 г., № 4), которые, говоря о солнцѣ, нашли полезнымъ сообщить только то, что въ немъ есть пятна.

НОВЫЯ АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

THE ALBERT NYANZA, Great Basin of the Nile, and Explorations of the Nile Sources. By Samuel White Baker (Альбертъ Нianza, большой резервуаръ Нила, и изслѣдованіе истоковъ этой рѣки, Самуэля Уэйта Бейкера).

ATHENÆIS; or, the First Crusade. By William Stigand. (Первый крестовый походъ. Поэма Уильяма Стейюнда).

THE BELTON ESTATE. A Novel. By Anthony Trollope.

SHASTELARD. A Tragedy. By Algernon Charles Swinburne.

СЛЕМВНСУ FRANKLIN. A Novel.

DRAMATIC Studies. By Augusta Webster.

DUKE EDWARD, a Tragedy; and other Poems. By Rosamond Hervey.

EROS: a Series of connected Love Poems. By Lorenzo Somerville.

FAIR NOVELS. A Novel. By Th. Kennedy. (Далекій сѣверъ. Романъ Т. Кенеди).

Т. CLXVI. — Отд. II.

1/2, 15

GARIBALDI at Home: Notes of a Visit to Caprera. By Sir Charles M'Grigor. (Гарибальди у себя дома: поѣздка на о. Капреру, сэра Чарльса Мак-Григора).

THE HOLY Roman Empire. By James Bryce. (Священная римская имперія; Джамса Брайса).

LYRICAL Thoughts. By the Author of the «Pole Star of Faith». (Лирическія мысли, автора «Полярной звезды вѣры»).

MANUAL of Social Science. By Kate Mc-Keon. (Руководство къ социальной наукѣ, К. Мак-Кина).

THE MAN of His Day. A Novel.

NOTES on Epidemics, for the Use of the Public. By F. E. Anstie. (Записки объ эпидеміяхъ, пригодныя для публики, Ф. Э. Ансти).

THE RESOURCES and Prospects of America ascertained during a Visit to the States in the Autumn of 1865. By Sir. S. Morton Peto. (Ресурсы и виды Америки, узванные впродолженіе посѣщенія Штатовъ осенью 1865 г., сэра Мортон Пето).

ROSEWARY. A Novel. By C. Sylvester.

SHADOWS of the Past: in Verse. By Viscount Stratford Redcliffe. (Тѣни былого. Стихотворенія виконта Стратфорда Редклифа).

SHOT! A Novel. By Frederick Sheridan. (Выстрѣлъ! Романъ Фр. Шеридана).

TIPING. Tien-Kwoh; the History of the Tiping Revolution. By Lin-Le. (Тайпингъ Тен-Кво; исторія тайпингской революціи, Лин-Ле).

THE TOILET and Cosmetic Arts, in Ancient and Modern Times. By Arnold J. Cooley. (Туалетъ и косметическія искусства въ древности и въ новое время Арнольда Кули).

TWELVE Months with Frederika Bremer. By Margaret Howitt. (Двадцать мѣсяцевъ съ Фредерикою Бремеръ. М. Гоуит).

THE WAR in New Zealand. By William Fox. (Война въ Новой Зеландіи, Уильяма Фокса).

A PROPOS de la guerre, par Louis Veuillot (По случаю войны, Луи Велью).
BERTRAND du Guesclin, connétable de France et de Castille, par E. de Bonneschose.

LA CONFÉDÉRATION européenne, par Louis Veuillot.

DÉISME et CHRISTIANISME, par Jules Levallois.

UNE DERNIÈRE passion, par Mario Uchard. (Послѣдняя страсть, Маріо Юшара).

ENTRE SUIVI et loup, par A. de Pontmartin. (Въ сумерки, А. Помартена).

ESSAIS de physiologie philosophique, par J. D. Durand. (Опытъ о философской физиологіи, Ж. Д. Дюрана).

HISTOIRE de la restauration, par Louis de Castel. (Исторія реставраціи, Луи Кастеля).

FLAMEN, par l'auteur du «Péché de Madeleine».

HUIT mois en Amérique, par Ernest Duvergier de Hauranne. (Восемь мѣсяцевъ въ Америкѣ, Э. Дювержье де-Горана).

JOURNAL d'un balenier. Voyage en Océanie, par le Dr. Thiercelin. (Дневникъ китолова, путешествіе въ Океанію, Тьерселена).

LAURETTE de Malboissière; Lettres d'une jeune fille du temps de Louis XV, publiées d'après les originaux et précédées d'une notice historique, par M-me

la marquise de La Grange. (Лорета Мальбуасьеръ; письма молодой дѣвушки время Людовика XV, изданныя по оригиналамъ и т. д., маркизы де-Ла-Гранжъ).

LEÇONS sur la physiologie du système nerveux, par A. *Vulpian*. (Лекціи о физиологій нервной системы, А. *Вильяма*).

DU LUXE des femmes, des mœurs, de la littérature et de la vertu, par Ernest *Feuveau*. (О роскоши женщинъ, о нравахъ, литературѣ и добродѣтеляхъ, Э. *Фейдо*)

MÉDITATIONS sur l'état actuel de la religion chrétienne, par M. *Guisot*.

LA PHILOSOPHIE de Goethe, par E. *Caro*.

LA PHILOSOPHIE et les systèmes, par A. *Caselli*.

QUELQUES pages d'histoire contemporaine, par Prevost-*Paradol*. (Нѣскольکو страницъ изъ современной исторіи, Превост-*Парадоля*).

LE ROMAN d'une Altesse, par Etienne *Enault*.

LA SAVOIE, le Mont-Cenis et l'Italie septentrionale. Voyage etc., par Goussain-*Cornille*.

TRAITÉ encyclopédique de toutes les chasses, par M. M. *De-la-Rue, De-Lage de-Chailou* et *De-Cherville*. (Энциклопедическій трактатъ о всѣхъ родахъ охоты, *Де-ла-Рю, Де-Лажъ-де-Шалью* и *Де-Шервиля*).

LE TRAVAIL, par Jules *Simon*. (Трудъ, Жюль *Симона*).

TURCS et Monténégriens, par F. *Lenormand*. (Турки и Черногорцы, Ф. *Ленормана*).

ARCHITEKTONISCHE Formenlehre für Ingenieure, von R. *Baumeister*. (Теорія строгельныхъ формъ для инженероу, Р. *Баумейстера*).

EDMUND HÖFFERS erzählende Schriften. Zwölf Bände. (Разсказы Эдмунда Гёфера. 12 томовъ).

FINANZIELLER, ökonomischer und ärztlicher Führer in die Kurorte Mitteleuropas, von Dr. J. C. *Hörling*. (Финансовый, экономическій и медицинскій путеводъ въ мѣста леченія средней Европы, *Гёрлинга*).

FLIEGENDE Blätter aus Süddeutschland. I. Wo liegt die Ausgleichung der österreichisch-preussischen Gegensätze? (Летучіе листки изъ южной Германіи. I. Чѣмъ примиряются австрійско-прусскія прекословія?)

FÜNF BÜCHER französischer Lyrik vom Zeitalter der Revolution bis auf unsere Tage, in Uebersetzungen von Emanuel *Geibel* und Heinrich *Leithold*. (Пять книгъ французской лирики отъ революціи до нашего времени. Переводы Эмануэла *Гейбеля* и Г. *Лейтольда*).

GEDICHTE von Emanuel *Geibel*. Neue Ausgabe. (Стихотвореніе Эм. *Гейбеля*).

GEDICHTE von Friedrich *Hebbel*. Gesamt-Ausgabe, stark vermehrt und verbessert. (Полное, увеличенное и исправленное изданіе стихотвореній Фридриха *Гейбеля*).

GEISTLICHE Lieder von Albert *Knapp*. In einer Auswahl. (Избранныя духовныя пѣсни Альберта *Кнапа*).

DAS JUGENDLEBEN des Saulus und seine Bekehrung und apostolische Berufung, von Th. *Diestelmann*. (Юность Саула, его исправленіе и апостольское призваніе, Т. *Дистельмана*).

DIE LANDWIRTSCHAFTLICHE Thierproduction, von Dr. A. von *Wescherlin*. Vierte, neu bearbeitete Ausgabe. (Хозяйственное производство животныхъ, *Векхерлина*).

MAX VON SCHENKENDORFS-Gedichte. Dritte Auflage. Mit einem Lebensabriss und Erläuterungen, herausgegeben von Dr. A. *Hagen*. (Стихотворенія Макса Шенкендорфа. Съ очеркомъ его жизни и поясненіями. Изданіе А. *Гисена*)

MORIZ von Schwind und Seine Wandgemälde in neuen Wiener Opernhause, von A. *Teichlein*. (Морицъ Швиндъ и его фрески въ вѣнскомъ оперномъ театрѣ, А *Тейхлейна*).

PREUSSISCHE STATISTIK, herausgegeben in zwanglosen Heften vom königlichen statistischen Bureau in Berlin. IX. Vergleichende Uebersicht des Ganges der Industrie des Handels und Verkers im preussischen Staate 1864. (Прусская статистика, издаваемая статистическимъ бюро въ Берлинѣ. IX тетрадь. Сравнительное обозрѣніе хода промышленности и торговли въ Пруссіи 1864 г.).

DIE SCHUSSWUNDEn und die gegenwärtige Bewaffnung der Heere. Eine militärärztliche Skizze von Dr. *Zechmeister* in München (Раны отъ выстрѣла и современное вооруженіе войскъ. Военно-медицинскій очеркъ доктора *Цехмейстера*).

UNLANDS SCHIFFTEN zur Geschichte der Dichtung und Sage. II Band. (Пясьма Уланда, относящіяся къ исторіи поэзіи и преданія).

DER WILDFRÄUEN. Historischer Volksroman von Otto *Müller*. (Деревенскій священникъ. Историческій народный романъ Отто *Мюллера*).

ZUR THEORIE der Lebenserscheinungen in comprimierten Luft. Mit einigen Notizen über die pneumatische Heilanstalt des Dr. R. *Gmelin* in Stuttgart, von Dr. C. L. von *Elsässer*. (Къ теоріи жизненныхъ явленій въ сжатомъ воздухѣ. Съ нѣкоторыми замѣчаніями о пневматическомъ лечебномъ заведеніи доктора Р. *Гмелина* въ Штутгартѣ, К. Л. *Эльзесера*).

ПО ПОВОДУ «ВАРШАВСКИХЪ ТРУЩОБЪ» В. К—ГО.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Недавно во всѣхъ газетахъ было опубликовано о выходѣ новой книги, подъ слѣдующимъ названіемъ: *Варшавскія трущобы и норы, романъ изъ жизни обитателей темныхъ угловъ и закоулковъ*, соч. В. К—го. Такъ-какъ мною было получено нѣсколько писемъ съ запросами, почему я не выставилъ полного имени подъ новою книгою, то нахожусь вынужденнымъ объяснить слѣдующее. Я дѣйствительно имѣю въ виду писать романъ изъ варшавской жизни за время послѣдняго возстанія, который отчасти будетъ служить продолженіемъ «Петербургскихъ трущобъ», для чего уже собраны мною необходимыя матеріалы*; однако вышедшая выпѣ книжка принадлежитъ не мнѣ; полумаскированное имя В. К—го не имѣетъ ничего общаго съ моимъ именемъ и моею фамиліею. Въ послѣднее время выходило нѣсколько брошюръ и книжекъ подъ различными названіями: *Петербургскихъ тайнъ*, *Московскихъ трущобъ*, *Петербургской трущобы* и т. п. Но никто объ этомъ ничего не говорилъ**, такъ-какъ каждый авторъ воленъ называть свое сочиненіе какъ ему угодно; но послѣдняя спекуляція—довольно безперемоннаго свойства. Она прикрывается уже моимъ, полумаскированнымъ, именемъ. Притомъ о напечатаніи моемъ писать романъ изъ варшавской жизни знаютъ весьма многіе и были, сколько мнѣ помнится, заявленія объ этомъ въ нѣкоторыхъ газетахъ. — Вотъ почему я и считаю себя вынужденнымъ на подобное разъясненіе дѣла.

---

* О своемъ желаніи помѣстить этотъ романъ въ «Отеч. Запискахъ», авторъ уже и заявилъ редакціи. Съ удовольствіемъ можемъ подтвердить это теперь же.

Ред.

** Конечно, никто не находилъ нужнымъ обращать какое-либо вниманіе на всѣ эти спекуляціи, вызванныя очевидно «Петербургскими трущобами», спекуляціями на одно *самое* романа.

Кстати, пользуюсь случаемъ сдѣлать одинъ вопросъ библіотекѣ г. Яковлева:

Какимъ образомъ въ каталогѣ книгъ этой библіотеки (дозволенномъ цензурою 18-го марта 1865 г.) на страницѣ 37-й подъ № 1820-мъ, обозначенъ романъ В. Крестовскаго «Петербургскія Трущобы» съ цѣною въ *пять* рублей? Что значить эта *самопроизвольно* назначенная цѣна роману (5 руб.), неоконченному еще печатаніемъ теперь, а въ мартѣ 1865 года непревышавшему объемомъ семнадцати печатныхъ листовъ? Что значить эта продажа романа *отдѣльною книгою*, когда онъ до сихъ поръ не поступалъ въ такую продажу, да и не могъ поступить, потому что печатается еще въ журналѣ? Мы покорнѣйше просимъ библіотеку для чтенія г. Яковлева разъяснить намъ эти вопросы.

Вс. Крестовскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ШЕСТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

	Стр.
ЛЪШПІЙ. Сказочная комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.	
Д. В. АВЕРКІЕВА	1
ІЕЗУИТЪ И МОНАХЪ. Романы Абата***. <i>Статья четвертая и послѣдняя</i>	58
ЭДГАРЪ КИНЕ И ЕГО НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ. М. Вивлюмана.	91
ПОЛМИЛЬОНА. Романъ мисъ Амеліи Эдвардсъ. <i>Часть первая. Главы XI—XXX</i>	111, 318 и 522
ТРУЖЕНИКИ МОРЯ. Романъ Виктора Гюго. <i>Конiecь первой части, второй части первая, вторая и третья книги</i>	148, 284 и 639
ТЕОРІЯ СТЕНОГРАФІИ ДЛЯ РУССКАГО ЯЗЫКА. Съ литографированной таблицей стенографическихъ знаковъ. М. И. Иванина	182
ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОВЫ. Романъ въ шести частяхъ. <i>Часть пятая. Голодные и холодные. Главы X—XIX.</i>	
В. В. Крестовскаго	209 и 389
ГРАФЪ ЛЕСТОКЪ. <i>Статьи четвертая, пятая и послѣдняя.</i> М. Д. Хмырова.	240 и 683
СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Романъ Антонио Флореса. <i>Статья первая и вторая.</i> Н. К—ва.	267 и 512
КТО ЛЮБИТЬ? Повѣсть. В. Л. Маркова.	342 и 420
ПРОЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ. Историко-экономическіе очерки. <i>Статья первая.</i> Введеніе. Государство Платона. Д. Ѳ. Щеглова.	479

ТРУДЪ И НАСЛАЖДЕНІЕ. <i>Статья вторая.</i> Н. И. Со- ЛОВЬЕВА	562
АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. Новая пьеса А. Н. Островскаго «Пучина». Н. Н.	584
ФЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ. Картины изъ юрскаго эпохи. Н. В. Успенскаго	605
ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА. <i>Сочиненіе</i> А. Т. ГРИММА. (Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland)	722
ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ ПОПЫТКА ПРИМѢНЕНІЯ РУССКАГО АЛФАВИТА КЪ ПОЛЬСКОМУ ЯЗЫКУ. А. И—ВА	749
ПТИЦЫ. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ НХЪ ТѢЛѢ И ДУШѢ. (По поводу книги А. Брема: «Жизнь птицъ»). Н. СТРА- ХОВА	765

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА	1, 44, п 151
ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ ДЖ. ТИНДАЛЯ О ЛУЧИСТОЙ ТЕ- ПЛОТѢ.	12
ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ	28, 98, 136 и 174
НОВЫЯ АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ, НѢМЕЦКІЯ И РУС- СКІЯ КНИГИ	41, 107, 147 и 199
НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО ФИЗИОЛОГИИ	61
НОВОСТИ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 74 и 129	
ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ. 88 и 120	
СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.	111
МЫСЛИ МИШЕЛЯ ШЕВАЛЬЕ О НАЧАВШЕЙСЯ ВОЙНѢ. 162	
ПО ПОВОДУ «ВАРШАВСКИХЪ ТРУЩОБЪ». В. К—ГО. Письмо въ редакцію. Вс. Крестовскаго	203

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

*На Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.*

Melodienbuch

(ANTHOLOGIE MÉLODIQUE)

**Erholungen in kleinen instructiven und progressiven
Lectionen über beliebte Motive für das Piano-Forte**

von

FERR. BEYER.

Drei Bände, jeder Rb. 3. 20.

Легкія и короткія пьесы для начинающихъ на мотивы оперъ.

In 12 Heften à 85 Cp.

Heft 1.

№ 1. Air allemand. № 2. Air allemand. № 3. Air allemand. № 4. Air allemand. № 5. Otbello. № 6. Air allemand. № 7. Air allemand. № 8. Lucia di Lammermoor. № 9. L'Elisire d'Amore. № 10. Air allemand. № 11. Gemma di Vergi. № 12. Air allemand. № 13. Air russe. № 14. Air italien. № 15. Air bohémien. № 16. Die Schweizerfamilie. № 17. Air allemand. № 18. Air polonais. № 19. Air anglais. № 20. Air flamand. № 21. Nabucodonosor. № 22. Air allemand. № 23. Air allemand. № 24. Air russe. № 25. Air espagnol. № 26. Belisario. № 27. Air suisse. № 28. Air allemand. № 29. Air allemand. № 30. Air écossais. № 31. La Neige. № 32. Air allemand.

Heft 2.

№ 33. Alessandro Stradella. № 34. Air polonais. № 35. Air italien. № 36. Air français. № 37. Air allemand. № 38. Air polonais. № 39. Air allemand. № 40. Le Postillon de Lonjumeau. № 41. Robert Bruce (Donna del Lago). № 42. Air autrichien. № 43. Lucia di Lammermoor. № 44. Le Cheval de Bronze. № 45. Air allemand. № 46. La Sonnambula. № 47. Fra Diavolo. № 48. Le Concert à la Cour. № 49. Air suisse. № 50. Air français. № 51. Air allemand. № 52. Lucrezia Borgia. № 53. Guillaume Tell. № 54. Air anglais. № 55. I Lombardi (Jerusalem). № 56. Air espagnol. № 57. La Pazza par amore.

Heft 3.

№ 58. La Sonnambula. № 59. Air irlandais. № 60. Belisario. № 61. Air italien. № 62. Le Cheval de Bronze. № 63. Air tyrolien. № 64. Norma. № 65. Air russe. № 66. Air vénétien. № 67. Air tyrolien. № 68. Die Zauberflöte. № 69. La Donna del Lago. № 70. I Puritani. № 71. La fille du Régiment. № 72. Air suisse. № 73. Saffo. № 74. Air tyrolien. № 75. I Puritani. № 76. Air autrichien. № 77. La Part du Diable. № 78. Air écossais, № 79. Air allemand. № 80. Le Brasseur de Preston. № 81. La fille du Régiment. № 82. Die Zauberflöte. № 83. Air irlandais. № 84. Air allemand. № 85. Ernani.

Heft 4.

№ 86. Air allemand. № 87. La fille du Régiment. № 88. Air suisse. № 89. La Favorite. № 90. La Gazza Ladra. № 91. Zampa. № 92. Le Domino noir. № 93. Luciadi Lammermoor. № 94. La Muette de Portici. № 95. Das Nachtlager in Granada. № 96. Das unterbrochene Opferfest. № 97. Der Freischütz. № 98. Les Huguenots. № 99. Don Juan. № 100. Macbeth.

Heft 5.

№ 101. Air italien. № 102. La Favorite. № 103. Martha. № 104. La Traviata. № 105. Wien néerlandisch Bloed. № 106. Polka-Mazurka. Faust. № 107. Rigoletto. № 108. Hymne autrichienne. № 109. Air populaire. 110. La Bohémienne. № 111. Das Nachtlager in Granada. № 112. Träume auf dem Ocean. № 113. Fra Diavolo. № 114. Air national suédois. № 115. Don Juan. № 116. Czaar und Zimmermann. № 117. La Part du Diable.

Heft 6.

№ 118. Lucia di Lammermoor. № 119. Hymne nationale russe. № 120. Air populaire. № 121. Alessandro Stradella. № 122. Die Zauberflöte. № 123. Air populaire. № 124. Polka. № 125. Il Trovatore. № 126. Der Freischütz. № 127. Air populaire Thuringien. № 128. Lucrezia Borgia. № 129. La Muette de Portici. № 130. Valse. № 131. Belisario. № 132. Serenade. № 133. Air suisse. № 134. La Sentinelle. № 135. Norma. № 136. Don Juan.

Heft 7.

№ 137. Air populaire français. № 138. Guillaume Tell. № 139. Joseph. № 140. Valse. № 141. Hail Columbia. № 142. Le Barbier de Séville. № 143. La Traviata. № 144. Stabat mater. № 145. Figaro's Hochzeit. № 146. Oberon. № 147. La Marseillaise. № 148. Czaar und Zimmermann.

ВИЛЬЯМЪ, Н. Молодой пианистъ (Le jeune Pianiste) собраніе короткихъ и мелодическихъ пьесъ для фортепьяно 1 р. 75 к.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать *ест музыкальнныя сочиненія, идъ и тѣмъ бы то ни было изданнныя* или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе ноть на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. — 25 проц.; на десять руб. — 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требования гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

ВИТНЕРЪ.

ПОДПИСКА НА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1866 году

выходятъ два раза въ мѣсяцъ (1-го и 15-го числа) книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ до 15-ти печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,
состоящее изъ двадцати-четырехъ книгъ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. сереб.

ПОДПИСКА **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Для иногородныхъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голосъ»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.*

Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, № 38-й, продаются:

изданныя редакцію «Отечественныхъ Записокъ» книги:

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ФИЛИППА ВТОРОГО, короля испанскаго. Соч.

Вильяма Прескотта. 2 тома. Ц. 2 руб.; съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ АНГЛІИ НОРМАНАМИ. Соч. Оюстена Тьерри.

3 тома. Ц. 8 руб.; съ пересылкою 3 р. 50 коп.

ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. Соч. Гибб. 3 тома. Ц. 8 руб.; съ

пересылкою 3 р. 50 коп.

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ: А. БРАТСКІЙ и С. ДУДЫНЦЕВЪ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть пятая.

ГОЛОДНЫЕ И ХОЛОДНЫЕ.

—
XIV.

Безсонница.

Улегшаяся въ кухнѣ Христина долго еще слышала, какъ по смежнымъ комнатамъ раздавалось шлепанье больничныхъ туфель Морденки, какъ время отъ времени, онъ начиналъ бормотать самъ съ собою, издавалъ какія-то странныя восклицанія, принимался громко хохотать — и этому хохоту часто вторилъ понугай, къ которому въ такомъ случаѣ старшій хозяинъ его обращался со словами:

«Что, попва, дождались?... Дождались, мой дуракъ, дождались!»

И снова начиналъ хохотать, потирая свои руки.

Чухонка, слыша все это, не шутя подумывала, ужъ не рехнулся ли старикъ, недобримъ часомъ.

Морденко всю ночь почти глазъ не смыкалъ, ворочался на постели, вскакивалъ, снова принимался ходить и бормотать, снова ложился и ворочался, для того чтобы черезъ нѣсколько времени опять вскочить и расказивать. То напряженное состояніе, въ которомъ онъ теперь находился, далеко отгоняло его сонъ. Старикъ былъ почти счастливъ: онъ ждалъ завтрашняго дня, мечталъ и думалъ о предстоящемъ свиданіи, какъ, можетъ быть, думаетъ и мечтаетъ только влюбленный юноша о первомъ свиданіи, назначенномъ ему любимой женщиной. Ему почти въ явѣ воображалось, какъ войдетъ Шадурскій, какъ онъ встрѣтитъ

Т. СЛXVI. — Отд. I.

этого барина, какъ будетъ держать себя относительно его, что станетъ говорить ему, и что Шадурскій будетъ отвѣчать на его рѣчи. Фантазія рисовала ему и фигуру стараго князя, и выраженіе его фізіономіи. Онъ начиналъ говорить то, что давно уже мечталъ высказать, — даже покрасивѣе и повывразительнѣе поправляя инныя изъ своихъ выраженій, и самъ же сейчасъ сочинялъ и формулировалъ словами и даже цѣлыми фразами предполагаемые отвѣты Шадурскаго на свои рѣчи. Морденко уничтожалъ его въ своемъ воображеніи, видѣлъ его ползающимъ у своихъ ногъ, вымаливающимъ прощенія, пощады, и злобно наслаждался этими воздушными замками. Онъ былъ почти счастливъ, потому что *совсѣмъ* счастливымъ могъ быть только завтра, когда наконецъ исполнится то, о чемъ теперь такъ лихорадочно-страстно мечтаетъ.

Сознаніе своего торжества, нетерпѣливое ожиданіе и эти мечты, столь щедро питающія теперь застарѣлую ненависть, въ виду скорого и полнаго ея удовлетворенія — все это, совокупленное вмѣстѣ, заставило его вдвойнѣ переживать свою жизнь. оживило, ободрило и омолодило его тою напряженной энергичностью, которая чѣмъ сильнѣе въ данную минуту, тѣмъ болѣе разрушаетъ организмъ потомъ. Такая усиленная дѣятельность, такая напряженная жизненность живетъ въ старикѣ недолго и живетъ на счетъ всѣхъ скудныхъ силъ разрушающагося организма.

Наконецъ онъ заснулъ; но сонъ его былъ лихорадочно неровенъ и чужокъ болѣе обыкновеннаго. Тѣ же самыя воздушныя замки, которые онъ строилъ наяву, преслѣдовали его и во снѣ. Морденко часто просыпался и, наконецъ, когда кукушка его прохрипѣла пать, рѣшительно и бодро вскочилъ со своей жесткой постели.

Вскорѣ послышался благовѣсть, призывавшій въ заутренѣ.

— Ага, ударилъ уже, батюшка мой, ударилъ—православныхъ призываешь! съ улыбающимся лицомъ проговорилъ, прислушиваясь Морденко:—Вѣнемъ, вѣнемъ тебѣ!... Первѣе всего теперь — Судѣтеля возблагодарить, потому — онъ это все... охъ, одинъ только онъ!...

— Въ оный часъ и тебѣ пробьетъ мѣдъ звенящая... какъ-то торжественно, съ отгѣнкомъ угрозы и грусти глухо проговорилъ старикъ, поднявъ указательный перстъ, послѣ минутнаго раздумья. О комъ онъ это подумалъ? къ кому относилось его полубиблейское реченіе — къ себѣ ли, къ врагу ли своему? — неиз-

вѣстно; только постоявъ послѣ этого еще съ минуту, погруженный въ серьезное раздумье, онъ вытянулся, высоко поднявъ свою голову и снова улыбнулся торжествующей улыбкой.

«Здравствуй, Морденко», закричалъ ему навстрѣчу приученный полугай, имѣвшій старое обыкновеніе просыпаться, какъ только слышитъ на разсвѣтѣ шлѣпанье хозяйскихъ туфель.

— Здравствуйте, ваше превосходительство! здравствуйте! привѣтливо откликнулся старикъ, вдругъ почему-то почтившій сегодня своего стараго пріятеля титуломъ его превосходительства.

«Разорились мы съ тобой, Морденко», повторилъ непосредственно за симъ поугай свою обычную фразу.

Морденко, вмѣсто того, чтобы отвѣтить по обыкновенію: «разорились, попчка, въ конецъ разорились» — цмокнулъ губами и щелкнулъ пальцами, какъ-бы желая выразить этимъ: «аяъ врешь, братъ, ошибаешься!».

— Нѣтъ, птица моя, не разорились, а обрѣли сокровище превыше Кира и Соломона царя! говорилъ онъ въ томъ же грустно торжественномъ тонѣ, настроенномъ отчасти на торжественный ладъ. — Да, птица моя, да!... Плотію бѣденъ — духомъ богатъ...

«Плотію бѣденъ — духомъ богатъ», раздумчиво кивая головою повторялъ онъ, ходючи по комнатѣ. Разбудилъ свою чухонку и хотѣлъ ужъ было отдать ей приказаніе на счетъ самовару, да вспомнилъ, что доброму христіанину не подобаешь, сбываясь къ обѣднѣ, пишу ввухать, и отложилъ свое необдуманное намѣреніе.

— Нынче ужъ цѣлебныхъ травъ пить не стану, а чайкомъ потѣшу себя. Нынче можно дать себѣ такое разрѣшеніе, потому день-то какой у меня нынче.

И старикъ самодовольно потиралъ свои костлявыя руки.

— Вотъ, отъ обѣдни пойду — чайку кушлю, и сахарцу, и булочекъ... Теперь ужъ не для чего мнѣ жалѣть!... Все ужъ исполнено!... можно потѣшить себя, можно!... А друзьямъ своимъ тоже пиршество задамъ; непременно!... непременно!... Попка, Гулька! слышите?

И глаза его радостно смѣялись отъ одного лишь предвкушенія тѣхъ скромныхъ лакомствъ и удовольствій, которыя, мечтая, готовилъ себѣ старикъ въ лучший день своей жизни.

Онъ чистенько умылся, причесался, пригладился, пробормоталъ свои утреннія молитвы, усиливая и протягивая звукъ голоса на каждомъ первомъ словѣ каждой молитвенной фразы и

скороговорнымъ полушопотомъ глотая остальные слова; медленно крестился и медленно клалъ большіе поклоны, касаясь каждый разъ при этомъ до полу правой рукою; и за симъ, исполнивъ этотъ долгъ, снова погрузился въ сладкую мечтательность и опять заходилъ по комнатѣ, время отъ времени улыбаясь всею же торжествующею улыбкой.

Въ такой-то забывчивости, онъ почти машинально накинулъ на себя свой ветхій, дырявый халатишко, служившій для вечернихъ и раннихъ утреннихъ шатаній на церковную паперть, какъ вдругъ опомнился, оглядѣлъ съ улыбкой изумленія заплатанныя полы этого костюма и, покачавъ головою, торопливо снялъ съ себя и повѣсилъ на гвоздикъ свое убогое рубище.

— Нѣтъ, старикъ, этотъ образъ отнынѣ ужъ не подобаетъ! сказалъ онъ самому себѣ:—отнынѣ ужъ можно пристойно одѣваться... Пускай всѣ видятъ, пускай всѣ знаютъ, что ты врага низложилъ... Такъ ли, Попочва?... а?... Теперь ужъ нечего жалѣть—вѣдь правда?

Попугай усердно захватывалъ своимъ клювомъ прутья желѣзной влѣтки, варабкаясь по нимъ цѣпкими лапами. Морденко, какъ пріятелю, шутиливо кинулъ ему издали головою, лукаво прищурилъ при этомъ старческой глазъ, и принялся очень тщательно сметать метѣлкой каждую пылинку со своего длиннополого синяго скюртува, много уже лѣтъ соблюдаемаго въ отнѣнномъ порядкѣ и раченіи и служившаго старикѣ лучшимъ параднымъ костюмомъ.

Онъ съ видимымъ удовольствіемъ облекся въ это лучшее свое платье и прошелъ въ заднюю комнату, извѣстную у него подъ именемъ «модельной», гдѣ хранились подъ замками и за желѣзными болтами вещи, принятія въ закладъ.

Долго переглядывалъ онъ тамъ разныя мѣховыя одѣвія, и наконецъ выбралъ нльвовую шубу и соболью шапку, которыя показались ему лучше всѣхъ остальныхъ.

— Н-да! вотъ заложилъ по веснѣ молодецъ... заложилъ и не выкупилъ, рассуждалъ онъ, примѣряя на себя эти вещи, и рассуждалъ какъ-бы съ нѣкоторымъ отнѣнкомъ своеобразнаго сожалѣнія и сочувствія къ невыкупившему молодцу:—ну, что-жъ теперь станешь дѣлать!.. Просрочилъ... Тогда вотъ—грѣхъ такой случился—не пожелалъ я повременить на процентахъ, а теперь, можетъ, я и радъ бы отдать—да гдѣ-жъ отыщешь тебя, молодецъ-то?.. Поди-ко, ужъ и рукой давно махнулъ... Ну, и поневолѣ за

собой оставилъ... Теперича, значить, мои... А ты, поди-ка, кро-вопійдемъ честишь старика, грабителемъ... О, Господи!... Прости и помилуй насъ грѣшныхъ!

И Морденко, врестаясь, подъ вліаніемъ религіозно-грустнаго чувства, побрѣлъ къ обѣднѣ, не забывъ предварительно нагрѣпко замкнуть всѣ комнаты и самую квартиру, въ которой подъ обычнымъ арестомъ осталась чухонка Христина, а ключи, какъ и всегда, опустил въ свой глубокій и виѣстительный карманъ.

Онъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ ощущалъ на своихъ плечахъ легкую, теплую и красивую шубу, ему пріятно было запахивать на себѣ ея широкія полы и думать при этомъ, что кончены уже для него навсегда путешествія въ рубищѣ, что ужъ больше невчему знобить ему свое дряхлое, хотя и заваѣнное во многихъ невзгодахъ тѣло, что настало наконецъ время, когда онъ можетъ побаловать себя нѣскольکو, на закатѣ дней своей жизни.

И Морденку, словно ребѣнка, тѣшили эти мысли.

XV.

КЛАНСКІЯ МУКИ.

— Ну, мои друзья! у васъ нынче пиръ! Я вамъ пиръ задаю!.. Радуйтесь вмѣстѣ со мною!.. Съ кѣмъ же мнѣ и порадоваться-то больше!.. Попка!.. Гулька!.. говорилъ Морденко, возвратясь отъ обѣдни и неся въ обѣихъ рукахъ большой бумажный тюрникъ, гдѣ помѣщались только что сдѣланныя имъ закуски.

— Христина! ставь скорѣй самоваръ! будемъ чай пить!.. Съ сахаромъ!... Съ сладкими булками!... съ сухарями!...

Чухонка, не зная, чтѣ и подумать о хозяйнѣ, только оглядѣвъ его недоумѣлымъ взоромъ да руками развела, однакоже не выразивъ словами своего немалаго изумленія, со вздохомъ принялась копошиться около заплесневѣлаго самовара.

Морденко съ великимъ наслажденіемъ прикусывалъ сладкія сдобныя булки, захлебывая ихъ глотками сладкаго и душистаго чая; а когда началъ третій ставанъ, то послѣ краткаго колебанія, даже и кузарку свою угостилъ, чему та опять-таки необычайно изумилась.

Послѣ этого, старикъ задалъ балтазарово пиршество и своимъ друзьямъ-любимцамъ: безносому голубю была предоставлена цѣлая чашка съ намоченнымъ въ чаю мякишемъ сладкой булки, а

старому попугаю, кромѣ этого яства, Морденко предложилъ цѣлые десять гредяихъ орѣховъ изъ купленнаго фунта и цѣлую мармеладину; остальное было припрятано «на послѣ». Осипъ Захаровичъ съ видимой любовью и заботой разбивалъ скорлупу, очищалъ шелуху и по кусочкамъ подносилъ орѣховое ядро къ лапѣ своего любимца, каждый разъ повторяя при этомъ:

— Примите, ваше превосходительство!... Кушайте, ваше превосходительство.

Сегодня былъ первый день, въ который Морденко почему-то произвелъ въ генеральскій чинъ своего красно-зеленаго друга.

И красно-зеленый другъ видимо наслаждался подносимымъ ему лакомствомъ, какъ, въ свою очередь, безносый гулька наслаждался приготовленнымъ для него мѣсивомъ. Точно такъ же наслаждалась и чухонка Христина, давно уже непарившая нутро свое чаемъ (цѣлебныхъ травъ она недолюбливала), да еще такимъ хорошимъ. А о самомъ виновникѣ всѣхъ этихъ наслажденій нечего ужъ и говорить: онъ болѣе всѣхъ, и притомъ навѣрное въ первый разъ своей жизни, наслаждался предвкушеніемъ грядущаго триумфа, послѣ побѣды своей надъ княземъ Шадурскимъ.

Чѣмъ ближе подходило время къ двумъ часамъ—тѣмъ длиннѣе вазалось оно старику и тѣмъ все болѣе усиливалось въ немъ волненіе ожиданія. Онъ черезъ каждыя пять минутъ высовывалъ въ форточку свою лысую голову, чтобы засмотрѣть внутри двора — не идетъ ли тамъ его врагъ, пли по крайней-мѣрѣ хотя Хлѣбонасущенскій. Онъ то и дѣло подходилъ къ выходной двери и чутко прислушивался — не слышать ли шаговъ на лѣстницѣ. Онъ былъ твердо и непреклонно увѣренъ, что Шадурскій явится сегодня необходимо, неизбѣжно какъ день послѣ ночи—до такой степени ужъ, въ теченіе этого времени, успѣла всосаться въ него ласкающая мысль о посѣщеніи князя.

Когда стрѣлка подходила наконецъ къ двумъ часамъ, старикъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Это старчески-страстное нетерпѣніе до послѣдней глубины взбудоражило его много-подавленную и долго-сдержанную натуру.

Но вотъ пробило два—Морденко съ полчаса уже не отходить отъ форточки, высунулъ въ нее, на потѣху сырости да вѣтру, свою голову, даже продрогъ отъ холоду — а все-таки смотреть, и отойти не можетъ, потому что крѣпко боится: — ну, какъ вдругъ они постучатся да войдутъ, а ты и ко встрѣчѣ приготовиться не успѣешь?! Онъ представлялъ себѣ эту встрѣчу чѣмъ-то

совсѣмъ особеннымъ и необычайнымъ. Немудрено: онъ такъ долго дѣлѣялъ скрытыя мысли объ этой желанной минутѣ.

Вотъ уже четверть третьяго, а Шадурскаго все еще нѣтъ, и не видать, и не слышать даже чтобы къ воротамъ кто-нибудь подъѣхалъ.

Сильное безпокойство начало овладѣвать Морденкой.

— Ну, какъ онъ не пріѣдетъ... совсѣмъ не пріѣдетъ... не захочетъ пріѣхать?.. Ну, какъ онъ вдругъ деньги пришлетъ... какимъ-нибудь чудомъ господнимъ пришлетъ? Боже мой, что-жь это тогда?... Все пропало? все?... Нѣтъ, это вздоръ, денегъ прислать ему неоткуда, онъ *долженъ* пріѣхать, не смѣетъ не пріѣхать, а иначе...

И глаза Морденки злобно сверзаютъ изъ-подъ нависшихъ бровей, а черствый и костистый кулакъ сжимается все судорожнѣй и сильнѣе.

Въ прихожей позвонили.

— Э, чортъ возьми!... какъ же это я проглядѣлъ! встрепенулся Осипъ Захаровичъ, приди въ большое смущеніе отъ того, что встрѣча захватываетъ его врасплохъ. Только что хотѣлъ-было отдать чухонкѣ инструкціи на счетъ пріема, какъ та ужъ и дверь поторопилась отворить. Морденки и досадно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ сердца-то отлегааетъ: это не Шадурскій, а какой-то алчущій и жаждущій пришелъ.

— Отказать ему! закладовъ не принимаю сегодня! совсѣмъ не принимаю! ничего не принимаю больше! досадливо распорядился старыкъ и погрузился въ новыя думы и предположенія:

— А ну, какъ онъ боленъ?... Ну, какъ онъ вдругъ умретъ?... или умеръ?... Господи!... Господи!... Не накажи ты меня!... Что-жь это такое!?. . Нѣтъ, этого быть не можетъ!... Не можетъ!... не-можетъ!... не-мо-жетъ!... Какъ же это—такъ все вдругъ и пропало, такъ и погбло?... Ни за грошъ, ни за плевогы!... Господи! вразуми ты его! молятся и бормочетъ про себя Морденко:—направь его на путь сей! Не дай ты ему наглнн смерти, донеси его цѣла, здрава и невредима! Господи! услыши меня!..

И изъ напряженныхъ глазъ старика эта нервная, полупомѣшанная молитва выжимаетъ тошую слѣзку.

Онъ на мгновеніе отводитъ отъ домовыхъ воротъ свои взоры, взглядываетъ на стѣнную кукушку—и каждый такой взглядъ несетъ ему новое, усиливающееся безпокойство и подбавляетъ новую каплю горечи въ его сердцѣ.

Стрѣлка показывааетъ двадцать-пять минутъ третьяго — а желаннаго гостя все еще нѣтъ. Кукушка прохрипѣла половину, испугай тоже повторилъ вслѣдъ за нею: «ку-ку!» а безпокойство старика растетъ и растетъ. Онъ уже увѣренъ, что Шадурскій не будетъ, что онъ; пожалуй, умеръ скоропостижно отъ удара, при извѣстїи о постигшемъ его несчастїи — и сердце Морденки щемить, надрывается тоскою и злобой.

— Все пропало!... Все!... Ничего не будетъ, ничего не исполнится!... Все напрасно было! Вся жизнь ни къ чорту!... О, Господи: вскую испытуети!...

— А, знаю! знаю! Это за грѣхи мои такъ! Это онъ мнѣ воздаяніе посылаетъ! О, я знаю, онъ ему, можетъ, наглуго смерть послалъ, чтобы я теперь казнился и мучился! Все отдамъ, Господи! все имѣніе нищимъ раздамъ, только принеси ты его, врага моего!..

Три четверти третьяго — не ѣдетъ.

— Умеръ... шепчуть сухія старческія губы: — умеръ мнѣ въ наказаніе и въ укоръ... умеръ... иначе быть не можетъ!

И Морденко, подъ гнетомъ этой мысли, раздавленный, уничтоженный, обезсиленный, опустья какъ плети свои длинныя узловатыя руки, въ отчаяніи отходить отъ окошка, еле волоча ноги, опускается въ свое кресло и сидитъ, какъ убитый, понуря голову, закрывъ глаза. Эта внезапно пришедшая мысль о возможности скоропостижной смерти князя, вслѣдствіе удара, о смерти, нарочно посланной Богомъ въ наказаніе ему, Морденкѣ, за всѣ его лихія дѣла, приняла въ его возбужденномъ мозгу всю, такъ сказать, осязаемую достовѣрность совершившагося факта. Старикъ былъ сильно суевѣренъ. Эта усиленная дѣятельность за послѣднее время, сознаніе близости того часа, въ который должно свершиться давно-задуманное мщеніе, эти страстныя, лихорадочныя мечты со вчерашняго вечера, бессонница, и наконецъ эта еще болѣе страстная лихорадка ожиданія, сначала радостнаго и полнаго блестящихъ надеждъ, а потомъ тщетнаго до злобы, до отчаянія—все это въ совокупности отняло у Морденки способность спокойно и трезво отнестись къ своему положенію въ столь рѣшительную роковую минуту его жизни. Мысль о смерти Шадурскаго (иначе—какъ же бы онъ не явился!) неотступно стала передъ нимъ, и онъ, какъ помѣшанный, безъ логики, безъ послѣдовательности, не разсуждая, отдался ей вполне, подъ напльвомъ религіозно-суевѣрнаго чувства о высшемъ возмездїи.

Если Морденко много и много понадѣлалъ людямъ зла въ своей жизни, то эти минуты мученій и отчаянія, какія переживалъ онъ теперь, быть можетъ, многое могли бы и искупить ему.

Быстрые и рѣзкіе переходы отъ одного ощущенія къ другому, совершенно противоположному, далеко не невозможны въ подобныя минуты самого напряженнаго, возбужденнаго состоянія нервовъ у человѣка, всю жизнь свою до самозабвенія посвятившаго одной исключительной идеѣ, одной исключительной страсти.

Морденко былъ жалокъ и раздавленъ. Напрасно поугай кричалъ ему: «разорились мы съ тобой, Морденко» — старикъ не отвѣчалъ, ибо подъ наплывомъ своихъ думъ и ощущеній, даже не замѣчалъ криковъ красно-зеленаго друга. Онъ уже не ждалъ теперь Шадурскаго, хотя часовая стрѣлка даже и до трехъ не дошла. Отчаяніе наступило для него быстро и рѣшительно, и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ сильнѣй была предварительная радость, страстная надежда и гордое ожиданье.

Опять позвонили въ прихожей, и этотъ звонокъ произвелъ на старика дѣйствіе гальваническаго тока: онъ мгновенно вспрыгнулъ съ мѣста, оживленный, возбужденный и даже немало перепуганный его внезапностью. Но это опять-таки кто-то изъ алчущихъ и жаждущихъ явился — и тѣмъ сильнѣе, отъ новаго разочарованія, давая Морденку отчаяніе и злость. А подобнымъ звонкамъ, послѣ этого, суждено было повторяться еще дважды, одинъ почти вслѣдъ за другимъ, и возвѣщали они все тотъ же приходъ алчущихъ и жаждущихъ. Было время, когда такіе звонки сильно радовали и утѣшали одинокаго старика, а теперь онъ ихъ ненавистно проклиналъ, теперь онъ считаетъ ихъ чѣмъ-то дьявольски дразнящимъ, какою-то злобой насмѣшкой нечистой силы, злобой ироніей судьбы надъ его положеніемъ — и послѣ каждаго такого звонка въ немъ еще сильнѣе вырастаетъ эта странная увѣренность въ предполагаемой смерти Шадурскаго: каждая лишняя минута какъ будто еще болѣе удостовѣряетъ его въ этомъ.

«Что въ томъ, что векселя представлены! Коли онъ умеръ — все пошло прахомъ!.. Ужъ теперь и смыслу, и значенія того это дѣло не будетъ имѣть!.. Наполовину не будетъ!.. совсѣмъ не будетъ!» горько думалъ Морденко, въ отчаяніи опустивъ голову на руки, упертыя локтями въ колѣнки, выдавшіеся острымъ угломъ; думалъ и много-много, хотя и бессильно злобствовалъ. Эта злоба пошлутно кидала его въ нервно-конвульсивную дрожь.

Христина копошилась у себя въ кухнѣ, попугай кричалъ и свистѣлъ, а безносый голубь, которому вѣроятно наскучило сидѣть на печкѣ, въ своемъ обычномъ, давно насыженномъ мѣстѣ, вспорхнувъ оттуда, раза два тяжело повружился зигзагами по комнатѣ и, по привычкѣ, сѣлъ на плечо хозяина, похлопывая по немъ крыльями.

Это неожиданное, постороннее прикосновеніе заставило испуганно вздрогнуть забывшагося въ своемъ отчаяніи старика — и вдругъ, подъ вліаніемъ охватившей его злобы, онъ, не давая себѣ отчета въ своихъ побужденіяхъ и поступкахъ, мгновенно и яростно хватилъ за шею безносаго голубя, который въ это мгновеніе воркуя такъ ласково вытягивалъ ее и по привычкѣ прижимался безобразной головою къ щекѣ хозяина. Схвативъ эту шею, Морденко судорожно и крѣпко сжалъ ее на нѣсколько мгновеній въ рукѣ, и съ силою швырнулъ отъ себя голубя въ противоположный уголъ. Птица съ размаху ударилась объ стѣну, шлепнулась на полъ, и подрыгавъ съ минуту ногами да затрепетавъ распластанными крыльями, осталась на мѣстѣ—уже безъ малѣйшихъ признаковъ жизни.

Морденко какъ сидѣлъ, такъ и остался — даже вниманія не обративъ на это обстоятельство. Одинъ только попугай, замѣтивъ вѣроятно, что съ гулькой свершаются какіе-то выходящіе изъ ряда, необычайные пассажи, машинально врявнулъ раза два: «безносый!» и снова сталъ-себѣ карабкаться по желѣзнымъ прутьямъ.

Вдругъ въ это самое время по двору загромычала карета.

Морденко, словно ужаленный внезапно, быстро вскочилъ и бросился къ окну.

Карета подъѣхала къ его флигелю. Такъ: не осталось нѣзкого сомнѣнія—это онъ, это Шадурскій.

Осипъ Захаровичъ затрепеталъ и обтеръ ладонью холодный потъ, проступившій на лбу.

Вотъ когда наступила она, эта роковая, рѣшительная минута.

Но она совсѣмъ не была минутой необузданно-радостнаго порыва: ни рѣзкимъ движеніемъ, ни внезапнымъ крикомъ, ни широкой улыбкою — ничѣмъ подобнымъ не выразилъ Морденко своего душевнаго состоянія, въ которомъ произошелъ теперь опять-таки новый рѣшительный и притомъ вполне мгновенный переломъ. Старикъ не обрадовался — онъ только почувствовался, пришелъ въ себя: стувъ подъѣхавшаго экипажа вернулъ его отъ

отчаянія и мистически-суетвѣрныхъ грезъ къ прямой дѣйствительности, къ мысли объ осуществляемомъ мщеніи.

Онъ сразу и вполне овладѣлъ собою: теперь это былъ уже всегдашній, обыденный Морденко, наружность котораго оставалась черствой, холодной, и повидному спокойной, тогда какъ внутри его все-таки пробѣгала нервная дрожь и сердце время отъ времени сжималось болѣзненно, тревожно и радостно. Онъ еще разъ заглянулъ въ окно. Изъ кареты выпрыгнулъ Хлѣбонасущенскій и подъ-руку помогъ сойти на землю старому князю, котораго такимъ же образомъ взвелъ и на лѣстницу.

— Христина!... Сюда идутъ... Спроси, кто такіе и приди доложить мнѣ! — безъ доклада не впускай!... Да какъ пойдешь докладывать — дверей ко мнѣ въ комнату не затворяй! Слышишь? нѣскоро распорядился Морденко и поторопился удалиться въ свою спальню, притворивъ за собою двери. Отъ исполненія этого распоряженія зависѣлъ нѣкоторый эффектъ, заранѣе ужъ обдуманнѣй.

Затѣмъ старикъ притаился у двери и чутко сталъ прислушиваться.

Раздался звонокъ, снова заставившій его вздрогнуть. Въ прихожую вошли князь и управляющій.

— Мнѣ прикажете съ вами остаться? тихо спросилъ послѣдній.

Князь задумчиво поморщился.

— Н-нѣтъ, вы лучше, мой милый, тамъ внизу... или въ каретѣ обождите меня... Я одинъ объяснюсь... это лучше будетъ.

Дмитрій Платоновичъ предчувствовалъ, что въ разговорѣ его съ Морденкой могутъ быть, пожалуй, затронуты такого рода обстоятельства, при которыхъ немало могло бы его корѣбить и смущать присутствіе третьяго лица.

XVI.

КАКЪ ДОМАЛОСЬ КНЯЖЕСКОЕ САМОЛЮБІЕ.

Когда вчерашній день вечеромъ Хлѣбонасущенскій давалъ Морденкѣ обѣщаніе за Шадурскаго, онъ и самъ не былъ хорошо увѣренъ, согласится ли тотъ ѣхать къ Осипу Захаровичу; рѣшился же дать это обѣщаніе, основываясь на словахъ Татьяны Львовны, которая прямо выразила мысль о необходимости, въ крайнемъ случаѣ, личныхъ, непосредственныхъ объясненій. А увѣжая отъ Морденки, Подіевецъ и самъ пришелъ къ убѣ-

жденію, что если и личное свиданіе не успѣтъ принести ожидаемыхъ результатовъ, то ихъ уже ничто не принесетъ, такъ что съ той самой минуты все дѣло нужно считать потеряннымъ.— Эту мысль онъ высказалъ и княгинѣ, нетерпѣливо ожидавшей его возвращенія.

— Я такъ и знала! съ горечью проговорила Татьяна Львовна:—я такъ и знала! Пусть самъ князь завтра ѣдетъ!

— Согласится ли?.. съ скромнымъ сомнѣніемъ замѣтилъ управляющій.

— *Долженъ ѣхать!* настойчиво произнесла княгиня, и отпуская отъ себя Хлѣбонасущенскаго, поручила ему немедленно пригласить къ ней стараго князя.

Разслабленный гаменъ вошелъ не то что мокрой курицей, а скорѣе мокрымъ пѣтухомъ, потому что въ немъ не успѣла еще стить нѣкоторая доля гнѣва противъ своей супруги.

— Вы завтра въ два часа лично будете у Морденки, твердо начала княгиня тономъ, недопуская противорѣчій:—вы должны просить его, чтобы онъ далъ намъ отсрочку. Вы это понимаете?

Князь въ великомъ недоумѣніи глядѣлъ на нее сквозь свое стеклышко.

— Повторяю вамъ: вы должны *упросить* его объ отсрочкѣ, или иначе — насъ ждетъ круглая нищета и позоръ черезъ нѣсколько дней. Что вы на меня такъ смотрите? кажется, я говорю ясно.

— Я?!.. къ Морденкѣ!?. Да кто изъ насъ съ ума сошелъ—вы, или я?

Князю, дѣйствительно, могло показаться страннымъ и дикимъ предложеніе супруги. Онъ былъ столь необычайно изумленъ, что даже его стеклышко выпало изъ выпученнаго глаза.

— Да! да! *Вы*, и къ Морденкѣ! Понимаете? усиленно ударяя на словѣ подтвердила ему Татьяна Львовна.

— Можете ѣхать сами! сыренизировалъ Шадурскій, пожавъ плечами и коротко поклонившись.

— О, въ этомъ не сомнѣвайтесь! съ твердостью и достоинствомъ перебила жена:— когда будетъ нужно, я, конечно, поѣду. Но теперь это пока еще не требуется: теперь Морденко соглашается *самъ* видѣть.

— Я не поѣду.

— Почему?

Послѣдній вопросъ очень затруднилъ стараго князя.

— Почему?.. почему?.. Да какъ, боже мой, почему!.. Я — и вдругъ къ Морденкѣ!.. Да вы вспомните, кто я и кто Морденко!...

— Морденко — человѣкъ, отъ котораго зависитъ погубить насъ завтра же, пустить насъ нищими, опозорить. — Вотъ кто Морденко!

— Я поѣду унижаться къ хаму, котораго я какъ собаку вышвырнуть изъ дому! я поѣду къ вашему... къ вашему...

— Къ моему... Ну, что жь, къ моему? — Договоривайте! прищурилась на него княгиня и вдругъ сама договорила съ такой цинической откровенностью, отъ которой даже и князя нежножко назадъ отшатнуло.

— Къ моему любовнику? медленно и спокойно произнесла она: — это, что ли, хотите вы сказать? — о, мой жалкій князь! Вспомните, сколькимъ изъ моихъ любовниковъ вы такъ любезно пожимали руки, къ сколькимъ изъ нихъ ѣздили съ визитами. Даже у иныхъ и денегъ взаимъ иной разъ перехватывали! Вспомнимъ-ка лучше это! Отчего же вы тогда не возмущались? Полноте! перестаньте драпироваться: смѣшно! Кого вы думаете обмануть?!

Княгиня потому высказывала все это съ такимъ наглымъ цинизмомъ, что пользовалась теперь удобнымъ tête-à-tête; но иначе высказать она и не могла, потому что отъ сердца вырвалось ей жесткое слово; а въ этомъ сердцѣ много и много ужъ накопѣло. Ее оскорбляло и возмущало то, что этотъ презрѣнный (даже и въ ея глазахъ) человѣчишко, котораго она видѣла и понимала насквозь, осмѣливается вдругъ разыгрывать изъ себя героически-добродѣтельнаго мужа и благороднаго человѣка. Ей злобно захотѣлось сразу осадить его, указавъ ему настоящее его мѣсто, давъ ему уразумѣть, *что онъ такое* въ сущности; ей захотѣлось разомъ высказать ему все то презрѣнiе, которое она питала къ нему въ эту минуту болѣе чѣмъ когда либо — и потому, подъ влiянiемъ такого порыва, Татьяна Львовна даже и не подумала остановиться передъ откровеннымъ цинизмомъ своихъ желчныхъ выраженiй.

Князь до того смѣшался неожиданнымъ оборотомъ разговора, что рѣшительно не нашелся, какъ и что отвѣтить ей на это.

— Слушайте! рѣшительно приступила къ нему супруга: — у меня есть свои планы, какъ устроить наши дѣла — нѣчего вамъ объяснять ихъ теперъ — надо только, чтобы Морденко согласился

отсрочить взысканіе; Хлѣбонасущенскій говорилъ съ нимъ и думаетъ, что, можетъ быть, онъ согласится, если его упротить. Морденко по свѣдѣму самолюбію—поѣзжайте къ нему и просите, это пока единственное средство—унижайтесь, если нужно унижаться! Чтѣ ужъ тутъ думать о своемъ достоинствѣ, если не сегодня-завтра оно будетъ только увеличивать нашъ позоръ! Униженіе не богъ-знаетъ какъ велико, потому что о немъ никто не узнаетъ: вы будете съ глазу на глазъ объясняться съ Морденкой. Завтра въ два часа онъ ждетъ васъ. Теперь вы понимаете мена?

— Я не поѣду къ Морденкѣ, съ волѣвымъ упрямствомъ пропѣдилъ сквозь зубы Шадурскій.

— Ну, такъ будете нищимъ! Что до меня—такъ мнѣ все равно: сегодня у насъ все идетъ съ молотка—сегодня же я иду въ монастырь и запираюсь отъ свѣта!

Княгиня немножко фантазировала, высказывая эти мысли: ей было вовсе не все равно, и она очень хорошо знала, что уйдти въ монастырь не удастся потому, что Морденко и ее точно такъ же упрячетъ въ долговую тюрьму; предполагаемое же отшельничество пустила въ ходъ, какъ эффектъ, которымъ сильнѣе можно подѣйствовать на мужа.

Но эффектъ не произвелъ никакого очевиднаго дѣйствія.

— Повторяю вамъ, мнѣ все равно, убѣдительно продолжала ек-красавица:—я о себѣ не думаю; но я въ отчаяніи за сына—мнѣ смертельно жаль нашего несчастнаго Владиміра! Подумайте, чтѣ его ожидаетъ! Если не ради себя, то ради роднаго сына вы обязаны это сдѣлать.

— Да кто же мнѣ поручится, что Морденко согласится на отсрочку? Развѣ вы имѣете какія нибудь положительныя данныя для этого? возразилъ разслабленный гаменъ, все еще продолжал упрямиться.

— Я имѣю одну вѣроятность... но я надѣюсь... Поливѣтъ тоже надѣется. Это наконецъ послѣднее средство! болѣе ничего не остается; хватайтесь за бритву, но не тоните же, какъ камень!

— Ну, если онъ и дастъ отсрочку, тогда что?

— Тогда... тогда—я знаю, чтѣ дѣлать: тогда пускай Владиміръ женится на Дарѣ Шиншеевой. Она поручится, долгъ пойдетъ на разсрочку. Однимъ словомъ—тамъ ужъ мое дѣло!

Наступила минута молчанія. Княгиня ждала; князь въ глумомъ

раздумъ расказывалъ по комнатамъ, слегка покладывая на ходу каблукъ о каблукъ.

— Ну, что жъ, наконецъ, вы надумались?... Поѣдете вы? нетерпѣливо вздохнувъ, возвысила голосъ Татьяна Львовна.

Дмитрій Платоновичъ нѣхота покачалъ головой, не рѣшаясь покачать рѣшительно и смѣло.

Княгиню вздрвало.

— Ну, такъ подите же вонъ отсюда!.. Оставьте меня! рѣзко и раздраженно проговорила она, вся всыхнувъ и засверкавъ на него глазами.

Гаменъ какъ-то глупо ухмыльнулся, и вышелъ подобно мокрой курицѣ — положеніе, наиболѣе свойственное ему въ такихъ обстоятельствахъ.

Ех-брасавица въ злобномъ изнеможеніи бросилась въ кресло, досадливо запустивъ въ пряди волосъ свои трепещущіе, тонкіе пальцы, и надолго осталась въ такомъ положеніи.

Она страдала. Передъ нею рисовался весь ужасъ грядущей нищеты и тѣхъ оживленныхъ толковъ, какіе пойдутъ повсюду рядомъ съ разореніемъ, ужасъ того равнодушнаго и фальшиваго, но тѣмъ не менѣ оскорбительнаго участія къ ихъ положенію, того позора, тяжкаго для самолюбія, который будетъ отсель сопровождать ихъ разорившееся и падшее величіе. Это было черезчуръ ужъ жестоко для избалованной судьбою женщины. И что хуже всего — она очень хорошо понимала, что шансы на успѣхъ личныхъ переговоровъ съ Морденкой имѣютъ только фиктивное или по крайней-мѣрѣ слишкомъ шаткое значеніе, что въ дѣйствительности эти шансы пока еще—нуль. И все таки за нихъ и *только за нихъ* можно было теперь ухватиться. Этимъ фиктивнымъ шансамъ нужно пожертвовать аристократическою гордостью, достоинствомъ, человѣческимъ самолюбіемъ, принять униженіе, горькій стыдъ — и все-таки княгиня рѣшалась на всѣ эти жертвы, ибо не по ея силамъ приходилась иная простѣйшая жертва—отказавшись на вѣкъ отъ всего прошлаго, вступить въ трудную волю безвѣстной, темной, свудной достатками жизни.

Княгиня рѣшила—во что бы то ни стало уломать своего мужа на свиданіе съ Морденкой, и поэтому рано утромъ послала за Хлѣбонасущенскимъ.

Многихъ усилій и доводовъ нужно было Подіевету и Татьянѣ Львовнѣ чтобы уломать несговорчиваго гамена. Цѣлое утро убили они попустому—гаменъ не поддавался, да и въ самомъ дѣлѣ

каково было ему ѣхать къ Морденкѣ! Сколько самихъ щекотливыхъ, тонкихъ и болѣзненныхъ струнъ долженъ онъ былъ заставить замолчать въ своемъ сердцѣ—а онѣ, между тѣмъ, какъ нарочно, не умолкають, а звучать все больше и сильнѣе, такъ что ничѣмъ не заглушишь ихъ.

Начало Морденкиной мести, невѣдомо ему самому, наступило для Шадурскихъ именно съ той самой минуты, когда княгиня Татьяна Львовна рѣшила необходимость личнаго съ нимъ свиданья, въ жертву коему долженствовалъ принести себя разслабленный гаменъ.

Долго съ нимъ ничего не могли подѣлать: княгиня принимала то рѣшительный и требовательный, то нѣжный и дружескій тонъ; Подіевскъ пускалъ въ ходъ свои болѣе или менѣе убѣдительные аргументы; наконецъ, послали за княземъ Владиміромъ, съ тѣмъ, чтобы и онъ присоединилъ къ нимъ свои просьбы и доводы. Князь Владиміръ порѣшилъ этотъ вопросъ очень просто:

— Ѣхать къ Морденкѣ! воскликнулъ онъ: — боже-мой, да отчего же не ѣхать! Самолюбіе? — Э, полноте! Спрячьте въ карманъ ваше самолюбіе! Выньте его напоказъ тогда, когда въ карманахъ деньги будутъ, а теперь — въ карманъ! Позору бонтесь?—Такъ вѣдь гораздо больше позору будетъ, когда въ тюрьму сядешь; тогда *все* будутъ знать; а тутъ вашъ позоръ одинъ только Морденко увидитъ—ну, и пускай его! Предпочтите маленькій большому!

Старому гамену какъ-будто немножко и по сердцу пришлась мораль его единороднаго сына: онъ пораздумался надъ его доводами, а этою минутой ловко успѣлъ воспользоваться Хлѣбонащенскій. Послѣдній въ такихъ мрачныхъ и живыхъ краскахъ изобразилъ близкое будущее княжескаго семейства, что княгиня сочла нужнымъ даже пролить нѣсколько слезъ, а стараго князя не на шутку передернуло. Князь же Владиміръ выразилъ ту мысль, что не спасти отъ позора и гибели свое имя и свое семейство—есть дѣло нечестное. Хлѣбонащенскій и тутъ не упустилъ воспользоваться подходящею мыслью, и съ широковѣщательной убѣдительностью принялся развивать новый аргументъ юной отрасли дома Шадурскихъ. Онъ сталъ перебирать клавиши долга гражданскаго и семейнаго, изобразилъ всю великость самоотверженнаго подвига, когда отецъ семейства, ради спасенія дѣтей, родоваго наслѣдія и родоваго герба, такъ-сказать, подѣмлетъ на рамена свой тяжкій трудъ, презирая личное свое самолюбіе, но храня самолюбіе высшее, самолюбіе принципа и прочее, и

прочее; за симъ перешелъ къ ужасу и безднѣ тѣхъ толковъ, сплетень, пересудовъ, которыя подымутся въ обществѣ вмѣстѣ съ паденіемъ — и долго ораторствовалъ на самую чувствительную для Шадурскыхъ тѣмъ рокового: *что скажутъ?*

Всѣ эти убѣжденія, настоянія, просьбы и доводы произвели, наконецъ, такого рода безобразный сумбуръ въ злосчастной головѣ разслабленнаго гамена, что онъ потерялъ всѣ нити своихъ мыслей, что называется, обился съ панталыку и — усталый, измученный пристававшими, паче же всего устрашенный яркою картиной безвыходнаго будущаго и безобразныхъ толковъ общества, которыя развѣлъ передъ нимъ широковѣщательный Полевекъ — махнулъ, наконецъ, рукою и далъ свое согласіе.

Но недешево, въ самомъ дѣлѣ, далось ему это согласіе: онъ долженъ былъ многое и многое принести ему въ жертву.

Между тѣмъ съ этими уламываньями прошелъ срокъ, назначенный вчера Хлѣбонасущенскимъ, который опасался теперь, что Морденко не станетъ дожидаться. Надо было торопиться, и потому Полевекъ уже на дорогѣ только принялся основательно внушать князю, какъ и о чемъ надлежитъ просить старика. Но князь, уломанный однажды и уразумѣвшій печальную судь грядущей развязки, самъ теперь очень хорошо понималъ, каваго рода объясненіе предстоить ему.

Княгиня все время его отсутствія пребывала въ своей моленной и горячо молилась объ успѣшномъ окончаніи дѣла.

XVII.

Наконецъ-то!...

— Вамъ кого? Хозяина? освѣдомилась Христина, влустивъ въ переднюю обояхъ пріѣхавшихъ: — какъ сказать-то объ васъ?

— Шадурскій, князь Шадурскій, вразумительно передалъ ей Полевекъ Харлампіевичъ.

Чухонка неторопливо ушла въ смежную комнату и доложила, какъ было привязано.

— Кто такой? поморщась и словно бы не разслышавъ сразу, переспросилъ ее Морденко, и нарочно такимъ голосомъ, чтобы въ прихожей могли его слышать.

Та повторила фамилью.

— Шадурскій? Пускай подождетъ тамъ!... Попроси подождать. И Морденко неторопливо зашлепалъ туфлями по своей спальной.

Это былъ первый эффектъ, который онъ предполагалъ встрѣтить своего врага — и эффектъ удался какъ нельзя лучше. Князь слышалъ отъ слова до слова — и побавровѣлъ: его перевернуло отъ столь неожиданнаго приѣма; тѣмъ не менѣе сталъ снимать шубу, которую Хлѣбонасущенскій помогъ ему повѣсить на гвоздикъ, вслѣдъ за чѣмъ самъ немедленно же удался на лѣстницу.

Дмитрій Платоновичъ вступилъ въ комнату, служившую приемной. Въ носъ его неприятно шибанулъ затхлый запахъ кладовой, наполненной гниющею рухлядью — запахъ, несходно царствовавшій въ берлогѣ стараго сирота. Но впечатлѣннѣе вышло еще неприятнѣе, когда пріѣхавшій осмотрѣлся: пыль, паутина, убожество, бьющее на каждомъ шагѣ, закоптѣлая печь и стѣны съ потолкомъ, тускляя окна, подернувшіеся радужнымъ налетомъ, полѣнья, сложенныя у печи, попугай въ углу и мертвый, безносый голубь — все это показалось Шадурскому тѣмъ-то дикамъ, почти ужасающимъ и наводящимъ тоскливое уныніе. Онъ не зналъ, куда дѣться, куда обернуться и только изумленно перебѣгалъ глазами отъ одного предмета къ другому. Ему уже становилось неловко: онъ все одинъ, все ждетъ, а Морденко не выходитъ. Онъ былъ пораженъ, потому что ожидалъ не такой обстановки, и не такой встрѣчи.

А Морденко, межъ тѣмъ, нарочно медлилъ выходить и попилился въ своей спальнѣ, чтобы подольше заставить подождать Шадурскаго

«Что, ваше сіятельство? просить пріѣхали? — Ну, такъ и стойте-ка тамъ у меня просителемъ!» злобно ухмылялся онъ: «вогда-то вы меня по часамъ заставляли ожидать, а теперь я васъ... А теперь я васъ! Такъ-то-съ!... Слава долготерпѣнію твоему, слава!»...

Наконецъ, вдосталь насладившись этимъ эффектомъ, Осипъ Захаровичъ рѣшилъ, что пера приступать ко второму акту своей комедіи.

Шадурскій врождалъ уже болѣе десяти минутъ, и начиналъ терять терпѣніе, находясь въ самомъ затруднительномъ положеніи, потому что рѣшительно не зналъ, какъ ему быть теперь: ждать ли долѣе, уйдти ли отсюда, или рѣшиться на болѣе настойчивый вызовъ къ себѣ хозяина этой берлоги? — какъ вдругъ неторопливо, спокойно растворилась дверь и въ ней вырисовалась суровая фигура сухожаваго старика.

Онъ шелъ прямо на Шадурскаго, тихо, спокойно, склонивъ немного на бокъ свою голову и неотводно впередъ въ него сте-

ляные глаза. Ни одинъ мускулъ лица его не дрогнулъ — это лицо отлилось въ выраженіе совершенно холоднаго, сухого и нѣскольکو суроваго спокойствія.

Дмитрій Платоновичъ оторопѣлъ и немножко попятился.

— Чѣмъ могу служить? спокойно произнесъ Морденко свою обычную фразу и обычнымъ же глухимъ, безвыразительнымъ голосомъ, остановясь въ двухъ шагахъ отъ заклатаго врага.

— Я... я пріѣхалъ по дѣлу о взысканіи, смѣшался Шадурскій, чувствуя на себѣ магнетизацію этихъ неподвижно-стеклянныхъ взоровъ.

— Ну-съ? тѣмъ же тономъ понукнулъ Морденко.

— Вы скупили всѣ наши векселя и представили ихъ...

— Скупили и представилъ.

— Но вѣдь это губить насъ...

— Губить, вполне согласился и даже подтвердилъ Осипъ Захаровичъ.

— Но, вспомните, вы же сами прежде говорилъ моему управляющему, что не желаете дѣлать мнѣ зла, что вы все это скупали съ доброю для мена цѣлью...

— А вы этому вѣрили?

— Да, я этому вѣрилъ.

— Сожалѣю. Чтѣ же вамъ собственно теперь-то угодно?

— Я... пріѣхалъ... просить васъ...

— Просить?! удивленно перебилъ Морденко.

Въ комнатѣ стояло два стула; но онъ ни самъ не сѣдился, ни гостю своему не предлагалъ. Объясненіе шло другъ передъ другомъ стоя.

— И такъ, вы пожаловали «просить», продолжалъ Осипъ Захаровичъ:—а какаго бы рода могла быть эта просьба, позвольте молюбопытствовать?

— Просьба... Дѣя васъ вѣдь не составитъ большаго разчета повременить нѣскольکو времени со взысканіемъ?

— Ни малѣйшаго-съ. Это для мена все равно.

— Ну, вотъ видите ли! А для насъ это огромный разсчетъ...

— И это весьма вѣроятно.

— Потому что въ это время, еслибы только вы пріостановили искъ, мы бы могли обернуться, мы бы заплатили вамъ.

— Нѣтъ-съ, вы мнѣ не заплатите, ваше сіятельство, потому вамъ нечѣмъ платить.

— Ну, если ужъ вы такъ увѣрены, что я не могу вамъ за-

платить, такъ зачѣмъ же вы жмете меня, зачѣмъ во взисканіи представляете? Чтѣ же вамъ собственно надо?... Я не понимаю!...

— Поймѣте тогда-съ, когда будете помѣщаться въ 1-ой ротѣ Измайловскаго полка. — Тогда поймете-съ! Вы не извольте безпокоиться: тамъ отменно содержать, помѣщеніе приличное съ, и я по гробъ жизни своей самымъ абсуратнымъ образомъ буду выплачивать кормовныя деньги, по расчету, на все семейство ваше-съ.

— Вы издѣваетесь надо мною! вспыхнулъ Шадурскій.

— Ни мало, ваше сіятельство, ни мало-съ. Для чего мнѣ издѣваться? Я говорю то, чтѣ есть, и чтѣ будетъ.

— Такъ тюрьма для насъ — это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее, ваше сіятельство, послѣднее-съ. Будьте на этотъ счетъ покойны. И... ежели богъ пошлетъ предѣлъ днямъ моимъ, то...

Морденко на мгновенье замедлился, какъ-бы подъ напѣтиемъ внезапной, новой мысли.

— Да-съ, такъ вотъ—ежели Господь пошлетъ предѣлъ днямъ моимъ, продолжалъ онъ, съ спокойною твердостью: — то послѣ меня останется мой наслѣдникъ... сынъ мой... *мой и ея сіятельства княгини Татьяны Львовны* — Иванъ Вересовъ... Вы не тревожьтесь: онъ не знаетъ, кто его мать... Такъ вотъ-съ, въ случаѣ моей кончины, *мой наслѣдникъ*, по моему завѣщанію, станеть вносить кормовныя за ваше семейство-съ...

Послѣдняя мысль пришла Морденкѣ нечаянно — онъ высказалъ ее собственно затѣмъ лишь, чтобы сильнѣе бить и бить на каждомъ шагу Шадурскаго. Старикъ торжествовалъ и наслаждался величайшимъ торжествомъ и наслажденіемъ, но чувствовалъ все это втайнѣ, сдержанно, не прорываясь наружу ни единымъ движеніемъ, ни единымъ лучомъ своего взгляда.

— Но, боже мой! Вѣдь тутъ честь, вѣдь тутъ нѣя страдает! Сынъ мой гибнетъ! Онъ ни въ чемъ виноватъ! въ отчаяніи воскликнулъ Шадурскій и, непрошенный, опустился на стулъ.

— Ахъ, извините, ваше сіятельство, я и не предложилъ вамъ сѣсть! съ легкой ироніей поклонился Морденко: — не осмѣлился, право, не осмѣлился, потому гдѣ же вамъ послѣ вашихъ-то небедей да на такое убожество вдругъ садиться. Извините-съ!

И вѣсть съ этими словами, онъ самъ уѣлся на другой трехногій стулъ, остававшійся свободнымъ.

— Вы изволили сказать: «честь страдаетъ, нѣя страдаетъ»,

продолжалъ спокойно Осипъ Захаровичъ: — да-съ, это точно ваша правда; точно, страдаютъ они — да вѣдь что же съ этимъ дѣлать? Весьма жаль, и только. Вы подумайте, ваше сіятельство, какъ страдала моя честь и мое имя! Да вотъ — перенесъ же, и Богъ не оставилъ меня. А вѣдь какъ моя-то честь страдала! Вѣдь и у меня были свои надежды, ваше сіятельство, и свои мечтанія-съ были; вѣдь и я думалъ скоротать жизнь человѣкомъ-съ. А меня всего этого лишили, изъ меня волка хищнаго сдѣлали. Вотъ что-съ! Вся жизнь моя послѣ того навыворотъ пошла, со всей карьерой, со всѣми надеждами долженъ былъ разстаться. А все оттого, что честь пострадала. Да-съ!

— Но... бога-ради!... Отсрочьте намъ... повремените... вѣдь вы, говорю вамъ, душиите насъ! Дайте намъ поправиться — мы съ радостью отдадимъ вамъ! стремительно поднялся Шадурскій.

— Я не желаю, чтобы вы мнѣ отдавали; я и самъ возьму то, что мнѣ слѣдуетъ! отрицательно покачалъ головой Осипъ Захаровичъ: — поправиться... отсрочить... Понимаете ли, чего вы отъ меня требуете нынѣ, ваше сіятельство? Вы желаете, чтобы я отказался отъ своего сердца-съ! Да вѣдь я для моего сердца всё — понимаете ли, все забылъ, всѣмъ пренебрегъ въ моей жизни, всѣмъ пожертвовалъ для моей мысли. Я не ѣлъ, не пилъ, въ холоду весь вѣкъ забнулъ, а у нищихъ гроши изъ кармана воровалъ, двуручничалъ по папертямъ, а вы хотите, чтобы я вамъ простилъ, чтобы я отъ самого себя отрекся!

Онъ всталъ со своего мѣста, и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Нѣтъ-съ, ваше сіятельство!... Я вамъ скажу-съ, тяжело это было начинать пить кровь своего ближняго — буди какъ тяжело!... Не приведи Господи!... Ну, а какъ началъ, такъ что жъ ужъ останавливаться!... Сдѣлалъ я тогда объявленіе черезъ Поллицейскую газету — и нужно же быть судьбѣ-то! — Первый закладъ... Приходитъ ко мнѣ молодая персона: — «бога ради», говорить, «тутъ все мое сокровище... не дайте съ голоду помереть». Жаль мнѣ ее стало, хотѣлъ ужъ безъ заклада помощь на хлѣбъ насущный оказать; да про ваше сіятельство вспомнилъ — и не оказалъ... А съ тѣхъ поръ ужъ и пошло... и пошло!... А персона-то была и вамъ небезъизвѣстная: княжна Чечевинская-съ, Анна.

При этомъ имени Шадурскій задрогнулъ и измѣнился въ лицѣ.

— Да-съ, она самая, продолжалъ Морденко, не спуская съ

него глазъ: — мнѣ и про вашъ амуръ досконально было извѣстно, потому, какъ сами же пхъ сѣятельство, нягиня Татьяна Львовна, супруга-съ ваша, передавали мнѣ про то, въ тѣ поры, какъ онѣ меня къ себѣ приблизить изволили. Тагъ мнѣ, изволите видѣть, это все-съ извѣстно. Вотъ-съ она, и вещичка-то эта, продолжалъ Морденко, вынувъ у себя изъ-за ворота рубахи золотую цѣпочку съ крестомъ, и поднося ее Шадурскому: — я сохранилъ ее... и всегда храню... какъ памятникъ... начало моего сердца-съ.

Морденко умолялъ и продолжалъ тяжело и медленно шагать по комнатѣ. Шадурскій стоялъ, какъ пришибленный, и наконецъ, словно очнувшись, рѣшительно подошелъ къ своему противнику.

— Ну! промолвилъ онъ съ тяжело-сорвавшимся вздохомъ: — забудемъ все прошлое... простимъ другъ другу... Если виновать-каюсъ!... Вотъ вамъ рука моя!

И онъ стремительно протянулъ ему обѣ ладони. Это, по его разумѣнью, была уже самая крайняя, послѣдняя мѣра, до которой могло унизиться его самолюбіе, его достоинство, ради спасенія себя и своего состоянія. Князь Шадурскій просилъ прошенія у Осипа Морденки! Но Осипъ Морденко отчасти изумленно отступилъ шага на два назадъ, и съ явнымъ пренебреженіемъ къ Шадурскому, заложилъ за спину свои руки, чтобы тотъ не успѣлъ какъ-нибудь поймать ихъ.

Князь, какъ стоялъ, тагъ и остался съ протянутыми ладонями, въ крайне-глупомъ, неловкомъ и смущенномъ положеніи.

— Вы не хотите... пробормоталъ онъ, вѣроятно и самъ себѣ не давая отчета въ томъ, что именно, и зачѣмъ, и для чего бормочетъ.

Въ эту минуту Морденко вдругъ взглянулъ на него съ какимъ-то волчьимъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Какъ, ваше сѣятельство!... Забыть... Простить! почти прошипѣлъ онъ, пожирая его этимъ волчьимъ взглядомъ, тогда какъ поснифляя губы его точили слюну в трепетали отъ лихорадочно-нервнаго волненія. Теперь его вдругъ, мгновенно какъ-то, сдвинула вся изстари навишѣвшая злоба.

— Забыть! говорилъ онъ: — забыть!... Нѣтъ-съ! Горить, ваше сѣятельство, горить! До сихъ поръ горить!...

И произнося эти слова, онъ съ злораднымъ наслажденіемъ указывалъ пальцемъ на свою щеку — ту самую, на которой, двадцать-два года тому назадъ, запечатлѣлась полнолѣсная пощочина князя Шадурскаго.

— Вы мнѣ руку теперь предлагаете... ту самую руку... ха, ха, ха, ваше сіятельство!... Нѣтъ-съ, не осквернюсь я вашею рукою, не осквернюсь!... Вы это потому, что я васъ въ бараній рогъ согнулъ?... Напрасно-съ! Ни забыть, ни простить, ни мириться я не могу—потому, горить—горить, говорю вамъ, ваше сіятельство, до сихъ поръ горить!

Дмитрій Платоновичъ стоялъ смущенный, опѣшенный, желая лучше провалиться сквозь землю, чѣмъ стоять теперь передъ этимъ человѣкомъ, слышать его голосъ, испытывать на себѣ дѣйствіе его волчяго взгляда и понимать каждое его слово, которое каленнымъ углемъ ложится на душу. Князь былъ раздавленъ и бесплдно взбѣшонъ.

— Ну, теперь, полагаю, наши разговоры кончены! сказалъ ему Морденко: — передайте мое глубочайшее почтеніе супругѣ вашей — ихъ сіятельству, княгинѣ Татьянѣ Львовнѣ. Скажите что Осипъ Захаровъ, молъ, по гробъ жизни своей, не забылъ васъ; а затѣмъ — прощайте, ваше сіятельство. Наши разговоры кончены вполне.

И Морденко поклонился низкимъ, глубокимъ и почтительнымъ поклономъ.

— Мерзавецъ! со всею силой презрѣнія, но — увы! въ совершенно бессильной ярости прошипѣлъ ему въ лицо выведенный изъ послѣдняго терпѣнія Шадурскій, и весь трясаясь и, шатаясь на ходу, словно угорѣлый, пошелъ въ выходной двери.

— Христина! закричалъ во слѣдъ ему Осипъ Захаровичъ: — помоги его сіятельству надѣть шубу, и проводи съ лѣстницы: его сіятельство очень слабъ и взволнованъ.

И какъ только захлопнулась за княземъ дверь, онъ бросился къ форточкѣ, и жадно ждалъ, когда тотъ выйдетъ на дворъ, къ ожидавшей его каретѣ. Шадурскій вышелъ весь блѣдный, дрожащій отъ ярости, и почти совершенно больной. Испуганный Хлѣбонасущенскій въ каретѣ принялъ его на руки, почти готово лишитья чувствъ—и Морденко за всѣмъ этимъ слѣдилъ теперь своими волчьими глазами и тихо улыбался.

А когда съѣхала со двора княжеская карета, старикъ тихо удалился въ свою спальную, на ключъ заменилъ за собою дверь, и опустился передъ образомъ на колѣни, со слезой въ глазахъ и съ восторженно-воздвѣтными горь руками, прошепталъ задыхающимся голосомъ:

— Ну, слава тебѣ, Господи!

XVIII.

Похороны гуляки.

Старикъ не радовался—онъ былъ просто удовлетворенъ теперь вполне, какъ можетъ быть только удовлетворенъ много, долго и страстно желавшій человекъ. Это новое чувство — чувство безграничнаго нравственнаго удовлетворенія, охватило его какимъ-то спокойствіемъ. Онъ могъ, и дѣйствительно имѣлъ теперь неотъемлемое право сказать: *мынѣ отпущаеши*.

Вышелъ Осипъ Захаровичъ изъ своей спальни, и вдругъ глаза его случайно упали на распластанныя крылья убитаго голубя. Онъ вздрогнулъ и онѣмѣлъ, чувствуя въ то же время, какъ жидкіе остатки волосъ его вздымаются отъ ужасу.

Только теперь вспомнилъ онъ про своего друга, вспомнилъ *что-то*, совершенное въ минуту испуленно-диваго отчаяннаго порыва, вспомнилъ, что это *что-то* сдѣлалъ онъ—*онъ самъ* — и въ сознаніи старика шевельнулась ужасная мысль: «я убилъ его... Друга убилъ, когда онъ ласкался... беззащитную тварь... чистую птицу господню... Каинъ Авеля убилъ... Каинъ Авеля!»

И онъ, страшась подойти къ своему голубю, не осмѣливаясь привоснуть къ нему — въ какомъ-то паническомъ страхѣ выбѣжалъ изъ комнаты въ свою спальню, и снова замкнулся тамъ, словно бы боялся теперь птичьяго трупа, и попугая, живого свидѣтеля совершеннаго преступленія, и самихъ стѣнъ, оконъ, мебели, и самого себя наконецъ: онъ какъ будто отъ самого себя хотѣлъ убѣжать и запереться куда-то.

Забившись съ головой подъ одеяло, онъ долго трясся лихорадочнымъ ознобомъ, скорчась у себя на постели. Страшно было на свѣтъ взглянуть, страшно прислушаться къ какому бы то ни было звукамъ—и каждый предметъ невольно пугалъ его; каждый предметъ представлялся какому-то безмолвнымъ, но страшнымъ укоромъ.

— Не къ добру... не къ добру! кручинно шепталъ Морденно:— и въ такой-то день... въ такую минуту!... Грѣшникъ ты окаянный!... Убийца!... чистую тварь господню!... Боже, Господи!... не къ добру... Это—самому мнѣ смерть предрекаетъ...

И отъ этой мысли заходило въ его груди.

Весь остатокъ дня пролежалъ онъ, не вставая, мучимый раскаяніемъ, угрызениями совѣсти и страхомъ близкой смерти пред-

знаменованіе которой почему-то суевѣрно мерещилось ему въ смерти голубя.

«Да, теперь умру, а дѣло недокончено», думалъ онъ нѣсколько позднѣе: «недокончено — и все прахомъ!.. все прахомъ!»...

И вдругъ онъ вспомнилъ, что, уходя, Шадурскій злобно и презрительно сказалъ ему «мерзавца». Тогда, въ первую минуту, подъ обаяніемъ своего великаго торжества, онъ какъ-то пустилъ мимо ушей это жесткое слово; но теперь, когда оно случайно вспомнилось ему среди хаоса его нравственныхъ терзаній, Осипъ Захаровичъ нашель его весьма вѣскимъ. Теперь это слово всю кровь къ головѣ ему бросило.

— А!... «мерзавецъ?» прошепталъ онъ:—такъ тебѣ еще мало? Такъ ты еще все-таки смѣешь голову противъ меня подымать?... Я тебя растоптать и растереть ногою могу, а ты мнѣ «мерзавца»!.. А теперь... Господи!.. теперь умрешь и дѣло не кончишь... врагъ торжествовать будетъ!

— Такъ нѣтъ же! нѣтъ! вскочилъ старикъ съ кровати: — не будетъ тебѣ торжества! Не будетъ!... Не даромъ я на тебя жизнь потратилъ!... Донеку! уничтожу!... Въ могилѣ буду, а все-таки уничтожу... «Мерзавца» — мнѣ, мнѣ «мерзавца»!... хе, хе!... Посмотримъ, когда такъ!... У меня пока еще сынъ есть... Онъ пуская онъ отомститъ!... Коли не я, такъ онъ докончитъ! Чтò взяли, ваше сіятельство?... Хе, хе-е!... Чтò взяли? Не вывернетесь! Нѣ-ѣтъ!

Только позднимъ вечеромъ Морденко сталъ какъ будто нѣсколько спокойнѣе, то-есть на столько спокойнѣе, что рѣшился наконецъ выглянуть въ смежную комнату изъ своего добродушнаго заточенія.

Больно щемило его за сердце, когда подошелъ онъ къ убитому другу, и сталъ глядѣть на него. Слеза на рѣсницѣ показалась. Онъ стоялъ и думалъ, какъ быть теперь съ этимъ убиеннымъ другомъ? Выбросить его въ яму, какъ падалъ? — Боже сохрани! Какъ это можно!... У себя держать, чучелу сдѣлать? — Нѣтъ! грустно, тяжело будетъ это: вѣчный уворъ передъ глазами, вѣчное напоминаніе...

Наконецъ похороны были придуманы.

Прежде всего старикъ жарко растопилъ свою печь, и когда она горячо уже пылала — поднялъ съ полу голубя.

Долго смотрѣлъ онъ на его безжизненное тѣло, блѣднымъ и угрюмымъ, съ застывшею на рѣсницѣ слезою, наконецъ медленно

поднести его къ губамъ, и тихо, и долго сталъ цаловать связоперую шею и беззлювую голову.

— Прости ты мнѣ!... прости ты мнѣ, божія птица! съ глубокимъ и горбымъ вздохомъ прошепталъ Осипъ Захаровичъ, являя удрученной своей головою.

И вслѣдъ затѣмъ опустясь передъ печью на колѣна, онъ метнулъ въ самый пылъ ея смертныя останки своего друга, и какъ стоялъ, такъ и остался на колѣнахъ до тѣхъ поръ, пока не сгорѣлъ голубь. Лицо его было мрачно, неподвижно и мертвенно, глаза устремлены въ яркое пламя, а сухія губы непрестанно бормотали все какія-то молитвы.—И странно было бы видѣть эти, какъ-то машинально шевелящіяся губы на совершенно безжизненномъ и неподвижномъ во всѣхъ остальныхъ своихъ мускулахъ лицѣ. Время отъ времени Морденко, не переставая бормотать молитвы, подкладывалъ въ печку одно или два полѣна, и продолжалъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока наконецъ не испепелились самыя кости его вѣроломно-убіеннаго друга. Онъ замаливалъ теперь свой тяжкій грѣхъ, совершенный въ минутномъ изступленіи. И это дѣйствительно была для него огромная потеря, онъ дѣйствительно убилъ своего друга—убилъ существо, которое самъ выкормилъ, взростилъ, и такъ долго холилъ, съ которыми дѣлалъ тѣ рѣдкія изъ своихъ минутъ, когда прояснялось его угрюмое чело—существо, которое, вмѣстѣ съ поугаемъ, онъ любилъ болѣе всѣхъ существъ на землѣ, къ которому дѣйствительно питалъ единственно теплое и живое чувство.

И этимъ убійствомъ онъ опять-таки обязанъ своему закланному врагу—да, одному ему только, одному ему!—зачѣмъ онъ медлилъ? зачѣмъ опоздалъ?—Пріѣзжай онъ въвремя, въ назначенную пору—гулька остался бы живъ и вмѣстѣ бы теперь дѣлили свою радость. А теперь и радость не въ радость, теперь она не радость, а капканская мѣба, вѣчное угрызеніе!... И ему-то простить теперь! Его-то, врага-то своего да не доканать? Нѣтъ, теперь-то и доканать его!... И его, и жену его, и весь его родъ и племя! Пускай родной сынъ доканаетъ, коли самъ не успѣю! Пускай же узнаютъ они это!

И вотъ въ таинхъ-то странныхъ хаотическихъ и тревожныхъ думахъ провелъ Морденко цѣлую ночь. На разсвѣтѣ онъ какъ-то осыпился въ немъ и тихо, ровно, непрестанно занялся въ измученной душѣ, какъ безконечно занимается иногда у человѣка долго-болѣлый зубъ: сначала его шибко дѣргало, щемило и рвало,

а теперь онъ ровно и постоянно ноетъ и ноетъ, не умолкая и не усиливая этого ощущенія. Эти ровно ношія думы и ощущенія вытекали у него изъ тройкаго источника: то была злоба на Шадурскаго за «мерзавца», то было угрызение совѣсти за убійство голубя, и наконецъ суевѣрный страхъ близкой смерти, предреченной смертью безклявшаго друга, страхъ паче всего за то, что мщеніе останется недовершеннымъ и врагъ восторжествуетъ.

Съ послѣдней мыслью никопмъ образомъ не могъ помириться Морденко: она возмущала все существо его.

XIX.

Совѣсть заговорила.

Межъ тѣмъ организмъ старика, пережившій въ столь короткое время столь много самыхъ сильныхъ и самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, не выдержалъ. Такая исключительная, сильная страсть нелегко дается и молодой, здоровой натурѣ, а хилому и драхлону Морденкѣ нанесла она рѣшительный и послѣдній ударъ. Взглянувъ на него, можно бы было съ достовѣрностью сказать, что дни его уже сочтены. На другое утро онъ былъ уже очень слабъ и недуженъ, и этотъ старческій упадокъ силъ произошелъ въ немъ необыкновенно быстро, за одну ночь, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и тѣмъ-то сильнѣй и быстрѣй шелъ этотъ упадокъ теперь, чѣмъ болѣе усиленной и напряженной жизнью жилъ Морденко навануиъ. А напряженная-то жизнь началась для него еще гораздо за мѣсяць впередъ, съ того самаго дня, какъ было сдѣлано покушеніе Грѣчки, съ той самой минуты, какъ нашелъ на него рѣшительный страхъ смерти, которая не допуститъ свершиться старой, завѣтной мысли; и до послѣднихъ часовъ эта двойная, усиленная, лихорадочная жизнь шла все сгесседе, достигая наконецъ до самыхъ потрясающихъ и одно другому противоположныхъ ощущеній за послѣднія сутки.

Вчерашній день Морденко, основываясь на вообразившемся ему предзнаменованіи, только суевѣрно *думалъ* о близости смертнаго часа; сегодня же утромъ дѣйствительно уже *почувствовалъ* и созналъ грядущую близость его. Онъ былъ жалокъ: онъ чувствовалъ себя полнымъ неудовлетворенной ненависти и въ то же время совѣтъмъ безсильнымъ, убитымъ, обманутымъ своею судьбою.

Въ минуты этихъ терзаній, когда онъ, одинъ на одинъ со своею злобой, страхомъ и совѣстію, лежалъ, замкнутый въ своей убогой спальней, ему кручинно вспало на мысль про своего отверженного сына — про Ивана Вересова. Припомнились ему все дѣтство и юность этого сына, вся та чорствая, сухая суровость, какою вѣчно надѣлялъ онъ его въ своемъ обращеніи, взамѣнъ теплой отцовской ласки — и почувствовалъ себя старикъ несо-всѣмъ-то правымъ передъ собственной совѣстію. — «Ну, мать я ненавиждѣлъ», думалъ онъ: «такъ вѣдь это мать... А онъ-то чѣмъ виновать?... Тѣмъ, что на свѣтъ отъ нея родился? такъ вѣдь я жъ его и на свѣтъ-то родилъ!» — И Морденко съ горечью долженъ былъ сознаться, что всю жизнь свою заходилъ черезчуръ уже далекò въ своей ничегò неразличающей, слѣпой ненависти. Вспомнилось ему, что никакой поддержки ни разу не оказалъ онъ своему сыну, предоставивъ его самому себѣ — живи, молъ, какъ знаешь, на свои собственные гроши; а затѣмъ совѣсть подса-зала и то, что онъ, отецъ, даже обобралъ родного сына, затанвъ въ свою пользу значительнѣйшую часть той суммы, которую двадцать-два года назадъ его мать переслала Морденкѣ на воспитаніе Ивана. Все это встало теперь передъ его совѣстью тяжелымъ упрекомъ. — Въ старикѣ заговорила нѣкоторая доля его давно-заглохшей человѣческой, сердечной стороны: на рубежѣ расплаты со своею жизнью въ немъ начиналъ просыпаться отецъ. И вспомнилъ онъ, разбирая отношенія свои къ этому юношѣ, что Вересовъ, никогда ни единымъ уворомъ, ни единымъ жесткимъ словомъ не проявилъ передъ нимъ своего законнаго протеста: всегда онъ былъ тихъ, и кротокъ, и почтителенъ. — «За что же, за что же это такъ?» задавалъ онъ себѣ теперь укороженный вопросъ, отъ котораго еще жутче становилось на сердцѣ.

«Но вѣдь онъ же виновать передо мною! онъ на отца святотатственную руку вознести помыслилъ!» вильнулъ онъ вдругъ въ оправданіе передъ собственною совѣстью, ибо совѣсть эта, по своей человѣческой сущности, настойчиво требовала, искала въ чемъ нибудь и хотя какихъ нибудь оправданій — и не могла найти ни одного удовлетворительнаго. Но вильнулъ и опѣшилъ — потому что та же самая совѣсть напомнила, что самъ же онъ, Морденко, изъ одной слѣпой злобы, упорно взводилъ на сына обвиненіе въ этомъ покушеніи, основываясь на однихъ негнѣмыхъ подозрѣніяхъ, на «ясновѣдѣніи», на томъ только, что ему такъ

казалось. Онъ былъ золь и перепуганъ тогда, онъ еще всецѣло отдавался своей слѣпой ненависти, переносилъ ее отъ матери на сына; но теперь...—«Вѣдь Иванъ-то невиненъ; вѣдь злодѣй повывался чистосердечно, разсказалъ все дѣло, и какъ опуталъ-то его, неповиннаго», думалъ и корилъ себя Осипъ Захаровичъ:—«вѣдь и слѣдственный приставъ досконально знаетъ это, меня призывалъ, и объявлялъ мнѣ, а я... я отъ роднаго дѣтища отказался... И во очю зналъ, что оно невинно, а отказался... Охъ, горе, горе тебѣ, золь человѣче!... Горе на конечный твой часъ... а часъ-то этотъ, яко тать въ ношѣ...

«И гдѣ-то теперь онъ, несчастный, скитается?... безъ крова, безъ пріюта, безъ хлѣба... И все ты—одинъ ты виновать, да злоба твоя нескходная...

«Вотъ, вчера въ церкви стоялъ и въ глаза тебѣ глядѣлъ прямо, несмущенно... была бы нечиста совѣсть, не сталъ бы такъ-то глядѣть... Вѣдь вонъ злодѣй-то тотъ, какъ привели его передъ меня да заставили разсказать, какъ все дѣло было, такъ вѣдь куды-какъ жутко сдѣлалось!... и коробило-то его, и говорить-то трудно было—а еще злодѣй, завоснѣлый злодѣй!... А этотъ—нѣтъ, этотъ прямо и откровенно смотрѣлъ... А ты, оказанный, мимо прошелъ, мимо дѣтища еднороднаго, словно бы чужой и незнакомый... ты его погнать оставилъ, да еще добро бы въ тюрьмѣ, а то въ церкви... А онъ въ церковь-то божію зачѣмъ пришелъ?... Молиться пришелъ!... Можетъ, еще за тебя же, за лютаго, молился!»

И старикъ горько заплакалъ. Туго и тяжело выжимались изъ глазъ его скудныя, иссыхшія, старческія слезы, но тѣмъ-то и жутче, тѣмъ-то и горьче и больнѣе были онѣ. Въ немъ живо и вполне уже заговорило теперь отцовское чувство: старый кремень раскаялся.

И захотѣлось ему, во чтò бы то ни стало, видѣть своего сына, прижать его къ своей груди—можетъ быть, въ первый разъ своей жизни—приглубить, приласкать его, выпросить у него прощеніе себѣ, загладить всѣ свои былыя напраслины и жестокія несправедливости относительно его—и захотѣлось тѣмъ сильнѣй и неотступнѣе, чѣмъ болѣе чувствовалъ онъ свою немочь и слабость, близкую къ гробовой доскѣ. Но какъ его видѣть? гдѣ отыскать его?

Старикъ долго ломалъ себѣ голову надъ этимъ вопросомъ и;

наконецъ, къ величайшей своей радости, отыскалъ подходящее разрѣшеніе.

Онъ дотащился до своего стола, досталъ четвертушку сѣрой бумаги, закорузлое гусиное перо, воткнутое въ заплесневѣлую баночку съ чернилами, и съ трудомъ началъ писать дрожащей и слабой рукою:

«Милостивый государь

«Господинъ слѣдственный приставъ!

«Господь вразумилъ меня и помогъ убѣдиться, что сынъ мой Иванъ Вересовъ противъ меня невиненъ. Желаю примириться съ нимъ и со своею совѣстью, но гдѣ нынѣ находится сынъ мой—о томъ неизвѣстенъ. Вы отпускали его на поруки, и онъ долженъ сообщить вамъ о мѣстѣ своего жительства. Ради Господа и Бога, прошу васъ увѣдомить меня немедленно, гдѣ онъ находится. Торопитесь, ибо старъ я и недуженъ — и часть мой въ рудѣ Создателя. Еще прошу какъ во Христѣ брата моего, не откажите сами пожаловать ко мнѣ затрапѣнаго числа послѣ занятій вашихъ, дабы я могъ при васъ и при священникѣ составить и ссрѣпить свое духовное завѣщаніе. Болѣе мнѣ не къ кому обратиться. Вы брали участіе въ сынѣ моемъ; надѣюсь, что вы не откажете свидѣтельствующему вамъ, милостивый государь, нижайшее свое почтеніе Іосифу Захарову Морденгѣ».

Онъ запечаталъ и черезъ свою Христану тотчасъ же отправилъ письмо по назначенію, строго наказывая и моля ее немедленно и точно исполнить его порученіе.

Послѣ этого снова сталъ онъ писать начерно свое завѣщаніе:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Живоначальныя, Единосущныя и Нераздѣльныя Троицы. Аминь.

«Находясь въ полной памяти и здоровомъ умѣ, завѣщаю и отдаю въ полную собственность, по смерти моей, все достояніе мое, заключающееся: а) въ векселяхъ на князей Шадурскихъ, нынѣ представленныхъ ко взисканію, и б) въ кредитныхъ бумагахъ и билетахъ (слѣдуютъ перечень и нумера), приѣмному сыну моему Ивану Осипову Вересову; с) пять тысячъ рублей серебромъ по монастырямъ на поминъ души, для вѣчнаго поминовенія; d) вещи же, всѣ какия есть, и кои въ прилагаются при семъ росписи, распродать и деньги роздать ниимущимъ на поминовеніе души».

Таковъ былъ проектъ духовнаго завѣщанія Морденки, написавъ который, онъ, отъ усилій механическаго труда, ослабѣвъ еще болѣе и едва уже могъ дотащиться до своей кровати.

Но за то духъ его сталъ теперь свѣтлѣй и спокойнѣе. Его подкрѣпило сознаніе исполненнаго долга и примиренная сама съ собою совѣсть. Однакоже, вмѣстѣ съ наступившимъ просвѣтлѣніемъ не могла-таки заснуть и утомониться старинная злоба. Это было чувство какъ-бы виѣ его стоящее и царящее надъ нимъ всею своею мощью; съ нимъ однимъ только никогда и нигдѣ не могъ управиться старикъ, потому что оно, отъ слишкомъ долгаго упражненія, перешло у него, наконецъ, чисто уже въ родъ какого-то вѣчно-присущаго ему помѣшательства.

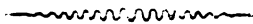
И теперь, когда отъ больного сердца и головы его отлетѣли всѣ остальные, тревожившія ихъ мысли и заботы, чувство старой злобы снова проступило на первый планъ, и даже у двери гроба заняло свое обычное мѣсто.

Мысли о смерти и чувству близость ея, онъ все-таки продолжалъ думать о мщеніи.

«Примирусь съ сыномъ — онъ будетъ продолжать!» злорадно проносилось въ головѣ Морденки: «я скажу ему, что съ тѣмъ только и все достояніе ему оставляю, чтобы онъ продолжалъ. Скажу, что это единственное условіе... Обѣщаніе, клятву возьму... А про мать ничего не скажу: не надо про мать говорить, ничего не надо! ни-ни! Боже сохрани! Пускай такъ и не узнаеть, кто его мать... А то неравно какъ узнаеть, можетъ быть, жалость возьметъ, можетъ, простить имъ, не исполнить... Пускай не знаетъ жалости!... Пускай до конца ведетъ!... Что, ваше сіятельство! теперь посмотрю, какъ вы восторжествуете!... Тутъ вамъ и пощочина, тутъ вамъ и «мерзавецъ!»

И съ этихъ поръ умирающій старикъ только ждалъ-не дождался той желанной минуты, когда, наконецъ, онъ во очію увидитъ своего сына.

Всеволодъ Крестовскій.

КТО ЛЮБИТЬ ?

Was ist das Leben ohne Liebesglanz?
ВЕНЬЕВА.

(Окончаніе).

VIII.

Андреевъ не заставилъ себя ждать въ Луговое.

— Вы спокойный и разсудительный человекъ, сказала Андрееву Вѣра Николаевна, выслушавъ отъ него нѣкоторыя подробности его жизни.

Онъ улыбнулся, и спросилъ:

— А вамъ нравятся спокойные и разсудительные люди?

— Нравятся. Если только это не спокойствіе апатіи, и не разсудительность ограниченности.

— Вамъ должны нравиться характеры, въ родѣ докторскаго, съ нѣкоторыми претворѣчiami въ жизни.

— Если жизнь не удовлетворяетъ, то поневолю вызываютъ претворѣчiя. Это недостатокъ только благородныхъ натуръ.

Она помолчала съ своимъ сосредоточеннымъ выраженіемъ.

— Лекаръ—недюжинный человекъ, сказала она тихо.

— Странное дѣло: онъ о васъ то же самое говоритъ, что вы недюжинная дѣвушка.

— Онъ это обо мнѣ говорилъ? вырвалось у нея съ живостью, за которую она сейчасъ же покраснѣла. — Онъ смѣлся.

— Нѣтъ. Я знаю, когда онъ смѣется, и когда нѣтъ. Онъ о васъ не умѣетъ говорить безъ одушевленія. Вы даже краснѣете, Вѣра Николаевна; стало, вамъ это самой пзвѣстно. Какъ вы, однако, покраснѣли, и какъ это вамъ къ лицу. Чудесно.

— Жарко, сказала она, чтобы сказать что-нибудь, и отвернулась, замѣтя, что онъ любитъ ея смущеніемъ.

— Теперь я васъ спрошу, какія вамъ женщины нравятся? спросила она его.

— Добрыя и искреннія.

Андреевъ, если бы посмѣлъ, не прочь бы сказать, что ему нравятся точно такія женщины, какъ она.

— Согласны вы со мной, что Конопельцовъ беспокойный духъ? спросилъ онъ, явно интересуясь ея взглядами на лекаря.

— Беспокойный, потому что сильный.

— Онъ все къ высокому гнется.

— Да, къ хорошему. Это, мнѣ кажется, общечеловѣческое стремленіе. И вы, вѣрно, не всегда довольны тѣмъ, чѣмъ пользуетесь.

— Съ меня довольно маленькаго счастья. Мелководье, пускай, да оно по мнѣ. На глубинѣ да на ширинѣ, пожалуй, меня бури уничтожатъ (Андреевъ засмѣлся своему краснорѣчію), на мель саду, разобьюсь; а на мелководь нѣтъ опасности, у себя дома. Конечно, все на своемъ мѣстѣ, жизнь въ разнообразіи. Если бы всѣ струны имѣли одинъ звукъ — не было бы гармоніи.

Дѣвушка думала.

— Докторъ — серьезный человѣкъ, сказала она съ убѣжденіемъ: — и грустный, хотя, повидимому, часто смѣется.

— Что жъ это, по вашему, «незримыя слезы съвозъ видимый міру смѣхъ»? Андрееву почему-то не совсѣмъ нравилось поклоненіе дѣвушки доктору.

— Я проще скажу, Андрей Васильчъ. — Это, мнѣ кажется, сожалѣніе хорошей души о потерянномъ, это — желанія, въ исполненіи которыхъ онъ сомнѣвается.

— Какой вы тонкій психологъ, сказалъ онъ ей: — и вѣрный другъ.

— Я знаю доктора, тихо продолжала дѣвушка: — его жизнь такъ сложилась, что онъ ближе къ серьезнымъ ея сторонамъ, а не къ веселымъ. Онъ сознавался мнѣ, что не бѣгаетъ смѣха и самъ часто производитъ его, какъ вы знаете; но что уважать онъ можетъ скорѣе слезы, чѣмъ смѣхъ.

— Это нехорошо, замѣтилъ Андреевъ.

— Можетъ быть, но это мнѣ понятно.

Онъ на нее взглянулъ вопросительно.

— У меня характеръ такой, серьезный, продолжала дѣвушка чистосердечно. — Я даже досажую на себя. Я много терплю черезъ него въ обществѣ, гдѣ веселость такъ цѣнится.

— Ничего вы не терпите въ глазахъ порабочныхъ людей. Андреевъ одушевился. — У васъ, я замѣтилъ, страшная, хѣтя удивительно хорошая улыбка. Не успеешь ее уловить — опять серьезное выраженіе. Но, виноватъ, я отбился отъ нашего разговора о докторѣ. Знаете, я думаю, что его строгость взгляда происходитъ, можетъ быть, отъ отсутствія желаній.

Дѣвушка съ своей хорошей и честной улыбкой отрицательно покачала головой.

— У него слишкомъ много желаній, сказала она.—Онъ по поводу ихъ сказалъ мнѣ, какъ-то, слова Фауста: что онъ слишкомъ старъ, чтобы играть, и слишкомъ молодъ, чтобы не имѣть желаній.

— О, какъ вы помните рѣшительно все, что онъ вамъ сказалъ! замѣтилъ Андреевъ:—какъ бы я желалъ быть на его мѣстѣ; и прибавилъ, поясняя:—то-есть, я желалъ бы такъ же высоко стоять въ вашемъ мнѣніи.

— Когда докторъ встрѣчаетъ въ книгѣ характеръ или чувство, симпатичные ему, дорогіе по его убѣжденію, продолжала дѣвушка, явно увлекшаяся предметомъ разговора:—онъ жалѣетъ, что въ жизни не удастся ему пользоваться ими; и не потому не удастся ими пользоваться, что ихъ въ жизни нѣтъ, а по многимъ другимъ причинамъ.... Иной разъ ему кажется, что онъ одинъ стоитъ въ цѣломъ мірѣ и никто не смотритъ на него участливо. И мнѣ его иногда становится очень жаль. Я понимаю его и его положеніе, хотя и не умѣю объяснить это. Среди его сомнѣній я чувствую въ немъ сильную вѣру въ добро и правду.

— Онъ хорошій человѣкъ, сказалъ Андреевъ, какъ-бы рассуждая самъ съ собой.—У него случаются преуморительные и премежные приговоры. Со многими нельзя не согласиться. Общество наше, напримѣръ, онъ считаетъ какой-то собирательной единицей съ одной «казенной» нравственной физиономіей. Сила этой единицы, говоритъ, состоитъ пока въ ея количественности. Людей, большей частью, называетъ «приказными жизни»; ихъ нравственную область—«канцеляріей» своего рода, а ихъ правила величаетъ «канцелярскимъ порядкомъ». Строго—согласенъ, а вѣдь такъ. Право такъ.

Андреевъ смѣялся.

— У него замѣшалось.... раскаяніе въ одномъ увлеченіи молодости, а больше, кажется, скуки, сказалъ Андреевъ.

— Да, да, онъ мнѣ говорилъ, заторопилась дѣвушка, явно останавливая его отъ подробностей, ей непріятныхъ, и вздохнула.

Молодые люди разговаривали въ полѣ, вечеромъ. Они вышли на встрѣчу Аннѣ Павловнѣ, съ утра уѣхавшей на иманини къ предводителю. «Страда» только началась. По проселку дребезжали пустыя телеги, на нихъ подскакивали длинныя вилы, бѣлоголовые мальчишки, бабы съ лоснящимися отъ жару лицами, въ запыленныхъ рубашкахъ, съ волосами въ соломѣ; на задней телегѣ трасса бѣлорободный старикъ, довольно бодро стоявшій

на колѣнахъ. Равняясь съ гуляющими, они имъ кланялись, не глядя на нихъ; а потомъ долго и внимательно ихъ разглядывали.

— Здравствуй, Алдакямъ! крикнула Вѣра старику:—живы!

— Живемъ, матушка-барышня, да хлѣбъ жуемъ! съ усиленною прощамкало старикъ, и тонкая пыль, теплая и пахнувшая горячими шинами, обдала ихъ.

— Пріятель вашъ? спросилъ ее Андреевъ.

— Славный старикъ. Представте себѣ — ему подъ восемьдесятъ лѣтъ, а онъ и косить еще, и пашеть, и въ ночное съ ребятами ѣздитъ.

— А мы вотъ—удивляемся, какъ умудряются какіе-нибудь лорды Линдгурсты въ восемьдесятъ лѣтъ сохранить способности въ занятіямъ государственнымъ. Андреевъ засмѣялся. — Вашъ Алдакямъ, въ своемъ родѣ, тотъ же Линдгурстъ. Однако, въ деревенская, прибавилъ онъ: — даже, знаете, что такое «Ночное».

Андреевъ, какъ-бы про себя, проговорилъ:

Сохраняется дольше въ глуши
Первоначальная ясность души...

— Это изъ Некрасовской «Сашки»?

— Да

— Что за прелесть. Помните, срубленный лѣсъ?

Андреевъ съ удовольствіемъ взглянулъ на дѣвушку и кругомъ. Вечеръ плавалъ въ золотомъ свѣтѣ. Ясный закатъ, казалось, цаловалъ все и миловалъ. Вѣра тихо проговорила:

Изъ перерубленной старой берѣзы
Градомъ лилися прощальныя слезы,
И провадали одна за другой
Данью послѣдней на почвѣ родной...
Кончились поздно труды роковые,
Вышли на небо свѣтила ночныя,
И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась круга и лена —
Труны деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались скрипяли, трещали,
Трепетно листья шумѣли кругомъ...
Такъ, послѣ битвы, во мракѣ ночномъ
Рапеныи стонеть, зоветь, проклинаятъ...
Втеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ —
Праздно лежащимъ оружіемъ звенить,
Волосы мертвыхъ бойцовъ шевелить;
Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;
Низко летали, вились колесомъ
Совы, шарахалась ѳ-земь крыломъ;
Звонко кукушка вдали куковала,
Да какъ безумная галка кричала,

Шумно летая надъ лѣсомъ... Но ей
 Не отыскать неразумныхъ дѣтей!
 Съ дерева комомъ галчата упали,
 Желтые рты широко разѣвали,
 Прыгали, злились... Наскучилъ ихъ крикъ —
 И придавилъ ихъ ногою мужикъ...

— Чудесно! докончила дѣвушка съ увлеченіемъ.

— Я не знаю, что лучше: стихи или ваша простая декламация? Молодой человѣкъ не торопился отвѣсти съ нею глазъ.

— Какъ вы тонко понимаете!

Они переходили болотистый лужокъ. Дѣвушка повезлось, что ее обхватила та самая сырость, которая обхватывала ее, дѣвочкой, не на этомъ, а на другомъ, далекомъ отсюда лужкѣ. Какъ любила она тогда проѣзжать его, запоздавъ съ отцомъ и матерью у сосѣдей; бывало, весело шумить тарантасъ подъ густыми ракиновыми вѣтвями, сквозь которыя смѣло пробивается круглый желтый мѣсяцъ — и все серебрить. А она слушаетъ-не слушается «малиноваго» колокольчика, звонко заливающагося подъ ракинами. И лошади бѣгутъ шибче и радостно фыркаютъ, чуя близость конюшни.

— Какъ хорошо, сказала Вѣра.

— Какъ хорошо, невольно повторилъ за нею Андреевъ.

— Сядемъ на минуту? сказала она.

И сѣли на травянистый косогоръ, послывшій, казалось, отъ себя прохладу и запахъ.

Золотой закатъ миловалъ передъ ними чету роскошно разросшихся березъ, перепутавшихъ свои густыя вѣтви и обхватывшихся другъ съ другомъ, толстыми суками, какъ руками.

— Каламовскій просвѣтъ! замѣтилъ Андреевъ.

— Березы словно обнялись, замѣтила Вѣра.

— Какъ влюбленные, прибавилъ онъ.

— Нехорошее слово... Дѣвушка слегка крутила кончикъ своего батистоваго платка.

— «Влюбленные» — нехорошее слово?

— И непонятное. Я его не понимаю. Можно любить, но не влюбляться.

— Какая же разница?

— Влюбляются только гусарскіе корнеты и барышни изъ пансіоновъ.

— А любятъ?

— Люди.

Въ ея красивыхъ глазахъ теплился тихій, радостный свѣтъ широкой, любящей души.

— Когда моя тѣтя рассказываетъ, что такой-то, или такая-то влюблены, мнѣ становятся смѣшно, говорила дѣвушка.

— Вы не любилъ? спросилъ онъ.

— Это нескромный вопросъ, замѣтила она ему съ своей веселой серьёзностью.

— Отчего же нескромный?

— Оттого, что, мнѣ кажется, о такихъ вещахъ можно связать только одному.

— Но я одинъ, Андреевъ смѣлся, и ее разсмѣшилъ. — Скажите мнѣ одному.

— Можно связать только одному, кого любишь, пояснила она свои слова: — и то, не знаю, связала ли бы я ему.

— Какъ же бы онъ зналъ, что любишь?

Она покойно улыбнулась ему въ глаза.

— Кто не пойметъ чувства, для того не стоитъ тратить словъ, сказала она: — чувство не въ словахъ.

— Счастливъ, кого вы полюбите. Андреевъ разсѣянно вертѣлъ свою панаму, которую снялъ. — Любить не все равно кого, какъ неравны силы чувства, его потребности, его выраженія. Любить, должно быть высшее счастье, какъ утверждаетъ докторъ.

— Любилъ ли онъ? дѣвушка спросила не то его, не то себя.

— Не знаю. Знаю только, что могъ бы.

— Еще бы! вырвалось у нея.

— Судьба пресвоенравная, говорилъ Андреевъ: — въ лучшіе наши годы, когда сильна такъ потребность вѣры и любви, судьба подставляетъ намъ или кое-что, или богъ-знаетъ что. Неопытные силы бросаются на то, что не наше, и грезятъ, что это-то именно наше. Шекспиръ объяснилъ это въ «Снѣ въ Иванову ночь». Какъ осмотряшься — и сверно.

Дѣвушка тихо вздохнула. Глаза ея остановились на Андреевъ. Последний лучъ обливалъ его волосы и лицо. Его джентльменская фигура нравилась ей. Сдержанность его она приписывала порядочному тону, убѣжденія его удовлетворяли ее, а разговоръ его нравился ей.

— Въ эту минуту я послушалъ бы вашу музыку, сказалъ онъ ей. — Шуберта вашего послушалъ бы.

— Я сама не прочь бы сыграть въ эту минуту. Дѣвушка посмотрѣла на него и на березы.

— Что бы вы сыграли? спросилъ онъ. Она подумала.

— Импромпти Шопена, сказала она.

— Отчего я не добрый духъ? Андреевъ забылъ свой обичный сновидный тонъ: — передъ нами, здѣсь, очутился бы вашъ роаль, и эти кочен зацвѣли бы гюлистанскими розами, а надъ нами,

вмѣсто воробьевъ, засвистали бы восточные соловьи, эти нѣжные буль-буль.

Она встала. Онъ тоже.

— Анна Павловна еще нескоро вернется, вѣроятно, говоритъ онъ, убѣдительно: — засидится, заговорится тамъ, дама свѣтская. Пойдемте домой, милая Вѣра Николавна.

Она, молча улыбаясь, повернулась.

— Возьмите мою руку, сказалъ онъ: — смѣшно, когда двое идутъ въ такомъ широкомъ полѣ не рука въ руку. Съ вами я хотѣлъ бы далеко пройти этакъ вотъ.

— Уморитесь. Она подала ему руку.

— Я привыкъ ходить.

— Ну, я уморюсь.

— Я постарался бы поддержать васъ.

Она слушала его съ улыбкой, говорившей ему, что она понимаетъ смыслъ, скрытый въ его словахъ. Но она ничего не сказала.

Придя домой, она сыграла ему Impropti Шопена.

Конопельцовъ и Вѣра были большіе друзья. Онъ принималъ въ ней живое, теплое участіе, какъ въ талантливой натурѣ и еще сиротѣ. Слова его она привыкла выслушивать съ особеннымъ вниманіемъ, и они невольно оставались у нея въ памяти, и невольно переходили въ жизнь. Она довѣряла ему то, чего ни за что не сказала бы Андрееву.

Такова разница между дружбой и тѣмъ расположеніемъ, которое оказывалъ Вѣрѣ Андреевъ. Глубокое уваженіе, безъ котораго немислима дружба, лежало въ основаніи отношеній лекаря и дѣвушки. Онъ понималъ, что молодые люди нравятся другъ другу, и за нихъ радовался. Чувство, въ какомъ бы видѣ ни выражало себя, имѣло въ немъ своего сторонника и тонкаго цѣнителя. Лекарь принадлежалъ къ тѣмъ исчезающимъ мужскимъ характерамъ, которые въ шестнадцать лѣтъ увлекаются дикими Купера, а въ двадцать-пять тоскуютъ по *своей* родной, прекрасной женской душѣ. Конопельцовъ понималъ, что тамъ, гдѣ у Вѣры избытокъ силъ, свѣжихъ и молодыхъ — Андреевъ можетъ дѣйствовать больше съ самостоятельностью такта, то-есть разсудка. Не правился ему также нѣкоторый консерватизмъ Андреева, который лекарь называлъ «помѣщичьимъ»; и еще преслѣдовалъ онъ въ Андреевѣ «гостиную» умѣренность его тамъ, гдѣ по важности затронутой разговоромъ матеріи, «помѣщика» или свѣтскаго человѣка долженъ бы былъ переселить «образованный человѣкъ». Лекарю не нравилось «подаиванье» его интересной вдовушкѣ столько же, сколько и претензіи Анны Павловны на современность и образованіе. Они не ослѣпляли его. Изъ-за

нихъ онъ видѣлъ не болѣе, какъ свѣтскую баринню, умѣющую разбудить заснувшій разговоръ.

Лекаръ понималъ возможность серьезнаго чувства у Вѣры и, почему-то, не былъ увѣренъ въ серьезности чувства Андреева. Онъ готовъ былъ бояться за Вѣру, зная, что утраты сердца — утраты жизни.

— Вы, кажется, читались Октава Фѣлье, сказалъ онъ, какъ-то, Андрееву.

— Я читалъ Фѣлье, отвѣтилъ тотъ: — но почему вы мнѣ объ этомъ говорите?

— Потому что вы разыгрываете одну изъ его комедіекъ, легенькихъ, пустынькихъ по содержанію, но блестящихъ по формѣ.

— Съ кѣмъ же это?

— Разумѣется, съ дѣвушкой, съ интересной.

— Такъ я, по вашему, немножко водевильный герой? Андреевъ старался смѣяться весьма непринужденно.

— Только героиня далеко не водевильная, помните это, прибавилъ лекаръ.

— Постараюсь не забыть, отшучивался Андреевъ, хорошо понимавшій смыслъ предостереженія, высказаннаго ему Конопельцовымъ со всей суровостью истинной, безкорыстной дружбы его къ Вѣрѣ. — Но какое право имѣете вы, докторъ, наговорить мнѣ все это?

— Мое право, съ одной стороны — мое участіе въ дѣвушкѣ, а съ другой — близость, установившаяся между вами и дѣвушкой.

Последнія слова видимо были приятны Андрееву.

— Она мнѣ нравится, вы знаете, сказалъ онъ: — очень нравится.

Лекаръ помолчалъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ она вамъ нравится, вы сами-то стали лучше въ моихъ глазахъ, право, замѣтилъ онъ: — вы, небойсь, это чувствуете. Да? Что лучше вы стали?

— Чувствую, чувствую, только отстаньте, докторъ, смѣялся Андреевъ.

Если сердце дѣвушки отдавалось Андрееву, то умъ ея занималъ, безъ сомнѣнія, Конопельцовъ. Вѣра удивлялась силѣ, съ какою были развиты серьезныя стороны его характера. Ей нравилось неудовольствіе, съ которымъ онъ принималъ необходимый, будничныи ходъ своей дѣятельности; понимала, что его толкаетъ воспріимчивость хорошей природы, у которой руки и ноги связаны. Его вѣра въ самаго себя, его уваженіе къ высшему въ жизни, его сомнѣнія во многомъ, принятомъ безусловно, какъ законъ, освященный давностью и силой преданія — все это въ

умъ дѣвушки сложилось въ прочное уваженіе къ доктору. Иногда ей казалось, что его занимаетъ какая-то серьезная мысль, но какая? Она была увѣрена, что его можетъ занимать только благородная, только великодушная мысль, не мелочная и не эгоистическая. Понимала, что онъ—сила. Со времени своего сближенія съ нимъ, она себя сильнѣе чувствовала въ мысли. На многое глядѣла какъ-бы просвѣтленными глазами. Лица, вещи и характеры получила въ ее глазахъ опредѣленность и тотъ внутренній смыслъ, котораго они до него для нея не имѣли.

Занятый своими болѣзнями и службой, Комопельцовъ не завертывалъ въ Луговое, тѣмъ болѣе, что въ уѣздѣ открылась скотскій падежъ и его командировали для прекращенія. За то Андреевъ учащалъ свои прїѣзды къ удовольствію нашихъ дамъ. Онъ читалъ имъ, съ Анной Павловной ѣздилъ верхомъ и непритворно восхищался ея ловкостью и посадкой; помогалъ Вѣрѣ чистить клубнику и варить варенье—словомъ, сталъ домашнимъ человекомъ, «своимъ», по словамъ хозяйки. Впрочемъ, тридцатилѣтній Андреевъ не совсѣмъ отдавался прелести сближенія съ дѣвушкой, которая ему нравилась. Его иногда беспокоила мысль о старой тѣткѣ, беспокоила именно въ самыя лучшія минуты сближенія и, отчасти, мѣшала ему.

Старая тѣтка была родная сестра его покойной матери. Въ свое время она была большая вѣтреница и щеголиха. Походенія ея еще памятны между московскими старичками и старушками. Для своего времени образованная, хорошей фамиліи, съ хорошимъ состояніемъ, Дарья Николаевна давнымъ-давно овдовѣла, и давнымъ-давно удалилась въ одну изъ своихъ деревень. Въ ней сидѣла двадцать лѣтъ безвыѣздно, насуча свѣтской жизнью и разсѣянностью. По какому-то непонятному капризу, она выбрала самую маленькую изъ своихъ деревень, и поселилась въ самомъ маленькомъ и скверненькомъ изъ своихъ флигелей. Многочисленная и ловкая прислуга замѣнилась у нея босоногой горничной, и стариками поваромъ и кучеромъ. Подобный переходъ отъ набалованной московской жизни къ строгому и постному келейному заклоченію, нельзя было объяснить разстройствомъ ея дѣла. Напротивъ, она считалась изъ богатѣйшихъ помѣщицъ того же уѣзда, гдѣ жилъ Андреевъ: имѣла земли три тысячи десятинъ и деньги въ ломбардѣ.

Собственно тѣтку Андреевъ не уважалъ и не любилъ, даже боялся ее; но она оставила ему свое состояніе. Онъ ѣздилъ къ ней, скрѣпя сердце и подвигивъ волю, и разыгрывалъ иждиваго племянника. Насиловалъ онъ себя такимъ образомъ нечасто, раза два-три въ годъ: именно въ день ея ангела, рожденія, и

на престольный праздникъ. Посылалъ ей изъ своей сажалки карасей и прочее по постной части. Онъ иривалъ тѣтку «Богдыханомъ» довольно метко, какъ увидимъ.

Дугала же она его сближеніе съ Вѣрой своимъ презрѣніемъ всякаго чувства.

IX.

Вѣра очутилась въ новомъ положеніи. Она начинала понимать, что теперь ея удовольствія и радости на столько возможны ей и понятны, на сколько они могутъ быть и ея удовольствіями, его радостью. Она не спрашивала, что съ ней? но чувствовала счастье и въ себѣ и кругомъ. Она начинала смотрѣть на все съвозъ новую для нея, какую-то поэтическую дымку. Эта дымка смагчала въ ея глазахъ, въ ея сознаніи, въ ея чувствахъ все рѣзкое, непріятное. О немъ постоянно думала. Ей нужно было, чтобы онъ былъ съ ней. Когда глаза его освѣщались чувствомъ, она многое, если не все, понимала въ его чувствѣ. Оно ей льстило, было ей дорого. Только любящее сердце понимаетъ самое тонкое и нѣжное въ жизни другаго сердца. Его участіе становилось для нея необходимымъ. Иногда, слушая какъ онъ разговаривалъ съ Анной Павловной, кокетливой и интересной, Вѣра не умѣла сладить съ своей грустью; такъ и заплакала бы при всѣхъ. За то во всемъ, что онъ ей говорилъ, во всѣхъ отношеніяхъ его къ ней, она чувствовала столько нѣжного, дорогого ей участія. Ей казалось только, что онъ старается прятать отъ нея свое участіе къ ней, и это ей было больно. Несмотря на свою внимательность, ей казалось, что иногда онъ сдерживаетъ себя съ ней, и слова свои обдумываетъ строже, чѣмъ бы она хотѣла. Впрочемъ, она хотѣла думать, что ошибается, и именно потому ошибается, что требовательна къ нему. Вѣрѣ становилось досадно, когда Анна Павловна ловила ея задумчивый взглядъ или разсѣянный отвѣтъ, иногда невпопадъ. Анна Павловна сказала ей, что, съ нѣкотораго времени, замѣчаетъ въ ней грустное расположеніе. Она высказала ей это съ участіемъ, обняла ее, поцаловала и со вздохомъ, пристально поглядѣла ей въ глаза. Она ничего не нашла сказать ей и покраснѣла, къ своей досадѣ. Всѣ эти дни, новыя для нея и пріятныя, всѣ тревоги ея сердца составили цѣлое чувство. Оно томило ее и ласкало.

Откуда въ ней столько счастливыхъ вѣрованій въ себя, въ людей, въ небо особенно? Онъ сказалъ ей, какъ-то: «май мѣсяцъ повторяется ежегодно съ тѣмъ же яркимъ солнцемъ и соловьями; но не повторяется для человѣка май жизни; вы, Вѣра Николав-

на, переживаете свой май». Сказала ей также, что у неѣ «какое-то трогательное выраженіе, такое, будто на днѣ еѣ молодой души слезы; но не ѣдкія слезы, а нѣжныя». Она не удержала вздоха. Онъ отвернулся, какъ-бы не замѣчая еѣ волненія и какъ нельзя во время. Въ послѣднее время она играла только любимыя его пьесы. Деревенская свобода сближала ихъ. Вѣра была большая любительница картинныхъ мѣстъ и наводила на нихъ Андреева.

Разъ, Вѣра и Андреевъ присѣли на крутой горѣ, опушкой вышедшей среди дубоваго лѣса. Снизу доносился до нихъ смѣхъ Анны Павловны и гостя, толстаго помѣщика Ивнева.

— Не правда ли, что за мѣсто? сказала Вѣра.

— Рѣдкое, замѣтилъ Андреевъ.

Прямо, въ глаза имъ, садилось солнце. Рѣчка, извилисто пробѣгающая широкими зелеными лугами, казалась въ огнѣ. Внизу подъ ногами, лѣсъ падалъ въ свой оврагъ, чернѣясь въ немъ и хмурясь.

Вѣра оглянулась.

— Посмотрите, сказала она, указывая на курчавый лѣсъ, затопленный золотомъ и багрянымъ закатомъ.

Отдѣльные дубы стояли просто красавцами, рѣзко охваченные вечерними тѣнями и ясно вырисовываясь маушками въ снѣмъ небѣ. Перелетѣвшая кукушка блеснула какъ сказочная птица подъ темнымъ сводомъ столѣтнихъ дубовъ. Листомъ не шелкнулъ лѣсъ. Отъ лѣсу Вѣра перешла опять, къ закату. Въ дрожавшемъ освѣщеніи дали золотилось живое облако пыли, за нимъ чуть двигалось далекое стадо. Тихая, живая прохлада еле доносила далекую дудку, однообразную и грустно-простую. Просыпались голоса ночныхъ птицъ и ночные звуки проснулись въ лѣсу. Въ наплывавшей отовсюду прохладѣ засыпала природа. Наступала пора, когда въ человѣкѣ вмѣстѣ съ тишиной природы чутко поднимаются чувства, молчація днемъ за тревогами дѣла и мысли.

Вѣрѣ показалось, что въ этомъ сумрачномъ лѣсу и въ огняхъ заката живетъ какая-то таинственная сила. Природа въ такомъ чудесномъ выраженіи можетъ вдохновить. Вѣрѣ вспомнилась Велледа, таинственная повелительница суровыхъ германцевъ, ходившая къ нимъ изъ глубины вѣчныхъ лѣсовъ. Мерещились ей друиды въ бѣлыхъ покрывалахъ, кругомъ своего камня; беллиневская Норма въ зеленомъ вѣнчѣ и съ мелодической Casta Diva; хоры жрецовъ и унылый металлическій звукъ тимпана Оровеза, все, все. Нѣжная жизнь сердца незамѣтно слилась съ впечатлѣніями исторіи и музыки.

Она взглянула на того, кто постоянно занималъ ее, и смѣшалась: онъ любовался ею.

Многое хотѣлось ей сказать ему и многое выслушать отъ него. Горячихъ признаній отъ него ждала она, удовлетворяя въ эту минуту какой-то настоятельной душевной потребности, но онъ молчалъ.

Она встала.

— Пойдите! вырвалось у него.

Она остановилась.

— Вы свободны, Вѣра Николавна? спросилъ онъ ее робко, и поторопился прибавить:—вы не связаны ни съ кѣмъ чувствомъ, общаніемъ?

Она помолчала, какъ-бы вдумываясь въ смыслъ этихъ новыхъ для нея словъ и прошептала:

— Нѣтъ.

Онъ взялъ ее за руку, съ увлеченіемъ.

— Я желалъ бы знать, Вѣра Николавна; заговорилъ онъ торопливо, заглядывая въ ея синіе глаза, какъ-бы пугаясь ихъ выраженія въ эту минуту:—любилъ ли вы?

Она не шелохнулась и поблѣднѣла.

— Вы не отвѣчаете! вырвалось у него нѣжно.

— Развѣ чувство въ словахъ?...

Она едва владѣла собой, не рѣшаясь глядѣть на него.

Онъ наслаждался трепетомъ, блѣдностью и новымъ любящимъ, женскимъ выраженіемъ, которое въ ней сказалось и въ ея словахъ, и въ лицѣ, и въ позѣ. Онъ былъ счастливъ сознаніемъ, что она его любитъ. Она сказала ему это безъ словъ, своимъ смущеніемъ.

Она взяла у него свою руку и пошла.

— Одну минуту, Вѣра Николавна.

Она остановилась.

— Мнѣ съ вами всегда пріятно и вездѣ—голосъ его волновался:—почему, вы это сами знаете. Неужели наши теплыя отношенія ничѣмъ не кончатся?... я этому не хочу вѣрить.

Она взглянула прямо ему въ глаза. Она слушала его не ушами, а сердцемъ; оно желало еще чего-то, еще какихъ-то хорошихъ словъ; онъ самъ хотѣлъ сказать ихъ, но не сказалъ. Мысль о тѣткѣ спугнула его нѣжное настроеніе. Привязанность его къ дѣвушкѣ боролась въ эту минуту съ мелкимъ и гаденымъ чувствомъ. Она это чувствовала.

Голосъ его и видъ были печальны. Въ дѣвушкѣ заговорило было доброе и нѣжное чувство къ нему, которое ее наполняло;

но сейчас же переселило въ ней чувство какой-то неполноты, обманутое и горькое чувство.

«У него нѣтъ расположенія во мнѣ... такого, какого бы я хотѣла» подумала она въ сильномъ волненіи. «Еслибы онъ меня любилъ—я чувствовала бы»...

Она рѣшительно пошла отъ него.

Онъ не думалъ останавливать ее. Достоинство и искренность, сказавшіяся въ дѣвушкѣ, такъ унизили его, въ его сознаниіи, съ его мѣщанской, робкой привязанностью къ ней. Онъ слѣдилъ за ней, пока она не скрылась за деревьями, рассчитывая не оглянется ли—но она не оглянулась. Онъ понялъ, что имѣлъ дѣло уже не съ скромной дѣвушкой, а съ дѣвушкой, въ которой сказались сила и достоинство чувства. При всемъ самообладаніи, онъ терялся и не желалъ видѣть въ этотъ вечеръ Вѣру. Сознаніе своего глупаго положенія и мѣщанства своей любви—терзало его. Онъ и боялся потерять ее, и не рѣшался на шагъ, грозившій лишить его тѣтвинова наслѣдства. Онъ рѣшился завтра же ѣхать къ тѣтѣ. Вѣра избѣгала его весь вечеръ.

Прощаясь, послѣ ужина, Андреевъ сказалъ Аннѣ Павловнѣ, что завтра къ себѣ уѣзжаетъ. Вѣра выслушала это простое и для всѣхъ пустое извѣстіе, собравъ все присутствіе духа. Но когда онъ пожалъ ей руку, она вспыхнула и, къ своему ужасу, чувствовала, что слезы вскипаютъ у нея на глазахъ. Анна Павловна съ особеннымъ вниманіемъ слѣдила за Вѣрой въ эту минуту и смутила ее этимъ вниманіемъ.

Вѣра провела безсонную ночь, не раздѣваясь, у окна. Надъ садомъ, надъ головой, надъ домомъ стояли тяжелыя черныя тучи. Даже страшно ей стало. Тишина и мракъ глядѣли такъ серьезно. Она вспомнила объясненіе Андреева въ лѣсу, и ей совѣстно было вспоминать объ этомъ именно въ эту минуту, когда все и она сама чего-то боится, ждетъ, о чемъ-то спрашиваетъ. Упрекъ въ легкомыслии, въ излишнемъ довѣрїи къ достоинству Андреева она почувствовала. На ея руку, свѣсившуюся за окно, упала теплая дождевая капля. Ей захотѣлось затворить окно, но она его не затворила. Тишина и неподвижный мракъ возбуждали нервы. Не вѣрилось въ нихъ. Ждали гроза, безпорядокъ. Испуганная птица просвистѣла у окна, задѣла вишню, хлеснувшую вѣткой, и ударилась въ листву. Тамъ и спряталась безпокойно. Протяжно и грустно пронылъ дребезжащій звонъ церковнаго колокола. Когда Вѣра слышала его ночью, она принимала его какъ извѣщеніе о часѣ мертвыхъ, какъ владимирскую пѣснь. Звукъ мѣднне, плачущіе идутъ въ глубокой тишинѣ и будятъ ее

отъ тяжкаго раздумья. Эти звуки показались Вѣрѣ отчаяннымъ голосомъ множества людей, придавленныхъ землей и забытыхъ живыми—голосомъ, который подается за безгласныхъ уже и никогда болѣе невидимыхъ. Грустно-простыя и безутѣшныя народныя легенды разбудили въ Вѣрѣ этотъ звонъ. Ночью ее пугали блѣдныя, бородатые колдуны деревенскихъ погостовъ, въ которыхъ она, разумѣется, не вѣрила днемъ. Въ хмурившемся мракѣ кузнечики тикали съ беззаботнымъ однообразіемъ, все той же нотой. Вѣра вспомнила объ испуганной птичкѣ и захотѣла узнать, какъ она тамъ, въ эту минуту, въ листьяхъ? Вспомнила смущеніе Андреева въ лѣсу, смущеніе его при прощаньи и свое смущеніе. Вдругъ глухо загрохотало въ глухой и мрачной тучѣ. Ослѣбительная, бѣлая съ огнемъ; молнія разрѣзала мракъ неувольными, изломанными, яркими зигзагами. На мигъ она увидѣла бѣлую церковь, за церковью синее, освѣтившееся пространство надъ зеленымъ выгономъ съ бѣлымъ, неподвижнымъ густымъ стадомъ. Но новый ударъ колокола она услышала снова изъ мрака, показавшагося послѣ молніи еще чернѣе. Трепетнѣй стихла ночь. Боязнь Вѣры все безпокойнѣе требовала себѣ разрѣшенія. Надъ ней треснуло, разбилось что-то громадное. Какъ стекло зазвенѣло тамъ, высоко, и съ ужаснымъ рокотомъ и шумомъ ударъ прокатился по толпѣ сдвинувшихся тучъ, оглушивъ все. Вѣра со страхомъ возвращалась къ своимъ ощущеніямъ, будто только этихъ вотъ ударовъ ждало все, чтобы оправиться. Встрепенулась угрюмая темнота, заговорила. При зловѣщихъ вспышкахъ молніи забушевала высокая трава, заблестѣли яблочки и отчаянно расваживались на своихъ вѣткахъ. Забушевала листва, путаясь и раздражаясь. Зашумѣлъ проливной дождь и молніи чаще и чаще, тамъ и сямъ, сверкали, слѣпили. Вѣра отдалась грозѣ. Великолѣпіе выходило. То на синемъ свѣтѣ вырисуются деревья во всей тонкости своихъ очертаній, съ самой странной игрой зелени, на черномъ фонѣ сянія дерева, синій домъ, серебряный прудъ. Вѣра слышала глубинку и всякую благовонную травку. Комаръ— и тотъ пахъ. Душа дѣвушка расшпирялась. «Спать ли она въ эту минуту?» думала она. Опять вспомнила объясненіе Андреева въ лѣсу и опять наполнило ее чувство неполноты, обманутое и горькое чувство. Заснула она къ свѣту.

Анна Павловна, конечно, понимала скрытый характеръ отношеній молодыхъ людей и, иногда, впускала въ нихъ самую тоненькую изъ своихъ булавочекъ.

— Что это вы читаете? спросилъ Анну Павловну Андреевъ, заставъ ее за книгой въ гостиной

Она улыбнулась ему не безъ лукавства, и сказала:

— Романъ, очень интересный, съ любовью двухъ молодыхъ сердець.

— Пылкихъ, само-собою? спросилъ онъ, въ ея тонѣ.

— Одно пылкое, другое не совсѣмъ.

— Чье же?

— Разумѣется, мужское.

— Отчего же, разумѣется?

— Оттого, что и въ жизни такъ больше случается. Согласитесь.

Андреевъ помолчалъ, пристально глядя на вдову. Показалось ему, она намекаетъ на него и на Вѣру.

— Вы застали меня на патетическомъ мѣстѣ, Андрей Васильичъ. Героиня, молодая дѣвушка, пишетъ въ своемъ дневникѣ.

— Развѣ дѣвушки пишутъ еще дневники въ наше время? Андреевъ заставилъ себя смѣяться.

— Это всего удобнѣе можетъ рѣшить нинѣшняя дѣвушка. М-ле Вѣра, пишутъ ли еще дѣвушки дневники?

Вѣра вспыхнула.

— Я не знаю, ma tante, сказала она покойно, не отрываясь отъ работы. — Одно могу сказать: я не пишу дневника.

— Выслушайте, Андрей Васильичъ, горячее признаніе героини; разумѣется, она съ нимъ на «ты».

Пустое съ сердечнымъ ты
Она, обмолвись, замѣнила.

«*Imagines toi, que je suis là, devant toi!*» прочла она съ насмѣшкой и напущеннымъ на себя паѳосомъ. «*Je conçois ta joie de voir pret à s'accomplir un rêve de tant d'années. L'amour me rend languissante, me condamne une existence purement végétale, ce qui est pire que la mort.*» Она бросила романъ.

— Должно быть, жестокая вещь эта ламуръ, сказала она весело.

Вѣра не могла не замѣтить, что съ нѣкотораго времени отношенія къ ней Анны Павловны измѣнились. Чистая душой и мыслями, она не останавливалась на зависти ея къ себѣ, на ея ревности, для которой, базалось дѣвушкаѣ, нѣтъ предлога. Чувствуя натанутыя отношенія ея, она старалась къ ней приблизиться, но неудачно.

X.

Андреевъ пріѣхалъ къ тѣтѣ въ Ольховку вечеромъ, въ темную, но дождливую погоду.

«Старухи говорятъ, что дождь привести — счастье», подумалъ онъ, всходя по плохенькимъ ступенькамъ на крыльцо съ тесовымъ фронточикомъ и двумя колонками.

Но на крыльцѣ остановился.

«Вѣтошь какая», думалъ онъ, съ снисходительной улыбкой глядя на небольшой выбѣленный флигель, на старости лѣтъ прісѣвшій нѣсколько смѣшно. Почернѣвшая соломенная крыша проросла нѣжной травкой и замшилась. Маленькія окна опустелись въ землѣ, выглядывая изъ-за кустовъ зори, буйно выбивавшейся изъ-подъ бѣлой стѣны. Съ трепетомъ надѣющагося и боящагося за свои надежды, смотрѣлъ Андреевъ на этотъ домишко, въ которомъ должна рѣшиться его участь. По дождевнымъ ложбинамъ мягко разсѣлась травка и узенькая дорожка отъ кухни чернѣлась отъ только-что пролившаго дождя.

Въ сѣнахъ встрѣтила его старая «дѣвка». Она семенила къ нему босими ногами, нацѣлясь къ «ручкѣ» съ самымъ сладкимъ удовольствіемъ.

— Здравствуй, Фіонушка, здорова ли? ласково сказалъ Андреевъ, уклоняя руку отъ ея поцалуа, а носъ отъ какаго-то неприятнаго запаха. — Какъ поживаешь, Фіона?

— Вашими молитвами, батюшка, Андрей Василичъ, вашими молитвами-съ. Съ пріѣздомъ-съ, тѣтенька обрадуется. Пожалуйте-съ. Они у себя-съ, въ спальнѣ.

Андреевъ едва не разсмѣялся гримасамъ, которыя выдѣлывалъ ея беззубый ротъ. Смѣшонъ былъ видъ заслуженной дѣвки съ рѣденыкой косой, которой кончикъ мышинимъ хвостикомъ торчалъ сзади. Ея лицо, руки, бумажный платокъ на шеѣ и полосатое нанковое платье морщились и казались Андрееву одного цвѣта. Она схватила-было его руку, но онъ ея не далъ и съ гримасой принудилъ себя поцаловать ее въ лобъ.

— Пожалуйте въ спальню-съ, батюшка, прошепелявила Фіона и засемила впередъ, настезъ растворивъ двери.

Фіона, какъ нельзя лучше, подходила къ старому дому. Въ ней Андреевъ уважалъ наперстницу тѣтки въ тѣхъ же самыхъ видахъ, въ какихъ уважалъ самой тетку.

— Давно васъ ожидаютъ тѣтенька, лебезила она нараспѣвъ. — Прождались-съ, сколько разовъ спрашивать изволили: «что это онъ не ѣдетъ, извините-съ, Андрюша?» Даже гадали. Выходить, въ дорогѣ-съ, а самихъ нѣтъ. Что за оказія, думаю? Нѣтъ и нѣтъ. Знать бы ему, думаю, дала, кабы было съ кѣмъ, такъ не съ кѣмъ-съ, а сама, знавши ихній характеръ, успокоиваю тѣтеньку: молъ, не беспокойтесь, сударыня, вотъ-вотъ пріѣдутъ, а вотъ даже, говорю, умывается все въ ту сторону, въ вашу-съ, сударь. Это вы изволили хорошо и распрекрасно сдѣлать, что пожаловали, тѣтеньку обрадуете.

Фіона, у самой двери въ спальню, шепнула на ухо Андрееву: — Тётенька извѣстны объ этой, объ Вубнихъ... объ вдовѣ-съ... все въ акурать-съ знаютъ-съ. И отскочила отъ него.

Андреевъ не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, удивиться этой новости, на него бросилась его исконная ненавистница, старая болонка и съ озлобленнымъ, визгливымъ лаемъ старалась препятствовать его вступленію въ спальню. Отъ этой болонки всегда вошало. Она вѣчно безпокойно моргала заплаканными, выпѣвѣтшими глазами, вѣчно дрожала отъ холоду и успокоивалась только подъ старой бѣлицей шубкой своей госпожи.

— Кадошка! цыцъ, дура! цыцъ! прикривнулъ на нее недовольный старый голосъ и съ бѣлыхъ подушекъ приподнялось желтое старушечье лицо съ скучающимъ и облѣившимся выраженіемъ. — Это ты, Андрей.

— Я, тётенька. Очень радъ васъ видѣть.

Онъ осторожно миновалъ Кадошку, боясь на нее наступить, и почтительно поцаловалъ ея желтую руку, съ бѣлымъ, молочнымъ камнемъ на перстнѣ, дѣлавшемъ эту руку для Андреева окончательно нестерпимой.

— Вы здоровы, милая тётенька? Онъ устремилъ на нее участливый взглядъ и очень непринужденно разыгрывалъ нѣжнаго и обрадовавшагося племянника.

— Ну, когда-таки старухи бываютъ здоровы? Дарья Никоновна рѣшилась спустить ноги въ сухонныхъ чулкахъ съ глубокаго кожаного дивана, на которомъ лежала, на гарусную скамейку, и поправила, сползшую при этомъ движеніи съ плечь, бѣлицью кацавейку. Концомъ ея она старательно прикрыла вскочившаго Кадошку.

Босоногая Фіона услужливо поставила Андрееву стулъ.

— Кофеемъ бы ты насъ напоила, матушка, сказала старуха, нюхая неторопливо изъ маленькой серебряной табакерки, и клала ее на столъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, сударыня!

Фіона засеменила въ узкіи корридоръ, въ концѣ котораго, у окна, засуетилась, заворчала себѣ подъ носъ, завезѣла ложечками, блюдами и чашечками.

— Ворзотунья, по старому, замѣтила старуха: — жора, пера тебѣ старую тётку вспомнить.

Она глядѣла на него безучастными, бездѣйственными глазами, буквально сѣрыми, напоминавшими Андрееву молочный камень ея перстня.

— Давно собрался, тётенька. Онъ не любилъ ея холоднаго,

инвизиторскаго, нѣсколько насмѣшливаго взгляда.—Пора работа, тѣтенка, хлопоты....

— Врешь все. Дарья Никоновна сказала съ убившимъ его лаконизмомъ и убѣдительною.

Онъ, впрочемъ, засмѣялся.

— Вы вотъ не вѣрите, тѣтенка, оправдывался онъ, не со всѣмъ рѣшительно, помня что ей извѣстны побѣдки его въ Луговое.—Вы сами знаете, что я пользуюсь всякой возможностью васъ видѣть.

— Знаю, батюшка, знаю. Что и говорить. Вы, нынѣшняя молодѣжь, только и думаете, какъ бы старымъ угодить. Прогрессисты, эмансипаторы, что вы еще тамъ? да, нигилисты...

Андреевъ зналъ, что всѣ эти слова — ругательныя въ устахъ милой тѣтушки, и потому благоразумно молчалъ.

— Какъ же, продолжала она потѣшать себя на счетъ нынѣшней молодѣжи:—хотите весь свѣтъ перекроить, образовать, осчастливить. Думаете, что прежде не-люди жили, умниковъ такихъ не было. Все, батюшка, что вамъ въ диковинку и чего вы еще не знаете — мы давно знали. Лучше было, гораздо лучше, батюшка, не улыбайся. Умнѣе люди были и благороднѣе. И дольше жили, и веселѣе. Что вы нынче? Прости Господи, поморенные. Сойдетесь — скука, врознь — скука. Вы прозябаете, нынѣшніе; не улыбайся, батюшка, такъ.

Она съ удовольствіемъ втагивала въ носъ щепотку табаку, и отерла платкомъ кончики пальцевъ.

Несмотря на теплую лѣтнюю погоду, окна спальни были затворены. Неподвижный, сонный, настоявшійся камфорой и другими лекарствами, воздухъ невыносимо давилъ легкія Андреева. Онъ задыхался, какъ въ банѣ, и мысленно порывался открыть окно; но видъ тѣтки удерживалъ его отъ столь опрометчиваго поступка. Онъ съ затаеннымъ вздохомъ оглянулъ спальню. Все въ ней оставалось безъ малѣйшаго измѣненія: въ углу, за стеклою, божница, освѣщенная «неугасимой» лампадкой. Свергали серебряныя ризы, золотыя вѣнчики, темнѣлись ливы и руки святыхъ. Неизмѣнная коробочка съ поплавами, и бутылка деревяннаго масла. Высокій старинный комодъ, выпуклый и съ мѣдными львиными пастями, изъ которыхъ висятъ мѣдныя кольца. Крашенныя по холсту сторы: одна съ быками, которыхъ гонитъ маленькій пастушокъ въ желтой шляпѣ, прямо черезъ китайскій мостикъ къ лиловому замку; другая — съ деревьями, подъ которыми лиловый юноша палуется голубую пастушку съ свирѣлю въ рукахъ. Тяжелая кровать занимала третью часть комнаты, съ подушками, начиная съ огромной, и кончая «яской», невыносимое стеганое

одѣло; мрачный шкафъ, на двери котораго связка ключей. Самнмъ общимъ и любимымъ мотивомъ разговора Дарья Никоновны были выходки противъ всего, что встаро, что не умерло или не опошлилось еще. Когда, въ началѣ польскаго возстанія, она читала о неистовствахъ жандармовъ-вѣшателей, о ковахъ и злоухищреніяхъ подземнаго жонда, неостанавливавшагося, казалось, ни передъ какими средствами въ виду своей цѣли — она разсказывала о нихъ племяннику съ такимъ упрекомъ, какъ бы обвиняла его въ этихъ пожарахъ, убійствахъ и прочихъ неистовствахъ; почему-то выводила отсюда преимущество прежняго передъ новымъ и была нестощимо-зла въ крайнихъ и самыхъ отрицательныхъ приговорахъ новому.

Фіона подала кофе.

— Ты къ кому это зачастилъ, батюшка? спросила старуха племянника: — какія тамъ у тебя красавицы въ Луговомъ?

— А! Андреевъ засмѣялся, хотя ему не до смѣха было, и постарался сладить съ своимъ волненіемъ. — Вы знаете. А я вамъ забылъ сказать, тётенька.

— Коротка у тебя память.

— Я познакомился съ Анной Павловной Бубновой: вдова премилая, тётенька.

— Должно быть, премилая, коли ты, батюшка, за ней отъ дому отбился. — Сказывали мнѣ, влюбленъ ты даже...

— Только не въ нее, тётенька.

— Въ кого же?

— У нея родственница живетъ, дѣвушка, отличная музыкантша. Андреевъ трепеталъ подъ ея внимательными ироническими глазами. — Та мнѣ очень нравится, очень. Вамъ она понравится тоже.

— Состояніе какъ? спросила его тётка. Андреевъ замаялся.

— Не знаю, проговорилъ онъ: — кажется, она, бѣдная дѣвушка, сирота, тётенька, ничего не имѣетъ.

— Такъ она мнѣ, батюшка, не нравится.

— Она умна, образована, талантлива, хороша собой, тётенька.

— Это немного.

— У нея все есть, вромѣ состоянія.

— Поэтому-то она мнѣ не нравится.

— Но сама по себѣ она недюжинная дѣвушка.

— Бѣдная дѣвушка считается недюжиннаи, батюшка — сотнями.

— Еслибы вы знали ее, тётушка?

— Не желаю знать. Но мнѣ онъ всё равни. Всякая норовитъ жениха себѣ поймать. Одна грубѣ это дѣлаетъ, другая тоньше — «пообразованнѣе». А все то же. Я, батюшка, сама была дѣвкой, знаю.

— Но если она мнѣ нравится, тѣтельница? сказалъ Андреевъ, собравъ все присутствіе духа.

— Пусть нравится, батюшка. На то ты молодой человекъ, а онѣ молодыя дѣвушки, чтобы имъ нравится. Это ничего.

— А если я ее люблю, тѣтельница?

— Вздоръ, батюшка, несешь.

— По вашему, любовь-вздоръ, тѣтельница?

— Разумѣется, любви нѣтъ, есть одно любопытство.

— Будто вы всегда такъ говорили?

— По крайней-мѣрѣ я давно уже говорю такъ; съ тѣхъ поръ, батюшка, какъ умѣе стала.

— Позвольте же мнѣ, тѣтельница, пребывать въ моей глупости. Въ этомъ случаѣ я не хочу пока вашего ума, отшучивался онъ.

— А я не хочу ни на одну минуту имѣть племянника дуракомъ, дольше чѣмъ слѣдуетъ. Она медленно понюхала табакъ, и продолжала съ своей покойной, проницательной, обспившей его старческой философій — Ты, батюшка, имѣешь, кажется, желаніе разыграть передо мной какого-то современнаго героя. Это тебѣ не удастся. Во вздоры я не вѣрю. Я вотъ какъ все это понимаю: ты желаешь вступить въ первый законный бракъ — я это одобряю: пора тебѣ. Но не забудь, что я никогда не соглашусь на твою женитьбу на бѣдной дѣвушкѣ.

— Но она капитальныхъ достоинствъ, тѣтельница: скромна, серьезна.

— Мало-ли на свѣгѣ скромныхъ и серьезныхъ дѣвицъ! Не перевѣщаешь, батюшка. — Я этого вовсе не думала и не ожидала, батюшка, прибавила она.

— Что жъ вы думали, и чего ожидали, тѣтельница?

— Женюсь на Бубновой.

Андреевъ сдѣлалъ гримасу.

— Не гримасничай, батюшка, а скажи лучше, почему бы тебѣ не жениться на Бубновой? Не пара? Она тебѣ пара по всему: по воспитанью, по лѣтамъ, по положенію.

— Я ее не люблю.

— Для супружества не нужно, батюшка, любви. Это не романъ... тутъ разсчитать...

Онъ взглянулъ на тѣтеу съ достоинствомъ.

— Не гнѣвайтесь, батюшка. Она засмѣялась. — Дѣло, основанное на разсчетѣ, не всегда дурно, какъ не всегда браки устраиваются по чувству.

Андреевъ грустно улыбнулся. Въ немъ внигло горячее противорѣчіе, и готово было вылетѣть въ отпоръ старушечьему умствованію.

— А если я хочу и могу любить, тётенька? вырвалось у него.

Она не снискала съ него своихъ блѣдныхъ, злорадствующихъ глазъ.

— Нѣтъ положенія тяжелѣе положенія мужа, нелюбящаго свою жену, продолжалъ Андреевъ съ разгоравшимся жаромъ, и съ слабой, все еще непокидавшей его надеждой уломать твердую тётку.

— Она, говорятъ, хорошенькая?

— Да.

— Такъ ты ее, батюшка, полюбишь.

— Развѣ красота единственное условіе для любви? Андреевъ усмѣхнулся. — Одна красота?

— И состояніе, прибавила старуха. — У нея оба эти условія.

Она безсовѣстно расхохоталась. Онъ понималъ, что она надъ нимъ смѣялась и молчалъ, скрѣпя сердце, боясь, что врожденное ему благоразуміе покинетъ его.

— Глупый вы и дрянной народъ — мужчины! сказала она, нюхая. — Дай ему голую дѣвчонку потому только, что она голая, и достоинства на нее готовы всклепать всякія и все, небывалое. Вздоръ, батюшка. Старуха сказала это такъ, что послѣдняя искра надежды отлетѣла отъ Андреева невѣсть куда. — Этому не бывать, пока я жива. Я оставляю тебѣ свое состояніе съ условіемъ: почитать меня и не выходить изъ моей воли.

— Я васъ почитаю, тётенька.

— Выбѣрай, батюшка: или мое наслѣдство, или свою голую красавицу.

«Подавись ты своимъ наслѣдствомъ, чертовка», подумалъ нѣжный племянникъ, но удержался, и рѣшился еще попытать счастья.

— Тётенька, началъ онъ мягко, со всей уступчивостію, къ которой только былъ способенъ, боясь ее раздражить: — въ дѣлѣ чувства рѣшаютъ только заинтересованные: ихъ двое.

— Двое, если у нихъ нѣтъ богатой старухи, послѣ которой они наслѣдники. Если же у нихъ есть такая — ихъ уже трое заинтересованныхъ, батюшка. Помни, что ты не мальчикъ. Въ твои лѣта ты долженъ уступить только той привязанности, которая благоразумна. Помни, что неблагоразумному я не оставлю наслѣдства, не стойтъ. Сдѣлай необдуманнѣй шагъ, и я отдамъ все на богоугодное заведеніе, батюшка, не безпокойся. Будь благоразуменъ.

— Благоразумный юноша украшаетъ семью и отечество, проговорилъ Андреевъ истину изъ прописей, не безъ рѣсчета улюль тётку.

— Безъ сомнѣнія, бабушка, благоразумный юноша украшаетъ семью и отечество, повторила она.

— Подъ благоразуміемъ жениться на Бубновой, вы разумѣте состояніе, тѣтенка.

— Отчасти, бабушка. По нашему, по старому такъ; а по вашему, по умному, можетъ, не такъ. Вы вѣдь прогрессисты, эманципаторы, нигилисты...

— Чтò жь мнѣ дѣлать? вырвалось у бѣднаго Андреева съ глубокимъ стономъ. Онъ какъ-бы самъ себя спрашивалъ: чтò дѣлать?

— Жениться на Бубновой. Я знала ее мать. Виѣстѣ въ Москвѣ выѣзжали. Княжна Ухватская. Связи хорошія и все. А голую свою забудь. Фіона!

— Сейчасъ, сударыня! Босоногая наперстница выросла передъ старухой, какъ листъ передъ травой.

Дарья Никоновна выразительно показала на свои виски, и медленно, съ больничнымъ величіемъ опустила на подушки свою посѣдѣлую голову съ двумя крупными буграми надъ желтымъ лицомъ.

Фіона съ притворнымъ ужасомъ глянула на Андреева, какъ-бы укоряя его въ страданіяхъ такого ангельскаго существа, и бросилась къ пузырьку, наскоро налила себѣ на ладонь того самаго камфарнаго спирта, которымъ воняла спальня, и принялась растирать барынины виски. Старуха лежала на глубокомъ диванѣ, вытянувшись, и съ закрытыми глазами. Кадошка выползла изъ-подъ бѣличьей капавейки, и съ прежней злобой пристала къ Андрееву. Тотъ растерялся, бѣсился.

— Извольте уйти покамѣстъ, шепнула ему Фіона, хлопотавшая около старухи.

Андреевъ вышелъ, думая: «торгъ ее возьми съ ея согласіемъ; у меня свое состояніе, съ меня хватитъ.»

XI.

Андреевъ долго не могъ заснуть. Онъ былъ разсудительный молодой человекъ, понималъ это, и въ эту минуту ненавидѣлъ свою разсудительность. Объясненіе съ тѣткой налагало на него обязанность покончить съ своимъ чувствомъ къ дѣвушкѣ, отвернуться отъ нея. Онъ не могъ не презирать себя, и съ трепетомъ думалъ о презрѣніи Вѣры. Онъ рѣшался лишиться любимой дѣвушки, которой голосъ въ сосѣдней комнатѣ и шаги уже смущали его, какъ смущаетъ насъ только особенно дорогое. Онъ съ негодованіемъ сознавался, что разсудочныя стороны его ха-

рактера развиты насчетъ душевныхъ. Съ отвращеніемъ понималъ, что уступка его тѣткѣному капризу касается его чести, его принциповъ; что это далеко не та ежедневная уступчивость по мелочамъ, которыхъ требуетъ отъ насъ жизнь. «Проклятая натуршка», думалъ онъ, и желалъ бы въ эту минуту порывовъ, увлеченій. Характеръ Конопельцова нѣмымъ упрекомъ стоялъ передъ нимъ. «Въ Конопельцовѣ расчетъ не пересилилъ бы чувства», думалъ Андреевъ. «Онъ не считаетъ благополучіе количествомъ десятинъ, какъ я».

Босовога Фіона проскользнула въ горницу неслышно ужомъ, и осторожно затворила за собой дверь.

— Покойно ли вамъ, мой батюшка? спросила она его, остановясь у кровати съ руками, добродѣтельно сложенными на груди, и съ самой паточной улыбкой. — Устала, небойсь, съ дороги, батюшка.

— Немножко, Фіонушка. Андреевъ мысленно отсыпалъ ее къ чорту, но улыбнулся весьма дружески.

— А тутъ еще тѣтенька. Фіона вздохнула. — Ка характеръ ихній-съ, сами изволите знать, батюшка (Опять вздохнула). Не приведи Господи-съ. Хоша они мнѣ точно вольную пожаловали дампно-съ, за что я ихнюю милость денно и пощно молю, и сумму мнѣ, сказывали, назначили по смерти своей; тольбо трудно съ ихнимъ характеромъ-съ, батюшка (Вздохнула). Давича это съ вами, батюшка. Тоже хоша мы ваши рабы, слышимъ-съ. Ужастъ разсерчали-съ. И не говори, не говори, наслѣдства рѣшу! Вы ужь ихъ, батюшка, не тревожьте-съ. Ужь вы барышня-то свою эту бросьте. Ну ее, Господь съ ней.

Андреевъ пожелалъ прогнать отъ себя беззубую нанерстницу, но благоразуміе удержало его, и, съ новымъ презрѣніемъ бѣ, онъ вздохнулъ только.

Фіона тоже незамедлила вздохнуть.

— Парфентій Оедрычъ вашъ сказывали, красоточка — вишь — барышня-съ. Младость, одно слово, и воспитаніе. Ну, только бѣдная. Затѣмъ тѣтенька и гнѣваются. Будь, говорятъ, богата, я ничего, благословила бы его. А то, говорятъ, извиняте-съ, голая. Боже упаси!

— Садись, Фіонушка, замѣтишь ей Андреевъ, указывая на стулъ.

— Ничего, батюшка, постовъ-съ, на то поги. Это вы изволили попрощаться съ ними-съ, ручку поцаловали, пожелали имъ покойной ночи, вичуть: Фіона! Стала ихъ раздѣвать, вижу, въ досадѣ. — Слышала, говорятъ, Андрей-то мой, извините, молоко-съ, что вдумалъ? Этому, говорятъ, не бывать, а пушай, го-

ворять, женится на вдовѣ, на Бубнихѣ. Покрайности богата, говорятъ, и роду дворянскаго, хорошаго. А голую, говорятъ, взять, все одно, извините: навозить фамилію. Даже въ досадѣ-сь. Вы, батюшка, ужъ на вдовѣ женитесь. Тѣленька согласна.

Фіона вздохнула, и продолжала нѣсколько жалобно:

— Потому, какъ я знавши ихній карахтеръ, тоже чувствую вашу добродѣтель, что меня сироту не оставляете. Готова вамъ, батюшка, по гробъ живота своего служить (Она вздохнула). Даже ваша маменька, покойница, царство небесное, сколько разовъ со слезьми даже просила: «Смотри, Фіонушка, не оставь мого Андрюшу. Завсегда ты при сестрицѣ моей состоишь, служи ему». (Фіонушка утерла звучно носъ концомъ шейнаго платка, и имъ же провела по сухимъ глазамъ). Кажется, батюшка, и то служу вашей милости безъ фальши. Одинъ Создатель видѣть-сь. Вскипятятся это тѣленька, долго ѣхать не изволите, или почтенія имъ не отдадите какого: «Наслѣдства рѣшу!» кричать: «на монастырь роздамъ!» Ну, только я имъ докладаю: «Такъ, молъ, и такъ, не для чего, говорю, вамъ себя, сударня, безинокоть-сь. Андрей Васильичъ, говорю, завсегда съ ихимъ почтеніемъ, можно чести приписать. Приѣдутъ-сь, говорю. Тоже хозяйство у нихъ, говорю, и прочее; тоже, говорю, младость ихняя свою утѣху имѣеть, нельзя же-сь». Ну, ичего, батюшка, побурлить и уймется (Она вздохнула). Карахтеръ-сь! Сороевъ лѣтъ при нихъ-сь, потрафляешь-сь. Собака и къ бою привыкаетъ, батюшка, а наше холопское дѣло.

Андреевъ зналъ Фіону. Не входя въ пустыне разговоры, онъ вынулъ изъ бумажника десятирублевую бумажку и сунулъ ей въ руку.

Фіона впиалась беззубымъ ртомъ въ его руку, несмотря на его сопротивленіе.

— Господь съ вами, батюшка, прошепелявила она, кланаясь и ухмыляясь. — Покойной ночи, мой батюшка, чтобъ вамъ Бубниха приснилась, красавчикъ вы нашъ. А насчетъ тѣленьки не сумѣвайтесь, батюшка! прошептала она на ухо Андрееву. — Ужъ!...

Фіона вышла съ выразительной усмѣшкой и поклономъ, опять осторожно затворивъ за собой дверь.

Какъ тяжело человѣку презрять себя, это почувствовалъ Андреевъ именно теперь. Онъ сознавалъ себя безсильнымъ, задуманнымъ общественными предрасудками. Неужели же я подчиню себя прокислой теоріи какой-то настоящей жизни, которой оравуль моя тѣтушка? спросилъ себя Андреевъ. «Зачѣмъ я изъза трехъ тысячъ десятинъ исковеркаю свою жизнь?» Онъ упрекалъ себя тѣмъ, что позволялъ себѣ увлечься расположеніемъ

къ дѣвушкѣ, не обезпечивъ себя напередъ согласіемъ тѣтки, если оно ужъ такъ ему нужно; тѣмъ, что возмутилъ ея покой. Последнее свиданіе съ ней говорило ему, что она его любитъ гораздо болѣе, чѣмъ онъ стоитъ. «Порядочный человѣкъ не можетъ вести себя такимъ негодеемъ, какъ я себя веду въ дѣлѣ, касающемся только меня и дѣвушки! сказалъ онъ.—Я не пойму себя: я готовъ стоять за истинную любовь, люблю—и бѣгу отъ любви. У меня нѣтъ даже любовнаго эгонизма, у меня, безконечнаго эгониста во всемъ остальномъ». Сильные, хорошіе упреки волновали его до того, что онъ былъ близокъ къ приказанію запрягать лошадей, плюнуть на китайскаго богдыхана (такъ онъ называлъ тѣтку), и жениться на Вѣрѣ. Но мало-по-малу, волненіе стихло и благоразуміе снова налегло на Андрея вса своей тяжестью.

Когда на другой день онъ пришелъ въ тѣтнину спальню пить кофе, у нея сидѣла старая попадья, съ блюдомъ на разставленныхъ пальцахъ, съ котораго она звучно тянула горячій чай въ прикуску. При входѣ его, она поднялась со стула съ готовой, льстивой улыбкой, слѣдя за тѣмъ, какъ онъ цалуетъ тѣтнину руку.

— Съ пріѣздомъ, Андрей Васильчъ, причитывала она.—Вотъ это племянничекъ. Тѣтенку свою помнить и почитаетъ. Ей-богу. А у тѣтенки зубки болятъ.

— Болятъ, Андрей, ночь не спала, пожаловалась. Дарья Никоновна племяннику, съ кислой гримасой указывая на свою припухшую щеку, подвязанную чистымъ голландскимъ платкомъ.—Надѣюсь, ты образумился, батюшка.

— Экъ разнесло, мать моя! Попадья сострадательно покачала головой.—Клади чтѣ на зубы?

— Хлороформъ.

— Небойсь, не помогаетъ?

— Нѣтъ.

— То-то. А я не докторъ, да вылечу. Слушайся только, мать моя. Послушаешься, а?

— Пожалуй.

Попадья сообщила ей «симпатическое» средство, которое, по ея увѣренію, уже многихъ вылечило, и состояло вотъ въ этой чепухѣ, нацарапанной на бумажѣ:

«Прошу тебя молодого и стараго, когда медвѣдь въ лѣсу камень въ море будутъ обѣдать, полудновать и ужинать, чтобы у меня рабыни божьей крещенной, молитвенной Дарьи зубы тогда заболѣли».

Эту чепуху попадаья велѣла трижды сказать и трижды плюнуть. Дарья Никоновна исполнила все въ точности, только спросила:

— Поможетъ ли?

— Поможетъ, мать моя. Попадаья даже обидѣлась.—Ты вотъ табакъ-то нюхаешь.

— Нюхаю.

— Ну, брось пока. Отъ него «симпатія» не дѣйствуетъ. Слышишь?

— Слышу. Уши-то у меня не болятъ.

Дарья Никоновна сострила во вкусѣ попадаья.

Та засмѣялась.

— Мнѣ чтобы и зубы не болѣли, мать моя. Я этого не люблю, Я вѣдь сердитая, Андрей Васильичъ.

— Знаю-сь, сказалъ Андреевъ, поддѣлываясь къ попадаѣ, какъ къ частой собесѣдницѣ тѣтки, имѣвшей на нее вліяніе.—Особенно вы, я знаю, къ намъ, мужчинамъ, строги.

— У, у! до смерти люблю васъ страмить. Попадаья шумно перевернула чашку дномъ вверхъ, положила на дно остатокъ сахара и передала чашку съ поклономъ невинно улыбающейся Фіонѣ.—Коли не страмить васъ, мушшиновъ, ничего съ вами не подѣлаешь. Знаю я васъ, милаговъ.

Андреевъ и Дарья Никоновна засмѣялись.

Попадаья была старуха не изъ нѣжныхъ. Густой ея голосъ напоминалъ деревенскія сливки, густой розовый цвѣтъ лица и манеры нисколько не претендовали на женственность. Простое добродушное лицо суживалось вверхъ. Изъ-подъ бѣлаго каленкороваго чепца съ домашними оборками бѣлѣлись волосы. Въ темноватой, но несморщенной рукѣ бѣлѣлся платокъ. Темный ситцевый капотъ ея съ узенькими рукавами подпоясывался по талѣ.

— Вы, матушка, ничего не измѣнились, замѣтилъ ей Андреевъ.—Право, молодець.

— И то, небойсь, молодець: невѣста. Во рту три зуба съ половиной, и тѣ качаются.

Веселая старуха расхохоталась. Дарья Никоновна смѣялась, не смотря на зубную боль.

— Ты, мать моя, въ самомъ дѣлѣ, не подумай, что твоѣ попадаья беззубая! сказала она ей.—Всѣ цѣлы, смотрите.

Она показала свои хорошо-сохранившіеся зубы.

— Лучше вамъ, тѣтеня? спросилъ ее Андреевъ, доканчивая свой кофе.

— Какъ будто не такъ дергаетъ.

— Видите, вотъ помогла, даромъ что не докторъ; погоди, мать моя, совсѣмъ пройдутъ.

Андреевъ поднялся; ему нестерпимо тяжело было съ этими бабами, душа ныла.

— Куда ты, Андрей? спросила съ гримасой Дарья Никоновна.

— Въ садъ пройдуся.

— Завтракъ дають, батюшка.

— Фіона меня кликнеть.

— Доложу, батюшка, доложу, не извольте беспокоиться, затарантила Фіона, выросшая въ дверяхъ.

Садъ былъ небольшой, запущенный. Задорный вишневникъ заполонилъ куртины, и даже выскакивалъ за канаву. Дорожки никогда не чистились, и видно было, никто не заглядывалъ сюда. Попавъ на жиденькую тропу, пробитую дворовыми черезъ садъ къ водѣ, Андреевъ очутился на низменномъ берегу круглаго пруда, словно спящаго и кое-гдѣ затаившагося съткой подводной крапивы. У навозной плотины старуха-мельница стучала до отчаянія однообразно и вся тряслась. Свинецъ дождевыхъ тучъ разливался неподвижнымъ масломъ въ водѣ, и въ ней Андреевъ видѣлъ, какъ эти тучи набѣгаютъ толпой. На свинцовой водѣ рѣзко сверкали бѣлыя рыбки, маленькія, проворно-кружившіяся то низко, то высоко, и вдругъ, стремглавъ, острой стрѣлой падавшія въ воду. Приближались и усиливались басовыя, гортанныя ноты. Онъ поднялъ голову. Вверху нарисовалась неуклюжая фигура цапли съ глупо-вытанутой шеей. Андреевъ даже разсмѣялся, когда, садясь на основную макушку, цапля какъ-то смѣшно и легко отнесла въ сторону обѣ ноги, негнушіяся какъ палки, и на нихъ сѣла. Онъ вспомнилъ, что мальчикомъ еще видѣлъ цаплю, сидѣвшую въ гнѣздѣ на явцахъ съ такими же длинными ногами, просунутыми въ щели гнѣзда и висѣвшими на воздухѣ. Какъ ему хотѣлось тогда схватить ее за эти глупыя свіяя ноги. На мосткахъ тупо шлепала валькомъ баба въ приподнятой юбкѣ, нагнувшись и съ голыми руками и ногами. Утка съ фучаніемъ полоскалась у камышей...

Онъ задумался. Неотступно стоялъ передъ нимъ чистый образъ Вѣры. Онъ зналъ, что любовь такой женщины, какъ она, не то, что увлеченіе такого мужчяны, какъ онъ. «Въ твой лѣта можно позволить себѣ уступить только благородной привязанности», повторилъ онъ машинально тѣткину фразу. И мысль о Коноваловѣ ударила его. Показалось ему, что лекаръ уже подслушалъ эту тѣткину фразу, и знаетъ уже, что съ нынѣшняго дня фраза эта принята Андреевыми къ руководству въ его отношеніяхъ къ Вѣрѣ. Краска стыда и досады на свое безсиліе покрывала блѣдное лицо молодого человѣка, и снова поднялась въ немъ живая борьба за живое чувство.

— Андрей Васильичъ, завтракать пожалуйста, тетенька просить! послышался призывный голосъ Фюны.

Андреевъ съ нѣмымъ отчаяніемъ пошелъ въ домъ

Среди неопредѣленныхъ, неясныхъ еще колебаній, въ немъ выработывалась рѣшимость развязаться съ Вѣрой. Онъ дѣйствительно былъ благоразумный юноша, украшающій семью и отечество.

XII.

Андреевъ не ѣхалъ въ Луговое. Неизвѣстность о немъ, неопредѣленность, въ которой Вѣра къ нему стояла—тяжело отразилась на ея расположеніи духа. Останавливаясь на вопросъ: «любитъ ли онъ ее?» она не знала, что себѣ отвѣчать. «Если бы онъ любилъ меня» думала она чистосердечно: «ничто не остановило бы его быть здѣсь. Но у него *aggrège-pensée*, которую онъ не умѣетъ скрыть». Волнуемая самыми живыми и часто противорѣчивыми себѣ опасеніями, Вѣра плакала, таась тѣтки и всѣхъ. То были ѣдкія слезы. Ея женское достоинство волновалось при мысли, что она, можетъ быть, тоскуетъ о человѣкѣ, который только ухаживалъ за нею, какъ за не совсѣмъ дурной собой и не совсѣмъ глупой дѣвушкой. Истинное чувство, кажется, развивается въ разлукѣ. Милѣ намъ отсутствующій милый. По цѣлымъ часамъ она смотрѣла изъ своего окна наверху въ ту сторону, откуда ѣхалъ онъ. Но не пылилась дорога, не ватилъ, быстро приближаясь, знакомый тарантасъ. Сколько обманутыхъ ожиданій подымала въ ней пыль отъ проѣзжей телеги. Сколько разъ, въ справедливомъ негодованіи, она давала себѣ слово сладить съ своимъ чувствомъ и забыть того, кто ее забылъ повидному. Но проходили минуты горькой досады и съ ними исчезала рѣшимость, ослабѣвала сила воли, она опять чувствовала себя во власти своей любви, опять находила оправданіе любимому человѣку, находила утѣшеніе въ той самой тоскѣ по немъ, которая была ей невыносима. Она такъ ясно понимала, что жить и любить — для нея одно и то же. Въ ея воспоминаніи оживали минуты, полныя наслажденія, и она снова ждала и тосковала.

Еще въ первый разъ Вѣра почувствовала, что она одна, что безъ него пусто все и скучно. Никого нѣтъ! Ей было совѣстно сознаться, что она избѣгаетъ Анну Павловну, что возлѣ тѣтки ею овладѣваетъ чувство сиротства. Ему одному хотѣла Вѣра отдать всю свою нѣжность, всѣ свои помыслы. Ей казалось, что только теперь выяснилась и стояла передъ ней ея цѣль и ея женское назначеніе—дать счастье, или, по возможности, полную жизнь любимому человѣку. Опредѣленіе заговорили въ ней со-

мнѣнія въ справедливости и полезности своей жизни — сомнѣнія, на которыя иногда наводилъ ее разговоръ лекаря. Она забывала, что еще не могла и не имѣла еще времени быть ни особенно полезной кому бы то ни было, ни особенно несправедливой. За Андреева стояло и ея чувство, и ея разумокъ. Сама не своя цѣлый день, она насиловала себя, удваивая свою внимательность къ Аннѣ Павловнѣ и ея гостямъ, въ то самое время, какъ чувствовала потребность остаться одной и съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда можно будетъ идти въ свою комнату спать.

Но не прежній былъ ея сонъ. Прежде успокоенія она нуждалась увѣрить себя, что *онъ* ее не забудетъ; ей хотѣлось поднять *его* въ своемъ сознаніи выше всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ мужчинъ.

Однажды, раздѣвшись, какъ всегда, безъ горничной, Вѣра пришла къ своему столу и взяла почтовый листъ. Молчанье ночи только помогало ея работавшей головѣ, только торопило душу говорить. Мысли толпой набѣгали, тѣснились въ головѣ, въ душѣ и требовали себѣ выраженія. Чувство тратила она на письмо. Она говорила Андрееву, какъ любить его, какъ ей безъ него скучно; спрашивала, отчего не ѣдетъ къ нимъ? не боленъ-ли, не забудетъ-ли ее?

Не окончивъ письма, она его прочла, останавливаясь на мѣстахъ, которыя ей болѣе нравились. И задумалась. «Зачѣмъ я пишу это письмо?» спрашивала она себя: «вѣдь я не рѣшусь послать его къ нему».

Но воображеніе, наперекоръ разуму, перенесло ее въ кабинетъ Андреева именно въ ту минуту, когда ему подають ея письмо... Она затрепетала. Дѣвичій стыдъ охватилъ ее. Она испугалась за свою смѣлость, боялась, что ея письмо только удивитъ Андреева и разсмѣшитъ. «Нѣтъ, не удивитъ его и не разсмѣшитъ! заступилась она за себя. — Если я значу для него что нибудь, но... въ этомъ я неувѣрена», созналась она съ тоской. А въ то же время желаніе поговорить съ нимъ въ письмѣ, желаніе отослать къ нему письмо — было въ Вѣрѣ сильнѣе боязни упасть въ его мнѣнія, показаться ему смѣшной. Чѣмъ болѣе она раздумывала, прилично-ли ей писать ему или неприлично, понравится-ли ему ея письмо или нѣтъ, имѣетъ-ли она какое нибудь право писать ему, или никакого, тѣмъ больше разгаралось въ ней желаніе отослать письмо.

«Приличія!» думала Вѣра съ горечью. «Недаромъ противъ нихъ умные люди, отъ нихъ много горя. Правъ лекарь. Ставши сознательнѣе къ тому, что мы привыкли считать «приличіемъ» и «неприличіемъ» — видишь, что сила общепринятаго приличія,

большей частью, не въ законности его, а просто въ его давности, то-есть въ силѣ привычки. Привычка въ нашей жизни самодуръ. Напрасно мы говоримъ: «Привычка вторая натура». Привычка, напротивъ, силится вытѣснить изъ жизни самую натуру. Отчего мы не называемъ силой многія наши, такъ-называемыя, «слабости»? По настоящему, слабость только то, что, почему бы то ни было, не содержитъ въ себѣ жизни, то-есть движенія, правды, тепла и смысла. Вотъ это, пожалуй, слабость. Но называть слабостью большую часть лучшихъ и святыхъ человѣческихъ помысловъ; называть слабостью потребность слезъ, сердечныя движенія, увлеченіе идеалами—грубо, пошло. Безъ своихъ слабостей, жизнь была бы тѣмъ самымъ, чѣмъ былъ бы міръ безъ солнца.

И она задумывалась, писала и перечитывала. «Еслибы я увидѣла его сейчасъ» подумала она: «я благодарила бы его поцелуями, не словами». Свѣжесть занимавшейся зари остудила ее. Она разорвала письмо въ мелкіе кусочки и, дунувъ на свѣчу, легла въ постель. Но не могла спать. Что-то тяжелое, обидное для себя и для своего чувства понимала Вѣра въ томъ, что Андреевъ не ѣдетъ. Она еще боялась назвать эту невнимательность его—ея настоящимъ именемъ. Она встала и сѣла къ раскрытому окну. Низко и безшумно пролетѣвшая летучая мышь заставила ее вздрогнуть; приплывшіе издалека тонкіе удары церковнаго колокола вызвали у нея слезы. За своими тоскующими мыслями, Вѣра не замѣчала, какъ загорѣлось веселое солнце, какъ тамъ и самъ засверкала противъ него тонкая дождевая пыль, встряхиваемая съ вѣтокъ заговорившимъ вѣтеркомъ; какъ млѣли листья, всюду въ брильянтахъ. Не до того ей было: она вспомнила подробности своего сближенія съ Андреевымъ, личныя ощущенія завладѣли ею, и — мало-по-малу — ясность, молодости и радостныя ощущенія прекраснаго утра взяли свое. Она отошла отъ окна въ непонятномъ ей восторгѣ. Солнце, наполнявшее комнату, шепчущія деревья, поющія птицы, жаркій воздухъ, голубая даль и синіе лѣса будто возвратили ей дѣтство. Большое чувство подымало ее.

И какъ хотѣлось ей увидѣть его въ такое чудесное утро.

Вѣра работала въ своей комнатѣ. Осторожныя мужскіе шаги приближались и остановились. Она взглянула. Конопельцовъ, съ своей серьезной улыбкой, съ бѣлой фуражкой въ рукахъ, стоялъ, не трогаясь, въ дверяхъ и смотрѣлъ на нее.

— Алексѣй Алексѣичъ, почти вскрикнула она, радостно, и протянула ему руку:—какъ я вамъ рада.

— Вѣрно, не больше моего. Ну, что вы подѣлываете? занимаетесь музыкой?

— По старому: и занимаюсь мало и лѣнюсь много. Садитесь. Онъ сѣлъ.

— Вамъ вѣдь вѣры нѣтъ во всемъ, что вы о себѣ говорите, замѣтилъ онъ ей.

— Какая же я должна быть дура въ остальномъ.

— Нѣтъ, въ остальномъ вы—честный человекъ. Вы только на себя наговариваете.

Онъ рассматривалъ ея комнату.

— Уютная ваша комнатка, сказалъ онъ.

— Я ее люблю.

— Кажется, ничего нѣтъ, чего бы вы не любили, замѣтилъ онъ ей съ такимъ нѣжнымъ выраженіемъ, что что-то въ ней шевельнулось.

Конопельцовъ, замѣтила Вѣра, былъ въ особенномъ настроеніи, какъ-бы занятый обдумываніемъ серьезной, безпокойшей его мысли. Она понимала его жолчь, хотя, можетъ быть, не сумѣла бы объяснить ее словами; сердце женщины умѣе ея головы; но въ настоящемъ настроеніи его она не чувствовала жолчи; это что-то другое было. Между прочимъ, Конопельцовъ высказалъ сожалѣніе, что не принадлежитъ къ простому народу.

— Зачѣмъ это вамъ? спросила она его, подымая на него отъ своей работы внимательный синій взглядъ.

— Затѣмъ, что въ простомъ состояніи человекъ живется гораздо проще, и лучше и легче, сказалъ онъ. — Меньше сознанія, меньше чувствуются цѣпи жизни.

— Но это очень капризное желаніе, замѣтила Вѣра. — Оно такъ не сходится съ вашимъ направленіемъ.

Конопельцовъ разсмѣялся.

— Это у меня такъ, сболтнулось, сказалъ онъ своимъ настоящимъ тономъ, и какъ могъ веселѣе.

— Почему вы попали на этотъ мотивъ, именно на этотъ мотивъ и въ эту минуту? спросила Вѣра.

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и подумалъ: «почему, въ самомъ дѣлѣ, онъ заговорилъ съ ней именно объ этомъ и именно въ эту минуту?»

— Я еще подъ вліяніемъ Гейне, сказалъ тихо лекаръ, явно желая вывернуться. — Только что прочелъ Der Salon.

— Я не понимаю гейневскаго сомнѣнія, замѣтила ему дѣвушка, подумавъ.

— Чтобы понять сомнѣніе, надо самому сомнѣваться, надо взять лучшую часть самого себя, свою молодую силу надо взять; надо оскудѣть въ своихъ идеалахъ, надо разбить самыя

дорогіе изъ нихъ. Надо тоже распрощаться съ дешевенькимъ оптимизмомъ.

— Что вы называете дешевенькимъ оптимизмомъ?

— Который ничего намъ не стоитъ, достался намъ не изъ жизни, а изъ книгъ, изъ тетрадокъ, отъ маменьки, у кого она есть. Такой оптимизмъ, обыкновенно, бросаетъ насъ при первомъ столкновѣніи съ жизнью. Вдругъ сползетъ позолота со всего міра, потому что позолота-то эта не на всемъ мірѣ, а на молодыхъ глазахъ блеститъ, пока не слѣзетъ. Сомнѣніе—грустная, тяжелая вещь. И все-таки, сомнѣніе, кушленное, какъ у Гейне, страдательное, выше оптимизма несознаннаго. То правда, хотя и горькая; а это—мыльный пузырь. Здоровый не пойметъ больного, а сомнѣніе болѣзнь и, даже, болѣзью вѣка считается. Вы же, слава-богу, здоровы (Онъ ей улыбнулся). Въ васъ все цѣло, и потому вамъ кажется, что кругомъ васъ все обстоитъ благополучно. Вотъ почему вы не понимаете сомнѣнія Гейне.

Онъ говорилъ тепло, но тихо. Особеннымъ достоинствомъ, особенной силой убѣжденія проникнуты были его слова, и въ ихъ смыслѣ, въ ихъ тонѣ Вѣра понимала личное, душевное участие лекаря. Замѣшавшуюся въ нихъ раздражительность и невеселый взглядъ на жизнь вообще, она оправдывала себѣ какою-нибудь неприятностью; она знала, что онъ ихъ не умѣетъ скрывать, что они такъ или иначе просвѣзываютъ у него. Съ теплой, молчаливой внимательностью, къ которой только способны молодыя женщины и преимущественно блондинки, Вѣра желала бы утѣшить его, въ эту минуту, усюконтъ.

— Глупъ, кто не умѣетъ пользоваться минутой, кто не хозяинъ своего расположенія, сказалъ Конопельцовъ. — Древніе гораздо лучше насъ понимали жизнь и брали ее. Луккулъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ величайшихъ умовъ древности и, пожалуй, даже поэтъ. Только его поэзія далеко не то, что поэзія какого-нибудь Гейне. Ну, чего намъ недостаетъ, въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту? Сядимъ на мягкихъ вреслахъ, солнце не печетъ, цѣfty одѣты—ничего себѣ, передъ глазами вонъ чудесная картина, хоть срисовывай, кто умѣетъ; а у кого глаза есть и время есть, хоть засмотришь на нее. Чего хотѣть отъ Бога?

Онъ задумчиво глянулъ въ окно, въ то время, какъ на лицѣ его остановилась насмѣшливая улыбка, только что игравшая.

Яркій вечеръ догоралъ на противоположномъ изволокѣ, беззвучно переливавшемся темными волнами сѣлаго проса. Будто неясные звуки выплывали изъ широкой тишины, согрѣваемой тихимъ солнцемъ.

Вѣра внимательно посмотрѣла на лекаря и задумалась, глядя въ окно.

— Природа даетъ успокоеніе, котораго не найдешь у людей, сказалъ тихо лекарь.—Счастье, если при возникающемъ сомнѣніи въ людяхъ, въ человѣгѣ встаетъ симпатія къ природѣ. Легче ему, если убѣжденіе въ человѣческомъ эгоизмѣ развивается въ немъ вмѣстѣ съ увѣренностью, что природѣ отъ него ничего не нужно; что, напротивъ, она все ему даетъ, какъ богатая мать даетъ любимому сну.

Онъ взглянулъ на нее и улыбнулся, какъ только онъ ей улыбался.

— Вы на меня не сердитесь за мое руссовское настроеніе? сказалъ онъ ей съ трогательной довѣрчивостью, и не торопился отвѣсть отъ нея глазъ.—Когда я съ вами—все забылъ бы.

— Забудьте.

— Развѣ это возможно?

Она съ волненіемъ слушала его, не подымая глазъ съ работы. Женскій инстинктъ сказалъ ей, что недаромъ лекарь сегодня такой, и ждала чего-то особеннаго, серьезнаго.

— Когда я съ вами одинъ, какъ вотъ теперъ, я забываю даже, что есмь уѣздный лекарь. Это не то, когда вы тамъ, со всѣми, когда васъ всѣ слушаютъ, всѣ видятъ.

Онъ помолчалъ, собираясь съ духомъ.

— Послушайте, сказалъ онъ серьезно и грустно, не глядя на нее.—Вѣрите вы мнѣ?

— Я вамъ вѣрю.

— Помните, что я вамъ не навязываю моей дружбы—на что она вамъ; не спрашиваю васъ изъ любопытства. Скажите: отчего вы перемѣнились, отчего вы грустны?

Она вспыхнула, быстро подняла глаза, зажегшіеся и смущенные, какъ-бы готовясь встрѣтить опасность и заторопилась:

— Это вамъ показалось; я не грустна, я всегда такая.

Онъ на нее взглянулъ съ грустнымъ упрекомъ и такъ честно, что она не выдержала его взгляда и опустила глаза на работу. Иголка ея неровно замелькала вмѣстѣ съ блѣдной рукой.

— Я спрашиваю не изъ любопытства, я дорожу моими словами столько же, сколько уваженіемъ вашимъ ко мнѣ. Въ послѣднее время вы очень перемѣнились, Вѣра Николаевна... очень...

Она еще ниже нагнула голову, какъ-бы желая уйти отъ его словъ.

— Вы слишкомъ чистое, слишкомъ прекрасное созданіе, чтобы могли и сѣмѣли прятать отъ людей лучшую часть себя, душу. Лекарь все оживлялся, а Вѣра все ниже нагидала голову.—

Нѣжное ваше чувство и радуется и болитъ—это для меня такъ понятно! Я за нимъ слѣжу, какъ... какъ... Ну, сами поймите! Вы вѣрно замѣтили, что я нынче разстроенъ. Знаете отчего? Оттого, что вы невеселы, оттого, что я все понимаю... Я понимаю, зачѣмъ вы прячете ревниво и недовѣрчиво движенія вашего молодого сердца, отъ всѣхъ прячете и отъ меня. Когда Анна Павловна съ своей улыбочкой замѣчаетъ вамъ, что вы грустны и спрашиваетъ о причинѣ вашей грусти—я готовъ ей дерзости наговорить. Бездушная! не понимать святыни чувства, прикасаться къ ней грязными руками! Я за васъ страдаю. Не спрашивайте больше, отчего я раздражаюсь. За васъ. Я все понимаю, я ихъ вижу!

Вѣра встала блѣдная, безмолвная и торопливо вышла изъ комнаты. Нѣсколько минутъ Конопельцовъ неподвижно оставался на креслѣ. Его не смутили молчаніе и уходъ дѣвушки. Онъ ихъ понималъ.

«Да, она серьезно любитъ», подумалъ онъ. «Я долженъ ей помочь».

— Что съ вами, мой глубокомысленный докторъ? спросила его вошедшая Анна Павловна, съ своей улыбочкой себѣ на умѣ.— Вы печальны? о чемъ?

Онъ съ большой досадой ее увидѣлъ.

— О томъ, что вы вѣчно веселы, сказалъ онъ сухо.

— Фи, что за тонъ! я въ немъ принимаю участіе—а онъ грубить. Послушайте, докторъ, я давно хотѣла васъ спросить, почему вы вздорите со мной съ нѣкотораго времени?

— Оттого, что вы умная женщина и, извините, слишкомъ легко смотрите на жизнь, на себя.

— А на другихъ? на васъ, напримѣръ, докторъ?

— Что вамъ я! онъ жолчно сказалъ и прибавилъ:—я не умѣю говорить съ вами серьезно, вы все смѣетесь.

— Когда мнѣ весело. Онъ ее за живое задѣлъ и ей хотѣлось его побѣсить.

— Завидная веселость.

— Должно быть, незавидная, когда вы не мѣняете на нее свою серьезность. Но гдѣ же Вѣра?

— Она сейчасъ вышла. Конопельцовъ всталъ и взялся за фуражку.—Прощайте-съ.

Она съ удивленіемъ проводила его глазами.

ХІІІ.

Движимый искреннимъ участіемъ къ положенію Вѣры, Конопельцовъ поѣхалъ прямо къ Андрееву. Засталъ его на стройкѣ.

— Новый амбаръ понадобился, въ старый сыпать некуда, замѣтилъ пріятелю лекаръ съ своей тонкой усмѣшкой.

— Откуда вы? Андреевъ взялъ его за руку и повелъ домой.— Изъ города?

— Изъ Лугового.

— Чтѣ тамъ?

— Ничего. Кланяются вамъ. Выговоръ прислали, что долго не ѣдите.

— Дѣла все, видите вотъ — стройка.

— Дѣла дѣлами, у кого ихъ нѣтъ. А то такъ лежебока вы. Лежите себѣ въ своей берлогѣ и лапу сосете. И добро бы еще зимой, а то въ такую благодать. Срамникъ! Я на вашемъ мѣстѣ не заставлялъ бы себя ждать.

Андреевъ взглянулъ на него вопросительно.

— Хорошо вамъ тамъ, продолжалъ Конопельцовъ:— нравятся они вамъ и вы имъ нравитесь—чего же вамъ еще? Эхъ вы!

Андреевъ разсѣялся.

— Странный человѣкъ, право, мой пріятель, докторъ, сказалъ онъ.—Какъ на барщину гонить.

— Не то, не то вы говорите, не то! не искренно! возразилъ съ досадою Конопельцовъ:—не искренно.

Андреевъ внимательно посмотрѣлъ на него и насторожился. Онъ почувствовалъ опасность. Но Конопельцовъ ничего не сказалъ до самаго дому, повидимому занятый серьезной мыслью.

Расположась въ любимомъ своемъ креслѣ у окна и закуривъ сигару, онъ не совсѣмъ охотно отвѣчалъ пріятелю, дѣлавшему ему вопросы по поводу одного только что случившагося въ городѣ убійства.

— Вамъ нравится Вѣра? спросилъ вдругъ лекаръ Андреева.

— Странный вопросъ, сказалъ тотъ, рассчитывая выиграть время для отвѣта.—Да. Она симпатичная дѣвушка, она не можетъ не нравиться. Для чего вы меня объ этомъ спросили?

— Очень просто. Желаю знать, съ какой цѣлью сближались вы съ ней. Она дѣвушка пылкая, она можетъ любить. Въ послѣднее время она очень перемѣнилась; я думаю, и вы это замѣтили!

Андреевъ не глядѣлъ на Конопельцова и молчалъ.

— Этого мало, что вы замѣтили въ ней перемѣну, продолжалъ Конопельцовъ твердо:—вы знаете причину этой перемѣны.

— Нѣтъ, этого я не знаю. Андреевъ почувствовалъ себя неловко.

— Она не увѣрена въ вашемъ чувствѣ къ ней, и это ее мучить. Вы играете ея чувствомъ и это... это...

Конопельцовъ удержался отъ оскорбительнаго слова, но тѣмъ не менѣе, Андреевъ его какъ-бы услышалъ. Онъ поблѣднѣлъ.

Прошла тяжелая минута молчанія.

— Изъ чего вы горячитесь, докторъ? сказала Андреевъ, полупутя.—Вы придаете слишкомъ большое значеніе обыкновенному дружескому вниманію.

Конопельцовъ усмѣхнулся.

— Я съ вами говорю, какъ съ честнымъ человѣкомъ, сказалъ онъ, глухо.

— Надѣюсь.

— Вы на ней не женитесь?

— Нѣтъ.

— Какъ же вы назовете отношенія, въ которыхъ вы стояли къ дѣвушкѣ все лѣто?

— Какъ хотите, такъ и назовите.

— Для васъ это все равно?

— Рѣшительно.

— Въ васъ такъ мало чувства, что вы этого даже скрыть не умѣете, сказалъ Конопельцовъ строгимъ тономъ обличенія.—Не стойте вы ея. Да знаете ли вы ее, наконецъ?

— Знаю.

— А знать ее и не любить—нельзя.

— Я цѣню ее.

Конопельцовъ посмотрѣлъ на Андреева съ глубокимъ сожалѣніемъ.

— Проснитесь же вы, жалкій человѣкъ! проснитесь и взгляните въ эту дѣвушку! чуть не вскричалъ онъ.— Это сокровище! Она свраситъ вашу глупую жизнь!

— Ругатель вы неисправимый, замѣтилъ Андреевъ съ натакнутой веселостью.—Мнѣ странно ваше горячее участіе къ дѣвушкѣ.

Лекарь съ минуту пристально посмотрѣлъ на него, волнуемый разными чувствами.

— Мнѣ ее жаль, сказалъ онъ тихо и грустно.— Она ребѣнокъ въ жизни. Не знаетъ людей, не понимаетъ, что дать ей чувство и что у ней отыметь! Въ чистотѣ своей молодости она вѣрится въ то, во что не должна вѣрять...

Онъ подумалъ и прибавилъ рѣшительно:

— Вы должны покончить эту комедію, Андреевъ. Не ѣздите къ нимъ больше.

— Почему же?

— Вѣра васъ любитъ. Поймите же, какъ ей тяжело видѣть того, кто... ее обманываетъ.

— Но, можетъ быть, меня интересуешь Анна Павловна.

— Какъ богатая вдова?

— Не знаю, какъ именно. Для васъ это должно быть все равно, впрочемъ.

— Желаю вамъ всякаго успѣха и счастья, Андреевъ. Да объ счастьѣ и толковать нечего. Благородные и неувлекающіеся въ тридцать лѣтъ молодые люди не могутъ быть несчастливы. Не забудьте только, что дѣвушка больна, душа у нея болитъ. Пу- стяки, конечно, эвзальтація глупая, по вашему.

Лекарь перевелъ духъ и жолчно улыбался.

Андреевъ сохранялъ наружное спокойствіе, соображая затруд- нительность своего положенія. Увѣренность, съ какой лекарь говорилъ о любви къ нему дѣвушки, пріятно льстила его само- любію, даже въ такую серьезную минуту, въ которую онъ ви- дѣлъ въ докторѣ воплощеніе своей совѣсти.

— Обыкновенное расположеніе дѣвушки къ человѣку, непро- тивному ей, вы преувеличиваете такъ, сказалъ онъ.

— Перестаньте, Конопельцовъ еле удерживалъ себя:—я вовсе не расположенъ потѣшать ваше барское самолюбіе. Я понимаю всю щекотливость моего положенія, передавая вамъ тайны пре- краснаго сердца, неуполномочившаго меня на эту передачу. Меня подкрѣпляетъ тутъ мысль, что я дѣйствую прямо, въ ин- тересѣ дѣвушки и вашемъ. Надѣюсь, что все это останется между нами.

Лекарь всталъ и взялся за фуражку.

Андреевъ понялъ, что слѣдовало ему немедленно покончить съ вопросомъ, поднятымъ лекаремъ такъ же смѣло, какъ неожиданно.

— Ваше объясненіе, докторъ, признаюсь, ускоряетъ мое пред- ложеніе Аннѣ Павловнѣ. Я завтра же ѣду къ ней.

Андреевъ всталъ тоже и глядѣлъ на Конопельцова, какъ опра- вдавшаго, невинно оклеветаннаго.

— Желаю вамъ успѣха, въ которомъ не сомнѣваюсь. Голосъ лекаря дрожалъ глухой нотой сдавленнаго отчаянія; обезсилен- ный напрасной борьбой, лекарь былъ блѣденъ и слегка дрожалъ. Предчувствіе безвыходности положенія Вѣры, сознание неспра- ведливыхъ и темныхъ мотивовъ, разныгравшихся кругомъ него, все это давило его способности. Бѣсило его кажущееся сле- поствіе Андреева въ то время, когда онъ самъ не свой.

— Послѣ моего предложенія, если оно будетъ принято, на- дѣюсь, дѣло само собой объяснится, имѣлъ ли я какіе нибудь виды на дѣвушку, докончилъ Андреевъ.

Конопельцовъ только усмѣхнулся и вышелъ.

Андреевъ, на другой же день, раньше обыкновеннаго былъ въ

Дуговомъ. Анна Павловна встрѣтила его съ своей любезностью и сказала, что Вѣра гуляетъ.

— Скажите, вы были сносная жена? спросилъ Андреевъ интересную вдовушку, словно вдохновенный рѣшимостью при имени Вѣры, которое его укололо.

— А вы будете сносный мужъ? спросила она его въ свою очередь, приглашая его сѣсть возлѣ.

— Надѣюсь. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, вы, Анна Павловна, можете отвѣтить положительнѣ моего: вы знаете себя, какой вы были женой, а я не былъ еще мужемъ.

— Я увѣрена, что изъ васъ выйдетъ порядочный мужъ.

— Отчего же не хорошій?

— Хорошихъ мужей мало, на сто одинъ.

— А женъ хорошихъ?

— Еще меньше.

— Жаль, я думалъ жениться, вы напугали меня.

— Охота же пугаться таинъ вздоромъ. Хотите, я посватаю вамъ невѣсту?

— Она въ вашѣмъ вкусѣ?

— Совершенно.

— Значить, понравится мнѣ?

— Думаю.

Анна Павловна небрежно перелистывала новый французскій романъ и разрѣзала костянымъ ножомъ страницы дѣтъ.

— Взявшись за щекотливую обязанность свахи, сказала она тихо, но весело:—я желала бы знать условія, которыхъ вы требуете отъ своей жены.

— Я желаю найти вдову, началъ Андреевъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ, но сейчасъ же оправился: — лѣтъ тридцати, бывшую замужемъ за старикомъ, слѣдовательно еще нелюбившую.

Анна Павловна сдѣлала невольное движеніе въ креслѣ.

— Чтобы она была брюнетка, продолжалъ Андреевъ смѣлѣ, и даже развеселился оригинальностью своего предложенія: — веселаго характера, не настолько серьезная, чтобы могла прибрать меня въ руки.

Андреевъ остановился, не рѣшался вдаваться въ болѣе опасныя подробности.

Анна Павловна смѣялась очень расположено и не безъ маленькаго волненія.

— Моя пріятельница, сказала она, совершенно подходитъ подъ ваши условія.

— Она поидетъ за меня?

— Поидетъ.

— Но, можетъ быть, она слишкомъ увлекается свѣтской жизнью, городомъ? спросилъ ее Андреевъ, удовлетворяя поднявшимися въ немъ опасеніямъ. — Я этого боюсь, я не оставлю деревни.

— Не бойтесь и оставайтесь въ деревнѣ. Моя пріятельница три года обходится безъ города и безъ свѣтской жизни и, слава богу, процвѣтаетъ. Въ тридцать лѣтъ моя пріятельница разыгрываетъ увлекающуюся всѣмъ этимъ вздоромъ, потому что увлекалась имъ на самомъ дѣлѣ въ двадцать лѣтъ.

— Но для чего же она разыгрываетъ увлекающуюся?

Анна Павловна весело разсмѣялась.

— Васъ непременно надо женить, иначе вы никогда не узнаете женщины, сказала она.—Вы рассуждаете, какъ мальчикъ. Знаете ли вы, что такое женщина въ тридцать лѣтъ? Вы ее хоть бы по Бальзаку узнали. Это—существо, которое глядитъ впередъ съ недоверіемъ, а назадъ съ сожалѣніемъ о прошедшемъ, о потерянномъ. Года пугаютъ, а жажда жить уступаетъ понемногу мѣсто мотиву «пристроиться». Не забудьте этого слова, оно руководитъ молодой вдову такъ же, какъ и молодую дѣвушку. Для того, чтобы «пристроиться», она должна сближаться съ свѣтомъ, и внѣ городской жизни не видитъ себѣ спасенія, если она не хочетъ выйти за какого-нибудь медвѣдя или неуча. Вслѣдствіе этого, моя пріятельница, тридцатилѣтняя вдова, стремится въ Петербургъ; по еслибы она встрѣтила въ деревнѣ молодого, умнаго, образованнаго человѣка, который бы нравился ей, судьба ея была бы рѣшена. Она постаралась бы сдѣлать его... покойнымъ.

— Я желалъ бы знать маленькія подробности относительно требованій почтенной вашей пріятельницы отъ человѣка, за котораго она вышла бы.

Анна Павловна, съ лукавой улыбкой, такъ шедшей ей къ лицу, внимательно посмотрѣла на Андреева и сказала очень развязно:

— Она пошла бы за васъ. Довольно съ васъ?

— Довольно. Благодарю васъ.

— Не за что. Я рада устроить судьбу своей пріятельницы.

— Вы ручаетесь за нее?

— Какъ за себя.

— Значитъ, онъ можетъ сдѣлать предложеніе?

— Хоть сейчасъ.

— Выйдите за меня замужъ, Анна Павловна, сказалъ Андреевъ, вставая.

Она весело подала ему руку.

Онъ поцаловалъ ее не торопясь и не горячася, какъ цалуютъ руку, которая наша и никто ее у насъ не отыметъ.

— Я желалъ бы поскорѣе повончить все это, сказалъ онъ ей, вспомнивъ вдругъ о Вѣрѣ, и смутился.

— Это отъ васъ теперъ зависитъ, Андрей Васильичъ.

Онъ выпустилъ ее руку, и вздохнулъ.

— До скорога свиданія, сказалъ онъ, протягивая невѣстѣ руку.

Она не взяла его руки, и посмотрѣла на него отчасти съ удивленьемъ, отчасти съ маленькой досадой.

— Женихи не спѣшать отъ невѣстъ, прошептала она съ самой зазорной изъ своихъ улыбокъ и съ нѣжными упрекомъ.

— Необходимо. Андреевъ состроилъ весьма озабоченное выраженіе и взялся за панаму. — Я долженъ быть къ двумъ часамъ дома.

Онъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на свои часы.

— Двѣнадцать. Едва поспѣю.

— Но что у васъ тамъ такое, несносный человѣкъ? сказала ему невѣста съ такимъ милымъ, льстившимъ его самолюбію неудовольствіемъ, что Андреевъ на минуту забылъ о Вѣрѣ. — Ну, говорите?

— Въ два часа ко мнѣ прѣзжаетъ моя старая тѣтка.

— Ахъ, это та, которую вы величаете богдыханомъ, за которую вы ухаживаете, какъ вообще ухаживаютъ нѣжные племянники за богатыми тѣтками?

— Та самая. Кстати: я желалъ бы, чтобы она была у насъ посаженной матерью, Анна Павловна.

— Я желаю съ сегодня только то, что желаетъ мой будущій мужъ, прошептала вдова съ такимъ жаркимъ румянцемъ на щекахъ и съ такой стыдливой страстностью въ глазахъ, что Андреевъ не утерпѣлъ и горячо поцаловалъ обѣ ея ручки.

— Значить, вы меня отпускаете, прелестная моя невѣста? сказалъ онъ нѣжно.

— Съ тѣмъ, чтобы вы прѣехали съ вашей тѣтушкой завтра же, André.

— Постараюсь исполнить ваше приказаніе. Онъ опять поцаловалъ обѣ ея ручки, получилъ въ лобъ хорошій, мягкій поцалуй и почти убѣжалъ, боясь встрѣтиться съ Вѣрой, какъ съ тяжелымъ упрекомъ совѣсти.

Едва тарантасъ его покатилъ отъ крыльца, Вѣра возвратилась съ прогулки и застала Анну Павловну одну, молчащую въ козетѣ и улыбающуюся особенно весело, съ небудничнымъ значеніемъ.

— Ахъ, та сѣге, Вѣра! какъ я счастлива! вскрикнула она,

бросаясь на шею дѣвушки и цалуя ее въ губы, глаза, щеки и въ шею.—Ты, конечно, порадуешься моему счастью: Андреевъ сейчасъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Завтра пріѣдетъ съ своей тѣткой. Порадуйся со мной, моя добрая Вѣра!

— Поздравляю васъ, ma tante. Вѣра сказала покойно и поцеловала ее.

XIV.

Оставшись одна, Вѣра почувствовала такую усталость, какъ бы она не спала нѣсколько ночей. Она неподвижно просидѣла въ креслѣ нѣсколько часовъ, слившихся для нея въ какой-то короткій, невыносимый мигъ. Мысли и чувства ея такъ перепутались, что, казалось ей, ихъ вовсе у нея нѣтъ. Ей забыться хотѣлось, все забыть, забыть эту ужасную новость. За этой новостью вставали всѣ эти счастливые дни такими далекими отъ нея, какъ-будто она отошла отъ нихъ на нѣсколько лѣтъ, какъ-будто между ею и Андреевымъ уже легла вся суровость времени, всѣ непреодолимости, изъ которыхъ сложена жизнь. Вспыхнувшимъ и уже потухавшимъ огонькомъ показалось ей ея счастье. Поступокъ Андреева казался ей нехорошимъ. Просыпалась женская гордость и ропоть, и упреки стихали. Въ сильномъ движеніи, она просила Бога, выдащаго ея душу, укрѣпить ее, внушить ей обязанности ея новаго, тяжелаго положенія. Возбужденный духъ смирялся. Въ ней возникала рѣшимость забыть свою надежду на счастье. Она остановилась на мысли, что, вѣроятно, есть много положеній гораздо худшихъ. Никогда не подававшее ее чувство собственнаго достоинства поддерживало ее.

Тѣмъ не менѣе видъ Анны Павловны, счастливой и особенно болтливой, внушалъ ей живое, непобѣдимое отвращеніе. Оскорбленное, обманутое чувство едва сдерживалось благородствомъ ея характера. Въ немъ она, казалось ей, нашла силу скрыть отъ Андреева свои страданія и смѣяться съ нимъ. Не за одну себя она страдала, и за него. Она почувствовала съ болью свою ошибку въ немъ. Мысль о томъ, какъ онъ съ ней встрѣтится теперь, что скажетъ ей, тревожила ее до того, что она желала немедленной встрѣчи съ нимъ; но тутъ же пугалась того самаго лица, того самаго голоса, которые были ей милы еще и теперь. День пролетѣлъ для нея такъ, что она его не увидѣла. Напротивъ, ночь тянулась для нея безконечно съ своей чуткой тишиной. Встала она рано, торопливо одѣлась и ушла въ лѣсъ. Главной мыслью ея была: чувствуетъ ли Андреевъ, понимаетъ ли неоправимость случившагося съ ней, и каково ему самому?

Раннее солнце смотрѣло на дѣвушку, смягченное листвою высокой осины. На ея рукахъ ходили легкія зеленыя тѣни. Голубое небо сквозило въ безпокойныхъ магушкахъ, дрожавшихъ и прихотливо мѣнявшихъ свои краски. Рыжеватый копчикъ хищнически кружилъ съ своимъ плачущимъ вскрикиваньемъ.

Вѣра была въ томъ состояніи, когда обезсиленная душа особенно чутка къ природѣ и бессознательно ищетъ себѣ успокоенія въ ней. Ей невольно вспомнились недавнія слова лекаря о вліяніи природы на человѣческое страданіе и душевную усталость. Если въ дѣвушкѣ еще не пошатнулась вѣра въ людей, то теперь, послѣ вчерашняго дня, она повѣрила лекарю, что жизнь портитъ человѣка. Только теперь могла она понять, почему съ лѣтами человѣкъ мало-по-малу замыкается въ самомъ себѣ и что житейская опытность складывается ошибками и горемъ. Сломилось въ ней что-то — это она чувствовала, понимала, что перешла одну изъ серьезныхъ граней жизни.

Въ это утро Вѣра услышала и увидѣла осень; бѣлые березовые стволы рѣзче выдавались. Въ семьяхъ зеленыхъ лопуховъ уже шаталась печально и сирѣ коричневая крапива. Тихомолкомъ, крадучись, опустошала лѣсъ губительная сила, перекрашивая его живые цвѣта въ печальные. Сушь шумѣла подъ ногами. Но жизнь была еще сильнѣе смерти. Въ отдаленіи неслись шумные, голодные крики грачей.

«Я не приду сюда больше», подумала дѣвушка, глядя на старыя деревья, напоминавшія ей лѣто.

Къ ней подошелъ Конопельцовъ съ фуражкой въ рукахъ, запыленный, какъ-бы сейчасъ съ дороги, серьезный, какъ всегда.

Онъ не сказалъ ей ни слова, не поклонился, не подаль руки. Она тоже. Онъ всматривался въ нее, какъ-бы стараясь дать себѣ отчетъ въ ея душевномъ состояніи. Она заставила себя не уйти отъ него; въ эту минуту его присутствіе только растравляло ея рану, а участіе его казалось Вѣрѣ обиднымъ.

— Чтѣ съ вами? спросилъ ее Конопельцовъ, тихо и нерѣшительно.

— Ничего, принудила себя отвѣтить. Вѣра и, даже, улыбнулась ему. Но чтѣ это была за улыбка! Онъ все понялъ.

Она сдѣлала движеніе идти.

Лекарь взялъ ея руки и съ молчаливымъ упрекомъ поглядѣлъ ей въ глаза.

— Мнѣ домой надо, проговорила она, не глядя на него, какъ-бы боясь, чтобы онъ не прочелъ въ глазахъ причину ея горя.

— Еслибы вы знали, чтѣ вы для меня, вы бы не бѣжали отъ меня въ эту минуту, прошепталъ онъ.

Вѣра не устояла. Его крѣпкое пожатіе рукъ, его участливый, дружескій взглядъ были ей неприятны; но болѣе, чѣмъ когда нибудь, въ эту минуту она почувствовала необходимость и сладость дружескаго къ себѣ участія. Любимый человѣкъ не далъ ей любви, которой душа просила, такъ неужели же она откажется отъ дружбы, которую видѣла неизмѣнною къ себѣ и серьезно-спокойною. Взглянувъ на доктора, Вѣра была смущена его выраженіемъ. Глубокое несчастье поняла она на его серьезномъ, взволнованномъ лицѣ, глубокое сочувствіе своему горю. Сравнивъ невольно лекаря съ Андреевымъ, Вѣра еще болѣе страдала. Свѣжа была ея рана. Лекарь, котораго она уважала такъ, былъ ей невыносимъ. Она нехорошо усмѣхнулась и попробовала взять у него свои руки. Онъ скалъ ихъ еще крѣпче. Она не трогалась. Его горячее участіе нѣсколько успокоило ее. Она чувствовала себя не въ страхъ выйти изъ-подъ его вліанія. Гордое упорство оставило ее. Кроткая, прежняя стояла Вѣра.

Въ эту минуту оба передумали много.

— Вы несчастны, сказалъ лекарь, въ немъ ворочались: досада и какое-то отчаяніе при видѣ страдающей Вѣры. — Успокойтесь, человѣкъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ не есть. Я постарше васъ и ошибся въ немъ.

Губы у Вѣры вздрогнули. Она вырвала свои руки изъ его и закрыла ими лицо. По судорожнымъ движеніямъ ея плечъ и груди лекарь понималъ, какъ ей трудно. Ея рыданія отдавались въ его сердцѣ какимъ-то горькимъ упрекомъ. Вѣдь онъ познакомилъ съ нимъ Андреева, онъ желалъ ихъ сближенія.

— Мнѣ такъ тяжело, вырвалось у нея. Она отерла платкомъ заплаканные глаза.

— Знаю, все знаю.

Она вздрогнула, какъ-бы ужасаясь необходимости согласиться съ нимъ въ ужасномъ смыслѣ случившагося.

— Что вы теперь намѣрены дѣлать? спросилъ онъ ее. И за этимъ вопросомъ она услышала столько участливыхъ вопросовъ и нѣжныхъ утѣшеній.

— Скажите лучше, что я должна дѣлать?

Лекарь усмѣхнулся по своему.

— Что я вамъ скажу?

Она нетерпѣливо оглянулась и сказала:

— Я здѣсь не останусь.

— Куда вы поѣдете?

— Не знаю. Скорѣе всего въ Петербургъ.

— Но привычки....

— Я желаю жить безъ привычекъ.

Лекарь помолчалъ.

— Трудное дѣло, сказалъ онъ: — очень трудное.

— Я въ этомъ увѣрена.

— Дай вамъ Богъ.... Но что вы будете дѣлать въ Петербургѣ?

— Еще не знаю. До сихъ поръ я не пробовала серьезно своихъ силъ. Мнѣ хотѣлось бы строго отдаться музыкѣ.

Лекарь глядѣлъ на нее, какъ-бы обдумывая что-то очень для него важное.

— Такъ вы ѣдете? спросилъ онъ ее, словно все еще не вѣри ей. — Мы прощаемся?

— Да. Я съ вами прощаюсь, Алексѣй Алексѣичъ.

Онъ смотрѣлъ на нее, какъ мы смотримъ на то, что должно скоро и непремѣнно умереть для насъ.

— Гдѣ бы я ни была, меня будетъ поддерживать воспоминаніе о васъ, сказала тихо Вѣра.

— Вы не поймете, Вѣра Николаевна, что за счастье человѣку моихъ лѣтъ и моего положенія встрѣтиться съ вами, съ такимъ хорошимъ существомъ, горячо сказалъ лекарь. — Вы еще не жили, вы еще не знаете, что это за счастье для меня, что вы мнѣ дали. Съ вами мнѣ ничего не было бы страшно, ничего, сказалъ онъ, улыбаясь и громче.

Она грустно улыбнулась. Ея блѣдное лицо и кроткій синій взглядъ дышали трогательнымъ участиемъ.

— Прогоните меня скорѣе, прошепталъ онъ, поблѣднѣвъ. — Я съ ума схожу въ эту минуту, я вамъ могу наговорить богъ-знаетъ чего.

Въ его воспламененныхъ глазахъ мелькнуло сильное внутреннее движеніе.

— Я вамъ могу сказать, напимѣръ, что я васъ люблю, проговорилъ онъ глухо, съ видимой борьбой уступая сильному чувству, овладѣвшему имъ. — Знайте, я люблю васъ всѣми моими силами; вы первая и послѣдняя женщина, которую я люблю.

Голосъ его стихъ до самой тихой ноты и дрожалъ отчаяніемъ и силой давно спертаго и затаеннаго чувства.

— Я не могъ, наконецъ, видѣть васъ вмѣстѣ съ этимъ... петиметромъ... я желалъ никогда васъ не видѣть, и возвращался къ вамъ, чтобы чувствовать развивающуюся любовь вашу къ нему, чтобы ей способствовать.

Онъ остановился, какъ-бы испугавшись, что далеко зашелъ.

— Простите меня, прошепталъ онъ съ тоской. — Все это у меня вырвалось, самъ не знаю какъ. Я не раскаяваюсь въ моемъ чувствѣ; но я боюсь къ вашему огорченію прибавить новое.

— Миѣ не въ чемъ васъ прощать, сказала Вѣра съ спокойнымъ одушевленіемъ.—Еслибы я могла вамъ дать счастье, Алексѣй Алексѣичъ, я сама была бы счастлива. Вѣрьте.

— Прощайте. Лекарь хотѣлъ уйти, но не тронулся подъ ласкающимъ обаяніемъ ея глубокаго, добраго взгляда. Онъ почувствовалъ, какъ разсудокъ слабѣетъ по мѣрѣ того, какъ со дна души поднималось живое чувство.

— Не смотрите на меня съ участіемъ, не говорите миѣ ни слова; ни одного вашего милого, дорогаго слова... Ничего миѣ не говорите.

Конопельцовъ даже хорошъ былъ въ эту минуту.

— Вы меня не знаете. Онъ улыбался, ужасно блѣдный.—Я самъ не зналъ до этой минуты, къ какому чувству способенъ. Прощайте, прощайте!

Она протянула къ нему руки, какъ бы удерживая его, тронутая грустью его голоса и силой высказаннаго чувства. Мысль о благородномъ самоотверженіи въ пользу человѣка, который любилъ ее такъ, мелькнула въ ея головѣ. Но она только вздохнула. Она еще любила.

Конопельцовъ, молча, взялъ ея руки и нагнулся къ нимъ. Не помня себя, трепещущая, Вѣра обняла его голову и онъ почувствовалъ на своихъ волосахъ и на своемъ горячемъ лбѣ нѣсколько мягкихъ, беззвучныхъ, нѣжныхъ женскихъ поцалуевъ.

— Будьте счастливы! сказалъ ей лекарь и быстро пошелъ прочь.

Она слѣдила за уходившимъ другомъ глазами, полными слезъ. Онъ скрылся, а она стояла, неподвижная, и смотрѣла въ его сторону. Казалось ей, горе ея удвоилось: къ тоскѣ обманутаго чувства присоединилось еще сознаніе безсилія сдѣлать что нибудь для преданнаго, благороднаго друга. Она была недовольна собою, своей, какъ ей казалось, безхарактерностью. Но, въ то же время мысль, что ея любить Конопельцовъ, по ея сознанію вполне человѣкъ, подкрѣпляла ее, если не веселила. Она старалась оправиться.

Воротясь домой, Вѣра встрѣтила въ корридорѣ горничную Анны Павловны, совершенно исчезнувшую подъ грузомъ шумнонакрахмаленныхъ юбокъ.

— Жениха ждетъ барыня, сказала горничная Вѣрѣ, съ лукавой улыбкой.

Вѣра понимала, что должна покойно встрѣтиться съ Андреевымъ, но все-таки мысль объ этой встрѣчѣ пугала ее, уничтожала. Она едва навла въ себѣ силы войти въ гостиную, когда онъ пріѣхалъ.

Андреевъ встрѣтился съ ней чрезвычайно дружески, вакъ ни въ чемъ не бывало. Его развязность и непринужденный веселый тонъ и смутили ее и, сейчасъ же, возстановили въ ней чувство собственнаго достоинства.

— Поздравляю васъ, Андрей Василичъ, сказала она, подавая ему руку съ своей хорошей, доброй улыбкой.

Андреевъ ее поблагодарилъ.

— Ты сегодня блѣдна, Вѣра, замѣтила сияющая Анна Павловна, съ неподдѣльнымъ участіемъ.

— Переспала, та tante. Дѣвушка горячо поцаловала ее и сѣла рядомъ съ ней, поправивъ встать ея гипюрный парижскій воротничокъ. Анна Павловна взяла ея руку.

Андреевъ взглянулъ на нее короткимъ, внимательнымъ взглядомъ и обратился въ невѣсть.

— Тѣтушка извиняется, что не можетъ быть у васъ сегодня, сказалъ онъ ей. — Немного нездорова старушка. Но, на дняхъ, она доставитъ себѣ удовольствіе познакомиться съ вами.

— Я готова сама къ ней ѣхать, André, я очень рада видѣть ее у себя, но, можетъ быть, ей тяжело выѣзжать. Я ее такъ уважаю... вакъ мать... Какъ вы думаете, André?

Онъ нагнулся къ ней съ своего кресла и поцаловалъ одну и другую ея руку, впрочемъ, не безъ смущенія, пробившаго его болтливую развязность.

— Чтобъ быть счастливой, Вѣра, надо выходить замужъ за человѣка, котораго любишь, прошептала интересная вдова дѣвужкѣ, такъ, конечно, что женихъ слышалъ.

— Скоро свадьба, та tante? участливо спросила дѣвушка.

— Зимой. Анна Павловна сказала это грустно.

— Я не прочь и до весны ждать, замѣтилъ Андреевъ, и незамедлиль пояснить: — больше времени поволочиться: мужа въдь за женами не волочатся. Вечеромъ Вѣра ушла въ поле, куда глаза глядѣли, шла.

Самое нестерпимое страданіе то, которое происходитъ отъ сомнѣній сердца, отъ неувѣренности въ любимомъ человѣкѣ. Утраты сердца—утраты жизни. Кто же, любимый человѣкъ собственноручно оборвалъ полный цвѣтъ ея чувства. Пораженное въ своей робкой нѣжности, оно ныло, смутилось. Гдѣ его ясность, его аромать? Думала ли она, чгобы на днѣ ея сердца накопили и рвались горькія слезы, полныя упрековъ ему? Ни въ чемъ, ни гдѣ не видала она себѣ утѣшенія. Никого! Правда, въ ея представленіи Конопельцовъ вставалъ цѣлымъ, сильнымъ, благороднымъ. Уваженіе къ нему и благодарность за его привязанность поддерживали ея волю, но не въ силахъ были утѣшить ея стра-

даніе. Жизнь показала ей какииъ-то общимиъ мѣстомъ, въ которомъ она не понимала возможности для себя личной роли. Чрезвычайно возбужденное состояніе не позволяли еще ей настоящимъ образомъ относиться къ своему несчастію. Но сердце говорило, что у него ничего нѣтъ, все отнято. И она спрашивала себя: «за что, за что?» У нея ноги подвшивались подъ тяжестью ощущеній и, ей казалось, она не снесетъ ихъ.

Погруженная въ свое живое горе, Вѣра не замѣтила, какъ и куда шла, и вдругъ увидѣла себя среди могилъ и крестовъ.

Она со страхомъ кралась между могилъ. Еще съ дѣтства она привыкла уважать мертвыхъ. Она остановилась перевести духъ и опустила на свѣжую могилу, успѣвшую одѣться веселой травкой.

Она ушла въ пространный міръ своего дѣтства, обнявшій ее доверчиво и ласково. Воздухъ, будто задумавшійся и, изрѣдка, въ себя приходящій и вздрагивающій, казалось, помогать ей вспоминать милыя лица и милыя слова. Грезились ей кроткія ласки, проникнутыя молодыми и капризными слезами. Видъ деревенской церкви, стоявшей передъ ней, заставилъ ее вздрогнуть и неприятно, насильственно оторвать себя отъ нахлынувшихъ на нее дѣтскихъ мечтаній, дѣтскихъ слезъ и дѣтскихъ улыбокъ. Пустынная и тоже будто тоскующая церковь, безъ ограды, одна стояла среди погоста. Голубое небо свозило въ широкомъ окнѣ неуклюжей колокольни, въ которомъ висѣли маленькіе, какииъ-то смѣшныя колокола; подъ ними чернѣлся помостъ; обрывокъ веревки отъ колокола чуть замѣтно покачивался себѣ, какъ будто это покачиваніе доставляло ему удовольствіе. Голубое небо свозило и въ верхнихъ церковныхъ окнахъ, и черезъ рѣшотчатныя окна круглаго алтаря; тамъ, на солнечномъ лучѣ, блестяла икона въ серебряной ризѣ. Большой жестяной подсвѣчникъ глядѣлъ изъ темноты. Галки безтолково каркали и тяжело и безтолково сновали вокругъ крестовъ. Северными показались онѣ Вѣрѣ подъ этой глубокой синевою.

Среди печальнаго деревенскаго погоста, Вѣра отдалась своей серьезной утратѣ со всей силой молодого, новаго горя. Ничто не спугивало ея настроенія. Есть время и есть горе, когда, намъ кажется, мы страдаемъ безконечно. Такъ страдать могутъ только лучшіе люди.

«Страданіе, говоритъ Мишле, это—высокій художникъ, который остріемъ безжалостнаго рѣзца довершаетъ на существѣ нашемъ взящество личности. Оно отдѣляетъ все лишнее, все преувеличенное; а то, что остается, обогащается этой потерей, получаетъ даръ жизни высшей».

XV.

Вѣнчаніе Андреева съ Анной Павловной произошло, само собой, въ старой фамильной церкви, въ Луговомъ, съ возможной церемоніей. Старикашка священникъ и старикашка дьяконъ, оба съ тончайшими косичками и въ парадныхъ ризахъ, короткихъ, словно они изъ нихъ выросли, въ глазахъ веселой невѣсты имѣли видъ китайскихъ мандариновъ, о чемъ она незамедлила шепнуть жениху. При всемъ своемъ серьезномъ настроеніи, Андреевъ не могъ удержаться отъ улыбки, слѣдя за стараніями старикашки священника и старикашки дьякона, хлопотавшими придать церемоніи отмѣнную торжественность. Только это не удавалось имъ и, по замѣчанію Анны Павловны жениху, торжество выходило парикатурное. Дьячки, тоже старенькіе и тоже съ скудными косицами, и тоже въ китайскомъ видѣ и тоже безголосые, уморительно выкрикивали. «Бѣдняки, мнѣ ихъ жалко», шепнула Анна Павловна. Она, прекоросенькая, стояла подъ уродливымъ жеставымъ вѣнцомъ. По желанію Андреева, она была въ яркомъ сарафанѣ и подъ фатой. Съ распущенной косой, блистающая радостью и здоровьемъ, она глядѣла чудесной русской бабѣнкой. По густой толпѣ мужиковъ, бабъ и дворни, наполнившей церковь, шелъ лестный для нея шопотъ. Женихъ, какъ ни храбрился, не былъ веселъ. При обмѣнѣ колецъ онъ долженъ былъ задавить душевный вздохъ, что не могло скрыться отъ невѣсты. Принявъ поздравленіе причта и народа, молодые пригласили ихъ всѣхъ къ себѣ въ гости и уѣхали.

Возлѣ дома, на снѣгу, уже были сдѣланы приготовленія для народа, именно стояла сорокаведерная бочка вина, окруженная ендавами и стаканчиками; длинные столы покрывались лотками съ пирогами и мелко-нарѣзанной говядиной, мочеными яблоками и прочимъ.

Попа съ попадей и дьякона съ дьяконницей оставили обѣдать съ собой, а дьячковъ съ жонами отвели въ контору, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ для дворни. Мужики и бабы густо подвалили къ бочкѣ и столамъ.

Подъ окнами раздалась громкая пѣсня, къ большому удовольствію щеголеватого камердинера Парфентія, вышедшаго на крыльцо. Молодые, рука въ руку, смотрѣли въ окна на народное гульбище, на морозѣ. Бабы визгливо, съ подхватываньемъ, величали молодыхъ. Рѣзко слышались слова:

Какъ всходитъ свѣтелъ мѣсяцъ передъ зорюшкой,
Величается Анишка передъ Андреемъ.

Ой, Анна, разуй, ой Павловна разобуй!
 Я бы рада разобула, я не знаю как зовуть,
 Позабыла величать и т. д.

Возлѣ бочки шелъ хохоть, веселый смѣхъ, безтолковый говоръ и красныя прибаутки. Ключникъ въ нанковомъ тулупѣ, въ должности виночерпця, едва управлялся подавать тѣснившимся мужикамъ стаканчики; а староста, въ должности хлѣбодара, подавалъ выпившимъ пироги и мясо. Скоро «дымъ воромыслоуъ пошелъ». О зимѣ, казалось, забыли всѣ. Даже явились, словно лѣтомъ, широкія груди на распашку. Пошелъ плясъ жестокой. Всѣхъ потѣшалъ рыжебородый мужичонка въ лаптахъ. Онъ такъ неистово плясалъ среди плотнаго бабьяго хоровода, тоже неистово голосившаго, что у Парфентія поджилки дрожали. Бабъ помоложе тоже явно подмиывало въ плясъ. Которыя позадоривъ, топались и перемигивались межъ собой. Снѣгъ скрипѣлъ подъ лихимъ трепакомъ.

— Жива—ну, бабы! взвизгивалъ плясунъ, который то семенялъ на одномъ мѣстѣ, подбоченясь, вздергивая плечами и подмигивая молодлицамъ съ лукавой веселостью; то, не спуская глазъ съ тучныхъ носковъ своихъ лаптей, глубокомысленно буравилъ пяткой снѣгъ; то вдругъ прыгалъ высоко, на всемъ снаву садился на снѣгъ, разбрасывая врозь ноги, перебрасывая нога за ногу; то вскакивалъ, выпрямляясь и опять заговаривая плечами и колѣпками.

— Юла, юла-юлнтъ! одобряли его знатоки.

— Ишь его кудесничаютъ! замѣтилъ съ крыльца Парфентій.

— Дѣвушка-молодка, не обидьте—попалуйте, ахъ—нууу! выкрикивалъ разошедшійся плясунъ.

Къ бабамъ подбѣжала балалайка и нѣсколько пронзительныхъ свистковъ. Свистки мастерски прохватывали дружный бабій хоръ. Плясунъ махнулъ рукой. Бабы оторвали вмѣстѣ съ свистками. Балалайка не замолчала. Она брячала торопливо—веселую пѣсню про пзвѣстнаго камаринскаго мужика. И пошелъ этотъ безконечный камаринскій мужикъ и такъ и этакъ. Молодая бабѣнка такъ и извивалась передъ нимъ.

— Змѣйка! одобряли ее старики.

Одной рукой она помахивала бѣлымъ платочкомъ, а другою взялась въ бокъ, свернувъ голову съ скромной бабьей градею и съ глазами внизъ. Иногда она на него взглянетъ и, именно, словно рублемъ подарить. Она съ нимъ и скромничаетъ и заигрываетъ. То стегнетъ его кончикомъ платка и задрожитъ вса; то поманитъ его къ себѣ обѣими руками; онъ къ ней — она прочь и не смотритъ; онъ вокругъ нея по землѣ стелется, въ

глаза ей заглядывает; она смотрѣть на него не хочет и идетъ по кругу, какъ пава гордо, какъ бѣлый лебедь плыветъ плавно.

Посаженой матерью была, разумѣется, Дарья Никоновна. Она визачто не хотѣла ѣхать изъ своего гнѣзда, какъ въ бонвоаяжѣ, бывшемъ уже неновымъ при нашествіи француза. На карету шеманника на лежачихъ ресорахъ она глядѣла съ презрѣніемъ, такъ-какъ она была сдѣлана не прежними мастерами и не при царѣ-Горохѣ. Старуху сопровождали всѣ ея привязанности: бѣличья кацавейка, серебряная табакерка, Оіона, на этотъ важный случай въ башмакахъ, и Кадошка, немного вымытый, хотя по старому вонявшій. Она встрѣтила молодыхъ, какъ слѣдуетъ, съ хлѣбомъ и солью, и приказала у крыльца постлатъ имъ медвѣжью шубу, шерстью вверхъ. Анна Павловна, время, въ которое считалась невѣстой, не упустила даромъ. Съ свойственной ей мягкостью и кокетливой угодливостью она расположила къ себѣ суровую старуху, босовогую Оіону, вонючую Кадошку и, можетъ быть, серебряную табакерку и бѣличью кацавейку. Она нѣсколько разъ была у старухи, гостила у нея и, даже, говѣла вмѣстѣ съ ней рождественскимъ постомъ, по ея желанію. Само собой, что старая московская барыня была вѣрна себѣ, и на своей будущей родственницѣ вымещала все свое озлобленіе на современныхъ прогресистовъ и эмансипе. Напрасно Анна Павловна тщилаась убѣдить ее, что она не эмансипе. Ей по цѣлымъ часамъ приходилось выслушивать нападенія старухи на «трубокурокъ» (такъ она называла женщинъ, курившихъ папирсы).

Послѣ свадьбы молодая переѣхала въ домъ мужа, архитектура котораго была «посовременнѣ».

Лекаръ Конопельцовъ и глазу къ нимъ не казалъ.

Если въ жизни человѣка бываетъ тяжелое время испытаній, то лекаръ Конопельцовъ могъ думать, что переживаетъ его именно теперь. Будуще укладывалось для него въ самую узкую, жѣзданскую рамку. Ему казалось, ни одинъ человѣкъ никогда не стоялъ такъ далеко отъ любимой женщины. Мрачно глядѣли на него дни и его обязанность. Но онъ отдался ей горячо и безраздѣльно. Онъ не бѣгалъ веселыхъ людей, ноу важать могъ невеселыхъ. Смѣхъ неприятно отдавался въ его больной душѣ. На болѣзнь и на слезы шелъ, повинуюсь какой-то внутренней силѣ. Онъ понималъ, что психологія горя въ сущности одна и та же, только причины разныя.

Случалось ему, зимой, проѣзжать по дѣламъ службы вблизи Луговава. Ему хотѣлось взглянуть на старый домъ, въ которомъ онъ пережилъ столько, который счастливила милая дѣвушка. Но

онъ не позволялъ себѣ этой, по его словамъ, роскоши. Одинъ разъ онъ поѣхалъ на слѣдствіе.

Вечерѣло. «Кура» съ подземной поднялась. Леварю казалось рѣшительно невозможнымъ не сбиться. Обывательская пара двигалась шагъ за шагомъ и часто останавливалась. Лекаръ крикнулъ мужику-подводчику, что онъ сбился и цѣликомъ ѣдетъ; но подводчикъ не услышалъ его крика за мятелью, неистовавшей и оглушавшей. Бѣлый, онъ смутно маячался, безпрестанно то поднимаясь, то опускаясь вмѣстѣ съ передкомъ. Какое-то безпомощное, растерянное и испуганное состояніе охватывало лекаря. Захотѣлось ему наконецъ хоть голосъ человѣческой услышать, хоть глянуть въ лицо мужику. А то и мужикъ казался ему незнакомымъ и мѣста. Съ этимъ желаніемъ лекарь протанулъ руку и толкнулъ мужика. Тотъ обернулся не безъ труда. Изъ чернаго онъ превратился въ сѣдого. Торчали замерзлые усы, бѣлая пуховая полоска смерзлась и сшилась незамѣтно съ армякомъ, глаза ушли въ ледяные наросты.

— Сбились! закричалъ лекарь изо всей мочи. Но крикъ его остановился тутъ же, въ енотовомъ воротникѣ.

— Дорога! прокричалъ въ отвѣтъ мужикъ съ какой-то гримасой, безъ которой онъ, кажется, и рта не могъ бы разинуть.

Мужикъ ударилъ валинка о валинку, потомъ рукавица о рукавицу, молча и тяжело упалъ съ облучка и мягко ушелъ въ сухой снѣгъ, съ трудомъ размѣшивая его ногами.

Лекарь возлагалъ на эту бѣлую, тяжелую фигуру почти суевѣрную надежду и нетерпѣливо ждалъ.

— Битая дорога, вѣ! опять вѣ! прокричалъ мужикъ, шупая ногами дорогу.

Мужичьи лошади тяжело ныряли изъ сугроба въ сугробъ, переплывали широкіе переносы. Оглобли скрипѣли въ заверткахъ. Смерзлось и лекарь прозябъ, воображая, каково-то только мужику на облучкѣ. Когда совсѣмъ стемнѣло, лекарю пришло въ голову, что замерзнуть приходится. Вдругъ огонь замерещился. Лошади косились туда и стали. Оказалось, что онѣ прибавились къ избѣ, что это село Луговое. Извѣстіе это одинаково удивило и подводчика и лекаря. Бубновскій мужикъ сейчасъ же провелъ сбившихся къ господскому дому.

Старикъ-буфетчикъ встрѣтилъ лекаря со свѣчой, съ очень расположеннымъ поклономъ и полнымъ удивленіемъ.

Лекарь объяснилъ ему, что сбился, и просилъ проводить себя въ комнату переночевать.

— Можно-съ, сказала старикъ: — у меня въ дому тепло, да того топки не жалѣю-съ.

— Господа здоровы?

— Слава-богу-съ: баринъ и барыня. Они въ бариновомъ нѣбны живуть-съ.

— Знаю.

— Изъябли-съ. Кура-съ. Какъ это вы рѣшиться изволили? Чаю прикажете? у меня сейчасъ.

Лекарь поблагодарилъ, сказавъ, что лучше уснетъ скорѣе.

Старикъ пошелъ впередъ, неся надъ лысой головой свѣчку. Шаги ихъ уныло и странно раздавались въ пустыхъ и высокихъ комнатахъ, для лекаря будто вымершихъ.

— У насъ домъ покойный-съ, счелъ своимъ долгомъ буфетчикъ успокоить лекаря.—Нашъ домовой, спасибо ему, смиренъ, что съ своими, что съ прѣзжими. Не такъ, какъ теперь въ другихъ домахъ. Обижаетъ-съ.

Старикъ ушелъ къ себѣ, въ переднюю, пожелавъ лекарю спокойной ночи.

Очутаясь въ постели, Конопельцовъ почувствовалъ сильную усталость. Но, несмотря на эту усталость, не могъ спать, слушая голодный вой ненасытной мятели, сознавая себя въ томъ самомъ домѣ, гдѣ Вѣра жила. Его смущали призраки недавнихъ полныхъ дней, прошедшихъ въ этомъ домѣ. Не для него нѣтъ Вѣры. Онъ только не видитъ ея и не слышитъ; онъ былъ увѣренъ, что она помнитъ его, и эта увѣренность такъ была приятна ему. Лекарь такъ живо любовался въ эту ночь живой, милой ему фигурой дѣвушки, будто ее видѣлъ. Ему захотѣлось пойти въ ея комнату. Задыхаясь отъ сильнаго чувства, онъ упалъ въ ея кресло, разглядывая вмѣстѣ со свѣчой эту полутемную комнату. Только сонно, безучастно глядѣла свѣча. Ничего общаго не могло быть между ея свѣтомъ и его чувствомъ. Какъ при Вѣрѣ, бѣлѣлись занавѣски у окна, дѣвичья постель бѣлѣлась.

Можетъ ли языкъ рассказать самыя нѣжныя и глубокія сердечныя тайны? Есть ощущенія, для которыхъ у человѣка нѣтъ словъ, нѣтъ ума, нѣтъ голоса. Глубокое чувство слушаетъ свою собственную внутреннюю музыку, свои слова и голоса. Чутко ихъ слушалъ лекарь ту ночь. Они его то очаровывали, бабгали, ласкали, то сбрасывали съ высоты роскошныхъ мечтаній въ самую мрачную дѣйствительность.

Одинъ вечеръ ему вспомнился. Онъ съ ней сидѣлъ у этого окна и говорилъ ей. Ясная звѣзда задумчиво глядѣла на нихъ. Потомъ ихъ обняло кротко молчаніе, то, будто черезъ край налитое счастьемъ молчаніе, которое и такъ понятно иногда, и такъ договариваетъ все, чего недослушала душа. Съ трепетомъ

и явно во власти ласкающей ее задумчивости, проговорила Вѣра мѣсто изъ своего любимаго стихотворенія: «Старый домъ»:

Въ нее звѣздочка тихо свѣтила,
Въ ней остались слова на стѣнахъ:
Ихъ въ то время рука начертила,
Когда юность кнѣгла въ душахъ.

Онъ зная, что она уже любила Андреева. Это сказали ему и нѣжныя глаза, обратившіяся къ нему отъ яркой звѣзды, и ея молчаливая улыбка. О, какъ хотѣлось ему увѣрить себя, что въ эту минуту Вѣра счастлива.

Въ эту ночь, лекарь Конопельцовъ, какъ Кентъ въ «Королѣ Лирѣ», могъ сказать:

О, сердце,
Когда ты разорвѣшься?

XVI.

Больше года Конопельцовъ не имѣлъ никакого извѣстія о Вѣрѣ. Онъ ужасно обрадовался, получивъ отъ нея письмо, полное участія къ нему и извѣстій о ней. Писала изъ Петербурга, гдѣ все время серьезно занималась музыкой, подъ руководствомъ лучшихъ музыкантовъ, сказавшихъ ей, что у нихъ ей больше нечего дѣлать и что не мѣшало бы ей, для дальнѣйшаго музыкальнаго образованія, съѣздить за границу. Изъ письма этого лекарь увидѣлъ, что она еще грустна, но успокоилась на твердой и ясно опредѣлившейся цѣли. «Здѣшніе музыкальные авторитеты предсказываютъ мнѣ большой успѣхъ», писала она. «Кажется, я значительно двинулась впередъ; но я часто недовольна собой и сомнѣваюсь въ моемъ талантѣ. Это, можетъ быть, нехорошо; но какъ не сомнѣваться, когда понимаешь, какъ легко поддаться призракамъ. Сколько людей увлечены съ своей настоящей дороги этими призраками. Оглянитесь: политическіе призраки, религіозные, артистическіе, комерческіе и т. д. Всякій изъ этихъ призраковъ волочитъ за собой миллионы человѣческихъ стремленій и всѣ съ большимъ или меньшимъ изувѣрствомъ хватаются за свой призракъ. Мой! кричатъ. И чѣмъ дальше идутъ бѣдники за своимъ призракомъ, тѣмъ болѣе убѣждаются, что онъ недосыгаемъ».

Конопельцовъ сейчасъ же, разумѣется, написалъ ей горячее письмо. Убѣждалъ ее не останавливаться на полпути. «Вы артистка по природѣ, писалъ онъ: — все, что привилось къ вашей талантливой натурѣ извнѣ, силой внѣшнихъ обстоятельствъ,

очистилось въ васъ чувствомъ, которое вы испытали. Святой огонь его сжегъ въ васъ все, что не ваше, а страданіе разовьетъ вашу музыку и сообщитъ ей энергію и выразительность, которая не передается въ консерваторіи. Бываетъ въ жизни человѣка время, когда онъ въ день переживаетъ годы; за то ощущенія этого не сотрутъ годы. Такія ощущенія, мнѣ кажется, у артиста неисчерпаемый источникъ вдохновенія. Жизнь — борьба. Безъ борьбы ни до чего не дойдешь. Мужайтесь. Свѣтъ не извиняетъ тѣхъ, кто не достигъ своего, кто не оправдалъ себя. Люди не извиняютъ тѣхъ, чье дѣло проиграно; не хотятъ понять въ нихъ «человѣковъ» убитыхъ. Вы непременно сладите съ своимъ музыкальнымъ талантомъ и я за васъ радъ. Тяжело вѣдь сознавать, что существо хорошее прозябаетъ въ уздой тинѣ, въ которой слѣпо и бездѣльно копошатся тысячи мужскихъ и женскихъ жизней. Жизнь безпредѣльна, мотивы ея разнообразны до того, что человѣку невозможно не затронуть хоть одинъ изъ нихъ». Второе письмо Вѣры прислала изъ Вѣны. «Я не больна тоской по родинѣ», писала она, «потому что некогда, за строгой нѣмецкой Вагнеровщной; но я часто вспоминаю родину и васъ. Вы знаете, что нескоро схожусь я съ людьми и нескоро привыкаю къ мѣсту. Привязанности тяжело мнѣ даются, и, можетъ быть, отъ того и отвыкать мнѣ тяжело, отъ того-то и забываю я нескоро. Я деревенщина. Иногда такъ и рвусь душой въ деревню. Меня здѣсь захвалили. Я здѣсь участвовала въ нѣсколькихъ избранныхъ концертахъ и, не скрою, съ большимъ успѣхомъ. Не скрою также, что успѣхъ болѣе чѣмъ увлекателенъ: онъ ослѣпляетъ. Я боюсь, что онъ можетъ меня испортить. Еслибы я чаще получала ваши письма, то была бы гораздо увѣреннѣе въ себя и больше бы цѣнила силы воли. Ваши письма, какъ слова ваши, способны укрѣпить. Спасибо вамъ за сочувствіе. Если дружба требуетъ доказательствъ — вы, конечно, мой другъ».

Переписка съ Вѣрой, хоть очень рѣдкая, наполняла душевную пустоту лекаря. Онъ таскался по слѣдствіямъ и по больнымъ. Надъ раздражительностью его посмѣивались дамы и дѣвицы, которымъ онъ, по своему обыкновенію, не курилъ оніама. Анна Павловна особенно не пользовалась его уваженіемъ, хотя и сдѣлалась матерью. Между тѣмъ, Алексѣй-второй такъ подросъ, что послѣ блестящаго курса узднаго училища, отцу слѣдовало подумать о его дорогѣ. Согласно его положительной и любознательной натурѣ, отецъ рѣшился сдѣлать изъ него технолога. Надо было везти его въ Петербургъ. А тутъ, кстати, Вѣра писала ему уже изъ Петербурга, гдѣ ее забросали выгодными уроками, и гдѣ она участвовала въ наступившихъ великопостныхъ

концертахъ. Конопельцовъ не медля взялъ отпускъ, первый за двадцатилѣтнюю почти службу, и поѣхалъ съ сыномъ.

И вотъ, онъ на желѣзной дорогѣ. Непривычный визгъ и шумъ пассажирскаго поѣзда глушатъ его, а Алексѣй-второй прильпъ лицомъ къ окну вагона и не оторвется. Все занимаетъ и удивляетъ будущаго технолога. Какъ чудовищная лошадь фыркаетъ паровикъ, волоча за собой длинный столбъ дыма и десятки вагоновъ. Бѣднй и печальный дымъ легъ по вѣтру и легкомысленно на мигъ окутываетъ своимъ вуадемъ верхи ёлокъ; оглушительно гремитъ поѣздъ по мостамъ, иногда очень высокимъ. Справа и слѣва безконечно мелькають отесанныя бревна, сложенные треугольниками; ярусы запасныхъ черныхъ рельсовъ, стоги сѣна, однообразные домики сторожей. Жидкіе еловые лѣса, островерхіе, съ вѣтками, словно съ зелеными волосами. На десятки верстъ сумрачныя лѣса, карявые вблизи и таинственныя вдаль. На мрачномъ фонѣ серьезныхъ, глубоко-печальныхъ ёлокъ, неотступно бѣгутъ за несущимся поѣздомъ молодня, чалыя березы...

Вотъ и Петербургъ.

Лекарь накормилъ Алексѣя-второго, уморившагося отъ безсонной ночи въ вагонѣ третьяго класса и заснуваго немедленно. Изъ афишъ онъ узналъ, что нынче, въ Маріинскомъ театрѣ, дается концертъ, въ которомъ участвуетъ Вѣра. Между прочимъ, она играетъ Мендельсона *Lieder ohne Worte*. Конопельцовъ забылъ усталость и поторопился одѣться.

«Я увижу ее сегодня, услышу ее сегодня», думалъ онъ, и поѣхалъ въ театръ гораздо раньше назначеннаго, боясь не найти билета. Въ какомъ-то смутномъ состояніи пробѣжалъ онъ рядами громадныхъ домовъ, съ огромными зеркальными окнами, яркосвѣщенными бѣлыми газовыми огнями, отражавшимися съ одной стороны на лужахъ улицы, а съ другой на роскоши разнообразныхъ вещей и товаровъ, выставленныхъ современной индустріей къ соблазну общества. Толпа шляпъ и дамскихъ бурнусовъ, безъ начала и конца колыкалась по тротуарамъ. Конопельцовъ въ первый разъ въ жизни очутился въ столичномъ театрѣ.

Понять ощущенія такого человѣка, какъ лекарь Конопельцовъ, можетъ только тотъ, кто, подобно ему, безвыѣздно провелъ лучшіе свои годы въ уѣздной глуши, кто, подобно ему, ограничиваясь по необходимости дюжинной провинціальной сценой, понималъ, что есть на свѣтѣ нѣчто лучшее и стремился къ нему. Огромные размѣры театра, блескъ стеклянной люстры и газа, теплота самая ласкающая, изящество въ цѣломъ и частяхъ, бархатъ, нарядные капельдинеры, порядочные люди, начинавшіе на-

полнять театр вмѣстѣ съ хорошенькими, граціозными женщинами—все это было такъ ново для Конопельцова и такъ ему по душѣ, что онъ забывалъ даже цѣль своего прихода сюда. Объ ней напоминала ему занавѣсъ, таинственно закрывавшая сцену, съ изображеніемъ самыхъ поэтическихъ развалинъ, самого поэтическаго храма—Талин и Мельпомены. Ожиданіе увидѣть Вѣру въ обстановкѣ ея артистической дѣятельности на сценѣ, заставляли лекаря забыть тяжелое прошлое. Разсѣянно слѣдилъ лекарь, какъ наполнялись ложи и партеръ. Наконецъ, музыканты заняли свои мѣста въ оркестрѣ, утихъ шумъ входящихъ, занавѣсъ поднялась.

Одна знаменитость спѣла, потому другая знаменитость спѣла, потому тріо спѣли три знаменитости, но лекарь былъ въ такомъ напряженномъ ожиданіи, что не могъ оцѣнить ихъ по достоинству. Онъ понималъ, что голоса превосходные, но онъ слушалъ ихъ въ то время, когда мысль и чувство его ждали своего...

Онъ сейчасъ ее узналъ. Вѣра вышла неторопливо, въ бѣломъ платьѣ, съ волосами зачесанными вверхъ, безъ цвѣтовъ и безъ украшеній. Моложавость лица и фигуры были тѣ же, милая походка та же. Не обращая вниманія на взрывъ вострѣтывшихъ ее аплодисментовъ, Вѣра подошла къ раскрытому роялю, и сдѣлала публикѣ реверансъ съ граціознымъ достоинствомъ и нѣсколько грустной улыбкой. И сѣла. Тишина упала такая, что Конопельцовъ могъ слышать бѣненіе своего пульса. Жаръ охватилъ его при видѣ биноклей и лорнетовъ, уставившихся на Вѣру. Все ждало. Онъ глядѣлъ на нее и не видѣлъ ея. Онъ услышалъ аккордъ, ея аккордъ, напомнившій ему столько! Поились звуки. Опять услышалъ онъ томленіе любящей души, силу страстнаго порыва, тихія женскія слезы... Душа трепетала въ каждой нотѣ. Бетховенская соната quasi fantasia жила той самой жизнью, которая создала ее, выражала именно минуту Бетховенскаго вдохновенія. Конопельцовъ съ замираніемъ понималъ, что музыкальное развитіе Вѣры уже не прежнее, и дивился ея блестящей техникѣ, экспрессіи ея умныхъ и страстныхъ музыкальныхъ фразъ. По своему ощущенію и по впечатлѣнію публики онъ понималъ, что слышитъ большую артистку. И онъ не безъ гордости признавалъ въ ней свою прежнюю пріятельницу, Вѣру. Попрежнему, въ быстрыхъ пассажахъ она слегка закусывала нижнюю губку, попрежнему лекарю хотѣлось по ея исполненію отгадать ея настроеніе. Онъ всматривался въ ея чудесные синіе глаза, добрые, расширяшіеся и блестящіе. Бѣлое платье и простая, шедшая къ ней прическа сообщали всей ея фигурѣ столько чистаго, благороднаго. Музыка Вѣры далеко унесла за собой Конопельцова.

Не въ театрѣ онъ былъ, а тамъ, гдѣ Вѣру не знала эта многочисленная публика, гдѣ зналъ ее только онъ, лекарь, и немногіе; гдѣ онъ, лекарь, отгадалъ въ скромной дѣвушкѣ талантъ, гдѣ онъ любилъ ее, какъ никто изъ нихъ, изъ этихъ приличныхъ джентльменовъ не сумѣетъ и не сможетъ любить... И Конопельцовъ съ внутренней гордостью оглянулъ блестящее общество, все, казалось, проникнутое впечатлѣніемъ глубокой игры... Онъ счастливъ былъ въ эту минуту за себя и за Вѣру. Ея *Lieder ohne Worte*, ея любимую вещь, лекарь прослушалъ, едва владѣя собой, чтобы не вскочить, чтобы не вскрикнуть и не броситься къ Вѣрѣ. Воспоминаніе дней, когда онъ могъ прикасаться къ ней близко, дружески, смѣшалось въ немъ съ мечтой о счастіи всегда жить съ такой женщиной, всегда чувствовать себя возлѣ такой избранной души и подъ ея вліяніемъ. Знакомые переходы мендельсоновой пѣсни безъ словъ отъ нѣжной задумчивости къ капризнымъ слезамъ, къ тоскѣ прощанья, напомнили лекарю положеніе Вѣры въ Луговомъ, въ извѣстное намъ лѣто. Она кончила. Громъ рукоплесканій и bravo дрожалъ въ театрѣ. Вѣра благодарить публику стыдливимъ реверансомъ, съ разгорѣвшимися глазами и щеками, съ своей грустной улыбкой. Руки капельмейстера въ бѣлыхъ перчаткахъ передаютъ ей роскошный вѣнокъ. Bravo усиливалось. Вѣра принимаетъ вѣнокъ, вспыхивая и прижимая его къ груди. Ея благодарные, свѣтящіеся глаза обращаются во всѣ стороны залы. Bravo усиливаются. Она убѣгаетъ. Лекарь, видѣ себя, бросился изъ театра. У подъязда артистовъ онъ дождался, пока не вышла Вѣра и не поѣхала въ наемной каретѣ. Онъ за ней поѣхалъ.

Конопельцовъ и Вѣра очутились другъ передъ другомъ, въ ея квартирѣ.

— Вы-ли это? Дѣвушка сдѣлала къ нему шагъ въ радостномъ недоумѣніи и протянула обѣ руки.

Онъ крѣпко ихъ сжалъ, жадно въ нее вглядываясь, съ выраженіемъ человѣка, который боится, что вотъ опять отнимутъ ее у него.

— Я изъ театра вмѣстѣ съ вами; вы большой артистъ, вы во мнѣ все перевернули! вырвалось у него. — Извините, что я рѣшился быть у васъ въ эту минуту, ночью... Вы устали... Но я не могъ дожидаться утра: мнѣ хотѣлось взглянуть на васъ, услышать ваше слово. До завтра, Вѣра Николавна.

Онъ хотѣлъ уйти, сильно взволнованный.

— Я васъ не пушу, Алексѣй Алексѣичъ.

Вѣра усадила его на мягкій диванъ и, не выпуская его рукъ, глядѣла на него, блѣдная, глазами, широко раскрытыми внутрен-

нимъ движеніемъ. Она глядѣла на него такъ, какъ-бы хотѣла отдать себѣ отчетъ въ впечатлѣніи, произведенномъ имъ на нее. Строгая мысль занимала ее и подымалось въ ней глубокое чувство.

Никогда еще никакое молчанье не было такъ понятно и приятно Конопельцову, какъ вотъ это ея молчанье.

Еще подъ вліаніемъ сценическаго впечатлѣнія, Вѣра вдругъ очутилась въ серьезномъ душевномъ настроеніи, въ которомъ чувство погибшей любви мѣшалось съ воспоминаніемъ ясныхъ лѣтнихъ дней въ Луговомъ и сознаніемъ неизмѣнной, мужески-благородной привязанности къ ней лекаря. По собственнымъ утратамъ, Вѣра чувствовала длинную и тяжелую исторію страданій челоуѣка, на лицѣ котораго страданія эти отразились невзглядимыми чертами. Но онъ забылъ о себѣ, только ее видѣлъ.

— Вы... счастливы? спросилъ онъ ее.

— Я покойна. Я нашла въ себѣ силы для покоя, душевнаго.

— Счастливы дѣти и дураки только. Воодушевленіе лекаря многое напоминало Вѣрѣ.—Но у васъ должны быть счастливыя минуты, потому что вы ихъ даете тысячамъ людей. Безъ большой внутренней силы нельзя дѣйствовать на публику такъ сильно. Я не сумѣю разсказать вамъ, что было со мной, когда я васъ услыхалъ. Я съ гордостью оглянулъ притихшую залу; потому съ гордостью, что я любилъ вашу душу, цѣнилъ вашу талантливую натуру далеко какъ раньше ихъ всѣхъ. Видѣть васъ, окруженной обаяніемъ артистической славы—это такая минута, за которую я благословляю мою жизнь!

Она слушала его нѣжная, трепещущая.

Его глаза противъ его воли утонули въ ея горячемъ взглядѣ. Онъ прошелъ ему въ душу, завружилъ голову. Въ первый разъ смотрѣлъ онъ на нее такъ, и его бросило въ какое-то жаркое мечтанье. Онъ забылъ себя, какимъ былъ съ ней до сихъ поръ. Горячее желаніе счастья охватило его, онъ мѣлъ подъ ея синими глазами, въ которыхъ, ему казалось, пробилась новая сила.

Минута показала ему промелькнувшей не здѣсь, на землѣ, а гдѣ-то, гдѣ онъ никогда не былъ и больше никогда не будетъ.

Она опустила глаза. Грудь ея часто и высоко подымалась. Онъ чувствовалъ всю близость свою къ ней, прикасался къ ней въ эту минуту всѣми своими лучшими ощущеніями. Онъ взялъ ея дрожащую руку. Его губы просили себѣ эту дрожащую руку и прилипли къ ней. Она не глядѣла на него, но выраженіе ея какъ-бы успокоилось, остановилось въ той любящей снисходительности, безъ которой мужчина не смѣетъ поцаловать любимую женскую руку.

— Она будто проснулась и кротко посмотрѣла на него. Онъ выпустилъ ея руки, и вздохнулъ изъ глубины души.

Она глядѣла на него, занятая сознаниемъ, что онъ такъ ее любитъ.

— Это обстановка хорошей жизни, замѣтилъ Конопельцовъ, оглядывая комнату въ деревьяхъ, съ картинами, книгами и нотами, разбросанными по стульямъ и на раскрытомъ пианино— Столько дѣтъ я спрашиваю себя, чтò такое счастье, гдѣ оно? говорилъ онъ тихо: — я только что сказалъ вамъ, что счастливы могутъ быть дѣти и дураки, что счастья нѣтъ! Все это вздоръ, высказанный неудовлетвореніемъ. Здѣсь, въ этой комнатѣ счастье!

— Возьмите его, сказала покойно Вѣра.

Конопельцовъ помолчалъ, какъ-бы обдумывая всю важность сазаннаго ею.

— Знаете ли вы, чтò вы дѣлаете? Вы открываете мнѣ новую жизнь. Въ семейномъ счастьи и съ вашей, избранной душой уврачуется всякая больная душа. Мало ли насъ пало по недостатку согрѣвающего насъ женскаго участія. Вы спасаете меня. Вы моя цѣль, мое успокоеніе, вы моя награда за все, чтò у меня назади.

Онъ остановился, какъ-бы испуганный внезапной мыслью.

Она взглянула на него участливо и съ ободреніемъ.

— Меня пугаетъ мысль, Вѣра Николаевна, чтò же я вамъ дамъ?

— Человѣка. Съ вашею помощью возможна борьба, а жить— значить бороться. Борьба вмѣстѣ съ вами не сломитъ силу, а вызоветъ новыя силы. Мы съ вами глядимъ на жизнь слишкомъ одинаково, чтобы не понять, что мы не должны разстаться.

— Повторите! вскричалъ Конопельцовъ.

Она весело разсмѣялась.

— Стало быть, мы женихъ и невѣста? спросилъ Конопельцовъ, будто все еще не вѣря себѣ.

— Вѣроятно.

— А завтра будемъ мужемъ и женой?

— Это отъ васъ теперь зависитъ.

Ночь пролетѣла для нихъ неувидимо, за живыми планами новой жизни. Конопельцовъ, послѣ свадьбы, долженъ былъ немедленно перейти въ Петербургъ.

Эти два человѣческихъ существованія не раздѣлялись той тонкой, невидимой чертой, которая большей частью проведена судьбой между супругами. Разстояніе цѣлой пропасти отдѣляетъ часто нетронутую жизнь съ своимъ достоинствомъ и желаніями отъ нищенства духа, отъ человѣческой пошлости и неспособности. Сколько насъ, такъ далеко стоящихъ одинъ отъ другого въ нравственной жизни, физической жизни сведены рядомъ, подъ одну крышу, даже въ одну комнату—въ ту святую комнату, которая называется супружескою спальней!

В. МАРКОВЪ.

ПРОЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ.

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Omne ignotum pro magifico habemus.

Статья первая.

ВВЕДЕНІЯ.

Въ развитіи нашей общественной мысли въ послѣдніе годы произошелъ фазисъ, который всѣми замѣченъ, многими представленъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ и былъ предметомъ весьма горячихъ литературныхъ споровъ. — Фазисъ этотъ, безспорно, весьма замѣчательнъ: онъ или чрезвычайно много говорить въ пользу русскаго общества, или, правдѣе, нѣкоторой части его, или, напротивъ, способенъ разочаровать тѣхъ, которые возлагаютъ слишкомъ много надеждъ на самостоятельность этого общества.

Въ самомъ дѣлѣ, какихъ нибудь десяти лѣтъ было достаточно для того, чтобы совершенно перевернуть всевозможныя понятія въ довольно многочисленной средѣ общества. Или дѣйствительно эта среда имѣетъ такія громадныя философскія и политическія способности, что въ случаѣ надобности она почти мгновенно формируется въ партію, способную на своихъ плечахъ вынести полное перерожденіе цѣлаго общества, или она была слишкомъ ничтожна по содержанію своего міровоззрѣнія, такъ что малѣйшаго дуновения вѣтра достаточно для того, чтобы его прежнее міровоззрѣніе уступило мѣсто новому, наскоро выработанному людьми, много ни надъ чѣмъ незадумывающимся.

Но какъ бы то ни было, что бы ни означалъ новый фазисъ въ развитіи нашего общества, нельзя не замѣтить того, что онъ отличается по крайней мѣрѣ оригинальностью, безпримѣрною въ исторіи. Если всю массу новыхъ понятій, принятыхъ извѣстною средою, соединить въ систему, то мы найдемъ въ этой системѣ,

вопервыхъ, большую или меньшую послѣдовательность, а вовторыхъ, такую отрѣшенность отъ жизни, которая дѣйствительно можетъ быть названа единственною въ своемъ родѣ въ цѣлой исторіи.

Новыя понятія, усвоенныя извѣстною средою, захватываютъ почти всѣ извѣстныя сферы человѣческой мысли, и вездѣ они радикально противоположны тому, что принимало до сихъ поръ русское общество и отъ чего оно въ громадномъ большинствѣ своихъ членовъ не отказалось и до сихъ поръ.—Новыя понятія вмѣютъ главнымъ образомъ характеръ отрицательный; они почти все отвергаютъ и рѣдко что полагаютъ. Они отвергаютъ и религію, и философію, и почти всякую другую науку; они отвергаютъ и самое гражданское общество, и основы общественной жизни, законы, права, обязанности, отвергаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ семейство и собственность—короче, тутъ вся сущность заключается въ отрицаніи. Построенія, которыми стараются замѣнить отвергнутое, немногочисленны, но такъ же характеристичны, какъ и отрицанія: въ основу гражданского общества кладется развитіе личности, вестъсенной, несвязанной ничѣмъ рѣшительно, кромѣ своей собственной пользы, личности живущей безъ религіи, безъ обязанности, безъ права, безъ семейства, безъ собственности. Подобныя планы общественной реформы можно было бы считать шуткою; еслибы горькій опытъ не убѣдилъ всѣхъ, что они совсѣмъ не были шуткою; гдѣ это было доступно, тамъ была даже произведена дѣйствительная реформа, на примѣръ, въ семействѣ, какъ въ такой сферѣ, реформа которой по крайней-мѣрѣ для себя самого по силамъ каждому частному человѣку. Въ другихъ сферахъ реформа вошла только въ головы adeptовъ новаго міровоззрѣнія въ большей или въ меньшей полнотѣ. Такъ реформа понятій религіозныхъ и философскихъ совершилась въ очень многихъ головахъ; представителей этой реформы вы встрѣтите на каждомъ шагу. Реформа понятій юридическихъ распространилась меньше. Вы встрѣтите много субъектовъ, отвергающихъ особый психическій элементъ въ человѣкѣ, но неотвергающихъ, на примѣръ, собственности. Реформа понятій семейныхъ распространилась довольно широко, но не всегда съ одинаковою глубиною; такъ одни отвергаютъ семейство, какъ учрежденіе безнравственное (это самое выраженіе было употреблено), а въ правильной формѣ супружеской жизни считаютъ только киногамію; другіе находятъ только не совсѣмъ состоятельными нивѣшніи основы супружества и до киногаміи не доходятъ, хотя останавливаются недалеко отъ нея.—Но, несмотря на разницу въ степени усвоенія, реформистскія идеи довольно широко распространились въ

одной части нашего общества.—Нечего и говорить, что почитатели ихъ принадлежать къ болѣе юному поколѣнiю общества, хотя въ числѣ ихъ найдется много юношей не физическимъ возрастомъ, а развѣ нравственнымъ—моральнымъ. Въ этомъ фактѣ, въ юномъ возрастѣ адептовъ, и заключается одна изъ причинъ успѣха новыхъ идей; юношество всего меньше способно къ критикѣ, и всего больше къ увлеченiю. Кромѣ того, наше юношество послѣднихъ годовъ было поставлено довольно въ неблагопріятныя обстоятельства относительно науки; слѣдствіемъ этого и было то, что оно совершенно безъ критики отнеслось къ новымъ ученiямъ. Для критики нужно знаніе и хорошее знаніе. А богаты ли мы были знаніемъ?—много ли у насъ людей даже не въ юношескомъ возрастѣ знающихъ что-нибудь основательно? Въ какомъ состояніи находилась и даже до сихъ поръ находится наука въ нашихъ общественныхъ заведенiяхъ, не только среднихъ, но и такъ-называемыхъ высшихъ?

Такимъ образомъ новыя ученiя со всею ихъ увлекательностью встрѣтили въ значительной массѣ юношества и даже не юношества дѣвственную почву, *tabula rasa*, на которой еще ничего не было написано. Немудрено, что писать на такой чистой *tabula* оказалось удобнымъ. И нашлись публицисты-философы, публицисты-моралисты, юристы, экономисты, которые потрудились по своему на пользу общества. Сколько приобрѣло отъ нихъ общество—это окажется еще впоследствии, хотя нѣсколько оказалось уже и до сихъ поръ. А они приобрѣли себѣ извѣстность, какъ самые передовые люди въ Россіи, нѣкоторые даже получили право говорить о себѣ совершенно безцеремонно, какъ объ умнѣйшихъ людяхъ своего времени; вмѣстѣ съ этою славой передовыхъ людей отъ нихъ, разумѣется, не ушли и нѣкоторыя другія блага. Имъ мало было дѣла до возможныхъ результатовъ отъ ихъ ученiй; они, повидимому, не обращали вниманiя на то, что ихъ ученiя парализируютъ то добро, которое есть въ нашемъ юношествѣ, дѣлаютъ юношество неспособнымъ къ общественному дѣлу, потому что общественное дѣло совершенно радикально расходится съ ихъ мировоззрѣніемъ, такъ что между ними не можетъ быть ничего общаго. Они не обратили вниманiя и на то, какими результатами отдадутся новыя ученiя и для самыхъ адептовъ ихъ, сколько имъ придется заплатить за нихъ слишкомъ дорогою цѣною! — И изъ-за чего? — Чтѣ было истиннаго въ новомъ ученiи, чтѣ было въ немъ пракческаго, приложимаго къ дѣлу, и даже чтѣ было въ немъ новаго?

Подобная постройка новыхъ системъ мировоззрѣнія и общественной жизни не разъ повторалась въ исторiи; и если мы взгля-

немъ на происхожденіе этихъ системъ, то совершенно независимо отъ того, что есть въ нихъ истиннаго и ложнаго, мы найдемъ въ нихъ большею частью одно общее всѣмъ имъ свойство: онѣ непремѣнно были вызываемы давнимъ состояніемъ общества; онѣ являлись въ средѣ какого нибудь народа въ то время, когда народъ видимымъ образомъ оканчивалъ свою историческую задачу, приходилъ въ дряхлость, когда элементы народной жизни теряли свою связь и народъ разлагался, или по крайней-мѣрѣ когда извѣстный строй народной жизни, непригодный болѣе для данной эпохи, приносилъ массѣ народа неудобства, совершенно невознаграждаемые какими нибудь удобствами, самъ собою распадался вследствие того, что существовали причины, мѣшавшія ему реформироваться. Въ такія времена являлись реформаторы, которые, извѣрившись въ обыкновенныхъ формахъ общественной жизни, обращались въ область мечты, утопія и тамъ искали исцѣленія наболѣвшимъ общественнымъ ранамъ. Такъ Платонъ писалъ свою политическую мечту во время полнаго упадка греческой жизни, Томасъ Муръ—въ то время, когда средніе вѣка оканчивали свой историческій кругъ, не внеся въ европейскій міръ элементовъ порядка и справедливости, которые еще нужно было создать, а давъ господство феодализму и вудачному праву. Это время въ Германіи вызвало крестьянскія войны, а въ Англіи вызвало утопію Томаса Мура.—Въ другихъ періодахъ возникновенія утопій касательно перестройки общественной жизни, вездѣ мы увидимъ то же самое: всегда онѣ были вызваны состояніемъ общества, немѣвшаго близкаго и надежнаго исхода изъ тяжелыхъ политическихъ или экономическихъ обстоятельствъ. Такъ неправильный ходъ политической жизни въ XVIII вѣкѣ вызвалъ утопистовъ конца XVIII и начала XIX вѣка, и наконецъ весь XIX вѣкъ былъ постояннымъ свидѣтелемъ возникновенія общественныхъ утопій то во Франціи, то въ Англіи, то въ Германіи, благодаря тому, что состояніе рабочаго класса было слишкомъ мало обезпечено во всѣхъ этихъ странахъ, потому что тамъ развился страшный пролетаріатъ, озлобившій въ одно время и правительства, ненашедшія для него леварства, и политическихъ мечтателей.

Если вслѣдъ затѣмъ мы обратимъ вниманіе на то, какими причинами вызвано у насъ возникновеніе новыхъ общественныхъ теорій, то мы придемъ къ весьма печальной необходимости отвѣчать: никакими. Именно, какъ-будто законы природы у насъ нарушаются, дѣйствіе у насъ является безъ причины. Конечно, въ самомъ-то дѣлѣ оно возникло не безъ причины, даже не безъ многихъ причинъ, да только причины были неразумны, не-

нормальныя. Даже странно утверждать, а между тѣмъ нельзя не сознаться, что одна изъ этихъ причинъ состояла въ стремленіи нѣсколькихъ умниковъ порисоваться передъ публикою развитіемъ для нея хитрыхъ теорій, которыя къ тому же имъ самимъ казались произведеніемъ лучшихъ умовъ въ человѣчествѣ и составляли будто бы самое послѣднее слово въ общественной наукѣ, самое передовое движеніе человѣческой мысли. Эти же самыя теоріи, будучи одинаковыми по своей сущности у насъ и на Западѣ, представляются въ различномъ свѣтѣ, когда мы будемъ слѣдить за появленіемъ ихъ въ томъ и другомъ мѣстѣ. На Западѣ онѣ представляютъ ошибку ума человѣческаго; но этотъ умъ, очевидно, искалъ истины, искалъ рѣшенія соціальной задачи, давившей на него своею сложностью, неразрѣшимостью: онъ имѣлъ передъ глазами сотни тысячъ бѣдняковъ, которыхъ положеніе было безысходно, которымъ помочь какими нибудь обыкновенными средствами было нельзя. И вотъ онъ зашелъ въ область средствъ необыкновенныхъ и невозможныхъ. Онъ долго носился съ своею задачею и, какъ нерѣдко бываетъ, придуманное имъ рѣшеніе получило въ его головѣ качество *idée fixe*; онъ наклоненъ весь міръ подозрѣвать въ недобросовѣстности, въ намѣренномъ недоброжелательствѣ къ его теоріямъ, и не довѣряя никому, онъ наконецъ обращается къ маленькимъ дѣтямъ, чтобы убѣдить ихъ въ доброкачественности своихъ теорій, какъ сдѣлалъ Фурье, и къ чему приблизился Оуэнъ. Вы видите, что эти люди дошли до маніи, но въ то же время вы не сомнѣваетесь, что они искренни въ своихъ стремленіяхъ, что ихъ произведеніе не есть литературное упражненіе, не произошло изъ ихъ желанія порисоваться, а составляетъ ихъ любимое дѣтище, продуктъ ихъ плоти и крови.

А у насъ что? Гдѣ наши социалисты видѣли сотни тысячъ или или хотя бы простыя сотни пролетаріевъ, гдѣ они видѣли это громадное развитіе промышленности, эту конкуренцію производства, которая смотритъ на человѣка какъ на машину, пользуется имъ, пока находитъ для себя выгоднымъ, и бросаетъ его въ сторону, какъ лишнее колесо изъ упрощенной машины, когда находитъ это для себя выгоднымъ. Россія перенесла много тяжелыхъ временъ, и еще недавно, какъхъ нибудь десять лѣтъ назадъ, мы жили при такомъ порядкѣ, который не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ нѣкоторыми весьма существенными принципами гражданской жизни, признанными и усвоенными цѣлою Европой. И если мы обернемся назадъ въ это недалекое прошедшее, если мы сравнимъ его съ теперешнимъ состояніемъ, то мы не далѣе какъ за десять лѣтъ до настоящей минуты увидимъ передъ собою средніе вѣка со

всѣми ихъ атрибутамп. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что шагъ, сдѣланный нами въ десять лѣтъ, громаденъ; мы въ это время перешагнули изъ среднихъ вѣговъ прямо въ новую исторію. Стоитъ только перечислить всѣ эти реформы, неисчислимыя по своимъ послѣдствіямъ, какъ освобожденіе крестьянъ, освобожденіе печати отъ предварительной цензуры, введеніе земскихъ учреждений, реформа судопроизводства, уничтоженіе откуповъ и проч.—уже это одно перечисленіе должно убѣдить всякаго трезваго человѣка, что самую тяжелую часть дороги Россія прошла, что на остальномъ пути всѣмъ будетъ несравненно легче, потому что сдѣланныя реформы гарантируютъ намъ наши права гораздо больше, чѣмъ они были гарантированы прежде. Мы не можемъ не сознавать, что многія изъ этихъ реформъ слѣдуетъ еще докончить и исправить. Но кто же не согласится, что будучи весьма существенны для настоящаго времени, реформы эти общають еще несравненно больше въ будущемъ, что, стало бытъ, Россія вышла на такую дорогу, по которой ей слѣдуетъ идти не останавливаясь, чтобъ придти къ той цѣли, для достиженія которой она существуетъ, какъ государство. Или, бытъ можетъ, наши передовые люди находили, что сдѣланныя и предположенныя реформы не имѣють и не общають никакихъ результатовъ для нашей общественной жизни? Нѣтъ; они желали реформъ именно тѣхъ, которыя сдѣланы, и почти въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ сдѣланы! Не будемъ говорить объ уничтоженіи предварительной цензуры, о гласномъ судопроизводствѣ, объ уничтоженіи откуповъ—въ отношеніи къ этимъ реформамъ наши публицисты почти не расходились. Возьмемъ только крестьянскую реформу. Тѣ, которые считали себя передовыми, желали освобожденія крестьянъ съ землею—и крестьяне освобождены съ землею; они желали, впрочемъ, довольно непослѣдовательно, сохраненія нашей сельской общины—и сельская община спасена. Что же еще могло возмущать ихъ, чѣмъ они могли бытъ радикально недовольны? Конечно, по нашему личному мнѣнію, и въ крестьянской реформѣ кое-что недоделано; но это всѣмъ извѣстно, что общественная жизнь въ своемъ теченіи рѣдко угождаетъ вполне желаніямъ одной какой-нибудь стороны, что полное удовлетвореніе самыхъ справедливыхъ желаній встрѣчаетъ много препятствій, и если совершается, то только уступая соединеннымъ усиліямъ многихъ, одушевленныхъ одними и тѣми же желаніями; безъ усилій ничто не пріобрѣтается; только въ сказкахъ дѣло дѣлается по шучьему велѣнію. Стало бытъ, недоделанныя реформы обязывали всякаго серьезнаго гражданина, и въ особенности публициста, стараться о томъ, чтобы движеніе реформы не остановилось. А между тѣмъ наши передовые люди дѣ-

дали все, что могли, для того, чтобы затормозить реформу. Начитавшись разных системъ философскихъ, нравственныхъ, политическихъ и экономическихъ, и по какому-то роковому несчастію принявъ изъ нихъ то, что въ нихъ было худшаго, они не остановились передъ распространеніемъ ихъ въ средѣ, наименѣе способной къ критикѣ—той, которая до сихъ поръ довольствовалась чтеніемъ романовъ и повѣстей; короче, между многочисленными любителями легкаго журнальнаго чтенія. Но любители легкаго чтенія, уже вслѣдствіе этого своего качества отличающіеся живостью воспріятія, и кромѣ того вслѣдствіе того же самого болѣе склонные жить жизнью романа, повѣсти, нежели жизнью дѣйствительною, не удовольствовались только чтеніемъ хитрыхъ системъ и попробовали перенести ихъ въ жизнь, покусались осуществить ихъ. И вышло нѣчто весьма достойное сожалѣнія. Когда вся эта мерзость разсужденія не съ цѣлью открытія и уясненія истины, а съ цѣлью поумничать, порисоваться была соединена въ нѣкоторыхъ особенныхъ листахъ (напримѣръ, въ «Молодой Россіи»), вышла какая-то до послѣдней степени отвратительная умственная и нравственная проституція человѣка. Смѣшно и отвратительно было читать подобныя листы. Но тутъ были результаты и посерьезнѣе: не одинъ юный читатель и почитатель хитрыхъ системъ сгубилъ свою жизнь изъ-за этой пошлости. Предвидѣли или не предвидѣли передовые люди эти результаты — Богъ ихъ знаетъ. Но должны они были предвидѣть, что подобныя фокусы должны вызвать реакцію людей, плохорасположенныхъ къ движенію реформы. Такъ и оказалось; но, по счастью, движеніе остановиться уже не можетъ, и даже едва-ли сколько нибудь замедлилось. Такимъ образомъ хитрыя системы передовыхъ русскихъ публицистовъ прямо вели къ тому, чтобы отдалить достиженіе цѣли, къ которой будто бы они сами стремились; и такъ-какъ этого не видѣть было нельзя, то можно думать, что и эти цѣли, къ которымъ будто бы стремились публицисты, выставлялись только на показъ, что въ сущности тутъ была только игра въ политическія и философскія теоріи, да погоня за литературными лаврами, что это была именно проституція мысли, неищущей истины, а улаждающей себя собственнымъ умничаньемъ—это былъ худшій видъ софистики, изощрившейся въ былое время надъ загадками о крокодилѣ или о лисомъ, и въ наше время нашедшей себѣ пищу въ области наукъ политическихъ и философскихъ.

Въ такомъ видѣ представляются наши доморощенные планы коренной реформы общественной. Успѣхъ ихъ можетъ быть понятъ только людьми, хорошо знающими современныя и предъиду-

щія обстоятельства нашего общества. Въ другомъ обществѣ, не только напримѣръ въ Англіи, но даже въ Германіи или во Франціи онъ былъ бы непонятенъ и даже невозможенъ; надобно сказать, что наиболѣе хитрыя политическія системы, явившіяся въ Западной Европѣ, все-таки отстаютъ отъ нашихъ въ смѣлости отрицанія всего существующаго, равно какъ и въ смѣлости построения новаго порядка; и все-таки тамошнія системы никогда не имѣли такого успѣха у себя, какой наши системы имѣли у насъ. Да иначе это и быть не могло. Наше общество воспитано совершенно особеннымъ образомъ. Развитие его изъ самого себя, преемство идей, вырабатываемыхъ имъ послѣдовательно, согласно указанію потребностей народнаго духа въ данную эпоху, для него вещь незнакомая. Кто знаетъ русскую исторію за послѣдніе два вѣка, для того это не новость. Отрѣшенность отъ жизни встрѣчается у насъ не въ первый разъ въ явленіи, указанномъ выше. Напротивъ, мало по малу мы всё болѣе или менѣе привыкли давать большіе вѣсу игрѣ своего воображенія, нежели указаніямъ жизни; всё болѣе или менѣе привыкли высшіе авторитеты находить за границею, хотя фразы о нашей оригинальности, своеобразности, отличающей насъ отъ Западной Европы, у насъ никогда не превращались. Но именно это были только фразы; на дѣлѣ мы не обращали ни малѣйшаго вниманія на эту оригинальность. При малѣйшемъ сомнѣніи въ чемъ нибудь, при малѣйшемъ спорномъ вопросѣ, мы все-таки обращались за рѣшеніемъ въ чужеземнымъ авторитетамъ. Замѣчательный фактъ въ этомъ отношеніи представляетъ споръ о сельской общинѣ въ своемъ первоначальномъ фазисѣ. Противники сельской общины, въ своихъ доказательствахъ, упирали главнымъ образомъ на то, что сельская община въ томъ видѣ, какъ она существуетъ у насъ, осуждена наиболѣе авторитетными людьми Западной Европы. Защитники сельской общины доказывали, напротивъ, что наиболѣе авторитетные мыслители Западной Европы, самые передовые ея люди, одобряютъ сельскую общину, находятъ въ ней высшую форму поземельнаго владѣнія. И то же самое вездѣ и во всемъ. Когда была признана необходимость нашей педагогической реформы, въ то время, какъ извѣстно, реформаторы раздѣлились на два лагеря: реалистовъ и гуманистовъ или классиковъ. Но какъ тѣ, такъ и другіе мало обращали вниманія на наши современные потребности; Западная Европа все-таки играла роль Писии, рѣшительницы сомнѣнія. Всѣ сколько нибудь замѣтные авторитеты науки и педагогій были спрошены о томъ, какая система общественнаго образованія пригодна для Россіи. Мнѣнія авторитетовъ, какъ и слѣдовало ожидать, раздѣлились; дѣлать

между ними выборъ приходилось уже самимъ. И выборъ былъ сдѣланъ все-таки на основаніи чужихъ примѣровъ. Реалисты соблазнились процвѣтаніемъ промышленности въ Англіи и Германіи, и въ полной увѣренности, что онѣ этимъ обязаны реальнымъ школамъ, рѣшили въ пользу преобразованія нашихъ гимназій въ реальномъ духѣ. Гуманисты находили, что Англія обязана своими успѣхами итонской и другимъ школамъ, въ которыхъ изучаютъ древніе языки и математику, и потому рѣшили въ пользу классическаго образованія, разумѣя подъ этимъ изученіе древнихъ языковъ и математики. А о томъ, чего именно требуютъ современное состояніе русскаго общества, почти не было и помину, или, правильнѣе, поминъ-то былъ, но онъ состоялъ только въ общихъ выраженіяхъ, въ краткихъ указаніяхъ на то, что Россіи нужно промышленное развитіе, и съ другой стороны, что Россія страдаетъ отъ поверхностнаго многознанія, отъ отрывочныхъ свѣдѣній, нахватанныхъ налету и отовсюду.

Танимъ образомъ реформистскія идеи, распространенныя въ нашемъ обществѣ, не составляютъ единственнаго факта въ своемъ родѣ. Онѣ имѣютъ характеръ общій, не только съ тѣми явленіями, которыя мы только что указали, но съ цѣлыми сотнями другихъ, которыя перечислять значило бы излагать всю исторію нашего общественнаго развитія за послѣднія два столѣтія. Реформистскія идеи составляютъ только крайнее развитіе и вмѣстѣ съ тѣмъ доведеніе до абсурда системы не жить своимъ умомъ, а вѣчно подсматривать за другими, съ цѣлью полного и безотчетнаго подражанія чужому. Было бы желательно, чтобы это доведеніе до абсурда, привело насъ къ единственному возможному для него доброму результату: отрезвило бы наше общество въ его поклоненіи авторитету Западной Европы, и побудило его больше уважать самого себя, свои національныя качества и свои дѣйствительныя потребности.

Итакъ оказывается, что существуетъ довольно уважительная причина, которая произвела у насъ успѣхъ оригинальныхъ реформистскихъ ученій; законъ природы не нарушенъ. Но есть разница между этой причиной и причиной разумной. Эта причина, обозначаемая точнѣе, должна быть названа неразумною настроенностью большей или меньшей части общества. Предъидущія и весьма недавнія обстоятельства, въ которыхъ находилось наше общество, были таковы, что они располагали его къ увлеченіямъ именно въ этой сферѣ—въ сферѣ философіи, политики и политической экономіи. Извѣстно, что въ предъидущее десятилѣтіе эти науки не пользовались у насъ особеннымъ покровитель-

ствомъ властей, даже были въ опалѣ. Тагъ политическая эконо-
 мія и науки юридическія были сильно посокращены въ универси-
 тетскомъ преподаваніи; изъ юридическихъ наукъ почти совсѣмъ
 была изгнана теорія, и онѣ были сведены только къ изученію
 писанныхъ законовъ; философскія науки были совсѣмъ изгнаны.
 Въ литературу всѣ эти науки не имѣли совсѣмъ доступа; въ журна-
 лахъ предпоследняго десятилѣтія вы совсѣмъ не найдете статей
 политико-экономическаго или философскаго содержанія. То и дру-
 гое составляло плодъ запрещенный; результатъ вышелъ тотъ,
 который на вѣчныя времена предсказанъ латинскимъ стихомъ:
nititur in vetitum semper, cupimusque negata. Запрещенный плодъ
 казался особенно привлекательнымъ; вслѣдствіе этого, публика
 съ жадностью бросилась на сочиненія философскаго, политико-
 экономическаго и юридическаго содержанія, лишь только оказа-
 лась возможность читать ихъ гдѣ нибудь. Усиленный спросъ,
 какъ и всегда бываетъ, вызвалъ усиленное предложеніе, и всѣ
 журналы въ продолженіе нѣкотораго времени были переполнены
 статьями изъ этой области наукъ. Если судить по содержанію
 нашихъ журналовъ за годы 1858, 59, 60, 61, то можно вывести
 заключеніе, что въ русскомъ обществѣ главную роль играютъ
 интересы политическіе, экономическіе и юридическіе, что въ ско-
 ромъ времени изъ насъ выйдетъ народъ, соединяющій въ себѣ
 качества афинянь, какъ народа политическаго, римлянъ—какъ
 народа юридическаго, и англичанъ—какъ народа экономическаго.
 Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, это и будетъ; но пока этого еще
 нѣтъ; интересы, которыми съ такимъ усердіемъ занималось обще-
 ство, оказались фиктивными, напускными.

Между тѣмъ многіе, преимущественно юношество, успѣли на-
 читаться, и такъ-какъ вычитанныя ученія упали на дѣйственную
 почву, то они успѣли уже принести плоды. Качество плодовъ
 также болѣе или менѣе опредѣлено обстоятельствами. Были
 излагаемы, разумѣется, различные взгляды политическіе, философ-
 скіе, экономическіе и юридическіе. Одни изъ нихъ отличались
 характеромъ консервативнымъ, другіе характеромъ прогресив-
 нымъ; одни болѣе придерживались науки, другіе уходили въ
 область фантазій; одни были болѣе либеральны, другіе менѣе
 либеральны или даже совсѣмъ нелиберальны. Очевидно, успѣхъ
 должны были приобрѣсти тѣ взгляды, которіе были болѣе либе-
 ральны и прогресивны; предъидущія обстоятельства такъ на-
 строили общество. Но такъ-какъ въ либерализмъ и въ прогресъ
 есть же кака-нибудь разумная мѣра, то общество и должно было
 этою мѣрою опредѣлить себѣ границу, гдѣ ея симпатіи должны
 остановиться. Эта мѣра можетъ быть найдена только въ наукѣ;

а было ли общество и въ особенности юношество на столько вооружено средствами науки, чтобы найти въ ней эту мѣру, чтобы съ помощью науки подвергнуть критикѣ предлагаемыя ученія? Очевидно, этихъ средствъ оно не имѣло, потому что взять ему ихъ было негдѣ. Итакъ, оно было только подъ вліяніемъ своего стремленія къ либерализму и къ прогрессу; остановиться оно не могло, не дойдя до самыхъ крайнихъ предѣловъ того и другого. Въ литературѣ это выразилось такимъ образомъ, что самый прогрессивный журналъ, имѣвшій самый большій успѣхъ въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ—журналъ, неостанавливавшійся передъ областью фантазіи и даже абсурда, оказался уже отсталымъ; явилась потребность въ органѣ болѣе прогрессивномъ, и онъ явился и имѣлъ успѣхъ, имѣлъ горячихъ почитателей, несмотря на то, что онъ уже изъ области абсурда не выходилъ, что ему во время еще подъ-цензурное позволяли развивать самыя абсурдныя теоріи, въ надеждѣ, что абсурдъ убьетъ самъ себя. Надежда оказалась ложною: при незнакомствѣ общества съ наукою, при отрѣшенности его отъ интересовъ дѣйствительной жизни, и вслѣдствіе этого при неспособности его наблюдать и цѣнить дѣйствительныя требованія жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ при недостаткѣ собственныхъ крѣпкихъ основъ нравственности, самыя крайніе абсурды нашли почитателей, какъ высокія, новооткрытыя истины.

Фактъ существованія въ средѣ нашего общества оригинальныхъ ученій политическихъ, философскихъ и экономическихъ, уже обратилъ на себя особенное вниманіе какъ самого общества, такъ и властей; но дѣйствительнымъ образомъ ослабить и совсѣмъ уничтожить превратныя ученія можно только путемъ распространенія здоровыхъ понатій посредствомъ общественнаго обученія и литературы. До сихъ поръ и наша общественная наука, и литература сдѣлали очень мало въ этомъ отношеніи, по очень многимъ и очень важнымъ причинамъ. Пусть же хоть теперь какъ то, такъ и другое поймутъ важность этой дѣли и соединять свои усилія для достиженія ея. Дѣло это слишкомъ важно. Кто этого не понимаетъ? Стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ доказывать, что здоровое образованіе народа есть основа, почва, на которой строится вся государственная и общественная жизнь, что когда эта почва некрѣпка, будетъ шатко все зданіе, что здраваго, нравственнаго воспитанія не замѣнить ни многочисленное и хорошо организованное войско, ни флотъ, ни администрація, ни даже правильное судоустройство.

Итакъ въ серьезной и нравственной наукѣ, въ здоровой и энергической литературѣ, вотъ гдѣ средство противъ распростране-

нія превратныхъ ученій, средство не только остановить, но и вырвать съ корнемъ зло, уже существующее. Между прочимъ, съ этою цѣлю мы постараемся изложить и подвергнуть критикѣ извѣстные планы соціальныхъ реформъ, предложенные въ различное время различными писателями. Эти планы до сихъ поръ были извѣстны у насъ только въ отрывкахъ, иные даже и въ отрывкахъ не были извѣстны, а только по смутнымъ слухамъ, намекамъ. Все это давало имъ такую привлекательность, каковой они въ самомъ дѣлѣ не имѣютъ, вслѣдствіе закона природы человѣческой: *omne ignotum pro magifico habemus*.

Планы соціальныхъ реформъ имѣютъ свое независимое значеніе въ исторіи политической экономіи; собственно для основательнаго знанія науки знакомство съ ними необходимо. Но на русскомъ языкѣ мы не имѣемъ ни одного сочиненія, касающагося ихъ въ достаточной полнотѣ. Да и изъ иностранныхъ сочиненій одни писаны съ одною спеціальною цѣлю только чернить ихъ; такая спеціальность убиваетъ всякое значеніе всякаго сочиненія; другія не столько излагаютъ различныя системы, сколько критикуютъ отдѣльныя ихъ части; разсматриваемыя безъ призмы авторскихъ воззрѣній. Подобныя сочиненія такъ же мало могутъ интересовать людей, желающихъ ознакомиться съ дѣломъ. Потому безъ лишннихъ претензій мы постараемся прежде всего изложить различныя системы и, гдѣ потребуетъ важность предмета, даже собственными словами ихъ авторовъ, и уже потомъ подвергнуть ихъ критикѣ совершенно безпристрастной, такъ чтобы всякій читатель самъ могъ провѣрить критику. При этомъ мы постараемся всегда указать причины, вызвавшія появленіе системы. Мы начнемъ издалека, отъ Платона, и постараемся довести рядъ очерковъ до нашихъ дней, въ надеждѣ принести посильную пользу людямъ, неимѣющимъ средствъ изучать различныя политико-экономическія системы въ сочиненіяхъ ихъ авторовъ.

I.

Государство Платона.

Платонъ жилъ въ печальное время греческой исторіи. Родился онъ въ началѣ пелопонезской войны въ Афинахъ въ 429 году предъ Р. Х., умеръ въ 348 году. Первые впечатлѣнія юности относились къ событіямъ братоубійственной войны, истощившей Грецію въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ тѣмъ внутреннимъ смутамъ, которыя имѣли мѣсто въ Афинахъ во второй половинѣ пелопонезской войны.—

Аѳинская демократія оказалась несостоятельною; она погубила дѣло, въ началѣ своемъ обѣщавшее успѣхъ или по крайней мѣрѣ негрозившее опасностью республикѣ. — Сицилійская экспедиція, совершившая переворотъ въ войнѣ, была дѣломъ демократіи, доведенной до послѣднихъ предѣловъ. Демократія, не въ мѣру гордая предъидущими успѣхами, задумала это дѣло; она же его и погубила. Выборъ Алкивіада вождемъ экспедиціи, раньше окончанія судебного дѣла, къ которому онъ былъ прикосновенъ, потому отозваніе вождя отъ войска, заочный судъ надъ нимъ и присужденіе его къ смерти—все это было дѣломъ народа, слишкомъ послушнаго своимъ страстямъ и демагогамъ, которые ихъ разжигали. Погибель сицилійской экспедиціи была началомъ неудачъ, вслѣдствіе которыхъ народъ до такой степени упалъ духомъ, что демократія, которою аѳиняне столько дорожили и гордились, въ которой они видѣли источникъ своей силы и благосостоянія, была уничтожена и замѣнена аристократіею или даже олигархіею. Но олигархія оказалась еще хуже демократіи: внутри государства она ознаменовала себя казнями и изгнаніями; относительно враговъ спартанцевъ она показала столько уступчивости, что народъ видѣлъ въ ней явную измѣну. Слѣдствіемъ было то, что демократія была восстановлена; и Алкивіадъ, недавній врагъ своего отечества, который только что интриговалъ въ пользу аристократіи, получилъ начальство надъ войскомъ и былъ встрѣченъ въ Пирей сбѣжавшимся народомъ, какъ благодѣтель отечества. Казалось бы, что наученный горькимъ опытомъ, народъ хотъ теперь будетъ принимать свои рѣшенія болѣе обдуманномъ образомъ; но вышло напротивъ. Алкивіадъ снова потерялъ расположеніе народа за дѣло, въ которомъ онъ былъ невиноватъ; народъ довѣрилъ веденіе войны людямъ неспособнымъ, и она скоро окончилась тѣмъ, что Аѳины были взяты спартанцами; стѣны аѳинскія, построенныя въ видахъ самой здоровой, дальновидной и патріотической политики, были разрушены и конституція измѣнена по плану враговъ побѣдителей. Но это не послѣдняя переиѣна; когда народъ потерялъ свои нравственныя силы, въ то время никакая конституція не оказывается пригодною; а правленіе тридцати тирановъ тѣмъ болѣе не могло удовлетворить аѳинянь; еще разъ лучшія силы народа соединились и восстановили прежнее демократическое правленіе. Но не восстановлена была прежняя доблесть народа. Восстановленная демократія ознаменовала себя на первыхъ порахъ казнью Сократа.

Вотъ какихъ событій былъ свидѣтелемъ Платонъ въ годы своей молодости. Въ годъ сицилійской экспедиціи ему было 14 лѣтъ,

во время учрежденія олигархіи 18, во время втораго изгнанія Алкивіада 22, во время тридцати тирановъ 24 года; когда казнили Сократа, Платону было уже 30 лѣтъ. Очевидно, юношескія впечатлѣнія не могли пройти безслѣдно въ такой натурѣ, какова была натура Платона, и немудрено, что въ слѣдъ за Сократомъ, его мысль направилась къ измысливанію средствъ возстановить спокойствіе и благосостояніе народа путемъ нравственной и социальной реформы.

Дальнѣйшія событія греческой исторіи не были таковы, чтобы могли отвратить его отъ этой мысли. Вслѣдъ за пелопонезскою войною начались походы спартанцевъ въ Персію, которые блескомъ своихъ подвиговъ могли ослѣпить кого-нибудь другого, а не Платона. Всѣ эти подвиги окончились безславнымъ Анталкидовымъ миромъ, возмущавшимъ всѣхъ сколько-нибудь нравственныхъ грековъ того времени. — Дальше слѣдовали ѳиванскія войны, послѣдняя возвышенная страница въ исторіи Греціи, которую она была обязана добродѣтелямъ только двухъ человѣкъ; не Платонъ пережилъ и Пелопида и Эпаминонда. Послѣдніе преклонные годы его жизни относятся къ тому времени, когда во всей Греціи не было ни одного достойнаго и виднаго политическаго человѣка; это было тогда, когда Діогенъ среди дня съ фонаремъ искалъ человѣка. Въ это время, Филиппъ уже обнаружилъ свои замыслы противъ Греціи, и мало-по-малу овладѣвалъ греческими республиками на сѣверномъ берегу Эгейскаго моря. — Остальное не предвидѣть Платону было трудно. Въ это время уже Демосѳенъ выступалъ съ своими филиппиками.

Мы изложили факты; теперь посмотримъ на причины, пониманіе которыхъ болѣе или менѣе доступно, благодаря обилію историческихъ источниковъ, относящихся къ этому времени, и благодаря трудамъ ученыхъ, объяснившихъ исторію Греціи. Платонъ, какъ современникъ, очевидецъ событій, какъ мыслитель, за которымъ осталось имя человѣка, умнѣйшаго въ цѣлой Греціи, не могъ ошибаться относительно этихъ причинъ.

Передъ пелопонезскою войною, Греція достигла апогея своего могущества и благосостоянія. Аѳины были впереди и почти во главѣ всей Греціи. Народонаселеніе ихъ было многочисленно; граждане богаты, благодаря промышленности, торговлѣ и политическимъ успѣхамъ предъидущаго времени. Вслѣдствіе этой же причины, была богата и государственная казна, такъ что Аѳины начинали пелопонезскую войну подъ самыми благоприятными предзнаменованіями. Образование сдѣлало къ тому времени большіе успѣхи. Аѳиняне уже имѣли въ то время Эсхила, Софокла и Эврипида; Геродотъ только что окончилъ свою исторію. А поэмы

Гомера уже давно обращались во всей массѣ народа вмѣстѣ съ пѣснями Пиндара и Анакреона. Философія сдѣлала свои первые научные шаги въ системахъ Анаксагора и Сократа. Риторы собиравались отовсюду въ Аѳины и учили тонкостямъ краснорѣчія аѳинское юношество. — Объ успѣхѣхъ искусствъ нечего и говорить; достаточно сказать, что пелопонезской войнѣ предшествуетъ то, что называется вѣкомъ Перикла, въ который блистали Фидій, Зевксисъ и Парразій, произведеніями которыхъ любовался весь народъ; но эстетическое образованіе народа этимъ не оканчивалось; вромѣ того, весь народъ смотрѣлъ въ театрѣ комедіи Аристофана и трагедіи Эврипида; деньги за право входа въ театръ платила казна. Такъ она была богата! Повидимому, все обѣщало Аѳинамъ самую блестящую будущность. А между тѣмъ не прошло двадцати лѣтъ послѣ смерти Перикла, какъ аѳиняне стали метаться изъ стороны въ сторону въ политикѣ: сегодня отмѣняли старую конституцію, и вводили новую, а черезъ день снова вводили старую и отмѣняли новую и т. д. Черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ смерти Перикла, стѣны Аѳинъ были разрушены и существованіемъ своимъ, какъ независимое, и то не исполнѣ, государство Греціи, Аѳины были обязаны только великодушію своихъ враговъ, между которыми были и такіе, которые предлагали скрыть городъ до основанія, чтобы и памяти его не было. И еслибы это рѣшеніе было принято, то оно было бы и исполнено; воспрепятствовать этому аѳиняне не могли.

Дѣло въ томъ, что блескъ аѳинской жизни былъ болѣе наружный, чѣмъ дѣйствительный, или правильнѣе это былъ именно блескъ, а не что-нибудь иное. Подъ этимъ блескомъ скрывалось зло, которое и привело къ столь плачевнымъ результатамъ. Посмотримъ сначала на конституцію Аѳинъ. Аѳиняне довели демократію до крайнихъ предѣловъ; извѣстно, что такое демократія древнихъ временъ: она имѣетъ существенное отличіе, напримеръ, отъ демократіи Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ всякій совершеннолѣтній человѣкъ, жившій на территоріи государства не меньше пяти лѣтъ, пользуется всѣми политическими правами; всякій (разумѣется, за исключеніемъ негровъ) имѣетъ свою ($\frac{1}{25,000,000}$) долю вліянія на общественныя дѣла посредствомъ выбора президента, членовъ конгресса и даже административныхъ лицъ. Но тѣмъ и ограничивается участіе гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ. Веденіе ихъ предоставляется вполне, безъ ограниченій, этимъ избираемымъ лицамъ, президенту и конгрессу. Въ президенты тамъ попадаютъ портные и шорники. Но они не прямо изъ-за верстака идутъ на президентское кресло. Портной и шорникъ не могутъ приобрѣ-

сти такой известности своими занятиями, чтобы весь народъ избралъ ихъ на важнѣйшій постъ въ государствѣ. Обыкновенно, такіе люди гораздо раньше оставляютъ ремесло и посвящаютъ себя политическимъ дѣламъ сначала въ своемъ штатѣ, потомъ въ общемъ управленіи всего государства; переходной ступенію обыкновенно служить адвокатура, гдѣ человѣкъ съ большими способностями и трудолюбіемъ всего вѣрнѣе завоюетъ себѣ общественное положеніе. Такимъ образомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ кресло президента обыкновенно достается хорошо испытанному человѣку, успѣвшему показать достаточно и свой образъ мыслей, и свою честность, и свою твердость характера; и, напри- мѣръ, нынѣшній президентъ, бывшій прежде портнымъ, сумѣлъ воспротивиться большинству конгресса и притомъ такъ, что заподозрить его въ какихъ-нибудь личныхъ стремленіяхъ нѣтъ возможности, и его противники, сравнивая его съ лошадей и ослицею Валаама, все-таки противъ честности его не заикнутся ни однимъ намекомъ. Въ свою очередь, еслибы президентъ задумалъ что-нибудь дѣйствительно и очевидно противное интересамъ государства, всегда въ конституціи найдутся средства остановить его; потому что двѣ трети голосовъ конгресса сильнѣе, чѣмъ воля президента; а въ конгрессѣ сидятъ люди столь же испытанные, и опытные и твердые, какъ и самъ президентъ.

Въ Афинахъ было не то: тамъ господствовала такъ-называемая непосредственная демократія. Тамъ народное собраніе не только издавало законы, но и принимало частныя мѣры относительно внѣшней и внутренней политики, относительно мира и войны; а что такое было это народное собраніе? — Это было дѣйствительное собраніе всѣхъ полноправныхъ гражданъ, число которыхъ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ. Можно ли предположить, что эти нѣсколько тысячъ человѣкъ были настолько хорошими политиками, чтобы ихъ рѣшенія были благоразумны и дальновидны? можно ли ручаться, что, особенно за 2000 лѣтъ до нашего времени, эти тысячи народа были довольно развитыми людьми, такъ чтобы они понимали хорошо своихъ совѣтниковъ-ораторовъ, чтобы они не позволили себя обманывать, чтобы на нихъ больше дѣйствовали аргументы, а не побочныя обстоятельства, какъ богатство, звучный и пріятный голосъ, привлекательная наружность и щедро расточаемая лесть? — Очевидно, этого не могло быть; этого и не было, какъ оказалось на дѣлѣ; недаромъ Аристофанъ представляетъ афинскій народъ въ видѣ выжившаго изъ ума старика, котораго можно привязать къ себѣ лакомствами. — Подобныя массы народа не разсуждаютъ, а дѣйствуютъ по увлеченію; тутъ нужно только, чтобы вождя

привлечь въ пользу той или другой мѣры; масса пойдетъ безъ разсужденія за вождями. Нѣчто весьма похожее было у насъ въ Новгородѣ; и отъ того новгородская политика не устояла противъ политики московской, хотя и московская политика не была ни особенно искусна, ни особенно нравственна.

Въ Афинахъ такой порядокъ дѣлъ давалъ вліяніе или такимъ богатымъ гулякамъ, какъ Алквіадъ, или дѣйствительнымъ кожевникамъ, какъ Клеонъ, которые знали свое коженное производство, а политическаго знанія и умѣнья ничѣмъ не доказали. — Пелопонезская война такъ дурно окончилась для афинянъ именно вслѣдствіе такого устройства афинскаго правленія; всѣ эти противоположныя рѣшенія были принимаемы однимъ и тѣмъ же народомъ, слѣдовавшимъ то за тѣмъ, то за другимъ демагогомъ. Спартанская герусія вела дѣла обдуманно и послѣдовательно; она и выиграла дѣло.

Но имѣя это большое неудобство, афинская конституція не опиралась на вѣрныя основанія; она имѣла подпору только въ гражданахъ, а гражданъ въ Афинахъ въ лучшее время ихъ исторіи при Периклѣ было только 14,000 при населеніи города въ 300,000 человекъ. Стало-быть, огромное большинство не пользовалось политическими правами, вслѣдствіе чего оно должно было ревниво относиться къ правамъ и даже къ успѣхамъ полноправнаго меньшинства. Итакъ въ сущности въ Афинахъ была ни демократія, ни аристократія; потому что 14,000 управляющихъ — какіе же это аристократы? — Въ Афинахъ были только худшія стороны, какъ аристократія, такъ и демократія — безправіе большинства и веденіе дѣлъ въ рукахъ толпы, оклократія.

Образованіе афинянъ также было привлекательно только съ виду; въ сущности оно не только было недостаточно, оно уклонилось еще въ сторону, сбилось съ дороги. Прежняя серьезность ума, равно какъ сила и глубина чувства уступили мѣсто легкимъ воззрѣніямъ и болѣе легкому отношенію ко всему. Мудрецами того времени были не Солонъ, патріотъ-философъ, не занятый изслѣдованіемъ законовъ міра Фалесъ, не Анаксагоръ и Сократъ, которые оба афинянами осуждены на смерть, а Горгіи риторъ-софистъ, и даже Протагоръ, который также имѣлъ большой успѣхъ въ Афинахъ. Они учили афинское юношество діалектическимъ тонкостямъ, которыя приводили къ тому, что нѣтъ истины, нѣтъ добра, что не нужно ничего любить, ни ненавидѣть и т. п. Этой мудрости трудно найти себѣ сочувствіе въ здоровой средѣ; и стало быть, если Протагоръ и Горгіи находили сочувствіе въ Афинахъ, то въ афинскомъ народѣ было что-то ненормальное, было какое-то уклоненіе въ сторону. Въ драматиче-

скомъ искусствѣ то же уклоненіе. Патріотическія и возвышенныя трагедіи Эсхила и Софокла уже не нравятся, а нравятся савтментальный Эврипидъ, прямой предшественникъ Менандра, водевилиста слѣдующаго вѣка. Даже Аристофанъ не всегда дѣйствуетъ на добрую сторону природы человѣческой; его ахаряне по своимъ мотивамъ не выше пьесъ нашихъ современниковъ, гг. Сарду и Эд. Абу.

Если мы взглянемъ на другія основы аѳинскаго благосостоянія, то вездѣ найдемъ одно и то же. Богатство аѳинянъ также было болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ. Правда, въ Аѳинахъ процвѣтала промышленность и торговля; но тѣмъ и другимъ обогащались не столько аѳинскіе граждане, сколько метеки. Аѳинскіе граждане и аѳинская казна были богаты, главнымъ образомъ благодаря внѣшнимъ успѣхамъ предъидущаго времени. Союзническая касса была въ ихъ полномъ распоряженіи, это давало возможность производить значительныя общественныя постройки, содержать многочисленный флотъ и т. п. Это же давало средства къ жизни и отдѣльнымъ гражданамъ, посредствомъ платы жалованья изъ казны за отправленіе общественныхъ обязанностей. Но что большинство гражданъ не было богато, это видно, во первыхъ, изъ того, что они наперерывъ добивались служебныхъ мѣстъ изъ-за жалованья, и вторыхъ изъ того, что еще Периклъ нашелъ нужнымъ выдавать гражданамъ еориконъ, ничтожную плату для входа въ театръ, которою однако аѳиняне необыкновенно дорожили. Нѣтъ сомнѣнія, что и между гражданами были такіе, которые были очень богаты; и богатство того времени далеко превышало богатство вѣковъ предъидущихъ. Во время Солона, богатымъ человѣкомъ считался владѣлецъ семи талантовъ, или, какъ обыкновенно считаютъ на современномъ деньгѣ—владѣлецъ 40,000 рублей. Во время пелопонесской войны, частныя люди имѣли по 100 и по 200 талантовъ, то-есть по полумиллиону и по миллиону рублей, страшное богатство, если принять въ соображеніе образъ жизни и потребности того времени! Такимъ образомъ масса аѳинскихъ гражданъ раздѣлялась на два неровные отдѣла: къ первому, немногочисленному, принадлежали богачи, незнавшіе, куда употребить свое богатство, подобно Адживиаду; ко второму, составлявшему огромное большинство—бѣдняки, искавшіе изъ-за жалованья общественныхъ должностей—тѣ, которые издали законъ, грозившій смертною казнію всякому, кто только сдѣлаетъ предложеніе объ употребленіи еорикона на другое назначеніе. Въ политикѣ это отражалось такимъ образомъ: богачи были друзьями спартацевъ, какъ Кимонъ, и стремились, по примѣру Спарты, передѣлать свою вой-

статую; оттого дружба съ Спартою и вражда съ демократіею всегда совпадали. Если почему нибудь демократія ослабѣвала, тотчасъ заключался союзъ съ Спартою; и наоборотъ, если обстоятельства приводили къ союзу съ Спартою, который, впрочемъ, не могъ быть ничѣмъ, какъ признаніемъ полной спартанской гегемоніи, тотчасъ демократія падала. Кимонъ, другъ Спарты, былъ противникъ демократіи; Перикль, демократъ, началъ войну съ Спартою. Учрежденіе олигархіи во время втораго изгнанія Алкивиада, тотчасъ повело къ союзу съ Спартою; подчиненіе Спартѣ послѣ взятія Афинъ привело снова къ олигархіи. Побѣда той или другой партіи кромѣ того сопровождалась конфискаціями, ссылками и казнями; вражда партій была очень сильна, а источникомъ было только громадное неравенство состояній; о древней аристократіи не было и помину; потомки древнихъ Эвпатридовъ теперь большею частью были на сторонѣ демократіи, какъ Перикль—Алкеонидъ.

Вражда между партіями въ отдѣльныхъ городахъ была источникомъ вражды и между самими городами Греціи; но она была не единственною причиною. Аристократическіе города такъ же ссорились и воевали съ городами аристократическими, какъ и демократическіе города воевали съ городами демократическими. Греція какъ будто была осуждена на вѣчную вражду, которая должна была истощить ея силы, уменьшить ея богатства, и сдѣлать болѣе рѣдкимъ рядъ ея защитниковъ. Событія прямо вели Грецію къ тому, чтобы повергнуть ее къ ногамъ перваго сильнаго и искуснаго врага. Персія въ то время уже разлагалась, но и персидскій царь уже диктовалъ условія грекамъ. Непобѣжденные оружіемъ персовъ, бывшихъ могущественнѣйшимъ народомъ сто лѣтъ назадъ, греки должны были подчиниться ихъ волѣ въ то время, когда сами персы ослабѣли. Чего не сдѣлало оружіе персовъ, то сдѣлано было ихъ золотомъ; Агезилай говорилъ, что онъ долженъ уступить 30,000 стрѣлкамъ, разумѣя подъ этимъ 30,000 персидскихъ монетъ съ изображеніемъ стрѣлка, и вскорѣ послѣ этого Филиппъ находитъ возможнымъ свазать, что лучшимъ полководцемъ его времени въ Греціи былъ осель, съ мѣшкомъ золота на спинѣ; такой полководецъ, прибавлялъ онъ, въ состояніи взять самую неприступную крѣпость. Такъ выродились потомки мараэономаховъ!

Итакъ, ни въ политическомъ устройствѣ Греціи, ни въ ея экономическомъ бытѣ, ни въ нравственномъ состояніи современниковъ Платона, мы не видимъ никакихъ залоговъ прочнаго благосостоянія, ничего такого, чѣмъ бы могъ остаться доволенъ современный наблюдатель-патріотъ — тотъ, который благодарилъ

боговъ за то, что онъ родился грекомъ, а не варваромъ. Неудивительно, что онъ предложилъ новый планъ, по которому слѣдовало, по его мнѣнію, перестроить общество.

Собственно Платонъ предложилъ два отдѣльные плана общественной реформы: одинъ изложенъ имъ въ разговорѣ о государствѣ, другой—въ разговорѣ о законахъ. Эти планы, будучи согласны между собою по цѣли, совершенно расходятся въ основаніяхъ. Думаютъ, что самъ Платонъ разговоромъ о законахъ хотѣлъ исправить свои ошибки, изложенныя въ разговорѣ о государствѣ, что въ разговорѣ о законахъ онъ изложилъ болѣе зрѣлыя мысли относительно общественной реформы. Но это мнѣніе едва-ли справедливо: въ самомъ разговорѣ о законахъ Платонъ говоритъ, что здѣсь онъ излагаетъ такую форму общественной жизни, которая не можетъ быть названа лучшею; а лучшею формою должна быть названа та, которая основана на полномъ комунизмѣ, то-есть та, которая изложена Платономъ въ разговорѣ о государствѣ. Этому взгляду на оба разговора соответствуетъ и то, что въ разговорѣ о государствѣ планъ реформы развиваетъ самъ Сократъ въ обществѣ вѣскодьбыхъ афинянъ, а въ разговорѣ о законахъ реформаторъ есть только просто афинянинъ, бесѣдующій съ однимъ критяниномъ, и однимъ лакедемоняниномъ. Мы постараемся познакомить читателей какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ разговоромъ, обращая главное вниманіе на разговоръ о государствѣ.

Разговоръ о государствѣ начинается съ вопроса о справедливости; собесѣдники захотѣли рѣшить вопросъ о томъ, что такое справедливость, въ чемъ она состоитъ. Это привело Сократа къ изложенію своего взгляда на государство, основанное на справедливости. Будучи основано на справедливости, оно въ то же время приведетъ гражданъ къ полному благосостоянію, невозмутимому спокойствію и внѣшней безопасности. Впрочемъ, справедливость есть тутъ только исходный пунктъ; въ продолженіе разговора Сократъ гораздо меньше обращаетъ вниманія на нее, чѣмъ на внутреннее спокойствіе и внѣшнюю безопасность.

Сократъ или, все равно, Платонъ начинаетъ свои соображенія такимъ образомъ: онъ задаетъ себѣ вопросъ, что служитъ причиною соединенія людей въ союзъ государственный? и отвѣчаетъ на него такъ: городъ (или государство; погречески это все равно, потому что у грековъ въ жизни эти два предмета были тождественны) начинается въ то время, когда обазывается, что одинъ человекъ не можетъ удовлетворить своимъ потребностямъ безъ помощи другихъ. Тогда люди соединяются и образуютъ городъ. Что же нужно прежде всего для этого города?—Первая и

главная потребность людей есть пища, потому жилище, потому одежда. Отсюда необходимость заниматься земледѣлемъ, строительною домовъ, приготовленіемъ тканей, выдѣлкою кожъ и т. п. Но тутъ является вопросъ: нужно ли, чтобы каждый человѣкъ занимался всѣмъ этимъ попеременно, или чтобы люди раздѣлили эти занятія между собою такъ, чтобы одинъ занимался однимъ, а другой другимъ? — Отвѣтъ Платона на этотъ вопросъ приводится современными экономистами, какъ замѣчательный примѣръ его экономической предусмотрительности, за 2000 лѣтъ высказавшей ту мысль, которая, будучи развита впоследствии Адамомъ Смитомъ, составляетъ одну изъ его заслугъ въ политической экономіи. Именно Платонъ высказывается въ пользу раздѣленія труда; вотъ это мѣсто разговора: «Я думаю—говорить Сократъ—что каждый изъ насъ рождается непохожимъ на другихъ, но имѣеть въ своей природѣ особенности, которыя и дѣлають его болѣе способнымъ къ извѣстному занятію. — И въ какомъ случаѣ работа будетъ лучше: когда каждый занимается многими ремеслами, или только однимъ? — Разумѣется, отвѣчаетъ его собесѣдникъ (Адимантъ), когда каждый занимается только однимъ ремесломъ.

— «А не надобно забывать, что работа не ждетъ, пока будетъ досугъ работнику; напротивъ, необходимо, чтобы всякій дѣлалъ дѣло во время, а не тогда, когда онъ будетъ свободенъ. — Очевидно, замѣтилъ Адимантъ. — Отъ этого и происходитъ то, что дѣла идутъ гораздо лучше, когда всякій, оставивши всѣ другія дѣла, займется однимъ, сообразнымъ съ своею природою, и будетъ его дѣлать благовременно. Но очевидно, четырехъ человѣкъ будетъ недостаточно для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ общества; земледѣлецъ не станетъ самъ себѣ дѣлать соху, если захочетъ имѣть ее хорошую; не станетъ дѣлать ни заступа, ни другихъ орудій; равно и плотникъ или каменщикъ, ткачъ и кожевникъ не стануть сами готовить для себя необходимыя орудія». Стало быть, число людей, занимающихся приготовленіемъ различныхъ вещей, будетъ очень велико, такъ что городъ долженъ имѣть весьма значительный объемъ. Между тѣмъ населеніе будетъ расти, и вмѣстѣ съ тѣмъ потребности и промышленность будутъ развиваться; наконецъ территория города сдѣлается недостаточною для его пропитанія; нужно будетъ отрѣзать земли отъ соудей помощью войны; отсюда необходимость войска.

Войско составляетъ главный предметъ, занимающій Платона, и дальше онъ почти оставляетъ безъ вниманія другіе классы народа, а говоритъ только о войскѣ; главная его забота состоитъ въ томъ, чтобы образовать воиновъ такимъ образомъ, чтобы они

были кротки съ гражданами и страшны врагамъ, чтобы они отличались силою, искусствомъ и храбростью, чтобы у нихъ не было никакихъ причинъ ко взаимнымъ ссорамъ и ко враждѣ съ остальными гражданами. Чтобы войны имѣли эти желаемыя качества, для этого Платонъ заботится о нихъ еще прежде ихъ рожденія. Но объ этихъ заботахъ мы скажемъ послѣ; теперь изложимъ его заботы о воспитаніи.—Дѣти, будущіе воины, должны воспитываться на гимнастикѣ и на музыкѣ, т.-е. на извѣстномъ кругѣ наукъ. Гимнастика должна ихъ сдѣлать сильными и искусными воинами, а наука—мудрыми философами. Наука начинается еще съ басенъ или мифовъ, рассказываемыхъ кормилицами, а кормилицы рассказываютъ имъ безъ разбору всѣ мифы, такъ что въ дѣтствѣ внушаютъ имъ, напримѣръ, превратныя понятія о божествѣ, и т. п. Чтобы помочъ этому злу, нужно избрать нѣкоторые мифы и отбросить другіе, даже тѣ, которые разсказаны Гомеромъ и Гезіодомъ, потому что и Гомеръ и Гезіодъ представляютъ боговъ въ видѣ, несвойственномъ божеству; у нихъ боги сердятся, мстятъ, обманываютъ, нарушаютъ клятвы. Бога нужно представлять такимъ, каковъ онъ есть по своей сущности, т.-е. добрымъ, справедливымъ, чуждымъ лжи; только въ такомъ случаѣ можно развить въ дѣтахъ уваженіе къ божеству и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ тому, чтобы уподобляться ему своими качествами.—А для всего этого нужно строго опредѣлить содержаніе обученія юношества; учителя должны позаботиться о томъ, чтобы дѣтямъ остались совершенно неизвѣстными нѣкоторые мифы, какъ тѣ, которые представляютъ божество въ превратномъ видѣ, такъ и тѣ, которые представляютъ разные ужасы послѣ смерти; эти послѣдніе вредны, потому что внушаютъ человѣку страхъ смерти, убиваютъ въ немъ мужество. Весьма вредны также разсказы Гомера о непочтительности къ начальникамъ: подобныя разсказы могутъ развить въ юношествѣ то же самое. И такъ лучше, чтобы юноши совсѣмъ не знали ихъ.

Въ разговорѣ о законахъ, Платонъ развиваетъ мысль объ этомъ предметѣ дальше; по его мнѣнію, должны быть назначены особенныя судьи, которыхъ обязанность должна состоять въ томъ, чтобы въ древнихъ поѣтахъ отдѣлать полезное отъ вреднаго. Полезное они одобряютъ для всеобщаго употребленія, а вредное запрещаютъ. А то, что имѣетъ только какіе нибудь недостатки, они исправляютъ, дополняютъ, употребляя на это дѣло современныхъ поэтовъ, которые должны работать подъ ихъ руководствомъ, какъ въ исправленіи древнихъ поэтовъ, такъ и въ сочиненіи собственныхъ своихъ произведеній. Очевидно, что литературныя судьи Платона — не что иное, какъ наши цензоры. Жаль, что

Платону не пришлось испытать на дѣлѣ услугъ ихъ: онъ увидѣлъ бы, какъ мало они могутъ способствовать или препятствовать распространенію извѣстныхъ понятій.

Таими средствами Платонъ надѣется воспитать воиновъ сообразно своимъ видамъ, такъ чтобы они были кротки относительно гражданъ и страшны врагамъ, подобно хорошимъ собакамъ (это сравненіе принадлежитъ самому Платону), которыя ласкаются къ своимъ и кусаютъ чужихъ.

Теперь вопросъ въ томъ, кому же быть въ городѣ начальниками и воинами, и кому заниматься промышленностью. У Платона нѣтъ потомственной аристократіи; его аристократія выбирается изъ числа всѣхъ гражданъ, которые для сего подвергаются наблюденіямъ начальниковъ со дня рожденія. Новорожденныхъ начальники осматриваютъ и изъ нихъ воспитываютъ только тѣхъ, которые обѣщаютъ быть полезными гражданами. Объ этомъ Платонъ говоритъ очень кратко; но, тѣмъ не менѣе, онъ успѣлъ ясно выразить свою мысль: дѣти, необѣщающія быть полезными гражданами, не должны быть воспитываемы, ихъ нужно скрывать въ тайномъ и неизвѣстномъ мѣстѣ, и притомъ безъ пищи; очевидно, здѣсь говорится объ убіеніи такихъ дѣтей, такъ чтобы и родители не знали объ этомъ; потому что въ государствѣ Платона дѣти тотчасъ по рожденіи поступаютъ въ вѣдѣніе начальниковъ, которые и заботятся объ ихъ воспитаніи, какъ первоначальномъ, такъ и дальнѣйшемъ. Это относится къ дѣтамъ всѣхъ сословій безъ различія. Когда дѣти достигнутъ извѣстнаго возраста, такъ что можно будетъ уже судить о ихъ способностяхъ, начальники постараются раздѣлять ихъ на классы, чтобы воспитывать ихъ сообразно ихъ назначенію. Но подрастающія дѣти могутъ быть недовольны своими назначеніями; а это возмутитъ спокойствіе государства, которое Платонъ попреимуществу намѣренъ обезпечить. Противъ этого зла Платонъ придумываетъ слѣдующее средство. Правители, чтобы развить въ дѣтяхъ любовь къ отечеству, постараются убѣдить ихъ въ томъ, что они не рождены отъ людей, а произведены самою землею, на которой они живутъ, и если они помнятъ что-нибудь такое, что противорѣчитъ этому, такъ это не больше, какъ сонъ. Вслѣдствіе этого Платонъ и думаетъ, что его воспитанники будутъ любить родную землю, какъ мать. вмѣстѣ съ тѣмъ начальники увѣрятъ юношей, что Богъ, произведшій ихъ отъ земли, въ организмъ однихъ подмѣшалъ золота, въ организмъ другихъ серебра, въ организмъ третьихъ—мѣди и желѣза. Это убѣжденіе успокоитъ юношей и заставитъ ихъ покориться своему назначенію. И Платонъ надѣется, что если ему будетъ

трудно убѣдить въ этомъ первое поколѣніе образцоваго государства, то относительно слѣдующихъ, правильно воспитанныхъ поколѣній, это не составитъ никакого труда.

Дѣти, въ организмѣ которыхъ примѣшано золото и серебро, должны быть приготовляемы къ званію воиновъ; и именно дѣти съ примѣсью серебра будутъ простыми воинами, а съ примѣсью золота — начальниками. Но раздѣленіе ихъ будетъ сдѣлано уже впоследствии, когда они успѣютъ достаточно обнаружить не только свои способности, но и нравственныя качества. При этомъ должно обращать вниманіе на любовь къ отечеству, попеченіе о его пользахъ, разсудительность, неспособность къ сболъшенію, увлеченію и насильственнымъ поступкамъ. Въ комъ будутъ замѣчены эти качества послѣ тщательныхъ наблюденій, не только въ юности, но и въ зрѣломъ возрастѣ, тотъ и будетъ отнесенъ къ числу начальниковъ. Такимъ образомъ въ начальники, очевидно, можно будетъ попасть только въ зрѣломъ возрастѣ, и этотъ выборъ на первое время, очевидно, законодатель предоставляетъ себѣ; а на будущее время онъ будетъ предоставленъ корпораціи наставниковъ, высшей власти въ государствѣ. Корпорація наставниковъ будетъ завѣдывать всѣми дѣлами государства; другіе обязаны только повиноваться ей. Такимъ путемъ и возродится золотой вѣкъ на землѣ. Это будетъ такое время, когда царствовать будутъ философы или, все равно, когда цари будутъ философствовать; то-есть когда будутъ управлять мудрѣйшіе изъ воиновъ, избранные способомъ, описаннымъ выше. Другіе должны будутъ безотчетно повиноваться имъ; въ случаѣ же неповиновенія, если оно будетъ оказано земледѣльцами и ремесленниками, они должны быть принуждены къ повиновенію силой; а если кто-нибудь изъ воиновъ, недовольный своею жизнью, захочетъ добыть себѣ что-нибудь насиліемъ, то... Платонъ не договариваетъ своей мысли; онъ замѣчаетъ только: великій мудрецъ былъ тотъ, кто сказалъ, что половина больше цѣлаго; очевидно, подъ этими словами разумѣется также мысль о строгомъ наказаніи.

Организація военнаго сословія вмѣстѣ съ воспитаніемъ его, у Платона составляетъ основу всего государственнаго порядка. Воины не должны имѣть никакой собственности, ни земли, ни дома, ничего подобнаго. Только самыя необходимыя и мелкія вещи могутъ принадлежать имъ, какъ собственность; все остальное будетъ общее, даже жоны и дѣти. Это мѣсто нѣсколько темно у Платона, потому мы постараемся изложить его ближе къ подлиннику.

Что Платонъ не допускаетъ никакой частной собственности у воиновъ, объ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія. Но его общ-

ность жонъ понимаютъ различно. Женщины онъ не предназначаетъ на одни домашнія занятія; онъ допускаетъ, что женщина можетъ быть и музыкантомъ, и врачомъ, и гимнастомъ, и даже воинномъ, смотря по своимъ способностямъ. Воспитываться женщины будутъ также всѣ вмѣстѣ, какъ и мужчины; при этомъ въ гимназін или въ другихъ мѣстахъ онѣ будутъ имѣть частые случаи видѣть мужчинъ и упражняться вмѣстѣ съ ними въ гимнастикѣ. Это частое соприсношеніе могло бы повести ихъ дальше, и Платонъ находитъ, что при этомъ произошелъ бы безпорядокъ, котораго нельзя допустить въ благоустроенномъ обществѣ людей счастливыхъ. Итакъ нужно какъ-нибудь регламентировать браки. Вотъ какъ начинается Платонъ:

Сократъ, обращаясь къ Главкону, говоритъ:

— «Въ твоемъ домѣ я вижу хорошихъ собакъ и птицъ. Безъ сомнѣнія, ты обращаешь вниманіе на ихъ браки и дѣторожденіе?»

— Какое вниманіе? спросилъ Главконъ.

— Вопервыхъ, между этими хорошими животными есть ли лучшія?

— Безъ сомнѣнія.

— Такъ ото всѣхъ ли ты равно стараешься получить приплодъ, или особенно отъ лучшихъ?

— Разумѣется, особенно отъ лучшихъ.

— Отъ какихъ: отъ самыхъ молодыхъ, отъ старыхъ, или отъ тѣхъ, которыя находятся въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ?

— Отъ тѣхъ, которыя въ цвѣтущемъ возрастѣ.

— А если будетъ приплодъ отъ очень старыхъ или очень молодыхъ, то, какъ ты думаешь, улучшится или ухудшится порода?

— Очевидно, ухудшится.

— А что ты думаешь о лошадяхъ и другихъ животныхъ? То же ли бываетъ и съ ними?

— Странно было бы, еслибы это было иначе.

— Но вѣдь то же бываетъ и въ родѣ человѣческомъ. О, нужно имѣть много ума нашимъ правителямъ!

— Къ чему ты говоришь это? спросилъ Главконъ.

— А вотъ къ чему: нашимъ правителямъ придется прибѣгнуть ко многимъ лекарствамъ. Когда организмъ не нуждается въ лекарствахъ, а повинуется однимъ средствамъ діеты, то можетъ помочь и посредственный врачъ. Но если дѣло дошло до лекарствъ, то нуженъ врачъ очень искусный. Нашимъ правителямъ придется неразъ прибѣгнуть ко лжи и къ обману; а это своего рода лекарство, какъ мы сказали прежде.

— Да, это правда.

— И вотъ къ этому-то средству придется прибѣгать въ особенности при бравахъ и дѣторожденіи.

— Какимъ образомъ?

— Мы уже сказали, что лучшіе мужчины должны соединяться съ лучшими женщинами, а худшіе съ худшими; и тѣ должны воспитывать дѣтей, а эти не должны, если порода людей не должна ухудшаться; и притомъ все это нужно держать въ секретѣ отъ всѣхъ, кромѣ правителей; иначе спокойствіе общества можетъ нарушиться.

— Совершенно справедливо.

— Такъ не придется ли учредить какіе-нибудь праздники, на которыхъ бы собирались женихи и невѣсты, гдѣ были бы принесены жертвы, и гдѣ поэты пѣли бы пѣсни, приличные этому случаю? И не поручить ли намъ опредѣленіе количества браковъ правителямъ, чтобы они, имѣя въ виду болѣзни и войну, озаботились тѣмъ, чтобы государство не имѣло недостатка въ мужчинахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣло бы въ нихъ и излишка?

— Это было бы хорошо, сказалъ Главконъ.

— Но при этомъ оказывается необходимымъ устроить бросанье жребія такъ, чтобы лучшіе мужчины получали лучшихъ женщинъ, а худшіе худшихъ, и чтобы при этомъ худшіе мужчины, получивши худшихъ женщинъ, приписывали это случаю и не могли жаловаться ни на кого, кромѣ своей судьбы. А самымъ лучшимъ юношамъ, отличившимся на войнѣ или въ чемъ другомъ, нужно дать награды и преміи, между прочимъ имъ нужно дать позволеніе болѣе частаго соединенія съ женщинами, чтобы отъ нихъ рождалось какъ можно больше дѣтей.

— Это разумно.

— Но пойдѣмъ далѣе къ своей цѣли, продолжалъ Сократъ.— Мы уже сказали, что дѣти должны рождаться отъ людей цвѣтущаго возраста. Ты долженъ согласиться, что у женщины цвѣтущій возрастъ начинается въ двадцать лѣтъ, а у мужчины въ тридцать.

— Безъ сомнѣнія; но когда же онъ оканчивается?

— Женщина можетъ родить дѣтей полезныхъ для государства отъ двадцати до сорока лѣтъ, а мужчина—отъ тридцати до пятидесяти.

— Дѣйствительно, замѣтилъ Главконъ:—въ эти именно годы цвѣтутъ, и тѣлесно и умственно, тотъ и другой полъ.

— Потому, если какой-нибудь гражданинъ старше или моложе этихъ лѣтъ, будетъ рождать дѣтей для государства, то мы вмѣнимъ ему это въ грѣхъ, какъ дѣло нечестивое и несправедливое.

— Это будетъ справедливо.

— Тотъ же законъ будетъ имѣть силу, если мужчина бодрый еще войдетъ въ связь съ жепщиною уже зрѣлою; потому что въ такомъ случаѣ онъ принесетъ государству подкидыша, дитя незаконное и неосвященное. Но когда мужчины и женщины переживутъ періодъ дѣтороженія, то нужно предоставить имъ свободу: пусть соединяются съ кѣмъ хотять—женщины со всякимъ мужчиною, кромѣ сыновей, внуковъ и отцовъ, а мужчины—со всѣми, кромѣ дочерей, внучекъ и матерей. Но если и въ такомъ случаѣ родится дитя, то его не воспитывать, а положить гдѣ-нибудь безъ пища.

— Но какимъ же образомъ при такомъ устройствѣ можно отличать отцовъ, матерей, сыновей и дочерей? возразилъ Главконтъ.

— Никакимъ, отвѣчалъ Сократъ.—Всякій мужчина будетъ называть своими сыновьями или дочерами всѣхъ дѣтей, которыя родятся начиная отъ седьмого до десятаго мѣсяца съ того времени, какъ онъ сталъ женихомъ; а всѣ эти дѣти будутъ его звать отцомъ. Дѣти этихъ дѣтей будутъ звать его дѣдомъ, а онъ ихъ—внуками. А тѣ, которые родились въ одно время, будутъ называть другъ друга братьями и сестрами. Братья съ сестрами могутъ вступать въ сожительство, если выпадетъ жребій и будетъ утверждень Пноею».

Итакъ, какое же мнѣніе имѣетъ Платонъ объ общности жонъ и дѣтей? Слово это онъ употребляетъ не разъ, онъ говоритъ прямо, что въ его государствѣ и жоны и діти—все общее. Нужно ли понимать это въ буквальномъ смыслѣ?

Прежде всего, очевидно, что на бракъ Платонъ смотритъ тѣмъ взглядомъ, который недавно высказанъ у насъ въ литературѣ. Для него бракъ есть учрежденіе дѣйствительно въ родѣ государственнаго коннозаводства: его цѣль только одна—полученіе здоровыхъ дѣтей (въ разговорѣ о законахъ этотъ взглядъ значительно смягченъ). О личности людей, вступающихъ въ бракъ, объ ихъ сочувствіи, сходствѣ характеровъ, понятій тутъ нѣтъ и рѣчи. И, очевидно, платоновъ бракъ не есть учрежденіе на всю жизнь; женщина послѣ сорока лѣтъ, и мужчина послѣ 50 развзаны вполне. Но, можно думать, что устраиваемые на праздникахъ браки не простираются и на весь цвѣтущій періодъ жизни какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Гораздо больше вѣроятности, что это не болѣе, какъ временное сожитіе индивидуумовъ разнаго пола, которое недаромъ Платонъ сравниваетъ со спариваньемъ животныхъ, которое онъ также называетъ *бракомъ*. И повидному, время этого сожитія опредѣляется только рожденіемъ одного

ребѣнка; затѣмъ послѣ того, какъ мать выкормитъ ребѣнка (не своего, а какого придется изъ родившихся въ то же время), устраивается новый бракъ по выбору правителей. Учрежденію брака на весь цвѣтушій возрастъ противорѣчило бы правило соединять людей только цвѣтушихъ здоровымъ; очевидно, при постоянномъ супружествѣ одинъ изъ супруговъ можетъ временно потерять здоровье, тогда-какъ другой совершенно здоровъ; сожитіе между ними, въ такомъ случаѣ, могло бы быть чуть не преступленіемъ по понятіямъ Платона. Такому учрежденію противорѣчить и то постановленіе, которое право соединенія даетъ молодымъ людямъ, какъ награду, за подвиги. Этого не могло бы быть, еслибы бракъ былъ постояннымъ, по крайней-мѣрѣ, на цвѣтущее время жизни.

Такимъ образомъ общность жонъ Платона не есть киногамія въ смыслѣ *synogamia*, а можетъ быть названа киногамією въ смыслѣ *соenogamia*. Жоны у воиновъ платонова государства, дѣйствительно общія: одной женщинѣ придется побывать замужемъ за 10 или 15 человѣками, въ продолженіе 20 лѣтъ цвѣтущаго періода, но, по крайней-мѣрѣ, это не одновременно, а послѣдовательно, а тамъ, за предѣломъ цвѣтущаго возраста, уже начинается дѣйствительная *synogamia*. Нельзя не узнать все-таки въ Платонѣ человѣка своего времени, когда лучшіе люди Аѳонъ собирались въ домѣ Аспазіи, содержательницы гетеръ.

Но Платонъ находитъ, что такое устройство всего болѣе гарантируетъ спокойствіе и безопасность государства. Въ нашей республикѣ, говоритъ онъ, всѣ будутъ братьями; это будетъ цѣльный организмъ, боль одного члена будутъ чувствовать всѣ другіе; государство будетъ какъ одинъ человѣкъ въ отношеніи непріятелей. А между собою граждане не будутъ ссориться, какъ потому, что всѣ они или братья межъ собою, или находятся въ отношеніи отцовъ и дѣтей, не по имени только, а въ самомъ дѣлѣ и вполнѣ, такъ и потому, что имущества нѣтъ изъ нихъ нѣтъ не можетъ, а имущество составляетъ почти единственную причину ссоръ между гражданами. Въ другихъ городахъ, говоритъ Платонъ, въ каждомъ отдѣльномъ городѣ не одинъ городъ, а нѣсколько; одинъ такой городъ — часто состоитъ изъ самыхъ богатыхъ, другой изъ просто богатыхъ, третій изъ достаточныхъ только, четвертый изъ бѣдныхъ. Начните вы войну съ такимъ городомъ, вы всегда въ самомъ городѣ найдете союзниковъ; такіе города нетрудно побѣждать; а нашъ городъ невозможно, потому что у насъ единодушіе, храбрость, искусство и бодрость (между прочимъ, воины платонова государства не будучи тучны, потому что небогаты, въ состояніи бороться каждый

противъ трехъ тучныхъ непріателей; на это Платонъ также разсчитывается).

Итакъ платонову государству предстоить вѣчное спокойствіе внутри, безопасность со стороны непріателей, и даже побѣда надъ ними. Можно бы подумать, что его правители зазнаются и захотятъ поработить остальныхъ гражданъ; но противъ этого Платонъ гарантируетъ свое государство тѣмъ, что его правители выбираются изъ самыхъ лучшихъ, добрыхъ, безкорыстныхъ, разсудительныхъ и любящихъ отечество воиновъ. Эти качества опредѣляются еще раньше вступленія ихъ въ званіе правителей. А послѣ этого они только укрѣпляются, потому что правители занимаются только философіею, науками, которыя все болѣе и болѣе укрѣпляютъ ихъ въ добродѣтели; подъ конецъ своей жизни они даже совсѣмъ перестаютъ управлять, занимаются только философіею и размышленіемъ, приготавлиаясь къ загробной жизни, дѣйствительное бытіе которой Платонъ тутъ же встаети и доказываетъ весьма остроумными и глубокими соображеніями. Это, вмѣстѣ съ ученіемъ Платона о Богѣ, и есть та часть книги Платона, за которую его называютъ языческимъ предшественникомъ христіанскихъ отцовъ церкви.

Въ разговорѣ о законахъ, какъ мы уже сказали, Платонъ стремится къ той же цѣли, только съ помощію другихъ средствъ. Здѣсь такъ же Платонъ прежде всего имѣетъ въ виду спокойствіе и безопасность государства; такъ же старается основать ихъ на воспитаніи, но уже не на общности имущества, а на равенствѣ. Вся земля дѣлится на равныя участки, и каждый гражданинъ можетъ имѣть только одинъ участокъ. Участки не должны соединяться ни посредствомъ браковъ, ни посредствомъ наслѣдства. Но богатство непоземельное не изгоняется изъ государства; Платонъ только совѣтуетъ самимъ гражданамъ не прилагать сердца къ богатству, находя его все-таки очень вреднымъ.

Браки устраняются также совсѣмъ иначе. Гражданину уже позволяется выбирать себѣ невѣсту, только не совѣтуется богатому жениться на богатой, а онъ можетъ обращать вниманіе на ея нравственныя качества; короче, бракъ совершенно свободный*.

---

* Замѣчательно, что свободу брака Платонъ нарушаетъ въ своихъ законахъ другимъ образомъ: онъ хочетъ обязать всякаго гражданина, достигшаго тридцатипятилѣтняго возраста, къ браку, а съ неженатыхъ въ этомъ возрастѣ, полагаетъ денежный штрафъ, потому что «нужно слѣдовать законамъ природы, вѣчно рождающей, и оставивъ жизнь, нужно представлять Богу другихъ служителей вмѣсто себя». Нѣчто подобное было въ Финикии, и впоследствии моралисты предлагали то же самое средство противъ безбрачія.

Самъ Платонъ называетъ этотъ проектъ государства менѣе совершеннымъ, и такъ-какъ онъ написанъ послѣ, то можно думать, что въ немъ Платонъ сошелъ съ высоты своихъ подоблачныхъ теорій, вступилъ въ сдѣлку съ дѣйствительностью, въ надеждѣ, что этотъ новый проектъ можетъ получить практическое примѣненіе. Примѣненія онъ не получилъ, но въ существенныхъ чертахъ онъ имѣетъ большое сходство съ спартанскою конституціей Ликурга, которая существовала въ дѣйствительности, а не на бумагѣ, или только въ воображеніи философа, и все-таки передъ практическимъ судомъ исторіи оказалась несостоятельною. Если взять во вниманіе коренныя основы жизни, то между двумя проектами Платона окажется существеннѣйшая разница; эти немногія слова: общность жонъ, дѣтей и имущества заключаютъ въ себѣ всю соціальную жизнь; второй проектъ не допускалъ ихъ.

Сравнивая проекты Платона съ современнымъ ему состояніемъ Греціи и особенно Аѳинъ, нельзя не замѣтить, что Платонъ искалъ средствъ противъ дѣйствительныхъ золъ тогдашней жизни. Аѳины и вся Греція того времени, какъ мы уже видѣли, страдали отъ чрезмѣрнаго неравенства состояній; оно было дѣйствительною причиною внутреннихъ смутъ во всѣхъ городахъ Греціи. И Платонъ находитъ противъ него средство, но онъ, какъ и всегда бываетъ, хочеть лечить зло другимъ, только противоположнымъ: неравенство состояній замѣняетъ уничтоженіемъ собственности. Греція страдала отъ упадка нравственныхъ силъ народа, отъ потери древней доблести, отъ потери религіи, отъ недостатка политической честности; Платонъ видитъ средство противъ этого въ воспитаніи юношества, основанномъ на рациональной религіи, представленной въ чертахъ, дѣйствительно, хорошихъ. Греція обязана была потерю всего этого частію легкомысленному направленію тогдашней философіи и литературы. Платонъ подвергаетъ цензурѣ поэтовъ, старается музу «строгую» поставить на мѣсто музы «сладострастной», развиваетъ философію теоретическую и нравственную, глубокую по своимъ началамъ, несовершенную въ частностяхъ—потому, что и Платонъ не могъ не заплатить дань вѣку и народности, къ которой онъ принадлежалъ. Наконецъ, Аѳины страдали отъ демократіи, доведенной до послѣднихъ предѣловъ, до охлократіи; Платонъ предоставляетъ управленіе государствомъ философамъ—людямъ, испытаннымъ въ своихъ чувствахъ и правилахъ.

Вообще Платонъ предлагалъ средства противъ дѣйствительныхъ золъ общества. Каковы эти средства — это другой вопросъ; но они составляютъ, безспорно, продуктъ ума, искавшаго истини, стремившагося въ исцѣленію общественныхъ язвъ. Есть, однако,

недостатки греческой жизни, и весьма существенные, упущенные изъ виду Платонѣмъ; мы уже видѣли, что независимо отъ внутреннихъ партій, греческія республики страдали еще оттого, что были совершенно разъединены одна отъ другой, что малѣйшее недоразумѣніе между ними вело къ войнѣ; древній амфиктіонскій судъ потерялъ свое значеніе и силу, и Платонъ не дошелъ до мысли какъ нибудь помочь этому злу; онъ рассчитываетъ, что его государство, будучи бѣдно, не возбудитъ жадныхъ взоровъ сосѣдей, а если почему нибудь будетъ вовлечено въ войну, то найдетъ въ себѣ силы, чтобы вынести ее съ честью. Но, безъ сомнѣнія, еще больше надѣялся Периклъ, что Аѣнны вынесутъ съ честью войну съ спартацами, и кто въ то время могъ сомнѣваться въ этомъ? А между тѣмъ Аѣнны пали. Вслѣдъ затѣмъ едва не пала и Спарта; достаточно было еще одного похода Эпаминонда, чтобы Спарта подверглась участи Аѣннъ. А спартанская конституція очень походила на ту, которую начерталъ Платонъ въ разговорѣ о законахъ. Тамъ такъ же управляли государствомъ мудрые старцы, а воины были храбры и искусны.—А между тѣмъ Платонъ только нѣсколькими десятками лѣтъ умеръ раньше образованія лиги Ахейской. Въ исторіи, безспорно, рядомъ съ необходимымъ дѣйствіемъ законовъ историческихъ, большую роль играютъ и случайности. Можно думать, что еслибы лига Ахейская образовалась столѣтіемъ раньше, то Греція не потеряла бы своей свободы.

Система Платона едва ли нуждается въ критикѣ—такъ она несообразна съ принципами цивилизаціи, выработанными впродолженіе 2,000 лѣтъ, отдѣляющихъ наше время отъ времени Платона. Собственность есть таковой принципъ цивилизаціи, который свою живучесть и истинность доказалъ четырьмя тысячами лѣтъ историческаго существованія народовъ. Что собственность, нерегламентируемая законами, можетъ принимать видъ небезопасный для существованія государства, это доказано исторіею всѣхъ народовъ; что собственность, какъ и все существующее въ человѣческихъ обществахъ, имѣя свои основы въ глубинѣ природы человѣческой, можетъ, дѣйствительно, регламентироваться законодательствомъ, которымъ она и поддерживается, противъ этого спорить нельзя. Только люди, рассуждающіе очень мало и совсѣмъ ненаблюдающіе историческихъ фактовъ, могутъ утверждать, что собственность стоитъ выше закона. Но Платонова регламентація хуже всякаго отсутствія регламентаціи.

Другія основы общественной жизни у Платона также осуждены всѣми вѣками, и особенно нашимъ, а въ нашемъ вѣкѣ преимущественно самими партизанами реформы и утопіи. Такъ, что та-

кое бракъ въ государствѣ Платона? Правда, съ понятіями Платона о цѣли брака, недавно сошелся одинъ русскій мыслитель-докторъ, въ то же время прославившійся своею гуманностью не на бумагѣ, а въ дѣйствительной жизни; но на то онъ и гуманный докторъ, чтобы разсуждать извѣстнымъ образомъ. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, примѣръ гуманнаго доктора доказываетъ только, что въ нашей жизни и преимущественно въ нашемъ воспитаніи еще большое нестроеніе. Но, вѣроятно, ни этотъ гуманный докторъ, ни другіе подобные ему философы-натуралисты не стануть сочувствовать вполне этому браку Платона, устроенному посредствомъ своего рода подтасовки, не по волѣ лицъ вступающихъ въ бракъ, а по усмотрѣнію правителей государства, принимающихъ въ соображеніе только физическія особенности индивидуумовъ. Какъ ни коротокъ срокъ такого брака, а все-таки это бракъ не по выбору, не по влеченію—это, если можно такъ выразиться, *marriage forcé*, ваторжный бракъ. Въ нашъ вѣкъ уваженія къ личности человѣческой такимъ вещамъ не сочувствуютъ.

Отсутствіе семьи, замѣна ея цѣлымъ государствомъ, можетъ кому нибудь понравиться. Наши мыслители уже называли семью учрежденіемъ безнравственнымъ. Но подобныя возрѣнія могутъ уступить только воспитанію и серьезному обученію. Воспитаніе въ здоровой семьѣ оставитъ навѣкъ въ душѣ человѣка теплое чувство къ ней; а кто воспитался въ казармахъ, кто не видѣлъ добраго примѣра отца и матери, братьевъ и сестеръ, для того въ словѣ «семья» нѣтъ и не будетъ ничего особеннаго. Такіе люди очень склонны къ коннозаводскимъ взглядамъ на семью и на человѣка вообще. Но это уже наше старое горе. До тѣхъ поръ, пока наша семья не очистится, пока она не сдѣлается дѣйствительною семьей—до тѣхъ поръ между вами всегда будутъ попадаться индивидуумы съ подобными взглядами. Для такихъ индивидуумовъ и наука окажется безсильною. А наука дѣйствительно ясно говоритъ, что семья есть та отдѣльная ячейка, отъ здоровья которой зависитъ здоровье цѣлаго организма. Это говорить и исторія, и статистика. Изъ прежнихъ и изъ современныхъ народовъ только тѣ жили и живутъ правильною жизнью, у которыхъ семья крѣпка, не подчиняется ученіямъ въ родѣ ученій нашихъ современныхъ мыслителей. А разрушеніе семьи есть первый признакъ и причина разложенія народа.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ проектѣ Платона не соблюдаются даже законы справедливости, на которой въ немъ будто бы все основано. Платоновы войны все-таки ничего не дѣлаютъ; все-таки

они живутъ на счетъ другихъ трудящихся классовъ народа; вѣроятно, такой порядокъ дѣлъ не понравится этимъ классамъ. «Они, говоритъ Платонъ, въ нашемъ государствѣ не называются рабами, а называются платильщиками». Но все-таки они платятъ, они работаютъ на другихъ. Этому тоже въ наше время не сочувствуютъ. Еще меньше найдется сочувствующихъ закону, позволяющему убивать слабыхъ и больныхъ дѣтей. О цензурѣ ужъ и говорить нечего; ей не только не сочувствуютъ, но всѣ убѣждены въ томъ, что она достигаетъ противоположныхъ цѣлей. Платонъ судилъ о ней теоретически; а на практикѣ она оказывается въ другомъ свѣтѣ.

Наконецъ и главная цѣль Платона — обезпечить спокойствіе государства его конституціей—не достигается. Платонъ какъ будто нехотя предполагаетъ случай, что найдется воинъ, который насиліемъ захочетъ испровергнуть конституцію, и прибавляетъ, что такой человекъ, желая приобрести больше, потеряетъ и то, что имѣлъ. А если найдется такихъ воиновъ много, если ихъ будетъ большинство?—Или если даже и не будетъ большинства, а будетъ только меньшинство, но оно будетъ поддержано платильщиками, земледѣльцами и ремесленниками? Чѣмъ тогда гарантируется существованіе этого оригинальнаго государства?

Д. Щегловъ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

II.

«Монастырь братьевъ», Антонио Флореса.—«Супъ-гупъ», рассказъ его же.

Авторъ вводитъ насъ въ монастырь и представляетъ полную картину монастырской жизни. Этому онъ посвящаетъ два сказа: *Монастырь братьевъ* и *Супъ-гупъ*. Картину эту мы передадимъ по возможности вполне, стараясь сохранить ту соль, которая разсыпана въ языкѣ самого автора.

«Если тебѣ, читатель—говорить авторъ—придется слышать народные рассказы о монахахъ и особенно о тѣхъ, которые носили одежду святаго Иеронима, тебѣ непременно расскажутъ, какъ они изъ каждаго барана готовили по три сосиски, а каждый монахъ съѣдалъ таковыхъ по четыре въ разъ. Но ты, читатель, знаешь, какъ ѣдятъ сами простолюдины, и я считаю лишнимъ говорить тебѣ, чему ты въ этой болтовнѣ долженъ вѣрить и чему не вѣрить. Единственное, чтò я могу здѣсь посоветывать, если только мой совѣтъ чтонибудь значить, бери ты барана такимъ, какимъ тебѣ даетъ его народъ: вѣдь ты за это ничего не платишь. Такъ къ чему же ты будешь упорно не соглашаться съ тѣмъ, что монастырскій поваръ дѣлалъ только три сосиски изъ каждаго цѣлаго барана? Пусть себѣ каждый ѣстъ сколько осилитъ. А я увѣряю тебя, что когда бы ты пришелъ въ монастырь, то ничего не нашелъ бы на кухнѣ кромѣ теплой воды.

Если при входѣ въ монастырь, ты чтонибудь непременно услышишь, это шумокъ отъ шоколадницъ (сосудъ, въ которомъ варятъ шоколадъ), въ родѣ того, какой издаютъ искорки огня; но и этотъ шумъ, раздающійся въ различныхъ пунктахъ монастыря, ты скорѣе отгадываешь носомъ, чѣмъ слышишь ушами, потому что прекрасный *какао* очень соблазнительнъ, а тотъ, чтò употребляли иеронимиты, тревожилъ обоняніе даже сосѣдей монастыря.

Исключая важныхъ отцовъ, которые для приготовления шоколада имѣли особыхъ слугъ, другіе братья готовили шоколадъ сами; для этого въ каждой кельѣ непременно были: доска, на которой обыкновенно вѣрною ложкой растиралась шоколадная лепешка; глиняная шоколадница съ деревянной мѣшалочкой, снабженной наконечникомъ въ видѣ груши, *непременно* маленькая шоколадная чашечка, два блюдечка и одинъ стаканъ*.

Если это было не въ то время, когда въ комнатахъ держалась жаровня съ углями, то всѣ съ своими шоколадницами отправлялись въ тѣ маленькія кухни, которыхъ было множество въ каждомъ монастырѣ, и которыя обыкновенно находились въ пристройкахъ. Каждый считалъ *непременною* своею обязанностію совершить эту операцію рано поутру, прежде чѣмъ ему придется говорить мессу, потому что послѣ было уже не время. Послѣ мессы каждый ввусалъ заранѣе приготовленный шоколадъ.

Здѣсь говорятъ, и не безъ основанія, что шоколадъ и жареное нужно ѣсть, давъ имъ успокоиться, и монахъ всегда хранилъ свое *sosido* (національное испанское кушанье изъ мяса, свиного сала съ горохомъ, картофелемъ и разными приправами) отъ одного дня до другого.

Дѣйствительно, покой былъ для тѣхъ блаженныхъ мужей агентовъ, хотя и отрицательнымъ, но столь же существеннымъ и общеприложнымъ, какъ нынѣ паръ и электрическій токъ: они дѣлали изъ *покоя* громадныя приложенія,

Прежде чѣмъ заснуть, они давали *успокоиться* своему организму отъ возбужденія, какому онъ подвергнулся, когда они поднимались на кровать; они давали *успокоиться* своимъ чувствамъ, прежде чѣмъ вставали съ постели проснувшись; они *отдыхались* съ *передышками*; выходили изъ кельи шагомъ важнымъ и *спокойнымъ*; служили мессу тоже съ *передышками*, такъ что когда какая-нибудь госпожа слишкомъ поздно возвращалась домой отъ миссы, то супругъ ея обыкновенно говорилъ ей:

— Или ты прослушала нѣсколько мессъ, или тебя проморилъ какой-нибудь іеронимитъ.

Они никогда не пили воды, только что почерпнутой изъ источника, но давали ей *успокоиться*; для того чтобы пить ее, для этого непременно садились въ *покойное* кресло; наконецъ,

---

* Монахи сдѣлали для испанцевъ шоколадъ національнымъ напиткомъ. Его готовятъ здѣсь иначе, чѣмъ у насъ или во Франціи: дѣлается онъ очень густой и на одной водѣ. Въ такомъ случаѣ сохраняется весь его ароматъ, который терлется, когда шоколадъ готовится на молокѣ. Какъ прежде монахи, такъ теперь каждый испанецъ, даже бѣднякъ, поутру долгомъ считаетъ выпить чашечку такого шоколада и запить его стаканомъ воды.

ихъ страсть къ *покою* доходила до того, что они не вставали изъ-за стола до тѣхъ поръ, пока пища какъ слѣдуетъ не улеглась въ желудкѣ. Для этого, рассказываетъ народъ (я тебѣ, читатель, впрочемъ, уже говорилъ, мало ли чего не рассказываетъ народъ—полагаться на все не слѣдуетъ), они послѣ обѣда, оставаясь на своихъ мѣстахъ, цѣплялись своими руками за шнуры, тутъ же надъ каждымъ висѣвшіе отъ потолка, и полегоньку погачивались на своихъ сѣдалищахъ—гастрономическій приемъ, называвшійся *ad recalcandum*.

Отслуживши каждый тайную мессу и выпивши шоколаду, они всѣ потомъ являлись къ мессѣ хоровой; послѣ чего всѣ возвращались каждый въ свою келью и ждали часа обѣда. Въ этотъ промежутокъ каждый предавался занятію, которое было сообразно съ его способностями, расположеніемъ и положеніемъ, принадлежавшимъ ему между братьями.

Положеніе или категория, которую занималъ монахъ, лучше всего опредѣляло и его занятія.

Пріоръ обходилъ разныя отдѣленія монастырскаго дома, останавливаясь на минуту въ кухнѣ, для того чтобы заглянуть на недѣльную табельку обѣдовъ и приказывая переимѣнить ее, если на недѣлѣ было что-нибудь чрезвычайное; если въ гардерѣ былъ какой-нибудь монахъ, то онъ заходилъ и туда, чтобы посмотреть, какъ онъ выполняетъ наложенное на него наказаніе; навѣдывался въ кладовую узнать, все ли было въ порядкѣ у эконома—въ сакрестію, спросить сакрестяна, не нужно ли что-нибудь для богослуженія; наконецъ заходилъ въ келью очереднаго проповѣдника, заставляя его прочесть какой-нибудь отрывокъ изъ проповѣди, которую тотъ изучаетъ къ слѣдующему дню.

Другіе отцы-учители употребляли это время на визиты другъ другу, нѣкоторые проводили это время въ библиотекѣ, очень немногіе изъ этихъ послѣднихъ занимались наукой.

Послушники, подъ присмотромъ своего наставника, отъ хоровой мессы шли въ аудиторію, но имѣли также и свои дни *de satis* и свои минуты лѣни: отправлялись на огородъ играть въ барры или въ мячикъ, или занимались другими какими-нибудь честными и гимнастическими упражненіями.

Отцы *объдни* и *обѣда* занимались *успокоеніемъ* своего тѣла въ преслахъ; впрочемъ, нѣкоторые предавались и занятіямъ, хотя и не божественнымъ, но и недурнымъ. Нѣкоторые съ любовью изучали часовое мастерство; многіе занимались плотничествомъ, кое-кто занимался портняжествомъ; бывали такіе, которые умѣли въ совершенствѣ сдѣлать пару сапоговъ. Но то, чѣмъ особенно

занимались въ монастыряхъ, это — дѣланіемъ четоуъ и влѣтоуъ для птицъ.

Братъ, котораго посѣтилъ однажды я, не занимался ничѣмъ подобнымъ, и когда я хотѣлъ-было уже постучать въ дверь его кельи, слышу внутри голосъ:

— Хорошая ты штука, прыгунья! Тебѣ бы бросаться изъ стороны въ сторону—это по тебѣ. Но не послужить тебѣ ни въ чему булла Мекки, не уйдешь, нѣтъ! Ишь ты! едва я выхожу изъ кельи, и ты бросаешься туда же! Можеть ли быть въ мирѣ молодица хуже тебя!

Эти слова сопровождались топаньемъ, бѣготней изъ стороны въ сторону, стукомъ въ стѣны. Я никакъ не могъ отгадать, что такое дѣлалось въ комнатѣ. И осталось бы это для меня неразгаданною тайною, еслибы я не рѣшился постучать въ дверь. При первомъ моемъ ударѣ поднялось дверное окошечко и братъ провзнесъ испуганнымъ голосомъ:

— Кто такой? кто такой? Нельзя... Кто бы ты ни былъ, пожди.

— Это я, отче, отвѣтилъ я ему смѣшавшись:—я удалюсь, я не хочу беспокоить васъ.

— Постойте, сказалъ мнѣ знакомый голосъ:—не уходите, останьтесь; я вамъ тотчасъ же отворю, только входите поскорѣе, потому что у меня изъ влѣтки выскочила одна птичка и теперь летаетъ по комнатѣ.

Теперь я понялъ все прежнее и съ поспѣшностію вошелъ въ отворенную мнѣ дверь кельи, чтобы помочь брату поймать птичку. Вдвоемъ, махая платками, мы наконецъ успѣли возвратить въ влѣтку прекрасную канарейку, съ которой я подслушалъ разговоръ монаха. Братъ, сѣвши наконецъ въ кресла, далъ мнѣ поцаловать свою руку, которою тотчасъ же предложилъ мнѣ прекрасную гитару, указавъ мнѣ на стулъ.

Да и безъ его указанія я занялъ бы именно этотъ стулъ, потому что другого празднаго не было. Всѣ стулья были заняты: одинъ связкою книгъ, на другомъ лежала пара сапоговъ, на третьемъ монашескій капюшонъ, а остальные всѣ были заняты сухимъ ковылемъ—это былъ матеріалъ, собранный братомъ для гнѣздъ, которыя онъ самъ устраивалъ для канареекъ. Это было его любимымъ занятіемъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Для этого онъ нѣкоторые вечера отказывался даже отъ городскихъ визитовъ, и между его, впрочемъ, немногими книгами, которыя были всѣ священныя, единственная свѣтская книга была «Объясненіе способа воспитывать и подбирать канареекъ». Это было его удовольствіемъ воспитывать у себя канареекъ различныхъ породъ

и дарить ими своих товарищей и друзей. Я самъ видѣлъ, какъ онъ часто, возвращаясь изъ загородной прогулки, несъ въ рукавѣ только что родившихся канареекъ: онъ воспитывалъ ихъ въ своей кельѣ биссвитами и яичнымъ желткомъ.

Этотъ самый братъ съ большимъ искусствомъ дѣлалъ кѣтки и мышеловки и былъ искусенъ во многомъ другомъ; но не хотѣлъ никому открывать секрета своихъ искусствъ, потому что, говорилъ онъ, не хочетъ сдѣлаться *осломъ* монастыря.

Впрочемъ, о іеронимитахъ нельзя сказать, чтобы они несли службу ословъ: они всѣ были господа, у которыхъ было много слугъ и которыми служили погонщики муловъ. А мулы у нихъ были особенно знамениты: были такъ гладки, такъ породисты, что, казалось, принадлежали къ особой породѣ и могли соперничать съ самыми превосходными свагунами.

Впрочемъ, мы не только не будемъ говорить о мулахъ, но поспѣшимъ совсѣмъ оставить монастырь іеронимитовъ прежде, чѣмъ наступитъ часъ обѣда. Вѣдь иначе пригласятъ насъ обѣдать: если табелька указываетъ, что нынѣ къ обѣду готовится лосось, то насъ заставятъ съѣсть цѣлаго, и сохрани Богъ, если нынѣ чтонибудь чрезвычайное, тогда насъ заставятъ съѣсть цѣлаго теленка. Предложить кромѣ того бутылку вина на бороду, да два фунта рису съ молокомъ и сахаромъ на голову. Конечно, никто, тѣмъ менѣе приглашенный, не обязуется съѣдать всю порцію, но считалось неприличнымъ оставлять чтонибудь на тарелкѣ.

Мы съ своей стороны воздержны и удовольствуемся какоюнибудь одною-другою ложкою супу. А для этого лучшей столъ есть столъ нашего серафимскаго отца св. Франциска Асизскаго. Бѣдные братья, которые для того, чтобы дать бога-ради, должны просить бога-ради, не откажутъ намъ въ кускѣ хлѣба и ложкѣ супу, когда будутъ раздавать бѣднымъ остатки отъ своей бѣдной трапезы. Имъ мы и за это будемъ благодарны, тѣмъ болѣе, что они, прежде чѣмъ дать намъ это, имѣли необходимость просить; и еслибы они не нищенствовали, то не обѣдали бы ни они сами, ни бѣдные. Но не будемъ терять времени: скоро будетъ половина перваго, а въ это время они уже начинаютъ раздавать бѣднякамъ остатки отъ своей трапезы.

III.

«Суть-муть».

Суть-муть, La zora voda — рассказъ, который мы хотимъ теперь передать въ дополненіе къ картинѣ внутренней жизни

монастырей, есть нѣчто національное испанское. Такъ назывался тотъ обѣдъ, который ежедневно раздавался при воротахъ нищенствующихъ монастырей Испаніи. Такъ-какъ здѣсь раздавался не одинъ только супъ, но и остатки отъ всѣхъ кушаній монашескихъ, то вообще эту раздачу называли *обѣдками*. Впрочемъ, употребительнѣе было названіе *sopa boba*; это названіе и доселѣ остается въ народномъ языкѣ: и теперь испанцы того, кому изъ бѣдняка удалось сдѣлаться богатымъ, кому, какъ говорятъ у насъ, удалось вылѣзти изъ грязи въ князи, называютъ *сопистомъ*.

Время раздачи пищи совершалось около часа пополудни; къ этому времени обыкновенно присылали въ монастыри остатки отъ своихъ столовъ и міряне — это восполняло остатки монашескаго обѣда и служило уже цѣлымъ обѣдомъ для нищихъ.

Нельзя сказать, чтобы эти даровые обѣды во множествѣ монастырей имѣли благоприятное вліяніе на народъ. По своему началу, какъ дѣло милосердія, раздача пищи бѣднымъ была добрымъ дѣломъ. Но были ли счастливы тѣ, которые пользовались даровою пищею? Зрѣлище такихъ обѣдовъ, представленное нашимъ авторомъ, пробуждаетъ чувство желанія поискать какихъ-нибудь другихъ средствъ вывести бѣдняка изъ его бѣдности. La *sopa boba*, говоритъ нашъ авторъ съ ироніей, былъ матерью многихъ величайшихъ нашихъ людей, и наша академія юриспруденціи хорошо бы сдѣлала, еслибы воздвигнула ему статую не изъ камня, не изъ бронзы, но изъ самаго чистаго золота для того, чтобы выразить то многое, чѣмъ она ему обязана. Пойдите-ка въ университеты Саламанки, Альбала и Вальядолида, и спросите тамъ, какой періодъ своей жизни считаютъ они лучшимъ? Сыновья первыхъ фамилій Испаніи считали за большую честь втыкать въ шляпу, вмѣсто пера, деревянную ложку, съ которой обыкновенно ходили ѣсть монашескій супъ-глупъ!!

Но посмотримъ вмѣстѣ съ авторомъ на картину раздачи пищи.

«Тѣ, которые собирались около воротъ францисканскаго монастыря, нѣкоторые съ горшкомъ въ рукахъ или кострюлей, а другіе просто безъ ничего, не имѣли нетолько своей кухни, а часто даже и жилища. Они начинали толпиться здѣсь съ одиннадцати часовъ утра, чтобы по крайней-мѣрѣ въ часъ пополудни воспользоваться бѣдными остатками францисканскаго стола.

Къ этому времени подходили къ монастырю разныя міряне съ мѣшками на плечахъ, полными различнаго рода милостынь. Сюда слалъ милостыню хлѣбникъ, торгова овощами и плодами, мясникъ, лавочникъ и другіе. Очень немногіе присылали милостыню деньгами: папы Николай III и Климентъ V строго за-

претили раздавать бѣднымъ милостыню деньгами, папы Мартинъ V и Пій IV дозволили ее только въ крайнихъ случаяхъ.

Надежда, что чрезъ нѣсколько минутъ часть этихъ милостынь перейдетъ въ ихъ достояніе — эта надежда успокоивала пустне желудка несчастныхъ нищихъ, и они стояли смиренно у воротъ монастыря.

Съ приближеніемъ часа раздачи возрастало число нищихъ, которое никогда не бывало меньше пятидесяти или шестидесяти при воротахъ каждаго монастыря.

Но вотъ слышались шаги привратника, который идетъ отворить ворота. Начались крики и давка; всѣ тѣснились поближе къ воротамъ. Привратникъ закричалъ на нихъ изъ-за воротъ.

— Молчать! а иначе никому не дадутъ супу.

Эта вѣжливость озадачивала ихъ; начинало слышаться только глухое ворчанье, каждый какъ вкопанный оставался на своемъ мѣстѣ, ожидая открытія воротъ.

Наконецъ ворота отворились, и два монастырскихъ служителя появились на порогѣ съ огромнымъ суповымъ котломъ, который былъ привѣтствованъ всеобщимъ движеніемъ рукъ. Руки поднимались кверху, подставляя горшки, въ которые долженъ былъ вливаться супъ.

Одинъ изъ служителей съ засученными рукавами былъ вооруженъ огромнымъ половникомъ, которымъ онъ былъ намѣренъ утолять голодъ несчастныхъ.

— Миѣ, миѣ, миѣ, кричали всѣ въ разъ, каждый желая воспользоваться первымъ, по нетерпѣнію, или изъ опасенія, что супа можетъ недостать на всѣхъ, и въ такомъ случаѣ въ послѣднихъ остаться очень невыгодно.

Служитель, подвывая вверхъ половникъ, кричалъ на нихъ:

— Никому, никому, никому, если не замолчите и не будете соблюдать порядка!

— Я споеенъ и молчу, говорилъ одинъ.

— И я, говорили всѣ.

— Ну, давай горшокъ!

— У меня нѣтъ, отвѣчалъ одинъ нищій.

— Такъ посторонись и не мѣшай другимъ!

— Вонъ его! прогнать его! закричали на него всѣ нищие.

— У меня нѣтъ горшка, говорилъ несчастный:—но я голоденъ.

— Въ такомъ случаѣ и отойди къ сторонкѣ; я тебѣ дамъ вылизать котелъ, говорилъ мягко разливатель.

— Котелъ миѣ, заговорилъ другой нищій:—ваша милость, отче, миѣ давали его вчера.

— Такъ сегодня миѣ его, возражалъ третій.

— Нѣтъ, мнѣ!

— Такъ никому, и конечно, говорилъ грубо разливатель:— да такъ! Вы жадные чистите его всегда до того, что испарпали и изуродовали весь.

— Но если у меня нѣтъ горшка, какъ же я буду ѣсть?

— Такъ подставь шляпу, отвѣчалъ ему голосъ съ конца толпы.

— Такъ не гордись, говорилъ правоучительно другой:— если ты не имѣешь теперь горшка, это потому, что ты разбилъ его вчера объ стѣну, недовольный тѣмъ, что тебѣ въ него кромѣ бульону вчера ничего не попало.

— Врешь!

— Нѣтъ, правда.

— Молчать! произносилъ разливатель, продолжая одѣлять супомъ нищихъ, которые тутъ же среди улицы отходили въ сторону ѣсть его.

Нѣкоторые, съѣвши одну порцію, возвращались за другой; но такихъ обыкновенно выдавали собственные же товарищи, и рѣдко кому случалось обмануть разливателя. Иные подъ полой скрывали другой горшокъ, куда выливали первую порцію супа, и тотчасъ же протягивали руку съ горшкомъ за второю порціей; но и эта уловка удавалась рѣдко, развѣ только тогда, когда нищій дѣйствовалъ при этомъ съ такимъ искусствомъ, что заслуживалъ за то благоволеніе самого разливателя.

— Мнѣ, говорилъ кто-нибудь:— я рекомендованъ отцомъ Амвросіемъ.

— А я отцомъ Онуфріемъ.

— Здѣсь рекомендаціи не значать ничего, отвѣчалъ на это разливатель:— и особенно отца Онуфрія, который еще больше обжора... Что онъ тебѣ не оставилъ части отъ своей порціи?.. Никогда недоволенъ.

По мѣрѣ, какъ супу въ котлѣ становилось меньше, росло нетерпѣніе тѣхъ, которые боялись остаться ни съ чѣмъ, и разливатель начиналъ убавлять порціи, смотря по тому, сколько еще оставалось чающихъ.

— А этому, отче, не давайте ничего, говорили нищіе:—онъ капуцинъ и приходитъ сюда только по субботамъ, потому что знаетъ, что здѣсь супъ лучше, чѣмъ въ его монастырѣ.

— Да ты самъ часто ходишь къ хилятамъ.

— Врешь!

— Правда.

— Молчать, молчать.

— Совершенная правда, вмѣшался здѣсь другой нищій:—съ нѣкотораго времени здѣсь развелось пропасть плутовскаго народу.

— Не ворчите, братья, говорилъ разливатель.

— Это вовсе не ворчанье, отче; то совершенная правда, что съ каждымъ днемъ все больше и больше появляется гордецовъ.

— Такъ будь, брате, смиренъ; гордость есть грѣхъ, увѣщавалъ разливатель.

— Ваша милость говорите правду; но вѣдь мы не ходимъ въ другіе города *.

— Вотъ уже четыре года, какъ я не пропускаю ни единого дня приходить сюда, говорила одна старуха.

— «Велика же горсть изъ трехъ мешекъ» (пословица), возразилъ ей одинъ старикъ:—я началъ ходить сюда еще съ моимъ отцомъ, когда мнѣ было только три года, и съ того времени хожу неупустительно.

— Поэтому-то ты и остался весь свой вѣкъ нищимъ!

— А ты нѣтъ?

— Да, нѣтъ, говорила старуха, задыхаясь:—еслибы не умеръ мой покойникъ, я бы не имѣла нужды приходить сюда.

— Хорошо бы сдѣлалъ Богъ, еслибы сохранилъ ему жизнь.

— А почему? спрашивала испуганнымъ голосомъ старуха, какъ будто боясь, чтобы въ самомъ дѣлѣ не ожилъ ея покойникъ.

— А потому: «Теперь мы имѣемъ однимъ монахомъ меньше, тогда бы имѣли одною порціей больше» (пословица):

— Братъ, не задѣвай монаховъ, сказалъ разливатель.

— Да это пословица.

— Въ сторону пословицы; лучше бы ты вытащилъ изъ-подъ полы другой горшокъ. Ты ужь думаешь, что я такъ глупъ, не вижу?

— Знаете, ваша милость, для чего онъ дѣлаетъ? говорилъ одинъ слѣпецъ:—онъ понаберетъ себѣ побольше съѣстнаго, да и продаетъ его по *бодигонамъ* (нѣчто въ родѣ нанихъ харчевень).

— Въ самомъ дѣлѣ? спрашивалъ разливатель.

— Не вѣрь ему, отче!

— Дѣйствительно такъ, я самъ видѣлъ это.

— Это легко, подхватилъ старикъ:—вѣдь ты слѣпецъ *по слову*

— Ну, смотри, братъ, говорилъ разливатель старику:—если ты продаешь обѣдъ, который св. Францискъ даетъ тебѣ по своей милости, то для тебя же худо—потому худо, что милостыню нельзя ни продавать, ни покупать.

---

* У нищихъ были свои законы: каждый честный нищій долженъ былъ ходить въ одинъ монастырь, котораго онъ считался прихожаниномъ. Ходившіе по разнымъ монастырямъ считались шутами.

— Да здѣсь много такихъ, которые и покупаютъ и продаютъ обѣдъ св. Франциска, говорила старуха.

— Молчите, молчите! закричалъ разливатель:—вы всё одинъ хуже другого.

— Вотъ-те на! по милости одного должны гибнуть всё, говорилъ нищій среднихъ лѣтъ.

— Смотрите-ка, кто же говорить это! отвѣчалъ на это старикъ.—Онъ на костыляхъ!... И какъ будто его не видѣли, какъ онъ бросалъ эти костыли и выходилъ на арену амьентеатра играть съ новильями *.

— Какой скандалъ! говорила старуха.

— И въ чемъ ты находишь скандалъ, старая вральни? отвѣчалъ нищій на костыляхъ.—Вѣдь ты вѣдьма!... молчала бы, молчала бы больше всякаго другого; а она еще заявляетъ свои претензіи!

— Молчать, братики, убѣждалъ разливатель.

— Ну, отче, говорилъ нищій на костыляхъ:—вѣдь это ужасъ, какія вины взводятъ на меня эти демоны, даже та, которая имѣетъ всего больше причинъ молчать.

— Ну, и нѣтъ; не имѣю причинъ молчать, говорила старуха.

— Ужели ты думаешь, что всё такіе, какъ ты?

— Да что же я?

— Ничего, лучше молчать.

— Нѣтъ, говори, говори!

— А сколько ты дала безрукому, что женился на твоей дочери?

— Какой дочери?

— Нѣмой, той, что шлялась по этимъ улицамъ съ колокольчикомъ и бумагой до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не сдѣлалась словесною въ тавернѣ de Leganitos.

— Я не знаю, что ты говоришь.

— А я знаю, знаю, сколько ты дала и приданого: сорокъ онсъ (каждая онса — 24 руб.).

— Чистая клевета!

— Притворяйся — клевета!

— Будетъ, братья, молчите и не оскорбляйте Бога своею бранью, не переставая увѣщевать нищихъ разливатель, продолжалъ одѣлять ихъ супомъ до тѣхъ поръ, пока не обончилъ своего дѣла.

Эту картину голода, заключаетъ авторъ свое описаніе, можно было видѣть ежедневно при воротахъ каждаго монастыря въ Мадридѣ и во всѣхъ городахъ Испаніи.

Н. К.—въ.

(Продолженіе будетъ).

---

* Novillos—молодые быки, которыхъ не умерщвляютъ на аренѣ боя быковъ, но только играютъ съ ними всё кому угодно. Это бываетъ знакою, когда нѣтъ настоящаго боя съ быками. Для этой игры нужна ловкость и проворство, а иначе можно и полатиться живымъ.

ПОЛМИЛЬОНА.

РОМАНЪ МИССЪ АМЕЛИИ ЭДВАРДСЪ.

Часть первая.

XXIV.

НА ВАТЕРЛОСКОЙ СТАНЦІИ.

Саксенъ Трефольденъ въ чрезвычайно веселомъ расположеніи духа отправился въ тотъ же день вечеромъ на Ватерлоскую станцію желѣзной дороги. Онъ еще былъ очень неопытнымъ путешественникомъ и потому, не желая опоздать, пріѣхалъ полчаса ранѣе срока. Но онъ нисколько не былъ раздосадованъ своей чрезмѣрной акуратностью, напротивъ онъ съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на пріѣзжавшіе и отъѣзжавшіе поѣзды, на общую суету, на многочисленную толпу разнороднаго люда.

Онъ былъ очень счастливъ. Ему казалось, что никогда въ жизни онъ не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ.

Вопервыхъ, онъ въ этотъ день получилъ письмо отъ пастора Мартина—длинное, теплое письмо, дышавшее любовью и набожностью. Оно было полно извѣстіями о томъ, что дѣлалось дома, полно проектами на благо жителей Домлечга. Деньги, посланные имъ въ тотъ самый день, когда онъ выдалъ свою первую чѣлу, были получены въ его далекой родинѣ и розданы между бѣдниками сосѣднихъ приходоѡвъ. Органъ, отправленный недѣли двѣ тому назадъ, былъ доставленъ въ сохранности и уже кипѣла работа по его постановкѣ. Ферма въ Родбергѣ заново перестроивалась; а зеленые луга на самомъ берегу рѣки, которые уже давно продавались, были теперь куплены на имя Саксена и присоединены къ маленькому помѣстью. Кромѣ этихъ извѣстій, старикъ сообщалъ еще, что для голубей выстроена новая голубятня, что пестрая корова отелилась, и ласточки, которыя въ прошломъ году свили

себѣ гнѣздо на лавровомъ деревѣ, теперь снова возвратились на свое прежнее мѣсто. Все это были мелочи, но для Саксена, который любилъ свою родину со всѣмъ страстнымъ энтузіазмомъ горнаго жителя, всѣ эти бездѣлицы были очень важны и драгоцѣнны. Письмо кончалось вѣжливымъ благословіемъ, которое несказанно растрогало дѣтское сердце Саксена.

Вовторыхъ, онъ испыталъ въ этотъ день то рѣдкое счастье, которое чувствуетъ человѣкъ, дѣлающій добро. Вильямъ Трефольденъ, правда, утверждалъ, что контора Грѣторекса, доживала свои послѣднія минуты и что пятьдесятъ-девять тысячъ Саксена могли только ненадолго отсрочить ея погибель; но Лоренсъ Грѣторексъ, держа въ рукахъ драгоцѣнные для него билеты, увѣрялъ, что эта сумма, поддержавъ ихъ кредитъ въ минуту кризиса, спасала ихъ. Говоря вообще, вся исторія о чекѣ была очень непріятна Саксену. Она выказала Грѣторекса съ очень невыгодной стороны и заставила Саксена унизиться до того, чтобъ взять назадъ часть денегъ, которыя онъ общалъ. Быть можетъ, молодой человѣкъ чувствовалъ также, что онъ уже болѣе не питаетъ такой дружбы къ Грѣторексу, какъ прежде; а такое сознаніе не можетъ быть пріятно. Онъ инстинктивно отворачивался отъ всего грубаго, корыстнаго, а онъ не могъ не видѣть, что Грѣторексъ въ этомъ дѣлѣ выказался и грубымъ и корыстнымъ человѣкомъ. Однако, несмотря на всю непріятность этой исторіи, она окончилась очень весело. Саксенъ все же спасъ своего друга, и банкиръ не только осыпалъ его пламенными благодарностями, но далъ ему законный вексель, такъ что, по счастью, не нужно было представлять записки, составленной Вильямомъ Трефольденомъ, на что Саксенъ, конечно, никогда бы не рѣшился.

Втретихъ, онъ ѣхалъ въ деревню, на недѣлю или дней на десять—и это его радовало болѣе всего. Послѣ шести недѣль удушливой, шумной лондонской жизни, онъ былъ внѣ себя отъ радости при мысли, что ему снова удастся подышать чистымъ воздухомъ, увидѣть открытое небо. Онъ жаждалъ чувствовать подъ своими ногами зеленую, бархатную траву, жаждалъ ѣздить верхомъ по горамъ и доламъ, ибо ему надобно скучные, душные манежи. Съ этой цѣлью онъ везъ съ собой въ томъ же поѣздѣ двухъ кровныхъ жеребцовъ и грума.

Итакъ Саксенъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа; онъ ходилъ назадъ и впередъ по платформѣ, разсматривая съ одинакимъ удовольствіемъ и разнородную толпу, бѣжавшую во всѣ стороны, и лари бубнистовъ, прислоненные къ стѣнѣ. Онъ думалъ, какъ пріятно быть молодымъ, богатымъ человѣкомъ, имѣть друзей и такую блестящую, свѣтлую будущность передъ

собой! Въ головѣ его кипѣлъ цѣлый рой проектовъ, одинъ лучше другого. Передъ его глазами носились, какъ-бы въ туманѣ, картины тѣхъ мѣстъ, которыя онъ такъ давно жаждалъ посѣтить. То представлялся ему Римъ, то Неаполь, то Ниль и пирамиды, то, наконецъ, святилища Иерусалима. Нѣкоторые изъ этихъ проектовъ принадлежали не собственно Саксену, а лорду Кастельтауерсу: такъ онъ первый подалъ мысль о покупкѣ яхты и объ увеселительной прогулкѣ по Средиземному морю. Но какіе бы образы ни занимали первый планъ въ картинахъ, рисуемыхъ воображеніемъ Саксена, на заднемъ планѣ всегда выступали знакомыя, дорогія вершины Ретійскихъ Альпъ. Онъ и не думалъ, что возможно поѣхать въ Италію, не завернувъ прежде домой, въ долину Домлечга; тѣмъ менѣе мечталъ онъ поселиться гдѣнибудь на постоянное житье, кромѣ какъ тамъ же дома, въ миломъ его сердцу Родбергѣ. Конечно, онъ не предполагалъ жить въ старомъ, разоренномъ замкѣ, а намѣревался построить новый, великолѣпный замокъ, новую церковь, новый мостъ черезъ Рейвъ, раскинуть вокругъ образцовыя фермы и распространить во всемъ околоткѣ довольство и счастье.

— Чтѣд? чтѣ случилось, въ чемъ дѣло? воскликнулъ рядомъ съ нимъ какой-то повелительный голосъ.

Очнувшись внезапно отъ своихъ радужныхъ мечтаній, Саксенъ обернулся и увидѣлъ въ дверяхъ одного изъ второклассныхъ вагоновъ даму, сторожа, и быстро подошедшаго къ нимъ чиновника, съ перомъ за ухомъ.

— Эта дама потеряла билетъ, сэръ, отвѣчалъ сторожъ, прикладывая руку къ фуражкѣ и многозначительно посмотрѣвъ на своего начальника.

— Онъ былъ у меня въ рукахъ, когда поѣздъ останавливался въ Вейбриджѣ, воскликнула дама: — я вынула его изъ кошелька, думая, что у меня его потребуютъ.

Голосъ ея немного дрожалъ и она порывалась снова въ вагонъ, чтобъ поискать билетъ.

Чиновникъ подозрительно кашлянулъ.

— Откуда вы ѣдете, мисъ? спросилъ онъ.

— Съ Седжбрукской станціи.

Названіе станціи обратило вниманіе Саксена, ибо ему слѣдовало брать билетъ на ту же станцію.

— Гм... Вы, вѣрно, Сальтерсъ, обыскали весь вагонъ?

— Точно такъ, сэръ, отвѣчалъ сторожъ.

Чиновникъ ради проформы самъ заглянулъ въ вагонъ и потомъ сказалъ officialнымъ тономъ:

— Въ такомъ случаѣ, мисъ, этому нельзя помочь.

— И мнѣ придется заплатить второй разъ? спросила дама взволнованнымъ голосомъ.

— Да, вамъ придется заплатить за билетъ изъ Эксетера, откуда идетъ этотъ поѣздъ.

— Изъ Эксетера? Но вѣдь я только сѣла въ Седжбрукъ.

— Таковы наши правила, сударыня; я не могу ихъ измѣнить. Всякій пассажиръ, который не можетъ представить свой билетъ, выходя изъ вагона, обязанъ заплатить за всю дорогу съ того мѣста, откуда вышелъ поѣздъ. Этотъ поѣздъ вышелъ изъ Эксетера, а потому вы должны заплатить изъ Эксетера. Вонъ на стѣнѣ виситъ таблица нашихъ правилъ. Сдѣлайте одолженіе, посмотрите сами.

Лицо дамы было теперь обращено въ ту сторону, гдѣ стоялъ Саксень. Она была очень молода, почти дитя. Блѣдная, встревоженная, она смотрѣла съ испугомъ и робостью то на чиновника, то на сторожа.

— Благодарствуйте, сказала она поспѣшно: — мнѣ не надо смотрѣть, я вамъ вѣрю. Сколько денегъ?

— Одинъ фунтъ и пять шиллинговъ.

Блѣдное лицо молодой дѣвушки вдругъ побагровѣло и дѣтскіе глаза наполнились слезами.

— Господи! воскликнула она дрожащимъ голосомъ:—что мнѣ дѣлать! У меня нѣтъ столько денегъ.

Саксень, видя какъ бѣдно она была одѣта, понялъ очень хорошо, что въ ея скудномъ кошелькѣ съ трудомъ нашлись и несчастные три шиллинга, которые она заплатила за потерянный билетъ. Онъ уже нѣсколько разъ опускалъ руку въ карманъ, чтобъ достать деньги, но всегда вынималъ ее пустой, боясь оскорбить молодую дѣвушку своимъ дерзкимъ вмѣшательствомъ; но теперь онъ не выдержалъ, и почтительно поклонившись ей, какъ-бы принцесѣ крови, сказалъ поспѣшно:

— Позвольте, сударыня, мнѣ имѣть честь устроить для васъ это дѣло.

И онъ сунулъ деньги въ руку сторожа.

— Благодарствуйте... сэръ, промолвила молодая дѣвушка, едва внятнымъ голосомъ и еще больше покраснѣла: — я очень вамъ благодарна, но сдѣлайте одолженіе, дайте мнѣ вашу карточку, чтобъ я знала, кому и куда отослать деньги.

Саксень сунулъ руку въ карманъ, потомъ въ кошелекъ, но карточки нигдѣ не оказалось. Въ эту самую минуту на противоположной платформѣ раздался звонокъ, и носильщикъ, которому Саксень поручилъ занять мѣсто, подбѣжалъ къ нему впопыхахъ:

— Поѣздъ трогается, сэръ, воскликнулъ онъ: — поторопитесь.

Саксенъ поспѣшно повлонился молодой дѣвушкѣ, пробормотавъ что-то сквозь зубы и исчезъ въ толпѣ.

Однако, когда онъ помѣстился въ вагонъ и поѣздъ уже тронулся, у окна появился сторожъ, и торопливо бросилъ ему карточку.

Саксенъ поднялъ ее и прочелъ на ней:

МИССЪ РИВЪЕРЪ.

Раскращица фотографическихъ карточекъ.

№ 6.

Камбервель.

«Бѣдная!» подумалъ онъ съ улыбкой: «неужели она думаетъ, что я пошлю за ея ничтожнымъ фунтомъ».

И онъ хотѣлъ выбросить карточку въ окно, но остановился, снова на нее взглянулъ, и вмѣсто того чтобы бросить, положилъ въ карманъ.

«Она очень хорошенькая!» подумалъ онъ: «и голосъ у нея такой нѣжный. Какъ я радъ, что при мнѣ не было моей карточки».

XXV.

САКСЕНЪ ВОЗВНОВЛЯЕТЪ ЗНАКОМСТВО СЪ КОЛОННАМИ.

Лордъ Кастельтауерсъ ждалъ Саксена у станціи въ фаятонѣ.

— Вотъ молодецъ, что пріѣхалъ! сказалъ Кастельтауерсъ, когда Саксенъ вышелъ со станціи съ ружьемъ подъ мышкой:— вы опоздали четверть часа, моя лошадь уже устала дожидаться. Садитесь поскорѣй, и дайте мнѣ позжать вамъ руку. Я такъ радъ, что вы пріѣхали. А привели вы съ собой лошадей?

— Да, двухъ, какъ вы просли, вонъ ихъ ведутъ.

Лордъ Кастельтауерсъ обернулся, и увидѣлъ двухъ кровныхъ коней въ дорожныхъ нарядахъ, изъ-подъ которыхъ видны были только глаза и копыта.

— Милости просимъ! какъ вы, такъ и ваши лошади найдете самый радушный пріемъ, сказалъ онъ:— я послалъ тележку за вашими вещами, а мой человѣкъ проводитъ вашего грумма до замка. Онъ отсюда въ двухъ миляхъ. Съ вами нѣтъ ничего болѣе?

Оказалось, что нѣтъ, и кабриолетъ понесся по дорогѣ словно стрѣла.

— Я очень радъ, что вы привели лошадей, Трефольденъ, сказалъ лордъ, по дорогѣ: — потому что у меня рѣшительно нѣтъ ни одного коня, который былъ бы достоинъ васъ. Эта кобыла, просто какой-то дьяволъ, безъ всякаго удержу, а каретныя лошади моей матери разжирѣли и облѣнились какъ альдерманы. Единственную же сносную лошадь на моей конюшнѣ я отдалъ мисъ Колоннѣ, на все время ея пребыванія въ Кастельтауерсѣ.

— Мисъ Колоннѣ? повторилъ Саксенъ.

— Это дама, которая гоститъ у насъ, объяснилъ лордъ:— вы вѣрно слышали о ея отцѣ, Джуліо Колоннѣ, великомъ итальянскомъ патриотѣ? Онъ также теперь у насъ.

— Да, я слышалъ о немъ, сказалъ Саксенъ, покраснѣвъ. Въ эту минуту онъ пожалѣлъ, что пріѣхалъ изъ Лондона.

— Онъ старинный другъ моей матери, продолжалъ Кастельтауерсъ: — а также и мой. Я не знаю, что вы слышали о немъ; рѣдко общественный человѣкъ имѣлъ столько враговъ и друзей, какъ онъ, но во всякомъ случаѣ, вы должны, Трефольденъ, полюбить его ради мена. Предупреждаю, чтобы вы не судили по первому впечатлѣнію. Онъ очень эксцентриченъ, разсѣянъ, немного холоденъ, но это человѣкъ античной добродѣтели, человѣкъ, возвышенная простота котораго столь же неумѣстна въ девятнадцатомъ вѣкѣ, какъ Цинцинать былъ бы въ современной гостиной.

Саксенъ подумалъ о тѣхъ двадцати франкахъ, которые сеньора Колонна предложила ему въ Рейхенау, и не выразилъ никакого сочувствія къ словамъ своего друга, какъ тотъ ожидалъ.

— Я ничего не слышалъ дурнаго про него, сказалъ онъ нѣсколько напряженнымъ тономъ:— а майоръ Воанъ все еще у васъ?

— Да, и Бургоннъ завтра пріѣзжаетъ. Мы намѣрены важно повеселиться, пока вы всѣ здѣсь.

— Что вы разумѣете подъ словами «важно повеселиться»?

— Ну, завтра матушка дастъ обѣдъ, въ субботу у насъ вечеръ, а во вторникъ будетъ охота на нашей землѣ, послѣдняя въ сезонѣ. Кромѣ того, въ понедѣльникъ офицеры 42-го полка, стоящаго въ Гильдфордѣ, дадутъ большой балъ, на который, конечно, будутъ приглашены и наши гости. Вотъ и вся программа. Она немного однообразна, но что же прикажете дѣлать въ тридцати миляхъ отъ Лондона.

— Вести самую счастливую жизнь въ мірѣ, отвѣчалъ Саксенъ.

— Это зависитъ отъ вкуса и средствъ, сказалъ лордъ со вздохомъ.— Жизнь въ англійской деревнѣ сводится къ вѣчной ритуальной обѣдовъ и плясовъ, плясовъ и обѣдовъ. Кромѣ того она

служить еще предлогомъ къ охотѣ. Что до меня касается, то я охотно предпочелъ бы болѣе безпокойную, бивачную жизнь.

— Вы не хотите этимъ сказать, что желаете поступить въ армію?

— Да, я хотѣлъ бы быть солдатомъ, еслибъ могъ сражаться за то, чему сочувствую; но такъ-какъ это невозможно, то нечего про это и говорить. Вонъ, видите ли, прямо противъ насъ куна елей? Это и есть Кастельтауерсъ. Домъ мы сейчасъ увидимъ, какъ только завернемъ за уголъ.

Тутъ разговоръ перешелъ на другіе предметы, и Саксенъ разсказалъ своему другу, что во вторникъ пріѣдетъ Вильямъ Трефольденъ. Между тѣмъ они достигли воротъ парка и подъѣхали къ великолѣпному, старому дому, который казался точно окрашеннымъ солнечными закатами многихъ столѣтій.

Кастельтауерсъ прямо повелъ своего гостя въ конюшни, которыя были выстроены въ роскошномъ, великолѣпномъ стилѣ елисаветинскаго времени, но теперь стояли полупустыня. Саксенъ осматривалъ стойла, отведенныя для его коней, и уже собирався выйдти съ лордомъ изъ конюшни, какъ на дворѣ появился майоръ Воанъ, веди подъ уздцы своего великолѣпнаго арабскаго коня Гюльнару. За нимъ выступала смирная, неважная лошадка подъ дамскимъ сѣдломъ. Саксенъ догадался, что майоръ только что ѣздилъ верхомъ съ сньюрой Колонной.

Послѣ этого они всѣ трое отправились въ садъ и на мужскую половину дома, гдѣ были расположены бильярдная, курильная и т. д. Вскорѣ прозвонилъ колоколъ и они поспѣшили одѣться къ обѣду.

Саксенъ впервые появлялся въ дамскомъ обществѣ, и это, вмѣстѣ съ естественнымъ нежеланіемъ встрѣтить Колонновъ, очень смутило молодого человѣка при входѣ въ гостиную. Однакоже, къ его счастью, дамы еще не сошли внизъ и передъ каменномъ стояло только четверо мужчинъ. Двое изъ нихъ были Кастельтауерсъ и майоръ Воанъ; третьяго Саксенъ тотчасъ призналъ за черноокаго итальянца, котораго онъ видѣлъ въ Рейхенау, четвертый былъ ему совершенно неизвѣстенъ.

— Мой другъ, мистеръ Саксенъ Трефольденъ — сньюръ Колонна — достопочтенный Эдвинъ Армстронгъ, представилъ другъ другу своихъ гостей лордъ Кастельтауерсъ.

Пасторъ сухо поклонился, сньюръ Колонна протянулъ руку.

— Друзья Джервэза — мои друзья, сказалъ онъ, съ чрезвычайною пріятной улыбкой: — я много слышался о васъ, мистеръ Трефольденъ, и душевно радъ съ вами познакомиться. Вы въ первый разъ въ Кастельтауерсѣ?

Очевидно было, что онъ столько же помнилъ Саксена, сколько Саксенъ помнилъ допотопный мiръ.

Въ эту минуту дамы вошли въ комнату. Кастельтауреръ очень церемонно представилъ своей матери Саксена, и тотъ еще цаловалъ ея руку, когда объявили, что обѣдъ поданъ. Лордъ тотчасъ подалъ руку синьорѣ Колоннѣ, синьорѣ Колонна — леди Кастельтауреръ, а остальные—послѣдовали за ними. Такимъ образомъ случилось, что Саксенъ былъ избавленъ отъ того, чего онъ всего болѣе боялся — отъ представленія синьорѣ Колоннѣ. Онъ даже не видалъ ея лица до тѣхъ поръ, пока за обѣдомъ очутился прямо противъ нея. Онъ теперь взглянулъ на нее, и увидѣлъ съ ужасомъ, что ея глаза были пристально направлены на него.

— Мой vis-à-vis, вѣроятно, вашъ юный миллионеръ? сказала она вполголоса лорду:—я его гдѣ-то видала, но, право, не могу вспомнить.

Кастельтауреръ покачалъ головою, и засмѣялся.

— Этого быть не можетъ, отвѣчалъ онъ. — Саксенъ приѣхалъ въ Англію только недѣль шесть тому назадъ, и во все это время вы ни разу не были въ городѣ.

— Но я могла его видѣть за границей, можетъ быть, въ Миланѣ?

— Онъ никогда не бывалъ въ Италіи.

— Ну, такъ, можетъ быть, въ Парижѣ.

— Я также достовѣрно знаю, что онъ и въ Парижѣ не бывалъ. Однимъ словомъ, совершенно невозможно, чтобъ вы его когда нибудь видѣли. Я говорю такъ рѣшительно потому, что знаю исторію его жизни, и это прелюбопытная исторія.

— Вы должны мнѣ ее рассказать.

— Да, когда нибудь послѣ, и тогда вы согласитесь со мной, что никогда не могли его видѣть прежде нынѣшняго вечера.

Синьора Колонна взглянула снова на Саксена. Онъ разговаривалъ съ леди Кастельтауреръ, и Олимпія могла на свободѣ взглядѣться въ каждую черту его лица.

— Я не думаю, чтобъ ваше краснорѣчіе такъ подѣйствовало на меня, сказала она лорду Кастельтауреру:—чѣмъ больше я смотрю на него, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что я съ нимъ встрѣчалась и даже говорила, еще очень недавно. Мнѣ знакомъ его голосъ.

Въ эту самую минуту Саксенъ говорилъ леди Кастельтауреръ:

— Нѣтъ, сударыня, я—швейцарецъ, я родился въ Швейцаріи точно такъ же, какъ мой отецъ и мой дѣдъ.

— Но, Трефольденъ — не швейцарская фамилія?

— Конечно, она англійская. Наше семейство родомъ изъ Корвалиса.

При этихъ словахъ все стало ясно Олимпии, и на лицѣ ея показался ярвій румянецъ.

— Я знала, что это не просто, сказала она смущеннымъ голосомъ.—Я вспомнила теперь, кто онъ, и онъ меня помнитъ, я видѣла это по его взгляду.

— Такъ вы дѣйствительно съ нимъ встрѣчались?

— Да, въ Швейцаріи, нѣсколько недѣль тому назадъ. Я... я была такъ легкомысленна, что приняла его за простого мужа. Я... то-есть мы очень его оскорбили. Мой отецъ забылъ объ этомъ, но я послѣ обѣда формальнымъ образомъ попрошу у него извиненія. Я надѣюсь, что онъ меня проститъ.

— Проститъ!—васъ! произнесъ Кастельтауреръ тихимъ, полнымъ страсти голосомъ.

Но снѣвора Колонна, казалось, не слыхала его.

Послѣ обѣда, когда гости раздѣлились по группамъ въ гостиной, снѣвора Колонна подошла къ Саксену, который разсматривалъ какія-то картинки.

— Еслибъ забвеніе не шло рука въ руку съ прощеніемъ, сказала она:—то я попросила бы васъ простить меня, мистеръ Трефольденъ. Теперь же я могу надѣяться только, что вы меня забыли.

Саксенъ низко поклонился.

— Мнѣ было бы очень прискорбно за честь моей памяти, сказалъ онъ:—еслибъ я дѣйствительно васъ забылъ.

— Это сарказмъ или комплиментъ? спросила она съ удивленіемъ.

— Ни то, ни другое.

— Чтò же это такое?

— Простое заявленіе факта. Снѣвора Колонна соединена въ моей памяти съ самымъ достопамятнымъ днемъ моей жизни, и еслибъ я старался даже забыть, что я однажды имѣлъ честь ее видѣть, то это было бы мнѣ вполнѣ невозможно. Въ тотъ день я впервые узналъ о великой перемѣнѣ въ моей будущности.

Снѣвора Колонна улыбнулась, и протянула ему руку.

— Такъ я наставляю, чтобъ вы меня простили, сказала она:—я не хочу, чтобъ въ свѣтломъ воспоминаніи о томъ счастливомъ днѣ было черное пятно.

— Но я не могу простить васъ два раза, отвѣчалъ Саксенъ съ смущеннымъ голосомъ, и едва осмѣливаясь дотронуться до кончиковъ ея нѣжныхъ пальцевъ.

— Значитъ, вы уже меня простили? Благодарствуйте. Теперь мы должны быть съ вами друзьями; пойдите къ отцу, который очень интересуется вашей свободной, прекрасной страной. Ахъ, еслибъ наша дорогая Италия была въ половину такъ счастлива!

Она взяла Саксена подъ руку, и они пошли по комнатѣ къ тому мѣсту, гдѣ синьоръ Колонна жарко о чемъ-то бесѣдовалъ съ майоромъ Воаномъ.

Лордъ Кастельтауерсъ смотрѣлъ на Саксена съ завистью: онъ дорого бы далъ, чтобъ Олимпія Колонна его такъ оскорбила и такъ бы съ нимъ помирилась.

XXVI.

Берлога синьора Колонны въ восьмиугольной башнѣ.

Джуліо Колонна не былъ никогда такъ поглощенъ своими политическими дѣлами, какъ въ тѣ два мѣсяца, которые онъ и его дочь провели въ Кастельтауерсѣ. Онъ сидѣлъ цѣлый день и болѣе половины ночи за своей конторкой, писалъ письма, составлялъ адреса, прокламаціи, сочинялъ пламенные памфлеты на итальянскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Олимпія помогала ему въ продолженіе многихъ часовъ и часто вставала до разсвѣта, чтобъ переписать его бумаги или разобрать его секретную, шифрованную переписку. Отъ времени до времени нарочный гонецъ пріѣзжалъ изъ Лондона, или получалась вѣща телеграфическихъ депешъ, содержаніе которыхъ было непонятно для всѣхъ, кромѣ того, кому онѣ были адресованы. Иногда лордъ Кастельтауерсъ, послѣ таинственной бесѣды въ восьмиугольной башнѣ, поспѣшно приказывалъ осѣдлатъ лошадь и скакалъ на станцію съ депешами, скакалъ съ такой быстротой, словно отъ этого зависѣла жизнь всѣхъ его гостей.

Въ подобныхъ случаяхъ леди Кастельтауерсъ съ улыбкой смотрѣла вслѣдъ удаляющагося сына и произносила нѣсколько словъ сожалѣнія, что ея бѣдный, милый другъ, синьоръ Колонна, принимаетъ такое горячее участіе въ этихъ глупыхъ дѣлахъ. Иногда она позволяла себѣ даже выразить свое неудовольствіе насчетъ того, что ея сынъ, юный лордъ, который во внутренней англійской политикѣ держался столь благоразумныхъ взглядовъ, увлекался безумной романтичностью такъ-называемаго итальянскаго дѣла.

Но, несмотря на это, интриги продолжались и знатная леди, для которой было совершенно достаточно, если синьоръ Колонна являлся къ обѣду, а Олимпія проводила съ ней вечера въ гостиной—мало думала, что восьмиугольная башня служила фокусомъ близко-приближавшейся революціи. Страшныя дѣла—дѣла, отъ которыхъ кровь застыла бы въ жилахъ гордой аристократки, совершались ежедневно, подъ ея кровомъ. Тутъ чертились карты военныхъ дѣйствій, переписывались прокламаціи рукою ея собственнаго сына. Каждая почта приносила пожертвованія въ поль-

зу святаго дѣла. Опредѣленія въ республиканскую армію, назначенія, переводы, указы о формированіи полковъ—все это подписывалось Колонной и отправлялось въ томъ же мѣшкѣ, какъ и письма леди Кастельтауерсъ. Что же касается до денегъ на покупку ружей, то, судя по количеству чекъ, набравшихся въ ея домѣ, право, удивительно было, что ихъ всѣхъ не взорвало, и вмѣстѣ съ ними и старій замокъ.

Между тѣмъ дѣйствительно собиралась великая буря и страшное возстаніе бродило въ народныхъ массахъ южной Италіи. Уже въ Палермо вспыхнуло возмущеніе; но оно возбуждало мало вниманія въ Лондонѣ или Парижѣ. Почтенные члены парламента занимались имъ слегка, какъ довольно значительнымъ бунтомъ, служившимъ предостереженіемъ для государей, дурно управлявшихъ своими подданными и неслушавшихъ своихъ сосѣдей. Но Джуліо Колонна въ своей маленькой комнатѣ въ Кастельтауерсѣ зналъ одинъ настоящую цѣну получаемыхъ извѣстій, умѣлъ одинъ прислушаться къ первому слабому шопоту приближающейся грозы. Онъ вѣдалъ, гдѣ она грянетъ со всей силой, куда ударитъ молнія. Его перо было руководителемъ, его дыханіе—вѣтромъ, которымъ сгонялись грозовыя тучи. И однако, Колонна не былъ воиномъ. Земля никогда не видывала такого храбраго человѣка, но мечъ не былъ его оружіемъ. Студентъ, ученый въ юности, свѣтскій человѣкъ въ возмужалые годы, онъ былъ рожденъ для кабинетныхъ трудовъ, а не для боевой жизни. Для дѣла иногда гораздо важнѣе голова, нежели руки; Колонна былъ головой своей партіи. Онъ никогда не былъ полезенъ такъ своимъ друзьямъ, не былъ такъ вреденъ своимъ врагамъ, какъ въ тѣ минуты, когда сидѣлъ у своей конторки, блѣдный, изнеможенный, не зная ни усталости, ни сна.

Лордъ Кастельтауерсъ былъ правъ, говоря, что его другъ былъ человѣкомъ античныхъ добродѣтелей. Его добродѣтели были дѣйствительно добродѣтели древнихъ, на столько, что его хулители называли многія изъ нихъ—пороками. Въ его религіи, какъ въ религіи всякаго римскаго гражданина, въ великіе дни республики, любовь къ отечеству занимала самое высокое мѣсто. Италія была его Богомъ. Ради нея, онъ унижался, просилъ милостыню, хитрилъ, прикрывалъ ненависть улыбками, и презрѣніе любезностями. Онъ готовъ былъ всякую минуту отдать свою жизнь за свободу Италіи; мало того, онъ готовъ былъ принести въ жертву свою дочь, своего лучшаго друга, свое честное имя; онъ готовъ былъ пролить невинную кровь, еслибъ это было непремѣннымъ условіемъ успѣха. Все это, конечно, были античныя добродѣтели, которыя не имѣли ничего общаго съ человѣческими хри-

стіанствомъ. Злѣйшіе враги его не могли отрицать, что Джуліо Колонна былъ герой и патриотъ. Самые жестокіе его хулители никогда не осмѣливались намекать, чтобъ онъ не былъ искривленъ. Но замѣчательно, что его пламеннѣйшіе поклонники, сравнивавшіе его со всѣми героями классической Греціи и Рима, никогда не вздумали бы назвать его Баярдомъ или Вашингтономъ. Онъ былъ дѣйствительно болѣе язычникъ, чѣмъ христіанинъ, и они инстинктивно признавали этотъ фактъ.

Таковъ былъ Джуліо Колонна — человекъ великій, благородный, героическій, въ своемъ родѣ; человекъ громаднаго ума, непреклонной воли и неутомимой энергіи, но совершенно подвластный одной идеи, и непризнававшій ничего внѣ своихъ одностороннихъ понятій о добрѣ и злѣ.

Утромъ на слѣдующій день послѣ приѣзда Саксена въ Кастельтауерсъ, пока молодые люди отправились на охоту, Колонны, отецъ и дочь, были погружены въ занятія въ уединенномъ уголкѣ восьмиугольной башни. Это была очень маленькая комната съ однимъ глубокимъ окошкомъ, выходившимъ въ садъ. На стѣнахъ висѣло нѣсколько литографированныхъ картинъ и полка съ книгами; въ углу стояла конторка, а передъ окномъ столъ, заваленный письмами и бумагами; три или четыре кресла и маленькій столикъ довершали мѣблировку этой комнаты. У маленькаго столика сидѣла Олимпія и переписывала кабую-то бумагу; отецъ же ея за большимъ столомъ перебиралъ цѣлую груду писемъ. Въ этотъ день онъ получилъ ихъ до сорока и теперь методически, но поспѣшно сортировалъ ихъ: одни откладывалъ въ сторону для прочтенія на досугѣ; другія оставлялъ, чтобъ немедленно отвѣчать на нихъ; болѣшую же часть, пробѣжавъ глазами, рвалъ и бросалъ подъ столъ. Когда онъ такимъ образомъ распорядился всѣми письмами, дочь его подняла голову, воскликнувъ:

— Какія новости сегодня, padre mio?

Итальянецъ тяжело вздохнулъ.

— Никакихъ, отвѣчалъ онъ: — только нѣсколько строкъ отъ Бертольди, но онъ не можетъ сказать ничего новаго. Дѣла въ Сициліи все въ томъ же положеніи. Гарибальди нуждается въ деньгахъ, ничего нельзя сдѣлать безъ денегъ, по крайней-мѣрѣ, важнаго, значительнаго.

— Лучше ничего не дѣлать, чѣмъ глупую бесполезную демонстрацію, съ жаромъ произнесла Олимпія.

— Конечно.

— И болѣе никакихъ извѣстій изъ Италіи?

— Никакихъ.

Т. СЛXVI. — Отд. I.

— А изъ Лондона? Мнѣ кажется, я видѣла на одномъ письмѣ почеркъ лорда Бармута.

— Да, онъ присылаетъ чеку въ двѣнадцать фунтовъ. Кромѣ этого, есть еще нѣсколько чекъ и подписка изъ Бирмингама. Всего не болѣе двадцати-пяти фунтовъ.

Олимпія встала, и положивъ руку на плечо отца, нѣжно промолвила:

— Не отчаивайтесь, *radge mio*, движеніе только что началось и друзья наши не успѣли еще сознать всю важность теперешняго кризиса. Англичане, вы не должны этого забывать, нелегко приходятъ въ энтузіазмъ. Ихъ нельзя воодушевить нѣсколькими словами; но когда мы докажемъ имъ, что нашъ народъ поднимается серьезно, чистосердечно за святое дѣло, то они намъ помогутъ и сердцемъ и руками.

— А пока нашихъ волонтеровъ будутъ подстрѣливать, какъ барановъ, за недостаткомъ оружія, отвѣчалъ Колонна, съ горечью:— нѣтъ, Олимпія, мы теперь нуждаемся въ деньгахъ — теперь, когда борьба только-что началась и арена открыта передъ нами. Какая можетъ быть дисциплина въ войскѣ безъ оружія, одежды и пищи? А безъ дисциплины храбрость и мужество ни къ чему не приведутъ. Какъ могутъ люди безоружные доказать свою ревность и чистосердечіе?

— Умирая, отвѣчала Олимпія, съ горящими отъ восторга глазами.

— Да, мы всё можемъ это сдѣлать; но если ужъ надо умирать, то умирать, по крайней-мѣрѣ, не съ косою или пикой въ рукахъ.

Сказавъ это, онъ всталъ со стула и началъ молча взадъ и впередъ ходить по комнатѣ. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ онъ остановился, и посмотрѣвъ прямо въ глаза дочери, произнесъ рѣшительнымъ тономъ:

— Намъ нужно двадцать-пять тысячъ фунтовъ, никакъ не меньше, и не позже недѣли.

— Столько! увы! это невозможно.

— Я не думаю, чтобъ это было невозможно, сказалъ Колонна, продолжая смотрѣть ей пристально въ глаза.

— Какъ! что вы хотите сказать?

— Сядь, дитя мое, подлѣ меня, и я тебѣ все объясню.

Она повиновалась, и онъ сжалъ ея руку своими обѣими руками. Ея сердце, быть можетъ, вздрогнуло отъ смутнаго предчувствія того, что скажетъ ея отецъ, но ни ея лицо, ни ея рука, не выдали этого внутренняго волненія.

— Въ этомъ домѣ теперь находится молодой человекъ, для котораго двадцать-пять тысячъ фунтовъ то же самое, что нѣсколько грошей одному изъ нашихъ волонтеровъ, сказалъ итальянецъ.

— Мистеръ Трефольденъ?
 — Мистеръ Трефольденъ. Онъ имѣеть четыре или пять милльоновъ.

— Да. Я помню, мы говорили объ этомъ за завтракомъ, нѣсколько недѣль тому назадъ.

— И я тогда же далъ себѣ слово сдѣлать все на свѣтѣ, чтобъ привлечь его на нашу сторону.

— Это будетъ нетрудно.

— Конечно. Но мы должны сдѣлать болѣе.

— Нельзя думать, однако, чтобъ онъ далъ намъ двадцать-пять тысячъ франковъ, сказала поспѣшно синьора Колонна.

— Я хочу, чтобъ онъ намъ далъ милльонъ.

— Милльонъ? Вы съ ума сошли!

— Я хочу, чтобъ онъ намъ далъ милльонъ, два-три, все, что онъ имѣеть, если меньшей суммы не будетъ достаточно для спасенія Италіи! Слушай, Олимпія, мы знаемъ странную жизнь этого молодого челоуѣка. Мы знаемъ, какою онъ вель простою, чистую, пастушескую жизнь. Мы видимъ, что онъ невиненъ и восторженъ, какъ дитя, что его сердцу доступны всѣ благородныя чувства, что его душа отливается всему прекрасному. Такимъ натурамъ свойственны великія дѣла; съ такой натурой мы можемъ сдѣлать все, что намъ нужно. Я смотрю на этого юношу, какъ на предопредѣленнаго освободителя Италіи, какъ на предопредѣленную жертву.

Олимпія вздохнула и покачала головой.

— Еслибъ онъ былъ итальянецъ, то это было бы легко и позволительно.

— Позволительно! воскликнулъ ее отецъ съ гнѣвомъ:—въ нашемъ святомъ дѣлѣ всѣ средства позволительны. Сколько разъ мнѣ это повторять тебѣ, Олимпія?

— Это пунетъ, *radre mio*, на которомъ мы никогда съ вами не сойдемся, отвѣчала нѣжно синьора:— не будемъ лучше объ этомъ говорить.

Колонна бросилъ ее руку, быстро всталъ съ кресель и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ въ сильномъ волненіи. Она также встала и спокойно дожидалась, пока онъ начнетъ говорить. Наконецъ, онъ остановился, провелъ рукой по лбу, и рѣзко произнесъ:

— Вся тяжесть дѣла должна лечь на тебя, Олимпія.

— Я сдѣлаю все, что могу, отвѣчала она.

— Знаешь ли ты, что надо тебѣ дѣлать?

— Я думаю. Кажется, я довольно часто это дѣлывала.

Колонна покачала головой.

— Нѣтъ, этого недовольно. Ты должна влюбить его въ себя, должна женить его на себѣ.

— Отецъ!

— Это единственное, вѣрное средство достичь нашей цѣли. Онъ молодъ и впечатлительнъ—ты одарена красотой, краснорѣчіемъ и той невѣдомой силой надъ людьми, которая уже привлекла къ намъ сотни и сотни пламенныхъ юношей. Черезъ недѣлю, онъ будетъ у твоихъ ногъ.

— Вы хотите, чтобъ я продала себя! воскликнула Олимпія, съ презрѣніемъ, словно оскорбленная богиня.

— Ради Италіи.

Олимпія съ какимъ-то дикимъ отчаяніемъ всплеснула руками и отошла къ окну.

— Ради Италіи, повторилъ Колонна торжественно:—ради того святаго дѣла, которому я посвятилъ тебя, дитя мое, съ той самой минуты, какъ ты явилась на свѣтъ. Ради того дѣла, которому я посвятилъ свою юность и возмужалость. Ради того дѣла, для выполненія котораго я не задумаюсь пойти на плаху, не задумаюсь пролить своими собственными руками твою невинную кровь.

— Я лучше отдамъ кровь свою до послѣдней капли, чѣмъ исполнить то, что вы просите, сказала Олимпія, не поворачивая головы.

— Мученикъ не можетъ выбирать тернія для своего святаго вѣнда, отвѣчалъ Колонна строгимъ, рѣшительнымъ тономъ.

Она ничего не отвѣчала, и они оба молчали впродолженіе нѣсколькихъ минутъ. Наконецъ Колонна снова заговорилъ:

— Имѣй мы деньги, успѣхъ нашъ почти вѣрный. Безъ денегъ же насъ ожидаетъ неминуемая гибель. Двадцать-пять тысячъ фунтовъ, умѣючи израсходованныхъ, одѣли бы шесть тысячъ чело-вѣкъ; а съ шестью тысячами людей Гарибальди вошелъ бы въ Неаполь черезъ нѣсколько дней. Но что онъ говоритъ самъ? Что все должно дѣлать именемъ Сардиніи! Именемъ Сардиніи, которая не даетъ для борьбы ни одного солдата, ни одного гроша! Именемъ Сардиніи, король которой не смѣетъ поощрить нашихъ усилій, но готовъ воспользоваться плодомъ нашихъ побѣдъ! Нѣтъ, нѣтъ, Олимпія, намъ нужно не двадцать-пять тысячъ фунтовъ. Намъ нуженъ миллионъ. Съ миллиономъ мы освободимъ не только Сицилію, но и Романію и возстановимъ великую республику. Имѣя миллионъ, мы отвергнемъ покровительство Виктора-Эмануэля и всей монархической партіи.

— Съ однимъ только миллиономъ? сказала синьора Олимпія, сомнительно качая головой.

— Съ однимъ или съ двумя, если два понадобятся; а они въ нашей власти. Что значить состояніе одного человѣка, или бракъ одной женщины въ сравненіи съ такими великими результатами? Что значить частный интересъ въ сравненіи съ честью и свободой великаго народа?

Олимпія молчала.

— И тогда, продолжалъ Колонна съ жаромъ: — съ римскимъ сенатомъ въ Капитоліи и съ диктаторомъ во главѣ римскихъ легионовъ, мы бы сдѣлали то, чего Франція и Сардинія не могли сдѣлать. Мы прогонимъ австрійцевъ изъ Италіи и купимъ Венецію своей кровью.

Олимпія обернулась къ отцу. Лицо ея было очень блѣдно, а золотистые волосы, ярко блестящія на солнцѣ, окружали чело ея словно ореоломъ.

— Довольно, сказала она тихо, спокойно: — состояніе этого молодого человѣка будетъ куплено Италіи, если только его можно купить той цѣною, которую я въ состояніи дать.

Колонна обнялъ ее и поцаловалъ въ лобъ.

— Вотъ заговорила кровь Колонновъ, сказалъ онъ: — еслибъ моя дочь даже отдала свое сердце другому, то я все-таки надѣюсь, что она откажется отъ него, хотя бы это былъ лучшій, храбрѣйшій изъ нашихъ итальянскихъ героевъ; я надѣюсь, что ея долгъ и любовь могутъ пойти теперь рука въ руку.

— Нѣтъ, ужъ мы лучше оставимъ любовь въ сторонѣ, сказала она холодно.

— Дай богъ, чтобъ я дожилъ до того дня, когда, благодаря тебѣ, дочь моя, наше отечество будетъ свободно отъ береговъ Адриатическаго моря до Тарентскаго залива.

— Аминь, сказала Олимпія и вышла изъ комнаты.

XXVII.

Последняя охота сезона.

Въ среду въ десять часовъ утра Вильямъ Трефольдёнъ приѣхалъ въ Кастельтауерсъ; онъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ дворъ полный экипажами; на террасѣ было множество разряженныхъ дамъ, а на открытой площадкѣ противъ фасада дома, виднѣлся цѣлый водоворотъ красныхъ куртокъ и разноцвѣтныхъ картузовъ, лошадей, собакъ, груммовъ. Придя со станціи прямо по тропинкѣ, пересѣкавшей поля, онъ сразу очутился посреди этой шумной сцены. Въ ту же минуту десятки разнородныхъ голосовъ объяс-

нили ему, въ чемъ дѣло: это была послѣдняя охота въ настоящемъ сезонѣ.

Вполнѣ увѣренный, что Саксенъ забылъ про назначенное свиданіе и находится въ числѣ охотниковъ, Вильямъ Трефольденъ направился прямо къ дому. Первый, кого онъ встрѣтилъ, была синьора Колонна, въ амазонкѣ и съ хлыстикомъ въ рукѣ.

— Ахъ! мистеръ Трефольденъ, сказала она: — мы только-что говорили о васъ. Вы въ этомъ домѣ найдете только враговъ.

— Я надѣюсь, что синьора Колонна не въ числѣ ихъ?

— Конечно, отвѣчала она съ улыбкой нѣсколько саркастической. — Развѣ мистеръ Трефольденъ не одинъ изъ друзей Италіи? Кстати, вы вѣроятно еще не видали своего имени въ нашемъ печатномъ отчетѣ за мартъ мѣсяць? Я помѣстила васъ во главѣ одного изъ столбцовъ.

Стряпчій поклонился и изъявилъ глубочайшую благодарность за такую честь.

— Позвольте спросить, сказалъ онъ: — чѣмъ я заслужилъ общую вражду въ этомъ домѣ?

— Тѣмъ, что вы насъ лишаете удовольствія быть въ обществѣ вашего родственника, а ему мѣшаете надѣть красную куртку и выказать передъ дамами свое охотничье искусство.

— И сломать себѣ шею, сказалъ Трефольденъ сухо.

— Ахъ, да! отчего вы мнѣ не сказали, что онъ вашъ родственникъ, когда мы съ вами встрѣтились въ Рейхенау? спросила синьора Колонна.

— Я, право, не знаю; но вѣроятно потому, что полагалъ это для васъ неинтереснымъ.

— Или вы, можетъ быть, боялись, что я и его завербую, какъ васъ? Но вотъ моя лошадь.

— Позвольте мнѣ помочь вамъ сѣсть на лошадь, синьора Колонна, сказалъ онъ.

— Очень вамъ благодарна, отвѣчала она, пока Трефольденъ, почтительно взявъ ея маленькую ножку, ловко подсаживалъ ее въ сѣдло и оправлялъ складки ея платья: — я, право, не думала, мистеръ Трефольденъ, что ученый юристъ можетъ быть и ловкимъ наѣздникомъ.

— Отчего же и нѣтъ, синьора?

— Право, не могу сказать; но мнѣ такъ же бы мало пришло въ голову просить оказать мнѣ эту услугу собственно васъ, какъ и епископа гентербургійскаго. А вы охотникъ?

— Да, но я ужъ давно не охотился. У меня нѣтъ времени заниматься жестокостью изъ искусства ради искусства.

— Вы очень тонко опредѣляете разницу между дѣломъ и удоволь-

ствиѣмъ, сказала синьора, гордо взглянувъ на него: — однако, я прошу васъ замѣтить, мистеръ Трефольденъ, что я вовсе не охочусь. Я только ѣзжу на сборъ, чтобъ посмотрѣть на собакъ. Я такъ люблю ихъ побѣдный лай; но мнѣ всегда жаль бѣдную лисицу.

— Я сомнѣваюсь, чтобъ лордъ Кастельтауерсъ въ этомъ случаѣ сочувствовалъ нѣжнымъ влеченіямъ вашего сердца, отвѣчалъ страпчій.

Въ эту самую минуту лордъ Кастельтауерсъ сбѣжалъ съ лѣстницы съ нѣсколькими молодыми людьми, и увидѣвъ, что синьора Колонна была уже на лошади, прикусилъ губу и восленинулъ съ явнымъ неудовольствіемъ:

— Неужели Воанъ опять опередилъ меня и исполнилъ мою обязанность?

Гордый румянецъ показался на щекахъ Олимпіи.

— Помочь дамѣ сѣсть на лошадь—обязанность всякаго мужчины, находящагося вблизи, лордъ Кастельтауерсъ, отвѣчала она надменно:—мистеръ Трефольденъ былъ такъ любезенъ, что оказалъ мнѣ эту услугу.

Кастельтауерсъ обернулся въ нѣкоторомъ смущеніи и пожалъ руку страпчему:

— Простите, Трефольденъ, сказалъ онъ поспѣшно: — я васъ не замѣтилъ. Не поѣдете ли вы съ нами? Ахъ! нѣтъ, я забылъ; вы здѣсь по дѣламъ, но мы увидимся за обѣдомъ. Вы найдете вашего родственника въ столовой.

Съ этими словами онъ вскочилъ въ сѣдло, и подѣхавъ къ синьорѣ Колоннѣ, началъ что-то ей говорить нѣжно, полушопотомъ, такъ что никто не слышалъ. Но она отвѣчала ему очень коротко, и пожелавъ съ любезной улыбкой добраго утра Трефольдену, посакала со двора, сопровождаемая почетной свитой охотниковъ.

Трефольденъ посмотрѣлъ вслѣдъ за ними и задумчиво улыбнулся.

«Бѣдный Кастельтауерсъ», подумалъ онъ: «ея сердце бьется только для одной Италіи».

Потомъ онъ вошелъ въ домъ, гдѣ никого не нашель, ибо всѣ были на террасѣ. Это было большое общество, состоявшее преимущественно изъ дамъ, и вниманіе всѣхъ было сосредоточено на веселой группѣ охотниковъ, выѣзжавшихъ со двора.

Когда послѣдній всадникъ исчезъ изъ виду, мистеръ Трефольденъ подошелъ къ Саксену, который стоялъ въ сторонѣ отъ всего общества.

— Отчего вы такъ грустны и задумчивы, юный грѣшникъ?

сказалъ ему Трефольденъ, ударивъ его по плечу: — или ужь очень тяжело оставаться въ комнатахъ и возиться съ кучей зашпенныхъ дѣлъ, пока другіе скачуть, сломя голову, черезъ изгороди и рвы?

Саксенъ обернулся, и крѣпко сжавъ руку своего родственника, воскликнулъ съ своей обычной, открытой улыбкой:

— Да, за минуту передъ этимъ было тяжело, но теперь, когда вы уже пріѣхали, право, мнѣ все равно. Кастельтауреръ сказалъ, что мы можемъ пойти въ бібліотеку.

— Ну, такъ поидемте и примемтесь скорѣе за дѣло. Я надѣюсь, что вашъ умъ сегодня расположенъ къ работѣ.

— Вы должны быть монимъ умомъ въ подобныхъ дѣлахъ, Вильямъ, сказалъ Саксенъ, качая головой: — я ничего не знаю относительно денегъ, кромѣ того, какъ ихъ расходовать.

— Въ такомъ случаѣ, вы болѣе знаете, чѣмъ я думалъ, отвѣчалъ Трефольденъ: — деньги очень пріятная и желанная вещь, но три великія трудности соединены съ ними: какъ нажить ихъ, какъ удержать, и какъ расходовать. Я думаю, что послѣднее, то есть расходовать такъ, какъ слѣдуетъ, самое трудное изъ трехъ вопросовъ. Впрочемъ, наше дѣло нынче будетъ касаться только второго изъ этихъ вопросовъ. Я хочу васъ научить, какъ удержать деньги, потому что я увѣренъ, многіе учатъ васъ, какъ ихъ расходовать.

Говоря такимъ образомъ, они достигли бібліотеки, длинной, невысокой комнаты, съ дубовыми плинтусами и такой же мебелью. Она выходила въ тотъ же самый маленькій садикъ, какъ и окошко башенной комнаты синьора Колонны. По обѣимъ сторонамъ камина и вдоль всей противоположной стѣны, тянулись полки съ книгами, большей частью древними in-folio, въ тяжелыхъ, кожаныхъ переплетахъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ новѣйшихъ книгъ въ свѣтлыхъ переплетахъ, кастельтаурерская бібліотека своимъ внутреннимъ содержаніемъ, наврядъ привлекла бы много читателей. Тутъ были все старинныя, тяжелыя сочиненія по археологій, богословію, хронологіи, мѣстной исторіи графствъ и пр., и пр. Надъ дверью висѣли два оленья рога, а надъ каминомъ красовалось въ черной, дубовой рамкѣ генеалогическое древо рода Кастельтаурерсовъ.

— Ну, Вильямъ, сказалъ Саксенъ:—гдѣ же куча дѣлъ?

— Куча дѣлъ была только метафорой юридической фивіи, отвѣчалъ Трефольденъ, вынимая изъ кармана свою зашпенную книжку и футляръ съ картой: — я не буду васъ утруждать чтеніемъ никакихъ дѣлъ, но только обращаю ваше вниманіе на нѣсколько цифръ, на два или на три письма и на карту западной Авіи.

— Какое мнѣ дѣло до западной Азии! воскликнула Саксенъ съ удивленіемъ.

— Вотъ это-то именно я вамъ и объясню.

XXVIII.

Новая континентальная дорога.

— Впервые, Саксенъ, сказалъ Трефольденъ:—я сдѣлалъ для васъ то, что вы, конечно, никогда бы не вздумали сдѣлать сами: я приказалъ Друмонду свести вашъ счетъ. Признаюсь, что итогъ меня нѣсколько удивилъ.

— Отчего?

— Не оттого, что вы издержали много денегъ въ короткое время: я этого ожидалъ, но оттого, что столько вашихъ чекъ перешло въ карманы вашихъ друзей. Вотъ, напримѣръ, има сэръ Чарльса Бургойна встрѣчается не менѣе четырнадцать разъ въ продолженіе пяти недѣль. Первая чека на его има въ пятьсотъ двадцать-пять фунтовъ подписана 21-го марта.

— Это было за кобылу и кабріолетъ, сказалъ поспѣшно Саксенъ:—эта была его любимая лошадь, и ему давали за нее, два дня передъ тѣмъ, пятьсотъ-пятьдесятъ фунтовъ, онъ разстался съ нею только для меня.

Трефольденъ сомнительно улыбнулся, и взглянулъ на нѣсколько словъ, записанныхъ имъ въ его памятной книжкѣ въ то извѣстное утро, когда онъ подслушалъ разговоръ въ Эректеумѣ между Брандономъ и Бургойномъ. Эти слова гласили совершенно иное. Однако, онъ удовольствовался тѣмъ, что записалъ противъ первой чеки—«лошадь и кабріолетъ».

— Вторая чека, продолжалъ онъ:—въ шестьсотъ-десять фунтовъ, 29-го марта.

— Мои двѣ верховныя лошади и весь приборъ, объяснилъ Саксенъ.

— Гм, эти также были любимицы сэра Чарльса Бургойна?

— Нисколько. Онъ былъ такъ добръ, что купилъ ихъ для меня у одного пріятели, который распродалъ весь свой домъ.

Трефольденъ точно также записалъ объясненіе Саксена противъ подходящей суммы.

— Третья чека—двѣсти фунтовъ, 31-го марта.

— Это ничего! воскликнула Саксенъ:—эти деньги не издержаны; онъ только даны займы.

— Кому? сэру Чарльсу Бургойну?

— Да.

— А слѣдующая чека — въ двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ, 3-го апрѣля?

— Мнѣ кажется, это также взято взаймы, отвѣчалъ Саксенъ.

— Потомъ идутъ различныя мелкія чеки въ чотыреста фунтовъ, въ двѣсти, въ сто, въ пятьдесятъ и т. д. Вдругъ снова встрѣчается большая чека въ тысячу-пятьдесятъ фунтовъ. Помните вы, для чего она была дана?

— Конечно. На покупку фаэтона и пары лошадей; даже Кастельтауреръ говорилъ, что это недорого.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ Трефольденъ, перевертывая страницу въ своей памятной книжкѣ, что лордъ Кастельтауреръ единственный вашъ знакомый, котораго дружба не освящена какой-нибудь денежною сдѣлкой. Вотъ Эдвардъ Брандонъ, и онъ также изъ любви къ вамъ разорилъ свою конюшню?

— Нѣтъ, со смѣхомъ возразилъ Саксенъ:— бѣдному Брандону нечего продавать. Онъ нанимаетъ верховую лошадь, когда у него есть лишній соверенъ, что случается нечасто.

— Это значить въ переводѣ, что двѣ тысячи фунтовъ съ небольшимъ, отданные мистеру Брандону въ различныя времена, не что иное, какъ простыя займы?

— Именно такъ.

— А Гай Гревиль эсквайръ, кто это такой?

— Одинъ изъ членовъ нашего клуба. Но въѣдъ это бездѣлица.

— Вы называете бездѣлицей двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ? Вотъ еще чотыреста фунтовъ Патрику Фиц-Гьюгу, эсквайру. Онъ также членъ вашего клуба?

— Да, отличный человекъ, ирландецъ.

— Это также вѣрно все займы?

Саксенъ махнулъ головой въ знакъ согласія.

— Послѣ этого, продолжалъ Вильямъ:— тутъ множество самыхъ разнообразныхъ чекъ, очевидно все уплаты магазинщикамъ. Одна изъ нихъ, я вижу, простирается до тысячи фунтовъ, именно Гунту и Роскилю. Сколько изъ этой суммы пошло на браслетъ примадонны, разбойникъ?

— Я не имѣю ни малѣйшаго понятія: я поручилъ Джиллигвотеру заниматься моими счетами.

— Не забудемъ еще маленькой суммы, сказалъ стряпчій:— именно пустой, бездѣльной чеки, въ пятьдесятъ-девять тысячъ, мистеру Лоренсу Грэтторексу.

— Эти деньги не издержаны, а только выгодно помѣщены, отвѣчалъ Саксенъ.

— Это такъ, но ихъ можно было бы помѣстить такъ же вѣрно и въ кратеръ Везувія. Довольно, однако, подробностей. Имѣете ли вы какое-нибудь понятіе объ итогѣ всѣхъ израсходованныхъ вами денегъ?

— Никакого.

— Чтò вы скажете, если этотъ итогъ простирается до семидесяти-восьми тысячъ шестисотъ двѣнадцати фунтовъ?

— Я рѣшительно ничего не могу сказать, отвѣчалъ Саксенъ со смѣхомъ: — а какъ ваше мнѣніе объ этомъ?

— Мое мнѣніе, что молодого человѣка, который умѣетъ прожывать въ недѣлю болѣе пятнадцати тысячъ фунтовъ капитала, надо посадить въ сумасшедшій домъ.

— Но развѣ вы полагаете, что я дѣйствительно дурно сдѣлалъ, издержавъ столько денегъ?

— Я думаю, что вы очень глупо поступили, и не получили достаточнаго вознагражденія за ваши деньги. Я также думаю, что ваши пріатели васъ грабятъ самымъ безчестнымъ образомъ, но во всякомъ случаѣ, вы въ состояніи сдѣлать такой расходъ, и это научило васъ нѣсколько практической жизни. Сказать вамъ правду, я это предчувствовалъ, и, познакомивъ васъ съ лордомъ Кастельтауерсомъ, нарочно держался самъ въ сторонѣ и берегалъ свои совѣты для болѣе удобнаго случая. Я рѣшился подождать нѣсколько недѣль, и дать вамъ случай самымъ на опытъ узнать, чтò такое свѣтъ. Я не желалъ играть роль Ментора, а васъ принимать за Телемака.

— Напрасно, я былъ бы вамъ очень благодаренъ, сказалъ Саксенъ.

— Ну, такъ я теперь вступаю въ это званіе, и вы можете мнѣ быть благодарны, отвѣчалъ Трефольденъ съ пріятной улыбкой:— я пріѣхалъ сюда сегодня для того, чтобы научить васъ финансовой мудрости и доказать крайнюю необходимость, чтобы ваше состояніе было помѣщено самымъ выгоднымъ образомъ.

— Вы ужь мнѣ это говорили прежде.

— Да, но теперь я это добавю. Два мѣсяца тому назадъ, у васъ было четыре милльона семьсотъ семьдесятъ-шесть тысячъ фунтовъ. Съ тѣхъ поръ вы спустили порядочную сумму, но все же круглымъ числомъ, отбросивъ десятки тысячъ, у васъ теперь четыре милльона съ половиной.

— Конечно, положимъ, четыре съ половиной, повторилъ Саксенъ, лѣниво потягиваясь.

— Спрашивали ли вы себя когда нибудь, надолго ли хватитъ вашихъ четырехъ съ половиной милльоновъ, если вы будете продолжать такъ, какъ начали?

— Нѣтъ, но конечно хватило бы на всю мою жизнь.

— Ихъ хватило бы ровно на шесть лѣтъ девять недѣль и три дня.

Саксенъ отъ изумленія не могъ произнести ни одного слова.

— Теперь вы можете разсудить сами, сказалъ Трефольденъ:— нужно ли ваши деньги помѣстить на проценты и бесполезно ли я вамъ надѣдаю толками о дѣлахъ въ то время, когда вы могли бы гоняться сломя голову за лисницами. Вамъ необходимо, Саксенъ, имѣть опредѣленный годовой доходъ.

— Да, я это теперь вижу.

— И, какъ я уже вамъ давно говорилъ, ваше состояніе, если его хорошо помѣстить, можетъ дать громадный доходъ. Считаю по пяти процентовъ, вы можете получить двѣсти-пятьдесятъ тысячъ въ годъ, а по семи съ половиной—триста-семьдесятъ-пять, то-есть болѣе тысячи фунтовъ въ день. Мнѣ кажется, Саксенъ, что я нашелъ вамъ случай помѣстить на семь съ половиной процентовъ столько денегъ, сколько вы захотите отдѣлить отъ вашего капитала.

— Тысячу фунтовъ въ день! Семь съ половиной процентовъ! пробормоталъ Саксенъ:—но вѣдь это хорошо ростовщичу, Вильямъ, а не мнѣ.

— Ростовщичу, повторилъ Трефольденъ съ улыбкой:—да знайте, милѣйшій, что ни одинъ дѣловой человѣкъ не довольствуется меньшимъ доходомъ съ своего капитала.

— Но за то—онъ дѣловой человѣкъ, и его умѣнье и опытъ составляютъ часть его капитала; онъ, конечно, долженъ получать гораздо болѣе, чѣмъ богатый лѣнтяй, отвѣчалъ Саксенъ съ практическимъ здравымъ смысломъ, который доказывалъ, какъ легко онъ можетъ понять всѣ тонкости трудной финансовой науки, если только давалъ себѣ трудъ подумать.

Трефольденъ былъ совершенно изумленъ. Онъ такъ привыкъ смотрѣть на своего юнаго родственника какъ на младенца во всемъ, что касалось практической жизни, что неволью заблуждался на счетъ его умственныхъ способностей.

— Ваше замѣчаніе отчасти справедливо, Саксенъ, сказалъ онъ:—но оно не касается дѣла. Потребовалось бы слишкомъ много времени, чтобы обсудить философски этотъ вопросъ, и потому вѣрьте моей опытности, что вы, какъ честный человѣкъ, имѣете право получать съ вашего капитала семь съ половиной процентовъ дохода, если вы можете получить ихъ безъ всякаго риска. Моя цѣль—доставить вамъ хорошій доходъ, и если я нѣсколько медлю, то это изъ осторожности, а не отъ недостатка усердія.

— Милый Вильямъ, я никогда бы и не подумалъ упрекать васъ ни за то, ни за другое! воскликнулъ съ жаромъ Саксенъ.

— Я вполне сознаю тяжелую отвѣтственность, которая лежитъ на мнѣ въ этомъ отношеніи, продолжалъ Трефольденъ:—

и я долженъ признаться, что до сей минуты я былъ остороженъ до робости.

— Я въ этомъ увѣренъ, я въ этомъ увѣренъ, сказалъ Саксенъ, протягивая руку: — и такъ сердечно вамъ за все благодаренъ, что не могу выразить это словами.

— Я очень радъ, что вы такъ доверяете мнѣ, отвѣчалъ страпчій, пожимая руку молодого человѣка. Но какъ пожатіе, такъ и голосъ его поражали своей холодностью.

Послѣ этого Вильямъ приготовилъ свои бумаги, развернулъ карту и на минуту остановился, сосредоточивая свои мысли. Энергическій въ дѣлахъ, быстрый на соображенія Трефольденъ теперь, казалось, колебался, словно не зная, какъ начать рѣчь о томъ, для чего онъ проѣхалъ такую даль. Наконецъ, онъ началъ:

— Какъ бѣдшая часть осторожныхъ людей, Саксенъ, я не сочувствую спекуляціямъ; но я не смѣшиваю спекуляціи съ предпримчивостью, какъ дѣлаютъ иные уже слишкомъ осторожные люди. Въ Англіи великія, общественныя учрежденія основываются частными людьми, и въ этомъ-то заключается главнѣйшее условіе нашего національнаго благосостоянія. Предпримчивость сдѣлала насъ тѣмъ, что мы есть; спекуляціи же погубили бы насъ. Я именно намѣренъ вамъ предложить, Саксенъ, предпріятіе громадное, гигантское по важности своихъ результатовъ, но говоря сравнительно, очень незначительное, по расходамъ. Вы должны выслушать меня со вниманіемъ.

— Я, право, слушаю васъ со вниманіемъ.

— Мнѣ нечего спрашивать васъ, знаете ли вы обыкновенный путь изъ Англіи въ Индію, черезъ Средиземное и Черное моря?

— Континентальный путь? Конечно, знаю, на картѣ.

— И вы знаете, какъ ходятъ коммерческіе корабли въ Индію и Китай, вокругъ Мыса Доброй Надежды?

— Конечно.

— Такъ сдѣлайте одолженіе взгляните на красную линію, которую я начертилъ на картѣ. Она начинается, вы видите, изъ Дувра и идетъ черезъ Кале и Марсель, гдѣ...

— Но, перебилъ Саксенъ:—я вижу двѣ красныя линіи, пересекающія Средиземное море.

— Мы прежде прослѣдимъ одну. Въ Александріи она соединяется съ желѣзною дорогою черезъ Суэзскій перешеекъ, и перекосивъ Черное море въ Адень, идетъ по Аравійскому заливу въ Бомбей. Эта дорога—собственность континентально-восточной компаніи. По ней можно изъ Лондона прибыть въ Бомбей на двадцать-четвертый день. Мы до сихъ поръ привыкли смотрѣть

на этотъ фактъ, какъ на одну изъ самыхъ великихъ побѣдъ современной цивилизаціи.

— Это дѣйствительно побѣда! воскликнулъ Саксенъ.

— Да, но путешествіе по этой дорогѣ стоитъ сто фунтовъ, отвѣчалъ Трефольденъ:—и люди, которые не могутъ заплатить подобной громадной цѣны, должны ѣхать вокругъ Мыса Доброй Надежды, и такимъ образомъ потерять девяносто-четыре дня, если они ѣдутъ на пароходѣ, и четыре мѣсяца, если они ѣдутъ на кораблѣ. Теперь посмотрите на мою другую красную линію, и замѣьте, гдѣ она отдѣляется отъ первой.

— Она идетъ черезъ Мессинскій проливъ, касается Кипра вмѣсто Мальты, и пересѣкаетъ море прямо въ Сидонъ вмѣсто Александріи, сказалъ Саксенъ, удивленный и заинтересованный.

— Именно такъ; а изъ Сидона дорога это прямо идетъ на Пальмиру, откуда по долинѣ Евфрата выходитъ на берегъ Персидскаго залива, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Евфратъ и Тигръ впадаютъ въ море, въ ста-тридцати миляхъ ниже Корны.

— А потомъ она идетъ внизъ по Персидскому заливу и тажъ до Бомбея, сказалъ Саксенъ.

Трефольденъ взглянулъ и указалъ пальцемъ на карту.

— Еслибъ эта линія отъ Сидона къ морю представляла великолѣпную желѣзную дорогу, которая соединялась бы на обѣихъ оконечностяхъ съ хорошо-устроеннымъ пароходнымъ сообщеніемъ, которую изъ дорогъ вы предпочли бы?

— Конечно, новую; ни одинъ благоразумный человѣкъ не поступилъ бы иначе. Впервые, эта дорога, должно быть, гораздо короче?

— Всего въ ней тысячу-двѣсти или тысячу-четыреста миль.

— И потомъ гораздо болѣе пришлось бы ѣхать по твердой землѣ, и еще по какой землѣ! Пальмира! Вавилонъ! Басора! вклянусь Юпитеромъ, тогда многіе отправились бы въ Индію только затѣмъ, чтобъ посѣтить мѣста, столь извѣстныя въ исторіи древняго міра!

— Признаюсь, я смотрю на этотъ проектъ не съ археологической точки зрѣнія, отвѣчалъ Трефольденъ:— посмотрите на ея практическую сторону и знайте, что я вамъ привожу факты сырые, необработанные учеными изслѣдованіями. Цифры также у насъ среднія, предположительныя. Мы считаемъ, что эта желѣзная дорога будетъ простираться на семьсотъ-пятьдесятъ или восемьсотъ миль, то-есть она будетъ длиннѣе желѣзной дороги между Кале и Тулономъ не болѣе, какъ на полторасти или двѣсти миль. Эта линія, конечно, привлечетъ къ себѣ всю торговлю Европы съ Индіею, Персіею и Цейлономъ. Это будетъ кратчай-

шій путь въ Австралію, и на переѣздъ тогда изъ Бомбея въ Лондонъ понадобится всего двѣнадцать или четырнадцать дней.

— Дыханіе занимается отъ величія такого предпріятія, воскликнулъ Саксенъ.

Трефольденъ улыбнулся съ покойной улыбкой торжества.

— Но это еще не все, сказалъ ояъ: — мы имѣемъ основаніе полагать, что въ Гитъ, гдѣ есть минеральные источники, находится каменный уголь; а такъ-какъ Гитъ лежитъ почти на полдорогѣ между Сидономъ и Персидскимъ заливомъ, то мы будемъ въ состояніи снабжать углемъ наши пароходы и нашу желѣзную дорогу изъ одного центрального депо.

— Это вѣрно нефтяные колодцы, о которыхъ упоминаетъ Геродотъ, сказалъ послѣшно Саксенъ: — именно колодцы Иса, которые доставляли асфальтъ для вавилонскихъ стѣпъ?

— Сдѣлайте одолженіе, Саксенъ, сосредоточьте все ваше вниманіе на одномъ девятнадцатомъ вѣгѣ, возразилъ страпчій: — думайте о Вавилонѣ только какъ о станціи желѣзной дороги, а о Пальмирѣ, какъ о мѣстѣ, гдѣ останавливаются обѣдать. Да я зналъ, что этотъ проектъ васъ поразитъ, но я бы желалъ слышать ваше мнѣніе объ этой новой континентальной дорогѣ.

— Мое мнѣніе? сказалъ Саксенъ: — вы бы точно такъ же могли спросить мое мнѣніе о географіи Урана.

— Вотъ это-то именно соображеніе не позволяетъ мнѣ рекомендовать вамъ это предпріятіе, какъ выгодное помѣщеніе капитала.

— А на счетъ этого не безпокойтесь, со смѣхомъ произнесъ Саксенъ: — я одинаково не понимаю всѣ дѣла. Я уже вамъ сказалъ, что въ финансовыхъ вопросахъ вы должны думать за меня.

— Мое положеніе тѣмъ труднѣе, что я не могу позволить вамъ посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ съ кѣмънибудь другимъ, сказалъ Трефольденъ: — при осуществленіи подобнаго проекта придется бороться со многими частными интересами, и потому очень важно, чтобъ мы хранили до поры до времени это предпріятіе въ тайнѣ. Примете ли вы участіе въ этомъ дѣлѣ, или нѣтъ, но я долженъ взять съ васъ честное слово, что вы объ этомъ никому не расскажете.

Саксенъ не колеблясь далъ слово, хотя не понималъ, для чего нужна была такая таинственность.

— Мы не должны возбуждать противодѣйствія, пока нашъ проектъ совершенно не созрѣетъ, объяснилъ Трефольденъ.

— Но если новая дорога будетъ такимъ полезнымъ дѣломъ, то кто же станетъ ей противодѣйствовать? возразилъ Саксенъ.

— Всѣ лица, заинтересованныя въ старой дорогѣ, отвѣчала улыбаясь Вильямъ: — континентально-восточная компанія, дирек-

торы и акціонеры суэской желѣзной дороги и сорокъ тысячъ англичанъ, составляющихъ колонію въ Александріи.

— И всё эти люди разорились бы? спросилъ Саксенъ.

— Всякая реформа кого нибудь да разоряетъ, замѣтилъ Трефольденъ, съ спокойствіемъ философа.

— Да. Но реформаторъ обязанъ извѣстить настоящій вредъ и будущее добро. Въ этомъ дѣлѣ перевѣсило ли бы будущее добро?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Какимъ образомъ?

Трефольденъ былъ очень изумленъ. Онъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, кромѣ этой именно точки, благотворительной.

— Ну, сказалъ онъ:—новая дорога дастъ работу тысячамъ...

— И лишитъ работы тысячи.

— ...она распространитъ торговлю, расширитъ предѣлы цивилизаціи, улучшитъ положеніе Аравіи...

— Я несогласенъ разорить сорокъ тысячъ англичанъ, для того, чтобы улучшить положеніе Аравіи, перебилъ его Саксенъ.

— ... и такъ приблизитъ Индію къ Англіи, что если тамъ вспыхнетъ новое возстаніе, то мы будемъ въ состояніи послать туда дѣлую армію въ двѣнадцать дней. Въ одномъ этомъ отношеніи проектъ неопѣннымъ.

— Это правда, но...

— Въ нашемъ успѣхѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія, продолжалъ Трефольденъ:—мнѣ даже не хотѣлось бы, Саксенъ, вовлечь васъ въ дѣло, польза котораго, хотя и очевидна для всѣхъ практическихъ людей, но не доказана ясными фактами; однако я считаю обязанностью сказать вамъ, что я никогда не видалъ болѣе блестящаго средства помѣститъ свой капитала.

— Но...

— Семь съ половиною процентовъ будутъ выдаваться обществомъ, покуда будутъ производиться работы, но когда дорога откроется, то барышъ будетъ громадный. Ваши семь съ половиною процентовъ превратятся, мой милѣйшій, въ двадцать-пять, а можетъ быть и въ пятьдесятъ.

— Мнѣ не нужно двадцати-пяти или пятидесяти процентовъ, отвѣчалъ Саксенъ:—у меня и то столько денегъ, что я не знаю, что съ ними дѣлать.

— Я увѣренъ, что вы извлечете пользу изъ своего состоянія, какъ бы оно велико ни было, сказалъ Трефольденъ.

— А у меня сердце разорвалось бы отъ горя, еслибъ по моей милости разорились тѣ, которые жавутъ теперешней системой. За-

чѣмъ, напримѣръ, мнѣ желать разоренія континентально-восточной дороги?

— Мы надѣемся, что ничего подобнаго не будетъ, отвѣчалъ Трефольденъ: — мы предложимъ этому обществу соединиться съ нами и, по всей вѣроятности, возьмемъ его суда.

— А англійская колонія въ Александріи?

— Сидонъ сдѣлается тѣмъ же, чѣмъ теперь Александрія, или лучше сказать, сдѣлается такимъ важнымъ городомъ, каковымъ никогда не была Александрія даже въ древнее, цвѣтущее свое время. Точно такъ же, какъ теперь нуждается Александрія въ банкахъ, домахъ, церквахъ и набережныхъ, такъ будетъ въ нихъ нуждаться и Сидонъ. Александрійскіе колонисты народъ богатый и предприимчивый, и они попросту переберутся въ новый портъ, такъ что черезъ десять лѣтъ будутъ гораздо богаче, чѣмъ еслибъ оставались на старомъ мѣстѣ.

— Неужели? Вы думаете?

— Я не думаю, а знаю. И компанія суэзской желѣзной дороги не будетъ также въ навадѣ. Мы, по всей вѣроятности, примемъ къ себѣ всѣхъ служащихъ въ ней и присоединимъ ея акціонеровъ къ нашимъ. Но, впрочемъ, Саксенъ, вы слишкомъ мало знаете дѣла, чтобъ судить о такомъ важномъ предпріятіи, и такъ-какъ я вижу, что вы не сочувствуете нашей идеи, то не будемъ болѣе говорить объ этомъ.

— Я не желаю привести вреда другимъ людямъ; но такъ-какъ вы теперь объяснили все дѣло, то я съ радостью...

Но Трефольденъ не хотѣлъ ничего слышать.

— Нѣтъ, нѣтъ, холодно сказалъ онъ, собирая бумаги и свертывая карту: — я старался сдѣлать все, что возможно для вашей пользы, но, быть можетъ, и къ лучшему, если вы не примете никакого участія въ новой дорогѣ.

— Однако, если вы хорошаго мнѣнія объ этомъ предпріятіи...

— Я такого хорошаго о немъ мнѣнія, что помѣщу все свое состояніе въ акціи этого общества; но это на васъ не должно имѣть никакого вліянія. Дѣйствительно, Саксенъ, я бы желалъ лучше, чтобъ ваши деньги остались просто въ фондахъ. Конечно, вы получали бы только три процента, но за то вы были бы въ состояніи всегда распорядиться вашими деньгами, какъ вамъ заблагоразсудится, а я избавился бы отъ тяжелой отвѣтственности давать вамъ совѣты.

— Вы сердитесь на меня, Вильямъ?

— Я сожалѣю, что вы считаете меня способнымъ дать вамъ дурной совѣтъ, отвѣчалъ Трефольденъ, тѣмъ же холоднымъ тономъ.

— Но я нимало этого не считаю. Я сознаюсь, что ошибаюсь, но такъ-какъ вы сами сказали, что я не знаю жизни, то пожалуйте не взыскивайте съ меня за мое невѣжество.

— Шт, ни слова, сказалъ добродушно страпчій: — ужъ и то вы сказали болѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

— А мои деньги?

— Что касается до вашихъ денегъ, то повторяю, что всего лучше оставить ихъ въ правительственныхъ фондахъ по три процента. И этимъ путемъ вѣдь вы будете получать сто тридцать пять тысячъ фунтовъ въ годъ.

— Какъ хотите. Я не буду въ состояніи столько издерживать денегъ, какъ теперь, а буду такъ же счастливъ.

Трефольденъ взглянулъ на него очень серьезно.

— Да, сказалъ онъ: — но вы не будете въ состояніи дѣлать столько добра и доставлять столько счастья другимъ.

Улыбка тотчасъ исчезла съ лица Саксена.

— Какъ бы я желалъ знать, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать, воскликнулъ онъ, съ нетерпѣніемъ: — скажите прямо, Вильямъ, какъ вы хотите, чтобъ я поступилъ?

— Я не скажу болѣе ни слова, отвѣчалъ Трефольденъ: — вы уже знаете мое мнѣніе.

— Да... и, конечно, я долженъ руководствоваться имъ. Вы не откажете мнѣ въ вашей помощи въ этомъ отношеніи?

— Конечно, не отважу. Вамъ стоитъ только рѣшиться и сдѣлать свои распоряженія.

— Ну, такъ я рѣшился. Помѣстите деньги и покончимъ это дѣло разомъ.

— А какъ вы желаете, чтобъ я ихъ помѣстилъ, Саксенъ? спросилъ Трефольденъ, обмакивая перо въ чернила.

— Конечно, въ акціи компаніи новой дороги.

— Въ стофунтовыя акціи компаніи желѣзной дороги и пародства *ново-континентальной* дороги, пропзнесъ страпчій, быстро записывая въ своей памятной книжкѣ. — А на какую сумму?

— На какую вы сочтете удобнымъ.

— Скажемъ, два милльона.

— Отчего только два? что же я сдѣлаю съ остальными?

Трефольденъ остановился, положилъ перо, и пытливый наблюдатель замѣтилъ бы, какъ онъ мгновенно измѣнился въ лицѣ.

— Я не совѣтую вамъ въ настоящую минуту помѣщать болѣе, сказалъ онъ: — и то вы будете самымъ большимъ акціонеромъ; если же впоследствии компаніи понадобится увеличить капиталъ, то вы будете всегда въ состояніи привунуть добавочныя акціи.

Теперь потрудитесь, Саксенъ, подписать эту бумагу, которой вы мнѣ даете право распорядиться вашими двумя милльонами.

Молодой человекъ поспѣшно схватилъ перо, и такъ небрежно подписалъ свое имя, словно дѣло шло о двухъ фунтахъ, а не о двухъ милльонахъ.

— Никогда не должно подписывать бумагъ, не прочитавъ ихъ; помните это, Саксенъ, сказалъ Трефольденъ: — кстати, я озабочусь, чтобъ васъ внесли въ списокъ директоровъ.

— Да, я радъ быть директоромъ, но только такимъ, который ничего не будетъ дѣлать, со смѣхомъ отвѣчалъ Саксенъ: — вы также директоръ?

— Нѣтъ, я только страпчій компаніи. Но теперь, когда это дѣло кончено, не взглянете ли вы на приблизительный расчетъ будущихъ издержекъ компаніи? Вотъ планъ дороги, таблица...

— Извините, Вильямъ, перебилъ его Саксенъ: — но если вы сами говорите, что дѣло кончено, то я рѣшительно протестую противъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій о новой дорогѣ. Умоляю васъ, пойдемте гулять, и забудемъ дѣла.

— Я боюсь, что вы неисправимы, сказалъ Трефольденъ.

— Я въ этомъ увѣренъ. Вы ѣздите верхомъ?

— Да, иногда.

— Такъ мы отправимся въ погоню за охотниками.

Трефольденъ положилъ свои бумаги въ барманъ, и они оба отправились въ конюшни, гдѣ Саксенъ приказалъ осѣдлать обоихъ своихъ коней.

— Я надѣюсь, что вы не забыли мои слова объ оковахъ, Саксенъ, сказалъ Трефольденъ, когда они уже скакали по парку: — синьора Колонна опасный сосѣдъ, остерегайтесь ея.

Саксенъ громко захохоталъ.

— Не бойтесь за меня, Вильямъ, отвѣчалъ онъ: — я, какъ Ахиль, неуязвимъ.

— Мы такъ всегда говоримъ, пока насъ не поразитъ смертоносная стрѣла. Впрочемъ, если ваше сердце и застраховано, то все же, повторяю, остерегайтесь ея ради вашего кошелька. Синьора еще не взяла съ васъ никакой патріотической пошлпны?

— Никакой.

— Это многозначительно, особливо когда у нихъ готовится возмущеніе. Она, значить, бережетъ свои силы, чтобъ ударъ, когда онъ разразится, поразилъ бы съ большей силой. Я прошу, Саксенъ, только одного, чтобъ когда синьора Колонна или ея отецъ станутъ требовать вашей помощи, вы ограничились только денежнымъ содѣйствіемъ, а не связывали бы себя какимъ-нибудь безумнымъ обѣщаніемъ.

— Конечно, но какимъ же обѣщаніемъ могу я себя связать?
 — Одному Богу это извѣстно! Синьора Колонна въ состояніи взять съ васъ слово, что вы будете командовать отрядомъ волонтеровъ.

XXIX.

БОГАТАЯ МИСЬ ГАТЕРТОНЪ.

Званный вечеръ въ Кастельтауерсѣ—было дѣло немаловажное. Оно всегда сопровождалось большими издержками и хлопотами, потому что наслѣдственные сундуки Кастельтауерсовъ были пусты, а необходимо было поддержать честь рода. Какимъ образомъ немногочисленные, но блестящіе вечера леди Кастельтауерсѣ оплачивались—извѣстно было только ей и ея сыну. Два или три старинныхъ дуба исчезали въ уединенномъ углу парка, или молодой лордъ отказывалъ себѣ въ лошади, или барета оставалась цѣлый годъ безъ поправки, или, наконецъ, сама леди жертвовала своей ежегодной поѣздкой въ Лондонъ. Однимъ словомъ, такъ или иначе, но излишніе расходы были такъ честно уплачиваемы, что только сами хозяева несли на себѣ тягость своихъ празднествъ.

Въ настоящемъ случаѣ, однако, лордъ Кастельтауерсѣ долженъ былъ обратиться къ своему стряпчему, чтобы занять денегъ подъ залогъ будущихъ доходовъ; и Вильямъ Трефольденъ, пріѣхавъ въ Кастельтауерсѣ по дѣламъ Саксена, привезъ въ то же время чѣку лорду. Вечеръ былъ назначенъ на другой день, но Вильяма Трефольдена не могли уговорить остаться. Онъ увѣрялъ, что ему необходимо ѣхать въ городъ съ вечернимъ поѣздомъ, и дѣйствительно уѣхалъ, какъ говорилъ.

Вечеръ былъ очень блестящій. Избранное общество состояло большею частію изъ мѣстной аристократіи, нѣсколькихъ военныхъ и нѣсколькихъ танцоровъ изъ Лондона. Между аристократіей были: виконтъ и леди Эшеръ—гордая, надутая чета старинной школы, которая, презирая желѣзныя дороги, пріѣхала въ экипажѣ изъ своего замка, и должна была почевать въ Кастельтауерсѣ. Виконтъ былъ лордомъ-наимѣстникомъ графства, и нѣкогда занималъ впродолженіе трехъ недѣль мѣсто въ министерствѣ, о чемъ онъ никогда не уставалъ рассказывать. Кромѣ него были: сэръ Александръ и леди Гавклэ съ ихъ пятью незамужними дочерьми, епископъ Бечвортскій съ женой, мистеръ Вальейншо, одинъ изъ богатѣйшихъ членовъ парламента, съ женой и ихъ дорогой гостью мисъ Гатертонъ, отецъ которой началъ жизнь простымъ рудокопомъ, а умеръ, оставивъ состояніе

въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ фунтовъ. Тутъ были также лордъ Боксгилъ, прусскій посланникъ принцъ Квартцъ Потцъ, нѣсколько мѣстныхъ баронетовъ съ семействами, какой-то отставной совѣтникъ посольства и множество меньшихъ звѣздъ парламентскаго, клерикальнаго и чиновнаго міра. Къ этому избранному кружку присоединилось еще нѣсколько знаменитостей низшаго міра искусствъ и литературы, именно: сэръ Джонсъ Робинсонъ, великій живописецъ, синьоръ Кагутина — извѣстный скрипачъ, мистръ Смитъ Браунъ — блестящій авторъ «Трансцендентальнаго эклектизма», и его жена, мистрисъ Смитъ Браунъ, прославившаяся своей книгой «Женщины на войнѣ, въ совѣтѣ и въ церкви».

Къ девяти часамъ гости начали собираться. Въ десять приемныя комнаты всѣ были полны, а въ залѣ начались танцы. Хотя рѣдко открытая при дневномъ свѣтѣ, эта зала съ ея темно-дубовыми плинтусами, готическими окнами, громаднымъ рѣзнымъ каминомъ и древними воннскими украшеніями на стѣнахъ — составляла славу Кастельтаурса. Дѣйствительно, блестяще-освѣщенная и украшенная цвѣтами, она представляла такую великолѣпную бальную залу, какую трудно найдти гдѣ либо, кромѣ Англии.

Леди Кастельтаурсъ принимала гостей въ первой приемной комнатѣ недалеко отъ дверей; поза ея была очень торжественная, и, блистая своими наслѣдственными брильянтами, она походила болѣе чѣмъ когда на Марію-Антуанету. Любезная со всѣми, какъ подобаеть хозяйкѣ, она, однако, соразмѣрляла свои любезности съ строгимъ кодексомъ этикета. Улыбка, которой она привѣтствовала виконта Эшера, различалась на много ступеней отъ улыбки, пожалованной сэру Джонсу Робинсону; а рука, протянутая мистрисъ Смитъ Браунъ, была словно рукой автомата въ сравненіи съ радушнымъ, теплымъ пожатіемъ хорошенькихъ пальчиковъ богатой миссъ Гатертонъ.

— Но гдѣ же благородный диварь? спросила мисъ Гатертонъ, осматривая въ лорнетку всю залу: — я такъ много наслышалась о немъ, что просто умираю отъ желанія его видѣть.

Мисъ Гатертонъ была красивая молодая дѣвушка, высокаго роста, лѣтъ двадцати-пяти или двадцати-шести, съ черными глазами, съ прекрасными зубами, съ большими, но добродушнымъ ртомъ, и съ очень рѣзкими рѣшительными манерами. Она стояла позади леди Кастельтаурсъ, въ небольшой группѣ избранныхъ гостей, забавлявшихся критикой всѣхъ входившихъ.

— Благородный диварь! повторила леди Кастельтаурсъ: — о комъ вы говорите, мисъ Гатертонъ?

— О комъ? конечно, о томъ молодомъ человѣкѣ, который получилъ знаменитое наслѣдство.

— О мистерѣ Трефольденѣ. О! онъ только-что былъ тутъ; вонъ онъ стоитъ у камина.

— Златокудрый Антиной; но, милая леди Кастельтауерсъ, онъ вѣдь положительно красавецъ, и нимало не похожъ на дикаря. Я надѣялась увидѣть второго Орсона—существо, одѣтое въ звѣриную шкуру. Я ужасно разочарована.

— Мистеръ Трефольденъ очень пріятный и скромный молодой человѣкъ, сказала леди Кастельтауерсъ съ улыбкой.

— Неужели пріятный и скромный! Вотъ находка-то, и еще такой богатый. Я слышала, что у него нѣсколько милліоновъ. Я прежде полагала, что у меня порядочное состояніе; теперь же, рядомъ съ нимъ, я считаю себя нищей. А кто этотъ толстый баринъ, весь усыпанный звѣздами, какъ небо въ зимнюю ночь?

Но прежде, чѣмъ леди Кастельтауерсъ могла отвѣтить, лакей доложилъ принца Квартца-Потца, и благородный прусакъ съ низкимъ поклономъ подошелъ къ ручкѣ хозяйки.

— Какой смѣшной толстякъ! сказала мисъ Гатертонъ, смотря вслѣдъ посланнику, когда онъ прошелъ въ залу.

— Принцъ Квартцъ-Потцъ, милая мисъ Гатертонъ, очень знатный вельможа, возразила леди Кастельтауерсъ, пораженная словами своей гостьи:—онъ дальній родственникъ нашей королевской фамиліи—черезъ свою прабабушку, марграфиню саксен-гогенгаузенскую; а теперешняя великая герцогиня цоленстраская—его четверюродная сестра.

Мисъ Гатертонъ, казалось, вовсе не обратила вниманія на эти важныя обстоятельства.

— О, неужели, сказала она равнодушно:—а кто этотъ красивый мужчина съ львиной гривой?

— Мистеръ Томсонъ, членъ парламента, отвѣчала леди Кастельтауерсъ, когда новый гость, поклонившись, прошелъ въ залу.

— Кто, великій Томсонъ? Томсонъ, который предложилъ парламенту знаменитое слѣдствіе надъ злоупотребленіями въ мнистерствѣ?

— Я не знаю, что вы подразумѣваете подъ словомъ «великій», милая мисъ Гатертонъ, сказала молодая графиня:—но мнѣ кажется, политическія мнѣнія мистера Томсона очень вредны и опасны.

— Я вижу, вы его не любите, но все же я попрошу васъ познакомить меня съ нимъ. Я не имѣю никакихъ политическихъ мнѣній, и восхищаюсь талантомъ, къ какой бы онъ партіи ни принадлежалъ. Однако, я совсѣмъ влюбилась въ Антиноя, и жажду танцовать съ нимъ. Познакомьте насъ, пожалуйста, милая леди Кастельтауерсъ.

— Кого желаетъ ошастливить своимъ знакомствомъ мисъ Гатертонъ? спросилъ лордъ Кастельтауерсъ, подходя къ разговаривающимъ: — не могу ли я быть вамъ полезнымъ?

— Конечно. Я желаю познакомиться съ мистеромъ Трефольденомъ, про котораго толкуетъ весь свѣтъ послѣднія пять или шесть недѣль.

— Я съ большимъ удовольствіемъ представлю вамъ его. Вы позволите проводить васъ до стула, и подождете пока я къ вамъ приведу его?

— Да, благодарствуйте. И смотрите, лордъ Кастельтауерсъ, заставьте его танцовать со мной, я непременно хочу съ нимъ танцовать. Вѣдь онъ умѣетъ, не правда-ли?

— Еще бы; какъ вы можете спрашивать подобныя вещи?

— Мнѣ говорили, что онъ былъ совершенный дикарь, когда неожиданно получилъ свое наслѣдство; именно шесть недѣль тому назадъ, онъ не умѣлъ подписывать своего имени, и никогда въ жизни не видывалъ золотой монеты.

— Если вы называете дикаремъ человѣка, который не бывалъ при дворѣ, то вы правы, называя моего друга дикаремъ, замѣтилъ Кастельтауерсъ.

— Фя, какъ зло! Я не думала, что вы способны на такія выходки. Расскажите-ка мнѣ лучше всю правду о вашемъ другѣ, глупостей-то я уже довольно наслушалась. Неужели онъ, дѣйствительно, не былъ дикаремъ?

— Онъ столько же былъ дикаремъ, какъ я.

— Можетъ ли это быть!

— Этого еще мало. Саксенъ Трефольденъ очень ученый и образованный человѣкъ, несмотря на свои золотистыя кудри. Онъ говоритъ отлично пофранцузски, поитальянски и понѣмецки; первостатейный математикъ, а что касается его знаній въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, то я не видывалъ ничего подобнаго съ тѣхъ поръ, что распрощался съ дорогими, старыми профессорами коллегіи св. Магдалины.

— Вы очень меня удивляете, отвѣчала мисъ Гатертонъ: — и я не могу скрыть своего сожалѣнія. Мнѣ такъ хотѣлось посмотреть на дикаря. Это, должно быть, очень-очень весело!

— Быть можетъ, вы утѣшитесь тѣмъ, что найдете въ немъ ребенка по невинности и простотѣ. Подождите минутку, и я вамъ его представлю.

Съ этими словами, Кастельтауерсъ посадилъ мисъ Гатертонъ въ покойныя кресла, и побѣжалъ отыскивать Саксена. Богатая наслѣдница тотчасъ обернулась къ своему сосѣду, который оказался бечвортскимъ епископомъ, и тотчасъ вступила съ нимъ въ

разговоръ. Мисъ Гатертонъ имѣла слабость вѣчно болтать, и ужасно громко.

— Чѣмъ я провинилась передъ вами, епископъ, воскликнула она: — что вы не сказали мнѣ еще ни слова сегодня вечеромъ? А мнѣ надобно поразспросить васъ о тысячѣ вещей. Мнѣ бы хотѣлось знать, какъ идутъ работы, и будетъ ли, дѣйствительно, у васъ разноцвѣтное, стрѣльчатое окно. Кромѣ того, скажите, что вы намѣрены дѣлать съ большой рѣзной перегородкой? Я слышала, что ее уже болѣе нельзя чинить, и приходится бросить. Я надѣюсь, что это неправда.

— Я очень счастлива, что могу васъ успокоить на этотъ счетъ, отвѣчалъ епископъ, очень красивый мужчина, пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ своихъ прихожанокъ: — мнѣ кажется, мы будемъ въ состояніи починить все, что испорчено, и перегородка простоятъ еще два-три столѣтія. Что же касается до восточнаго окна, то я не могу вамъ сообщить такихъ утѣшительныхъ извѣстій.

— Отчего? спросила мисъ Гатертонъ.

— Я боюсь, что у насъ не хватитъ денегъ.

— Какимъ же это образомъ? Я думала, что у васъ остался довольно большой капиталъ.

— Капиталъ-то у насъ есть, но игла оказалась гораздо въ худшемъ состояніи, чѣмъ мы полагали, и ея подновленіе будетъ намъ стоить очень дорого, такъ что почти ничего не останется.

— Ахъ! какъ это жаль! Бечвортскій соборъ, дѣйствительно, нуждается въ разноцвѣтномъ окнѣ. Это увеличивало бы во сто разъ его поэтическую брасоту. Сколько бы могла стоить подобная вещь?

— Болѣе, чѣмъ мы могли бы собрать послѣ первой, щедрой подписки: около тысячи фунтовъ.

— Сумма, правда, большая; но еслибъ я принадлежала къ вашему стаду, епископъ, то все же попросила бы позволенія вставить окно на свой счетъ. Теперь же, если вы откроете новую подписку, пожалуйте, поставьте двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ отъ моего имени.

— Какъ мнѣ васъ благодарить за такую щедрость? воскликнулъ епископъ.

— Ну какъ, только постарайтесь собрать поскорѣй остальные деньги. Но вотъ и мой кавалеръ.

Съ этими словами, мисъ Гатертонъ обернулась къ лорду Капельтауерсу, который, держа Саксена за руку, подошелъ къ ея креслу.

— Позвольте мнѣ, мисъ Гатертонъ, представить вамъ моего

друга, мистера Трефольдена, который жаждет чести съ вами танцовать, сказалъ онъ.

— Я очень рада познакомиться съ мистеромъ Трефольденомъ, и буду очень счастлива съ нимъ танцовать, отвѣчала она, любовно и безцеремонно протягивая руку Саксену, словно она была съ нимъ давно знакома: — а что дѣлаютъ теперь въ залѣ, лордъ Кастельтауерсъ?

— Кончаютъ вальсъ, за которымъ послѣдуетъ тотчасъ кадрили.

— Такъ мы поспѣемъ ровно во время. Найдите мнѣ пріятнаго vis-à-vis.

— Позвольте ли вы мнѣ быть вашимъ vis-à-vis, то-есть если я найду еще даму?

— Еще бы, я буду очень рада. Прощайте, епископъ, но не на весь вечеръ. Мнѣ бы хотѣлось еще съ вами поговорить.

Съ этими словами, мисъ Гатертонъ подобрала свое длинное платье, подала руку Саксену, и торжественно-плавно вышла изъ комнаты.

XXX.

ВОРОТА СТРАННОПРИМНАГО БРАТСТВА.

Вечеромъ въ тотъ самый день, который Вильямъ Трефольденъ провелъ въ Кастельтауерсѣ, мистеръ Кэквичъ сидѣлъ въ особенной комнатѣ, въ трактирѣ «Ворота Страннопримнаго Братства»; на столѣ передъ нимъ, стояли два стакана и бутылка хереса. Онъ очевидно кого-то ждалъ. Абель Кэквичъ былъ столь почтенный господинъ, что никакъ не воспользовался бы отсутствіемъ своего патрона, потому и теперь онъ не покинулъ раньше, чѣмъ слѣдовало, контору, и не пренебрегъ ни малѣйшей изъ своихъ обязанностей. Онъ, напротивъ, отпустилъ при себѣ писцовъ, и заперъ контору, еще съ большею осторожностью, если это можно, чѣмъ всегда. Онъ теперь ждалъ одного пріятеля, какъ объяснилъ, при входѣ, хозяинъ трактира. Было около восьми часовъ вечера, и хотя еще сумерки едва начинались, но газъ уже былъ зажженъ, ибо «Ворота Страннопримнаго Братства» очень старинный, уединенный закоулокъ Лондона, откуда солнце, казалось, спѣшило какъ можно скорѣе убраться. Въ каминѣ пылалъ веселый огонь, а буфетъ, находившійся въ сосѣдней комнатѣ, былъ полонъ посѣтителями, которые время отъ время заглядывали въ дверь, но увидавъ спину Кэквича, тотчасъ уходили. Самъ Кэквичъ этого не замѣчалъ, и пристально устремивъ глаза въ огонь, ни разу не поворачивалъ головы.

Еслибы не постоянное оживленіе внутри трактира, то мѣсто это было бы удивительно тихимъ, мирнымъ уголкомъ. Прохо-

дащихъ было очень мало; порою проѣзжала телега — но это было очень рѣдко. Бурное теченіе шумной, городской жизни проходило вблизи по сосѣдней улицѣ, и стукъ и громъ экипажей доносился оттуда, какъ отдаленный грохотъ океана, но «Ворота Страннопріимнаго Братства» стояли одинокія, мрачныя, полныя старинныхъ воспоминаній.

Находясь въ самомъ сердцѣ Сити, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ смитфильдскаго рынка, посреди многолюднаго Клеркенвальскаго прихода, этотъ рѣдкій памятникъ средневѣковой архитектуры едва извѣстенъ даже по имени большинству лондонскихъ жителей. Только ближайшимъ сосѣдямъ, студентамъ коллегіи св. Вареолемея, наборщикамъ окрестныхъ типографій и смитфильдскимъ извозчикамъ это мѣсто знакомо ближе. Археологи знаютъ о существованіи этихъ воротъ, соединяющихъ полуразвалившейся аркой обѣ стороны узкой улицы, и иногда собираются въ старинной, дубовой комнатѣ надъ воротами для своихъ ученыхъ бесѣдъ. Литераторы иногда вспоминаютъ объ этомъ уединенномъ закоулкѣ, какъ колыбели журнала *Gentelman's Magazine* и какъ постоянномъ мѣстѣ, гдѣ обѣдывалъ гордый нищій Самуель Джонсонъ. Но вотъ и всѣ которые знаютъ, или хотятъ знать о «Воротахъ Страннопріимнаго Братства». Сотни умныхъ, знающихъ людей проходятъ ежедневно въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ, не подозревая даже объ ихъ существованіи. Изъ тысячи людей, живущихъ къ западу отъ Темплъ-Бара, едва-ли одинъ знаетъ, что невдалекѣ отъ Чартер-Гауза существуютъ остатки еще гораздо достопамятнѣйшаго зданія, основаннаго въ XI вѣкѣ, и има котораго соединено съ многими важными эпизодами англійской исторіи.

Мистеръ Кэввичъ думалъ, однако, не о добрыхъ монахахъ «Страннопріимнаго Братства», не о докторѣ Джонсонѣ, и ни о какихъ другихъ историческихъ воспоминаніяхъ, а просто на просто о нѣкоемъ мистерѣ Никодемусѣ Кидѣ, который обѣщалъ встрѣтиться съ нимъ въ трактирѣ въ восемь часовъ.

Но на старинныхъ часахъ въ буфетѣ давно уже пробило восемь часовъ. Башенные часы сосѣдней церкви пробили четверть, потомъ половину девятаго, а мистеръ Кидъ все не являлся. Кэввичъ посмотрѣлъ на свои часы, тяжело вздохнулъ, покачалъ головой и, наливъ стаканъ вина, началъ задумчиво прихлебывать. Онъ, однако, не успѣлъ допить стакана, какъ въ буфетѣ раздался громкій, веселый голосъ его пріятеля.

Черезъ минуту вошелъ въ комнату мистеръ Кидъ — здоровый, высокаго росту мужчина съ широкимъ, добродушнымъ, вѣчно-смѣющимся лицомъ, громкимъ голосомъ и великогнѣпными рыжими бакенбардами. Опытный наблюдатель призналъ бы его по бѣлой

шляпѣ, массивной золотой цѣпочкѣ и свободнымъ развязнымъ манерамъ за странствующаго агента богатаго торговаго дома; но на этотъ разъ опытный наблюдатель ошибся бы.

— Очень сожалѣю, что заставилъ васъ ждать, мистеръ Кэввичъ, сказалъ онъ, фамильярно вивнувъ головой и безъ приглашенія наливая себѣ стаканъ вина:—увѣряю васъ, что это не моя вина. А-а, хересь! и отличный. Право, я не знаю лучшаго погреба во всемъ Лондонѣ, а это не шутка-сказать.

— Очень радъ, что вы все же пришли, мистеръ Кидъ, сказалъ Кэввичъ, очень почтительно:—мнѣ очень нужно васъ видѣть.

Мистеръ Кидъ громко засмѣялся и налилъ себѣ другой стаканъ вина.

— Это одна изъ особенностей моего ремесла, мистеръ Кэввичъ, сказалъ онъ:—что мѣръ въ отношеніи меня раздѣленъ на два класса людей: одни жаждутъ меня видѣть, другіе жаждутъ меня невидать; однако, какой отличный хересь!

Кэввичъ бросилъ быстрый взглядъ на дверь, подвинулся къ своему пріятелю и сказалъ полушопотомъ:

— Имѣли ли вы время, мистеръ Кидъ, обдумать то дѣльце, о которомъ мы говорили прошлый разъ?

— То дѣльце? повторилъ мистеръ Кидъ, тѣмъ же громкимъ, небрежнымъ тономъ:—да... я не забылъ о немъ.

Онъ произнесъ это, наполняя въ третій разъ стаканъ и смотря на вино глазамъ знатока. Кэввичъ подвинулся къ нему еще ближе и нагнувшись промолвилъ:

— Ну?

— Ну, мистеръ Кэввичъ?

— Какъ ваше мнѣніе?

Мистеръ Кидъ выпилъ однимъ глоткомъ третій стаканъ, откинулся на спинку стула и съ откровенной, добродушной улыбкой воскликнулъ:

— Ну, сэръ, сказать вамъ всю правду, я не могу составить никакого мнѣнія, прежде чѣмъ мы съ вами совершенно не поймемъ другъ друга.

Кэввичъ тяжело вздохнулъ.

— Чтѣ вы хотите этимъ сказать, мистеръ Кидъ? развѣ я не довольно понятно объяснилъ вамъ, чего мнѣ нужно?

Мистеръ Кидъ оттолкнулъ стаканъ, засунулъ руки въ карманы и вдругъ принялъ на себя серьезный, дѣловой видъ.

— Ну, сэръ, отвѣчалъ онъ, понижая голосъ:—это дѣло особенное. Мы къ такимъ дѣламъ не привыкли. Мы ничего не принимаемъ безъ причины, а вы еще не объяснили никакой причины, на основаніи которой мы могли бы дѣйствовать.

— Развѣ не достаточная причина, возразилъ Кэввичъ, съ омраченнымъ лицомъ: — что мнѣ нужны свѣдѣнія, и я готовъ за нихъ заплатить?

— Въ томъ-то и дѣло, мистеръ Кэввичъ, что этого недостаточно. Мы должны знать, что вы сдѣлаете изъ свѣдѣній, которыя мы вамъ доставимъ.

— А положимъ, что я изъ нихъ ничего не сдѣлаю?

— Въ такомъ случаѣ, сэръ, мы наврядъ-ли вамъ можемъ помочь. Мы не шпионы, а законная власть. Наша обязанность способствовать правосудію, а не служить частному любопытству.

Мистеръ Кэввичъ опустилъ глаза въ землю и нѣсколько минутъ молчалъ, смущенный и изумленный словами своего пріятеля.

— Я полагаю, сказалъ онъ наконецъ: — что если общественный дѣятель такъ старательно скрываетъ свою жизнь и свое жительство, то это достаточная причина для изслѣдованія. Гдѣ тайна, тамъ непременно что нибудь неладно. Человѣкъ, которому нечего скрывать, не станетъ таиться.

— Но, вѣдь вы знаете, мистеръ Кэввичъ, есть очень эксцентрическіе люди.

— Это не эксцентричность, отвѣчалъ Кэввичъ послѣшно.

— Что же это такое?

— Я не знаю. У меня есть подозрѣнія, но они могутъ быть справедливы, а могутъ быть и ложны. Во всякомъ случаѣ, пока ходишь во врагѣ, ничего не видишь.

— Это вѣрно, замѣтилъ мистеръ Кидъ.

— Еслибъ мнѣ достать только его адресъ, я бы и тѣмъ былъ доволенъ, прибавилъ Кэввичъ, устремивъ глаза на огонь.

— Ну, и вамъ скажу прямо, сэръ, отвѣчалъ Кидъ: — намъ непременно надо знать побужденіе, руководящее вами въ этомъ случаѣ. Зачѣмъ вы хотите имѣть адресъ вѣакого господина? что вамъ за дѣло, какъ онъ живетъ и гдѣ?

— Мнѣ это очень важно, отвѣчалъ Кэввичъ: — я приличный человѣкъ и не хочу работать на человѣка недостойнаго или неприличнаго.

Мистеръ Кидъ кивнулъ головой и сталъ поглаживать свои ржіе бакенбарды.

— Если, какъ я подозреваю, у него что-нибудь неладно, продолжалъ Кэввичъ: — то я не желаю попасться съ нимъ вмѣстѣ, когда придетъ день расчета.

— Конечно.

— Вотъ и причина, заставляющая меня дѣйствовать.

— Всегда ли вы были въ хорошихъ отношеніяхъ, мистеръ Кэввичъ, съ этимъ человѣкомъ?

Это было сказано очень рѣзко и неожиданно, но лицо Кэввича нimalo не измѣнилось.

— Ну, мистеръ Кидъ, отвѣчалъ онъ: — я не могу сказать, чтобы мы очень горячо любили другъ друга. Я всегда исполнялъ свои обязанности и онъ велъ себя въ отношеніи меня хорошо. Мы не друзья и не враги.

Мистеръ Кидъ впился глазами въ своего собесѣдника, а тотъ продолжалъ пристально смотрѣть на огонь; одинъ превратился весь въ вниманіе, другой этого нimalo не сознавалъ. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ оба они молчали; наконецъ, мистеръ Кидъ перевелъ дыханіе, оттолкнулъ стулъ съ видомъ человѣка, принявшаго неожиданное рѣшеніе, и вынувъ изъ кармана лоскутокъ бумаги, воскликнулъ:

— Ну, сэръ, если вамъ только нуженъ адресъ, то вотъ онъ.

Глаза Кэввича свергнули необычнымъ въ нихъ блескомъ, и онъ крѣпко схватилъ бумажку, словно это было живое существо, которое хотѣло отъ него улетѣть. Онъ даже не взглянулъ на нее, но поспѣшно запряталъ въ свой громадный портфель, массивная застежка котораго походила на тюремный затворъ.

— Сколько я вамъ долженъ? съ жаромъ произнесъ онъ: — сколько я вамъ долженъ за эту маленькую услугу, мистеръ Кидъ?

— Вы должны спросить это у моего начальства, сэръ, отвѣчалъ Кидъ, взглянувъ съ удивленіемъ на Кэввича и подвигаясь къ двери.

— Но вы не откажетесь, по крайней-мѣрѣ, еще отъ стакана хереса?

— Нѣтъ, сэръ, благодарствуйте, я болѣе не выпью ни капли. Желаю вамъ добраго вечера, сэръ.

Черезъ минуту мистеръ Кидъ, надѣвъ на бокъ свою бѣлую шляпу и весело улыбаясь, уже рассыпался въ любезностяхъ передъ молодою женщиной, сидѣвшей за конторкой въ буфетѣ.

— Эхъ! сэръ, замѣтила она игриво: — я не цѣню комплиментовъ.

— Значитъ, моя милая, человѣкъ долженъ быть нѣмъ, какъ дубина, чтобы нравиться вамъ, потому что если у него есть глаза и языкъ, онъ не можетъ не воскликнуть: «Вы Ангелъ!»

Конторщица засмѣялась и попросила любезнаго гостя убраться по добру, по здорову.

— Странная вещь, замѣтилъ мистеръ Кидъ: — что самыя хорошенькія женщины всегда самыя жестокосердыя. И не менѣе странно, что я не могу увидѣть красавицы, не почувствовавъ жажды. Я принужденъ васъ обезпечить, моя милая Мери, принесите мнѣ, пожалуйста, бутылочку вина.

— Вотъ славный малый, я въ этомъ увѣрена, воскликнула одна изъ женщинъ, сидѣвшихъ въ залѣ, когда мистеръ Кидъ, выпивъ свое вино и моллдовато подбоченясь, вышелъ изъ трактира.

— Вы думаете, сударыня? произнесъ ея сосѣдь: — гм! да это Кидъ, полицейскій сыщикъ.

ТРУДЪ И НАСЛАЖДЕНІЕ.

Статья вторая.

Разныя формы труда: трудъ литератора, артиста и педагога.—Трудъ ученаго, врача и судьи.—Трудъ промышленника и черноработаго.—Лишніе и праздныя люди.

I.

Въ первой статьѣ своей мы разсмотрѣли два главныя проявленія человѣческой энергіи — трудъ и наслажденіе, держась преимущественно основы органической; видѣли, что три рода дѣятельности — механическая, умственная и эстетическая соотвѣтствуютъ тремъ разнымъ способностямъ, которыхъ мѣсто хоть и неопредѣлено, но которыя однакожь сопровождаютъ различными физиологическими особенностями. Видѣли также, что наслажденіе, имѣя два конца, двѣ нормы — сенсуальную и эстетическую, послѣднею соприкасается съ эстетическимъ трудомъ, такъ что эстетическая дѣятельность въ отношеніи къ сенсуальной составляетъ почти такой же противовѣсъ, какъ и умственная въ отношеніи механической. На сколько вѣрны выводы, происходящіе изъ такой постановки вопроса, и примѣненіе этихъ выводовъ къ сословнымъ и половымъ разностямъ — читатель уже знаетъ. Для дальнѣйшаго рѣшенія предположенной задачи намъ остается только разсмотрѣть, какъ основныя способности къ движенію, мысли и удовольствію, прилагаясь къ жизни, образуютъ разныя формы труда и разные виды наслажденія, и какъ онѣ, смѣшиваясь и видоизмѣняясь, производятъ разнаго рода должности, роли и положенія въ жизни: въ одномъ случаѣ человѣкъ является промышленникомъ, въ другомъ — писателемъ; при однихъ обстоятельствахъ онъ сродняется съ положеніемъ пьяницы, при другихъ считаетъ для себя чѣмъ-то неизбѣжнымъ развратъ, жизнь игрока и т. д. Вотъ этихъ-то проявленій человѣческой энергіи въ болѣе опредѣленныхъ и типическихъ формахъ мы и думаемъ коснуться, держась попрежнему не одной только научно-философской, но и нравственно-эстетической точки зрѣнія.

Начиная съ труда литературнаго, который у насъ болѣе всего пострадалъ отъ узкаго взгляда теоретиковъ, мы замѣчаемъ, во-первыхъ, что трудъ этотъ есть одна изъ тѣхъ формъ душевной дѣятельности, въ которой сила ума и чувства красоты сливаются самымъ непосредственнымъ образомъ; и самый этотъ трудъ является по преимуществу трудомъ смѣшаннымъ—и умственнымъ и эстетическимъ въ одно время. Съ одной стороны трудъ писателя граничитъ съ дѣятельностію ученаго, съ другой—съ дѣятельностію артиста; и то, что составляетъ для артиста сцена или выставка, для ученаго кафедра и лабораторія, то для литератора печать—отсюда широта, разносторонность и всеобъемлемость литературнаго труда. Тутъ дѣйствуютъ самыя разнообразныя способности, человѣкъ переживаетъ всевозможныя положенія, одушевляется самыми отдаленными цѣлями. Трудно даже опредѣлить часто, что дѣлаетъ собственно литераторъ въ томъ смыслѣ, какъ это легко, на примѣръ, опредѣлить дѣятельность судьи или врача: писать, сочиняетъ, создаетъ—все это такъ неясно, неопредѣленно. Гдѣ та точка опоры, вокругъ которой вращается сфера писателя, тѣ основныя данныя, которыми отгораживается его занятіе отъ всякаго другаго дѣла? Ученый, врачъ или судья, идя на примѣръ, своей дорогой, руководятся болѣе всего опытомъ; и чѣмъ они опытнѣе въ своемъ дѣлѣ, тѣмъ способнѣе къ нему: опытностію недаромъ тщеславятся практическіе дѣятели. Достаточно ли ея для писателя? Довольно ли для него той развитости чувствъ, которая намъ даетъ средства узнавать мѣру, вѣсъ и разныя качества предметовъ?—Ни въ какомъ случаѣ. Чувства писателя должны быть изощреннѣе, онъ долженъ непремѣнно обладать не только чувствомъ опыта, который такъ важенъ при отличіи лжи отъ истины, и чувствомъ вкуса, позволяющимъ смѣшивать красоты съ безобразіемъ. Писатель безъ вкуса не можетъ быть названъ писателемъ въ настоящемъ смыслѣ; вкусъ есть нѣчто такое, что необходимо болѣе или менѣе всѣмъ авторамъ, отъ перваго художника до послѣдняго фельетониста. Даже публицисту, котораго трудъ тѣсно соприсоединяется съ научно-опытною дѣятельностію, необходимъ въ извѣстной степени вкусъ, называемый въ этомъ случаѣ тактомъ. Публицистъ безъ такта, это именно то, чѣмъ было большинство публицистовъ, твердо державшихся однѣхъ теорій и никогда нецеремонившихся въ выборѣ приемовъ и отношеній къ жизни. И потеря публицистическаго такта, подобно притупленію эстетическаго чувства, составляетъ особенность текущей литературы.

Но если и въ публицистѣ чувство мѣры и вкусъ къ жизни есть такая неизбѣжная принадлежность, то въ критикѣ или бельетристѣ это чувство вкуса есть положительная необходимость; безъ этой

нзощренности способностей онъ, какъ бы ни былъ уменъ, всегда останется неловкимъ и полузрячимъ. Всякій намекъ на оригинальность, всякая способность концепціи сейчасъ въ немъ пропадаетъ; и по очень понятной причинѣ. Міръ, откуда берутся матеріалы для творчества, видѣтъ не болѣе какъ на половину, если смотрѣть на него только глазами опытнаго человѣка: природа столь же разумна, какъ и хороша. Поэтому-то впечатлѣнія слагаются въ нашей душѣ не только въ логическія истины, но и въ поэтическіе образы и представленія. Способность къ творчеству не можетъ поэтому не ослабѣть въ человѣкѣ, если въ немъ притупляется чувство вкуса, которымъ схватываются неуловимыя сочетанія звуковъ, красокъ и формъ природы. Объективную реальность этихъ сочетаній мы уже добавили. Только при полной развитости чувствъ, схватывающей не только логику, но и гармонію міра, душевная энергія обращается въ талантъ; отсюда очевидная разность таланта отъ ума: послѣдній есть только результатъ душевной опытности. И на свѣтѣ много людей, которые очень умны, но неталантливы. Человѣкъ, конечно, и при такомъ настроеніи способностей можетъ кой-что дѣлать въ литературѣ и куда-то идти впередъ, но только ощупью или какъ-бы дотрогиваясь до всего пальцами. Противъ зла, на которое онъ такимъ образомъ натывается, у него рождается напрасное раздраженіе; поэтому, вмѣсто того, чтобы ставить подлѣ зла сильное добро, которымъ бы оно уничтожалось, онъ только протестуетъ. Чувство вкуса или способность воспринимать не только научно-опытныя, но и нравственно-эстетическія явленія жизни, составляетъ отличительное свойство литературнаго труда; а этого-то именно и недостаетъ нашему писательству. Паденіе вкуса большинства современныхъ литераторовъ можно признать ужъ фактомъ существующимъ; въ этомъ отношеніи важно не только сочиненіе или авторъ, способствовавшій у насъ распространенію теоріи безвкусія, но и тѣ безобразія общественной жизни, то увѣче въ воспитаніи, которое подготовило намъ жизнь прошлаго. Она-то и была причиною того, что воодушевленіе, которымъ оживлялась литература прежняго времени, перешло мало по малу въ раздраженіе, которое, какъ зараза, распространилось по страницамъ литературы. Ничогда еще, быть можетъ, не было такой разногласицы въ сужденіяхъ критиковъ, публицистовъ и бельетристовъ, какъ теперь. Писатели едва въ состояніи понимать другъ друга—такъ неодинаковы приемы ихъ выраженія и взгляды на всѣ предметы. Какую путаницу производить вся эта кутерьма въ головѣ читателя—догадаться нетрудно.

Но нѣкоторые изъ нашей братіи не довольствуются еще тѣмъ, что отказываются читать и понимать другъ друга, а стараются избрать какое то *juste-milieu* или середину между крайностями, и этимъ

обыкновенно еще болѣе запутываютъ всякій вопросъ и затемняютъ еще болѣе смыслъ читателя. Наши фельетонисты отличаются этой способностію пускать пыль и туманъ въ глаза публикѣ. И это дѣлаютъ не только тѣ, которые сочиняютъ ежедневные фельетоны, но и тѣ, которые пишутъ фельетоны подъ заглавіемъ серьезныхъ статей; послѣдніе, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ первые. Мы не хотимъ сказать, чтобы фельетонъ былъ родъ писательства, совершенно недопустимый; нѣтъ, мелкія деньги всегда необходимы для размѣна крупныхъ. Но мелкія деньги все-таки нельзя мѣнять еще на болѣе мельчайшія. Подобнаго рода копеечный плежіать есть душа современнаго фельетонизма. Подъ предлогомъ популяризованія, онъ всякую мысль разводитъ водою и фактами забавляется, какъ игрушками. Фельетонизмъ или писаніе статей наскоро, въ попыткахъ, есть болѣзнь нашей литературы и въ такой степени распространенная, что многіе даже громко жалуются на необходимость писать каждый день. Положеніе въ самомъ дѣлѣ тяжелое: писать вѣчно патуживаясь и никогда не выжидая дѣйствительнаго расположенія къ писанью, писать о самыхъ невообразимыхъ пустякахъ, притворно сохраняя важность. Да еслибы у такого писака и была въ наличности какая нибудь способность, то она бы исчезла. Между тѣмъ это легкое, чуть скользящее прикосновеніе къ предметамъ только извращаетъ смыслъ публики, не давая ей ничего кромѣ оберточной бумаги или средствъ размеченія за кружкой пива. И не думаю, чтобы кто изъ нашихъ читателей не согласился съ нами, что онъ самъ могъ, еслибы имѣлъ время и охоту, набросать десятки современныхъ фельетонныхъ. Не было ли въ прошедшемъ году что-то въ родѣ полемики о томъ, какая дача лучше: Излера или Везбородко. Съ трудомъ даже можно слѣдить за этимъ воплощеніемъ литературной пустоты, нагоняющей сонъ и отбивающей охоту отъ чтенія. Вслѣдствіе этого-то и можно сказать, что средній уровень множества страницъ нашей литературы бываетъ не выше, а ниже общества: онъ бываетъ часто не лучше обыкновеннаго разговора, а иногда даже и хуже. А между тѣмъ всякій читатель въправѣ ожидать отъ печатной страницы чего нибудь и возвышающаго его мысль. Это требованіе тѣмъ болѣе естественно, что все печатанное пріобрѣтаетъ въ публикѣ особый вѣсъ и цѣну; и самый недалекій писатель можетъ такимъ образомъ водить за носъ довольно умныхъ читателей. Такою постановкой на видъ пустыхъ вещей люди до извѣстной степеніи даже галечатся; все пристрастіе и озлобленіе переходятъ и къ читателямъ. И туманъ, которымъ такъ полна наша литература, распространяется вѣсто здраваго общественнаго мнѣнія. Этимъ только и объясняется, почему у насъ въ обществѣ имѣютъ такой вѣсъ громкія фразы и незрѣлыя мысли.

Все это произвелъ фельетонизмъ, скоронисаніе, писарство во всёхъ его формахъ и видахъ; все это есть слѣдствіе притупленія и испорченности вкуса. Настоящее искусство бережливо; искусственность же болтлива и безцеремонна.

Чѣмъ больше писарство убивало литературу, тѣмъ мельче становились ея интересы, падала и нравственная сила ея. Довшло до того, что писатели сами перестали уважать себя. А вмѣстѣ съ литературной неделикатностію у насъ появилась какая-то особенная наклонность къ шаловливому обращенію съ честью. И быть можетъ, со времени основанія русской литературы не было такого злоупотребленія словъ «честь» и «безчестіе». Все кричало—я честный писатель, у насъ честныя мысли и честное направленіе! Даже дѣвочки, и тѣ принялись выговаривать—я честная женщина! Нравственность писателя, понимаемая на свой ладъ и въ свою пользу, сдѣлалась любимой тѣмой разнаго рода нападковъ. Всѣ эти отшедшія и отчасти только существующія явленія такъ важны, что мы не можемъ на нихъ не остановиться. Какое собственно главное обвиненіе дѣлается противъ писателя?—Противорѣчіе между его убѣжденіями и поступками. Но чтобы противорѣчіе это вполнѣ было доказано, должны быть одинаково ясны и открыты для суда публики какъ убѣжденія, такъ и поступки; тогда только они могутъ подлежать суду общества. Вотъ такого-то рода открытость убѣжденій и поступковъ представили намъ нѣкоторые писатели, которыхъ дѣла и стремленія совершились на печатномъ такъ-сказать станкѣ. Такіе поступки писателей могутъ быть легко взвѣшиваемы и оцѣниваемы, и ихъ нѣбакъ нельзя ставить наравнѣ съ тѣми извѣстіями о писателяхъ, которыя распространяются на основаніи темныхъ слуховъ, добытыхъ противниками. Недоказанные поступки авторовъ и ихъ убѣжденія, ясно и опредѣленно выраженные въ печатныхъ страницахъ, не могутъ быть сличаемы; эти два момента неравносильны.

Нравственность писателя вовсе не подлежитъ суду общественнаго мнѣнія болѣе, чѣмъ всякаго другого члена общества. Пишущій пишетъ не о томъ, какъ онъ поступаетъ, но о томъ, какъ бы онъ и самъ желалъ поступать, и предлагаетъ свое сужденіе на мнѣніе другихъ. Писательство вовсе не такое дѣло, гдѣ человѣкъ взываетъ къ подражанію своимъ поступкамъ—это роль пророка. Роль писателя болѣе скромная: онъ въ своихъ сочиненіяхъ верѣдко осуждаетъ не только другихъ, но и себя жесточайшимъ образомъ во имя тѣхъ идеаловъ, которые ему представились въ минуту вѣсшаго напряженія творческой или мыслительной дѣятельности. Если сочиненіе не будетъ, такъ-сказать, оторвано отъ личности автора, то оно не произведетъ и настоящаго дѣйствія. Нужно, чтобы чита-

тель совершенно не зналъ или на время бы забылъ о личности писателя; тогда только сочиненіе подѣйствуетъ вполнѣ. Когда же онъ станетъ примѣривать сужденія автора съ поступками или съ слухами о немъ—хорошими или дурными, это все равно—аршинъ этотъ его обманеть. И пусть знаютъ авторы, что самыя лучшіе и самыя безпристрастныя цѣнители ихъ сочиненій—это люди, никогда ихъ не видавшіе и ничего незнающіе о нихъ. Другое дѣло, когда писатель ованчиваетъ свое поприще, умираетъ, тогда и частная жизнь его подвергается оцѣнкѣ не въ примѣръ прочимъ: и самыя авторы нерѣдко осуждаютъ себя въ своихъ автобіографіяхъ. Что литературный трудъ, когда онъ совершается по призванію, можетъ морализировать писателя и имѣть неизгладимый отпечатокъ на его характеръ, несомнѣнно: извѣстное сочиненіе Д'Израели о литературномъ характерѣ представляетъ безчисленные тому примѣры. Но требовать, чтобы писатель высказывалъ свои мысли и убѣжденія, имѣя въ виду свою обыденную жизнь—это то же, что желать, чтобы онъ писалъ безъ всякаго напряженія способностей, ставящаго его выше собственной натуры, или то же, что отвергать вдохновеніе. Если подобное напряженіе способностей проявляется у множества даровитыхъ людей, то происходитъ цѣлая плодотворная литература, которая и бываетъ не только выше личности авторовъ, но и всего общества, которое она увлекаетъ. Если въ чемъ стоитъ упрекать писателя, прекратившаго своей дѣятельности, то это въ неискренности убѣжденій, которая выражается болѣе или менѣе въ слогѣ, шаткости выраженій, въ противорѣчіяхъ между статьями и страницами. Такъ—называемые подкушныя писатели и писатели изъ хлѣба именно пишутъ такимъ образомъ. Сквозь торопливость, неотдѣланность статей у нихъ всегда проглядываетъ зыбкость, извротливость и продажность говоруна. Да не будетъ же такою наша литература; и да осѣнитъ ее духъ кротости, смиренномудрія и желанія добра, которымъ должно горѣть всякое честное сердце!

Все сказанное нами о литературномъ трудѣ примѣняется до нѣкоторой степени и къ труду артиста; только сфера дѣятельности послѣдняго еще тѣснѣе связана съ областью прекраснаго, уклоненія и ошибки поэтому возможныѣ. Тогда какъ въ полной власти литератора переходить отъ одного напряженія способностей, при которомъ вкусъ и тактъ автора играютъ главную роль, къ другому рода дѣятельности, гдѣ научно-опытное воспріятіе фактовъ первое дѣло—артистъ, можно сказать, весь заключенъ въ заколдованный кругъ изящества и красоты. Самое даже слово, это необходимое орудіе писателя, въ артистической и художественной дѣятельности не играетъ такой роли: словами человекъ не можетъ выразить всей глубины впечатлѣній, которыя производитъ на насъ природа

гармоническимъ сочетаніемъ звуковъ, красокъ и формъ — отсюда необходимость проявленія дѣятельности живописца, скульптора, музыканта и актёра, говорящаго какъ-бы каждымъ своимъ движеніемъ. Объ особенностяхъ видовъ артистической дѣятельности мы говорили ужъ въ «Вопросъ объ искусствѣ»; и тогда еще намъ казалось яснымъ, какъ даже съ точки зрѣнія утилитарной произведенія артистическаго труда необходимы. Польза изящныхъ вещей какъ-бы сливается съ красотой; полезныя вещи красивой формы какъ-бы двойнѣ полезны. И все несчастье людей, что они не могутъ понять превосходства изящно простыхъ вещей надъ причудливо роскошными; существенный характеръ прекраснаго — простота. И чѣмъ полезныя, необходимыя вещи дѣлаются изящнѣе, тѣмъ онѣ скорѣе лишатся своей вредной стороны — роскоши. Цѣнность вещей черезъ это будетъ въ искусствѣ приготовления, а не въ матеріалѣ. Искусство такимъ образомъ возвыситъ цѣнность труда и понизитъ цѣнность капиталовъ и этимъ убьетъ роскошь. Но чтобы оно достигло такихъ результатовъ, необходимо, конечно, чтобы художникъ-артистъ не былъ ни въ какомъ случаѣ устраненъ отъ полнаго пониманія жизни, даваемаго общечеловѣческимъ развитіемъ. Между тѣмъ невѣжество есть главная болѣзнь, которою страдаютъ наши художники, и въ дѣлѣ умственнаго образованія они иногда не болѣе далеки, какъ и простые механическіе работники; поэтому-то трудъ ихъ и обращается нерѣдко въ машинальную механическую дѣятельность и служитъ игрушкой меценатства. Какъ искусство есть далеко не такой предметъ, чтобы его знали только специалисты-художники, такъ и наука вовсе не такое дѣло, чтобы ея чуждался артисты. Артистъ обезоруженъ, потому что невѣжественъ. Для него ненужно высшее университетское образованіе, но гимназическій обзоръ наукъ для него положительно необходимъ. Мы увѣрены, что артистическая дѣятельность только тогда и можетъ выдти изъ своего рабскаго ремесленнаго положенія, когда артисты и художники передъ вступленіемъ въ храмъ искусства побываютъ прежде въ школахъ.

Для практическаго исполненія этой мысли необходимо, конечно, чтобы и самыя наши общеобразовательныя школы давали болѣе основательное эстетическое развитіе; оно необходимо даже и въ интересѣ самаго воспитанія, какъ одно изъ сильнѣйшихъ морализирующихъ и гуманизирующихъ средствъ. Наука учитъ, искусство воспитываетъ. Нравственное чувство есть то же, что чувство эстетическое, выразившееся только въ дѣйствительности (смотри о воспитаніи въ статьѣ нашей «Дѣти»). Но кромѣ небреженія къ эстетическому развитію, общему почти всѣмъ нашимъ педагогамъ, ихъ можно еще упрекнуть въ томъ загроможденія головы ребѣнка не-

нужными предметами, которому онъ подвергается во имя необходимости умственной гимнастики. Школа есть мѣсто, гдѣ онъ преимущественно подвергается этому умственному пичванью. Со степенью аппетита, съ возможностью совмѣстить въ себѣ массы разнородныхъ свѣдѣній никто обыкновенно не соображаетъ; а нѣкоторые иногда бываютъ такъ догадливы, что подсовываютъ ученику то, что можетъ переварить только голова взрослога, совершенно развитога человѣка. Разсмотрѣвши такимъ образомъ главнѣйшія формы труда, съ которыми болѣе или менѣе соприкасается эстетическая дѣятельность, мы перейдемъ теперь къ формамъ труда умственнаго.

II.

Трудъ ученаго, какъ мы уже сказали, весь основывается на томъ проявленіи дѣятельности, которая исходитъ изъ опытнаго воспріятія впечатлѣній. Мѣра, вѣсь, сравненіе и анализъ умственный и физическій играютъ тутъ такую же роль, какую имѣетъ въ искусствѣ гармонія, образность, рельефность и эстетическое движеніе. Ученый испытуетъ природу; такъ что даже и въ философской дѣятельности онъ является наблюдателемъ самого себя; и феноменологія духа имѣетъ почти такія же реальныя основы, какъ и физика міра. Между самонаблюденіемъ и наблюденіемъ природы есть, конечно, разница; но логическое движеніе, исходящее изъ опытнаго наблюденія феноменовъ, имъ обоимъ обще. И чѣмъ болѣе ученый удаляется отъ твердыхъ фактовъ науки, тѣмъ онъ болѣе входитъ въ область фантазій, что, при неразвитости въ немъ эстетическаго чувства, невольно заставляетъ его впадать въ мистицизмъ или крайній трансцендентализмъ. Литературныя способности въ научномъ трудѣ играютъ уже роль второстепенную. Изложеніе науки требуетъ прежде всего не прикрасъ и изящества, а ясности, которая достигается силою логики и твердостью фактовъ, съ которыхъ начала двигаться мысль. Въ настоящемъ смыслѣ научная дѣятельность у насъ развита еще чрезвычайно мало. Примѣры прошлаго показали достаточно, что настоящая наука не можетъ осуществиться безъ полнаго развитія университетской жизни. То, что составляетъ въ литературѣ журналъ, замѣняется въ наукѣ кафедрой; всякій ученый, достигшій учености безъ помощи университетскаго развитія, есть въ своемъ родѣ самоучка; таково большинство нашихъ ученыхъ. Чтобы учащіеся могли какъ слѣдуетъ и безъ страшной потери времени стать въ уровень съ наукой, необходима помощь спеціалиста, слѣдящаго за ея неудержимымъ движеніемъ и изучающаго ее на самомъ мѣстѣ ея сооруженія — то-

есть въ лабораторіяхъ, клиникахъ, зоологическихъ и ботаническихъ садахъ, физическихъ и археологическихъ кабинетахъ и историческихъ архивахъ и въ самомъ развитіи политической и общественной жизни. Чтобы сблизиться со всѣми этими источниками науки, недостаточно одной книги: тутъ необходимъ живой человѣкъ, который бы проповѣдывалъ простое слово истины, подкрѣпляя его показаніемъ опытовъ и источниковъ науки. Какое сбереженіе времени черезъ это происходитъ—понять нетрудно; то, что, напримѣръ, учащійся медицинѣ приобрѣтаетъ за одинъ годъ подъ руководствомъ хорошаго профессора, онъ не приобрѣтетъ и за многіе годы, если будетъ учиться по одиѣмъ только книгамъ. То же самое и въ сферѣ юриспруденціи, въ которой также могутъ быть своего рода клиники, по выраженію покойнаго профессора Мейера. Какъ же послѣ того не дивиться обскурантизму тѣхъ господъ, которые, соблазнившись упадкомъ нашихъ университетовъ, воображали, что они совсѣмъ не нужны, что безъ нихъ наука можетъ обойтись. Они предлагали даже замѣнить ихъ специально-практическими школами—такъ низокъ у насъ уровень пониманія науки! И пусть бы это доказывали нигилисты—имъ все прощительно! — Нѣтъ, мы это читали въ серьезномъ органѣ цѣлаго огромнаго вѣдомства, именно въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ передовыхъ его статьяхъ!

Чѣмъ же объяснить вообще упадокъ чисто-научныхъ стремленій, такъ несомнѣнно подтверждающійся этими сужденіями и фактами? Почему у насъ такъ мало хорошихъ профессоровъ и порядочныхъ студентовъ? Отчего у насъ всѣ смотрятъ на науку, какъ на дойную корову, и мало кто любитъ ее безкорыстно? Упадокъ науки прежде всего поддерживается нуждою: нужда была главнымъ причиною того утилитаризма стремленій и той сваредности мысли, которую страдаютъ наши ученые. Способные люди обыкновенно болись идти на каеэдры, плохо вознаграждающія тяжелый научный трудъ; и каеэдры занимались людьми бездарными, поддерживающими низкій уровень университетской жизни. Тѣ же изъ болѣе способныхъ ученыхъ, которые держались университета, прибѣгали большей частію къ пособію отъ постороннихъ трудовъ, къ практикѣ медицинскій или юридической, къ переводамъ и чисто-литературной дѣятельности. Студенты тоже подражали этому примѣру, чтобы поддержать свое скудное существованіе. Они были болѣею частію дѣти небогатыхъ родителей, которые во время длиннаго гимназическаго курса могли еще ихъ содержать, но далѣе уже въ университетѣ оставляли на произволь судьбы. Отсюда необходимость для студента заниматься уроками, переводами и всѣмъ, что мѣшаетъ новичку въ наукѣ пристраститься къ какой нибудь

отрасли вѣдѣнія, чтобы отдаться ей потомъ навсегда. Можно сказать, что студенты наши не столько учились, сколько бѣдствовали. Литературное баловство, на которое многіе въ послѣднее время стали падаи, окончательно убило въ нихъ любовь къ наукѣ. Еслибы финансовое положеніе наше теперь было иное, то можно было бы предложить, какъ выходъ изъ этой почти трагической постановки нашихъ будущихъ ученыхъ и учителей — увеличеніе стипендій. Еслибы число ихъ, при улучшеніи финансовъ, доходило и до пяти-сотъ въ каждомъ университетѣ, то и тогда бы это не могло составить большого счета; и тѣмъ болѣе, что тутъ для общества былъ бы выигрышъ. Если студенты считаются до сихъ поръ въ Европѣ какими-то *les enfants terribles* и дѣйствительно ими бываютъ, то это оттого, что находясь подлѣ науки, они невольно возвышаются самолюбіемъ, а натываясь послѣ съ дѣйствительною жизнію, они видятъ себя очень необезпеченными и даже какъ-бы обложенными податью; и это не только у насъ, но и вездѣ въ Европѣ. А между тѣмъ надо сознаться, что даже за право слушанія лекцій они платятъ большей частію деньгами, добытыми трудомъ, мѣшающимъ имъ быть дѣльными и полезными учениками науки. И какого рода учительство они могутъ дать между своимъ труднымъ дѣломъ. Словомъ, болѣе разсчетливаго употребленія денегъ, какъ деньги на стипендіи и жалованье студентамъ, мы и представить себѣ не можемъ. Это было бы мѣрою въ одно время и либеральною, и консервативною: подготовило бы массу настоящихъ труженниковъ и связало бы ихъ глубочайшею благодарностію съ государствомъ.

Теперь, поговоривъ вообще о чисто-научной дѣятельности и о чисто-научномъ трудѣ, мы взглянемъ на него въ примѣненіи къ жизни по крайней-мѣрѣ въ главнѣйшихъ формахъ. Сюда прежде всего относится трудъ медика и трудъ судьи. Что касается до роли врача, трудъ этотъ былъ въ послѣднее время такъ часто перетолковываемъ, положеніе врача сдѣлалось такою модною дѣлностію, что остановиться на этого рода дѣятельности небезинтересно; и тѣмъ болѣе, что онъ сосредоточенъ на предметъ самой осязаемой важности — на продолженіи человѣческой жизни. Чтобы проще и нагляднѣе выставить сущность этого труда, мы отнесемъ къ нему отрицательно, то-есть разберемъ въ видахъ истины и по мѣрѣ возможности нѣкоторыя изъ болѣзней и недугованій практической медицины.

Первый изъ ея недуговъ есть, конечно, сравнительно малое распространеніе знаній между медиками, зависящее, впрочемъ, не отъ неприменимости и непроходимости знаній, что можно сказать въ отношеніи другихъ наукъ, но еще и отъ другой особенной причи-

ны. Медицина всегда пользовалась покровительствомъ, а между тѣмъ она не процвѣтаетъ и въ ней не установлено еще важной разницы между врачами натуралистами и клиницистами и врачами-практиками — самая слабая сторона медицинскаго труда. Лечить, конечно, дѣло важное, но учить лечить другихъ — еще важнѣе. Въ обществѣ совершенно еще не принимается въ расчетъ эта разница; и потому многіе взбираются на каедры затѣмъ только, чтобы съ высоты ея пріобрѣтать громадную практику. Людямъ обезпеченнымъ это, разумѣется, съ руки: они, благодаря этому, пользуются великою привилегіею лечиться у искуснѣйшихъ врачей; но людямъ бѣднымъ, массамъ народа и солдатъ это идетъ не впрокъ. Врачи, къ которымъ они попадаютъ въ руки, оказываются часто плохо знающими свое дѣло, благодаря небрежности, съ какою имъ преподавалась наука. Лекціи, никогда заранѣе необдуманныя и несоставленныя, большей частію читаются по воспоминаніямъ о посѣщеніи богатыхъ больныхъ. И начинающему медику приходится нерѣдко переучиваться съизнова, а иногда, при всей своей добросовѣстности, онъ остается въ положеніи вѣчной неопытности и полужанія. Къ этому еще послѣ присоединяется начальство врачей стараго покроя, которыя еще не разочаровались въ починкѣ организма посредствомъ грубо-осязаемыхъ средствъ рвотныхъ, слабительныхъ, мушекъ, горчишниковъ, банокъ, пиявокъ, кровопусканій и ртути. Судите же послѣ того о положеніи бѣдныхъ больныхъ. Сами профессора, наконецъ, поѣздивши десятки лѣтъ по городу, отвыкаютъ мало по малу отъ науки; отсталость эта, разумѣется, не замѣчается ни обществомъ, ни студентами, отражается на факультетахъ. И такимъ-то образомъ поддерживается сравнительно низкій уровень знаній и опытности между врачами. Не знаемъ, какъ здѣсь, но въ провинціи практика считается до того важнымъ занятіемъ для професоровъ, что они часто уѣзжаютъ даже изъ города на цѣлыя дни. Необходимо поэтому, чтобы общество сознало, что практика и профессура не таія совмѣстимыя вещи, какъ обыкновенно думаютъ, и что самый законъ не долженъ налагать на професоровъ обязанности являться на каждое приглашеніе больного. Пусть врачи подвергаются этому закону, но профессоръ никогда; на нихъ лежитъ обязанность болѣе важная — слѣдить вообще за ходомъ медицинскаго развитія и возвышать уровень и средства продолженія человѣческой жизни.

Но для возможнаго достиженія цѣли, предположенной медицинской, необходимо не только распространеніе и возвышеніе уровня научныхъ знаній, но и живое, непосредственное участіе самаго общества въ предохраненіи себя отъ болѣзни. Есть множество болѣзней, гдѣ наука бессильна, а полуопытность, полужаніе меди-

цисское положительно вредны, и потому остается только одно средство — не заболѣвать. И наконецъ, какъ бы ни была легка болѣзнь, она всегда производитъ болѣе или менѣе замѣтную трату здоровья, времени и средствъ къ жизни, и всегда хоть немного сокращаетъ срокъ существованія. Желательно поэтому было бы, чтобы люди какъ можно менѣе заболѣвали, какъ можно рѣже прибѣгали къ пособіямъ терапевтическимъ и хирургическимъ. Этого они могутъ достигнуть не иначе, какъ чаще прибѣгая къ совѣтамъ специалистовъ по гигиенѣ, или сами узнавъ хоть въ нѣкоторой степени эту науку; но этого опять ожидать нельзя, такъ-какъ у насъ нѣтъ ни особенныхъ кафедръ, ни особенно хорошихъ руководствъ по гигиенѣ. Послѣдняя считается до сихъ поръ чѣмъ-то въ родѣ прибавки къ судебной медицинѣ. Между тѣмъ, гигиена есть наука чисто-общественная; и чтобъ пополнить недостатокъ, существующій въ этомъ отношеніи, слѣдовало бы не компилировать или переводить иностранныя статьи, какъ у насъ дѣлается, а заняться разработкою гигиеническихъ и жизненныхъ условий нашего народа. Какой, повидимому, неисчерпаемый источникъ дѣятельности для врачей остается нетронутымъ. Ученый журналъ, ставшій на эту общественно-гигиеническую точку зрѣнія, могъ бы приобрести большое значеніе. Тѣмъ болѣе, что врачъ-гигиенистъ, кромѣ распространенія здоровыхъ гигиеническихъ свѣдѣній, обязанъ въ нѣкоторой степени защищать общество и отъ вредныхъ предразсудковъ насчетъ леченія. А ихъ нечужды и сравнительно образованные люди; врачей, какъ и судей, по поговоркѣ, больше всего на свѣтѣ. Смертельныхъ болѣзней собственно немного: изъ тысячи больныхъ умираетъ сравнительно небольшой процентъ при всякомъ леченіи. Отсюда-то и происходитъ широкое поприще для шарлатанства и знахарства. Обязанность врачей-гигиенистовъ именно заключается въ различіи дѣйствительнаго успѣха врача отъ шарлатанства и знахарства. Какая-нибудь гомеопатія не имѣла бы у насъ права гражданства, еслибы всѣмъ извѣстно было, что она вся построена на нелѣпой выдумкѣ, что матерія и сила разъединимы и разъединимы очень легко, и что, чѣмъ болѣе тереть и толочь лекарство, тѣмъ оно могущественнѣе, а чѣмъ меньше его положить, тѣмъ оно будетъ сильнѣе дѣйствовать. Не говорю уже о разнаго рода магнетизерахъ, баушентистахъ и тому подобныхъ мастерахъ. Если общество не въ состояніи даже ихъ отличить отъ обыкновенныхъ врачей, то какъ же оно отличить врача только пишущаго рецепты, отъ врача мыслящаго и помогающаго больному. Для успѣшности медицинскаго труда, въ обществѣ поэтому непременно должно быть развито болѣе медицинскаго смысла или здраваго взгляда на леченіе; а этого можно

достигнуть только путемъ журнала и введеніемъ гигиены въ кругъ необходимыхъ общественныхъ наукъ.

Все здѣсь сказанное, разумѣется, относится только до больныхъ, имѣющихъ возможность лечиться у себя; что же касается до тѣхъ, которые принуждены поступать въ больницы, то во множеству разнаго рода сообщеній по этому предмету мы прибавимъ только два слова о тюремномъ видѣ больницъ и ихъ парадной обстановкѣ. Эти, повидимому несомнѣстимныя, качества у насъ совмѣщены. Обо всемъ у насъ привыкли судить по внѣшности, такъ и въ этомъ; между тѣмъ, парадность, или жизнь больныхъ напоказъ, составляетъ для нихъ величайшее неудобство: количество же удобствъ для поправленія здоровья—вещь очень нужная. Эта же парадность или внѣшній порядокъ, даетъ средства скрывать внутреннюю несостоятельность. Давно уже признано, что ничего нѣтъ бесполезнѣе такъ-называемыхъ больничныхъ смотровъ и начальственныхъ способовъ леченія. Что же касается до тюремнаго вида больницъ или обычая пускать туда здоровыхъ только въ извѣстные дни, а больнымъ не позволять выходить изъ заведенія ни подъ какимъ видомъ, то этотъ обычай имѣетъ еще болѣе вредное дѣйствіе на ходъ болѣзни. Замкнутое положеніе массы больного народа отъ общества и продолжительное разобщеніе его съ здоровыми людьми и всякаго рода форменности и стѣсненія имѣють, безъ сомнѣнія, дурное вліяніе на настроеніе духа пациентовъ и тѣмъ замедляютъ ихъ выздоровленіе. Все это моменты трудно уловимые, но тѣмъ не менѣе важныя.

Наконецъ, позволяемъ себѣ замѣтить, что въ дѣлѣ медицинскаго труда, смотря на него съ нравственной точки зрѣнія, важно вниманіе врача не только къ могущимъ заболѣть и заболѣвшимъ уже, но и къ умирающимъ. Обязанности врача оканчиваются не съ началомъ агоніи больного, а съ послѣднимъ вздохомъ. Изслѣдованіе средствъ къ облегченію предсмертныхъ страданій—предметъ очень важный, особенно въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, оканчивающихся болѣе мучительною смертью. Необходима поэтому болѣе точная діагностика агоніи и болѣе опредѣлительное отличіе ея отъ кризисовъ и, наконецъ, научныя изысканія средствъ облегчать послѣднія минуты умирающаго, при помощи боле-утоляющихъ веществъ и другихъ пособій. Далѣе, разумѣется, необходимо, чтобы обращено было больше вниманія на предотвращеніе извѣстныхъ случаевъ съ мнимо-умершими. Въ публикѣ вообще существуетъ какой-то своего рода эгоизмъ въ отношеніи людей, доживающихъ послѣднія минуты. Боязнь смерти отбиваетъ въ нихъ всякую охоту о средствахъ къ ея облегченію.

Наконецъ намъ остается еще поговорить въ этой главѣ объ од-

номъ очень деликатномъ предметѣ — объ общественномъ и нравственномъ развитіи врача. Трудъ врача заключается не въ продолженіи только человѣческой жизни и сокращеніи страданій помощью матеріальныхъ средствъ, но и въ достиженіи этой цѣли своимъ личнымъ вліяніемъ. Одинъ французскій врачъ сказалъ: медицина въ большей части случаевъ утѣшаетъ, въ нѣкоторыхъ помогаетъ и только изрѣдка вылечиваетъ. Утѣшеніе или возбужденіе упавшаго духа въ больномъ есть поэтому дѣло не послѣднее, и роль врача въ этомъ отношеніи немаловажна. Врачъ—это какъ-бы вѣчная сидѣлка, лицо необходимое для больного, не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Посмотрите, съ какою покорностію бѣдный больной, убитый недугомъ, выслушиваетъ всѣ наставленія и совѣты своего доктора, до чего бы они ни касались. Все умственное и нравственное содержаніе пациента до извѣстной степени въ рукахъ медика, особенно если пациентъ неразвитъ и необразованъ. И вдругъ врачъ, очень опытный иногда въ дѣлѣ науки, обазываетъ совершенно неумѣющимъ схватить тѣ тонкія движенія и обстоятельства, съ которыми сплетается болѣзнь. И въ этомъ отношеніи бывають часто одинаково неопытны, какъ врачп-бюрократы, обратившіеся въ живую машину для прописыванія рецептовъ или опрятнаго веденія больничныхъ листовъ, такъ и врачи-матеріалисты, думающіе, что если они видѣли мозгъ, то они все видѣли въ человѣкѣ. Этотъ послѣдній взглядъ, до нѣкоторой степени еще понятный во врачѣ-спеціалистѣ, невыпускающемъ изъ рукъ ножа или микроскопа, совершенно неумѣстенъ въ практикѣ, имѣющемъ дѣло съ живыми людьми. И только отсутствіемъ общественнаго и нравственнаго воспитанія въ докторахъ объясняются тѣ случаи негуманныхъ поступковъ, на которые публика въ послѣднее время напала съ такою преувеличенною яростію. Публика, впрочемъ, въ этомъ отношеніи не менѣе виновата, какъ и доктора: требуя отъ нихъ, на основаніи закона, непремѣннаго посѣщенія, во всякое время дня и ночи, она въ то же время не думаетъ о необходимости постановленія, по которому бы врачамъ полагалось мѣнѣе платы за визитъ. Вслѣдствіе этой-то неопредѣленности отношеній къ врачу, многіе обращаются съ докторомъ какъ съ почтовою лошадыю, которую, если захочетъ, покорнѣе, а то таки и такъ отпустить. Врачи также въ свою очередь платять обществу не менѣе любезными выходками; и такимъ образомъ надъ постелью умирающаго разыгрываются иногда пренелѣпныя исторіи. Вслѣдствіе этой же неопредѣленности отношеній, врачи привыкають смотрѣть на свое дѣло, какъ на карточную игру, которая столько же зависитъ отъ счастья, сколько и отъ искусства. Много зависитъ, конечно, все это и отъ неумѣнья публики.

оцѣнивать безпристрастно, какъ промахи, такъ и дѣйствительную пользу медика: на лечение смотреть многіе, какъ на чудодѣяніе, которое дается въ удѣлъ только немногимъ избраннымъ публикой. Поэтому врачи или очень богаты и не имѣютъ ни минуты отдыха, или очень бѣдны и сидятъ сложа руки. Распределение труда медицинскаго такимъ образомъ чрезвычайно неравномѣрно, что, конечно, не служитъ въ умноженію здоровья въ обществѣ.

Для устранения всѣхъ этихъ неправильностей необходимо, чтобы общество совершенно оставило обычай смотрѣть на лечение, какъ на дѣло милосердія и чудодѣянія, а врачи совсѣмъ бы выкинули изъ головы мысль видѣть въ практикѣ только факты и субъекты и болѣе или менѣе ловкое обращеніе съ хитро-устроенной машиной. Это дѣло жизненное, глубоко-человѣческое, требующее всѣхъ сторонъ, всѣхъ способностей нашего существа, которыя поэтому и должны быть развиты. Но какъ же этого достигнуть, когда медицина, заключая въ себѣ бездну средствъ для развитія умственнаго, не содержитъ въ себѣ ничего такого, что бы развивало въ человѣкѣ умѣнье понимать отношенія общественныя и социальныя; это задача гуманитарныхъ наукъ, въ которыхъ человѣческія отношенія захватываются непосредственнѣе, чѣмъ въ наукахъ естественныхъ. Все это приводитъ насъ къ мысли, что медицинскіе факультеты ни въ какомъ случаѣ не должны быть оторваны отъ общаго универсальнаго образованія, ни въ какомъ случаѣ не должны составлять особыхъ академій, и даже, быть можетъ, должны бы быть связаны съ другими факультетами и еще чѣмъ нибудь кромѣ богословія, которое только одно обще всѣмъ факультетамъ. Странно въ самомъ дѣлѣ, что университеты, имѣющіе цѣлью обнять разныя отрасли свѣдѣній въ ихъ связи между собой, не заключаютъ въ себѣ ничего связывающаго. Если факультеты не соединяются никакою общемою наукою, то зачѣмъ же они помѣщаются другъ подлѣ друга. Исторія литературы, заключающая въ себѣ исторію науки и вообще исторію образованія, именно и могла бы быть такою связывающею отраслю свѣдѣнія. Отъ литературы ни врачъ и никакой другой специалистъ не можетъ никакъ отвернуться совсѣмъ; и посредствомъ журналовъ и книгъ, газетъ и листовъ всегда сообщается съ общимъ движеніемъ слова, въ которомъ болѣе или менѣе отражается оригинальное развитіе общества и націй.

Что касается до труда судебного, то онъ, какъ кажется, тоже можетъ быть поставленъ въ несовсѣмъ выгодное положеніе совершеннымъ отдѣленіемъ юридическаго образованія отъ общаго университетскаго. Не желаемъ распространяться о неудобствахъ этихъ особнякомъ стоящихъ факультетовъ, которые только лишаютъ юристовъ благъ и вліянія общаго образованія; не желаемъ пе-

тому, что примѣръ *среда* мы видѣли уже въ другихъ случаяхъ, гдѣ онѣ существуютъ какъ отдѣльныя учебныя заведенія, а не какъ факультеты университета... Роль судьи важна не потому только, что черезъ нее оправдывается или осуждается человѣкъ, но еще и потому, что ею поддерживается и распространяется въ обществѣ понятіе о справедливости. Въ настоящемъ правильно-номъ судѣ нуждаются не только люди, замѣшанные въ тяжбу, но и тѣ, которые, быть можетъ, и не будутъ никогда замѣшаны въ судебное дѣло; можно также сказать, что самая устраненность людей отъ судебного разбирательства зависитъ отъ большаго или меньшаго участія ихъ въ дѣлахъ общественнаго или гласнаго суда. Видя постоянно передъ своими глазами примѣры суда, человѣкъ самъ до извѣстной степени проникается идеями права, и потому рѣже нарушаетъ его. И какъ прежде считали въ высшей степени полезнымъ показывать публикѣ только акты наказанія, такъ теперь никто не сомнѣвается, что ей несравненно назидательнѣе видѣть процессъ сужденія. Чѣмъ открытѣе поэтому будетъ наступившее для насъ судопроизводство, тѣмъ скорѣе искоренятся вредныя послѣдствія отъ негласнаго или формалистическаго суда, такъ долго тяготѣвшаго надъ нашимъ обществомъ. Послѣдствія эти неисчислимы и, быть можетъ, неизгладимы, по крайней-мѣрѣ нескоро. Люди, очутившіеся передъ новыми принципами суда, долго еще будутъ тянуть къ старымъ формамъ, внутри которыхъ двигались у насъ до сихъ поръ понятія о правѣ. Изъ бюрократовъ, хоть бы и самыхъ лучшихъ, едва-ли выйдутъ хорошіе адвокаты. Хотя всякій судъ, и даже негласный, въ тысячу разъ выше кулачнаго права, но трудно все-таки указать на другой родъ умственнаго труда, который бы дѣйствовалъ такимъ отупляющимъ образомъ, какъ трудъ бумажнаго дѣлопроизводства. Это вѣчное сидѣнье за перепискою бумагъ и подведеніемъ подъ опредѣленную форму самыхъ разнообразныхъ и захватывающихъ сердце жизненныхъ явленій въ состояніи было выжать хоть изъ кого всю душу. Преступленія и проступки, подобно вещамъ, приводимымъ въ порядокъ, какъ-бы укладывались въ отдѣльныя коробки, и часто безъ всякаго рѣшенія прятались на всегда въ шкафы и архивы; отсюда, видно, и произошла поговорка: откладывать въ долгій ящикъ. Изобрѣтена была даже своего рода логика, оправдывающая всевозможныя злоупотребленія и дѣлающая на основаніи закона всякія несправедливости. Разумъ, въ которомъ источникъ права, такъ ослабѣлъ, что изгладилось даже всякое понятіе о правѣ. Безчисленныя злоупотребленія чиновниковъ были поэтому не столько выраженіемъ подлости, сколько тупости; они, напримѣръ, употребляли выраженіе «безгрѣшныя доходы» и «благодарность» тамъ, гдѣ дѣло

шло о простомъ подкупѣ. Трудъ этотъ, наконецъ, до того подѣйствовалъ на общество, что образовался особый родъ людей съ типическими фізіономіями, похожими на гербовую бумагу, на которой ровно ничего не написано, а поставленъ только штемпель. И художники наши занимались немало надъ изображеніемъ этихъ въ своемъ родѣ историческихъ фізіономій. Трудно въ самомъ дѣлѣ указать на другой родъ занятій, который бы такъ измѣнилъ человѣка, въ такой степени лишалъ его способности ко всякой полезной дѣятельности, какъ этотъ. Поэтому-то теперь, когда время принудило признать непронизводительнымъ трудомъ трудъ писарскій, люди воспитанные, вскормленные на немъ, очутились въ трагическомъ положеніи. Ихъ руки, одеревенѣвшія отъ переписки, ноги, ослабѣвшія отъ сидѣнья, а головы, отупѣвшія отъ движенія, какъ-бы въ заколдованномъ кругѣ, никому ни на что ненужны.

Мы ужъ не говоримъ о томъ родѣ правосудія, который вытекалъ отъ такихъ судей: фактъ слишкомъ извѣстный; для насъ болѣе важно то вліяніе, какое имѣлъ этотъ родъ дѣятельности на общество и самихъ судей. Какъ правильный судъ, совершаемый открыто, развиваетъ чувство справедливости, такъ судъ неправильный, глухой ослабляетъ его въ обществѣ. Первое есть выраженіе духа закона, второе—только формы. Законы потому-то и сидятъ еще на насъ, какъ мундиръ, что самага духа-то законовъ некому было развивать; только посредствомъ гласнаго судоустройства прививается къ обществу это столь необходимое чувство законности и умѣнье оцѣнивать поступки съ точки зрѣнія права. Не говорю уже о политическомъ развитіи, которое пріобрѣтается видомъ правильной юридической борьбы. Разумный споръ, логическая борьба мнѣній есть именно то, что всегда служило основой высшаго политическаго устройства. Когда есть возможность подобной борьбы, люди невольно группируются сообразно съ своимъ мнѣніемъ; а изъ сличенія сгруппировавшихся партій происходитъ уже итогъ, называемый судомъ или общественнымъ мнѣніемъ. И такъ-какъ право исходитъ изъ разума, то поэтому и можно сказать, что вмѣстѣ съ развитіемъ правосудія, въ государствѣ наступаетъ господство или царство разума. Что у насъ дѣйствительно ослаблено понятіе о справедливости, доказываетъ литература, которая есть всегда, болѣе или менѣе, вѣрное отраженіе общества, полемика, которая до извѣстной степени могла бы замѣнить столь необходимое для общества гласное состязаніе умовъ, обратилась богъ-знаеть во что. Споровъ въ литературѣ собственно нѣтъ, а есть только ссоры и различныя выраженія обоюднаго презрѣнія. Какъ ведутся они у насъ? Прежде всего всякій старается пропустить съвозъ ушей мнѣніе противника, или придать ему самое мелкое, ничтожное значе-

ніе, и затѣмъ уже, смѣлымъ натискомъ, поразить его. И противникъ иногда сробѣетъ, отступить, струсить, и это считается побѣдой. За этимъ презрѣніе выражается еще умѣньемъ не отвѣчать, устранять, не видѣть человѣка; а иногда просто дать прозвище, или назвать какимъ-нибудь неприличнымъ именемъ. Шikanья, которыми сопровождаются эти любопытныя исторіи, тоже раздаются щедро. Существуютъ даже особаго рода шикальщики, у которыхъ въ литературѣ есть свой раекъ—«Искра».

III.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ главнѣйшія формы труда, исходящія изъ умственной и эстетической дѣятельности, мы остановимся еще ненадолго надъ нѣкоторыми формами, основывающимися на утилитарномъ принципѣ. Принципъ этотъ, на своемъ мѣстѣ, имѣетъ, конечно, великую важность; онъ весь проистекаетъ изъ чувства самосохраненія, составляющаго, такъ-сказать, принадлежность организма. Животное тоже въ своемъ родѣ утилитаристъ, потому что ему также свойственна забота о насущномъ, и другихъ потребностей у него нѣтъ. Главная сила человѣка въ томъ, что онъ можетъ возвыситься надъ потребностями самосохраненія и себялюбія, и войти въ интересы рода и племени, черезъ что, конечно, и самыя личныя выгоды его улучшаются. Что принципъ пользы и выгоды не можетъ, какъ думаютъ нѣкоторые, сдѣлаться руководящимъ принципомъ въ жизни, доказываютъ самыя должности и роли, основанныя на этомъ началѣ. Должность промышленника, напримѣръ, несмотря на всю соприсковенность ея съ экономической наукой, не на счету высочихъ и нравственныхъ должностей. О купцѣ даже не говорятъ, что онъ дѣлаетъ злоупотребленія, а просто плутуетъ, и обществу это нисколько не кажется обиднымъ. Устранивъ людей этого рода труда въ отдѣльное сословіе, общество, повидимому, успокоилось и примирилось съ этою нечестностію, которую оно считаетъ какъ-бы принадлежностью купческаго званія. Роль купца считается у насъ не должностію, не особымъ видомъ труда, а просто обязанностію сословія, къ которому причисленъ человѣкъ. Замнутость положенія купцовъ, ставящая ихъ особнякомъ отъ всего общества, дѣлаетъ для нихъ и образованіе меньшею потребностію. Вся умствнная дѣятельность промышленника сосредоточивается часто на одномъ счетоводствѣ и разнаго рода продѣлкахъ. Все это вмѣстѣ обращаетъ его, наконецъ, въ живую машину для добыванія денегъ; и потомъ, когда деньги уже добыты, то явившееся сознаніе силы дѣлаетъ изъ него неограниченнаго деспота или самодура. О какъ-бы то ни было

обязанностяхъ, налагаемыхъ на человѣка капиталомъ, тутъ, конечно, и помину не можетъ быть; и потому нигдѣ, быть можетъ, не развить такъ эгоизмъ капитала, какъ у насъ. Капиталы эти, наживаемые всякой правдой и неправдой, либо запираются въ сундуки, либо пускаются по вѣтру; переходъ изъ одной крайности въ другую одинаково частъ. Случайно изъ другаго сословія набѣжавшее образованіе обыкновенно пепелить ихъ, а крѣпко же по преданію укоренившееся невѣжество дѣлаетъ капиталы достояніемъ людей самыхъ необразованныхъ и почти дивныхъ нравомъ. Предоставляемъ же теперь судить читателю, выгодно ли такое сосредоточеніе денежныхъ средствъ въ рукахъ невѣжества, поддерживаемаго сословною замкнутостію. Въ замкнутости этой именно и заключается темнота этого царства, о которомъ у насъ такъ невпопадъ говорили. Еслибы трудъ промышленника считался однимъ изъ видовъ общественной дѣятельности, то результатъ бы былъ, быть можетъ, иной.

Что касается до должности или роли, которую имѣютъ въ обществѣ чернорабочіе, то роль эта еще менѣ завидна. Трудъ этотъ есть простѣйшій изъ всѣхъ разобранныхъ нами формъ должности, и попреимуществу только трудъ механической; дѣйствіе же механическаго труда на нравственное и умственное содержаніе человѣка нами разобрано въ первой статьѣ; въ настоящее время намъ остается только прибавить, что мнѣнія этого держатся и экономисты. Такъ, наприимѣръ, Рошеръ, говоря о трудѣ вообще, указываетъ на выраженіе Шлейермахера, что всякая чисто-механическая дѣятельность, низводящая человѣка на степень живого орудія (раба), безнравственна. «Какъ скоро — говоритъ Рошеръ — раздѣленіе труда достигаетъ этой степени, сейчасъ же должны быть введены машины, которыя бы замѣнили человѣка». Если общины простолюдиновъ могутъ съобща держать школу, то почему же имъ современемъ не обзавестись и машинами, которыя бы сберегали время, и давали средства посѣщать школу.

Кромѣ непосредственнаго ослабленія умственнаго и нравственнаго содержанія, которое, какъ мы объяснили въ первой статьѣ, зависитъ отъ чисто-физическихъ причинъ—это внутреннее содержаніе въ нашемъ народѣ ослабляется еще и причинами, такъ сказать, географическими. Громадность пространства, которую заняло наше племя, и малое число промышленныхъ центровъ, побуждаетъ нашихъ рабочихъ къ длиннымъ путешествіямъ, къ работѣ вѣдѣ дома. Къ этому еще, разумѣется, присоединяется необходимость несенія военной службы, требующей тоже оставленія родины. Если духъ времени требуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ допущенія разводовъ естественныхъ, тѣмъ менѣе мы должны остерегаться разводовъ

насильственныхъ: къ послѣднимъ мы именно и причисляемъ ту долгую, а иногда и вѣчную разлуку съ семьей, на которую бывають часто осуждены солдаты и мастеровые, ходящіе на заработки. Устранить это трудно, но знать не мѣшаетъ, что отлучками этими семейное начало потрясается въ самомъ своемъ основаніи — въ народѣ. Роль, разыгрываемая нашими солдатками, и положеніе, занимаемое отцами въ отношеніи женъ своихъ отлучившихся сыновей-работниковъ, лучше всего показываютъ, какъ это дѣйствуетъ на чувственность простолудина. Только отъ сокращенія срока службы, уменьшеніемъ пространства, помощію желѣзныхъ дорогъ, и отъ развитія земледѣлія и промышленности по всѣмъ угламъ Россіи, можно ждать выхода изъ этой диллемы. Такъ-то все дѣлается въ обществѣ одно за другое; и если тронуть одно, смотришь — зашевелится и другое; двинуть съ одного конца — смотришь, является потребность и общаго движенія, общей перемены.

Всѣхъ видовъ и формъ труда въ этомъ короткомъ очеркѣ мы, конечно, не перечислили. Но дѣль наша вовсе и не заключалась въ этомъ, а въ томъ, чтобы затронувши болѣе типическія, показать, какъ всякій родъ дѣятельности, независимо отъ его утилитарнаго и научнаго значенія, можетъ быть разсматриваемъ, какъ одно цѣлое съ нравственно-жизнейской точки зрѣнія.

IV.

Вмѣсто перечисленія менѣе сформировавшихся у насъ формъ труда, мы въ заключеніе своей второй статьи разберемъ обширную и чрезвычайно неопредѣленную сферу, въ которой вращаются люди безъ опредѣленнаго рода занятій или лишніе люди. Жизнь прошлого въ этомъ отношеніи была такъ жестока къ намъ, что всѣ классы общества отдѣлили отъ себя этихъ, какъ-бы за штатомъ оставшихся лицъ. Сюда прежде всего относится обширная масса чиновниковъ, которыхъ дѣятельность за писарскимъ столомъ хоть и казалась съ виду умственной, но въ сущности была механическою; изъ нихъ бы могли выдти хорошіе ремесленники или торговцы, но имъ нерѣдко мѣшаетъ чинъ, и потому они остаются безъ дѣла. Изъ класса военныхъ тоже выдѣлилось много господъ, которые, не освоившись съ обычаями своей службы или потѣсенные оттуда, вышли въ отставку съ разными разчетами на будущее. Этимъ послѣднимъ, кромѣ чина, мѣшаетъ приняться за опредѣленное занятіе еще особый родъ мелкаго самолюбія, который развивается нерѣдко въ груди носящаго мундиръ или эксельбанты; и для поддержанія своего достоинства при самыхъ иногда ограниченныхъ средствахъ записываются иногда въ литераторы и пере-

водчики или занимаются издательствомъ книгъ. Классъ помѣщиковъ тоже заключаетъ въ себѣ немало людей безъ опредѣленнаго вида дѣятельности; и сюда можно причислить нетолько помѣщиковъ бѣдныхъ, оставшихся безъ помѣстій, но и богатыхъ, которыхъ дѣятельность состоитъ только въ томъ, чтобы передавать свои обязанности управителю. Можно ли назвать судьей человѣка, который поручаетъ за себя судить другимъ? такъ нельзя назвать помѣщикомъ въ настоящемъ смыслѣ человѣка, поручающаго свое имѣніе другимъ. Владѣніе не есть еще дѣло. Какъ капиталъ, такъ и земля, принадлежатъ кому бы то ни было, налагаютъ на человѣка большія обязанности по отношенію къ обществу и общественной службѣ; на собственность потому-то и дѣлали несправедливыя нападенія, что собственники не исполняли своихъ обязанностей. Многие изъ мелкихъ помѣщиковъ, также какъ изъ чиновниковъ и военныхъ, принимаются уже за промышленность, отчего естественно должно произойти возвышеніе этого рода дѣятельности.

Къ числу лишнихъ людей слѣдуетъ также причислить и значительное количество учащихся. Съ тѣхъ поръ, какъ наука у насъ, и безъ того неукоренившаяся, подверглась вліянію западнаго утилитаризма и меркантилизма, различныя отрасли научной дѣятельности какъ будто перемѣшались, и въ головахъ свѣжихъ и пылкихъ юношей произошелъ хаосъ, который хуже всякаго педантизма. Много, конечно, способствовали этому и плохіе профессора, почти гнавшіе изъ аудиторій своими лекціями; но еще болѣе въ этомъ повинны нѣкоторые журналы, старавшіеся обратить всѣхъ слушателей въ своихъ читателей. Къ этому еще присоединился распространенный у насъ обычай учиться болѣе языкамъ чѣмъ наукамъ, отдавать преимущество беспорядочной начитанности передъ основательнымъ ознакомленіемъ съ учебниками; это отразилось даже на школахъ. Всѣ повидимому забыли, что науки есть дѣло первой важности, что основательное, хотя бы и короткое ознакомленіе съ тѣми отдѣлами и отраслями, на которые дробится масса человѣческихъ знаній, необходимо. Нетолько умъ начинающаго юноши, но и умъ взрослога потеряется, запутается, если ему представить громадный матеріалъ знанія безъ осязаемаго раздѣленія и разысненія. Какъ явленія природы классифицируются по классамъ и видамъ, такъ и знанія человѣческія требуютъ такого же подведенія подъ извѣстный порядокъ и классификацію. Если останавливаться на языкахъ въ ущербъ наукамъ, то отсюда ничего не произойдетъ кромѣ путаницы, свѣтской или либеральной—это все равно; путаница ни въ какомъ случаѣ не должна быть терпима, когда умъ человѣческій уже пошелъ по такимъ несомнѣннымъ путямъ къ истинѣ, какіе представляютъ ему науки. И вотъ не пристран-

ваться ни къ какой наукѣ, ни къ какому роду труда до того вошло теперь въ моду, что достаточно было объявить себя человѣкомъ мыслящимъ или просто читающимъ, чтобы считаться человѣкомъ отнюдь не празднымъ. Изъ этой-то категоріи людей образовались такъ-называемые прогрессисты ex professio, то-есть люди, которые ничего собственно не дѣлали, а только порывались впередъ. Они совершенно не понимали, что прогрессъ есть стремленіе, а не родъ занятія, и что въ этомъ реальномъ мірѣ всякая непризрачная дѣятельность должна принять какую нибудь видимую для общества форму. Московскія Вѣдомости очень вѣрно недавно выразились, что развитію этихъ незрѣлыхъ протестующихъ движеній много способствовала цензура; мы, впрочемъ, высказывали это еще прежде, и замѣчали также, что все, чтò носить печать запрещенности, можетъ иногда привлекать вниманіе толпы и при совершенной пустотѣ и ничтожности содержанія; писателей же болѣе умѣренныхъ это состояніе печати связывало. Замѣчательнъ въ этомъ отношеніи фактъ, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ у насъ свободы печати, заграничныя русскія изданія, еще кой-гдѣ звенѣвшія, совершенно потеряли значеніе; если печать наша будетъ двигаться тѣмъ же путемъ, то оно совсѣмъ прекратится, чтò было бы желательно. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, этотъ избытокъ ненужныхъ лишннихъ людей, выпавшій на нашу долю? Быть можетъ, предшествующее поколѣніе не производило столько лишняго, ненужнаго, и нигдѣ ненашедшаго себѣ мѣста, сколько теперешнее. Кто въ этомъ виновать и долго-ли еще будетъ вырабатывать наша русская жизнь лишннихъ людей? До тѣхъ поръ, должно быть, пока не утвердится убѣжденіе, что внѣ науки, внѣ всякой формы труда стоять нельзя. Положеніе это такъ же безысходно, какъ и положеніе писаря-чиновника, приобрѣтшаго у насъ свою историческую фізіономію. А между тѣмъ изъ этого положенія не могутъ никакъ выбиться цѣлыя толпы людей. Печальный и грустный итогъ прошлаго!

Николай Соловьевъ.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

НОВАЯ ПЬЕСА А. Н. ОСТРОВСКАГО «ПУЧИНА».

6-го мая 1866 года на сценѣ александринскаго театра въ первый разъ дана пьеса А. Н. Островскаго «Пучина». Пьеса эта, хотя и недавно напечатанная, написана авторомъ довольно давно, въ ту эпоху его дѣятельности, когда еще ни въ чьей головѣ не зарождалось сомнѣнія, что талантъ г. Островскаго можетъ слабѣть.

«Пучина» написана авторомъ прежде «Тяжелыхъ дней», «Шутиковъ» и «Воеводы», объ ней давно въ литературныхъ кругахъ ходили довольно разнообразныя толки: одни утверждали, что это едва-ли не самое лучшее произведеніе г. Островскаго, другіе сомнѣвались въ этомъ, но кажется и тѣ и другіе едва-ли были на столько знакомы съ «Пучиной», чтобы имѣть возможность судить о ней и сравнивать ее съ другими произведеніями автора. Намъ по крайней-мѣрѣ доводилось слышать отъ нѣкоторыхъ лицъ содержаніе «Пучины» вовсе не такимъ, каково оно оказалось на самомъ дѣлѣ. Достовернымъ осталось, что пьеса эта называлась *драмою* и довольно долго встрѣчала непреодолимыя препятствія появиться въ печати и стать на русскую сцену. «Пучина» явилась въ свѣтъ только въ началѣ 1866 года: она напечатана въ пяти газетныхъ фельетонахъ и сыграна въ первый разъ на александринскомъ театрѣ 6-го мая, въ пользу актера Васильева перваго (въ награду за тридцатилѣтнюю его службу). И въ фельетонахъ газеты, напечатавшей эту пьесу, и на театральной афишѣ «Пучина» названа *сценою изъ московской жизни*, въ четырехъ картинахъ, а не пятиактною драмою, какъ называли ее въ разговорахъ, до появленія ея въ печати. Не знаетъ, переѣлывалъ ли авторъ эту пьесу въ послѣднее время, или она такъ и была написана, а устныя изложенія ея содержанія были слишкомъ вольныя, но готовы думать, или что «Пучина» подверглась у автора самымъ существеннымъ урѣзкамъ и сокращеніямъ,

или что самыя свѣдѣнія, распространенныя о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ пьесой во время существованія предварительной цензуры, можно считать журнальною уткой, или однимъ изъ тысячи анекдотовъ русской предварительной цензуры. Мы изложимъ для нашихъ читателей содержаніе «Пучины», прежде чѣмъ скажемъ что нибудь о достоинствахъ самой пьесы и о ея исполненіи на Александринскомъ театрѣ.

На лугу въ московскомъ Нескучномъ саду сходятся два купца и двѣ кучихи, садятся и толкуютъ о Мочаловѣ, который очень понравился имъ въ «Жизни игрока». Они говорятъ о вредѣ, который происходитъ «отъ пріятелей», и уходятъ. На ихъ мѣсто являются три студента (двое въ старой студентской формѣ). Изъ этихъ молодыхъ людей, Погуляевъ (г. Нильскій) начинаетъ съ того же, съ чего начинали ушедшіе купцы.

Погуляевъ. — А какъ хорошъ былъ сегодня Мочаловъ. Только жаль, что пьеса плоха.

1-й студентъ. — Сухая пьеса. Голая мораль.

2-й студентъ. — Всѣ эффекты, всѣ ужасы нарочно прибраны, какъ на подборъ. «Чортъ не такъ страшенъ, какъ его пишутъ». Чорта нарочно пишутъ страшнымъ, чтобъ его боялись. А если чорту нужно соблазнить кого нибудь, такъ ему вовсе не расчетъ являться въ такомъ безобразномъ видѣ, чтобъ его сразу узнали.

Всѣ (смѣются). — Ха, ха, ха! Да, это правда.

Входитъ некончившій курса студентъ Куриль Филиппъ Кисельниковъ (г. Малышевъ), выдается съ тремя своими прежними товарищами, между ними заводится разговоръ объ университетѣ; Погуляевъ жалѣетъ, что Кисельниковъ не окончилъ курса. Кисельниковъ (главное драматическое лицо пьесы) отвѣчаетъ, что это ничего, что онъ «занимается», но что въ то же время, онъ теперь весь отдается природѣ; говорить дальше, что его строгій, капризный отецъ умеръ, оставивъ ему «порядочное состояніе», что онъ, получивъ это состояніе, захотѣлъ поразвлечься и «отсталъ отъ университета». Потомъ Кисельниковъ говоритъ своимъ товарищамъ, что ему теперь еще не время о себѣ думать, что у него «теперь голова занята» и объявляетъ, что онъ «влюбленъ безъ памяти», любимъ взаимно, и что черезъ два дня его свадьба. Ему говорятъ, для женитьбы надо имѣть средства; а онъ отвѣчаетъ, что у него средства есть, что у него есть «свой домикъ, да тысячъ семь денегъ», а тамъ «тесть обѣщаль шесть тысячъ». Студенты, и особенно Погуляевъ, резонируютъ, что это деньги не великія, что ихъ легко прожить, что обѣщанія не всегда исполняются. Кисельниковъ говоритъ, что онъ будетъ *трудиться*, а Погуляевъ опять охлаждаетъ его и резонируетъ:

«А много ли ты получишь не оконча-то курса, не имѣя чина сто, двѣсти рублей, не больше. Заведутся дѣти; будетъ нужно подталкивать, сдѣлаешься неразборчивъ въ средствахъ, руку крѣчкомъ согнешь. Ахъ, скверно!»

Влюбленный Кисельниковъ непреклоненъ; все резонерство то-варищей онъ называетъ «мрачными картинами» и говорить, что онъ уже рѣшился, и что ему необыкновенно нравится «патріархальность въ семействѣ его тестя». Студенты берутся опять резонировать, что «патріархальность — добродѣтель первобытныхъ народовъ», что «патріархальность хороша подъ кущами, а въ городахъ нужно пожинать плоды цивилизаціи». Наконецъ, студенты послѣ этой самой скучной сцены расходятся; но Кисельниковъ удерживаетъ Погуляева и говорить ему: «ты добрѣе ихъ: пойдемъ, я покажу тебѣ свою невѣсту». — Въ это время входитъ купецъ Боровцовъ (Бурдинъ), Дарья Ивановна, жена его (Воронова), Глафира Пудовна, дочь ихъ (Александрова 1-я), Лупъ Лупычъ Переряковъ (г. Зубровъ), да Иона Турунтаевъ, военный въ отставкѣ (бенефициантъ, г. Васильевъ 1-й). Начинается очень живая сцена: Переряковъ — маленькій старичокъ, въ очень хорошемъ вицмундирѣ и съ орденомъ, входитъ показывая тростью на западъ и говорить:

«Посмотрите, посмотрите, чтѣ за картина! Солнце склоняется къ западу, мирные поселане возвращаются въ свои хижины и свирѣль пастуха... (*Обращается къ проходящему*). Потихе, милостивый государь, потихе, говорю я вамъ.

Проходящій. — Извините.

Переряковъ. — Надо различать людей. (*Показывая на орденъ*) Видите, милостивый государь.

Погуляевъ (стоя съ Кисельниковымъ за деревомъ). — Про какую это онъ свирѣль говорить? Никакой свирѣли не слышно.

Кисельниковъ. — Ну, ужъ это нужно ему извинять. Зачѣмъ къ такимъ мелочамъ придирается? онъ человекъ отличный. Люди семинарскаго образованія всегда склонны къ риторикѣ.

Переряковъ. — Солнце склоняется къ западу.

Боровцова. — Отчего же оно къ западу? Развѣ ему такой предѣлъ положенъ?

Боровцовъ. — Извѣстное дѣло — предѣлъ, а то еще чтѣ же?

Боровцова. — А какъ въ другихъ земляхъ? И тамъ тоже солнце на западъ садится?

Переряковъ. — Навѣрное-то сказать трудно, потому что во многихъ земляхъ, гдѣ у насъ западъ, тамъ у нихъ востокъ».

Обращаются за разъясненіемъ этого факта къ Турунтаеву, тотъ изъясняетъ его положеніемъ города Шумлы; потомъ Боровцовъ

столь же умно разсуждаетъ о «нѣшей службѣ», которая «супротивъ морской много легче», потому что въ морской службѣ пошлютъ съ кораблемъ отъискивать, гдѣ конецъ свѣту; ну, и плывуть. Видать моря такіа совсѣмъ невѣдомыя, морскія чудища воекругъ корабля поднимаются, дорогу загораживаютъ, вопять разными голосами; птица сирень поеть, и нѣтъ такой души на кораблѣ, говорятъ, которая бы не ужасилась отъ страха, въ онѣмніе даже приходитъ. Вотъ это — служба».

Погуляевъ. — Чтѣ они говорятъ?

Кисельниковъ. — Добрыя люди, другъ мой, добрыя люди. (*Онъ беретъ товарища и подводитъ его къ ушедшейся компаніи*).

Боровцовъ. — Вотъ и женихъ. Гдѣ это ты запропалъ? Посмотри, невѣста-то ужъ плачетъ, что давно не видались.

Глафира. — Ахъ, что вы, татенька? Даже совсѣмъ напротивъ.

Боровцовъ. — А ты, дура, нарочно заплачь, чтобъ ему было чувствительнѣе.

Кисельниковъ. — Вотъ позвольте васъ познакомить съ моимъ товарищемъ.

Боровцовъ. — Оно, конечно, безъ товарищевъ нельзя; только ужъ женатому-то надо будетъ отъ нихъ отставать; потому отъ нихъ добра мало. А какъ ваше имя и отчество?

Погуляевъ. — Антонъ Антоничъ Погуляевъ.

Боровцовъ. — Такъ-съ. Состояніе имѣете?

Погуляевъ. — Нѣтъ.

Боровцовъ. — Плохо. Значить, вы моему зятю не компанія.

Кисельниковъ и въ этомъ все видитъ «патріархальность», съ которою хоть прямо «подъ кущи». Переряковъ и Турунтаевъ вмѣшиваются въ разговоръ съ Погуляевымъ и совѣтуютъ ему то въ военную службу, то въ штатскую, но онъ отвѣчаетъ, что намѣренъ идти въ учителя. — «Ребятишекъ сѣчь? говоритъ Переряковъ. — Дѣло. Та же служба. Только какъ вы характеромъ? Строгость имѣете ли?»

Турунтаевъ. — Пороть ихъ, канальевъ! Вы какъ будете: по субботамъ, или какъ вздумается, дня положеннаго не будетъ? Видъ методы воспитанія разныя. Насъ, бывало, все по субботамъ.

Боровцовъ, Переряковъ и Турунтаевъ уходятъ, чтобы гдѣ-то отдохнуть, и начинается сцена между женихомъ, его другомъ, матерью и дочерью. Погуляевъ спрашиваетъ Глафиру, очень ли она любитъ своего жениха.

Глафира. — Какъ же я могу про свои чувства говорить посто- роннимъ! Я могу ихъ выражать только для одного своего жениха.

Кисельниковъ. — Какова скромность!

Боровцова.—Вы про любовь-то напрасно. Она этого ничего понимать не можетъ, потому что было мое такое воспитаніе.

Погуляевъ.—А какъ же замужъ выходить безъ любви? Развѣ можно?

Боровцова.—Такъ-какъ было согласіе мое и родителя ея, вотъ и выходить.

Наконецъ начинаетъ себя репрезентовать Глаша. Погуляевъ ее спрашиваетъ: вы чѣмъ изволите заниматься?

Глафира.—Вы, можетъ быть, это въ насмѣшку спрашиваете?

Погуляевъ.—Какъ же я смѣю въ насмѣшу?

Боровцова.—Ниче все больше стараются какъ на смѣхъ под-
нять. Хотъ не говори ни съ кѣмъ.

Глафира.—Обнаковенно чѣмъ барышни занимаются. Я вышиваю.

Поговоривъ въ этомъ родѣ съ Погуляевымъ, Глафира Пудовна объявляетъ ему, что она его теперь не боится, приглашаетъ его къ себѣ играть въ фанты: «въ фантахъ, говорить, можно съ дѣвушками цаловаться», жалуется на гордость какого-то студента сосѣда, который съ портнягами знакомъ, а о «хорошихъ барышняхъ» говорить, что «онѣ очень глупы». Глафира кончаетъ тѣмъ, что уходя съ матерью говоритъ Погуляеву тихо: у меня есть подруга, очень хороша собой, у ней теперь никого нѣтъ въ предметѣ, я васъ завтра познакомлю, только чтобъ секретъ. Вы смѣлѣй; не конфузьтесь.

Кисельниковъ и тутъ восклицаетъ: «какая простота! какая невинность!» за что Погуляевъ и раздражается громкимъ хохотомъ и говоритъ, что «это безобразіе въ высшей степени». «Если уже тебѣ пришла охота жениться, такъ ты женись на дѣвушкѣ бѣдной, да только изъ образованнаго семейства. Невѣжество—вѣдь это болото, которое засосетъ тебя. Ты же человекъ нетвердый, хотъ на карачкахъ ползи, хотъ царапайся, да только старайся попасть наверхъ, а то *свалишься въ пучину*, и она тебя проглотитъ». Кисельниковъ остается при своемъ рѣшеніи, то-есть женится и тѣмъ первая картина кончается.

Исполненіе всей этой картины у Вороновой, Александровой 1-й, Зуброва и Васильева вышло очень удачно: Вурдинъ по обыкновенію кривлялся, Нильскій не умѣлъ ничего сдѣлать изъ своей странной, по правдѣ сказать, роли молодого резонѣра Погуляева. Всѣхъ хуже былъ Малышевъ, которому судьбою за какой-то первородный грѣхъ дарована вѣчная стереотипная улыбка и неумѣнье говорить естественнымъ образомъ. Онъ все время суетился, лепеталъ скороговоркой, улыбался и съигралъ изъ Кисельникова чуть не Филатушку дурача.

Вторая картина открывается сценою изъ разряда тѣхъ, въ которыхъ г. Островскій неподражаемъ. Глафира и Кисельниковъ

уже семь лѣтъ женаты, и у нихъ шестилѣтняя дочь. Кисельниковъ сидитъ въ небогатой комнатѣ за бумагами, Глафира у другого стола, дѣвочка бѣгаетъ съ шнуркомъ по комнатѣ.

Кисельниковъ.—Убери дочь-то! Что она здѣсь толчется? Нѣтъ у нихъ дѣтской, что ли?

Глафира.—Твой вѣдь дѣти-то.

Кисельниковъ.—Такъ что же что мой?

Глафира.—Ну, такъ и нянчѣйся съ ними.

Кисельниковъ.—А ты-то на что? У меня есть дѣло поважнѣе.

Глафира.—Я твоихъ важныхъ дѣлъ и знать не хочу, а ты не смѣй обижать дѣтей, вотъ что!

Кисельниковъ.—Кто ихъ обижаетъ?

Глафира.—Лизанька, плюнь на отца (*Лизанька плюетъ*). Скажи: папка дуракъ.

Лизанька.—Папка дуракъ.

Кисельниковъ.—Что ты это? Чему ты ее учишь?

Глафира.—Да дуракъ и есть. Ты какъ объ дѣтяхъ-то понимаешь? Ангельскія это души или нѣтъ?

Кисельниковъ.—Ну, такъ что же?

Глафира.—Ну, и значить, что ты дуракъ. Заплачь, Лизанька, заплачь (*Лизанька плачетъ*). Громче заплачь, душенька. Пусть всѣ услышатъ, какъ отецъ надъ вами тиранствуетъ.

Кисельниковъ (зажимая уши).—Вы мои тираны, вы.

Глафира.—Кричи еще шибче, чтобъ сосѣди услышали, коли стыда въ тебѣ нѣтъ. Пойдемъ, Лизанька. (*Мужу*) Ты погоди, я тебѣ это припомню. (*Дочери*) Да что-жь ты нейдешь, мерзкая дѣвчонка! Какъ примусь тебя колотить.

Кисельниковъ.—Это ангельскую-то душу?

Глафира огрызается, говорить, что это ея дочь, что она ее выходила. «Вотъ на зло же тебѣ прибью въ дѣтской», добавляетъ она, уводя ребенка. Кисельниковъ остается и разсуждаетъ, что жену его слѣдовало бы ругать, но что нельзя ее ругать сегодня, потому что она именниница. «Сегодня можно стерпѣть... Не великъ баринъ-то, чтобъ не стерпѣть!» Онъ стоитъ задумавшись и потомъ потихоньку зашѣваетъ:

Во саду ли, въ огородѣ
Дѣвушка гуляла (*Глафира входитъ*).

Глафира.—Обидѣлъ жену, а самъ пѣсни поетъ: хорошъ мужъ!

Кисельниковъ (громче) Она ростомъ невеличка,
Лицомъ круглолица.

«Мнѣ только и осталось, говорить онъ, либо взвить голосомъ отъ вѣсь, либо пѣсни пѣть». Между супругами заходитъ разго-

воръ, въ которомъ Кисельниковъ высказываетъ, что тесть ему обѣщаннаго за женою приданнаго не далъ; его собственныя деньги тоже взял и процентовъ не платить, а если дастъ когда рублей пятнадцать, такъ говорить: «я тебѣ въ бѣдности твоей помогаю». Глафира отвѣчаетъ, что это такъ и надо. «Отдай тебѣ деньги-то, такъ ты, пожалуй, и жену бросишь». Глафира говоритъ мужу еще множество оскорбительныхъ вещей и общается отъ него «при гостяхъ отворачиваться». Кисельниковъ проситъ прощенія, чтобъ только при гостяхъ ничего не было. «Гдѣ-жь тебѣ со мной спорить? говоритъ ему Глафира.—Ты помни, что я въ тысячу разъ тебя умнѣе и больше тебя понимаю». Кисельниковъ спрашиваетъ о своей матери: «гдѣ маменька?» Глафира отвѣчаетъ, что въ дѣтской. «Пусть, говоритъ, хоть дѣтей нянчить, все-таки не даромъ хлѣбъ ѣсть». Кисельниковъ поднимаетъ голосъ за мать и говоритъ, что они въ ея домѣ живутъ.

— Вотъ опять съ тобой ругаться надо! восклицаетъ Глафира.— Сколько разъ я тебѣ говорила, чтобы ты домъ на мое имя переписалъ. Я вотъ свои старыя платья дарю, не жалѣю для нея, а ты этого не хочешь чувствовать.

Привѣщаютъ тестя и тещу, Боровцовы. Глафира на самомъ порогѣ объявляетъ потихоньку матери, что мужъ заложилъ ея приданныя серьги; та вводитъ это въ разговоръ, и Боровцовъ безъ всякой церемоніи говоритъ зятю: «Выкупи. Съ себя хоть все заложил, а женинаго приданнаго не тронь». — «Эхъ, зятекъ, про должаетъ Боровцовъ: — я думалъ, изъ тебя баринъ выйдетъ, а вышла-то грязь.»

Кисельниковъ. — За что же, папенька?

Боровцовъ. — За то же, что ты для семейства ничего не стараешься. Ты въ какомъ судѣ служишь? Кто у васъ просители?

Кисельниковъ. — Купцы.

Боровцовъ. — То-то, «купцы!» Ну, стало быть, ихъ грабить надо. Потому, не попадайся, не заводи дѣловъ. А завелъ дѣла, такъ платись. Я тебѣ говорю — я самъ купецъ. Я попадусь, и съ меня тyani. «Моль, татенька, родство — родствомъ, а дѣло — дѣломъ: надо же, моль, и намъ чѣмъ-нибудь жить». Боишься, что-ль, что ругать стануть? такъ ты этого не бойся», и т. п. въ этомъ родѣ. «Подумай-ка хорошенько, да брось свой стыдъ-то!» заключаетъ Боровцовъ. Кисельниковъ отвѣчаетъ: «И то, папенька, надо бросить». Впечатлѣніе, которое должно быть произведено этими страшными словами, въ игрѣ г. Малышева совершенно не вышло. Стоя всю эту сцену въ лакейской позѣ у двери, Малышевъ кисло промямлилъ: «И то, папенька, надо рѣшиться», а тутъ вухарна объявила о прибытіи Переаркова и Турунтаева, и актъ отреченія Кисельникова отъ стыда погибъ. Турунтаевъ съ

Переряковимъ высказываютъ, что они дорогой шли и спорили: «какъ правильнѣе судить, по закону, или по человѣчеству»? Переряковъ говоритъ: «я говорю: по закону, а онъ—по человѣчеству.» — «Вотъ тебѣ примѣръ, продолжаетъ онъ:—положимъ, у тебя на opiekѣ племянники; человѣкъ ты хорошій, состоятельный; торговня дѣла знаешь, ну, ты и попользовался отъ нихъ сколько могъ, и отчеты представлялъ безобразные, и все такое; то-есть не то, что ограбилъ, а себя не забылъ. Виновать ты или нѣтъ? По закону ты виновать».

Турунтаевъ. — А по человѣчеству — нѣтъ.

Боровцовъ отвергаетъ виновность и по закону: «что ты мнѣ все: законъ, законъ!» — «Нешто мы живемъ, какъ въ законѣ написано? Нешто написано, что на улицѣ трубку курить, а ты сидишь за воротами съ трубкой. Нешто написано въ мѣсяцъ по десяти процентовъ брать? (на *Турунтаева*) а онъ беретъ же?»

Турунтаевъ. — Нешто написано гнилыми товарами торговать, а ты торгуешь же?

Боровцова. — Нешто писано, что по пятницамъ скоромное ѣсть, а вѣдь люди ѣдятъ. Судить, такъ всѣхъ судить: насъ судить за товаръ, а ихъ за молоко.

Черезъ нѣсколько времени возобновляется снова сцена въ этомъ родѣ, въ присутствіи Погуляева, который, возвратясь изъ за границы, пришелъ навѣстить Кисельникова. Когда молодые люди между собою разговариваютъ, у Боровцова, Перерякова и Турунтаева вспыхиваетъ за картами споръ. Не оставаясь одинъ у другого въ долгу, они обзываютъ другъ друга: «процентщикомъ», «ябедникомъ, въ газетахъ публикованнымъ, Иудею, деннымъ воромъ.» Боровцовъ кладетъ конецъ этой сценѣ, говоря: «Ну, будетъ: пошутили, да и будетъ. Садитесь играть». Пересдаютъ карты и снова садятся, какъ будто ничего ни бывало. Боровцовъ проситъ у зятя рому; у Кисельникова же нѣтъ ни денегъ, ни рому; онъ въ ужасно затруднительномъ положеніи, изъ котораго его выручаетъ Погуляевъ, ссужая ему свои послѣдніи деньги. Кисельниковъ благодаритъ и обѣщается отдать деньги. «У меня непременно будутъ въ этомъ мѣсяцѣ, рассказываетъ онъ Погуляеву.—У меня есть примѣта вѣрная. Выхожу я вчера вечеромъ на крыльцо, въ рукѣ хлѣбъ, а мѣсяцъ прямо противъ меня; а въ карманѣ—тамъ серебро, мелочь, вотъ въ одной рукѣ хлѣбъ, а въ другой серебро, а мѣсяцъ напротивъ, значитъ—цѣлый мѣсяцъ сквозь слезы и съ хлѣбомъ и съ деньгами.»

На удивленіе, выраженное Погуляевымъ къ этимъ словамъ, Кисельниковъ со слезами отвѣчаетъ: «Оно конечно, вѣдь это пред-

разсудокъ? — такъ вѣдь Погуляевъ, предразсудокъ? А все-таки, когда человѣкъ кругомъ въ недостаткахъ, это утѣшаетъ, брать, право, утѣшаетъ.»

Это прекрасное мѣсто у актѣра Малышева опять совершенно пропало и прошло вовсе незамѣченнымъ публикой. Александра, Вороновъ; Зубровъ и Васильевъ держали сцену весьма удовлетворительно; Бурдинъ строилъ изъ своего многоговорящаго лица ехидныя гримасы, особенно противныя и неидущія къ дѣлу въ разговорѣ его съ зятемъ. Удивительна по истинѣ глубина пониманія ролей этого однообразнаго актѣра. Онъ даже не понималъ, что всѣ мерзости Боровцова текутъ у него просто, искренно, изъ души выходить, вовсе не какъ мерзости лукавства, а какъ житейская мудрость, и все строилъ ехидныя маски, выражавшія собою: вотъ, дескать, какъ я васъ подѣзжаю! Было, впрочемъ, въ этомъ дѣйствіи лицо, которое вело себя еще хуже г. Бурдина: это актриса Громова, игравшая мать Кисельникова, Анну Устиновну. Въ короткомъ появленіи своемъ въ этой сценѣ г-жа Громова употребила все стараніе, чтобы показать, до чего могутъ быть плохи нѣкоторыя современныя артистки Александринскаго театра. — Мать Кисельникова (въ домѣ которой онъ и живетъ съ женою и съ дѣтьми) — женщина, загнанная невѣсткой и неперносящая угнетенія ради сына. Нѣтъ сомнѣнія, что она представлялась автору существомъ добрымъ, смиреннымъ, безотвѣтнымъ и слейшимъ. Когда Анна Устиновна подаетъ чай гостямъ, невѣстка ее прямо встрѣчаетъ врикомъ: «Что вы тамъ провалились съ чаемъ-то?» Анна Устиновна отвѣчаетъ: «Не торопись, матушка, поспѣешь.» Старуха Боровцова заступается за нее передъ дочерью, говоритъ: «Ну, ты, потише, потише! А ты при людяхъ-то не кричи! Нехорошо. Здравствуйте, сватьюшка!» Боровцовъ шутить надъ Анной Устиновной. — «А, старушка Божья! на свѣтъ выползла, кричитъ онъ Аннѣ Устиновнѣ. — Погода, мы тебѣ жениха найдемъ.» И Перяяковъ, совсѣмъ чужой человѣкъ въ домѣ, тоже считаетъ своей обязанностью погулять на счетъ Анны Устиновны. «Да вотъ, говоритъ онъ, Юнъ Юнычъ (Турнтаевъ) холостъ гуляетъ.» — Старушка божья принимаетъ все это за ласку и отвѣчаетъ свату: «И на томъ спасибо, Пудъ Кузничъ». Глафира вричитъ на нее: «Что же вы, маменька, тутъ стали?» Она отвѣчаетъ: «Пойду, матушка, пойду» и сказавъ сыну, что его кто-то спрашиваетъ, сейчасъ же и уходитъ. — Кажется, характеръ весьма ясный и поставленный столь опредѣленно, что двойственное пониманіе его смыслящей актрисой невозможно. — «Не торопись, матушка.» — «И на томъ спасибо, Пудъ Кузничъ.» — «Пойду, матушка, пойду.» — Все это говорить женщина, смирен-

паяся до вѣла и ужь негоняющаяся за тычкомъ отъ осѣтившей ее и сына боровцовщины: въ этомъ униженномъ и полномъ смиренія достоинствѣ собственно заключается весь драматизмъ этого лица въ пьесѣ: но г-жа Громова разсудила это дѣло иначе. При своей вальжанной турнирѣ она, вопервыхъ, одѣлась эконожкой, разливающей чай въ зажиточномъ домѣ; вошла съ побѣдоноснымъ взоромъ; на обидныя слова невѣстки отвѣчала громкимъ, вызывающимъ крикомъ: «Не торопись, матушка! — поспѣешь.» Пригласила къ чаю гостей не какъ старушка добродушная, а опять какъ разбитная эконожка, имѣющая въ хозяйствѣ тайную точку опоры. Въмѣсто тихаго «Гости дорогіе, пожалуйста», вылетѣло у Громовой что-то забубенное; не искреннее приглашеніе, формулированное въ этой народной формѣ, а издѣвка, насмѣшка язвительная, вложенная въ эту форму приглашенія. Когда невѣстка выпроваживаетъ ее, говоря: «что же вы, маменька, тутъ стали?» г-жа Громова выворотила глаза à la Бурдинъ и престо заорала: «Пойду, матушка, пойду!» Этакой безтолковой игры мы не запомнимъ очень давно на нашемъ театрѣ.

Третья картина представляетъ намъ Кисельникова достигшимъ уже 34 лѣтъ. Онъ почти совершенно сѣдъ, блѣденъ, одутловатъ и видимо опустился. Сидя за перепискою бумагъ, онъ разговариваетъ съ матерью, что дѣти его больны, что помочь имъ нечѣмъ; позвать доктора не на что: тестъ ничего не даетъ: «Вотъ и мать ихъ такъ умерла, говорить онъ.— Побѣжалъ тогда къ отцу, говорю: «Батюшка, жена умираетъ, надо за докторомъ послать, а денегъ нѣтъ.»— «Не надо, говорить; все это вздоръ.» Дали какихъ-то травъ, да еще поясокъ какой-то, и такъ и уморили мою Глафиру.» Анна Устиновна говорить, что и тужить-то не о чемъ по Глафирѣ. Кисельниковъ послѣ довольно сухого и глухаго разговора о нуждахъ домашнихъ, говорить, что онъ завтра пойдетъ къ тестю, и если тотъ не дастъ денегъ, такъ онъ его и за воротъ возьметъ.» Анна Устиновна отвѣчаетъ: «Лучше проси хорошенько.» Раздается стукъ ваятки; Анна Устиновна выходитъ поглядѣть, и возвращаясь говорить, что Боровцовъ идетъ. Боровцовъ является съ Переряковымъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы Кисельниковъ подписалъ Боровцову бумагу о его банкротствѣ.— «Вы забрали деньги, говорить Кисельниковъ. — Пожалѣйте хоть внучать-то, вонъ они больные лежатъ.»— «Всѣ подъ Богомъ ходимъ», резонируетъ Боровцовъ. Кисельниковъ вычисляетъ свои обиды отъ Боровцова: приданнымъ, говорить, обманули, собственныя деньги мои забрали, долгъ пропалъ, а Боровцовъ останавливаетъ его тѣмъ, что онъ ему векселя не давалъ, деньги въ оборотахъ пропали, и домъ Анны Устиновны въ подрядахъ лопнулъ.—

«У васъ деньги есть», говоритъ Кисельниковъ.—«Что говоритъ! Деньги есть, отвѣчаетъ Боровцовъ:—какъ безъ денегъ жить, я не дуракъ», но «все-таки—кончатся—я тебѣ не дамъ.» Переряковъ вмѣшивается, что дѣло надо дѣлать, а не разговаривать. «Вотъ предложите-ка, говоритъ онъ, зятю, когда въ немъ есть человѣческія чувства, пусть подпишетъ эту бумагу.»

Боровцовъ. — Есть въ тебѣ чувство, Кирилла, говори?

Переряковъ. — Заплачь! Чтѣ же ты не плачешь? Твое теперь дѣло такое сиротское. Вѣдь передъ другими же кредиторами будешь плакать. Придется и въ ноги кланяться.

Боровцовъ. — Заплачу, право, заплачу. (Со слезами) Кирюша! отецъ я тебѣ, или нѣтъ? Благодѣтель я тебѣ, или нѣтъ?

Отдаетъ Кисельникову бумагу, въ которой тотъ читаетъ: «Я нижеподписавшійся, будучи убѣжденъ вполне обстоятельствами дѣла, что несостоятельность бывшаго купца, а нынѣ мѣщанина Пуда Кузьмина сына Боровцова произошла отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ и отъ неплатежа и корыстной злонамѣренности его должниковъ, зная его всегдашнюю честность, преклонныи лѣта и затруднительное болѣзненное состояніе и удрученіе отъ трудовъ и семейства...

— Видишь, видишь, вослицаетъ со слезами Боровцовъ.

Кисельниковъ дочитываетъ: «Признаю его невинно упавшимъ, и искъ свой по роспискѣ въ пять тысячъ рублей ассигнаціями и претензію о долгѣ семь совершенно и навсегда прекращаю».

Къ довершенію всѣхъ своихъ чудесъ, Кисельниковъ и эту бумагу подписываетъ, «вѣра душѣ» Пуда Кузьмича Боровцова.

Переряковъ и Боровцовъ начинаютъ вслухъ радоваться, что Кисельниковъ подписалъ бумагу, не ломаясь долго, и безъ расходовъ. Боровцовъ прямо говоритъ ему, что и другіе то же писали, но даромъ-то никто не написалъ. Я и для тебя тысячки двѣ захватилъ заткнуть ротъ, чтобъ нешибко кричалъ. Кисельниковъ схватывается за эти слова, просить, молить дать ему хоть тысячу изъ тѣхъ двухъ, которыя припасъ для него тестъ, но Боровцовъ отвѣчаетъ, что побережетъ деньги для тѣхъ, которые посердитѣе. Тотъ горячится. «А ты трудись», отвѣчаетъ ему Боровцовъ. Тотъ еще болѣе горячится, грозитъ донести, а тутъ-то Боровцовъ читаетъ ему такую натацію: «Какихъ тебѣ денегъ? Мы съ тобою квиты. Если ты просишь теперича себѣ на бѣдность, такъ нешто такъ просать! Нешто грубіянить старшимъ ты можешь? Ты-бъ грубіянилъ давеча, какъ право имѣлъ, пока не подписалъ. Тогда я тебѣ кланялся, а теперь ты мнѣ кланяйся. Дураки-то и все такъ живутъ». Уходя отъ зятя и остав-

ляя его въ состояніи нѣмого оупѣнія, Боровцовъ достаетъ изъ жилетнаго кармана нѣсколько мелочи, и кладя ее на столъ передъ Кисельниковымъ, говоритъ: «Свои дѣти были: нѣ вотъ, купи дѣтамъ чего нибудь сладенькаго. Прощай». — «Ну, ужъ и бумагу-то ты ловко написалъ! рассказываетъ Боровцовъ выхода Переяркову. — Станешь читать, такъ слеза и прошибаетъ».

Благодаря артистической развитости и пониманію г. Бурдина, вся эта прелестная сцена, обязывающая насъ вспомнить Островскаго въ самую лучшую его пору, опять пропала. Мало сказать, что она пропала: г. Бурдинъ пустякъ въ ходъ всѣ свои средства, чтобы скомпрометировать автора на лицѣ, которое взялся представить намъ въ Боровцовѣ. Наглое ехидство—это преобладающее выраженіе, которое неизмѣнно усваиваетъ своему лицу сей несчастный актёръ несчастнѣйшаго изъ столичныхъ театровъ, здѣсь не могло бы имѣть, кажется, вовсе никакого мѣста, но г. Бурдинъ вовсе забылъ, что изображаемый имъ купецъ Боровцовъ приходитъ вовсе не затѣмъ, чтобы глумиться надъ зятемъ, а для того, чтобы обдѣлать съ нимъ свое честное русское купеческое дѣло, и свою мошенническую натацію читаетъ ему искренно, и мелочь дѣтамъ на сладкое даетъ не съ желаніемъ дать зятю почувствовать его промахъ, а оно само, безъ этого наглаго ехидства на лицѣ актёра, должно было дать страшный отгѣнокъ этой сценѣ и въ видѣ маслянистой капли яда кануть на сердечную язву Кисельникова. Г. Бурдинъ сдѣлалъ вотъ что: онъ для удовольствія глумился надъ Кисельниковымъ, читалъ ему натацію, и уходя, почувствовалъ новое желаніе потѣшить себя и потерзать зятя: «Купи, говоритъ, дѣтамъ чего нибудь сладенькаго». Одною этою сценою онъ совершенно извратилъ типъ, и вмѣсто православнаго русскаго купца, нарисованнаго мастерскимъ перомъ автора, представилъ вакого-то проходимца, перелетную птицу, забубеннаго актёра, потѣшающагося внѣ сцены надъ простодушіемъ глупаго, но честнаго человѣка. Уважая автора и артистовъ, доставлявшихъ зрителямъ высокое наслажденіе въ его пьесахъ, мы чувствовали, что у насъ недостаетъ силъ смотрѣть на этого трагирнаго повара, пришедшаго вмѣсто купца Боровцова; мы хотѣли, забывъ уставъ зрительной залы, закричать ему:

Пойми жь, мой милый другъ!
Пойми, пойми, душа моя!

но уста наши сковало горькое сознаніе бесполезности и тцеты всякихъ усилій, всякаго протеста передъ вѣдомствомъ петербургскихъ театровъ, которое въ укоръ всѣмъ другимъ вѣдомствамъ, оказывающимъ вниманіе къ заявленіямъ публики, и даже вызы-

вающимъ общество на откровенныя мнѣнія, неслыханно оскорбляетъ общество презрительнымъ равнодушіемъ къ его просьбамъ и жалобамъ. Говорятъ: «а театръ все-таки бываетъ полонъ». Да куда же дѣться! умилосѣдитесь, куда дѣться, если неужоже человекъ ни на Хуторки, ни къ Марцинкевичу? Мы, кажется, ужь люди скромные, не роемъ неба на землю: въ Москвѣ люди смотрятъ Самарина, Садовскаго, Шумскаго, Познякову, Медвѣдеву, а наше все богатство нынче заключается въ одномъ Самойловѣ, актерѣ дарованій внѣшнихъ; но во всякомъ случаѣ актерѣ замѣчательномъ; но мы ужь за то и неприхотливы: мы не предпринимаемъ къ игрѣ артистовъ, а довольствуемся безропотно такими знаменитостями на петербургской сценѣ, какъ г-жа Владимірова, смотримъ Озерова, аплодируемъ подчасъ Подобѣдовымъ и Проккофьевой, но за что же, за наши трудовые гроши, за наше мажорское сердце и долготерпѣніе и въ первыхъ роляхъ выпускать намъ такихъ оригинальныхъ артистовъ, какъ г. Бурдинъ? Гдѣ-то на провинціальномъ театрѣ мы видѣли бездарнѣйшаго актера Славскаго, который цѣлую зиму отламывалъ самодуровъ изъ репертуара Островскаго и былъ совершенно одинаковъ въ Титѣ Брусковѣ, въ Гордѣ Торцовѣ, въ Савелѣ Дякомъ, Антипѣ Пузатовѣ и Самсонѣ Большовѣ: во всѣхъ этихъ роляхъ этотъ бездарный актеръ былъ одинаковъ. Преимущество Бурдина передъ Славскимъ заключается въ томъ, что онъ совершенно одинаковъ не только въ роляхъ только что нами перечисленныхъ, но и въ купцѣ-лабазникѣ, и въ Судѣ Боровцовѣ, и во всѣхъ безъ исключенія купеческихъ роляхъ этого пошиба.

— Что вамъ за охота держать этого Славскаго? спрашивали антрепренера.

— Да, какъ вамъ сказать? отвѣчалъ безцеремонный антрепренёръ:— дешево беретъ и все, что хотите, играетъ — нельзя безъ этого.

Объ основаніяхъ, какими руководится дирекція театровъ по отношенію къ г. Бурдину, мы конечно знаемъ немного, но именно это малознаніе и оригинальность дарованій г. Бурдина въ связи съ значеніемъ, которое долженъ бы имѣть Александринскій театръ для русской сцены, заставляло насъ задуматься въполнѣн е всей третьей картины *Пучины*. Окончаніе этой картины состояло въ томъ, что Кисельниковъ взялся снова за свою механическую работу: теряясь внутренно, онъ выражалъ свое терзаніе отрывочными словами передъ своей матерью; признался, что онъ и радъ бы брать взятки, да не даютъ. «Я недоучился, говорить онъ матери, по службѣ не далеко пошелъ». Когда они вдвоемъ съ-туютъ, является незнакомецъ (г. Полтавцовъ) и подкудываетъ Ки-

сельникова за три тысячи рублей сдѣлать почистку на документѣ, въ дѣлѣ, которое дано ему для переписки. Кисельниковъ беретъ деньги, дѣлаетъ почистку, впадаетъ въ ужасъ и опускается передъ матерью на колѣни съ словами: «маменька, вѣдь я преступникъ... уголовный преступникъ».

Этимъ кончается третій актъ пьесы. — Объ исполненіи этого мѣста говорить нечего: довольно знать, что онъ держался на Малышевѣ, Громовой и Полтавцовѣ.

Театръ съ нетерпѣніемъ ожидалъ четвертаго дѣйствія, въ которомъ Кисельниковъ, свалившійся въ *мучину*, по предложенію друга своего резопера Пегуляева, долженъ быть *помощенъ* ею. Даже топотъ и бранданье, поднимающіеся въ партерѣ вначалѣ актовъ, когда курильщики возвращаются изъ буфета, былъ нѣсколько тише при поднятіи занавѣса четвертой картины.

На сценѣ, за самоваромъ, въ бѣднѣйшей и ободранной лачугѣ сидятъ, лицомъ къ зрителямъ, Боровцовъ, чрезвычайно мало измѣнившійся въ теченіе пяти лѣтъ, вѣроятно потому мало замѣнившійся, что г. Бурдякъ не умѣетъ замѣняться.

«Къ чему мѣняться мнѣ?»

Онъ, впрочемъ, по платью теперь менѣе похожъ на трактирнаго повара и изображаетъ торговца съ толкучки, потому что на немъ павѣшано нѣсколько валенкоровыхъ мужскихъ маншекъ. За то Кисельниковъ измѣнился страшно. Строгая справедливость обзываетъ насъ сказать, что г. Малышевъ одѣлся и гримировался для этого дѣйствія съ мастерствомъ, которое сдѣлало бы честь Самойлову, Самарину и Садовскому. Кисельникову 39 лѣтъ, но онъ развалина и даже не развалина — а одинъ осколокъ страданія: онъ сѣдъ, дряхлъ, у него угасшій взоръ и нервическое подергиванье въ лицѣ и во всемъ тѣлѣ. Боровцовъ разговариваетъ съ сидящей на кровати Анной Устиновой. Изъ разговора этого открывается, что злостный банкротъ Боровцовъ хотѣлъ послѣ своей хитрой коммерческой операціи разбогатѣть еще болѣе, и потерялъ все; теперь онъ торгуетъ на толкучкѣ вмѣстѣ съ зятемъ, который за сдѣланный имъ подлогъ, чуть не угодилъ въ ссылку. Поговоря о горестяхъ и превратностяхъ судьбы, Боровцовъ собирается на толкучку и приглашаетъ Кисельникова, который тотчасъ собираетъ свой «товаръ» — старые гвоздики и три нигуда негодные жлета.

— Талантъ-доля иди за мною, я буду счастливъ и ты будешь счастливъ, лепечетъ собираясь Кисельниковъ.

— Это я его научилъ, говоритъ Боровцовъ.

Т. CLXVI. — Отд. I.

4,39

Всю почти нѣмую сцену чаепитія съ тестемъ, сборн и выходъ за тестемъ на толкучку г. Малышевъ, сверхъ всякаго ожиданія, исполнилъ прекрасно. — Именно, «за человекѣа страшно» было, глядя на его лицо, и слушая произнесенное имъ себѣ суетѣрное напутствіе. Онъ въ этомъ дѣйствіи уже сумасшедшій, и Боровцовъ при немъ говорить все, ни мало не опасаясь, что онъ придетъ какъ нибудъ въ сознаніе. Въ дверь вбѣгаетъ Лиза, дочь Кисельникова, 17 лѣтъ (г-жа Струйская), «кормилица цѣлой семьи», какъ называется ее бабушка. Она въ страшномъ перепугѣ; за нею кто-то гнался и она едва попала домой, благодаря заступничеству молодого человекѣа. Входитъ и этотъ молодой человекѣа: это Погуляевъ. Онъ и бабушка узнаютъ другъ друга. Анна Устинова рассказываетъ ему исторію событій, доведшихъ ихъ до этой лачуги; Погуляевъ даетъ ей сколько-то денегъ, прощается и уходитъ. Лиза съ замѣшательствомъ желаетъ удержать его, но это ей не удается. Является сумасшедшій Кисельниковъ, тверди слово «конура». Сосѣдъ, баринъ Грозновъ, зазвалъ его, какъ нишаго, и сказалъ ему, чтобы онъ не жилъ «въ конурѣ» и «дочь въ конурѣ» не держалъ, и предложилъ имъ цѣлый флигель. Лиза въ ужасѣ: она понимаетъ цѣль перехода ея во флигель богатаго, женатаго барина.

— Вотъ бѣда-то, говоритъ бабушка, которой Лиза открываетъ блеснувшія передъ нею страшныя соображенія.

— Думайте, бабушка, отвѣчаетъ въ сомнѣніи Лиза.

— Охъ, не спрашивай ты меня! не спрашивай! Что мать, что бабка — обманщицы, лукавыя понаровщицы; на добро дѣтей не учать, всякимъ ихъ шалостямъ потакають. Вотъ я разъ Кяришу пожалѣла, не на добро его научила: словно какъ отъ тѣхъ моихъ словъ и стало. А грѣхъ-то на моей душѣ. Первыи-то матери грѣшницы, первыи-то за дѣтей отвѣтчицы.

— Кто жъ меня на умъ наведетъ? спрашиваетъ несчастная дѣвушка. — Стою я надъ пропастью, удержаться мнѣ не за что. Охъ, спасите меня, люди добрые!

Возвращается Погуляевъ и, не говоря много словъ, дѣлаетъ Лизѣ предложеніе быть его женою, а Кисельниковъ, между тѣмъ, все порывается идти «къ барину», предлагающему ему перейти съ дочерью изъ конуры во флигель. Этотъ бѣднякъ, этотъ осколокъ угасшаго страдальца ничего не понимаетъ; онъ и Погуляева узнать не можетъ; но всѣ общими усиліями напомнилъ ему разныя встрѣчи его съ Погуляевымъ, доводить его до способности возвратиться къ прошедшему и сознать значеніе настоящаго. «Переѣзжайте ко мнѣ, будемъ жить всѣ вмѣстѣ», говоритъ Погуляевъ. Всѣ счастливы. Лиза проситъ жениха, чтобы

онъ выучилъ ее «такой работѣ, за которую много денегъ даютъ, чтобъ помогать бѣднымъ дѣвушкамъ, которыхъ много въ такомъ положеніи, въ какомъ была она», и пьеса чуть не кончается картиною *мъщанскаго счастья* съ самымъ легкимъ гражданскимъ намекомъ на будущую дѣятельность молодой дѣвушки. Но является толкучникъ Боровцовъ съ своими манашиками и требуетъ съ зятя «спрыски», за счастье, виспосланное ему въ предложеніи «барина Грознова». Съ Кисельниковымъ происходитъ быстрый переворотъ. «Погуляевъ! говорить онъ:—ты возьми къ себѣ матушку и Лизу, а меня не бери».

«Отчего же?» спрашиваетъ Погуляевъ. Лиза и бабушка тоже удивляются и приглашаютъ Кисельникова къ нареченному зятю; но Кисельниковъ твердо отвѣчаетъ: «Нѣтъ, Погуляевъ, бери ихъ, береги ихъ; Богъ тебя не оставитъ, а насъ гони, гони! Мы вамъ не компанія—вы люди честные. У насъ есть мѣсто; оно по насъ. (Тестю) Ну, бери товаръ, пойдемъ. Вы живите съ Богомъ, какъ люди живутъ, а мы на площадь торговать, божиться, душу свою проклинать, мошенничать. Ну, чтѣ смотришь! Бери товаръ! Пойдемъ, пойдемъ! (Собираетъ товаръ). Прощайте! Таланъ-доля иди за мной... (Уходитъ)».

Пьеса кончена.

Давая отчетъ объ исполненіи четвертаго акта, можемъ сказать только нѣсколько словъ въ пользу игры Малышева. Актѣръ этотъ, явно непонимавшій своей роли въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ, въ четвертомъ возвысился до замѣчательной вѣрности, и еслибы не недостатокъ внутренней силы, обнаруженный г. Малышевымъ въ сценѣ возвращенія къ нему сознанія, то можно было бы сказать, что г. Малышевъ сыгралъ четвертое дѣйствіе *Пучины* прекрасно. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, мы ему очень благодарны за его игру въ этомъ дѣйствіи и радуемся, получая возможность думать, что онъ актѣръ не безъ дарованія и можетъ надѣяться на успѣхъ, если убѣдится въ непригодности той почти бурдинской рутины, которая безобразитъ его игру, репрезентуя его зрительной залѣ всегда съ одною и тою же убійственной, стереотипной манерой. Объ игрѣ остальныхъ актѣровъ говорить нечего, а позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о самой пьесѣ.

Не принадлежа къ разряду литературныхъ людей, легко обращающихся съ заслуженными именами, мы считаемъ своею обязанностью быть осторожными въ выраженіи нашихъ мнѣній о *Пучинѣ*, освобождая себя, однако, отъ всякой обязанности лавировать и хитрить. Указавъ на то обстоятельство, что пьесу эту, по времени написанія ея авторомъ, слѣдуетъ въ хронологическомъ отношеніи разсматривать заднимъ числомъ, мы сказали,

что эту эпоху многіе припимають за годы самаго высшаго таланта г. Островскаго. Если г. Островскій послѣ *Шутниковъ*, *Тяжелыя дни* и *Воеводы* не напишетъ вновь ни одной вещи столь глубоко задуманной, художественно-выполненной и цѣльной, какъ *Гроза*, *Бѣдность не пороки* и *Свои люди—сочтемся*, то мы не сочтемъ преступленіемъ стать на сторонѣ рѣшительныхъ людей, утверждающихъ, будто лучшее время таланта г. Островскаго прошло. Если же г. Островскій подаритъ нашъ бѣдный репертуаръ столь же даровитой вещью, какъ тѣ, которыя по справедливости дали ему почетное имя и видное мѣсто въ ряду русскихъ драматическихъ писателей, то мы останемся при томъ убѣжденіи, что у г. Островскаго была полоса неудачъ. Къ этой полосѣ мы станемъ относить его *Минина*, *Воеводу*, *Шутниковъ*, и *Тяжелые дни*—вещи, имѣющія очень хорошія, даже замѣчательно-прекрасныя мѣста, но лишеныя въ цѣломъ тѣхъ достоинствъ, которыя позволили бы имъ стать рядомъ съ *Грозою* и вообще съ лучшими произведеніями этого дорогаго для насъ автора. Авторъ продолжаетъ изображать купеческій міръ. Только въ *Доходномъ мѣстѣ* г. Островскому поворно далась изобразить себя не купеческая среда. *Мининъ-Суторукъ* съ его посадскими, *Воевода*, богатый сценическими эффектами и многими безцѣнными красотами, въ цѣломъ опять заставляютъ думать, что авторъ всюду и во всемъ видитъ однихъ московскихъ купцовъ. Хотя по отношенію къ древней Руси, въ этомъ взглядѣ автора много правды, однакоже московское купечество не даетъ еще ключа къ пониманію старинной Руси. Но все-таки *Минина* и *Воеводу* мы считаемъ историческими попытками болѣе счастливыми, нежели неудачными. *Шутники* и *Тяжелые дни* слабы сами по себѣ, не входя въ эту смету отступленій отъ среды и отъ жанра.

Итакъ, г. Островскому болѣе всего всегда удавалось типъ изъ московскаго гостинодворскаго купечества: Правда, гостинодворское купечество—цѣлый міръ, по съ нравственной и умственной стороны міръ крайне узкій, однообразный и надоедающій, міръ неподвижный, страдающій отсутствіемъ разнообразія и безучастіемъ къ волнующимъ вопросамъ современной дѣйствительности. Отъ этого, какъ вѣзется, міръ этотъ легко можетъ быть исчерпанъ при такомъ большомъ талантѣ, какъ у автора. Довозительствомъ можетъ служить дѣятельность самаго г. Островскаго. Со времени «*Грозы*», лучшей его пьесы и въ этомъ родѣ едва ли не лучшей пьесы всего нашего репертуара, всѣ истинные почитатели г. Островскаго, чрезвычайно дорожившіе, изъ любви къ русской сценѣ, его успѣхами, думали, что авторъ всходитъ горною тропою, которая, поднимаясь вверхъ, все расширяется и ведетъ его

въ точкѣ, съ которой онъ взглянетъ на *свой міръ* властительнымъ окомъ судьи и пророка. Г. Островскій не далъ этимъ надеждамъ осуществиться: сзади и спереди Катерины Кабановой до сихъ поръ нѣтъ образа, взятаго имъ изъ этой среды не со стороны ея исключительнаго безобразія. Только вдалекѣ гдѣ-то видны Кулигвинъ и Любимъ Торцовъ, по и это лица совершенно пассивныя: одинъ со слезами приноситъ обществу жертву его «жестокыхъ правотъ», другой отрезвляется для колѣнопреклоненной мольбы передъ тою же жестокостью. Въ обществѣ нашлось довольно людей, которымъ это было замѣчено: эти люди, при появленіи послѣдующихъ работъ г. Островскаго, все жили надеждами встрѣтить лицо, которому тѣнь Катерины придется разрѣшить ремень сандаліи и обтереть ноги своимъ мокрымъ волосамъ. Такого лица не являлось. Всѣ словонеистовства покойнаго Ап. Григорьева, старавшагося возвести въ перлъ созданія Любима Торцова, не дали этому типу миллионной доли тѣхъ общественныхъ симпатій, которыя захватила себѣ чистая личность Катерины — личность, которой неужны похвалы и нестрашны порицанія. Какъ Беатриче вела своего Данте, такъ она, эта Катерина, вела и ведетъ г. Островскаго, строго поднимая вверхъ свой тонкій палецъ и налагая имъ печать смиренія на хульные уста, способныя непочтять человѣка, который создалъ ее. Островскому не помогали, ни увлекавшійся до абсурдовъ Григорьевъ, такъ легко и такъ неудачно производившій не одного литературнаго рекрута то въ Диккенсы, то въ Гёте, то въ Шекспира, ни другіе критики изъ разряда столь же безпардонныхъ поклонниковъ г. Островскаго, ни тѣмъ менѣе пггиллистическіе органы, въ которыхъ г. Островскій печатаетъ свои произведенія. Правда, что послѣднее обстоятельство избавило имя г. Островскаго отъ заушеній и заплеваній, на которыя была повальная мода и отъ которыхъ не спаслось рѣшительно ни одно литературное имя, но если эти заплеванія не могли убить истинныхъ дарованій, сравнительно гораздо меньшихъ, чѣмъ дарованія г. Островскаго, то тѣмъ менѣе они могли оказать какое нибудь вліяніе на его извѣстное имя. Свѣтлая фея, гений-хранитель г. Островскаго несомнѣнно одна *она*, лучезарная Катерина Кабанова, летящая передъ нимъ въ ореолѣ своей чистоты, незлобія и непорочности; съ мокрыхъ тканей ея утопленнической одежды сѣется на пыльную тропу россійской словесности та осаждающая роса, по которой литературные вихри пролетаютъ не бросая въ г. Островскаго ни одной пылинки. — Въ «Пучинѣ» мы надѣялись увидать другое воплощеніе столь же чистаго духа, какъ духъ Катерины, но... она снова одна остается гениемъ Островскаго.

Говора осторожно и съ полнымъ уваженіемъ къ имени автора, къ какой бы эпохѣ его дѣятельности ни относилась «Пучина», она не можетъ войти въ разрядъ лучшихъ его произведеній. Если позволить себѣ увлекаться симпатіями къ произведеніямъ г. Островскаго и быть столь пристрастнымъ, какъ покойный Григорьевъ, то пьесу эту, *можетъ быть*, слѣдовало бы расхвалить. Если рассуждать о ней, сравнивая и сопоставляя ее съ современными произведеніями другихъ нашихъ драматическихкихъ писателей, то ее почти *непретѣнно* должно расхвалить, даже со всею страстностью и увлеченностью Ап. Григорьева. Но если относиться къ ней серьезнѣе и независимѣе, съ требованіями критики здоровой, съ уваженіемъ къ задачамъ искусства и силѣ крѣпкаго таланта, который долженъ идти впередъ, чтобы не пойдти назадъ, то придется быть значительно экономнѣе въ одобреніяхъ. Въ «Пучинѣ» есть все то хорошее для сцены, чѣмъ хороши для сцены всѣ почти произведенія Островскаго, за исключеніемъ развѣ одного «Минина»: она жива, идетъ хорошо, трогаетъ за сердце и, что называется, написана съ знаніемъ сцены, всегда составляющимъ привилегію этого писателя. — Затѣмъ, какъ бы кто ни упревалъ насъ въ скупости, мы на этомъ и остановимся. На театрѣ эта пьеса можетъ идти прекрасно, но самый непридирчивый литературный критикъ, знакомый съ законами драмы, условіями быта, котораго она касается, и съ силами автора, можетъ получить къ «Пучинѣ» нѣкоторую личность... она не удовлетворяетъ его, обижаетъ его за себя, за среду, которой касается, и за автора, успѣхи котораго дороги и милы его рецензенту. «Пучина» до непростительности не нова по замыслу и даже не нова по содержанію. Это опять процессъ заѣданія личности тою самою средою «самодуровъ», которая уже съѣла у г. Островскаго не одного человѣка. Нѣтъ ни одного слова возраженія противъ того, что среда раетлѣиваетъ и губить людей не особенно крѣпкихъ; но твердить объ этомъ тысячу разъ и на одну и ту же ноту едва-ли составляетъ достоинство. — Жадовъ въ «Доходномъ мѣстѣ» и Кисельниковъ въ «Пучинѣ» — это родные братья по плоти и по крови, только Жадовъ умнѣе, а Кисельниковъ почти дурачокъ, если вовсе не дурачокъ. По крайней-мѣрѣ въ жизни такихъ людей, какъ Кисельниковъ, несомнѣнно называютъ дурачками. Старуха Боровцова и чиновница Кукушкина родственницы столь же близкія и несомнѣнныя: пробѣжите ихъ реплики, и вы въ этомъ убѣдитесь. Глафира Кисельникова опять сестра Юленьки Вѣлгоубовой. У старика Боровцова родство несметное: если Савель Прокофьячъ Дикой не ближайшій его родоначальникъ, то ужъ Сам-

сонъ Большовъ его братъ родной. Переимѣните ихъ обстановки, заставьте Большова возиться съ Кисельниковымъ, а Боровцова съ Подхалюзинымъ, и они оба будутъ на своихъ мѣстахъ. Антонъ Антипычъ Пузатовъ въ семейной картинѣ тоже братъ и единовѣрецъ Боровцова и, однимъ словомъ, родство весьма обширное. Переярковъ и Ризположенскій—оба професоры одной и той же черной магіи: оба устраиваютъ злостныя банкротства: Ризположенскій для Большова и Переярковъ для Боровцова, и оба устраиваютъ эти банкротства дурно, такъ что истина выбивается наружу и кліенты ихъ гибнутъ. Турунтаевъ, правда, новое лицо, но лицо столь невеликой важности, что на немъ не стоитъ останавливаться, а граціозная головка Лизы ввинула зрителямъ, сплкнула передъ ними слезу своего несчастья, и ушла въ счастливую случайность въ бѣдѣйшей одеждѣ такой невинности, возможность которой составляла предметъ долгихъ споровъ еще въ Поленьѣ Жадовой, хотя послѣднюю, конечно, и сравнивать невозможно съ этимъ чуть намѣченнымъ женскимъ личкомъ. Въ пьесѣ есть поученія и тенденціи, но поученія придуманныя очень странно, а тенденціи далеко не такія смѣлыя и здоровыя, каковы, напримѣръ, тенденціи «Доходнаго мѣста». Поученія резюмируются такимъ образомъ: 1) не будучи обезпеченнымъ въ денежномъ отношеніи, не сходи съ любимой женщиной и не заводь семью; 2) состояніе въ семь тысячъ рублей, да домикъ въ Москвѣ еще не дають права жениться, мало этихъ средствъ; 3) не любя никого исключительной любовью, отъ нужды благоразумно выйдти замужъ за великодушнаго благодѣтеля (*Лиза*: все равно, вѣдь я никого не люблю). Все это, доброй памяти наши старички еще намъ говаривали. Ну, а какъ обезпеченія-то цѣлныя вѣкъ не соберешь, или соберешь къ тѣмъ годамъ, когда пригодишься не въ мужа молодой женѣ, а развѣ въ натурщици Пукиреву, для новой картины «неровнаго брака»? Желчнымъ холостякомъ оставаться, на сторонѣ чѣмъ нибудь обзаводиться, или въ нигелистическую коммуну идти?... Слово сіе, вѣжестко, жестоко есть.—Семь тысячъ да домикъ—это ужъ опять совсѣмъ не пустяки, а что не любя никого исключительной любовью «все равно» выйдти замужъ за благодѣтеля—это пустяки, и великодушіемъ не всегда купишь любовь. Самое слово «Пучина», объясненное Погуляевымъ, тоже заключаетъ для насъ поученіе, но, къ сожалѣнію, и здѣсь поученіе, сказанное неудачно. Автору хотѣлось показать, что *пучина невольжества* затягиваетъ и поглощаетъ человѣка, а въ пьесѣ его только пучина кисельниковскаго ничтожества эксплуатируется бездонною пучиною бу-

печеской жадности Боровцова. Тутъ не человѣкъ сломать и поглотить, а обобрать дурачокъ, неумѣющій ничего поставить въ свою защиту и только.

Затѣмъ не говоримъ ничего о лицѣ молодого резонера Погуляева и о его женитьбѣ на Лизѣ: это лицо совсѣмъ неживое и сватьяба его что-то совсѣмъ невѣроятное.

Намъ привелось слышать, что «Пучина» ппсана г. Островскимъ во время разгара народничества въ нашемъ обществѣ. Намъ отчасти вѣрится, что авторъ имѣлъ въ виду этой пьесой удержать тогдашнія увлеченія. Въ вызовѣ Лизы научить дѣвушекъ цѣнной работѣ, мы не можемъ не видать одной изъ ходячихъ идей нашего времени, и потому можемъ соглашаться, что г. Островскій принаравливался въ «Пучинѣ» въ современныя направленія; только въ этомъ предположеніи и разговоръ о «Жизни игрова», встрѣчаемый у него въ началѣ пьесы, получаетъ смыслъ. Тамъ сухая мораль, чортъ нарисовать страшнымъ—авторъ хотѣлъ нарисовать его увлекательнѣе, въ образѣ воплощенной патріархальности, которая и патріархальностью-то можетъ представляться развѣ только одному Кисельникову, и дѣлаетъ изъ «Пучины» тоже довольно «голую мораль», на таму: «Съ гѣмъ поведешься, такъ и прослывешься».

N. N.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

Высочайшій рескриптъ 13-го мая.—Перевѣны въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей».

Высочайшій рескриптъ, теперь уже прочитанный всѣми грамотными людьми въ странѣ, повидимому, явился внезапно. Однако, излишни будутъ всѣ слова, которыми можно представить эту внезапность, какъ совершенно естественную, вызванную ходомъ обстоятельствъ и чрезвычайно своевременную: излишне потому, что мы не можемъ представить это яснѣе, чѣмъ оно представлено въ самомъ текстѣ высочайшаго рескрипта. Въ строкахъ этого знаменательнаго документа указанъ не одинъ только прямой и непосредственный поводъ, которымъ онъ вызванъ, но принято въ расчетъ и очерчево все теперешнее положеніе нашего развитія. Оно какъ разъ достигло той степени, когда кончается одинъ фазисъ и начинается другой. Периодъ, изъ котораго мы выходимъ, затянулся немножко долго. Это было время всевозможныхъ шатаній въ нашемъ заново строящемся обществѣ, шатаній по всѣмъ областямъ и вѣдомствамъ нашей духовной и матеріальной жизни, шатаній, проникнувшихъ въ наши школы, въ наши семьи, въ наши журналы, въ государственную службу, и наконецъ—вездѣ. Историческая Немезида мстила намъ этии шатаніями за то, что передъ тѣмъ мы, можетъ быть, слишкомъ долго оставались неподвижны. Но наряду съ шатаніями росли и обновлялись и стѣ другія охранительныя силы, которыми—по выраженію, употребленному въ высочайшемъ рескриптѣ—Россія всегда была обильна и, благодаря Бога, доселѣ преизобилуетъ. Время карающей Немезиды начинало проходить видимымъ образомъ. Шатанія, по мѣрѣ утраты ихъ новизны, сначала перестали быть обаятельными, потомъ стали казаться безумными, потомъ просто глупыми и уже доживали до своей тризны. Мы—люди литературнаго труда и извѣстной фракціи въ литературѣ, уже съ давнихъ поръ наблюдали и отмѣчали, каждый по мѣрѣ силъ своихъ, всѣ эти постепенныя переходы, и въ свое время не уставали проводить свои наблюденія въ общество. Для насъ было ясно, что конецъ шатаній не за горами, что «здравны,

Т. СLXVI. — Отд. II.

охранительныя, добронадежныя силы» страны изъ своего воинствующаго періода перешли въ торжествующій. Высочайшій рескриптъ служить какъ-бы освященіемъ этого перехода. И именно эта форма освященія, болѣе чѣмъ всякая другая, способна представить умамъ всю важность рѣшительнаго момента въ нашемъ развитіи и отмѣтить столбовую грань между двумя означенными фазисами. Напротивъ, всякая другая форма казалась бы чисто-полицейской мѣрой, и какъ таковая, дѣйствительно могла бы дать мѣсто недобримъ предчувствіямъ. Теперь текстъ высочайшаго рескрипта, обращенный ко всей странѣ, уже тѣмъ самымъ обезопасенъ отъ произвольнаго толкованія и такого же примѣненія къ практикѣ, въ среднихъ и низшихъ сферахъ администраціи; тогда какъ проведенный въ эти сферы путемъ инструкціи, безъ теперешней торжественной огласки, онъ навѣрное не предотвратилъ бы ни произвольныхъ взглядовъ, ни произвольныхъ дѣйствій. Можетъ быть, подобные взгляды и дѣйствія могутъ, какъ частныя явленія, встрѣтиться гдѣ-нибудь и теперь; но всенародная извѣстность руководящаго текста служить, по крайней-мѣрѣ, порукою, что они не устоятъ и не удержатся. Съ этой стороны мы можемъ быть совершенно спокойны. Въ строкахъ высочайшаго рескрипта выражено съ послѣднею ясностію, что «превышеніе власти» считается столь же вреднымъ, какъ и ея бездѣйствіе. Это сказано съ высоты престола; это сказано какъ для управляемыхъ, такъ и для управляющихъ — однимъ въ безопасность, другимъ въ осторожность.

Но есть сторона въ высочайшемъ рескриптѣ, или лучше, есть точка зрѣнія на высочайшій рескриптъ, которая, по преимуществу, способна вызвать самыя сосредоточенныя думы, и виѣсть, успокоить умы и характеры, даже самыя наклонныя къ опасеніямъ. Русскій народъ имѣетъ тысячелѣтнюю исторію, которой гордится; онъ назадъ тому четыре года справлялъ праздникъ своего тысячелѣтія. Но глава великой семьи этого народа, въ настоящую пору выбираетъ чрезвычайно удобную минуту, чтобы открыты исходныя начала политики, которыя, въ видѣ великихъ реформъ, онъ проводитъ въ государственную и общественную русскую жизнь. Содѣйствовать развитію и укрѣпленію этихъ началъ приглашается и все русское общество. Какія же это начала? Самыя первыя и безусловныя, безъ которыхъ немислимо самое существованіе человѣческихъ обществъ. Это—покорность закону, неприкосновенность собственности, уваженіе върн, твердость семейнаго союза и общественное воспитаніе въ духѣ этихъ зидательныхъ началъ. Конечно, во всему обществу, взятому въ его цѣломъ составѣ, это относится лишь настолько, насколько въ немъ находится фракція людей, преданныхъ шатаніямъ. Указать на эти начала сочтено нужнымъ, благодаря только этой фракціи; это она скомпрометировала исторію тысячелѣтнаго народа. Однако, для наблюдающихъ со стороны, указаніе это простирается на все общество; и если не совершенно прямо, то по край-

ней-мѣрѣ косвенно, общество и на самомъ дѣлѣ не можетъ не подлежать этому неумолимому указанію; оно едва-ли можетъ сказать, умывая руки, что въ тысячелѣтнюю жизнь свою оно въ совершенствѣ научилось практиковать правила, указаннаго въ высочайшемъ рескриптѣ, какъ руководящія, что, напримѣръ, относительно законовъ, какъ ограждающихъ собственность, такъ и защищающихъ личность, оно всегда было провиннуто благоговѣйной покорностью; архивы нашихъ старыхъ судовъ, къ счастью уничтоженныхъ, способны доказать, можетъ быть, слишкомъ ясно совершенно противное; служители нашей вѣры, можетъ быть, дадутъ свидѣтельство, тоже не въ пользу общества, относительно всего, что касается уваженія вѣры; а крѣпостное право можетъ отвѣтить, хотя заднимъ числомъ, въ томъ же самомъ смыслѣ, относительно крѣпости брачныхъ узъ и вообще семейнаго союза. Но при такомъ положеніи, какого рода опасенія всего естественнѣе для такого общества: тѣ ли, что оно можетъ быть задержано на пути своего правильнаго прогресса и, стало быть, опять отодвинуто въ область шатаній, или какія-нибудь другія? Конечно, не первыя: это значило бы навлиять въ будущемъ новую Немезиду. Богиня ироніи и ея осмѣянія — вотъ какого рода опасенія всего болѣе идутъ къ нашему обществу въ настоящую пору. Оно должно опасаться, чтобы перевалившись за тысячелѣтіе исторической жизни, не дожить снова до эпохи, въ которую бы потребовалось указывать ему — на покорность законамъ, на уваженіе вѣры, на неприкосновенность собственности и твердость семьи, какъ на безусловныя начала общественной жизни. Богиня ироніи — вотъ первѣйшій страхъ этого общества. И вотъ почему мы думаемъ, что разсматриваемый при этомъ свѣтѣ, высочайшій рескриптъ проливаетъ въ общество очень много успокоеній и на одного опасенія: онъ именно приглашаетъ общество убѣжать отъ указаннаго нами страха, призывая для этого на помощь всѣ «здравныя, охранительныя, добронадежныя силы».

Но судьба священныя текстовъ вызывать расколы. Этой судьбы не миновалъ и текстъ рескрипта 13-го мая. Въ этомъ отношеніи особенно можетъ быть указано одно отдѣльное въ немъ мѣсто, которое спеціально касается одного изъ классовъ нашего общества, и на которомъ люди не однихъ и тѣхъ же убѣжденій и различнаго общественнаго положенія останавливаются съ совершенно противоположными чувствами: одни строятъ радостныя надежды, другіе — повикаютъ головою. Мы разумѣемъ слова высочайшаго рескрипта, которыми опредѣляются требованія отъ людей, состоящихъ на государственной службѣ. Слова эти такъ же ясны и опредѣлительны, какъ и все остальное въ рескриптѣ. Принятыя въ буквальный смыслъ, они отличаются той строгой и спокойной рѣшительностію, свойственной высокимъ авторитетамъ, которая предупреждаетъ, никому не угрожая. Люди, преданные шатаніямъ, по нашему мнѣнію — уже вымиравшимъ, но еще не совсѣмъ умершимъ, были застигнуты во всѣхъ слояхъ общества и на всѣхъ

степеняхъ общественнаго положенія, въ томъ числѣ и на государственной службѣ. Достоверность этого послѣдняго факта, хотя нашей печати и приказывали сомнѣваться въ немъ, устанавливается въ высочайшемъ рескриптѣ съ совершенною ясностію. Но очевидно, что исповѣдывать ученія, отрицающія общественный порядокъ, и въ то же время быть одною изъ пружинъ въ государственной машинѣ, которой все назначеніе охранять этотъ порядокъ, составляетъ самую уродливую аномалію: чиновникъ-утопистъ, можетъ быть, болѣе утопія, чѣмъ послѣдняя нелѣпость въ любой утопіи. Естественно, что въ строкахъ высочайшаго рескрипта, подобное зло объявляется нетерпимымъ. Но царственная мысль, изъ которой проистекли тѣ строки, обнимая всѣ послѣдствія каждаго изъ ея малѣйшихъ выраженій, указала и самое средство къ устраненію зла. Оно состоитъ въ томъ, чтобы начальствующіе наблюдали за *дѣйствіями* своихъ подчиненныхъ и требовали отъ нихъ — говоря точными словами рескрипта — «того прямого, точнаго и неуклоннаго исполненія *предуказанныхъ имъ обязанностей*», безъ котораго невозможенъ стройный ходъ управленія». Наблюденіе за *дѣйствіями* и судъ по *дѣйствіямъ* — вотъ средство, которое должно очистить государственную службу отъ утопистовъ. Никакихъ другихъ полномочій, ни на какія другія средства царственныя строки — и мы напрасно даже говоримъ это — никому не предоставляютъ. И въ особенности, кто жогъ бы прочесть въ этихъ строкахъ приказъ объ отставкѣ для громаднаго большинства чиновниковъ? Странно до безконечности даже самое поставленіе такого вопроса. И однако, нашелся органъ публичности, который, комментируя царственныя строки, увидѣлъ въ нихъ нѣчто такое, что именно вызываетъ поставленный нами вопросъ. Имя этому почтенному органу «Вѣсть». Известно, что публицисты этого органа, хотя неблестящаго ни успѣхомъ, ни талантами, говорятъ не въ одно свое удовольствіе, а болѣе или менѣе представляютъ интересы партіи, которой и объявляютъ себя покорно-преданными съ полною откровенностію. И если мы не обходимъ совершеннымъ молчаніемъ ихъ странныя сужденія, то исключительно лишь по этой причинѣ. Вотъ эти сужденія, выраженные подливыми словами самихъ публицистовъ:

«Мы не понимаемъ — говорятъ они въ № 38-мъ своей газеты — какъ могли бы, послѣ рескрипта 13-го мая, оставаться, съ спокойною совѣстію, на государственной службѣ, люди, кои не могутъ не сознаваться въ своей враждѣ какъ къ праву собственности вообще, такъ и къ дворянству и землевладѣнію въ особенности. Вотъ чего мы понять не могли бы, и изъ уваженія къ политической честности этихъ людей предполагаемъ, что они сами предпочитаютъ оставить службу. Самые элементарныя понятія о политической чести къ тому ихъ обязываютъ. Въ противномъ случаѣ они сами подадутъ поводъ предполагать, что остались на государственной службѣ для того только, чтобы, пользуясь служебными выгодами, противодѣйствовать втайнѣ, разными канце-

лярскими путями, тому самому ряду вещей, которому обязаны служить и который такъ ясно очерченъ въ рескриптѣ 13-го мая:

Мораль этихъ строкъ довольно прозрачна. Но мы не будемъ подробно оцѣнивать ее. Для того, чтобы ее всю прозрачностью показать, хороша или плоха она, довольно разобрать, какъ хорошо или плохо она выражена. Стиль и логика въ этомъ случаѣ выражаютъ все. Они могутъ показать, говорятъ ли это политическіе мудрецы, или только люди, которымъ нужно еще упражняться, чтобы приобрести навыкъ къ правильному выраженію своихъ мыслей. Какъ же выражена эта мораль? Очищенная отъ всего лишняго и приведенная къ своей сущности, словесная форма этой морали останется такая: «кто не можетъ не сознаться въ своей враждѣ къ дворянству, землевладѣнію и прочему, а между тѣмъ будетъ оставаться на государственной службѣ, тотъ *подастъ поводъ предполагать*, что онъ держится службы — съ цѣлю противодействовать втайнѣ предначертаніямъ рескрипта 13-го мая». Теперь спросите: передъ кѣмъ *сознаться*? Конечно, *передъ самимъ собою*; публицистъ не могъ имѣть въ виду *умищенныхъ* служащихъ, а долженъ былъ разумѣть только убѣжденных *про самихъ себя*; это понятно уже потому, что *умищеннымъ*, по ихъ дѣйствіямъ, конечно, не будетъ предоставлено на волю — служить или не служить. Но если дѣло идетъ о глубинахъ совѣсти, о сокровенныхъ помыслахъ, о внутреннемъ убѣжденіи, словомъ — о человѣкѣ, неуличеномъ по дѣйствіямъ, а убѣжденномъ только про самого себя, то *какимъ способомъ* такой человекъ можетъ *подать поводъ* предполагать о немъ, что онъ намеренъ втайнѣ противодействовать чему-нибудь, и особенно предначертаніямъ рескрипта 13-го мая? Такимъ образомъ, въ словесномъ выраженіи разбираемой морали мы отрываемъ нонсенсъ (non-sens): это и есть ее истинный пробный камень. И мы дѣлаемъ снисхожденіе этой морали, оцѣнивъ ее только такъ вѣнъ образомъ, потому что въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы говорить, что въ словахъ благородныхъ публицистовъ заключается инициатива къ инвизиторскому заглядыванію въ человеческую совѣсть, къ вытѣснванію изъ души сокровенныхъ помысловъ, къ развитію системы подозрѣній, къ врслѣдованіямъ и мщеніямъ по подозрѣнію, словомъ — къ произвольнымъ отставкамъ отъ службы. Но мы указали уже причину, которая дѣлаетъ излишнимъ, чтобы мы сказали это благороднымъ защитникамъ благородныхъ интересовъ. Къ этой причинѣ присоединяется другая. Въ послѣдующихъ за вышеприведенными строчкахъ, мысль публицистовъ «Вѣсти» договаривается сполна. И въ своемъ полномъ выраженіи она является, дѣйствительно, чуждою всякаго духа инвизитивъ, и поражаетъ только своею наивною стороною. Вотъ подлинныя слова, въ которыхъ она выражена:

«Впрочемъ — продолжать публицисты — въ рескриптѣ сдѣланы по этому предмету (то-есть по предмету тайныхъ убѣждений чиновниковъ) указанія, неподлежащія сомнѣнію. Въ рескриптѣ ясно

указано, кто долженъ быть призванъ на служеніе государству. Ясно указано, что начальствующія лица должны искать содѣяствія людей, коимъ дороги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія; ясно указано, что именно *такія свойства* должны быть въ виду при назначеніи должностныхъ лицъ; ясно, слѣдовательно, и то, кто долженъ быть устранима отъ государственной службы».

Всѣми повтореніями этого ясно, благородные публицисты, очевидно, стремятся сдѣлать *яснымъ*, будто по духу высочайшаго рескрипта, и будто даже по прямому указанію его, одни только *свойства обезпеченнаго землевладѣнія* должны давать отнынѣ доступъ къ государственной службѣ; и наоборотъ, люди, неимѣющіе этихъ свойствъ, за одинъ уже этотъ недостатокъ должны быть извергаемы. Понятно, что мы не можемъ отнестись къ этому мнѣнію даже и съ малѣйшей долей серьезности. Это значило бы грѣшить противъ духа рескрипта и оскорблять его политическую мудрость. Увидѣть въ этомъ документѣ, написанномъ такъ удивительно ясно, какую-то новую дворянскую грамату—это болѣе, чѣмъ сверхъестественно. Еслибы дѣло шло о грамотѣ старой, оно было бы еще понятно. Но старая, какъ извѣстно, давала дворянству вольность отъ службы, а новая, какъ полагаютъ публицисты «Вѣсти», предоставляетъ ему исключительную вольность на службу. Старая не отгоняла отъ послѣднихъ услугъ отечеству ни одного высокаго свойства души, ни одного дарованія, а новая, напротивъ, должна будто бы отгонять всѣ, кромѣ *свойствъ обезпеченнаго землевладѣнія*. Мысль—до того оригинальная, что съ ней дѣйствительно невозможно считаться. И тѣмъ, кто изобрѣлъ ее, можно только напомнить или посоветовать, что недостойно мудрыхъ политиковъ проводить въ публику политическія мысли отъ лица партій, не изучивъ предварительно искусство словеснаго выраженія мыслей, собственно для самихъ себя. Трудно представить, чтобы изобрѣтатели подобной мысли были призванными защитниками какихъ бы ни было интересовъ, и чтобы эти интересы могли ожидать какой-нибудь пользы отъ такихъ защитниковъ. Однако фактъ на лицо. Предоставимъ ему оставаться такъ, какъ онъ есть.

Но въ то время, когда говорятъ публицисты «Вѣсти», когда за малочисленностію печатныхъ нашихъ органовъ, даже мнѣнія этихъ публицистовъ получаютъ возможность обращаться въ публикѣ и занимать умы, можно ли не пожалѣть о тѣхъ потеряхъ для общественной мысли, которая терпитъ она отъ принужденнаго молчанія бывшихъ редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей»? Кажется, мы имѣемъ право выразить наше сожалѣніе; и кажется, если посерьезнѣе окинуть взоромъ всю арену нашей публици-

стиги, то мы не имѣемъ недостатка и въ поводахъ къ выраженію этого чувства. И мы ощущаемъ его тѣмъ живѣе, что причиною прискорбнаго, и какъ нельзя болѣе несвоевременнаго молчанія, считаемъ не тѣхъ, которые заставили молчать, а самихъ тѣхъ, кого заставили. Мы немного придали бы значенія тому, что о причинѣ этого молчанія такъ думаютъ и даже такъ высказались — всѣ, кому только довелось высказаться. Но надобно согласиться, что о немъ только такъ и можно, такъ и должно думать. Потому-то законное принужденіе редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей» къ временному отходу отъ редакціи этого изданія есть фактъ самъ по себѣ, который стоитъ удивленно и не можетъ считаться никакимъ предвѣстникомъ какого-то воображаемаго поворота въ нашей внутренней политикѣ. Вопросъ этотъ былъ уже рассмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ, и онъ притомъ далеко не многосторонній. Въ концѣ марта мѣсяца, на «Моск. Вѣдомости», въ лицѣ редакторовъ этого изданія, упало первое предостереженіе г. министра внутреннихъ дѣлъ, которое, по закону, должно быть напечатано въ одномъ изъ первыхъ трехъ нумеровъ, слѣдующихъ за объявленіемъ предостереженія. Но достойные редакторы мало того, что не напечатали предостереженія, а еще съ необычайною силою объявили, что они не принимаютъ его ни въ какое для себя руководство. Здѣсь сразу сдѣланы двѣ ошибки, которыя, при извѣстномъ умѣ и великой опытности почтенныхъ редакторовъ, кажутся рѣшительно необъяснимыми: они имѣли шансы не сдѣлать ни одной ошибки, не утративъ притомъ ни малѣйшей частицы изъ своего авторитета, и однако сдѣлали двѣ. Передъ ними были два случая. Первый, пожалуй, тотъ, чтобы не печатать предостереженія, но за то уже и не упоминать о немъ въ своемъ изданіи ни единымъ словомъ, обходить его самымъ ненарушимымъ молчаніемъ, пока, по истеченіи опредѣленнаго закономъ трехмѣсячнаго срока, наступила бы пора возвѣстить о прекращеніи своей редакторской и издательской дѣятельности, какъ неотразимомъ послѣдствіи даннаго, но ненапечатаннаго предостереженія. Можетъ быть, это была бы выходка, недостойная ни ихъ личныхъ характеровъ, ни самаго характера ихъ дѣятельности; но по крайней-мѣрѣ въ то время они были бы въ своемъ правѣ; этотъ способъ добровольной кары не только не возбраненъ надателямъ, а напротивъ, предоставленъ самимъ закономъ на ихъ чистый произволъ: законъ прямо говоритъ такому изданію, которое бы не захотѣло напечатать предостереженія: «не печатай, если тебѣ нравится, но ты будешь платить ежедневный штрафъ впродолженіе трехъ мѣсяцевъ, и затѣмъ умрешь». Но если нравственный ударъ предостереженія былъ почувствованъ московскими редакторами слишкомъ глубоко и признанъ ими слишкомъ незаслуженнымъ, то подобный отходъ отъ изданія, можетъ быть, несправедливо было бы назвать и недостойною выходкою, а гораздо справедливѣе признать чѣмъ-нибудь серьезнѣе; во всякомъ случаѣ, еслибы онъ проявился въ этой

формѣ, онъ не былъ бы соединенъ, какъ теперь, съ явнымъ соблазномъ оскорбленія, какъ прямого закона о печати, такъ и авторитета власти, который, въ свою очередь, ограждается другими законами. Второй случай состоялъ въ томъ, чтобы напечатать предостереженіе и потомъ уже пользоваться своимъ драгоценнымъ правомъ — представлять объясненія противъ него. Относительно объясненій этого рода законъ состоитъ въ томъ, что они не могутъ быть представлены только въ одномъ и томъ же номерѣ съ предостереженіемъ, и слѣдственно — замѣтимъ кстати — вовсе не могутъ быть представляемы, какъ скоро предостереженіе совсѣмъ не напечатано. И этотъ второй случай, по нашему мнѣнію, есть именно тотъ, на которомъ почтенные редакторы могли остановить свой выборъ не только со всѣми прямыми и очевидными его выгодами для себя, но и со многими другими, которые онъ могъ привести за собою и которыя въ то время можно было не предвидѣть. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что напечатаніе предостереженія не могло убавить ихъ авторитета. Совершенно напротивъ, ихъ объясненія противъ незаслуженности предостереженія — мы, однако, не думаемъ судить здѣсь, заслужено или незаслужено оно — могли бы получить такой вѣсъ и силу, степень которыхъ мы не можемъ теперь правильно оцѣнить. Мы знаемъ только, что въ то время, не проваводя общественнаго соблазна и съ полною безопасностію для самихъ себя, они могли выразить и то свое заявленіе, что не принимаютъ данное имъ предостереженіе ни въ какое для себя руководство. Конечно, на это, со всею справедливостію, имъ могли отвѣтить, что предостереженіе не для того и дается, чтобы служить руководствомъ для ума или направленія; для этого у изданій есть внутренніе, болѣе обязательные законы, законы логики, совѣсти и убѣжденія, которыми они и могутъ сколько имъ угодно руководствоваться; но оно дается въ томъ единственномъ смыслѣ, въ которомъ для него вовсе не существуетъ возможность не быть принятымъ; оно дается какъ мѣра взысканія, соединенная съ извѣстными юридическими послѣдствіями, обусловленными положительнымъ закономъ, и слѣдственно неотразимыми; противъ грожа есть громостводъ; противъ предостереженія, какъ и противъ всякой статьи закона, нѣтъ. Но какъ ни велика справедливость такого предполагаемаго нами отвѣта, гдѣ бы не менѣе замечаніе редакторовъ московской газеты сохранило бы всю свою силу и ни для кого не служило бы соблазномъ. А теперь она повторила это замечаніе двадцать разъ, и что ни разъ, положеніе ихъ становилось все невыгоднѣе. Они вступили въ такую-то фантастическую борьбу, въ какихъ-то фантастическихъ сферахъ, не рачитивъ предварительно коли... замечаніемъ предостереженія. Литературные противники ихъ получали возможность нанести имъ спокойные и рѣшительные удары, тогда какъ почтенные редакторы уже окончательно утрачивали способность самообладанія и раздраженная рѣчь ихъ уже не сходила съ барометрической ли-

ніи, показывающей «жаръ крови». И тутъ надобно сказать, что ожесточеніе противниковъ было подготовлено по винѣ самихъ же почтенныхъ редакторовъ. Достигнувъ замѣчательнаго авторитета, они давно уже перестали считаться съ какими бы ни было несочувственными для нихъ мнѣніями; они получили печальную привычку, просто простирать на нихъ указательный перстъ, напоминая отчасти тѣхъ азійскихъ властителей, которые, творя правосудіе, говорятъ только: «возьмите, казните!» Однако, каково бы ни было созданное ими себѣ положеніе, тѣмъ не менѣе пока оно оставалось положеніемъ писателей, ихъ оружіе и ихъ силу могло составлять только одно — критика. Но можно было подумать, что они забросили ее въ арсеналъ негодныхъ вещей. Въ послѣдніе дни, въ особенности, они какъ будто совсѣмъ перестали различать, что значить аргументъ въ статьѣ, и что такое обвинительный пунктъ въ уголовномъ протоколѣ. Нѣтъ спора, что бѣльшая половина подобныхъ обвинительныхъ пунктовъ, изъ всего числа ихъ, на которое когда-либо указывали противники московскихъ редакторовъ, можетъ быть лишена обвинительнаго характера и объяснена въ смыслѣ простыхъ діалектическихъ приѣмовъ, очень понятныхъ на извѣстной высотѣ убѣжденія, при извѣстной силѣ сознанія всей великости защищаемаго интереса. Но и та малая половина, которая останется за вычетомъ, все еще такъ велика, что способна приводить въ отчаяніе всѣхъ истинныхъ друзей почтенныхъ редакторовъ. И отчаяніе это тѣмъ болѣе имѣетъ мѣста, что хотя своимъ авторитетнымъ положеніемъ въ общемъ мнѣніи, московскіе редакторы, безъ сомнѣнія, очень много одолжены своимъ признаннымъ дарованіямъ, но главнѣйшимъ образомъ, высоту этого положенія слѣдуетъ приписать тому, что въ нихъ умѣли замѣтить и оцѣнить независимость и достоинство характеровъ. Это самая лучшая изъ всѣхъ ихъ заслугъ, особенно передъ литературой, которую, однако, они почти всю такъ же глубоко оскорбили, какъ много ей услужили.

Предвидѣнный всѣми исходъ поднятаго почтенными редакторами соблазна, послѣдовалъ 7-го мая, и съ того же времени ихъ дѣятельность, собственно во редакціи газеты, перервалась. Согласно юридическому значенію полученнаго ими *третьяго* предостереженія, перерывъ этотъ долженъ бы быть только временнымъ. Но почтенные редакторы заявили, что они рѣшились обратиться ево во всегдашній...

Е. В.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Теорія гидрометеоровъ, Рену. — Вліяніе аэролитовъ на движеніе луны, Дюфура. — Наблюденія надъ ростомъ ствола растений, Дюшартра. — О возможности перемѣнъ въ положеніи оси земной коры, Джона Эванса.

Въ засѣданіи французской академіи наукъ 9-го апрѣля, былъ прочтенъ мемуаръ Эмильяна Рену о «теоріи дожда и вообще всѣхъ гидрометеоровъ». Онъ извлеченъ изъ большаго сочиненія, которое будетъ издано въ скоромъ времени. Ни объ одномъ явленіи природы не было писано такъ много, какъ о дождѣ, и однакоже мы знаемъ только, что онъ образуется изъ морской воды, обращенной въ паръ солнцемъ, и потомъ падающей на землю вслѣдствіе охлажденія этого пара. Трудность заключается въ объясненіи самаго процесса охлажденія. Если солнечные лучи поднимаютъ изъ океана воду въ видѣ паровъ, то простое охлажденіе воздуха должно бы лишать его влажности, не производи изъ нея дожда, или же, въ противномъ случаѣ, онъ шелъ бы въ Алжирѣ каждый день лѣтомъ, тогда какъ дождливая погода бываетъ тамъ чрезвычайно рѣдко.

Пытались объяснить причину дожда смѣшеніемъ двухъ насиченныхъ парами массъ воздуха. Дѣйствительно, оно всегда разрѣшается дождемъ, но только производитъ ливень, продолжающійся нѣсколько минутъ, и никакъ уже не можетъ образовать града. Было давно замѣчено, что для происхожденія обыкновеннаго дожда необходимы по крайней-мѣрѣ два слоя облаковъ, расположенныхъ такимъ образомъ, чтобы наверху находилась снѣжная туча (cirrus), а подъ нею облачный слой, составленный изъ водяныхъ шариковъ (cumulus). Средняя температура снѣжныхъ облаковъ, которыя отстоятъ обыкновенно отъ поверхности земли по крайней-мѣрѣ на шесть верстъ, доходитъ до 30 градусовъ холода. Во время бури бываетъ она еще ниже. Облака эти образуются въ экваторіальныхъ широтахъ, и несутся оттуда къ сѣверу и югу съ различной быстротою. Не имѣя ничего поверхъ себя, они охлаждаются, испуская лучистую теплоту въ звѣздное пространство. Состоятъ они изъ снѣжной пыли, которая падаетъ медленно, проникаясь находящаяся подъ нею влажная облака и, тая, охлаждаетъ ихъ, увеличивая въ то же время количество содержащейся тамъ воды. Снѣжные кристаллы чрезвычайно низкой температуры (-50°), столкнувшись при своемъ паденіи съ водяными шариками нижняго облака, которые гораздо теплѣе ихъ (-20°), производятъ ледъ, упадающій на землю въ видѣ града, или холоднаго дожда, смотря по относительной величинѣ обоихъ

облаковъ. Низкая температура водяныхъ шариковъ влажной тучи не представляетъ ничего особеннаго. Еще въ 1724 г. Фаренгейтъ открылъ, что вода можетъ охладѣть до 14° ниже 0, не замерзая. Думаютъ, что въ волосныхъ трубкахъ температура ея можетъ повизиться до -79° , соотвѣтствуя скрытой теплотѣ талшаго льда. Такъ-какъ внутренними зернами градинъ бывають ледяные кристаллы, увеличивающіеся примерзающей къ нимъ водою, то форма ихъ не отличается обыкновенно правильностью. Только при медленномъ паденіи сквозь покойную атмосферу ложатся они на землю круглыми горошинками.

Для образованія града необходимы многія условія: предшествующая ему хорошая погода, сильное лучеспусканіе солнца, значительное и притомъ медленное, постепенное пониженіе барометра и правильныя теченія воздуха, какъ можно менѣе противоположныя другъ другу. Потому-то, когда не соединятся всѣ эти условія, собравшаяся гроза разсѣвается. Это бываетъ часто въ степныхъ районахъ, гдѣ слишкомъ сухъ воздухъ, и гдѣ почва испускаетъ изъ себя слишкомъ много теплоты.

Въ приморскихъ странахъ, гдѣ лѣтніе жары сравнительно умѣреннѣе, и почва нагрѣвается меньше, восходящее теченіе воздуха не имѣетъ довольно сильнаго напряженія, для того чтобы произвестъ градъ, хотя воздухъ и очень влаженъ тамъ. Внутри материковъ оно сильно, но воздухъ тамъ не такъ влаженъ. Онъ сохнетъ постоянно вслѣдствіе ясности неба, и потому пониженіе барометра бываетъ въ нихъ продолжительнѣе, нежели на берегу моря. Оно не прекращается до тѣхъ поръ, пока уменьшенное давленіе атмосферы не приведетъ туда тропическихъ вѣтровъ высшими слоями воздуха. Когда случится этотъ фактъ, то снѣжныя облака понижаются и производятъ влажныя тучи. Дождь проходитъ во внутрь материковъ высшими, а въ приморскія страны низшими слоями атмосферы, и это различіе даетъ противоположный характеръ гидрометеорамъ.

Градъ, требующій особенно быстрою охладенія температуры, можетъ образоваться только лѣтомъ, преимущественно въ самый жаркій часъ дня. Дождь же, для котораго необходимы быстрыя барометрическія пониженія, идетъ больше въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ наибѣе смѣшеніе массъ воздуха, притекающаго съ разныхъ сторонъ. Экваторъ находится почти постоянно въ благопріятныхъ условіяхъ для образованія дождя. Барометръ тамъ ниже, чѣмъ при 30° сѣверной и южной широты.

Теорія гидрометеоровъ объясняетъ два явленія, причины которыхъ оставались темны до сихъ поръ. Ясность нижнихъ слоевъ атмосферы зависитъ отъ быстрою пониженія ея температуры, когда верхній, очень холодный воздухъ, опускаясь къ землѣ, развиваетъ свою влажность, а нижній слой его, встрѣчая надъ собою холодъ, стужаетъ находящійся въ немъ паръ въ облако. Это обратное дѣйствіе даетъ особенную прозрачность нижнимъ

частямъ атмосферы, и въ то же время производить густыя облака высоко надъ землею.

Образованіе тумана объясняютъ обыкновенно соприкосновеніемъ холоднаго воздуха съ теплою поверхностью земли. Но онъ не всегда происходитъ отъ этой причины. Оттепель и густой туманъ бывають зимою, когда рѣки скрываются подо льдомъ, а земля покрыта снѣгомъ. Вообще туманъ есть слѣдствіе медленнаго пониженія атмосферной температуры въ ея вертикальномъ направленіи. Воздухъ высшихъ слоевъ, находя подъ собою сравнительно холодное пространство, наполняется его своимъ паромъ. Потому въ средней Европѣ туманы почти не прерываются зимою, во время которой пониженія температуры происходятъ вообще медленно. Воздухъ становится прозраченъ тамъ, когда начнетъ дуть сѣверо-восточный, весьма холодный вѣтеръ.

Градъ и большіе лѣтніе дожди сопровождаютъ часто громомъ и молніею. Со времени извѣстнаго открытія Франклина, происхожденіе грозъ старались объяснить электричествомъ. Однакоже эта гипотеза не дала никакой теоріи. Гроза является естественнымъ слѣдствіемъ сильныхъ атмосферныхъ движеній, единственная, или почти единственная причина которыхъ заключается въ солнечной теплотѣ. Электрическія явленія — не болѣе, какъ результатъ взаимнаго сѣшевія двухъ массъ насыщеннаго влагою воздуха. Внезапный переходъ воды изъ жидкаго въ твердое состояніе долженъ, вѣдется, производить электричество.

Дождь зависить отъ пяти слѣдующихъ условій, которыя имѣють на него почти одинакое вліаніе:

1) Онъ усиливается вмѣстѣ съ возвышеніемъ температуры, потому что теплый воздухъ выдѣляетъ изъ себя больше воды, чѣмъ холодный.

2) Влажность воздуха, достигающая своего максимумъ на морскихъ берегахъ, производитъ тамъ самое большое количество дождя. Это — постоянная причина; тогда какъ обстоятельства, способствующія образованію его въ атмосферѣ, соединяются здѣсь въ меньшей степени. Дожди въ приморскихъ странахъ бывають часто, особенно небольшіе, но грозы случаются рѣдко.

3) Чѣмъ ниже опускается барометръ, тѣмъ больше шансовъ къ образованію дождя. И наоборотъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ высшее атмосферное давленіе, напримѣръ, по сосѣдству съ 30° широты, дождь образуется очень трудно. Для него необходимо сильное волненіе атмосферы. Вообще тамъ число дождливыхъ дней бываетъ до крайности мало. Этотъ поясъ особенно способенъ къ производству пустынь.

4) Измѣненія температуры и климатическія неправильности увеличивають случаи возможности дождя. Сюда относятся перемѣны насѣстныхъ вѣтровъ.

5) Наконецъ форма ночны играетъ важную роль въ этомъ воарсѣ. Вогнутая поверхность земли получаетъ сравнительно

большее количество дожда, когда проходить надъ нею дождевые вѣтры.

Объясняя причины образованія дожда, Рену переходить къ условіямъ его распредѣленія.

Самое большое количество дожда должно выпадать въ странѣ, имѣющей теплый, но въ то же время чрезвычайно разнообразный по временамъ года климатъ, при существованіи въ ней высокихъ горъ и пасатныхъ вѣтровъ. Гималайскій хребетъ соединяетъ эти условія.

Африка назначена повидимому для образованія пустынь. Она окружена горами со всѣхъ сторонъ, откуда дождевые вѣтры могли бы занести внутрь ея влагу. Слѣдствіе этихъ преградъ легко понять. Очень дождливый прибрежный поясъ, находящійся по одну сторону ея горъ, внезапно смѣняется съ другой стороны ихъ широкой площадью земли, которая, будучи лишена дожда, опрошается бѣгущими съ высотъ ручьями.

То же происходитъ на одной изъ оконечностей Европы. Сѣверо-западные вѣтры заливаютъ дождемъ Португалію; тогда какъ юго-восточная Испанія опустошена засухой до самаго берега моря.

Южная Америка, вдоль западнаго берега которой тянется длинный хребетъ горъ, представляетъ самая благоприятныя условія для образованія дожда. Въ Чили господствуютъ западные вѣтры, и дожди бывають тамъ очень часто. Но въ Перу долженъ бы дуть вообще юго-восточный вѣтеръ. Анды совершенно преграждаютъ путь въ эту страну дождевымъ облакамъ съ запада. Однакоже дождь свободно проникаетъ во внутреннія долины Перу съ востока, отъ устья Амазонской рѣки, не встрѣчая здѣсь никакихъ для себя препятствій. Юго-восточный пасатъ, соединяясь съ образующимися на американскомъ материкѣ юго-западнымъ вѣтромъ, производитъ постоянный южный вѣтеръ, который влечетъ за собою холодные пары и значительно понижаетъ климатъ Южной Америки. Это слѣдствіе исчезаетъ по мѣрѣ возвышенія почвы. Температура понижается здѣсь очень медленно, и, стало бытъ, атмосфера находится постоянно въ такомъ состояніи, которое препятствуетъ образованію грозы. Это явленіе природы считается здѣсь величайшей рѣдкостью. Говорятъ, что громъ гремѣлъ въ Лимѣ не болѣе трехъ разъ со времени основанія этого города.

Г. Рену говорить въ заключеніе своего мемуара, что для полнаго развитія гидрометеоровъ необходимы, сверхъ помннутыхъ уже двухъ разнохарактерныхъ массъ облаковъ, возможно высокая температура на поверхности земли, давленіе атмосферы, значительно болѣе низкое тамъ, гдѣ должны развиваться эти явленія, сравнительно съ прилегающей къ нимъ средою; правильное теченіе воздуха, позволяющее атмосферѣ очень долго оставаться въ покоѣ, и наконецъ, возможно-быстрое движеніе, стремящееся восстановить равновѣсіе въ давленіи и температурѣ воздуха посредствомъ смѣшенія различныхъ слоевъ атмосферы.

— Во французской академіи наукъ была прочтена 25-го апрѣля записка Шарля Дюфура, поводомъ къ которой послужили изслѣдованія г. Делоне о причинахъ, ускоряющихъ движеніи луны. Дюфуръ совершенно согласенъ, что морскіе приливы должны прибавить нѣчто къ тому, что было замѣчено Лапласомъ, но онъ проситъ обратить вниманіе еще на одну причину, которая вообще не принимается въ соображеніе. Увѣрены ли мы, что сила притяженія земли была всегда одна и та же? Если же возрастаетъ она, то движеніе луны должно необходимо становиться быстрѣе. Причина постояннаго увеличенія массы земного шара заключается, по мнѣнію автора записки, въ падающихъ на землю аэролитахъ. При первой мысли объ этихъ странныхъ тѣлахъ можетъ показаться, что они слишкомъ ничтожны для того, чтобы произвести какую-нибудь переменъ въ силѣ притяженія нашей планеты. Но можно допустить, что количество ежегодно прибавляющейся къ землѣ вѣсомой матеріи, вслѣдствіе падающихъ на нее аэролитовъ, несравненно значительнѣе той тяжести, какую составляютъ вѣсъ находящихся на земной поверхности метеоровъ. Не говоря уже о тѣхъ падающихъ аэролитахъ, которыхъ никто не замѣчаетъ, теперь думаютъ вообще, что они болѣе или менѣе сгораютъ, пронизывая сквозь нашу атмосферу, и такимъ образомъ оставляютъ въ ней часть своего вещества. Вѣроятно, блестящія струи и дымъ, замѣчаемые порою въ воздухѣ, происходятъ вслѣдствіе ихъ горѣнія, которое не представляетъ ничего удивительнаго, какъ скоро подумаемъ мы о той быстротѣ, съ какою несутся эти космическія тѣла въ средѣ нашей атмосферы. По относительно притяженія земли, совершенно все равно, падаетъ ли на нее метеоръ, какъ твердое тѣло, или обращается онъ въ газъ, входящій въ составъ нашей атмосферы. Также все равно, остается ли онъ въ газообразномъ состояніи, или же упадаетъ мало по малу на поверхность нашей планеты въ видѣ сухой, или растворенной дождемъ пыли, которая уносится потомъ на дно океана. Все-таки это—новая масса, прибавляемая къ количеству вѣсомой матеріи земного шара. Вслѣдствіе притягивающей силы ея должно ускоряться движеніе луны. Въ этомъ случаѣ не увеличится продолжительность дня, но уменьшится время, необходимое для оборота нашего спутника. Конечно, количество ежегодно прибавляемой аэролитами матеріи составляетъ чрезвычайно малую часть земной массы. Но и ускореніе луннаго движенія на 12 секундъ во сто лѣтъ тоже незначительно, а между тѣмъ шесть изъ этихъ двадцати секундъ не объяснены еще.

Впродолженіе вѣка луна совершаетъ около 1,337 оборотовъ. Шесть секундъ составляютъ $\frac{1}{288.800,000}$ этого количества. Для усиленія скорости луны на это количество, надо было бы увеличить массу земли на $\frac{1}{144.400,000}$. При такомъ условіи количество прибавляемой къ ней аэролитами вѣсомой матеріи впродолженіе ста лѣтъ не должно быть безконечно мало. Если предположить, что

плотность ихъ равняется $\frac{2}{3}$ плотности земного шара, то для этого потребовалось бы 11,000 кубическихъ километровъ * аэролитовъ, которые должны войти въ составъ нашей планеты въ продолженіе столѣтія, или по 110 каждый годъ. Поверхность земли имѣетъ 500 миліоновъ квадратныхъ километровъ, а Франція — около 500,000 ихъ. Слѣдовательно, она занимаетъ тысячную часть земной поверхности, и на нее должно бы упадать ежегодно 0,11 куб. километра этихъ аэролитовъ, для того чтобы ускорить движеніе луны на шесть секундъ. Однакоже въ этомъ нѣтъ никакой необходимости. Дѣйствіе морскихъ приливовъ производитъ въ этомъ случаѣ значительное вліяніе, что было очень хорошо объяснено въ послѣднее время. И такъ, остается объяснить только то, чего недостаетъ причинамъ, которыя опредѣлены Лапласомъ и Делоне, а эта задача приведетъ насъ къ дифрамъ, незаключающимъ въ себѣ ничего невозможнаго. Не должно также забывать, что нѣрѣдко видятъ метеоры огромныхъ размѣровъ. Такъ, напримеръ, 20 апрѣля 1865 г. былъ замѣченъ, кажется, съ обсерваторіи Меца, метеоръ, имѣвшій 14 минутъ въ длину и 8 минутъ толстоты. Хотя разстояніе его отъ той точки, гдѣ производилось наблюденіе, не было опредѣлено, однакоже, довольно во всякомъ случаѣ небольшого числа подобныхъ тѣлъ, падающихъ на землю, или улетающихъ въ атмосферѣ, для того, чтобы прибавить къ нашей планетѣ вѣсомыя количества, о которыхъ говорится здѣсь.

Ускоренное движеніе луны обнаружено посредствомъ сравненій между мѣстомъ и часомъ полныхъ затмѣній солнца въ прежнія времена и дѣйствительнымъ положеніемъ луны. Но очень можетъ быть, что паденіе аэролитовъ не отличалось правильностью, и что въ нѣкоторые исключительные года ихъ падало весьма много. Исслѣдованіе причинъ, ускоряющихъ вѣковой путь луны, представляетъ высочайшій интересъ не только по отношенію къ небесной механикѣ и къ законамъ движенія нашего спутника, но очень важно опредѣлить, какую именно часть этого ускоренія можно отнести къ дѣйствующимъ на луну силамъ, и какая часть его должна быть отнесена къ увеличенію продолжительности дня, потому что, доказывая неизмѣнность дневной долготы, пришли къ заключенію, что съ начала историческаго времени земля нисколько не охладѣла. Еслибы продолжительность дня сдѣлалась спорнымъ вопросомъ, то, разумѣется, мысль о постоянной температурѣ нашей планеты была бы признана неосновательною. Фурье доказывалъ посредствомъ соображеній, неимѣющихъ ничего общаго съ астрономіею, что со времени александрійской школы, то-есть въ продолженіе двадцати вѣковъ, черевѣсъ температуры почвы надъ средней температурою воздуха не измѣнился на $\frac{1}{288}$ градуса стоградуснаго термометра. Равнымъ образомъ, еслибъ было до-

* Километръ почти равенъ нашей верстѣ.

назано, что дань измѣнился, въ такомъ случаѣ секунда не могла бы остаться ненемѣнною, а отсюда слѣдовало бы заключить объ измѣненіи напряженія тяжести и т. д. Такимъ-то образомъ подымается множество проблемъ, которыхъ видимому нисколько не касался прежде вопросъ о вѣковомъ ускореніи луннаго движенія.

— Въ «L'Institut» 11-го апрѣля сообщены вѣрнѣе результаты наблюденій г. Дюшартра надъ ростомъ ствола растений. Онъ производилъ ихъ въ продолженіе августа и въ началѣ сентября прошлаго года, днемъ и ночью. Всѣ подверженныя наблюденію шесть растений измѣрялись ежедневно по три раза: въ 6 часовъ утра, въ полдень и въ 6 часовъ пополудни, посредствомъ деревянной, волгнутой въ землю мѣрки, съ которою стволъ былъ соединенъ тесемкою. Каждый разъ обращалось при этомъ вниманіе на температуру и метеорологическія обстоятельства. Наконецъ, для опредѣленія высшей теплоты дня принималась въ соображеніе температура въ 3 часа пополудни. При помощи этихъ наблюденій были открыты слѣдующіе факты. За очень немногими исключеніями, всѣ шесть растений вытягивались въ вышину больше въ ночной періодъ, отъ 6 часовъ вечера до 6 часовъ утра, нежели въ остальное время дня. Ночью вырастали они вдвое и втрое болѣе, чѣмъ днемъ. Хотя этотъ результатъ противорѣчитъ наблюденіямъ другихъ изслѣдователей, однакоже въ вѣрности его нельзя сомнѣваться, потому что онъ основанъ на простомъ измѣреніи длины, которая значительно увеличилась во время наблюденій Дюшартра. Впрочемъ, онъ опасается сдѣлать по этимъ опытамъ общее заключеніе о ростѣ всѣхъ частей растения, и притомъ въ продолженіе цѣлаго года. Онъ намѣренъ продолжать лѣтомъ прерванныя на время занятія. Его смущаютъ наблюденія Гартинга, который убѣдился, что хмѣль въ началѣ мая вырастаетъ болѣе отъ 7 часовъ утра до 3 пополудни, а въ началѣ іюня — отъ 3 пополудни до 11 вечера. Потому-то онъ и задаетъ себѣ вопросъ: не могъ ли измѣниться открытый имъ результатъ, еслибы онъ продолжалъ свои наблюденія, и не могло ли самое сильное удлинненіе ствола перейти совершенно въ ночной періодъ въ продолженіе слѣдующихъ мѣсяцевъ? Такой переходъ растительной силы изъ одной части сутокъ въ другую объяснилъ бы противорѣчіе, существующее между фактами, и согласилъ бы результатъ его наблюденій съ тѣмъ, что было открыто другими ботаниками, которыхъ прежде него занималъ этотъ вопросъ.

— Въ «Reader» 24 марта, подробно разсказано содержаніе записки, представленной въ лондонское королевское общество Джозефомъ Эвансомъ «о возможности перемѣнъ въ положеніи осн земной коры вслѣдствіе вліянія геологической причины». Климатическія перемѣны, которымъ подвергалось сѣверное полушаріе, дованы положительно. Если же — говорить Эвансъ — слѣды ихъ не такъ ясно обнаружены по ту сторону экватора, то это можно скорѣе отнести къ сравнительной бѣдности наблюденій, нежели

къ недостатку самихъ данныхъ, доказывающихъ тождество геологическихъ событій въ обояхъ полушаріяхъ. Возможность налѣйшей перемѣны въ оси вращенія земного шара была такъ рѣшительно отвергнута Лапласомъ и его послѣдователями, что ихъ убѣжденіе усвоили почти всѣ геологи. Однакоже сэръ Генри Джемсъ утверждалъ въ «*Athenaeum*» 1860 г., что онъ пришелъ къ мысли о невозможности объяснить нѣкоторыя геологическія явленія, свидѣтельствующія о перемѣнахъ климата на землѣ въ былыя періоды ея существованія, не допуская гипотезы о постоянныхъ измѣненіяхъ въ положеніи оси вращенія нашей планеты. Земля, по его мнѣнію, есть огнежидкая масса, охваченная отвѣрдывшей корою, всѣ видовзмѣненія которой должны перемѣщать ось. Онъ предполагалъ, что подъемъ горныхъ цѣпей, значительно превышающій теперешнюю высоту ихъ, производилъ нѣкогда перемѣны въ положеніи полюсовъ. Противъ его теоріи возстали Битъ Джюксъ, Генеси и другіе ученые. Она не выдержала ихъ критики. Еще прежде, въ 1848 г., покойный сэръ Джонъ Лебекъ высказалъ въ «*Quarterly Journal of the Geological Society*» мысли свои о слѣдствіяхъ взаимной несоотвѣтственности между осями вращенія и фигуры земного шара, причемъ упомянулъ о нѣкоторыхъ соображеніяхъ, ускользнувшихъ отъ Лапласа. Кажется, онъ считалъ землю совершенно твердымъ тѣломъ, поверхность котораго покрыта отчасти водою. Но при такомъ условіи, неизмѣняемость положенія полюсовъ едва-ли можетъ быть подвержена сомнѣнію. Если допустить, что твердая часть земного шара заключается только въ корѣ его, подъ которою кроется жидкая масса расплавленныхъ минераловъ, и что кора эта способна, отъ вліянія разныхъ причинъ, къ такимъ водонизмѣненіямъ, то окажется, что они могутъ вести—если и не къ перемѣнѣ положенія общей оси нашей планеты, то во всякомъ случаѣ къ измѣненію относительнаго положенія между твердой корою и жидкимъ ядромъ ея, а, слѣдовательно, и къ перемѣнамъ въ оси вращенія земной коры.

Хотя мнѣнія относительно внутренней температуры земли неоднаковы, однакоже очень многіе авторитеты ученаго міра придерживаются до сихъ поръ мысли объ увеличеніи теплоты по мѣрѣ приближенія къ центру нашей планеты. Дойдя мысленно до того градуса ея, при которомъ должны плавиться самыя упорные минералы, они не продолжаютъ гипотезы о дальнѣйшемъ возвышеніи внутренней температуры земного шара, равно какъ и о томъ, находится или нѣтъ твердое зерно въ центрѣ жидкой массы. Тѣ же геологи, которые считаютъ землю твердымъ, или почти твердымъ тѣломъ во всѣхъ частяхъ ея, думаютъ, что разныя вулканическія явленія могутъ быть объяснены началами химической теоріи. Но, не говоря уже о томъ, что періодъ химическихъ дѣйствій въ исторіи образованія нашей планеты долженъ быть ограниченъ, трудно было бы существованіемъ внутри земли жѣстныхъ морей жидкой матеріи, образовавшейся отъ те-

плоты, которую всегда сопровождают химическіе процессы, объяснить и быстрые переходы ударовъ при землетрясеніяхъ, и безчисленное множество подъемовъ и опусковъ земли, которые противорѣчатъ мысли о ея твердости, равно какъ и предположенію, что отвердѣвшая кора ея очень толста. Также не всѣ геологи согласны съ мнѣніемъ, что колебанія земли, дѣйствительность которыхъ доказываютъ неоспоримо повсюдные факты, происходятъ при образованіи самыхъ первыхъ пластовъ ея и продолжаются въ настоящее время отъ подъема и слѣдующаго за нимъ опуска вздутыхъ газомъ частей земной поверхности.

Г. Эвансъ взялъ на себя трудъ объяснить — преимущественно въ отношеніи къ климату — слѣдствія геологическихъ переворотовъ, которые измѣняютъ форму внѣшней оболочки нашей планеты, допуская, что теорія этихъ переворотовъ основательна. Онъ представилъ чертежъ и превосходную модель, устроенную по плану Гальтона, для болѣе нагляднаго объясненія своей мысли. Онъ старается доказать, что неправильное скопленіе льда у одного или у обоихъ полюсовъ, согласное съ теоріею Адамара, было бы равносильно по своимъ дѣйствіямъ подъему земли. Даже предположивъ, что вся поверхность ея скрылась бы подъ морскимъ уровнемъ, и что мельчайшія пространства общаго океана, ставши болѣе глубокими, наполнились бы водою, онъ выводитъ заключеніе о неизбѣжности перемѣнъ въ равновѣсіи земной коры, вслѣдствіе перемѣщенія воды и почвы, которое должно необходимо сопровождаться то увеличеніемъ, то уменьшеніемъ удѣльнаго вѣса твердой оболочки земного шара въ разныхъ его районахъ. Этими переворотамъ должны соответствовать перемѣны въ положеніи оси вращенія. Если все это вѣрно въ отношеніи къ сферѣ, то должно быть почти такъ же вѣрно и въ отношеніи къ сфероиду, который сплюсненъ такъ незначительно, какъ земной шаръ. Главная разниця заключается въ томъ собственно, что въ сферѣ внѣшняя кора можетъ принимать какое угодно положеніе надъ внутреннимъ ядромъ безъ всякой перемѣны въ своемъ собственномъ устройствѣ; тогда какъ при движеніи сферoidalной скорлупы надъ такимъ же сферoidalнымъ ядромъ, каждая часть ея внутренней структуры должна измѣняться болѣе или менѣе сообразно съ легкой перемѣною каждой точки дуги. Сила сопротивленія со стороны внутренняго ядра такой перемѣнѣ въ положеніи внѣшней скорлупы будетъ зависѣть не только отъ степени сплюсненности сфероида, но также отъ толщоты и твердости его оболочки. Чѣмъ толще и тверже она, тѣмъ генѣе подъемы, обнаженія и осадки ея должны походить на тѣ геологическіе факты, какіе видимъ мы на поверхности нашей планеты. И такъ, треніе скорлупы о ядро должно бы составлять вопросъ, относящійся къ внутреннимъ условіямъ нашей планеты, хотя бы находящееся внутри ея вещество было нѣзвѣстной жидкостью. Потому-то и полагаетъ Эвансъ, что если земной шаръ состоитъ изъ твердой, не слишкомъ толстой скорлупы, охватываю-

щей жидкую массу, въ центрѣ которой есть твердое зерно, или нѣтъ его — это все равно, и если равновѣсіе этой скорлупы — какъ дѣйствительно доказываютъ очевидные факты — подвержено большимъ измѣненіямъ, то необходимо заключить, что помянутыя перемены дѣйствительно происходятъ въ положеніи земной коры, относительно находящейся подъ нею жидкой массы, и что онѣ производятъ измѣненія въ положеніи оси вращенія, на сколько относится это къ отвердѣвшей поверхности земли.

Не отвергая другихъ вліяющихъ на климатъ причинъ, Эвансъ думаетъ, что гипотеза о переменахъ въ положеніи оси вращенія можетъ лучше всего объяснить переходы климата отъ тропической къ арктической температурѣ въ одной и той же мѣстности. Если ископаемыя растенія острова Мельвилля, однородныя съ тѣми, которыя находятся въ каменноугольныхъ пластахъ Англіи, произрастали дѣйствительно подъ 75° сѣв. шир., то этотъ фактъ можетъ, кажется, служить доказательствомъ, что положеніе сѣвернаго полюса очень измѣнилось съ тѣхъ поръ. Коралы острововъ Грифита и Коривалиса, а также амониты (моллюски изъ семейства головоногихъ) мыса Уильяма острова Принца-Патрика свидѣтельствуютъ также, что въ арктическихъ широтахъ былъ нѣкогда очень теплый климатъ. Эвансъ полагаетъ, что многія трудности, препятствующія рѣшенію вопроса о причинѣ климатическихъ переходовъ отъ одной крайности къ другой въ высшихъ широтахъ обоихъ полушарій, были бы уничтожены, еслибы ученый міръ принялъ гипотезу о возможности перемены въ положеніи оси вращенія земной коры. Впрочемъ, въ запискахъ лондонскаго астрономическаго общества была уже, хотя и не въ такомъ видѣ, высказана эта мысль еще въ 1861 г.

НОВОСТИ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Два политическія записки, представленныя императору Николаю. — Письмо Н. В. Гоголя къ П. А. Плетневу, о пропускѣ къ печати «Мертвыхъ Душъ».

Въ 1-й книгѣ «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей российскихъ при московскомъ университетѣ» помѣщены два любопытныя записки политическаго содержанія, представленныя императору Николаю; первая изъ нихъ называется: «О необходимости уничтоженія отдѣльныхъ правъ въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и измѣненіи недостатковъ, противныхъ государственному благоустройству», а вторая — «Изображеніе нынѣшняго состоянія Россіи». Эта послѣдняя относится къ 1830 году; предъидущая, если не ошибаемся, принадлежитъ къ той же или немного позднѣйшей эпохѣ. Какъ та, такъ и другая останавли-

ваются преимущественно на польскомъ вопросѣ и на нѣкоторыхъ предметахъ внутренняго управленія.

Въ отношеніи къ польскому вопросу сужденія обѣихъ записокъ почти совершенно одинаковы въ своихъ основаніяхъ. Обѣ онѣ соглашаются въ томъ, что если Польша сохранить свое особенное устройство и права свои, то поляки затаятъ надежду на будущее возрожденіе и, при удобномъ случаѣ, поднимутъ знамя бунта. Въ избѣжаніе этихъ бѣдствій обѣ записки указываютъ на примѣръ императрицы Екатерины, желавшей восстановить русскую народность въ провинціяхъ, приобрѣтенныхъ по раздѣламъ Польши, и предлагаютъ рядъ мѣръ, согласныхъ съ этою цѣлью. Такъ, на примѣръ, вторая записка предлагаетъ уничтожить польскую конституцію и самое имя Царства Польскаго, раздѣля его на губерніи, на основаніи Учрежденія о губерніяхъ, изданнаго Екатериною II, то же Учрежденіе вполнѣ ввести въ западномъ краѣ и судопроизводство отправлять на русскомъ языкѣ. Первая записка требуетъ уравниенія гражданскихъ законовъ западнаго края съ законами остальной Россіи и введенія въ этой мѣстности виннаго откупа. Вообще говоря, предположенія обѣихъ записокъ не всегда могутъ выдержать строгую критику и не всегда представляютъ собою столь коренныя и существенныя реформы, какъ это могло казаться ихъ авторамъ; еще менѣе можно сказать, что эти мѣры исчерпываютъ весь кругъ преобразованій, необходимыхъ для восстановленія русской народности въ западномъ краѣ; но что составляетъ существенную важность обѣихъ записокъ—это основная мысль, въ нихъ заключающаяся. Заявленіе ея въ тридцатыхъ годахъ весьма замѣчательно. Въ то время наше общественное мнѣніе почти не существовало, и хотя уже было высказано нѣсколько здравыхъ мыслей объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ, мысли эти не получили еще публичности и не сдѣлались общимъ достояніемъ. Напротивъ того, въ ходу были самыя темныя и ложныя понятія о польскомъ вопросѣ, и несомнѣнно, что именно поэтому и не были вполнѣ тверды успѣхи Россіи въ ея столкновеніяхъ съ польскими стремленіями. Самые недостатки записокъ объясняются новостью постановки вопроса въ истинномъ его свѣтѣ. Но важно то, что явилась мысль поставить его такъ, какъ требовали національные интересы Россіи. Будущій историкъ, сравнивая предположенія записокъ съ мѣрами, дѣйствительно принятыми тогда въ западномъ краѣ, убѣдится, что все-таки предположенія записокъ шли дальше административныхъ распоряженій.

Не разъ уже было замѣчено, что окончательное рѣшеніе польскаго вопроса будетъ зависѣть отъ послѣдовательнаго веденія этого дѣла со стороны Россіи. Одна изъ разбираемыхъ записокъ указываетъ на эту сторону задачи, и это даетъ ей поводъ коснуться нѣкоторыхъ сторонъ общаго государственнаго управленія Россіи. «Всѣ учрежденія и намѣренія вашего императорскаго величества—сказано въ запискѣ—клонятся къ уничтоженію вредной

для имперіи самобытности польской; по вашей волѣ уничтожается самое преподаваніе польскаго языка даже въ польскихъ училищахъ, а между тѣмъ, составляется сводъ отдѣльныхъ правъ, которыя уже по одному наименованію предполагаютъ отдѣльную самобытность народа. Странно и даже непонятно, что въ одномъ и томъ же государствѣ, по одному и тому же предмету, противорѣчащія начала и дѣйствія, и это, къ несчастію, производится по всѣмъ частямъ государственнаго управленія». Затѣмъ записка разсматриваетъ причины этого явленія. «Причины сему мы должны искать въ томъ, что устройство частей, послѣдующихъ за верховною властью, несогласно съ основными началами русскаго правленія. Учрежденіе министерствъ въ томъ видѣ, какой данъ имъ у насъ, есть величайшій вредъ для имперіи. Каждый образъ правленія имѣетъ свои начала, съ коими должны согласоваться всѣ части управленія. У насъ правленіе монархическое, а устройство министерствъ основано на началахъ конституціоннаго правленія. Въ конституціонныхъ правленіяхъ, гдѣ законодательная и блюстительная власть въ рукахъ народа, а исполнительная принадлежитъ государю, министры составляютъ необходимую часть управленія: они посредники между монархомъ и народомъ, такъ сказать, отвѣтственные лица, избираемыя первымъ, подверженныя наблюденію и суду послѣдняго, не могутъ и не смѣютъ нарушать законовъ, тѣмъ менѣе дѣйствовать произвольно. Въ монархическихъ правленіяхъ, гдѣ дѣлая жизнь народа заключается въ волѣ монарха, опасно для монарха и вредно для государства сосредоточивать исполнительную и блюстительную власти въ однихъ и тѣхъ же лицахъ; ибо сіи лица, по свойству монархическаго правленія, пріобрѣтая неограниченную власть по своему управленію, дѣйствуютъ внѣ закона и, будучи сами представителями и судьи своихъ поступковъ, предъ лицомъ монарха, превращаютъ власть въ орудіе произвола, нарушаютъ не только временныя, но и коренныя законы государства. Сверхъ сего, каждое изъ сихъ лицъ старается выйдти изъ общей организаціи и быть самобытнымъ и чрезъ сіе, разстраивая весь механизмъ государственнаго управленія, причиняетъ вредъ собственному своему управленію». Указавъ на недостатокъ, существующій въ государственномъ управленіи, авторъ записки изыскиваетъ средства къ его исправленію. Ссылаясь на уставовленія Петра Великаго, онъ отдаетъ стариннымъ коллегіямъ преимущество предъ министерствами. «Вообще, говорить онъ, въ монархическомъ правленіи устройство должно быть коллегіальное, то-есть совѣщательное; отъ сего власть, сообщенная монархомъ не лицу, а гѣсту, составленному изъ многихъ лицъ, неуклонно идетъ по общимъ началамъ государственныхъ постановленій и не измѣняетъ законы произволомъ». У насъ, напротивъ того, не только каждый министръ, но каждый директоръ департамента, измѣняя дѣйствія своего предшественника, даетъ ходъ своему управленію согласно со своими о немъ понятіями; вотъ почему у насъ нѣтъ единства

въ дѣйствіи, твердости въ исполненіи, самыя превосходныя намѣренія и учрежденія гибнуть, не достигая своей цѣли, или подрываются дѣйствіями другаго, равносильнаго лица и мѣста, не по намѣренію причинить вредъ государству, но отъ невнимательности, недалковидности и всего болѣе отъ незнанія намѣреній въ дѣйствіи другихъ лицъ и мѣстъ, отчего мы часто видимъ, что по одному и тому же предмету, въ теченіе нѣсколькихъ дней, двѣ отдѣльныя власти объявляютъ высочайшія повелѣнія, одно другому противорѣчащія. Весь сей безпорядокъ въ управленіи, сверхъ неправильнаго образованія министерствъ, происходитъ отъ немнѣнія точки, гдѣ бы соединялось наблюденіе за общимъ ходомъ управленія, гдѣ бы дѣйству разнородныхъ частей давалось единство въ движеніи, твердость въ исполненіи. Всякое правительство имѣетъ три власти: законодательную, исполнительную и блюстительную. Въ монархическомъ правленіи всѣ три власти сосредоточиваются въ лицѣ монарха, отъ него уже ввѣрются слѣдующимъ властямъ, изъ коихъ законодательная и блюстительная власть должна возвращаться къ своему началу. У насъ законодательная власть предоставлена государственному совѣту, но и комитетъ министровъ, и первый департаментъ сената, и каждый министръ издають постановленія, нерѣдко противорѣчащія и началамъ государственнаго устройства, и началамъ законодательной мысли, принятой государственнымъ совѣтомъ. Исполнительная часть, ввѣренная министрамъ, какъ видѣли выше, устроена на началахъ, противныхъ монархическому управленію. Блюстительной же власти не существуетъ, хотя она столько же важна, какъ и законодательная.» Въ подтвержденіе своей мысли авторъ примѣрами доказываетъ, что въ теченіе XVIII вѣка у насъ были попытки создать органъ для блюстительной власти въ лицѣ сената, но, говоритъ онъ, съ учрежденіемъ министерствъ и государственнаго совѣта, мысль о томъ исчезла. «Комитетъ министровъ есть мѣсто совѣщательное для министровъ и ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть блюстителемъ, поелику противно здравому разуму, чтобы исполнители вмѣстѣ были и блюстители за своими поступками.» Императоръ Александръ, создавшій государственный совѣтъ и министерства, въ концѣ своего царствованія чувствовалъ недостатокъ органа блюстительной власти. Поэтому, авторъ записки, въ заключеніе ея, приходитъ къ слѣдующему выводу:

«Для блага имперіи, предполагая, съ одной стороны, образованіе министерствъ на коллегіальныхъ началахъ, Петромъ Великимъ данныхъ, т.-е. чтобъ всѣ дѣла подлежали сужденію и разсмотрѣнію коллегіи или совѣту министерства, и чтобы власть министра не могла дѣйствовать вопреки совѣта, съ другой составить блюстительное управленіе нѣтъ ничего лучше, какъ предоставить его первому департаменту сената, подъ предсѣдательствомъ генерал-прокурора, съ коимъ слить комитетъ министровъ, и окончательное разбирательство тяжбыныхъ и уголовныхъ дѣлъ, имѣ

принадлежащихъ государственному совѣту, коему должна подлежать во всемъ пространствѣ одна часть законодательная. Затѣмъ изъ прочихъ департаментовъ сената составить судебный сенатъ подъ вѣдѣніемъ министра юстиціи. Само собою разумѣется, что представленія о новыхъ учрежденіяхъ и объ измѣненіи старыхъ уставовъ, возникая въ министерствахъ, должны проходить въ государственный совѣтъ чрезъ правительствующій сенатъ, въ коемъ министры не должны присутствовать, поелву еще Петръ Великій замѣтилъ, что президенты коллегій, какъ имѣющіе въ вѣдѣніи своемъ исполнительную часть, участіемъ въ наблюденіи разстроивали порядокъ управления.»

— Въ 5-мъ № «Русскаго Архива» обращаетъ на себя вниманіе письмо Н. В. Гоголя къ П. А. Плетневу о «Мертвыхъ Душахъ». Это документъ, характеризующій съ одной стороны личность самого писателя, съ другой — время, когда онъ дѣйствовалъ. Приготовленія къ печати «Мертвыя Души» постигаетъ запрещеніе; Гоголь огорченъ, пораженъ. Но ударъ не заставляеть его опустить руки. Онъ бросаетъ во всѣ стороны, изыскиваетъ всѣ пути, напрягаетъ всѣ усилія, чтобы спасти свое дѣтище. Между прочимъ, онъ обращается къ помощи Плетнева и, излагая ему положеніе дѣла, призываетъ его содѣйствіе:

«Ударъ—пишетъ онъ (7 января 1842 г. изъ Москвы)—для меня никакъ неожиданный: запрещаютъ всю рукопись. Я отдаю сначала ее цензору С., который нѣсколько толковѣе другихъ, съ тѣмъ, что если онъ находитъ въ ней какое нибудь мѣсто, наводящее на него сомнѣніе, чтобы объявлять прямо, что я тогда посылаю ее въ Петербургъ. Чрезъ два дни С. объявляетъ мнѣ торжественно, что рукопись онъ находитъ совершенно благонамѣренной, и въ отношеніи къ цѣли, и въ отношеніи къ впечатлѣнію, производимому на читателя, и что кромѣ одного незначительнаго мѣста: перемены двухъ-трехъ именъ (на которыя я тотъ же часъ согласился и измѣнилъ), нѣтъ ничего, что бы могло навлечь притязанія цензуры самой строгой. Это же самое онъ объявилъ и другимъ. Вдругъ С-ва сбиль кто-то съ толку, и я узнаю, что онъ представляетъ мою рукопись въ комитетъ. Комитетъ принимаетъ ее такимъ образомъ, какъ будто уже былъ приготовленъ заранее и былъ настроенъ разыграть комедію: ибо обвиненія, всѣ безъ исключенія, были комедія въ высшей степени. Какъ только Г., занявшій мѣсто президента, услышалъ названіе *Мертвыя души*, закричалъ голосомъ древняго римлянина: «Нѣтъ, этого я никогда не позволю: душа бываетъ бессмертна, жертвой души не можетъ быть, авторъ вооружается противъ бессмертія». На слуху наконецъ могъ взять въ толкъ умный президентъ, что дѣло идетъ о ревизскихъ душахъ. Какъ только взялъ онъ въ толкъ, и взяли въ толкъ выствѣ съ нимъ другіе цензора, что мертвыя значить ревизскія души, произошла еще большаа кутерьма. Нѣтъ, закричалъ предсѣдатель и за нимъ половина цензоровъ, этого и подавно нельзя позволить, хотя бы въ руко-

письма ничего не было, а стояло только одно слово: *ревнивая душа*; уж этого нельзя позволить, это значитъ противъ вѣрноподданнаго права.» Наконецъ самъ С. увидѣлъ, что дѣло зашло ужъ очень далеко; сталъ увѣрять цензоровъ, что онъ рукопись читалъ, и что о вѣрноподданности правъ и намековъ нѣтъ, что даже нѣтъ обыкновенныхъ оплеухъ, которыя раздаются во многихъ повѣстяхъ вѣрноподданнымъ людямъ; что здѣсь совершенно о другомъ рѣчь; что главное дѣло основано на смѣшномъ недоумѣніи продающихъ и на тонкихъ хитростяхъ покупателя и на всеобщей ералаша, которую произвела такая странная покупка; что это—рядъ характеровъ, внутренней бытъ Россіи и нѣкоторыхъ обитателей, собраніе картинъ самыхъ невозмутительныхъ. Но ничего не помогло. «Предпріятіе Чичикова» стали кричать всѣ: «есть уже уголовное преступленіе.»—«Да впрочемъ и авторъ не оправдываетъ его», замѣтилъ мой цензоръ.—«Да, не оправдывается, а вотъ онъ выставилъ его теперь, и пойдутъ другіе брать прихвѣръ и покупать мертвыя души.»

«Вотъ какіе толки! Это толки цензоровъ азіатцевъ, то-есть людей старыхъ, выслужившихся и сидящихъ дома. Теперь слѣдуютъ толки цензоровъ—европейцевъ, возвратившихся изъ-за границы, людей молодыхъ. «Что вы ни говорите, а цѣна, которую даетъ Чичиковъ (сказалъ одинъ изъ такихъ цензоровъ Е.), цѣна два съ полтиною, которую онъ даетъ за душу, возмущаетъ душу. Человѣческое чувство вопіетъ противъ этого; хотя конечно эта цѣна дается за одно имя, написанное на бумагѣ, но все же это имя душа, душа человѣческая; она жила, существовала. Этого ни во Франціи, ни въ Англіи и нигдѣ нельзя позволить. Да послѣ этого ни одинъ иностранецъ къ намъ не пріѣдетъ.»

«Это главные пункты, основываясь на которыхъ произошло запрещеніе рукописи. Я не рассказываю вамъ о другихъ мелкихъ замѣчаніяхъ; какъ-то въ одномъ мѣстѣ сказано, что одинъ помѣщикъ разорился, убирая себѣ домъ въ Москвѣ въ модномъ вкусѣ. «Да вѣдь и государь строить въ Москвѣ дворцы!» сказалъ цензоръ. Тутъ, по поводу, завязался у цензоровъ разговоръ, единственный въ мірѣ. Потомъ произошли другія замѣчанія, которыя даже совѣстно пересказывать, и наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что рукопись объявлена запрещенною, хотя комитетъ только прочелъ три или четыре мѣста.»

Это первая часть письма, излагающая исторію запрещенія—часть эпическая. Гоголь является въ ней рассказчикомъ, спокойнымъ, объективнымъ: юмористъ беретъ въ немъ верхъ надъ человѣкомъ, задѣтымъ за живое. Но затѣмъ слѣдуетъ лирика. Мгновенно гордый поэтъ обращается въ жалкаго просветла. И не высшими потребностями художника, не жаждой славы и успѣха обуславливается его просьба, а простой житейской необходимостью, вкусомъ хлѣба. Это черта времени и личности. Гоголь хлопочетъ о пропускѣ своей поэмы и ссылается на убытки отъ ея запрещенія, какъ на самый убѣдительный доводъ для тѣхъ, отъ кого

зависитъ разрѣшеніе. И съ другой стороны, самолюбивый поэтъ, который такъ дорожилъ своимъ успѣхомъ, словно забываетъ о немъ и съ настойчивою хитростью хочетъ увѣрить, что печатаетъ свои произведенія изъ-за одного куска хлѣба. Въ другомъ письмѣ по тому же поводу, высказывая ту же мысль, Гоголь прибавляетъ даже опасеніе, какъ бы не миновала зима, время выгодное для расхода книги, какъ будто могли существовать выгодные и невыгодные сроки для распродажи гоголевскихъ произведеній. Но страсть хитрить была въ характерѣ Гоголя, и друзья его знали это—знали, стало быть, что за увѣреніями о кускѣ хлѣба скрывались всѣ чувства, которыя могутъ выпѣть въ душѣ художника, гордаго своимъ произведеніемъ и старающаго желаніемъ бросить его на удивленіе своимъ читателямъ.

«Вотъ вамъ вся исторія. Она почти невѣроятна, а для меня въ добавку подозрительна. Подобной глупости нельзя предположить въ человѣкѣ. Цензора не всѣ же глупы до такой степени. Я думаю, что противъ меня что нибудь есть. Но дѣло, между прочимъ, для меня слишкомъ серьезно. Изъ-за ихъ комедій или интригъ мнѣ похмѣлье. У меня, вы сами знаете, всѣ мои средства и все мое существованіе заключены въ поэмѣ. Дѣло влѣзаетъ къ тому, чтобы вырвать у меня послѣдній кусокъ хлѣба, выработанный семью годами самоотверженія, отчужденія отъ міра и всѣхъ его выгодъ. Другого я ничего не могу предпринять для моего существованія. Усиливающееся болѣзненное мое расположеніе и недуги лишаютъ меня даже возможности продолжать далѣе начатый трудъ. Свѣтлыхъ минутъ у меня немного, а теперь просто отнимаются руки. Дѣло вотъ въ чемъ. Вы должны теперь дѣйствовать соединенными силами и доставить рукопись къ государю. Я объ этомъ пишу къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой. Я просилъ ее чрезъ великихъ князей или другими путями. Это ваше дѣло, объ этомъ вы слѣдуете совѣщаніе вмѣстѣ. Попросите Александру Осиповну, чтобы она прочла сама мое письмо. Это вамъ нужно. Рукопись моя у князя Одоевскаго. Вы прочитайте ее вмѣстѣ, человѣка три-четыре, не больше. Не нужно объ этомъ дѣлѣ производить огласки. Только тѣ, которые меня очень любятъ, должны знать. Я твердо полагаюсь на вашу дружбу и на вашу душу, и нечего между нами тратить больше словъ! Обнимаю сильно васъ, и да благословитъ васъ Богъ! Если рукопись будетъ разрѣшена и нужно будетъ только для проформы дать цензору, то я думаю лучше дать Очкину для подписанія, а впрочемъ, какъ найдете вы. Не въ силахъ больше писать. Весь вашъ Гоголь».

Письмо это свидѣтельствуетъ о большомъ напряженіи силъ поэта, но еще не указываетъ на упадокъ его духа. Съ мѣсяцъ почти былъ онъ въ неизвѣстности на счетъ судьбы «Мертвыхъ Душъ». Но 6-го февраля того же года онъ даже съ отчаяніемъ писалъ къ Плетневу: «Прекратите дѣло. Я вижу, что не судьба моему творенію явиться теперь. Да къ тому прошло и время. Я

умѣю покориться. Я попробую еще выносить нужду, бѣдность, терпѣть...» Однако, вслѣдъ за тѣмъ, онъ получилъ уведомленіе, что его рукопись имѣетъ быть одобрена къ печати, и дѣйствительно 9 марта 1842 г. она была подписана цензоромъ А. В. Никитенко.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Письмо Эдуарда Ундеркилла къ Кардвеллю съ приложеніемъ документовъ, относящихся до современнаго положенія Ямайки *.

Возстаніе въ Ямаикѣ, губернаторъ ея Элръ, какъ извѣстно, приписалъ преимущественно письму Ундеркилла, клеветы и ложныя свѣдѣнія котораго были съ радостію приняты и распространены собраніями баптистовъ въ Ямаикѣ. Ундеркиллъ же съ давнихъ поръ состоитъ секретаремъ мисіонернаго общества баптистовъ въ Лондонѣ, дѣла котораго онъ посвятилъ всю свою дѣятельность какъ физическую, такъ и умственно-правственную. По дѣламъ мисіи, а совсѣмъ не какъ безпокойный агитаторъ, отправился онъ въ половинѣ 50-хъ годовъ въ Ост-Индію, а потомъ съ тою же цѣлью посѣтилъ въ 1859 — 1860 г. и Вест-Индію, и изложилъ результаты своей поѣздки въ своемъ сочиненіи «Общественное и религіозное положеніе Вест-Индіи» (*The West-Indics: their social and religious condition*), имѣвшемъ въ свое время немалый успѣхъ. Преимущественно онъ обратилъ въ немъ свое вниманіе на островъ Ямайку, по той причинѣ, что мисіи баптистовъ имѣютъ здѣсь особенный успѣхъ, встрѣчая большое сочувствіе со стороны негровъ. Баптисты составляютъ союзъ, имѣютъ въ Ямаикѣ 73 общины, въ которыхъ числятся почти 20,000 дѣйствительныхъ членовъ (*church members*), и около 10,000 учениковъ въ своихъ воскресныхъ и рабочихъ школахъ. Члены по преимуществу принадлежатъ къ лицамъ рабочаго класса. Кромѣ того на островѣ находятся баптисты, неприналежащіе къ этому союзу, такъ что къ епископальной церкви, на которую правленіе острова ежегодно расходуетъ около 45,000 фунт. стерлинговъ, принадлежитъ не болѣе одной восьмой всего народонаселенія.

Неблагопріятныя извѣстія, приходившія изъ Ямайки съ каждою почтою, побудили Ундеркилла написать въ началѣ 1865 года къ

* A LETTER ADDRESSED TO THE Right. Hon. E. Cardwell, with illustrative documents on the condition of Jamaica and on explanatory Statement. By Edward Bean Underhill. London. 1865.

Кардвелю, министру колоній, письмо, въ которомъ, обращая его вниманіе на печальное положеніе острова и указывая на необходимыя преобразованія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ, между прочимъ, назначить особую слѣдственную комиссію, какъ для изслѣдованія причинъ безпокойства, такъ и для пріисканія мѣръ къ ихъ устраненію. Кардвелъ препроводилъ письмо это къ Эйру, губернатору острова, который циркулярно разослалъ его въ различныя начальствующимъ и духовнымъ лицамъ острова, предлагая имъ доставить необходимыя объясненія. Содержаніе письма Ундерхилля, которое встрѣтило большое сочувствіе въ жителяхъ, заключается въ слѣдующемъ. Засуха 1863—64 годовъ не составляетъ истинную причину бѣдственнаго положенія рабочаго класса въ Ямайкѣ; корни его бьются гораздо глубже. По мнѣнію автора, невыгодное положеніе цвѣтнаго населенія въ *политическомъ* отношеніи имѣетъ несравненно большее на это вліаніе. Ямайка представила намъ нѣчто совершенно противоположное пошлому аргументу, приводимому нерѣдко противъ освобожденія негровъ, что они еще не созрѣли. Не черные, а бѣлые на островѣ оказались несозрѣвшими для освобожденія. Несмотря на отпущенное имъ вознагражденіе въ 20 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ, бѣлые оказались неспособными перенести послѣдствія освобожденія негровъ, потому что не хотѣли даже вовсе ихъ переносить. Бѣлые, числомъ около 40,000, имѣя въ рукахъ своихъ все управленіе страны, старались всѣми мѣрами о томъ, чтобы черное народонаселеніе, почти вдесятеро большее, не могло воспользоваться результатами освобожденія. Они стали выписывать изъ другихъ странъ рабочія руки, отличавшіяся отъ рабскихъ только по имени. Привезены были кўли, китайцы и африканцы, а расходъ по ихъ переселенію, простиравшійся почти до 3 миліоновъ рублей, былъ принятъ на счетъ страны. Другими словами, подати, собиравшіяся съ трудовой копейки только что освобожденнаго цвѣтнаго населенія, расходовались на то, чтобы составить ему конкуренцію и ввергнуть въ бѣдственное положеніе свободный трудъ. Этимъ путемъ систематически понижена была заработная плата, такъ что она теперь на 25—50 процентовъ *ниже* существовавшей прежде. Но, несмотря на это, плантаторы не въ состояніи были соперничать по выдѣлкѣ сахара съ американскими владѣніями, гдѣ оставалось еще въ силѣ рабство, тѣмъ болѣе, что въ Англіи въ то время установлена была одинаковая ввозная пошлина на сахаръ, какъ иностранныхъ такъ и англійскихъ колоній. Поэтому многіе плантаторы прекратили свое производство или значительно уменьшили его размѣры. Вмѣсто воденной платы, введена была задѣльная, причемъ увеличили мѣру труда безъ соотвѣтственнаго увеличенія вознагражденія еще на 30 — 40 процентовъ (такъ, напримѣръ, увеличили размѣры котловъ и горшковъ на сахарныхъ фабрикахъ). Рабочая плата выплачивалась неисправно; покровительство же судебной власти было дорого и очень медленно. Земля отдавалась въ наймъ на

очень короткіе сроки, на полгода только, чрезъ что невозможна была тщательная обработка и воздѣлываніе многихъ цѣнныхъ растений, какъ, напримѣръ, кофе. Кромѣ того обложены были пошлиною всѣ рабочія животныя, рабочіе экипажи и притомъ у цѣстныхъ въ большемъ размѣрѣ, нежели у плантаторовъ. Пошлины эти предназначались на устройство и исправное содержаніе дорогъ, которыми плантаторы пользовались (а слѣдовательно и портилы) въ большей гораздо мѣрѣ, нежели только что освобожденные негры. Сверхъ того собирали еще особый дорожный сборъ, хотя къ улучшенію дорогъ и не приступали. Но самый сильный ропотъ вызывали привозныя пошлины, которыми были обложены съѣстные припасы и хлопчатобумажныя издѣлія, что заставляло цѣстное населеніе ходить почти безъ одежды. Не имѣя приличной одежды, эти лица не посѣщали церквей и не посылали дѣтей своихъ въ школу. Въ отношеніи общественнаго призрѣнія и воспитанія бѣдныхъ, а также сиротъ и незаконнорожденныхъ, принимались мѣры крайне недостаточныя; число же сиротъ, замѣтимъ кстати, здѣсь очень значительно, по той причинѣ, что холера и оспа, свирѣпствовавшия въ Ямайкѣ съ 1850 до 1861 годъ, причинили необычайно сильную смертность.

Всеобщее обѣднѣніе сопровождалось здѣсь, какъ и вездѣ, упадкомъ нравственности и увеличеніемъ числа преступленій, въ числѣ которыхъ нарушеніе правъ собственности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Ко всему этому должно присоединить еще то обстоятельство, что всякое вліяніе цѣстныхъ жителей на управленіе, законодательство и выборы было по возможности отстранено. Это ясно изъ того факта, что осуществленіе закономъ предоставленнаго права избирать, хотя бы то должностныхъ лицъ общины, было обложено особою податью, составляющею 10 шиллинговъ ежегодно. Участіе въ выборахъ чрезъ это значительно уменьшилось, потому что многія изъ лицъ, имѣвшихъ полное на это право, не могли уплатить подобной подати. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что при общемъ народонаселеніи въ 441,264 души, въ 1861 году было только 2,455 избирателей, а въ слѣдующемъ затѣмъ году только 2,022.

Поэтому, при такомъ плачевномъ управленіи островомъ со стороны меньшинства, находящагося въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, и при отсутствіи законно-возможныхъ средствъ и способовъ къ отстраненію недостатковъ въ различныхъ отрасляхъ общественнаго управленія, возстаніе негровъ было бы нисколько неудивительно. Но мы его и не видимъ даже, встрѣчая со стороны всѣхъ негровъ и въ особенности Гордона, столь несправедливо казненнаго, одни только справедливыя заявленія и основательныя указанія злоупотребленій. Губернаторъ Эйръ долженъ еще доказать даже, что возстаніе вообще готовилось, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ результатовъ посланной въ Ямайку комиссіи, а также составленнаго ею соображенія для улучшенія, хотя бы и въ будущемъ, положенія этого острова. Удержимъ съ своей стороны предла-

гасть уменьшеніе податей и равномерное ихъ распределеніе между жителями, уничтоженіе ввозныхъ пошлинъ на земледѣльческія орудія и предметы первой необходимости, поощреніе производительности страны, образованіе самостоятельнаго земледѣльческаго класса и т. д.

Король и народъ острововъ Фиджи. *Сочиненіе миссіонера Ватерхоуза, содержащее біографію короля острова Такомбау и замѣтки о фиджанцахъ, ихъ нравахъ, обычаяхъ и предразсудкахъ во времена, предшествовавшія введенію на трезъ островахъ христіанства.*

Острова Фиджи составляютъ крайнюю группу южной Полинезіи и уступлены, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Великобританіи посредствомъ содѣйствія г. Притчарда. Открыты лѣтъ 200 назадъ голландскимъ мореплавателемъ Тасманомъ, острова эти не были посѣщаемы европейцами до начала нынѣшняго столѣтія, когда корабли изъ Маниллы стали заходить сюда за сандаловымъ деревомъ и морскими улитками, находящими себѣ сильный сбытъ въ Китаѣ. Нѣсколько европейскихъ торговцевъ и бѣглыхъ матросовъ основали понемногу небольшую келовію и подготовили путь миссіонерамъ, появившимся на островахъ уже нѣсколько лѣтъ спустя. Въ этомъ случаѣ распространеніе христіанства не предшествовало торговлѣ, а послѣдовало за нею, причемъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ тѣхъ частяхъ двухъ большихъ острововъ, въ которыя не проникли купцы, мы и по настоящее время не встрѣчаемъ миссіонеровъ. Факты эти, незадеживающіе особаго вниманія въ отношеніи другихъ мѣстъ, вывѣютъ немало значенія относительно острововъ Фиджи, потому что подали поводъ къ ожесточенной полемикѣ между консулами этихъ мѣстъ и миссіонерами, которые, имѣя притязаніе на то, чтобы ихъ считали единственными благодѣтелями туземцевъ, неоднократно писали уже о всѣхъ улучшеніяхъ какъ въ нравственномъ, такъ и матеріальномъ отношеніяхъ, сдѣланныхъ туземцами, благодаря ихъ вліянію. Постыженнымъ нападеніямъ со стороны миссіонеровъ повтому подвергся не только первый на этихъ островахъ иностранный консулъ (сѣверо-американскій) Вилліамсъ, предоставившій миссіонерамъ вселенцамъ тѣ обширныя пространства земли, которыми они въ этихъ мѣстахъ владѣли, но и англійскій консулъ Притчардъ, полезная дѣятельность котораго едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Какъ извѣстно, онъ первый заставилъ туземцевъ принять въ употребленію рядъ нравовъ, запрещавшихъ людоедство,

---

* This King and people of Fiji containing a life of Thakombau with notices of the Fijians, their manners, customs and superstitions, previous to the great religious reformation in 1854. By the Rev. Joseph Waterhouse, for fourteen years a missionary in Fiji.

дѣтубійство и множество другихъ преступленій, за совершеніе которыхъ опредѣлены были наказанія, уничтожилъ торговлю невольниками, производившуюся между нѣкоторыми островами, положилъ конецъ междоусобнымъ войнамъ дикарей, распредѣлилъ между иностранцами и туземцами владѣніе землею правильно и безобидно для вѣждой страны, ввелъ между колонистами и мѣстными жителями воздѣлываніе хлопка, и облегчилъ разведеніе значительныхъ стада овецъ. Мѣрами этими онъ болѣе чѣмъ кто либо, далъ сильный толчокъ развитію благосостоянія этой страны. Но по проискамъ и интригамъ миссіонеровъ, надъ Притчардомъ было назначено слѣдствіе за превышеніе власти и различныя злоупотребленія, вслѣдствіе чего онъ и былъ удаленъ съ острова, не получивъ возможности оправдаться предъ судьями ни въ отечествѣ своемъ, ни на островѣ Фиджи.

Представляя читателямъ подробную картину дѣятельности миссіона, съ точки зрѣнія, свойственной миссіонеру, Ватерхоузу сообщается также свѣдѣнія, нелюбимыя занимательности, о нравахъ и обычаяхъ туземцевъ, а также о характерѣ короля ихъ, Такомбау, оказывавшаго ему покровительство.

Отпаденіе Нидерландовъ. Сочиненіе Хольцварта. Томъ первый. Начало революціи. 1559 по 1566 годъ.

Отпаденіе Нидерландовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ эпизодовъ исторіи, научная разработка которыхъ представляется до крайности затруднительною по причинѣ обилія и разнообразія относящихся до нихъ матеріаловъ. Если при изложеніи историческихъ явленій временъ очень отдаленныхъ, историку приходится развивать ходъ событій при помощи недостаточныхъ свѣдѣній и краткихъ замѣчаній, то для историка нидерландской революціи главная задача состоитъ въ томъ, чтобы изъ массы историческихъ матеріаловъ выбрать наиболѣе точныя, вполне согласныя съ дѣйствительнымъ ходомъ событій и его характеромъ. Подобнаго рода попытки не разъ проявлялись въ иностранныхъ литературахъ, причемъ обнаружился три точки зрѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ по преимуществу разсматривалось это великое событіе новой исторіи.

Прежде всего встрѣчаемъ мы національную точку зрѣнія въ сочиненіи Юста, который въ борьбѣ за независимость видитъ съ самаго начала борьбу за національность, хотя должно замѣтить, это послѣднее развилось лишь впоследствии изъ стремленій аристократовъ. Американецъ Мотлей смотритъ на отпаденіе Нидерландовъ исключительно съ точки зрѣнія республиканца, а потому взглядъ его на событія, положеніе дѣлъ и дѣйствующихъ лицъ нѣсколько односторонній, хотя тѣмъ не менѣе сочиненіе его

* *Der Abfall der Niederlande. Von F. Holzwarth. Erster Band genesis der Revolution 1559 bis 1566.*

«The Rise of the Dutch Republik» имѣеть значительныя достоинства. Въ сочиненіи своемъ «Вильгельмъ I, Оранскій», историкъ Клозь не могъ освободиться отъ пристрастія, поражаемаго религиозными убѣжденіями, которое и заставляетъ его придавать слишкомъ большое значеніе и вліяніе на означенное событіе стремленію нидерландцевъ въ религиозной свободѣ. Исслѣдованія же Гашара и Коха отличаются по преимуществу роялистически-католическимъ направленіемъ, мѣстами до того преувеличеннымъ, что безпристрастіе въ сужденіяхъ этихъ исслѣдователей совершенно утрачивается.

Все вышесказанное заставляетъ насъ обратить особенное вниманіе на недавно вышедшее сочиненіе Хольцварта, который, при общерной начитанности и близкомъ знакомствѣ съ избраннымъ предметомъ, отличается именно отсутствіемъ недостатковъ, уменьшающихъ достоинства исслѣдованій вышеупомянутыхъ нами авторовъ.

Хольцвартъ согласенъ вполне съ Кохомъ въ томъ важномъ фактѣ, что возстаніе Нидерландовъ въ самомъ началѣ своемъ было дѣломъ не народа, а исключительно дворянства, но онъ значительно уменьшаетъ предѣлы цѣлей, достиженія которыхъ сначала дворянство домогалось. Онъ считаетъ несомнѣннымъ, что высшее дворянство составило оппозицію правительству не съ яснымъ, заранее опредѣленнымъ намѣреніемъ отдѣлать Нидерланды отъ испанскаго престола или отторгнуть ихъ отъ католической церкви, а съ цѣлю достигъ охраненія своихъ дворянскихъ правъ и привилегій. Но какъ скоро попытка дворянъ не имѣла успѣха, а неспособная королевская власть не казнила ихъ въ первую же минуту неповиновенія, они стали приступать къ самымъ опаснымъ нападеніямъ, которыя становились все отвязнѣе и многозначительнѣе, по мѣрѣ того, какъ королевская власть все болѣе и болѣе выказывалась какою-то тѣнью, а не дѣйствительностью, только обѣщала и угрожала, а между тѣмъ до безконечности медлила какимъ нибудь рѣшительнымъ дѣйствіемъ, и ни одного изъ нихъ не выполняло съ надлежащею энергіею. Народъ подстрекался къ неудовольствіямъ, во что бы то ни стало, а какъ религиозный вопросъ представляется самымъ могущественнымъ средствомъ чтобы возбудить умъ и смутить совѣсть, то и незамедлили раздуть пламя религиознаго раздора въ странѣ. Съ этой минуты примрненіе и уступки сдѣлались невозможными, какъ со стороны короля, такъ и со стороны Нидерландовъ. Эти послѣдніе должны были или вернуться къ врежнему повиновенію и покорности, или съ оружіемъ въ рукахъ противиться королевской власти. Вильгельмъ Оранскій избралъ послѣднее, и въ лагерь его устремилась вся нація. Побудылъ же ее къ этому самъ король, назначивъ правителемъ страны герцога Албу. Принявъ въ основаніе своихъ сужденій о сущности и развитіи нидерландской революціи единственно одну только неумолимую логику событій, Хольцвартъ этимъ самымъ получаетъ возможность пред-

ставить читателямъ наиболѣ выдающіяся въ этомъ событіи личности исключительно лишь посредствомъ историческихъ матеріаловъ и документовъ, вслѣдствіе чего отстраняется вліяніе какихъ бы то ни было предразсудковъ и предвзятыхъ идей. Поэтому онъ не соглашается съ мнѣніемъ лицъ, считающихъ Вильгельма Оранскаго, главу аристократовъ, не чѣмъ инымъ, какъ высокоумнымъ и честолюбивымъ аристократомъ, дѣйствовавшимъ исключительно только изъ эгоистическихъ видовъ, который, обремененный долгами вслѣдствіе расточительной своей жизни, домогался пріобрѣтенія государственной власти, для облегченія своего затруднительнаго положенія въ денежномъ отношеніи. При такомъ взглядѣ, національное его стремленіе считается лишь историческою мистификаціею, все отпаденіе страны сводится къ намѣренію Оранскаго основать свою собственную династію, и допускается, что съ самаго начала борьбы, цѣль и результаты гигантской борьбы были вполне опредѣлены и выяснены въ головѣ человѣка, стремившагося съ яснымъ сознаниемъ къ ихъ осуществленію. Подобнаго рода воззрѣнія, конечно, такъ же мало соотвѣтствуютъ дѣйствительной исторіи, какъ и то, которое выставляетъ короля испанскаго какимъ-то демономъ Юга и утверждаетъ, что Вильгельмъ Оранскій и прочіе сановники должны были или противиться приказаніямъ короля, или взмѣнить отечеству и народу.

Отдавая должную справедливость умственнымъ способностямъ и необычнымъ дарованіямъ кардинала Гранвеллы, а также уваженію его предъ законами страны, Хольцвартъ замѣчаетъ, что кардиналъ сдѣлался не только совершенно государственнымъ человѣкомъ, но даже и придворнымъ, что въ вопросѣ объ авторитетѣ церкви, онъ не упустилъ изъ виду людей, которые осуществляли на дѣлѣ этотъ авторитетъ, и что онъ въ отношеніяхъ своихъ къ римскому первосвященнику и его политикѣ, руководился исключительно интересами испанской монархіи. Порядокъ инквизиціи и эдикты противъ еретиковъ, Хольцвартъ предлагаетъ, однако, вопросъ, какъ должно смотрѣть на инквизицію и встаетъ противъ привычки вносить современные намъ взгляды въ сферу временъ отдаленныхъ, и осуждать и проливать прошедшія столѣтія, на томъ основаніи, что воззрѣнія наши измѣнились современемъ. Предварительно приговора объ инквизиціи, онъ замѣчаетъ, что уголовные законы не только того, но даже и позднѣйшаго времени отличались кровавою суровостью, и каждое преступленіе почти наказывалось смертью, безразлично, какъ въ странахъ католическихъ, такъ и протестантскихъ, какъ въ Баваріи, такъ въ Саксоніи и Швеціи. Припомнимъ, что самъ Кальвинъ установилъ учрежденія для религіознаго преслѣдованія, нетрудно убѣдиться, что и распространители новаго ученія не были свободны отъ того фанатизма, который ищетъ себѣ удовлетворенія въ самыхъ ужасныхъ, насильственныхъ мѣрахъ.

Съ чисто-исторической точки зрѣнія весьма важенъ вопросъ,

кто ввелъ инквизицію въ Нидерландахъ? Карлъ V и притомъ за тридцать лѣтъ до этого времени. Въ 1522 году, приказавъ онъ члену брабантскаго совѣта, Францу фон-дер-Хульсту заняться изслѣдованіемъ лицъ, зараженныхъ ученіемъ еретиковъ, и привести ихъ къ суду, причеиъ Хульсту дана была необычайная власть севестровать имѣнія и подвергать пыткамъ. Несмотря на то, что Хульстъ былъ лицо не духовное, а свѣтское, папа Адрианъ сдѣлалъ его, во вниманіе его учености, генерал-инквизиторомъ, и этимъ самымъ образовалась папская инквизиція въ Нидерландахъ. Въ 1546 году Карлъ издалъ подробную инструкцію для инквизиторовъ, и предоставилъ въ ихъ распоряженіе свѣтскихъ чиновниковъ. Какое сильное участіе принималъ Карлъ въ дѣятельности инквизиціи, видно изъ того, что въ 1550 году онъ далъ ей снова инструкцію, которую опять расширилъ въ 1555 году. Онъ требовалъ, чтобы всѣ полицейскія власти безусловно и буквально исполняли всѣ приказанія, возлагаемыя на нихъ инквизиторами, и чтобы епископы собирали подробныя свѣдѣнія о лицахъ, подозрѣваемыхъ въ ереси или имѣющихъ у себя запрещенныя книги, и доносили бы объ этомъ инквизиціи. Филиппъ же просто удержалъ въ силѣ всѣ распоряженія и постановленія отца, такъ что поэтому не можетъ быть и рѣчи о введеніи имъ инквизиціи въ Нидерландахъ.

Необычайный интересъ приобрѣтаетъ сочиненіе нашего автора отъ множества дѣльныхъ и меткихъ замѣчаній объ обстоятельствахъ и событіяхъ, хотя иногда и маловажныхъ, а также тѣхъ тонкихъ психологическихъ анализовъ, которые приводятся съ тѣмъ, чтобы установить сужденіе о какомънибудь замѣчательномъ событіи. Очень удачна также параллель, проведенная между Карломъ V и Филиппомъ II, изъ которой становятся очевидными причины, почему одинъ отваживался на все, тогда какъ другой ни на что не смѣлъ рѣшиться, и почему одинъ сдѣлался любимцемъ Нидерландовъ, тогда какъ другой остался имъ совершенно чуждымъ. Можно ли отрицать глубокую справедливость замѣчанія при этомъ, что люди, несмотря на любовь къ свободѣ и гордое сознаніе своей гражданственности, смотрятъ особенно умилыво на лицъ высоко поставленныхъ, а блестящій видъ мундара и великолѣпіе мантии легко подкупаютъ не одного отважнаго и дерзкаго либерала. Пока люди будутъ находиться подъ вліяніемъ подобнаго рода слабости, качества, какими обладалъ вполнѣ Карлъ V, будутъ имѣть оборотительную силу, а властелинъ, умѣющій обходиться съ своими подданными сообразно ихъ образу мыслей, можетъ быть увѣренъ въ популярности и любви къ нему народа.—Филиппъ II, напротивъ, былъ вовсе не государственный мужъ, а какой-то шпионъ, подсматривавшій изъ своего кабинета за движеніемъ міра, которымъ хотѣлъ управлять посредствомъ депешъ и приказаній; это былъ неспособный человекъ, который старался своею замкнутостью придать себѣ

видъ недосигаемаго для другихъ величія и восполнить мелкими, пустыми средствами то, чего недоставало ему чтобы быть истинно великимъ. Онъ не имѣлъ ни силы воли, ни энергіи, ни того смѣлаго, провицательнаго взгляда, каковымъ обладалъ его отецъ; онъ былъ мелочень въ своихъ воззрѣніяхъ, а нерѣшительность его доходила почти до трусости. Откладывать же постоянно свое рѣшеніе, радоваться тому, что снова выиграно время и оставлять неразрѣшенными самыя важныя и настоятельныя дѣла, п. т. д.— это все составляетъ по преимуществу отличный призванъ слабаго характера; замѣчаніе это подтверждается какъ исторією, такъ и указаніями ежедневной жизни.

Жизнь фельдмаршала графа Нейтгардта Гнейзенау. Сочиненіе Пертца. *Томъ 2-й. Берлинъ, у Реймера. 1865.*

Второй томъ означеннаго сочиненія, заключающій въ себѣ до 724 страницъ, обнимаетъ собою неполныхъ три года жизни Гнейзенау, съ августа 1810 по іюнь 1813 года, которые дѣйствительно представляютъ чрезвычайно важными не только для исторіи человѣка, который является героемъ этой біографіи, но и для общаго политическаго состоянія Европы и всемірной исторіи. Въ эти годы вся Германія, какъ извѣстно, готовилась и наконецъ приступила къ борьбѣ за освобожденіе отъ владычества Наполеона I. Поэтому неудивительно, что въ такомъ обширномъ сочиненіи, каковымъ, судя по вышедшимъ двумъ томамъ, должно быть означенное произведеніе Пертца, біографическій характеръ онаго значительно утрачивается, и что предъ нами является скорѣе специальная исторія того времени, обращающая особенное вниманіе на Гнейзенау, принимая его какъ-бы за центръ, около котораго группируются всѣ событія, нежели собственно жизнеописаніе человѣка, имѣвшаго сильное вліяніе на событія своего времени и находившагося въ сферѣ политическихъ и военныхъ дѣйствій тогдашней Германіи. Сочиненіе это не біографія въ обыкновенномъ значеніи слова, а историческій архивъ, въ которомъ находимъ, несмотря на весьма многое, извѣстное намъ уже объ этой эпохѣ, немало любопытныхъ, новыхъ свѣдѣній, относящихся какъ до общаго хода событій, такъ и отдѣльныхъ личностей. Составляя этотъ архивъ, Пертцъ имѣлъ цѣлю, какъ онъ самъ говоритъ, воздать должное герою и представить нѣмецкому народу всѣхъ временъ достойный подражанія образецъ. Полагая, что событія этихъ годовъ слишкомъ извѣстны, по всей вѣроятности, читателямъ, мы не рѣшаемся передавать ихъ здѣсь ввѣрты; мы замѣтимъ только, что Гнейзенау, какъ нѣмецъ, былъ весьма плохаго мнѣнія о всѣхъ лицахъ, состоявшихъ въ это время въ русской арміи вообще, и не только о природныхъ русскихъ, но даже и о русскихъ нѣмцахъ, каковымъ былъ, на примѣръ, Толъ.

* Das Leben des Feldmarschalls Grafen Neithardt von Gneisenau, von G. Pertz. Zweiter Band. Berlin, bei Reimer. 1866.

Вотъ что говорить объ этомъ послѣднемъ Гнейзенау: 25 апрѣля 1813 я познакомился съ генераломъ Толлемъ, генерал-квартирмейстеромъ русской арміи. Это въ высшей степени *дерзкій* человекъ, съ самыми ничтожными военными познаниями. Онъ совершенно неспособенъ понимать и сочувствовать высшимъ идеямъ (*Für höhere Ideen ist er ganz unempfänglich und unfähig*). Желательно было бы знать, о какихъ это высшихъ идеяхъ довелось Гнейзенау говорить съ Толлемъ въ виду почти непріятельской арміи, и чѣмъ Толль успѣлъ заслужить репутацію дерзгаго? Между тѣмъ Шертцъ приводитъ эти слова Гнейзенау безъ всякихъ со своей стороны опроверженій, и всѣ нѣмцы будутъ увѣрены, что это совершенная правда, потому что это встрѣчается въ сочиненіи извѣстнаго біографа ихъ великаго министра Штейна!

Тотъ этотъ заканчивается подробнымъ изложеніемъ военныхъ дѣйствій въ Германіи въ 1813 году и наступившимъ послѣ нихъ перемиріемъ, которое заключено было вопреки доводамъ и представленіямъ Гнейзенау.

Жизнь Шарнгорста. Сочиненіе Шведера. *Берлинъ. 1865 года*.

Означенное произведеніе Шведера не можетъ быть поставлено наравнѣ съ сочиненіями Шертца о Штейнѣ и Гнейзенау и Дройзена объ Йоркѣ, представляющими новыя богатые матеріалы для исторіи 1-й революціи, періода упадка и возрожденія Германіи, а также войны за освобожденіе, потому что оно не сообщаетъ читателю какихъ либо новыхъ свѣдѣній о самомъ Шарнгорстѣ или матеріаловъ, относящихся до исторіи политической или военной того времени, или хотя бы даже до военного устройства Пруссіи, которыя могли бы быть извлечены изъ бумагъ генерала, какъ извѣстно, возстановившаго вновь прусскую армію послѣ уничтоженія ея при Гепъ и приговорившаго народное ополченіе 1813 года. Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя Шведеромъ, можно встрѣтить въ сочиненіяхъ Арндта, Стеффенса, Клаузевица, Бойена, Мисфлинга, а также Гейзера и Бейцге, которыя служили Шведеру единственными источниками для его сочиненія, имѣющаго исключительный характеръ подробной и тщательно составленной компіляціи, причѣмъ авторъ, какъ онъ самъ говоритъ, не старался поставить характеръ дѣятельности Шарнгорста въ соотношеніе съ стремленіями какой либо изъ двухъ политическихъ частей, борющихся въ современной намъ Пруссіи, что, конечно, было бы возможно. Изъ представляющихся глазамъ нашимъ въ современной намъ Пруссіи политическихъ партій, одна хочетъ отдѣлать совершенно солдата отъ гражданина и сдѣлать его слѣпымъ орудіемъ исполнительной власти, а другая — соединить ихъ по возможности тѣснѣе и объ-

* Сочиненіе въ Л. в. в. Von Schweder, K. preussischen premier Lieutenant. Berlin. 1866.

явить солдата политически-самостоятельнымъ; эти партіи боролись уже и въ 1807 году. Къ которой изъ этихъ двухъ партій принадлежалъ Шарнгорстъ—очевидно. Онъ былъ почти по преимуществу воинъ, который, будучи вѣренъ своему долгу и притомъ монархистъ, а также и патриотъ, исключительно заботился о возстановленіи прусскаго могущества и смотрѣлъ на все единственно съ военной точки зрѣнія, на сколько относящееся прямо до военной части можетъ служить военной цѣли. Основы тѣхъ преобразованій, которыя онъ думалъ совершить въ организаціи войска, сводятся къ слѣдующимъ словамъ: всеобщая военная повинность и чувство національности въ арміи. Ясно сознавая причины, порождающія бездѣйствіе Германіи, онъ успѣлъ преобразовать военное устройство Пруссіи, и оживилъ, на сколько позволяли ему обстоятельства, народный духъ, такъ что и послѣ смерти Шарнгорста народъ прусскій совершилъ подвиги, достойные уваженія. Не вдаваясь въ подробное изложеніе означеннаго преобразованія, мы напомнимъ только читателямъ, что оно состояло во введеніи военной повинности, для всѣхъ равно обязательной. Мысль самая о милиціи была не новая: не только другія государства, но и сама Пруссія имѣла милицію во время семилѣтней войны за баварское наслѣдство. Но заслуга Шарнгорста состоитъ въ томъ, что онъ придалъ ей способность воодушевить національное чувство и поставить въ тѣсное соотношеніе войско и народъ. Въ запискѣ своей о защитѣ страны и учрежденіи національной милиціи, Шарнгорстъ говоритъ: всѣ жители государства—природные его защитники; изъ нихъ наиболѣе бѣдныхъ государство содержитъ на полномъ иждивеніи въ видѣ постоянного войска; болѣе достаточные принимаютъ эти расходы на свой счетъ и отъ 18 до 30 лѣтняго возраста образуютъ резервъ для арміи, цѣль котораго—охранять спокойствіе страны и защищать ее въ случаѣ непріятельскаго вторженія. При передвиженіи по служебнымъ обязанностямъ изъ своего округа милиція получаетъ вознагражденіе отъ государства, начальниковъ же своихъ до чина штаб-офицера милиція выбираетъ сама и т. д. Подобное преобразование едва-ли могло быть осуществлено въ то время; оно вызвало множество возраженій въ Пруссіи, а рѣшительное запрещеніе Наполеона приступить къ подобной реформѣ оставило предположеніе Шарнгорста безъ практическихъ послѣдствій. Но это только на время. Не имѣя возможности явно осуществить свой планъ, имѣвшій цѣлью путемъ системы безсрочно-отпускныхъ солдатъ увеличить военныя силы Пруссіи, Шарнгорстъ и Штейнъ стремились въ этому тайно, въ ожиданіи благоприятныхъ политическихъ обстоятельствъ, которыя позволяли бы Пруссіи съ успѣхомъ взяться за оружіе и освободиться отъ ига Наполеона I. Печальный исходъ вторженія Наполеона въ Россію представился вполне удобнымъ для этого моментомъ. Король прусскій издалъ манифестъ о формированіи охотниковъ для увеличенія числа защитниковъ отечества, и объявилъ войну Франціи. Главнокомандующимъ прусскою арміею

назначенъ былъ Блюхеръ по убѣдительнымъ доводамъ Шарпгорста, принявшаго на себя обязанность начальника штаба саксонской арміи. Въ этомъ званіи принималъ онъ дѣятельное участіе въ упорномъ сраженіи при Гросс-Гёршенѣ, во время котораго былъ раненъ въ ногу, но, несмотря на это, изъявилъ королю свою готовность ѣхать въ Вѣну для заключенія союза съ Австріею, представлявшагося совершенно необходимымъ при тогдашнемъ положеніи дѣлъ. Получивъ уполномочіе, онъ отправился въ Вѣну, но не доѣзжая нѣсколькихъ станцій до австрійской границы, получилъ извѣстіе о бауценскомъ сраженіи, въ которомъ побѣду приписывали с бѣ обѣмъ противникамъ, а также увѣдомленіе Меттерниха пріостановить вѣздъ свой въ Вѣну. Шарпгорстъ остановился въ Иглау, а между тѣмъ состояніе его раны до того ухудшилось, что онъ съ трудомъ вернулся въ Прагу, въ которой и умеръ 28 іюня 1813 года, не доживъ до полнаго осуществленія на дѣлѣ своего искренняго желанія—освобожденія Пруссіи и всей Германіи. Для этого требовалась еще трехднѣвная битва подъ Лейпцигомъ и взятіе Парижа союзными арміями.

Компильціи Шведера читаются очень легко.

НОВЪЯ АНГЛІЙСКІЯ, ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКІЯ КНИГКИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

After the Storm. A Novel. By J. E. H. *Skinner*. (Послѣ бури. Романъ *Скиннера*).

All in the Dark. A Novel. By J. *Sheridan Le-Fanx*. (Все въ темнотѣ. Романъ *Шеридана-Лс-Фаню*).

Calendar of State Papers of the Reign of Charles II. Edited by Mary Ann *Everett Green*. (Резюме государственныхъ бумагъ царствованія Карла II, изданный М. А. Э. *Гринъ*).

Captain Gronow's Last Recollections. (Послѣднія воспоминанія капитана Гроноу).

The Dove in the Eagle's Nest. A Novel. (Голубь въ орлиномъ гнѣздѣ. Романъ).

Epigrams, Ancient and Modern. Edited by John *Booth*. (Древнія и новыя эпиграмы, изданныя Джономъ *Бутомъ*).

Falconer Lyle. A Novel. By Mark *Lemon*.

The Harmonics of Nature; or, the Unity of Creation. By Dr. G. *Hartwig*. (Гармонія природы, или единство творенія, Дж. *Гартвига*).

A History of Architecture in all Countries, from the Earliest Times to the Present Day. By James *Fergusson*. (Исторія архитектуры во всѣхъ странахъ, съ самаго ранняго времени до настоящаго дня, Джемса *Фергюсона*).

A History of the City of Rome, its Structures and Monuments. From its Foundation to the End of the Middle Ages. By Thomas H. *Dyer*. (Исторія Рима, его строенія и памятники. Со времени основанія этого города до конца среднихъ вѣковъ, Т. *Дейера*).

THE HISTORY of the British Empire in India, from the appointment of Lord Hardinge to the Political Extinction of the East India Company, 1844—1862. By Lionel James Trotter. (Исторія британской имперіи въ Индіи, отъ назначенія лорда Гардинджа до отнятія политической власти у ост-индской компаніи, Л. Дж. Троттера).

A HISTORY of Persia, from the beginning of the XIX Century to the Year 1858. By Robert Grant Wilson. (Исторія Персіи, отъ начала XIX столѣтія до 1858 г., Р. Г. Уильсона).

Humorous Poems. By Oliver Wendell Holmes. (Юмористическія поэмы, Оливера Гольмса).

JERUSALEM: its Bishops, its Missionaries etc. By Samuel M'Call. (Герусалимъ: его епископы, мисіонеры и т. д. Самуила Мак-Колла).

THE LADY'S MILE. A Novel. By Miss Braddon.

LIZZIE Lorton of Grey Rigge. A Novel.

MATTINS and Muttons: or, the Beauty of Brighton. A Love Story. By Cuthbert Bede.

MISS Marjoribanks. A Novel.

A NOBLE Life. A Novel. (Благородная жизнь. Романъ).

PAST Celebrities whom I have known. By Cyrus Redding. (Были знаменитости, которыхъ зналъ я. С. Реддинг).

A PICTURE History of England. From the Invasion of Julius Caesar to the Present Time. By H. W. Dulcken. (Живописная исторія Англіи. Отъ нашествія Юлія Цезаря до настоящаго времени, Г. У. Долькена).

RIGHT Foods for Infants and Children. By Herbert Barker. (Настоящая пища для дѣтей, Герберта Баркера).

SOME Effects of the Climate of Italy. By T. K. Chambers. (Нѣкоторыя дѣйствія итальянскаго климата, Т. К. Чэмберса).

THE STORY of Kennett. A Novel. By Bayard Taylor.

THREE Essays on Philosophical Subjects. By Thomas Shedd. (Три опыта о философскихъ предметахъ, Т. Шеддена).

WALTER Blake's Heroine. A Novel. (Героиня Уальтера Блэка. Романъ).

W. S. W. A VOYAGE in that Direction in the West Indies. By Robert Elmes. (З. Ю. З. Путешествіе въ этомъ направленіи по вест-индскимъ островамъ, Роберта Элмеса).

L'ANNÉE scientifique et industrielle, par Louis Figuier. (Ученый и промышленный годъ, Луи Фигиер).

BALZAC Moraliste. Avec une introduction, par Alphonse Pagès. (Бальзакъ моралистъ. Съ предисловіемъ Альфонса Паже).

DE LA CAPACITÉ politique des classes ouvrières, par P. J. Proudhon. (О политической способности рабочихъ классовъ, П. Ж. Пруддона).

SAUVAGES scientifiques, découvertes et inventions, progrès de la science et de l'industrie, par Henri de Parville. (Ученые рассказы, открытія и изобрѣтенія, прогрессъ науки и промышленности, Г. Парвилля).

ÉTUDES économiques, politiques et littéraires, par Alexis de Tocqueville. (Экономическія, политическія и литературныя взгляды, А. Токвилля).

LES FORÇATS pour la foi, par A. Coquerel. (Осужденные за віру, А. Кокереля).

HISTOIRE complète de la grande éruption du Vésuve de 1631, par H. Le Bon. (Полная исторія бо. льшаго изверженія Везувія въ 1631 г., Г. Ле-Бона).

HISTOIRE de la nouvelle France, contenant les navigations, découvertes etc., par Marc *Lescaurbot*. (Исторія новой Франціи, съ описаніемъ мореплаваній, открытій и т. д., Марка *Лескарбо*).

HISTOIRE de la Terreur, 1792—1794, d'après les documents authentiques et des pièces inédites, par Mortimer *Ternaux*. (Исторія терора, 1792—1794, основанная на подлинныхъ документахъ и неизданныхъ рукописяхъ, Мортимера *Терно*).

LES NOUVEAUX de Polignies, par Em. *Berthet*. (Рабочіе въ каменноугольныхъ копяхъ Полиньи, Эм. *Берте*).

LEÇONS sur les propriétés des tissus vivants, par Claude *Bernard*. (Лекціи о свойствахъ живыхъ тканей, Клода *Бернара*).

LETTRÉS inédites de Madame *Swetchine*. (Неизданныя письма г-жи *Свѣтчиной*).

LA MÉDECINE: Histoire et Doctrines, par Ch. *Darèmbert*. (Медицина: ея исторія и доктрины, Ш. *Даранберга*).

LE PEUPLE, par J. *Michelet*. (Народъ, *Мишле*).

SÈGE de Jotapata; épisode de la révolte des juifs (66—70 de notre ère), par Auguste *Parent*. (Осада Иотанаты; эпизодъ изъ возстанія евреевъ (66—70 нашей эры), Огюста *Паранъ*).

LE TALISMAN, par Jules *Janin*.

TRAGÈDE du Seigneur Croquignole, par Ed. *Ourliac*

VOLTAIRE et ses maîtres. Episode de l'histoire des humanités en France, par A. *Pierrot*. (Вольтеръ и его учителя. Эпизодъ изъ исторіи словесныхъ наукъ во Франціи, А. *Пьерона*).

VOYAGE à Vénus, par Achille *Eyraud*. (Путешествіе на планету Венеры, А. *Эйро*).

DER ANTHEIL der Eidgenossen an der europäischen Politik in den Jahren 1512—1516. Ein historischer Versuch, von W. *Gist*. (Участіе швейцарцевъ въ европейской политикѣ въ 1512—1516 годахъ. Историческій опытъ В. *Гиста*).

AUS DEM Tagebuche einer alten Schauspieler's, von Eduard *Genast*. (Изъ дневника стараго актера, Э. *Генаста*).

DER CRIMINALPROCESS Demme—Trämpy. Von Dr. C. *Emmert*.

DENKWÜRDIGKEITEN aus dem Leben des kaiserlichen russischen Generals der Infanterie Karl-Friedrich Grafen von Toll, von Theodor v. *Bernhardi*. (Замѣчательныя черты изъ жизни русскаго генерала Карла-Фридриха графа Толля, Т. *Бернарди*).

DEUTSCHE CLASSIKER des Mittelalters. Herausgegeben von Franz *Pfeiffer*. III Band. (Нѣмецкіе классики среднихъ вѣковъ. Изданіе Фр. *Пфейфера*. III Часть).

GESCHICHTE der böhmischen Reformation in XV-Jahrhundert, von L. *Krummel*. (Исторія богемской реформаци въ XV вѣкѣ, Л. *Крумелла*).

DIE GEGENSATZ der Bewegung im Staatsleben und der Kreislauf der Idee, von Fr. *Rödinger*. (Законы движенія въ государственной жизни и круговоротъ идеи, Фр. *Рёдингера*).

DAS HÖHE Lied Salomonis, von Dr. D. *Sanders*. (Пѣснь гл҃сней Саломона, Д. *Зандерса*).

HUMANITÄT und Christenthum, von H. *Kritzler*.

DER LETZTE Blüthenstrauss von Justinus *Kerner*. (Послѣдній букетъ цвѣтовъ Ю. *Кернера*).

DIE MINERALIEN nach den Krystallsystem geordnet. Ein Leitfaden zum Bestimmen derselben vermittelt ihrer krystallographischen Eigenschaften, von

I. Reinhard *Blum*. (Минералы, расположенные по системѣ кристаллизаціи. Руководство къ ихъ опредѣленію посредствомъ кристаллографическихъ качествъ, I. P. *Блюма*).

Das moderne Kriegrecht der civilisirten Staaten, als Rechtsbuch dargestellt, von Dr. *Bluntschli*. (Новое военное право цивилизованныхъ государствъ, *Блунтли*).

Der Pessimismus und die Ethik Schopenhauers, von Victor *Kih*. (Пессимизмъ и этика Шопенгауера, В. *Ки*).

Saul Augustinus, von Ida Gräfin *Hahn-Hahn*. (Блаженный Августинъ, графиня Иды *Ган-Ганъ*).

Saul. Ein Drama von I. G. *Fischer*.

Die Trichinen. Nach Versuchen ausgeführt von C. I. *Fuchs* und H. A. *Pagenstecher*. (Трихини. По опытамъ *Фухса* и *Паженштехера*).

Vergleichende Psychologie, oder Geschichte der Seele in der Reihenfolge der Thierwelt, von C. *Carus*. (Сравнительная психологія, или исторія души въ послѣдовательныхъ рядахъ животнаго царства, К. *Каруса*).

Wohin? Eine Unterhaltung aus dem neunzehnten Jahrhundert, von Otto *Seemann*. (Куда? Одинъ изъ разговоровъ девятнадцатаго вѣка, Отто *Сеemann*).

Zwei griechische Zauberperugi des Berliner Museums. Herausgegeben und erklärt von G. *Parthey*. (Два греческія волшебныя хартіи берлинскаго музея, изданныя и объясненныя Г. *Партеемъ*).

